

VII ЗМИМНСКИЕ ЧТЕНИЯ

К 100-летию со дня рождения А.А. Зимина

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

Архив РАН

Институт российской истории РАН

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНТИАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Историко-архивный институт

VII ЗМИМНСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Документальный источник в историческом исследовании
и в исследовании по истории науки:
опыт использования, современные проблемы и задачи**

К 100-летию со дня рождения А.А. Зими́на.
Материалы Международной научной конференции

УДК 930.25

ББК 79.3

Д63

Утверждено к печати
Ученым советом Архива Российской академии наук.

Под общей редакцией д. и. н., проф., чл.- корр. РАН В. П. Козлова
Ответственный составитель — к. и. н. И. Н. Ильина

Редакционная коллегия:

Безбородов А. Б., Петров Ю. А., Работкевич А. В., Павленко О. В.,
Мингалев В. С., Козлова Н. А., Ильина И. Н.

Рецензенты:

к. и. н. Е. М. Бурова, к. и. н. О. В. Селиванова

Документальный источник в историческом исследовании и в исследовании по истории науки: опыт использования, современные проблемы и задачи. К 100-летию со дня рождения А. А. Зимина. Материалы Международной научной конференции. Архив РАН-РГГУ // Отв. ред. В. П. Козлов, отв. сост. И. Н. Ильина. — М.: Архив РАН, 2020. 560 с.

В сборник включены тексты докладов участников Международной научной конференции «Документальный источник в историческом исследовании и в исследовании по истории науки: опыт использования, современные проблемы и задачи. К 100-летию со дня рождения А. А. Зимина», организованной Архивом РАН и РГГУ (г. Москва). В них рассматриваются малоизвестные конкретные документальные источники и их виды, новые методы решения традиционных источниковедческих проблем, например, связанных с текстологией списков древнерусских произведений. Найдут здесь читатели малоизвестные и неизвестные факты о жизни и деятельности самого А. А. Зимина, в частности, о составе его библиотеки и архива.

Тексты докладов публикуются в авторской редакции.

Сборник докладов подготовлен в рамках реализации Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 10 «Большие вызовы и научные основы прогнозирования и стратегического планирования», подпрограмма 10.4 «Научные основы развития российского научно-инновационного комплекса в контексте глобальных трансформаций», проект: «Документальное наследие по истории отечественной науки и Академии наук СССР» (руководитель — чл.- корр. РАН В. П. Козлов). Издание книги осуществлено на средства дочери А. А. Зимина — Н. А. Козловой.

© Архив РАН, 2020

© РГГУ, 2020

© Коллектив авторов, 2020

© Н. А. Козлова

ISBN 978-5-6041820-3-1

ОГЛАВЛЕНИЕ

Козлов В. П.

ОТ РЕДАКТОРА	11
--------------------	----

РАЗДЕЛ 1.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.А. ЗИМИНА

Афиани В. Ю.

Научное наследие А.А. Зимина в современном информационном пространстве	15
---	----

Мингалев В. С.

Слово и дело А.А. Зимина: продолжение следует	47
---	----

Козлов В. П.

Некоторые вопросы документального источниковедения в научном наследии А.А. Зимина	84
--	----

Илизаров Б. С.

Об одном выступлении А.А. Зимина	99
--	----

Комочев Н. А.

Документы архива Иосифо-Волоколамского монастыря в трудах А. А. Зимина	111
---	-----

Сидорова Л. А.

Русский феодализм в советской историографии: выступление А.А.Зимина на заседании редколлегии и авторского коллектива IV тома «Очерков истории исторической науки в СССР» 1 декабря 1959 г.	121
--	-----

Козлова Н. А.

Второе обозрение архива А.А. Зимина	130
---	-----

Лукьянова Н. В.

Библиотека А.А. Зимина в ЦГА Московской области	136
---	-----

Соловьев К. А.

Документы РГГУ о научной и педагогической деятельности А.А. Зимина	147
---	-----

РАЗДЕЛ 2.

**ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ.
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ
ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ**

Дурновцев В. И.

Об источниках экологической истории:
опыт ретроспективного анализа 157

Ларин М. В.

О развитии исследований
по истории отечественного делопроизводства 168

Агейчева Т. В.

История документа в научном наследии Н. П. Лихачёва
(концепция исторического источниковедения) 181

Шокарев С. Ю.

Синодики в научном творчестве С. Б. Веселовского 187

Кондорский Б. М.

Феодальная революция в Малой Руси (Украине).
Характер восприятия современными украинскими
историками событий XV-XVII веков 196

Каташев М. С.

Документальная база региональных архивов как источник
изучения экологической истории российских регионов
в 1960–1980-е гг. (на примере Государственного архива
социально-правовой документации Республики Алтай) 206

Ланской Г. Н.

Теоретические и методические проблемы классификации
изобразительных источников в исторических исследованиях 215

Иглесиас Р. Ф.

Формирование и первоначальный состав Тульского уезда:
«дефицит» источников и возможные пути его преодоления 224

Майорова А. С.

Заселение Нижнего Поволжья: источники и их интерпретация
в трудах саратовских историков XIX в. 233

<i>Шпирко С. В.</i> Генеалогическая классификация списков древнерусского произведения «Предсловие покаянию» с применением теории нечетких множеств	242
---	-----

<i>Цыб С. В.</i> «Документальный» подход к изучению агиографического источника	256
--	-----

<i>Моисеев М. В.</i> Русско-турецкие отношения XVI в.: вопросы источниковедения	265
--	-----

<i>Агеева О. Г.</i> Табель о рангах 1722 г. и ранги придворных чинов императорского двора России XVIII в.: источниковедческие аспекты	274
--	-----

РАЗДЕЛ 3.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

<i>Киселев М. Ю.</i> Классификация документов в Архиве Академии наук СССР: к истории вопроса	285
--	-----

<i>Степанян Х. Р.</i> Классификация документов, хранящихся в архивах истории АРФ Дашнакцутюн	297
--	-----

<i>Спичак А. В.</i> Система документации Тобольской духовной консистории при решении «женских» вопросов в XVIII — начале XX вв. (по материалам Государственного архива в г. Тобольске)	301
---	-----

<i>Черникова Н. В.</i> Делопроизводственная и отчетная документация высших органов Российской империи как основание для статистических подсчетов (на примере Государственного совета второй половины XIX в.)	309
--	-----

<i>Козлов О. В.</i> Опросные листы для провинциальных учителей начальной школы (январь 1917 г.) как исторический источник	318
<i>Осипова Н. М.</i> Документальные источники по истории отечественной филологии в Архиве Российской академии наук	328
<i>Ростиславлева Н. В.</i> Феномен гражданского плена в годы Первой мировой войны: проблема репрезентативности документов российских архивов	331
<i>Долгова А. В.</i> Документы пермских архивов в контексте изучения истории Гражданской войны	339
<i>Андреева О. В.</i> Документы бухгалтерского учета как источник по истории издательского дела 1920-х годов	345
<i>Иванов В. А.</i> Фонды Государственного архива Республики Крым (ГАРК) как источник по изучению истории Великой Отечественной войны	352
<i>Ильина И. Н.</i> Письма военных лет из собрания Архива РАН в контексте истории Академии наук СССР (1941–1945 гг.)	360
<i>Косырева Е. В., Тузов К. М.</i> Фронтовые письма Великой Отечественной войны как исторический источник (На примере писем военного переводчика В.С. Галла сокурснику по ИФЛИ В.В. Дорошенко)	377
<i>Зинич М. С.</i> Институт истории СССР в 1943–1945 годы (По документам коллекции Научного архива Института российской истории РАН)	389
<i>Суровцева Н. Г.</i> Архивные документы комиссии по документалистике как источник по истории документоведения	404

Шевельков А. И.
Роль архивных документов в восстановлении
объективной истории аграрной политики государства
в Нечерноземной зоне РСФСР в 1960–1970-е гг. 413

Ромашин И. Е.
Образ историка-архивиста
в советском кинематографе последней трети XX в. 421

РАЗДЕЛ 4.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аверьянов К. А.
Когда был составлен договор Семена Гордого с братьями? 427

Рогожин А. А.
Итальянский трактат «Il Maestro di Camera» Ф. Сестини да Библиена
и его роль в сочинениях князя Б.И. Куракина (1676–1727) 437

Солодкин Я. Г.
«Росписи» администраторов городов и острогов
в старшей редакции Сибирского летописного свода 446

Семенов О. В.
Поверстная книга как источник по истории ямской гоньбы
в Сибири до конца XVII в. 459

Фадеев А. А.
Указ 21 февраля 1697 г. в судебной практике
Московского Судного приказа 467

Комиссаренко А. И.
Миссионерская деятельность
Русской православной церкви в XVIII в. 476

Чекунова А. Е.
Петр I в воспоминаниях участника персидского похода
морского офицера Ф.И. Соймонова 486

Сафонов М. М.
Письмо Ф. Ф. Вадковского 3 декабря 1825 г.
и проблемы изучения декабризма 496

<i>Тихонова А. В.</i> Виды на жительство для иностранцев в Российской империи при Николае I как исторический источник	514
<i>Котельницкий Н. А.</i> Дневник А.А. Половцева как источник по истории земского либерального движения на севере Левобережной Украины (60-80 гг. XIX в.)	524
<i>Слепцова (Кызласова) И. С.</i> Специфика дневников ярославского крестьянина как историко-этнографического источника	535
<i>Рашевский В. В., Рашевская Н. Н.</i> Стихи геологов как источник по повседневной жизни первооткрывателей «Большой нефти» Тюменской области	545

РАЗДЕЛ 5.
MEMORIA

<i>Фаев Ю. В.</i> В радостной надежде	553
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	556

От редактора

Настоящий сборник статей представляет собой доклады и сообщения VII Зиминских чтений, посвященных 100-летию со дня рождения отечественного историка России А. А. Зимина. Конференция памяти ученого должна была состояться 2-3 апреля 2020 г. в рамках очередных Гуманитарных чтений Российского государственного гуманитарного университета, где в течение многих лет в его Историко-архивном институте на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин сначала в качестве доцента, а затем профессора работал А. А. Зимин. В конференции пожелали принять участие более 60 исследователей из России и зарубежных стран. К ее открытию была приурочена выставка трудов А. А. Зимина и его учеников и ее печатный каталог.

Однако в связи с угрозой распространения в городе Москве новой коронавирусной инфекции и мерами по ее предотвращению, объявленными указами мэра Москвы, приказами Минобрнауки РФ и ректора РГГУ, Оргкомитет Международной научной конференции «Документальный источник в историческом исследовании и в исследовании по истории науки: опыт использования, современные проблемы и задачи» вынужден был принять решение перенести проведение конференции на осень-зиму 2020 г. Имевшиеся в распоряжении Оргкомитета средства позволили издать представленные материалы конференции к новому сроку ее проведения.

В число статей настоящего сборника, к сожалению, вошли не все доклады и сообщения, заявленные в программе конференции. Угроза инфекции ограничила возможности работы участников конференции в архивах и библиотеках, некоторые из докладчиков реально перенесли заболевание, а один из них, ученик А. А. Зимина Ю. Д. Рыков оказался в числе жертв коронавируса. Разумеется, все мы, переживая небывалый дотол в истории России фактически карантин, воочию убедились в том, насколько хрупок мир, в котором живет современное человечество. Мир современной жизни, но не история. Она уже состоялась или продолжается.

Условия ее изучения стремительно меняются и, увы, становятся не лучше, чем, скажем, двадцать лет назад. Поэтому не случайно появилась конституционная норма «о защите исторической правды». Один из способов такой защиты — опора в историческом исследовании на подлинные документальные источники и достоверные документальные свидетельства, устанавливаемые общепринятыми принципами и методами их изучения и применения. Именно этим вопросам и предполагалось посвятить конференцию, учитывая огромную роль в научном творчестве Зимина исторических источников и его вклад в их издание и научную разработку.

Цель конференции — рассмотреть опыт использования документальных источников в трудах представителей отечественной исторической науки, особенно в творчестве А. А. Зимина, определить их вклад в развитие теоретического и прикладного документального источниковедения, показать пригодность современных источниковедческих разработок для решения конкретных проблем отечественной и всемирной истории.

Задачи конференции:

оценить вклад А. А. Зимина в разработку проблем отечественной истории, принципов, методов, технологий анализа и публикации документальных источников;

проанализировать существующие классификации документов, документальных систем, документальных источников;

рассмотреть существовавшие в Московском царстве, Российской империи, СССР системы документации, особенности их функционирования, сбережения и репрезентативности в целом и в исследовании конкретных исторических проблем;

выявить факторы, определяющие формирование достоверных и недостоверных сообщений документов, их роль в установлении подлинности и достоверности документальных источников;

показать эффективность и недостатки лингвистического, текстологического, исторического и возможности комплексного анализа документальных источников;

проанализировать совпадающую зону терминосистем документоведения, архивоведения, археографии, документального источниковедения.

Читателю этой книги самому судить, насколько цель и задачи конференции удалось достичь и решить в предлагаемых материалах сборника. Во всяком случае, мы видим здесь обращение к мало изученным документальным источникам и даже их целым видам, предложения новых методов решения традиционных проблем, например, связанных с текстологией списков древнерусских произведений. Найдут здесь читатели малоизвестные и неизвестные факты о жизни и деятельности самого А. А. Зимина, в частности, о составе его библиотеки и архива, а также о судьбе его творческого наследия в современном цифровом пространстве.

В. П. Козлов

РАЗДЕЛ 1

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ
100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А.А. ЗИМИНА

Афиани В. Ю.
РГГУ, Архив РАН

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ А.А. ЗИМИНА В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация: Проведенное исследование отражения в Интернете научного наследия А. А. Зимина, выявило большой комплекс электронных копий типографских изданий трудов историка и разнообразной информации об ученом, размещенных на различных сайтах электронных энциклопедий и справочников, электронных библиотек и др. Анализ комплекса интернет-публикаций позволяет определить труды историка, вызывающие интерес у пользователей. Разнообразная информация, представленная на сайтах, может служить историографическим источником и источником для изучения научного наследия ученых и их восприятия в обществе. На примере публикации электронных копий трудов А. А. Зимина, выявлены многочисленные нарушения законодательства об авторских правах и этики исследователя.

Ключевые слова: историк А. А. Зимин, научное наследие, архивные документы, информационные технологии, электронные копии исторических трудов, Интернет, интернет-публикации, социальные сети, сайты, историография, источниковедение, археография интернет-публикаций, методы исследования, авторское право.

Afiani V. Yu.
RSUH, Archive of the RAS

SCIENTIFICS HERITAGE OF A. A. ZIMIN IN THE MORDERN INFORMATION SPACE

Abstract: The study of the reflection of A. A. Zimin's scientific heritage on the Internet revealed a large complex of electronic copies of printed publications of the historian's works, and various information about the scientist posted on various sites of electronic encyclopedias and reference books, electronic libraries, etc. Analysis of the complex of Internet publications allows you to determine the works of the historian that are of interest to users. Various information presented

on the sites can serve as a historiographical source and a source for studying the scientific heritage of scientists and their perception in society. Using the example of publishing electronic copies of A. A. Zimin's works, numerous violations of copyright law and researcher ethics were identified.

Keywords: historian A. A. Zimin, scientific heritage, archival documents, information technologies, electronic copies of historical works, Internet, Internet publications, social networks, sites, historiography, source studies, Archeography of Internet publications, research methods, copyright.

Как в современной жизни, в XXI в., в веке стремительных изменений окружающего мира, можно и нужно изучать научное наследие ученых прошлого? Какие источники и какие формы исследований соответствуют нашему времени? Что меняется с появлением IT-технологий, Интернета в области историографии и источниковедения? В настоящей статье сделана попытка проанализировать комплект интернет-публикаций об историке А. А. Зимине.

Александр Александрович Зимин (1920-1980) — один из наиболее известных отечественных историков второй половины XX в. Прошло 100 лет со дня его рождения и почти полвека с его кончины — время достаточное для серьезных, взвешенных оценок его научного наследия. Научное наследие ученого велико, только часть его была опубликована при его жизни. С начала 1980-х гг. вышло несколько монографий из неопубликованного наследия ученого¹, отдельные статьи и другие тексты. Значительна по своему объему научная и мемуарная литература, посвященная А. А. Зимину. Продолжаются дискуссии вокруг его трудов, попытки осмысления его вклада в науку, появились и первые историографические обзоры литературы об ученом².

Одним из показателей значимости научного наследия ученого традиционно считаются статьи о нем в энциклопедиях и словарях. Значительная часть их, посвященных А. А. Зимину, размещена в электронных копиях справочников советского периода. С помощью поисковой системы «Яндекс» выявлено около 40 статей в электронных версиях изданий «Большой советской энциклопедии», «Советской исторической энциклопедии», «Большого энциклопедического словаря», «Иллюстрированного энциклопедического словаря», «Большой биографической энциклопедии», «Современной энциклопедии», также и в электронных энциклопедиях — в «Википедии», «Всемирная история», «Православная энциклопедия». Справочные статьи разнообразны по своему объему и содержанию, от чрезвычайно кратких до очень обстоятельных, таких как статья А. Л. Хорошкевич в «Православной энциклопедии»³. В «Википедии» размещена анонимная статья⁴, которая

неоднократно продублирована на различных «родственных» и «подражательных» сайтах — wikiznanie, wiki2. org, wi-ki.ru, wikidark.ru, ru.wikiludia.com, а также на других сайтах, ссылкой или без ссылки на «Википедию». Краткие биографические сведения об историке имеются также на некоторых сайтах, где размещены электронные копии трудов А. А. Зимина.

Спецификой многих интернет-публикаций является их «многомерность» благодаря гиперссылкам, осуществляющим связь с другими сайтами и интернет-публикациями. Так, в статье в «Википедии» помещены также гиперссылки на ряд интернет-публикаций трудов А. А. Зимина и литературы о нем. На сайте «Akademic.ru» (dic.academic)⁵ имеются ссылки на электронные версии разных энциклопедий и справочников со статьями об ученом.

Как отражаются в Интернете монографические исследования и документальные публикации, подготовленные ученым? Поиск информации осуществлялся с помощью поисковой системы «Яндекс», поиск с помощью другой популярной поисковой системы «Google», при некоторых отличиях, дает схожие результаты.

Таблица № 1

Название работы	Публикации в Интернете
И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М. Изд-во АН СССР. 1958	3
Методика издания древнерусских актов/ Отв. ред. Н. В. Устюгов. М. [МГИАИ.] 1959	2
Русские летописи и хронографы конца XV-XVI вв. Учебн. пособие. Отв. ред. А. Ц. Мерзон. М. [МГИАИ]. 1960	0
Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М. Соцэгиз. 1960	33
Законодательные памятники русского государства конца XV — начала XVII вв. Учебн. пособие/ Отв. ред. А. Ц. Мерзон. М. [МГИАИ]. 1961	0
Опричнина Ивана Грозного. М. Мысль. 1964	13
Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М. Мысль. 1972	40

Холопы на Руси (с древнейших времён до конца XV в.). М. Наука. 1973	7
Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV-XVI вв.). М. Наука. 1977	5
Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного / Отв. ред. член-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М. Наука. 1982. — (Из истории нашей Родины)	24
Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории). М. Мысль. 1982	28
В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М. Мысль. 1986	19
Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М. Наука. 1988	28
Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. М.: Мысль. 1991	38
Правда русская. М.: Древлехранилище. 1999.	8
Опричнина. М. Территория. 2001. 2-е изд., исправ. и доп. — (Памятники русской исторической мысли)	15
Слово о полку Игореве. СПб. Дмитрий Буланин. 2006	24

Отсканированные типографские издания трудов А. А. Зимина размещены на сайтах электронных библиотек, книжных порталов и аналогичных им: ЛитВек, ЛитМир, РИДЛИ (ReadLi), ТопЛиба, AvidReaders, en.BookFi, Booksafe, Booksee, BookSheake, CoolLib, Goomer, LifeLib, Padabom, RBook, RuLit, RoyalLib, Publ.Lib (Публичная библиотека (Электронные книжные полки Вадима Ершова и Ко) и др. Работы ученого размещены также на сайте Annales — АО «Интернет-Проекты» компании из СПб. Сайт «Анналы» имеет специальный раздел «Александр Александрович Зимин (1920-1980)»⁶. Здесь размещены тексты: цикл монографий «Россия на пороге Нового времени», другие книги, работы о «Слове о полку Игореве», статьи об А. А. Зимине, «Библиография», материалы 3-х Зиминских чтений. Заключают этот перечень гиперссылки на «Википедию» и энциклопедию «Слово о полку Игореве» (на сайте Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор») ⁷. Доступны для просмотра труды «Витязь на распутье», «Россия на рубеже XV-XVI столетий», «В канун грозных потрясений: предпосылки первой крестьянской войны», «Россия времен Ивана

Грозного», «Правда Русская», «Слово о полку Игореве» (фрагменты книги), вступительная статья Формозова А. А., ранее опубликованная в «Вопросах истории», 1992. № 6-7. Обоснование принципов отбора работ для размещения на этом сайте отсутствует.

Выявлены интернет-публикации 14 работ А. А. Зимина, в общей сложности они размещены 286 раз. В большинстве случаев предоставляется возможность бесплатного чтения или скачивания, есть отдельные сайты, где скачивание можно осуществлять за плату. Как можно интерпретировать эти данные? Во-первых, следует учитывать, что точность их нельзя абсолютизировать. Отдельные сайты, отдельные гиперссылки иногда перестают функционировать. И такие примеры были выявлены в ходе этой работы. С другой стороны, могут появиться новые интернет-публикации и гиперссылки.

Разумеется, по этим данным нельзя судить и о научной значимости того или иного исследования А. А. Зимина. Но они могут служить источником для оценки популярности тех или иных изданий в этой специфической информационной среде, и, в какой-то степени, в научной, а еще больше в широкой читательской среде, в целом. Ожидаемо популярна «Опричнина». Если объединить интернет-публикации первого и второго издания, то получим 28 случаев перепубликации. Но наиболее популярны книги «Россия на пороге нового времени» (40) и «Витязь на распутье» (38), «Реформы Ивана Грозного» (33 публикации). Из неожиданных показателей для автора настоящей статьи стало то обстоятельство, что научно-популярная работа, специально ориентированная на широкого читателя, работа А. А. Зимина и А. И. Хорошкевич о России времени Ивана IV⁸, по числу публикаций существенно отстает от указанных выше трудов, которые можно назвать «лидерами» читательского интереса.

Можно сопоставить число публикаций трудов А. А. Зимина с публикациями других известных историков XX в. Например, «Очерки по истории опричнины» С. Б. Веселовского, изданные после смерти автора в 1963 г., как и его «Ономастикон», вышедший в 1974 г., размещены в Интернете, соответственно, более 10 и 20 раз. Выявлено около 20 перепубликаций «Древнерусских городов» М. Н. Тихомирова (2-е изд. 1956 г.), около 15 — «Россия в XVI столетии» (1962). Книги Б. А. Рыбакова о язычестве славян и Древней Руси имеют около 60 перепубликаций, «Ремесло Древней Руси» — около 40. И для сравнения — около 50 перепубликаций различных изданий «Курса русской истории» В. О. Ключевского.

Еще раз нужно повторить, что приводимые цифры нельзя считать абсолютно точными, при разных методах поиска они могут несколько отличаться. Но в целом, по нашему мнению, дают достаточно репрезентивное представление о степени интереса к тем или иным работам, того или иного историка.

На ряде сайтов есть дополнительная разнообразная информация которая может служить источником для определения степени популярности представленной книги. Это индикаторы, например, в форме пяти звездочек, которые фиксируют положительные отзывы, иногда с указанием числа проголосовавших, разделы, где указываются суммарные оценки пользователей, комментарии и т.п.

На сайте LiveLib книга «Витязь на распутье» получила оценку 4,1 из 5. Пользователь AndrejPermyakov585 написал: «Дивная книга: в течение всего повествования автор пишет вещи или классические, или ставшие классикой благодаря ему. Пишет, опираясь на документы. В частности, показывает, что Юрий Звенигородский не менее Василия поучаствовал в последней легитимизации власти Орды, съездив туда за ярлыком и ярлык не получив. И про то, сколь мало отличались от московских Калитичей, скажем, тверские князья, столь же любившие, к примеру, пограбить Новгород. И про отморозенность Василия Косого пишет. И про то, что первым довольно массовые казни начал всё-таки не Василий Тёмный, а Дмитрий Шемяка. А на последних страницах вывод: дескать, перенос центра из Москвы на Север, в сторону Галича, пошёл бы во благо. Право, странно чуть. И, заметим, противоречит более ранним книгам того же автора, посвящённым временам Ивана Грозного и более поздним. В частности, в августе 1427-го года независимость Московии была под тягчайшей угрозой — Софья Витовтовна «передалась» под покровительство отца, т. е. литовская династия становилась наследником московского стола. Спасло лишь некоронование и последующая смерть Витовта. А через 150 лет, в 1572-76 гг. уже Иван Грозный претендовал стать польским королём. Значит, не зря полтора века-то прошли? Но в целом, конечно, уровень обоснованности суждений вызывает очень большое уважение. Так уже не пишут теперь».

Пользователь «Voroshilow», чья рецензия определено лучшая, писал: «Александр Зимин — историк, ныне не издаваемый, к сожалению! Хотя его вклад в историю России — велик! Книга является одной из нескольких работ, посвященных русскому средневековью. А вот данная книга в СССР была выпущена тиражом аж в 100 000 экземпляров! Сегодня даже Толстой и Достоевский ни одной типографией и в помине о таких тиражах не мечтают. 5-10 тыс. это сверх хорошо! Впечатления о книге и об авторе остались противоречивыми. Конечно же, легко отметить, что книга читается тяжело. Но ведь легко читаются только анекдоты да любовные романы, если вы взялись за историческую монографию, вы, собственно, должны полагать, на что идёте! Междуусобная война Василия 2 с его дядей и племянниками рассказывается Зиминим в стиле летописи. То есть рассказываются все события на протяжении правления Василия. А событий очень много, причем большинство из них однотипных, неинтересных и незапоминаемых даже для интересующегося историей. Причем сложности

добавляют постоянные старославянские выписки из летописей. Это, наверное, очень хорошо, но читать сложно. Скажем так, мы четко видим научность данного труда, и верить можно каждому слову, ибо в конце книги есть гигантский список первоисточников. Сравнивая это с научпопами Фоменки и Ко, Задорновых и других псевдоисториков, хочется сказать Зимину Спасибо! Этому труду можно точно доверять. О сложности для простого обывателя может сказать вам первая глава, от которой ваш мозг растечется по стенкам: Зимин нам описывает состояние ВСЕХ княжеств начала 15 века. Он последовательно рассказывает о Новгородском княжестве, Рязанском и т.д., причем такие подробности, в необходимость которых для данной книги я вначале просто не мог поверить! Он нам рассказывает о географическом положении, какие реки протекают, какой климат, какие люди жили, какими промыслами было богато княжество. Вот зачем это всё? Но главное — это ооочень нудно, очень скучно и совершенно никак не является завязкой к последующим главам. Однако на протяжении всей книги происходит обычная усобица, коих на Руси было множество. Из стиля: «пошел Василий на Юрия на Звенигород ... А потом пошёл на Юрия в Углич, а потом погнался дальше. Затем, через год, Юрий взял в подмогу новгородцев и пошёл на Василия в Москву. Василий отступил, и Юрий занял престол. Но вскоре умер, и его место попытался занять его сын, но Василий не дремал и отправился в поход на своего брата, тоже Василия на север». И так далее описываются все походы. Довольно однотипно. (Ну вот примерно так — и вот страниц 150 описывается, как, кто и куда ходил, в какой город, за каким братом или племянником, и т.д. и т.д. ... В противовес мне хочется сказать, что в конце книги есть всё же интересная историкографическая глава, так сказать, отношение автора к происходящему. И эти немногие 20 страниц во много раз интереснее всей книги. В противовес Зимину хочется вспомнить гениальные лекции Ключевского по русской истории, в которые нельзя не влюбиться! Ключевский никогда не описывал ход событий. Мол, князь ходил туда то, женился на той то, завоевал то-то и то-то ... Это всё и так можно прочитать. Профессора Ключевского интересовали причины, почему князья переселились во Владимир, почему воевали друг с другом, почему Москва стала возвышаться. И именно это запоминается. А перечисление правлений (как, к примеру, у Карамзина) — Изяслава Святославича и сына его, Святослава Всеславича, и брата его Изяслава вообще Всеславича — ну от этого можно застрелиться, ибо «Святославичей» было так много, что не просто запомнить надолго, а даже на час — невозможно. Мстислав Изяславич Черниговский (который ничего в своё правление не сделал, кроме как воевал с соседними князьями) тут же на следующей странице полностью сотрется из вашей памяти другим Мстиславом Всеволодовичем, который занимался всё тем же самым, но только в Галиче.

Так вот Ключевский пропускает большинство этих «проходных» — славичей и анализирует ситуацию в целом, опираясь и упоминая иногда важнейших деятелей, запомнившихся своими поступками. Вот примерно такое же впечатление от серьёзного труда Зимина. Вроде бы всё интересно, но всё это можно было бы сократить до 50-60 страниц максимум, а то и меньше. Читается невероятно тяжело, а факты многие совсем не нужны. Чего стоит только описание всех княжеств в начале книги, чем каждое княжество занималось, какие города имело и т. д. Кстати, очень интересно было мнение советского историка Зимина, который как раз и опровергает мнение профессора Ключевского. Зимин пишет, что Москва поднялась совсем не из-за того, что находилась внутри Волго-Окского бассейна и была менее доступна врагам, поэтому там, явно улучшалась экономика. Также Зимин считает, что возвышение Москвы совсем не связано с её географическим положением. Ведь согласно тому же Ключевскому, Москва находилась на хорошем речном торговом пути в бассейн Оки из верхневолжья через Волок Ламский. А вот Зимин эту версию отрицает ... И вот это небольшое историкографическое размышление, на мой взгляд, интереснее всей книги, и имеет смысл для обычного мещанина, который не связан никак и наукой ... Итог — читать можно, но не стесняясь пролистывать абзацы и страницы, в которых нет ценной для вас информации. Это точно не будет развлекательным чтивом. Как минимум в ближайшее время я вряд ли возьму в руки книгу Зимина, но обязательно обращусь к нему когда-нибудь позже, такие труды современные историки просто никогда не напишут! Но призываю всех не забывать свою историю и обязательно читать Зимина! Хотя бы это и было сопряжено с некоторыми сложностями. К слову сказать, сейчас в процессе чтения Ивана 3 Николая Борисова. Думал, что книга про Ивана 3, а оказалось, что почти 1/3 книги вновь про междусобицу внуков Донского — опять Василий 2 против Юрия Галицкого, Василия Косого и Димы Щемаки. Сначала расстроился, что, мол, опять то же самое. А оказалось, что всего за вечер прочитал весь раздел. И Автор, Николай Борисов, в разделе с источниками указывает аж 5 книг Зимина. Поэтому могу смело порекомендовать: сначала прочитайте Ивана 3 от Николая Борисова, а уж потом, если вы почувствуете себя историком от Бога, — то приступайте к Зимину!»

AndrejPermyakov585 о книге «В канун грозных потрясений»: «Хронологически это последняя из книг А. А. Зимина о русской истории XV-XVI веков, а по времени написания — очень даже не последняя. Последней была «Витязь на распутье», рассказывающая как раз о начальных этапах московской гегемонии. Более того, внимательно читая «В канун грозных потрясений», можно худо-бедно понять логику рецензентов, не допуская книгу Зимина к печати — у него ж все основные труды вышли посмертно. Так вот: формально книга

завершается венчанием на царство Бориса Годунова. То есть, до обещанных в заголовке бедствий остаётся ещё довольно много времени. А пока всё хорошо: негативные последствия Ливонской войны худо-бедно нивелированы, с Польшей мир, в Смоленске возвели огромную крепость, с остальными соседями, особенно с восточными, тоже всё в порядке, англичан лишили монополии на зарубежную торговлю, но мягонько: они даже не обиделись. Экономический кризис, возникший к концу правления Ивана Грозного, вроде, преодолен. Кстати, о Грозном Зимин пишет более-менее с пиететом, отмечая его заслуги и ругая, по сути, только за проигранную по трусости ту самую Ливонскую войну. Потому что вокруг тоже были не ангелы. Полубезумный шведский король Эрик XIV запятнал себя не меньшим количеством убийств, чем Грозный. Французский король Карл IX участвовал в беспощадной резне протестантов в Варфоломеевскую ночь 24 августа 1572 г., под покровом которой была уничтожена добрая половина французской аристократии. Испанский король Филипп II с удовольствием присутствовал на бесконечных аутодафе на площадях Вальядолида, где ежегодно сжигалось по 20-30 представителей наиболее родовитой испанской знати. Папа не уступал светским властителям Европы.

Ещё важный момент: Годунов, не будучи Рюриковичем, а происходя то ли из татар, то ли из средних масштабов боярства, получил одобрение всех, так сказать, слоёв общества, что было закреплено решением Собора. А важность такого решения отмечал даже, опять-таки, Иван Грозный: В январе 1576 г. Грозный говорил английскому гонцу Сильвестру: «Мы не настолько отказались от царства, чтобы нам нельзя было, когда будет угодно, вновь принять сан». Ведь Симеон «еще не утверждён обрядом венчания и назначен не по народному избранию, а по нашему соизволению» А ещё за предшествующее царствование Феодора, когда правил, фактически, Годунов, упало значение Думы с боярами и возвысилось значение приказов с дьяками. То есть, довольно профессиональных по тем временам министерств. Ещё заложили два десятка городов, осваивали Сибирь и вообще были молодцами. Короче, всё шло по плану. Однако, как мы знаем, дальше всё стало очень плохо и вплоть до фактической потери государственной независимости. Почему так? Ну, вот А. А. Зимин на этот вопрос и отвечает. Заметим, отвечает в своей обычной манере, сочетая подробный, но доступный неспециалисту анализ документов и внятные выводы. Например, обычай Годунова не казнить противников массово и на Москве, а тихо давить их, предварительно сослав, поодиночке, конечно, гуманен, но такие вот его порядки и послужили поводом к обвинению в убийстве царевича Дмитрия. Ибо стиль реально похож. Отсюда и самозванство. О гибели царевича Зимин тоже однозначного вывода не делает, хотя и аккуратно, где-то со счётом 51:49 склоняется всё ж к версии про убийство. Опять-таки,

на основании допросных заповедей и донесений иностранцев. Или вот момент с введением крепостного права. Отмену Юрьева дня и прочие перемены вводили аккуратно, как временные меры. Дескать, экономику стабилизируем — всё опять станет хорошо. Параллельно, кстати, стимулировали переселение крестьян в Сибирь. И параллельно же — увеличивали срок сыска беглых. Народ от всего этого тихо изумлялся и бежал на Дон и в прочие хорошие места, создавая предпосылки для поддержки грядущих оккупантов. И как только случилось два голодных года подряд, сразу и полыхнуло.

Вообще, благодаря манере Зимина, обращаешь внимания на разные тонкости, исчезающие у тех авторов, кто претендует сразу на глобальные выводы, без анализа частностей. А тут вот замечаешь и что такое «туман войны». Не в компьютерной игрушке, а в реальности: это мы через 500 лет, имея доступ ко всей документации, более-менее можем получить картинку. А тогда боевые действия выглядели как драка слепых в тёмной комнате. Зато при появлении людей действительно серьёзных всё очень сильно менялось. Возник Стефан Баторий — и Польша наших победила. Словом, категорически замечательная книжка. Как и вся пенталогия Зимина. Из неё становится относительно ясным, как так получилось: в августе 1427-го года Московия, фактически, попала в опеку литовского князя Витовта и перспективы были мрачными, а через 140 лет уже Иван Грозный серьёзно претендовал на польский престол. Бывает»

Пользователь «borodobrey» написал рецензию о книге «Витязь на распутье» под названием: «Аккуратный научпоп». «Из положительных сторон книги: + Зимин, автор, был плодовитым медиевистом, доктором исторических наук + поэтому много ссылок на первоисточники и научные труды (смотреть я их, конечно, не стал, однако приятно, что они есть) + написана на простом, научно-популярном языке с неназойливыми вкраплениями метафор и прочих украшений из ЕГЭ по литературе + к последней, итоговой главе пробивается авторский тон, презабавный и местами слегка насмешливый: Например, про митрополита Иону он пишет так: О митрополите Ионе и говорить-то много не стоит. Он думал о спасении своей грешной жизни не меньше, наверно, чем о вечном блаженстве. Причины тому были. Ведь Иона — типичный самозванец, утвердившийся на митрополичьем престоле лишь с помощью великого князя, без санкции разгневанного непослушанием константинопольского патриарха. Последнему хлопот хватало. Тем не менее, у книги есть значительные недостатки: Во-первых, некоторые цитаты из летописей вставлены в текст прямо так, без перевода с древнерусского. Причем цитаты вставлены не в дополнение, а как бы вместо куска на русском литературном, поэтому иногда нельзя понять, что там на самом деле произошло. Во-вторых, иногда у него, автора, мысль скачет, и он посреди главы начинает рассказывать совершенно о другом, никак

не сгладив переход. Ну, и мелкое: изредка он все же использует без объяснения термины, которые я, например, со школы не вспомню. Еще, там в первой главе обширно и пространно описывается география региона, без карты под рукой и с постыдными познаниями школьной географии воспринимать трудно. (Кто там к кому подступил? Почему взятие города N.N. важно?)

ИТОГ: Если слушать Историю Карамзина в качестве аудиокниги с прелестным диктором, то волей-неволей, а почувствуешь некоторый возвышенный пафос. А тут — как бы, дальний знакомый, страстный студент истфака, за легким алкоголем тебе истории травит Но травит грамотно и складно, потому можно прочитать за раз — книга короткая. Читать интересно вместе с каким-то другим курсом».

Пользователь «RinVogel» в рецензии «Коротко о главном» о книге «Россия времени Ивана Грозного» писал: «Вообще, мало рецензий на книги, ориентированные на реальное изучение истории. Только вопрос уже не ставится, а было ли так на самом деле? Нет, никто толком не знает, а это более менее достоверные труды, которые сейчас служат фундаментом исторического образования. Если человек интересуется подробностями, с указаниями на источники (то, откуда авторы добывали инфу) все есть, можно потом почитать московские грамоты и повеситься. Поверьте, читать старорусский такое себе удовольствие. Априори не люблю авторов, которых навязывают читать. К сожалению, здесь не только Зимин, но и Л. Толстой (если понимаете, о чем я). Так вот, книга вообще информативная, бомбезная. Зимин иногда повествует с иронией и черным юмором, лишь иногда. Много профессиональной информации: политика государства, реформы, положение крестьян, опричнина. Автор собрал мнения других исследователей, чтобы выразить плюрализм и дать почву для размышлений другим. В книге можно почерпнуть не только сухие данные, но и какие-то курьёзы, чтобы блеснуть умом. Ведь не только по ТВ-3 умеют страсти рассказывать, но здесь хотя бы достоверно обосновано».

Есть только один критический комментарий, под ником «Snowtrooper», весьма субъективный: «Самая тяготящая и скучная книга, прочитанная мною за последний год, просто жуть. Уж на что я историк и собиратель научных монографий, но тут стиль А. А. Зимина меня выключал в любое время дня уже через пару страниц, в результате книгу, объемом в 200 страниц (остальное ссылки и сокращения) я читал больше недели. Тема-то заявлена интересная — феодальная война в России в середине XV века. Это там, где внуки Дмитрия Донского и родители Ивана III схлестнулись в жестком противостоянии. По времени совпадает с войной Алой и Белой розы в Англии, но если последняя у нас более-менее на слуху, то об отечественной, я уверен, никто и не слышал. А между тем, события там происходили интересные: формирование единого государства, установление

крепостного права, утрата вольностей Новгорода ... всё очень любопытно для любителя истории. Но вот в представленной научной работе всё подано скучно и безвкусно. Полностью согласен с данной рецензией — постоянные вставки из летописей на старорусском языке и бесконечные ссылки. Ссылки понятно, куда ж без них в монографии, но вот с первым пунктом я смириться не смог. В результате книгу читал вполглаза и частенько приходилось перечитывать абзац, так как задремал и не уловил в чем там суть была.

Да, и вот про ссылки. Обычно я такие монографии читаю с двумя закладками: увидел ссылку в тексте, сразу же открыл в конце и ознакомился. Тут я не смог и прочитывал все примечания разом после окончания главы. А еще знаете как сложно прочитать и понять вот такой текст. Так, духовную Василия I в 1423 г. подписало всего шестеро бояр: Юрий Патрикеевич, Иван Дмитриевич (Всеволожский), Михаил Андреевич, Иван Федорович, Михаил Федорович, Федор Иванович. Сколько имён вы насчитали? И такие картины с именами-отчествами князей, княжат, бояр и детей боярских по всей книге. Поймите меня правильно, я преклоняюсь перед трудом маститого историка и глубиной изученного им вопроса, но оценку даю исключительно как рядовой читатель. Увы, но как любитель исторических процессов, я не почерпнул в прочитанной монографии ничего. P.S. А ведь эту книгу я специально оставлял в печатном издании, уж больно тема была любопытная и заманчивая. Реальность всегда разочаровывает»⁹.

На том же сайте имеется еще один раздел для оценок читателей: «Истории». Здесь помещена рецензия Inku на книгу «Слово о полку Игореве», оцененную на 4 звезды из 5: «Двухсотлетние разговоры о датировке «Слова...» закончены, но самый известный диспут об этом сам по себе поучительная история. Начиналось все академически-невинно. В 1963 г. историк-медиевист Зимин заинтересовался темой, провел текстологический анализ и пришел к выводу, что «Слово» — фальсификация XVIII века, написанная архимандритом Иоилем как «призыв к присоединению Крыма». Сделал доклад в Пушкинском доме, потом изложил свою теорию на бумаге, монография была напечатана в 100 экземплярах, разослана для ознакомления профильным историкам и лингвистам, которые и о(б)судили ее на специальном трехдневном заседании в Академии наук. Казалось бы, нормальная научная дискуссия. Если бы — с привычной слоновьей грацией — не вмешались некомпетентные компетентные органы. Поскольку новая датировка фактически лишала нас средневековой светской литературы (это когда в Европе вовсю печатались романы!), книга Зимина в советское время так и не вышла, а сам он в глазах приличных людей (с) стал рыцарем в блистающих доспехах, который пал в борьбе за истину. Когда книга наконец была опубликована в 2006 году, отзывы на нее были пропитаны пафосным «рукописи не горят», а основной гонитель академик Лихачев был стараниями учеников Зимина пригвозжден к позорному столбу.

А теперь подробности. На публикацию книги в 1964 году действительно был наложен запрет — вопреки протестам Лихачева и других оппонентов Зимина (документальные подтверждения сохранились). При этом, учтя, в частности, критику своей теории на пресловутом заседании Академии, Зимин много лет, до самой смерти перерабатывал и дополнял книгу. Параллельно он опубликовал множество других работ, в том числе двенадцать статей о своей датировке «Слова». Мало того, Лихачев и позже хлопотал о публикации — хотя бы в формате «первый том — теория, второй — ее критика». Зимин в конце концов отказался. А для пущего колорита — вот как Зимин вел научную дискуссию (выдержка из стенограммы заседания): Прим.: Упоминаемый в речи Андре Мазон — французский славист, который тоже сомневался в подлинности «Слова». За полной историей и ссылками на архивные документы — сюда. К чему я все это? Да как обычно — дьявол в деталях и никому нельзя верить. Проверять нужно»¹⁰.

Но, думается, что эти комментарии — рецензии в большей степени характеризуют их авторов, чем труды А. А. Зимина, хотя и дают некоторый материал о читательском восприятии.

Есть информация и о числе просмотров этих рецензий от 33 до 532, и об одобрении (символьном) рецензий, о числе их скачиваний. Критическую рецензию просмотрели 408, а одобрили 16 пользователей. А рецензию AndrejPermyakov585 просмотрело 532 пользователя, одобрило 4, скачал рецензию 1 пользователь. На большинстве сайтов отзывы, тем более такие развернутые, отсутствуют, а число голосовавших читателей невелико — от 1 до 4 человек, поэтому можно рассматривать эти сведения не слишком представительными. На сайтах может быть также использованы другие индикаторы для выражения пользователями своего отношения к книге: «оценки», «комментарии». Но на многих сайтах разделы оценки, комментария есть, но информация отсутствует, например, на сайте ЛитВек. На сайте ЛитМир — только 2 комментария, один пользователь оценил «Опричнину» на 9 баллов из 10, три других пользователя оценили книгу «Слово о полку Игореве» на 7 баллов.

Более интересны сведения о числе просмотров и скачиваний текста, имеющиеся на ряде сайтов. На сайте электронной библиотеки «ReadLi» зафиксированы просмотры — «Витязь на распутье» — 1145 просмотра, «Опричнина» 1-е изд. — 466, 2-е изд. — 231, общее — 697, «Слово о полку Игореве» — 633, «Россия времени Ивана Грозного» — 412, «Реформы Ивана Грозного» — 333 просмотра. По этим данным «лидер» читательского интереса «Витязь на распутье», «Опричнина» на втором месте. И хотя очевиден значительный интерес к трудам историка, ни один пользователь не скачал какую-либо из книг в свою электронную библиотеку.

На сайте LiveLib напротив, есть информации о числе скачиваний текста. Здесь лидер также «Витязь на распутье» — 453. На втором месте — «Слово о полку

Игоре́ве» — 179, затем «Россия времени Ивана Грозного» — 142, «Реформы Ивана Грозного» — 116, «Опричина», 1-е изд. — 4, 2-е изд. — 102, общее — 106, «Россия на пороге Нового времени» — 98, «Россия на рубеже XV-XVI столетий» — 72, «В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России» — 66, «Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в.» — 5.

Но по данным другой электронной библиотеке «Podabum» лидер числа скачиваний — «Реформы Ивана Грозного» — 452. На втором месте «Россия времени Ивана Грозного» — 331, затем «Россия на рубеже XV-XVI столетий» — 262, «Опричина» (представлена только в одном издании 2001 г.) — 254, «Слово о полку Игоре́ве» — 230, «Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в.» — 209 скачиваний. На этом сайте имеется также раздел «Рейтинг», обозначенный цветной шкалой, которую, к сожалению, трудно понять.

Данные на этих сайтах вполне можно рассматривать как репрезентативные. Данные сайта «Readli» в целом соответствуют данным таблицы № 1. И там, и там, наибольшей популярностью пользуются «Опричина» и «Витязь на распутье». На сайте LiveLib лидер также «Витязь на распутье». На сайте «Podabum», как видим, самой популярной книгой стала «Реформы Ивана Грозного». Возможно, такие разные данные связаны с различной читательской аудиторией у этих двух сайтов.

На сайте RuLit есть возможность сортировки книг автора «по дате загрузки», «по названию», «по популярности», «по рейтингу», но какие основания есть для ранжирования книг, не указывается. Здесь на первом месте по популярности «Опричина», затем «Реформы Ивана Грозного» и «Россия на рубеже XV-XVI столетий». По рейтингу на первом месте «Россия времени Ивана Грозного», затем «Витязь на распутье» и «Россия на рубеже XV-XVI столетий».

На сайте КулЛиб (CooLib) предоставляется уникальный, подробный лингвистический анализ 9 книг А. А. Зими́на¹¹. На первое место по популярности поставлен «Витязь на распутье», а «Опричина» — на последнем месте.

При всей разноречивости этих данных, тем не менее, можно сделать вывод о наибольшей популярности у пользователей «Витязя на распутье», «Опричины», «Реформ Ивана Грозного». Можно предположить, что имеющие отличия связаны с различиями в составе аудитории пользователей того или иного сайта.

Среди интернет-публикаций есть также ряд статей и документальных публикаций А. А. Зими́на¹², и исследования ему посвященные, в т. ч. диссертационные¹³.

Еще одним несомненным свидетельством сохраняющегося интереса у исследователей к научному наследию, к жизни и деятельности ученого, является

публикация его архивного наследия, воспоминаний о нем¹⁴. Архив А. А. Зими-на передан в Архив РАН и находится в процессе научного описания. В таких случаях, как правило, археографам приходится ждать завершения этой работы. Но в печати и в Интернете появился ряд публикаций из архивного наследия историка, его переписки¹⁵, воспоминаний о нем.

Прежде всего, опубликована работа А. А. Зими-на мемуарного характера — «Храм науки», в составе сборника «Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в.». Издание осуществлено А. Л. Хорошкевич под редакцией С. М. Каштанова тульским издательством «Аквариус»¹⁶, место издания указано — Москва. О возникающих вопросах правового и этического характера в связи с публикацией этой книги¹⁷, будет сказано ниже. Несмотря на то, что «Храм науки» — книга Зими-на, опубликованная самой последней, эта работа, как и весь сборник, стал активно размещаться на разных сайтах. И те-перь, вопросы правового характера должны были возникнуть у издательства. Сборник размещен на сайтах электронных библиотек: Litmy¹⁸, Fr-Lib¹⁹, Pro-21²⁰, цифровой библиотеки бесплатных и заемных книг, фильмов и музыки Internet Archive²¹, «Предсказать судьбу»²², «Электронные книги»²³ и издательства «Па-мятники исторической мысли»²⁴. В этой компании оказалось и государственное учреждение — Институт славяноведения РАН²⁵. Фрагменты книги размещены на сайте научно-просветительного журнала «Скепсис»²⁶.

Правомерность самой публикации воспоминаний, а с другой стороны, их содержание, резкость оценок жизни и деятельности многих известных исто-риков, вызвали оживленную дискуссию, также отразившуюся в Интернете и в социальных сетях.

В Интернете стали появляться и другие материалы из архива А. А. Зими-на. Гиперссылки в статье об А. А. Зимине в «Википедии» указывают на публи-кации документов на других сайтах. В последний раз статья в «Википедии» редактировалась 11 апреля 2020 г., тем не менее выясняется, что остались неработающие гиперссылки на публикации на сайт под названием «Обо всем интересном». По ссылке, здесь должны быть размещены такие работы А. А. Зи-мина как «Воспоминания о семье», «Размышления», «Недодуманные мыс-ли»²⁷. Но при попытке их открытия возникает сообщение об ошибке: «404 Not Found». Это ответ веб-сервера, обозначающий, что сервер не смог найти никакой информации по этому запросу. На сайте размещены другие публика-ции об ученом в разделе «Архивы» рубрики «Памяти А. А. Зими-на, истори-ка»²⁸. Это интернет-публикации, точнее перепубликации, с сайта «Историче-ский блог А. Л. Хорошкевич»: «Памяти А. А. Зими-на. Вступление» (размещена 27 февраля 2012 г.), «Феномен Зими-на или подранок Октября» (размещена 15 мар-та 2012 г.)²⁸, «А. А. Зимин. Статья А. А. Формозова»²⁹ (размещена 23 марта 2012 г.),

«А. И. Копанев. «Зиминский сборник» 1978-1982 гг. и А. А. Зимин»³⁰, (размещена 23 марта 2012 г.), «А. А. Зимин. Воспоминания Кимы Межовой»³¹ (две части, размещены 2-3 апреля 2012 г.). К первой публикации — «Памяти А. А. Зимина. Вступление», предпослано предисловие администратора: «Это новая публикация А. Л. Хорошкевич, коллеги и единомышленницы А. А. Зимина. Кто занимался когда-нибудь историей России, тот знает его работы. Статья написана по материалам личного архива А. Л. Хорошкевич...»³². На сайте, кстати сказать, также имеется рубрика «Статьи А. Л. Хорошкевич», в которой в 2013 г. было размещено несколько статей этой исследовательницы.

В «Историческом блоге А. Л. Хорошкевич» А. А. Зимину посвящен раздел «Памяти А. А. Зимина. Вступление»³³, размещены и документальные публикации работ А. А. Зимина «Ах! Эти женщины!»³⁴ — небольшой статьи о роли отдельных женщин в истории России конца XIX-XX вв., опубликованы «Путевые заметки [1958 г.] ученого»³⁵, «Этот удивительный мир книг»³⁶, а также стихи А. А. Зимина, посвященные первой жене А. В. Новской, фрагмент ее дневника под заголовком «Он в истории дома» (1938 г.). На сайте имеется техническая информация о том кто и когда размещал, изменял и удалял публикации на этом сайте. Эта информация и позволила отождествить администраторов «Обо всем интересном» и «Исторического блога А. Л. Хорошкевич». Им оказалось одно и то же лицо — В. К. Шахбазова, занимающаяся также генеалогией Хорошкевичей. Публикации подготовлены неквалифицированно. Часть работ А. А. Зимина, видимо, имеет черновой характер, трудный для чтения. Этим можно объяснить ряд пропусков в тексте, обозначенных многоточием. Но каких-либо объяснений, почему сделаны эти пропуски, не опубликовано.

Нельзя не остановиться на юридических и этических аспектах проблемы издания и переиздания трудов ученых и их архивных документов. Часть интернет-публикаций, анализирующихся в настоящей статье, очевидно, нарушает действующее законодательство и в отношении авторских прав, и в отношении издательских прав. Самое яркое свидетельство этих нарушений — издание «Храма науки», коллегами А. А. Зимина, известными историками. Попытки как-то обосновать эту публикацию втайне от дочери, наследницы всех прав на научное наследие А. А. Зимина, представляются неубедительными³⁷. Но самое печальное, это та поддержка пиратской публикации «Храма науки», которую публично высказал ряд исследователей, в т. ч. специально занимавшихся изучением научного наследия А. А. Зимина, в дискуссии по этому вопросу³⁸. Еще больше вопросов возникает в отношении публикации документов из архива А. А. Зимина, которые почему-то относятся к архиву А. Л. Хорошкевич, включая, например, документы давно умершей первой жены историка А. В. Новской и адресованных к ней. В публикациях нет никакой информации:

когда и при каких обстоятельствах эти документы из личного архива А. А. Зимины могли попасть к А. Л. Хорошкевич и почему часть из них была опубликована без какого-либо разрешения дочери историка. Можно предположить, что это связано с тем, что они попали к А. Л. Хорошкевич незаконно. Вероятно, этим можно объяснить действия администратора сайта то размещавшей, то удалявшей некоторые работы А. А. Зимины, а 6 ноября 2015 г. окончательно были удалены «Воспоминания о семье», «Размышления», «Недодуманные недоразмышления»³⁹. Нарушения авторских и иных прав широко распространены в Интернете и попытки бороться с этим явлением больших успехов не имеют. И если не будет поддержки научного сообщества, эти нарушения будут только умножаться.

Информация о жизни и деятельности А. А. Зимины представлена в разных формах: в статьях в энциклопедиях и справочниках, в форме исследовательских и публицистических статей, рецензиях на изданные труды, электронными копиями монографий, документальных публикаций и исследовательских статей, неизданных работ и архивных документов, а также на генеалогических сайтах и о происхождении фамилий.

В тоже время можно отметить отсутствие документальных публикаций изобразительных документов об А. А. Зимине, несмотря на развитие в последние десятилетия пионерской инициативы главного редактора журнала «Исторический архив» А. А. Чернобаева, ставшего систематически публиковать в журнале иконографию историков, а затем издавать специальные тематические сборники⁴⁰. В некоторых интернет-публикациях помещены фотографии ученого. В «Википедии» фотография 1970-х гг. помещена с ссылкой на сайт⁴¹, который в настоящее время не работает. Эта фотография «кочует» из одной статьи в другую, без ссылок на источник. К статье В. В. Тихонова также помещена фотография Зимины раннего периода, видимо из личного дела, но без ссылки на источник. Лишь в статье в «Православной энциклопедии» размещена фотография 1954 г. почему-то со ссылкой на Государственную публичную историческую библиотеку.

В литературе справедливо отмечается, что издание трудов А. А. Зимины в постсоветский период «сделало их объектом историографического анализа в условиях, когда стали кардинально меняться теоретические и концептуальные подходы к истории»⁴². Научное наследие историков начало рассматриваться с иных методологических позиций исторических исследований, чем марксистская, «главным образом в аспекте общественной жизни их эпохи, и делалось это в ущерб анализу их основных трудов»⁴³. Увлечение социальной историей науки, взаимоотношений власти и науки, роли идеологии в научных исследованиях, а также историей повседневности, быта, в т. ч. в жизни научного сообщества, —

очевидный тренд последних десятилетий. К этому прибавляется политизация исторических исследований, смешивание исторических исследований с публицистикой. В фокусе многих оценок научного наследия А. А. Зимина на протяжении десятилетий остается его работа о «Слове о полку Игореве», можно сказать, иной раз «затеняющая» у специалистов его другие фундаментальные труды, которые нуждаются в серьезном изучении.

Значимость научного наследия ученого определяется, прежде всего, востребованностью его трудов, его концепций, его идей. Одни труды получают широкую известность у современников, но быстро становятся историографическим фактом, другие, по разным причинам доходят до читателя многие годы спустя, но неизбежно интерес к ним сохраняется только у специалистов. Наиболее выдающиеся труды не остаются в прошлом, становятся классическими памятниками научной и общественно-исторической мысли, культуры. Разные судьбы ждут труды историков в научном, информационном, социокультурном пространстве. «*Habent sua fata libelli*» — «Книги имеют свою судьбу», это крылатое выражение стало бессмертным, в отличие от своего автора римского грамматика Теренциана Мавра, имя и трактат которого помнят только немногие специалисты. Менее известно продолжение этого изречения: «смотря по тому, как их принимает читатель». Но не все зависит от читателя, к нему еще книга должна попасть. А на этом пути ей встречается множество препятствий, — коллеги, издатели, власти ... А сегодня и определенные технические сложности в полноценном овладении информационными технологиями.

Информационное пространство нельзя рассматривать как нейтральную среду для публикаций. Она обладает своими определенными качествами, формирующими корпус интернет-публикаций, оказывающими влияние на состав и содержание публикаций, на форму их подачи. Эти качества очень близки традиционной журналистике, с ее нацеленностью, с одной стороны, на обеспечение потребностей читателя в актуальной информации, а, с другой, для журналистики характерна повышенная публицистичность. Журналистика, помноженная на информационные технологии, — эффективное средство формирования общественного мнения, общественного сознания, историко-культурной памяти общества. Это особенно ярко проявляется в общественно-политической журналистике, но оказывает влияние и на специальную, профессиональную журналистику, в особенности, гуманитарную. Специфика современной интернет-журналистики еще и в том, что она предоставляет возможность любому пользователю размещать информацию в Интернете и социальных сетях, без громоздкого и сложного оборудования и без прохождения различных стадий по редактированию и утверждению, которые могли бы оказывать влияние на содержание и направленность публикаций. В Интернете журналистика ин-

дивидуализировалась. Часть интернет-сайтов и блогов получила официальный статус СМИ, другие не получают этого статуса, но это не меняет содержания их деятельности. В одних случаях интернет-журналисты, авторы сообщений в Интернете становятся первоисточниками информации, в других они осуществляют масштабную «информационную поддержку» публикациям и изданиям в традиционной сфере или в Интернете. И это тоже может служить источником для исследователя.

Какие можно сделать выводы в результате проведенного исследования? Научное наследие А. А. Зимина и сегодня продолжает привлекать внимание не только специалистов, но и достаточно широкий круг читателей, пользователей. Но на данный период интернет-публикации могут служить в большей степени источником для изучения читательского интереса к трудам ученого, включенности его научного наследия в современное социо-культурное и историческое пространство, чем историографическим источником. Интернет-публикации позволяют выявить, к каким трудам в данный период проявляется больше интереса, к каким меньше, какие оценки высказывает непрофессиональная аудитория. Интернет-публикации предоставляют исследователю много информации, которая носит косвенный характер, и требует разработки методов исследования и интерпретации полученных данных. В целом очевидны большие перспективы историографических, источниковедческих и археографических исследований в Интернете.

Хочется надеяться, что наряду с расширением круга интернет-публикаций научного наследия ученых, будут сохраняться традиции глубоких, объективных историографических исследований научного наследия историков прошлого, в т. ч. такого масштабного наследия как у А. А. Зимина.

¹ *Зимин А. А., Хорошкевич А. Л.* Россия времени Ивана Грозного / Отв. ред. член-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М.: Наука, 1982. 185 с. — (Из истории нашей Родины); Зимин А. А. Россия на рубеже XV-XVI столетий (очерки социально-политической истории). М., 1982; *он же*. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М.: Мысль, 1986. — 336 с.; *он же*. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М.: Наука, 1988. — 352 с.; *он же*. Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. — 288 с.; *он же*. Правда Русская. М.: Древлехранилище, 1999. — 421 с.; *он же*. Слово о полку Игореве. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. — 516 с.; *он же*. Храм науки (размышления о прожитом) // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в. / Сост. А. Л. Хорошкевич. М., Аквариус. 2015. С. 35-384.

² *Шишкин И. Г.* Жизнь и творчество А. А. Зимина в современной историографии // Известия Уральского гос. ун-та. 2007. № 52. С. 306-319; Одесский М. П. А. А. Зимин в современном гуманитарном знании // Историк в России: между прошлым и будущим: ст. и воспоминания: [90-летию со дня рождения Александра Александровича Зимина посвящается] / Рос. гос. гуманитарный ун-т. М.: РГГУ, 2012. С. 42-46.

³ Хорошкевич А. Л. А. А. Зимин // Православная энциклопедия — URL: <http://www.pravenc.ru/text/199799.html> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

⁴ Зимин Александр Александрович // Википедия. Свободная энциклопедия — URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D0%BD_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D0%BD_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87) (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

⁵ Зимин А. А. // Akademic.ru — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/105766> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный; Зимин А. А. // Akademic.ru — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/161963/Зимин> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

⁶ Александр Александрович Зимин (1920-1980) // Сайт «Анналы» — URL: <http://annales.info/rus/zimin/zimin.htm> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

Перечислены книги входящие в цикл: «Витязь на распутье: феодальная война в России XV в.», «Россия на рубеже XV-XVI столетий» (с указанием авторского названия — «Возрожденная Россия»), «Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.)» (авторское название — «Россия на подъеме»), «Реформы Ивана Грозного (Очерки социально-экономической и политической истории России XVI в.)» (авторское название — «Избранная Рада»), «Опричнина Ивана Грозного» (авторское название — «Опричнина»), «В канун грозных потрясений: предпосылки первой крестьянской войны» (авторское название — «Путь к власти»). В разделе «Другие книги» перечислены: «Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV-XVI в.)», «Пересветов И. С. и его современники», «Правда Русская» (с рецензией Ю. Г. Алексеева (Вопросы истории. 2001. № 8), «Россия времени Ивана Грозного» (В соавторстве с А. Л. Хорошкевич), «Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в.» (с рецензией: Алефа Г. в «Вопросах истории» (1990. № 7), «Холопы на Руси». В разделе «Работы о «Слове о полку Игореве» размещены: «Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве» (Вопросы истории. 1964. № 9) и «Слово о полку Игореве» (фрагменты книги). (Вступительная статья Формозова А. А.) (Вопросы истории. 1992 № 6-7). В разделе «Статьи» — помещена только работа «Новые списки «Хождения» Афанасия Никитина // Труды отдела древнерусской литературы института русской литературы. (1957. Т. XIII. С. 437-439). В разделе «Статьи об А. А. Зимине» — Каштанов С. М. Александрович Зимин (1920-1980) // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981 (С. 357-358); Панеях В. М. Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии А. А. Зимина // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. (Сб. XIV. С. 58-89); *Он же*. Об издании научного наследия А. А. Зимина // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 187-188.

⁷ Энциклопедия «Слово о полку Игореве» // сайт Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» — URL: <http://feb-web.ru/feb/slovens/es/es2/es2-2221.htm> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

⁸ Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного / Отв. ред. член-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М. Наука. 1982. — (Из истории нашей Родины).

⁹ *AndrejPermyakov585*. Книга из числа основополагающих. Рец. на кн.: Зимин А. А. Витязь а распутье — URL: (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный; *Voroshilow*. Путь читателя тернист как путь витязя. Рец. на кн.: Зимин А. А. Витязь на распутье — URL: https://www.livelib.ru/book/1000586488-vityaz-na-raspute-a-a-zimin?utm_source=livelib&utm_campaign=viewed&utm_medium=bottom&utm_content=book (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный; *AndrejPermyakov585*. Рец. на кн.: Зимин А. А. В канун грозных потрясений

— URL: (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный; *Borodobrey*. Аккуратный на-учпоп. Рец. на кн.: Зимин А. А. Витязь на распутье

— URL: (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный; *RinVogel*. Коротко о главном. Рец. на кн.: Зимин А. А. Россия времени Ивана Грозного

— URL: (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный; *Snowtrooper*. Рец. на кн. Зимин А. А. Витязь на распустье

— URL: <https://www.livelib.ru/author/199505/reviews-aleksandr-zimin> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

¹⁰ *Inku*. Рец. на кн.: Зимин А. А. Слово о полку Игореве — URL.: <https://www.livelib.ru/author/199505/stories-aleksandr-zimin> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

¹¹ Лингвистический анализ: Россия времени Ивана Грозного (Александр Зимин)// КулЛиб (CooLib) — URL.: <https://coollib.net|b|109240/1a> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

¹² *Зимин А. А.* К истории восстания Болотникова// Исторические записки. 1947. Т. 24. С. 353-385. — URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1600-1620/Bolotnikov/Dok1/frameset.htm> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный;

Он же. Рец. на кн.: Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466-1472 гг. Под ред. Б. Д. Грекова и В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1948. 228 с. // Вопросы истории. 1948. № 7. С. 140-143 — URL.: http://Annales.info/rus/zimin/rec_nic.htm (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный;

Он же. Краткие летописцы XV-XVI вв. // Исторический архив. М.: Л. 1950. Кн. V. С. 3-39 — URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/xv.htm> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный; *Он же*. Новые списки «Хождения» Афанасия Никитина // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). 1957. Т. XIII. С. 437-439

— URL.: <http://Annales.info/rus/zimin/afanas57.htm> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный; *Он же*. Рец. на кн.: В. И. Малышев. Повесть о Сухане / Из истории русской повести XVII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1956. 223 с. // Известия Академии наук. Отделение литературы и языка. 1957. Т. XVI. Вып. 3. С. 267-269

— URL: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1957/03/573-2672.htm> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный; *Он же*. Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? — ТОДРЛ. М.: Л. 1962. Т. XVIII. С. 305-308

— URL: <http://feb-web.ru/feb/todrl/t18/t18-305.htm> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный; *Он же*. Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 году // Советские архивы. 1970. № 5. С. 69-73

— URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1520-1540/Russkij_vremennik/text1.htm (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный; *Он же*. О методике изучения древнерусского летописания// Известия АН. Отделение литературы и языка. 1974. Т. 33. № 5. С. 454-464

— URL.: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1974/05/745-4542.htm> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный; *Он же*. «Слово о полку Игореве» (фрагменты книги). (Вст. ст. Формозова А. А.) // Вопросы истории. 1992. № 6-7. С. 96-115; [Формозов А. А.] Зимин А. А. (статья А. А. Формозова)// Сайт «Обо всем интересном»

— URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin6/> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

¹³ *Базанов М. А.* Александр Александрович Зимин: биография историка в контексте развития отечественной науки. Дис. к. и. н. 07.00.09. Челябинск. 2014

— URL: https://www.studmed.ru/bazanov-m-a-aleksandr-aleksandrovich-zimin-biografiya-istorika-v-kontekste-razvitiya-otechestvennoy-nauki_d4aa015bc26.html (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный;

— URL: <https://www.academia.edu/8714256/> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный;

— URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005554376/ (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный;

— URL.: <http://www.dslib.net/istorio-grafia/aleksandr-aleksandrovich-zimin-biografija-istorika-v-kontekste-razvitiya.html> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный;

URL: <http://scipeople.ru/publication/120998/> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный;

— URL <https://mydisser.com/ru/catalog/view/747/752/46989.html> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный;

— URL: <https://docplayer.ru/37230628-Bazanov-mihail-aleksandrovich-aleksandr-aleksandrovich-zimin-biografiya-istorika-v-kontekste-razvitiya-otechestvennoy-nauki.html> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный;

— URL: <https://b-ok.cc/book/2799503/bd7c67> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный; *Он же*. Мемуары А. А. Зимины «Храм науки»: картина научной среды и набор ценностных ориентиров автора. Рец.: Зимин А. А. Храм науки (Размышления о прожитом). Москва. 1976 // Историческая экспертиза. 2016. № 4. С. 232-247

— URL: https://istorex.ru/page/bazanov_ma_memuari_aa_zimina_hram_nauki_kartina_nauchnoy_sredi_i_nabor_tsennostnikh_orientirov_avtora (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный;

Он же. К истории дискуссий в советской науке: Обсуждение монографии А. Зимины «Слово о полку Игореве» (4-6 мая 1964) // Вопросы литературы. 2014. № 1. С. 335-349.

¹⁴ *Межова К. Г.* А. А. Зимин. Штрихи к портрету. Воспоминания Кимы Межовой // Сайт «Обо всем интересном» — URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin7/>; <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin7-1> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный; Федосеева А. И. Встречи с А. А. Зиминим // Творческое наследие А. А. Зимины и современная российская историография. Доклады, статьи и воспоминания. Шестые Зиминские чтения. М., 2017. С. 399-410; Козлов В. П. Двенадцать лет рядом с А. А. Зиминим // Там же. С. 410-422 и др.

¹⁵ *Ивина Л. И.* «Работаю, пока есть силы...» А. А. Зимин в его письмах друзьям (Из переписки А. А. Зимины с Л. И. Ивиной и А. Н. Цамутали) // Отечественная история и историческая мысль в России XIX-XX веков. Юбилейный сборник к 75-летию А. Н. Цамутали / Отв. ред. Р. Ш. Канелин. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 147-157; Вовина-Лебедева В. Г. Переписка А. А. Зимины и Я. С. Лурье (1951-1963 гг.) // Историк во времени. Третьи Зиминские чтения. Доклады и сообщения научной конференции. М., 2000. С. 114-120

— URL: <http://annales.info/rus/zimin/zimin3.htm> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный; Из писем Я. С. Лурье А. А. Зимину по поводу датировки «Слова о полку Игореве». Подг. текста Е. И. Вансеевой // Звезда. 2006. № 2. С. 89-104.

¹⁶ *Зимин А. А.* Храм науки (размышления о прожитом) // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в. / Сост. А. Л. Хорошкевич. М. Аквариус. 2015. С. 35-384.

¹⁷ См.: *Козлов В. П.* О некоторых морально-этических вопросах публикации документальных источников по истории России XX в. // Шестые Зиминские чтения: Творческое наследие А. А. Зимины и современная российская историография. М., 2017. С. 123-142.

¹⁸ Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в. / Сост. А. Л. Хорошкевич. М. Аквариус. 2015. — URL: <https://litmy.ru/knigi/history/232765-sudby-tvorcheskogo-naslediya-otechestvennyh-istorikov-vtoroy-poloviny-xx-veka.html> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

¹⁹ Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в. / Сост. А. Л. Хорошкевич. М. Аквариус. 2015. — URL: <https://fr-lib.ru/books/gumanitarnye-nauki/sudby-tvorcheskogo-nasledia-otechestvennykh-istorikov-vtoroi-poloviny-xx-veka-download1269954> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

²⁰ Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в. / Сост. А. Л. Хорошкевич. М. Аквариус. 2015. — URL: <https://pro-21.ru/mir-knig/istoriya/156178-sudby-tvorcheskogo-naslediya-otechestvennyh-istorikov-vtoroy-poloviny-xx-veka-istoriya.html> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

²¹ Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в. / Сост. А. Л. Хорошкевич. М. Аквариус. 2015. — URL: https://archive.org/stream/xram_nauki/xram_nauki_djvu.txt (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

²² Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в. / Сост. А. Л. Хорошкевич. М. Аквариус. 2015. — URL: <https://predskazat-sudbu.ru/132097-sudby-tvorcheskogo-naslediya-otechestvennyh-istorikov-vtoroy-poloviny-xx-veka.html> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

²³ Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в. / Сост. А. Л. Хорошкевич. М. Аквариус. 2015. — URL: <http://huge-library.ru/sudby-tvorcheskogo-naslediya-otechestvennyh-istorikov-vtoroj-poloviny-xx-veka/> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

²⁴ Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в. / Сост. А. Л. Хорошкевич. М. Аквариус. 2015 — URL: https://www.pimbook.su/pimbook.su/Zimin_3.html (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный; Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в. / Сост. А. Л. Хорошкевич. М. Аквариус. 2015 — URL: <https://pimbook.su/search/index.php?q=судьбы+творческого+наследия&s=Поиск> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

²⁵ Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в. / Сост. А. Л. Хорошкевич. М. Аквариус. 2015 — URL: <https://inslav.ru/publication/sudby-tvorcheskogo-naslediya-otechestvennyh-istorikov-vtoroy-poloviny-xx-veka-m-2015>. (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

²⁶ *Зимин А. А.* Фрагменты из книги «Храм науки»: Как я стал историком — URL: https://scepssis.net/library/id_3677.html (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный;

Он же. Несравненный Степан Борисович — URL: https://scepssis.net/library/id_3678.html (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный;

Он же. Сатана там правит бал// — URL: https://scepssis.net/library/id_3679.html (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный;

Он же. Сыны надежды — URL: https://scepssis.net/library/id_3680.html (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный; *Он же.* Созвездие вундеркиндов — URL: https://scepssis.net/library/id_3681.html (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный;

Он же. Терем-теремок на Никольской — URL: https://scepssis.net/library/id_3682.html (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный;

Он же. Посвящение в палладины — URL: https://scepssis.net/library/id_3683.html (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

²⁷ Сайт «Обо всем интересном»

— URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin2/> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный;

— URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin3/> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный;

— URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin3-2/> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

²⁸ *Хорошкевич А. Л.* Феномен Зимина или подранок Октября // Сайт «Обо всем интересном» — URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin3-2/>; <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin4/> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

²⁹ [Формозов А. А.] *Зимин А. А.* (статья А. А. Формозова) // Сайт «Обо всем интересном» — URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin6/> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

³⁰ *Хорошкевич А. Л.* «Зиминский» сборник 1978-1982 гг. и А. И. Копанев // Сайт «Обо всем интересном» — URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin5/> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

³¹ А. А. Зимин. Штрихи к портрету. Воспоминания Кимы Межовой // Сайт «Обо всем интересном» — URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin7/>; <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin7-1/> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

³² *Хорошкевич А. Л.* Памяти А. А. Зимина. Вступление // Сайт «Обо всем интересном» — URL: <http://valeria40.ru/istorija/istorija-pamiati-zimina/page/2/> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

³³ *Хорошкевич А. Л.* Памяти А. А. Зимина. Вступление// Исторический блог А. Л. Хорошкевич — URL: <https://www.sites.google.com/site/istoriceskijblobalhoroskevic/> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

³⁴ *Зимин А. А.* Ах! Эти женщины! // Исторический блог А. Л. Хорошкевич — URL: <https://www.sites.google.com/site/istoriceskijblobalhoroskevic/zimin-a-a-ah-eti-zensiny> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

³⁵ *Зимин А. А.* Путевые заметки [1958 г.] ученого // Исторический блог А. Л. Хорошкевич — URL: <https://www.sites.google.com/site/istoriceskijblobalhoroskevic/zimin-a-a-putevye-zametki-1958-g> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

³⁶ *Зимин А. А.* Этот удивительный мир книг // Исторический блог А. Л. Хорошкевич — URL: <https://www.sites.google.com/site/istoriceskijblobalhoroskevic/zimin-a-a-etot-udivitelnyj-mir-knig> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

³⁷ См. открытое письмо дочери А. А. Зимина Н. А. Зиминной: — URL <http://www.arran.ru/?q=ru/node/602> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

³⁸ См.: *Майорова А. С., Мезин С. А.* [Рец.] Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века // Отечественные архивы. № 1. С. 113-119; Козлов В. П. О нетерпении в освоении документального наследия по истории советской исторической науки // Отечественные архивы. 2016. № 2. С. 134-138 — URL: <http://www.rusarchives.ru/publikacii/otechestvennye-arhivy/1747/o-neterpenii-v-osvoenii-dokumentalnogo-naslediya-po-istorii-sovetskoy-istoricheskoy-nauki> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный;

Соломонов В. А. Некоторые впечатления от знакомства с книгой воспоминаний А. А. Зимина «Храм науки» и откликом на ее публикацию В. П. Козлова// Отечественные архивы. 2016. № 3. С. 134-138 — URL: <http://www.rusarchives.ru/publikacii/otechestvennye-arhivy/1858/nekotorye-vpechatleniya-ot-znakomstva-s-knigoy-vozpominaniy-aa-zimina-hram-nauki-i-otklikom-na-ee-publikaciju-vp-kozlova> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

Базанов М. А. Мемуары А. А. Зимина «Храм науки»: картина научной среды и набор ценностных ориентиров автора. Рец.: Зимин А. А. Храм науки (Размышления о прожитом). Москва. 1976 // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А. Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 35-384 // Историческая экспертиза. 2016. № 4. С. 232-247.

См. также: Историческая экспертиза — URL: https://istorex.ru/page/bazanov_ma_memuari_aa_zimina_hram_nauki_kartina_nauchnoy_sredi_i_nabor_tsennošnih_orientirov_avtora (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный;

Базанов М. А. О «пиратском» издании книги А. А. Зимина «Храм науки»: несколько соображений провинциального историка — URL: https://scepstis.net/library/id_3684.html (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный;

Михаил Ноябрь. Мемуары А. А. Зимина Храм науки картина научной среды — URL: <https://proza.ru/2016/04/03/1218> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный;

Парамонова М. Ю., Сокольская Н. Ф. Бесы и праведники «Храма науки»: мемуары А. А. Зимина// Одиссей. Человек в истории 2015-2016 — Ритуалы и религиозные практики инноваторов во взаимных представлениях. М. 2017. С. 431-466. Обсуждение книги А. А. Зимина «Храм науки» на странице журнала «Скепсис» в социальной сети «В контакте» — URL: https://vk.com/wall-36399069_5000 (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

³⁹ Исторический блог А. Л. Хорошкевич — URL: <https://www.sites.google.com/site/istoriceskijblobalhoroskevic/system/app/pages/recentChanges> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

⁴⁰ *Каишанов С. М., Чернобаев А. А.* Зимин Александр Александрович. 1920-1980// Историки России. Иконография. М. Собрание. 2011. Кн. 2. С. 246-261.

⁴¹ — URL: <http://www.emc.komi.com/02/16/081.htm> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

⁴² *Шишкин И. Г.* Жизнь и творчество А. А. Зимина в современной историографии// Известия Уральского гос. ун-та. 2007. № 52. С. 308. 306-319;

⁴³ *Шишкин И. Г.* Указ. Соч. С. 310.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Базанов М.А.* Александр Александрович Зимин: биография историка в контексте развития отечественной науки. Дис. к. и. н. 07.00.09. Челябинск. 2014.

2. *Вовина-Лебедева В. Г.* Переписка А. А. Зимина и Я. С. Лурье (1951-1963 гг.) // Историк во времени. Третьи Зиминские чтения. Доклады и сообщения научной конференции. М., 2000. С. 114-120.

3. *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М.: Мысль, 1986. — 336 с.

4. *Зимин А. А.* Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. — 288 с.

5. *Зимин А. А.* К истории восстания Болотникова// Исторические записки. 1947. Т. 24. С. 353-385.

6. *Зимин А. А.* Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? // Труды Отдела древнерусской литературы. М.: Л. 1962. Т. XVIII. С. 305-308.

7. *Зимин А. А.* Краткие летописцы XV-XVI вв. // Исторический архив. М.: Л. 1950. Кн. V. С. 3-39

8. *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV-XVI вв.). — М.: Наука, 1977. — 356 с.

9. *Зимин А. А.* Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 году // Советские архивы. 1970. № 5. С. 69-73.

10. *Зимин А. А.* Новые списки «Хождения» Афанасия Никитина // Труды Отдела древнерусской литературы института русской литературы. 1957. Т. XIII. С. 437-439.

11. *Зимин А. А.* О методике изучения древнерусского летописания// Известия АН, Отделение литературы и языка. 1974. Т. 33. № 5. С. 454-464.

12. *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., Изд-во АН СССР. 1958. 498 с.

13. *Зимин А. А.* Правда Русская. М.: Дрвлекхранилище, 1999. — 421 с.

14. *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного (Очерки социально-экономической и политической истории России XVI в.). М., Соцгиз. 1960. 511 с.

15. *Зимин А. А.* Рец. на кн.: В. И. Малышев. Повесть о Сухане / Из истории русской повести XVII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1956. 223 с. // Известия Академии наук, Отделение литературы и языка. 1957. Т. XVI. Вып. 3. С. 267-269.
16. *Зимин А. А.* Рец. на кн.: Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466-1472 гг. Под ред. Б. Д. Грекова и В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1948. 228 с. // Вопросы истории. 1948. № 7. С. 140-143.
17. *Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., Мысль. 1972. 452 с.
18. *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV-XVI столетий (очерки социально-политической истории). М., Мысль. 1982. 333 с.
19. *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. — 516 с.
20. *Зимин А. А.* «Слово о полку Игореве» (фрагменты книги). Вст. ст. Формозова А. А. // Вопросы истории. 1992. № 6-7. С. 96-115
21. *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М.: Наука, 1988. — 352 с.
22. *Зимин А. А.* Холопы на Руси (с древнейших времён до конца XV в.). М., Изд-во АН СССР. 1973. 393 с.
23. *Зимин А. А.* Храм науки (размышления о прожитом) // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в. / Сост. А. Л. Хорошкевич. М. Аквариус. 2015. С. 35-384.
24. *Зимин А. А., Хорошкевич А. Л.* Россия времени Ивана Грозного / Отв. ред. чл.- корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М.: Наука, 1982. 185 с. — (Из истории нашей Родины).
25. *Ивина Л. И.* «Работаю, пока есть силы...». А. А. Зимин в его письмах друзьям (Из переписки А. А. Зимина с Л. И. Ивиной и А. Н. Цамутали) // Отечественная история и историческая мысль в России XIX-XX веков. Юбилейный сборник к 75-летию А. Н. Цамутали / Отв. ред. Р. Ш. Ганелин. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 147-157.
26. *Каишанов С. М.* Александрович Александрович Зимин (1920-1980) // Археографический ежегодник за 1980 год. М.: Наука, 1981. С. 357-358.
27. *Каишанов С. М., Чернобаев А. А.* Зимин Александр Александрович (1920-1980) // Историки России: Биографии / Сост., отв. ред. А. А. Чернобаев. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2001. С. 803-814.
28. *Козлов В. П.* Двенадцать лет рядом с А. А. Зиминым // Творческое наследие А. А. Зимина и современная российская историография. Доклады, статьи и воспоминания. Шестые Зиминские чтения. М., 2017. С. 410-422.
29. *Козлов В. П.* О некоторых морально-этических вопросах публикации документальных источников по истории России XX в. // Шестые Зиминские чтения: Творческое наследие А. А. Зимина и современная российская историография. М., 2017. С. 123-142.
30. *Козлов В. П.* О нетерпении в освоении документального наследия по истории советской исторической науки // Отечественные архивы. 2016. № 2. С. 134-138.
31. *Майорова А. С., Мезин С. А.* Рец. на книгу: Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века // Отечественные архивы. № 1. С. 113-119.
32. Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве» // Вопросы истории. 1964. № 9. С. 121-140.

33. *Одесский М. П.* А. А. Зимин в современном гуманитарном знании // Историк в России: между прошлым и будущим: ст. и воспоминания: [90-летию со дня рождения Александра Александровича Зимины посвящается] / Рос. гос. гуманитарный ун-т. М.: РГГУ, 2012. С. 42-46.

34. *Панях В. М.* Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии А. А. Зимины // Вспомогательные исторические дисциплины. Сб. XIV. Л., 1983. С. 107-135 (переиздано в сборнике: Панях В. М. Историографические этюды. СПб.: Алетейя, 2005. С. 58-89

35. *Панях В. М.* Об издании научного наследия А. А. Зимины // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 187-188.

36. *Парамонова М. Ю., Сокольская Н. Ф.* Бесы и праведники «Храма науки»: мемуары А. А. Зимины // Одиссей. Человек в истории 2015-2016 — Ритуалы и религиозные практики иноверцев во взаимных представлениях. М. 2017. С. 431-466.

37. Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в. / Сост. А. Л. Хорошкевич. М. Аквариус. 2015. 440 с.

38. *Соломонов В. А.* Некоторые впечатления от знакомства с книгой воспоминаний А. А. Зимины «Храм науки» и откликом на ее публикацию В. П. Козлова // Отечественные архивы. 2016. № 3. С. 134-138.

39. *Федосеева А. И.* Встречи с А. А. Зиминим // Творческое наследие А. А. Зимины и современная российская историография. Доклады, статьи и воспоминания. Шестые Зиминские чтения. М., 2017. С. 399-410.

40. *Шишкин И. Г.* Жизнь и творчество А. А. Зимины в современной историографии // Известия Уральского гос. ун-та. 2007. № 52. С. 306, 308, 310, 306-319.

41. Александр Александрович Зимин (1920-1980) // Сайт «Анналы» — URL: <http://annales.info/rus/zimin/zimin.htm> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

42. Зимин Александр Александрович // Википедия. Свободная энциклопедия — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D0%BD_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

43. Зимин А. А. // Akademic.ru — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/105766> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный;

44. Зимин А. А. // Akademic.ru — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/161963/Зимин> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

45. *Базанов М.А.* Александр Александрович Зимин: биография историка в контексте развития отечественной науки. Дис. к.и.н. 07.00.09. Челябинск. 2014 — URL: https://www.studmed.ru/bazanov-m-a-aleksandr-aleksandrovich-zimin-biografiya-istorika-v-kontekste-razvitiya-otechestvennoy-nauki_d4aa015bc26.html (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

46. *Базанов М.А.* Александр Александрович Зимин: биография историка в контексте развития отечественной науки. Дис. к.и.н. 07.00.09. Челябинск. 2014 — URL: <https://www.academia.edu/8714256/> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

47. *Базанов М.А.* Александр Александрович Зимин: биография историка в контексте развития отечественной науки. Дис. к.и.н. 07.00.09. Челябинск. 2014 — URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005554376/ (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

48. *Базанов М.А.* Александр Александрович Зимин: биография историка в контексте развития отечественной науки. Дис. к. и. н. 07.00.09. Челябинск. 2014 — URL.:

<http://www.dslib.net/istorio-grafia/aleksandr-aleksandrovich-zimin-biografija-istorika-v-kontekste-razvitiya.html> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный

49. *Базанов М.А.* Александр Александрович Зимин: биография историка в контексте развития отечественной науки. Дис. к. и. н. 07.00.09. Челябинск. 2014 — URL: <http://scipeople.ru/publication/120998/> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

50. *Базанов М.А.* Александр Александрович Зимин: биография историка в контексте развития отечественной науки. Дис. к. и. н. 07.00.09. Челябинск. 2014 — URL <https://mydisser.com/ru/catalog/view/747/752/46989.html> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

51. *Базанов М.А.* Александр Александрович Зимин: биография историка в контексте развития отечественной науки. Дис. к. и. н. 07.00.09. Челябинск. 2014 — URL: <https://docplayer.ru/37230628-Bazanov-mihail-aleksandrovich-aleksandr-aleksandrovich-zimin-biografiya-istorika-v-kontekste-razvitiya-otechestvennoy-nauki.html> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный;

52. *Базанов М.А.* Александр Александрович Зимин: биография историка в контексте развития отечественной науки. Дис. к. и. н. 07.00.09. Челябинск. 2014 — URL: <https://b-ok.cc/book/2799503/bd7c67> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

53. *Базанов М. А.* К истории дискуссий в советской науке: Обсуждение монографии А. Зимина «Слово о полку Игореве» (4-6 мая 1964) // Вопросы литературы. 2014. № 1. С. 335-349.

54. *Базанов М. А.* Мемуары А. А. Зимина «Храм науки»: картина научной среды и набор ценностных ориентиров автора. Рец.: Зимин А. А. Храм науки (Размышления о прожитом). Москва. 1976 // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А. Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 35-384 // Историческая экспертиза. 2016. № 4. С. 232-247 — URL: https://istorex.ru/page/bazanov_ma_memuari_aa_zimina_hram_nauki_kartina_nauchnoy_sredi_i_nabor_tsennostnikh_orientirov_avtora (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

55. *Базанов М. А.* О «пиратском» издании книги А. А. Зимина «Храм науки»: несколько соображений провинциального историка — URL: https://scepstis.net/library/id_3684.html (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

56. *Вовина-Лебедева В. Г.* Переписка А. А. Зимина и Я. С. Лурье (1951-1963 гг.) // Историк во времени. Третьи Зиминские чтения. Доклады и сообщения научной конференции. М., 2000. С. 114-120 — URL: <http://annales.info/rus/zimin/zimin3.htm> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

57. *Зимин А. А.* Ах! Эти женщины! // Исторический блог А. Л. Хорошкевич — URL: <https://www.sites.google.com/site/istoriceskijblogalhoroskevic/zimin-a-a-ah-eti-zensiny> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

58. *Зимин А. А.* К истории восстания Болотникова// Исторические записки. 1947. Т. 24. С. 353-385. — URL: <http://www.voislit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1600-1620/Volotnikov/Dok1/frametext.htm> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

59. *Зимин А. А.* Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? — ТОДРЛ. М.: Л. 1962. Т. XVIII. С. 305-308 — URL: <http://feb-web.ru/feb/todrl/t18/t18-305.htm> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

60. *Зимин А. А.* Краткие летописцы XV-XVI вв. // Исторический архив. М.: Л. 1950. Кн. V. С. 3-39 — URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/xv.htm> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

61. *Зимин А. А.* Несравненный Степан Борисович — URL.: https://scep sis.net/library/id_3678.html (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

62. *Зимин А. А.* Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 году // Советские архивы. 1970. № 5. С. 69-73 — URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1520-1540/Russkij_vremennik/text1.htm (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

63. *Зимин А. А.* Новые списки «Хождения» Афанасия Никитина // Труды Отдела древнерусской литературы. 1957. Т. XIII. С. 437-439 — URL.: <http://annales.info/rus/zimin/afanas57.htm> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

64. *Зимин А. А.* О методике изучения древнерусского летописания // Известия АН. Отделение литературы и языка. 1974. Т. 33. № 5. С. 454-464 — URL: <http://feb-web.ru/feb/izvesti/1974/05/745-4542.htm> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

65. *Зимин А. А.* Посвящение в палладины — URL: https://scep sis.net/library/id_3683.html (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

66. *Зимин А. А.* Путевые заметки [1958 г.] ученого // Исторический блог А. Л. Хорошкевич — URL.: <https://www.sites.google.com/site/istoriceskijblogalhoroskevic/zimin-a-a-putevye-zametki-1958-g> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

67. *Зимин А. А.* Рец. на кн.: В. И. Малышев. Повесть о Сухане / Из истории русской повести XVII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1956. 223 с. // Известия Академии наук, Отделение литературы и языка. 1957. Т. XVI. Вып. 3. С. 267-269 — URL: <http://feb-web.ru/feb/izvesti/1957/03/573-2672.htm> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

68. *Зимин А. А.* Рец. на кн.: Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466-1472 гг. Под ред. Б. Д. Грекова и В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1948. 228 с. // Вопросы истории. 1948. № 7. С. 140-143 — URL.: http://annales.info/rus/zimin/rec_nic.htm (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

69. *Зимин А. А.* Сатана там правит бал // — URL: https://scep sis.net/library/id_3679.html (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный. .

70. *Зимин А. А.* Созвездие вундеркиндов — URL: https://scep sis.net/library/id_3681.html (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

71. *Зимин А. А.* Сыны надежды — URL: https://scep sis.net/library/id_3680.html (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

72. *Зимин А. А.* Терем-теремок на Никольской — URL: https://scep sis.net/library/id_3682.html (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

73. *Зимин А. А.* Фрагменты из книги «Храм науки»: Как я стал историком — URL.: https://scep sis.net/library/id_3677.html (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

74. *Зимин А. А.* Этот удивительный мир книг // Исторический блог А. Л. Хорошкевич — URL: <https://www.sites.google.com/site/istoriceskijblogalhoroskevic/zimin-a-a-etot-udivitelnyj-mir-knig> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

75. Исторический блог А. Л. Хорошкевич — URL: <https://www.sites.google.com/site/istoriceskijblogalhoroskevic/system/app/pages/recentChanges> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

76. *Капитанов С. М., Чернобаев А. А.* Зимин Александр Александрович. 1920-1980// Историки России. Иконография. М. Собрание. 2011. Кн. 2. С. 246-261.

77. Козлов В. П. О нетерпении в освоении документального наследия по истории советской исторической науки // Отечественные архивы. 2016. № 2. С. 134-138 — URL: <http://www.rusarchives.ru/publikacii/otechestvennye-arhivy/1747/o-neterpenii-v-osvoenii-dokumentalnogo-naslediya-po-istorii-sovetskoj-istoricheskoy-nauki> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

78. Лингвистический анализ: Россия времени Ивана Грозного (Александр Зимин) // КулЛиб (CooLib) — URL.: <https://coollib.net/b|109240/1a> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

79. *Межова К. Г. А. А.* Зимин. Штрихи к портрету. Воспоминания Кимы Межовой// Сайт «Обо всем интересном» — URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin7/>; <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin7-1> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

80. *Михаил Ноябрь.* Мемуары А. А. Зимины Храм науки картина научной среды — URL: <https://proza.ru/2016/04/03/1218> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

81. Обсуждение книги на странице журнала «Скепсис» в социальной сети «В контакте» // — URL.: https://vk.com/wall-36399069_5000 (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

82. Открытое письмо дочери А. А. Зимины Н. А. Зиминной — URL: <http://www.arran.ru/?q=ru/node/602> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

83. Сайт «Обо всем интересном» — URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin2/> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

84. *Севастьянова А. А.* Максимум Александра Зимины: по поводу книги «Храм науки» — URL: <http://vestnik.rsu.edu.ru/wp-content/uploads/2016/04/2.pdf> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

85. *Соломонов В. А.* Некоторые впечатления от знакомства с книгой воспоминаний А. А. Зимины «Храм науки» и откликом на ее публикацию В. П. Козлова// Отечественные архивы. 2016. № 3. С. 134-138 — URL: <http://www.rusarchives.ru/publikacii/otechestvennye-arhivy/1858/nekotorye-vpechatleniya-ot-znakomstva-s-knigoy-vozpominaniy-aa-zimina-hram-nauki-i-otklikom-na-ee-publikaciyu-vp-kozlova> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

86. Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в. / Сост. А. Л. Хорошкевич. М. Аквариус. 2015. — URL: <https://litmy.ru/knigi/history/232765-sudby-tvorcheskogo-naslediya-otechestvennyh-istorikov-vtoroy-poloviny-xx-veka.html> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

87. Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в. / Сост. А. Л. Хорошкевич. М. Аквариус. 2015. — URL: <https://fr-lib.ru/books/gumanitarnye-nauki/sudby-tvorcheskogo-nasledia-otechestvennykh-istorikov-vtoroi-poloviny-xx-veka-download1269954> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

88. Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в. / Сост. А. Л. Хорошкевич. М. Аквариус. 2015. — URL: <https://pro-21.ru/mir-knig/istoriya/156178-sudby-tvorcheskogo-naslediya-otechestvennyh-istorikov-vtoroy-poloviny-xx-veka-istoriya.html> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

89. Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в. / Сост. А. Л. Хорошкевич. М. Аквариус. 2015. — URL: https://archive.org/stream/xram_nauki/xram_nauki_djvu.txt (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

90. Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в. / Сост. А. Л. Хорошкевич. М. Аквариус. 2015. — URL: <https://predskazat-sudbu.ru/132097-sudby-tvorcheskogo-naslediya-otechestvennyh-istorikov-vtoroy-pолоviny-xx-veka.html> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

91. Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в. / Сост. А. Л. Хорошкевич. М. Аквариус. 2015. — URL: <http://huge-library.ru/sudby-tvorcheskogo-naslediya-otechestvennyh-istorikov-vtoroj-pолоviny-xx-veka/> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

92. Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в. / Сост. А. Л. Хорошкевич. М. Аквариус. 2015. — URL: https://www.pimbook.su/pimbook.su/Zimin_3.html (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

93. Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в. / Сост. А. Л. Хорошкевич. М. Аквариус. 2015. — URL: <https://pimbook.su/search/index.php?q=судьбы+творческого+наследия&s=Поиск> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

94. Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в. / Сост. А. Л. Хорошкевич. М. Аквариус. 2015. — URL.: <https://inslav.ru/publication/sudby-tvorcheskogo-naslediya-otechestvennyh-istorikov-vtoroy-pолоviny-xx-veka-m-2015> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

95. [Формозов А. А.] Зимин А. А. (статья А. А. Формозова) // Сайт «Обо всем интересном» — URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin6/> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

96. *Хорошкевич А. Л.* А. А. Зимин // Православная энциклопедия — URL. <http://www.pravenc.ru/text/199799.html> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

97. *Хорошкевич А. Л.* «Зиминский» сборник 1978-1982 гг. и А. И. Копанев // Сайт «Обо всем интересном» — URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin5/> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

98. *Хорошкевич А. Л.* Феномен Зимина или подранок Октября // Сайт «Обо всем интересном» — URL.: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin3-2/>; <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin4/> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

99. *Хорошкевич А. Л.* Памяти А. А. Зимина. Вступление // Исторический блог А. Л. Хорошкевич — URL: <https://www.sites.google.com/site/istoriceskijblogalhoroskevic/> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

100. *Хорошкевич А. Л.* Памяти А. А. Зимина. Вступление // Сайт «Обо всем интересном» — URL: <http://valeria40.ru/istorija/istorija-pamiati-zimina/page/2/> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

101. Энциклопедия «Слово о полку Игореве» // сайт Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор») — URL: <http://feb-web.ru/feb/slovenц/es/es2/es2-2221.htm> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

102. *AndrejPermyakov585*. Рец. на кн.: Зимин А. А. В канун грозных потрясений — URL: <https://www.livelib.ru/author/199505/reviews-aleksandr-zimin> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

103. *AndrejPermyakov585*. Книга из числа основополагающих. Рец. на кн.: Зимин А. А. Витязь а распутье — URL: <https://www.livelib.ru/author/199505/reviews-aleksandr-zimin> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

104. *Voroshilow*. Путь читателя тернист как путь витязя. Рец. на кн.: Зимин А. А. Витязь на распутье — URL: https://www.livelib.ru/book/1000586488-vityaz-na-raspute-a-a-zimin?utm_source=livelib&utm_campaign=viewed&utm_medium=bottom&utm_content=book (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

105. *Borodobreu*. Аккуратный научпоп. Рец. на кн.: Зимин А. А. Витязь на распутье — URL: <https://www.livelib.ru/author/199505/reviews-aleksandr-zimin> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

106. *RinVogel*. Коротко о главном. Рец. на кн.: Зимин А. А. Россия времени Ивана Грозного — URL: <https://www.livelib.ru/author/199505/reviews-aleksandr-zimin> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

107. *Snowtrooper*. Рец. на кн. Зимин А. А. Витязь на распутье — URL: <https://www.livelib.ru/author/199505/reviews-aleksandr-zimin> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

108. *Inku*. Рец. на кн.: Зимин А. А. Слово о полку Игорева — URL: <https://www.livelib.ru/author/199505/stories-aleksandr-zimin> (дата обращения 15.06.2020) — текст электронный.

В. С. Мингалев
Независимый исследователь

СЛОВО И ДЕЛО А.А. ЗИМИНА: ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Аннотация: Рассматриваются вопросы, связанные с дискуссионными проблемами изучения «Слова о полку Игореве» как междисциплинарного научного и культурного явления. Особое внимание уделяется дискуссии о памятнике, вызванной сначала докладом, а затем одним из вариантов книги Зимина о «Слове о полку Игореве». При этом показываются судьбы различных сторон концепции ученого в последующей научной литературе. Обосновывается методологический подход в источниковедческом изучении документальных источников как подход комплексный, включающий текстологический, исторический, филологический, сравнительный анализ документального источника и в этом смысле ставятся под сомнение выводы А.А. Зализняка, основанные только на лингвистическом анализе, о времени создания «Слова о полку Игореве».

Ключевые слова: А.А. Зимин, А.А. Зализняк, «Слово о полку Игореве», текстологический анализ, лингвистический анализ, комплексное источниковедение, дискуссия о подлинности «Слова о полку Игореве»

V.S. Mingalev
Independent researcher

A. A. ZIMIN'S WORD AND DEED: TO BE CONTINUED

Abstract: The issues related to the discussion problems of studying the «Word about Igor's regiment» as an interdisciplinary scientific and cultural phenomenon are considered. Special attention is paid to the discussion about the monument, caused first by the report, and then by one of the versions of Zimin's book about The Song of Igor's Campaign. This shows the fate of various aspects of the scientist's concept in the subsequent scientific literature. The author substantiates the methodological approach in the source study of documentary sources as a complex approach, including textual, historical, philological, and comparative analysis of the documentary source, and in this sense questions the conclusions of A.A. Zaliznyak, based only on linguistic analysis, about the time of the creation of the «The Song of Igor's Campaign».

Keywords: A.A. Zimin, A.A. Zaliznyak, «The Song of Igor's Campaign», textual analysis, linguistic analysis, complex source studies, discussion about

Наша статья не ставит задач, не соответствующих торжественности юбилейной даты и памяти выдающегося историка XX в. А. А. Зими́на (1920-1980). В ней нет прямых или косвенных исторических аналогий и стремления вызвать некие особые ассоциации потаенного протестного смысла. Речь здесь идет даже не об одноименных дневниковых записях А. А. Зими́на, ставших известными, благодаря публикации А. А. Формозова¹, а лишь о некоторых аспектах дискуссии вокруг «Слова о полку Игореве» (далее — Слово), давно принявшей характер постоянной, междисциплинарной и даже межнациональной научной историко-культурной проблемы, которая, создается такое впечатление, едва ли разрешима в обозримой перспективе.

Интерес к ее изучению и к самой дискуссии, несмотря ни на какие перипетии истории, не исчезнет. Периодически на время затихая, затем разгорается с новой силой, как огонь костра при усилении ветра, разнося от своего пламени искры не только знаний, но нередко раздора, особенно в среде ученых.

Ощущая сопричастность к находившимся у костра, разведенного в нашем присутствии от «факела знаний» А. А. Зими́на, которому принадлежит эта метафора, и, пользуясь, как поводом, датой 100-летия моего Учителя, считаю важной и актуальной задачей рассмотрение сложившейся на сегодня ситуации «горения» или «тления», если хотите, некогда ярко пылавшего костра острой дискуссии, чтобы утвердиться в необходимости ее дальнейшего продолжения.

Предыстория дискуссии известна. В самом кратком виде начальный этап обозначен в обращении «К читателю», предпосланном Валентиной Григорьевной Зиминой, супругой Александра Александровича, изданию монографии — итога многолетних исследований А. А. Зиминым проблемы «Слова о полку Игореве»², издание которой в 2006 г. многим из нас казалось событием поистине фантастическим. Ведь прошло так много времени: минуло более 40 лет от появления идеи и первоначального варианта книги, прошло почти 30 лет после завершения работы автора над ней и 26 лет со времени ухода его из жизни. Завершилась советская эпоха, на смену которой пришла другая.

Уместно, наверное, будет здесь выразить нашу признательность всем принимавшим участие в подготовке к изданию исследования А. А. Зими́на, в первую очередь, незабвенной Валентине Григорьевне Зиминой и Олегу Викторовичу Творогову, ответственным соредакторам книги. Последнему особо еще и потому, что он, активно участвуя в работе, даже с учетом результатов этой публикации, остался на прежней позиции, не изменил своих взглядов на Слово, считая его памятником древнерусской литературы³.

За полгода, примерно, до выхода книги, В.Г. Зими́на пригласила меня посмотреть подготовленную к набору рукопись, чтобы убедиться в качестве материала: не встречаются ли какие-нибудь ошибки-огрехи. Выполнил ее просьбу,

которая была воспринята мною, естественно, как самое ответственное задание. Когда отчитывался о «вычитке», возникших замечаниях и «пожеланиях», мне все еще не верилось, что публикация работы А. А. Зимина свершится, да и самой Валентине Григорьевне, мне показалось тоже, потому что в последовавшем разговоре за чашкой чая, как это было принято в хлебосольном доме Зиминых, я высказал созревшее у меня предложение, что-де готовность работы такова, что если вдруг сорвется типографское печатание, можно будет книгу опубликовать как интернет-издание. Валентина Григорьевна с этим согласилась, но выразила полное доверие своему соредктору О.В. Творогову, занимавшемуся вопросами подготовки издания книги и много для этого потрудившемуся.

Начальным импульсом исследованию, по свидетельству В.Г. Зиминной и со слов самого А. А. Зимина, послужил выход в свет в 1962 г. «красной книги», как по цвету переплета, подобно издававшимся в СССР и других странах «белым книгам» документальной международной политической информации. Так был неизвестными «остряками» назван сборник статей, подготовленный Сектором древнерусской литературы ИРЛИ («Пушкинский Дом») АН СССР⁴.

К этому могу добавить следующее.

Осенью 1962-1963 учебного года, объявляя свой спецкурс и параллельно спецсеминар на третьем курсе на кафедре вспомогательных исторических дисциплин (источниковедения) МГИАИ об источниковедческих проблемах истории древнерусской литературы, профессор А. А. Зимин обратил внимание студентов на недостаточную изученность многих ее вопросов. Остановился, в частности, и на критике названной выше книги, подчеркивая нерешенность основных источниковедческих вопросов истории Слова, предлагая желающим студентам принять личное участие в поисках истины, используя и одновременно осваивая методы самостоятельного ведения научно-исследовательской работы, в частности, приемы текстологии, названные им методом А. А. Шахматова, видного исследователя русских летописей. На спецкурс, помнится, тогда к нему записалось человек 12-15 будущих историков-архивисов, пятая часть моих однокурсников.

При весьма демократичном распределении и добровольном выборе тематики самостоятельных «научных» докладов, а, возможно, в дальнейшем курсовых и дипломных работ, так ставилась нам перспективная задача. Мне А. А. Зимин предложил тему «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники», которая, действительно, определила мою дальнейшую судьбу. Источниковедением «Задонщины», по совету А. А. Зимина, пожелал заниматься мой сокурсник и близкий товарищ Г.Г. Григорян. Так мы оказались сразу же в кругу научных интересов А. А. Зимина, встречаясь с ним не только на занятиях в аудиториях, на кафедре, но и, бывало, в Институте истории АН СССР, в читальных залах рукописных

отделов библиотек и, конечно, в доме на ул. Дм. Ульянова. В течение учебного года и последующих лет продолжения учебы мы, регулярно отчитываясь о «проведенном времени», подвергались «расспросам с пристрастием», выслушивали методические и прочие советы, обменивались добытыми наблюдениями, какими-никакими предположениями и своими вопросами, конечно, наивными, но всегда встречавшими со стороны Зимина добрый отклик, нередко иронический.

Было видно, что его мысли всецело заняты новой темой. Даже во время очередной лекции или семинара он часто, отступив от объявленного плана, следуя за какой-нибудь внезапно осенившей его идеей или текстологической находкой, пускался по этому поводу в увлекательные, свободные от заготовленного текста рассуждения, закрепляя их иногда по ходу занятий мелом на аудиторной доске, чтобы вместе подумать и обсудить сразу же или когда-нибудь потом. Мы получали настоящие уроки вдохновенного творческого труда. В конце учебного семестра 1962 г. Александр Александрович поделился своими ближайшими планами работы над проблемой Слова и, в частности, подготовкой научного доклада, который, как известно, и состоялся в Пушкинском Доме 27 февраля 1963 г. (о нем упомянуто В.Г. Зиминной в обращении «К читателям»). Доклад, в котором была представлена концепция и поставлены задачи исследования Слова, получил неожиданно сенсационный общественный резонанс. Известия о нем разлетелись с быстротой молнии распространившимися слухами, как всегда в подобных случаях, избыточно легендарными, далекими от правды, которая на самом деле выглядела много глупее и страшнее реальности. В них А. А. Зимин представлялся критиком-ниспровергателем чуть ли не всех основ советского исторического литературоведения, свергнувшим с пьедестала первоначальности истории литературы само Слово. По правде, на тот момент доклад А. А. Зимина, как он сам считал, содержал лишь гипотетическую концепцию, подкрепленную некоторым набором доказательств, подлежащих проверке, что он и пытался сделать, иницируя ее обсуждение в самом центре историко-литературной научной мысли страны.

По странному стечению обстоятельств, академик Д. С. Лихачев, заведовавший Сектором древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР, согласившийся с предложением А. А. Зимина, направленным ему заранее письмом, назначив мероприятие на 27 февраля, сам на нем отсутствовал, оказавшись в это время в больнице. Не хочется думать, что Д. С. Лихачев предвидел заранее последовавшие затем события.

Поскольку ленинградский доклад, как и вся работа над Словом, были личной инициативой А. А. Зимина, не предусмотренной планами научной деятельности Института истории АН СССР, интересно бы знать, каким образом о нем стало известно в Москве, буквально, на следующий же день.

По возвращении в Москву А. А. Зимину за свою инициативу пришлось объясняться перед руководством Института истории и в его секторе феодализма. Однако достаточных оснований для «принятия мер и оргвыводов» к докладчику по горячим следам события не было из-за отсутствия стенограммы ленинградского мероприятия. Периодическая печать о нем промолчала. Исключением стало лишь небольшое, опубликованное, помнится, позднее, информационное сообщение в популярной тогда газете ленинградской молодежи «Смена». Остается неизвестным, велась ли стенограмма, протокол или какие-нибудь записи доклада, вопросов-ответов и хода обсуждения на той ленинградской встрече с А. А. Зиминим, кроме него самого, конечно. В отсутствие на ней Д. С. Лихачева представляется невероятным, чтобы сотрудники сектора могли оставить его в неведении. Скорее в этом можно предполагать умышленную защитную реакцию на «неожиданное» содержание доклада А. А. Зимина со стороны руководства ИРЛИ и лично Д. С. Лихачева, обладавшего уже дотоле опытом гонимого заключенного и пребывания на Соловках. Не забыто, конечно, еще было и репрессивное постановление ЦК партии о ленинградских журналах «Звезда» и «Ленинград».

На продолжившихся наших учебных занятиях, после возвращения А. А. Зимина из Ленинграда, мы, студенты, естественно, приставали к нему с вопросами про доклад и последствия. Он выражал полное удовлетворение и всячески демонстрировал оптимизм, бодро отвечая нам, что ему, кажется, удалось «всколыхнуть застоявшееся болото, пусть теперь потрудятся, да и нам придется всем много и быстро работать». Так это звучало почти дословно.

Скорость собственной работы А. А. Зимина, и без того для всех поразительная, выделявшая заметно его среди коллег, возросла еще более. Мы, конечно, тогда не знали, что она была дополнительно мотивирована необходимостью подготовки к обсуждению его концепции по проблеме истории Слова, о чем было принято соответствующее решение руководством исторической науки.

К концу 1963 г. А. А. Зимин сообщил своим студентам, что им подготовлена большая работа «Слово о полку Игореве. (Источники. Время создания. Автор)». Перед изданием работа подлежала предварительному обсуждению, для чего специально был отпечатан на ротапринтере ее тираж, так называемый препринт, в количестве 101 экземпляра, позволявший считать проект малотиражным изданием, что при меньшем тираже, по каким-то действовавшим нормативам, не признавалось бы полноценным изданием. Каждый экземпляр представлял собой три сброшюрованных отдельно выпуска (тома). Все были пронумерованы с целью учета, как в секретном делопроизводстве или книжном спецхране.

Возможность ознакомиться с работой имели только допущенные к участию в обсуждении по утверждению руководством Отделения истории АН СССР

спискам, которые представляли сторонников и оппонентов концепции А. А. Зими́на, как будто бы по согласованию с ним. Выдача для ознакомления регистрировалась, возвращение экземпляров по прочтении было обязательным. Однако нет никаких указаний, которые бы не нарушались. В итоге, после обсуждения возвращенной оказалась лишь часть тиража, которая была передана в Архив АН СССР и там под акт была уничтожена. В результате сегодня каждый экземпляр стал раритетом. Помимо включенных в списки, было множество других заинтересованных, желающих познакомиться с работой, которые «изыскивали» любым способом эту возможность. Некоторым «счастье» улыбалось, и они добивались своего. Среди неофициально ознакомленных с работой А. А. Зими́на были, конечно, его студенты, не допущенные к участию в обсуждении ни в каком качестве, хотя бы зрителей, сидящих тихо на «галерке», в последних рядах конференц-зала.

«Опешившие», поначалу, после ленинградского доклада, «традиционалисты», отстаивавшие закрепленные литературой общие представления о древности происхождения Слова, изготовились к «реваншу» в процессе предстоящего обсуждения работы А. А. Зими́на.

Трехдневное обсуждение работы, в последующем названное дискуссией, состоялось 4-6 мая 1964 г. Со слов А. А. Зими́на, по договоренности с руководством, предполагалось участие в обсуждении по 15-ти представителей от каждой из сторон (хочется по аналогии назвать — команд, как в классическом регби). Однако, это соглашение было сразу же нарушено (догадайтесь — кем?), и число участников оппонирующей Зими́ну стороны оказалось значительно большим, что, впрочем, отражало вполне реальное состояние бытовавших представлений о Слове в научном сообществе и в обществе в целом.

О ходе и результатах обсуждения работы своим студентам рассказал А. А. Зими́н на встрече, состоявшейся после завершения нашей преддипломной практики, проходившей в Ленинграде, по возвращении в Москву в середине мая, т. е. по свежим следам. Только через несколько месяцев появилась в печати информация — краткий обзор прошедшего обсуждения, но о нем некоторые подробности дальше.

Против концепции и книги А. А. Зими́на организованно выступило собранное руководством исторической науки целое ополчение традиционалистов, отстаивающих правоту доводов древности происхождения памятника. Конечно, персональный состав защитников древности Слова был разноликим по своим научным интересам и пристрастиям, а потому каждый руководствовался собственными представлениями и соображениями, далеко не всегда праведными, занимая позицию в дискуссии. Наряду с теми, кто искренне доверялся аргументации о раннем возникновении Слова еще в домонгольский период, были

и такие, кто под ура-патриотическим нажимом господствовавшей идеологии готов был считать правдой ходивший тогда анекдот о российском происхождении индийских слонов, что уж говорить о древности Слова.

В антизиминском ополчении оказались также перебежчики-отступники, позиционировавшие себя ранее сторонниками новой гипотезы. Среди покинувших лагерь были в том числе и некоторые его близкие друзья, что не могло не отразиться на душевном состоянии А.А. Зимина. Впрочем, он не утратил в связи с этим психологического равновесия и, как это ни громко звучит, боевого настроения на преодоление выстроенных на пути к исторической правде преград.

К неформализованному ополчению противников концепции А.А. Зимина со времени начала дискуссии предсказуемо примкнуло вполне организованное, хорошо укомплектованное профессиональными научными работниками подразделение ленинградского Пушкинского Дома (ИРЛИ АН СССР), представленное большей частью кадрового состава сектора, руководимого академиком Д.С. Лихачевым.

Несмотря на то, что концепция ожидаемо не получила при обсуждении одобрения, а книга — рекомендации к изданию, А.А. Зимин оценил результаты дискуссии положительно, с оптимизмом поведав нам, что позиции оппонентов были сильно поколеблены им и его сторонниками, что прежнего единодушия в отношении датирования Слова, как памятника древности, уже в историческом сообществе нет, но некоторые критические замечания справедливы, и их, несомненно, придется учесть. Утраты бодрости духа из-за результатов прошедшего обсуждения у А.А. Зимина не ощущалось. Наоборот, он демонстрировал свой положительный настрой и нацеливал нас на дальнейшую усиленную работу по избранной тематике. Может быть, не скрою, мне на радостях от встречи так показалось, а в действительности дело обстояло совсем иначе, как думается иногда теперь «задним числом». Ведь решения о судьбе концепции и книги А.А. Зимина, несомненно, принимались на самых верхних этажах властных структур «идеологического» управления. Поэтому некоторые, тогда и позднее, оценивая сложившуюся ситуацию и царившую атмосферу, считали, что «фигура умолчания» по концепции и книге А.А. Зимина, начавшаяся с момента майского обсуждения, — это еще не самое худшее, что могло последовать, если бы события происходили не в момент начала «охлаждения оттепели», а до ее наступления в середине 50-х годов или после «пражской весны» 1968 г. В тот же период внимание партийного руководства и рядовых борцов «идеологического фронта» было сосредоточено на перевоспитании советских поэтов и художников, их руки до историков и литературоведов пока еще в полной мере не дотянулись. Возможно, «жертва» А.А. Зимина сыграла, как это ни прискорбно звучит, свою положительную «тормозящую» роль гашения негативного процесса преследования инакомыслящих в исторической науке.

Первая публикация в периодике о состоявшейся «дискуссии» по концепции книги А. А. Зимины была помещена лишь в сентябрьском номере журнала «Вопросы истории» за 1964 г.⁵ Этот отчет «Об обсуждении одной концепции» о времени создания «Слова о полку Игореве», опубликованный без авторских подписей, будто бы редакцией журнала, по доброту душевной В. Г. Зимины, назвала в упомянутом обращении «К читателю» «подробнейшим», что, по нашему мнению, ни в коей мере не соответствует действительности, так как, наоборот, он краток, односторонен, тенденциозен.

Позиция умолчания и запрета издания книги, несмотря на звучавшие порой публичные призывы известных ученых, например, Д. С. Лихачева, к ее опубликованию, не достигали цели или, подозреваю, служили «камуфляжем» истинных намерений критиков. Иначе, чем объяснить вынужденные фрагментарные публикации отдельных составных частей в различных периодических изданиях, совмещаемых с немедленными «ответными» со стороны оппонентов⁶. И ведь не заподозишь, что делается это ради сдерживания выпуска в свет всей версии концепции А. А. Зимины, а также одновременно для того, чтобы подготовить ответ, хотя бы как-то допустимо соответствующий аргументации фундаментальной работы А. А. Зимины. Таковым призван был стать спешно подготовленный коллективный труд ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР⁷, так называемая «черная» (по цвету переплета), вслед за названной выше, изданной в 1962 году «красной», книга, представляющая собой сборник статей, объединенных общей идеей закрепления и усиления традиционных взглядов о раннем (древнем) происхождении Слова.

Книга, понятно, направлена против концепции А. А. Зимины, имя которого лишь вскользь упоминается в предисловии «От редакторов» (Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев)⁸, со ссылкой на указанную выше информацию о состоявшейся дискуссии по концепции, опубликованную в «Вопросах истории», с оговоркой за всех авторов сборника, в большинстве своем принимавших участие в обсуждении (даже дважды, если учитывать доклад 1963 г. и дискуссию 1964 г.), что они не считают себя вправе полемизировать с ним до выхода в свет его работы. Благородно, не правда ли? Почему бы не пригласить оппонента к участию в данном сборнике? Возможно, из-за «разросшегося объема книги» в которую не вошла, даже будто бы первоначально «предназначавшаяся для нее работа Д. Лихачева», опубликованная, как выясняется из написанного в том же абзаце вступления к сборнику, ранее в журнале⁹. Кстати, статья была не единственной. Вскоре в другом журнале была опубликована статья Д. С. Лихачева «Когда было написано «Слово о полку Игореве»¹⁰. Издательский штамп-справка, находящаяся в конце второго, «черного», сборника, свидетельствует, что он был сдан в набор 28 января 1966 г. Это необычно близко по времени и тогдашним

меркам соблюдения сроков и тематической близости подобного рода изданий, если сопоставить с «красной» книгой (1962 г.)¹¹ и обсуждением препринта книги А. А. Зими́на (1964 г.).

Все это, на наш взгляд, свидетельствует о поспешности предпринятых мер по нейтрализации «негативного идеологического» эффекта от доклада А. А. Зими́на в феврале 1963 г. в Пушкинском Доме и обсуждения в мае 1964 подготовленной к изданию книги, превратившихся в острую дискуссию по концепции происхождения Слова, кардинально отличающейся от общепринятой на тот момент традиционной. С появлением новационной гипотезы научное сообщество по отношению к ней раскололось, разделившись на ее сторонников и противников, отстаивавших прежние взгляды, которые на самом деле оставаться прежними уже не могли и должны были подвергнуться существенному переосмыслению, в процессе которого появилось неопределенное, но вполне наблюдаемое, число конформистов, занявших как бы промежуточное положение колеблющихся в отношении тех или иных научных проблем и решений, относящихся к Слову», между сторонниками и противниками А. А. Зими́на. Это может свидетельствовать, в оправдание идеологического руководства, о наличии множества различных точек зрения в ученой среде.

После организованной «дискуссии» антизиминская кампания, начавшаяся с «фигуры умолчания», проявлялась уже во все более со временем усиливавшихся вокруг него хитросплетениях и коварствах со стороны причастных к «борьбе», под прикрытием «дымовой завесы» будто бы процветания в отечественной науке свободы и демократии, когда на деле в ходу были «все средства хороши» в отношении инакомыслия.

Выпущенный в свет сборник статей (1966 г.), названный «черным», служит наглядным тому подтверждением. Что подталкивало к срочному выпуску сборника, не дожидаясь издания книги А. А. Зими́на, остается загадкой, поскольку авторский коллектив сборника, участвовавший прежде в дискуссии, и лично Д. С. Лихачев, публично ранее выражали такую необходимость. По-видимому, даже авторитет Д. С. Лихачева не был в силах повлиять на принятие положительного решения о публикации исследования А. А. Зими́на, либо, допускаем, задержка совпадала с интересами осуществления замысла опережающего коллективного и, желательно, нокаутирующего, а еще лучше, вообще смертельного удара по новационной гипотезе, которая в трактовке традиционалистов — сторонников древности Слова — была повторением пройденного предшествующими А. А. Зими́ну «скептиками», в частности, А. Мазоном.

Новый коллективный сборник (1966 г.), включивший более десятка авторских научных работ по источниковедческим вопросам «Слова» и его текстологическим взаимоотношениям с памятниками Куликовского цикла, несомненно, стал

наиболее фундаментальным за многие предшествующие годы, особенно, если к нему присовокупить одновременные публикации в научной периодике статей самого Д. С. Лихачева и других корифеев науки.

Несмотря на значительный общий объем сборника и примыкающих к нему публикаций, в отличие от концептуальной книги А. А. Зимина, они не представляют собой цельного комплексного монографического исследования и имеют поэтому частное научное значение для дальнейшего изучения большого количества отдельных вопросов.

Вследствие этого, задуманный коллективный удар на поверку оказался, вопреки возможным расчетам, вовсе не нокаутом и даже не нокаутом, а просто промахом в пространство.

Предпринятая попытка коллективного противодействия гипотезе А. А. Зимина позволяет повторить слова А. Эйнштейна, адресованные критикам выдвинутой им теории относительности, после выхода в свет книги «Сто авторов против Эйнштейна», — «Будь я не прав, хватило бы и одного»¹².

Среди критиков А. А. Зимина на эту роль «единственного» претенденты, возможно, и были, но справиться с ней никому не удалось ни тогда, ни позднее.

В начавшемся анти-зиминском «походе» против гипотезы и результатов исследования «Слова», вместе с партийно-идеологическим руководством исторической науки, а возможно и впереди него, занял ведущее, если не самое передовое место, академик Д. С. Лихачев, в тот момент всеми признанный и наиболее авторитетный представитель ученого сообщества историков-литературоведов страны, изучавших рукописную литературу Древней Руси, и Слова в особенности.

В ленинградском коллективном сборнике статей Д. С. Лихачев принял участие только в качестве соредактора, как было сказано, с весьма неубедительными, на наш взгляд, труднообъяснимыми ссылками на причины своего в нем авторского отсутствия. Именно Д. С. Лихачев предпринял одним из первых попытку опровержения аргументации А. А. Зимина относительно времени написания Слова¹³.

Вопрос о датировании памятника при обсуждении гипотезы А. А. Зимина был одним из главных, послуживших основанием для разделения диспутирующих сторон. В представлениях ученых, как и большинства любителей словесности, прочно укоренилось мнение о раннем возникновении Слова, в XII — нач. XIII в., близко к описываемым событиям, датируемых 1185 (1187) г., что было определяющим для последующего всестороннего его анализа, оценки и выводов по другим направлениям изучения. Для источниковедения установление точной, или хотя бы для всех приемлемой, доказанной даты исторического источника является неременной и наиважнейшей задачей исследования, что вовсе не всегда служит главным условием при оценке литературного произведения, использующего историческую фактуру.

В своем источниковедческом исследовании и в дискуссии А. А. Зимин рассматривал Слово как неординарное литературно-художественное произведение, сюжетом для которого послужили факты, почерпнутые из источников, отразивших реальные события, поэтому его содержание в отношении исторической правды вторично, что вовсе не снижает художественных достоинств произведения и даже, добавим, следуя за А. А. Зиминим, возможно, определенной ценности как «вторичного» исторического источника.

Следует признать художественную ценность Слова вне зависимости от даты происхождения, как признается, например, вневременное, — навсегда, значение романа «Война и мир» применительно к событиям и фактам описываемой эпохи, а не только времени его создания великим писателем. Приведу лишь один пояснительный пример, может быть, излишний для историков. Известие о форсировании Немана войсками Наполеона и начале боевых действий против русской армии император Александр I получил в Вильно, находясь на балу во дворце Беннигсена, некогда действительно существовавшем в парке с польским названием «Закрет». Эпизод воспринимается как реальное историческое свидетельство. Однако таковым с позиций источниковедения эпизод может быть признан в качестве достоверного факта истории только при условии документального подтверждения, которое остается «всего лишь» найти, что не так легко удается и далеко не всегда.

Методический подход, свойственный традиционалистам, отвергнутый А. А. Зиминим, основывается на априори предполагаемом установлении даты появления Слова по времени, близком к описываемым событиям, т. е. к 1185 (1187) г., что будто бы подтверждается другими (летописными) источниками, поздними, но пользующимися большим доверием. Иная датировка памятника, по убеждению некоторых критиков, лишает его всех ценностных качественных достоинств и характеристик не только как исторического источника, но и как литературного произведения.

Вот и Д. С. Лихачев опубликовал, в ходе затяжной дискуссии с А. А. Зиминим, упомянутую выше специальную работу о времени написания Слова¹⁴, употребив в ее названии вопросительное «когда», несущее без вопросительного знака, зато с точкой в конце, чисто риторическое значение, что означает отсутствие какого-либо, вообще, вопроса о дате возникновения произведения, установленной априори. Уже это «априори» позволяет признать недостаточную источниковедческую обоснованность позиции Д. С. Лихачева в дискуссии по истории создания Слова.

Правда, вслед за первыми публикациями Д. С. Лихачева, коллектив его сподвижников предпринял дополнительные усилия по укреплению позиций руководителя и, конечно, своих собственных в противостоянии А. А. Зимину для

обоснования первоначальности Слова в текстологических отношениях с другими источниками, в первую очередь с Задонщиной, для чего был проведен заново, к сожалению, без учета результатов, достигнутых к тому времени оппонентом, текстологический анализ сохранившихся ее списков. Итоги нашли отражение в работах, включенных в коллективный сборник статей (1966), который упоминался ранее. Они принадлежат весьма уважаемым специалистам и содержат множество действительно интересных наблюдений и находок текстологических сравнений, к аргументации которых А. А. Зимин отнесся с большим вниманием. Все они были подвергнуты тщательному разбору и учтены в дальнейшей, продолжавшейся еще более десятилетия, его работе над темой.

Время возникновения Слова, наиболее близкое к описываемым в нем событиям (лето 1185 г.), поддерживалось в период дискуссии также академиком Б. А. Рыбаковым¹⁵, что означало полное доверие со стороны руководителя археологического направления исторической науки к этому литературному памятнику как историческому источнику. Наше напоминание о крайней нижней границе в традиционных взглядах на время появления Слова не служит поводом для возобновления дискуссии. Оно лишь подчеркивает, насколько важное значение вопросам датировки памятника придавалось тогда. Потребовалось участие руководителей самого высокого уровня от науки в их обсуждении, очевидно, сознававшего невозможность принятия по ним административного решения, но используя как своеобразную форму психологического давления на участников, выдавая тем самым, что цель мероприятия — устроить «выволочку» инакомыслию на примере А. А. Зиминой, чтобы другим, случись задумают, было неповадно отклоняться от «линии руководства».

Консолидации взглядов ученых относительно датировки Слова в ходе обсуждения и по его итогам не произошло. Наоборот, приходится констатировать возрастание множества на сей счет различий среди исследователей. Почти у каждого свое обоснование предлагаемой датировки или ее отвержения, порой весьма оригинальные, даже экзотические. Обзор их содержится в работе Л. А. Дмитриева¹⁶, который может быть теперь пополнен новыми сведениями из литературы прошлых лет и современной. Однако детальное рассмотрение этого дискуссионного вопроса находится за рамками нашей работы, как задача особая.

Наложение негласное «вето» на публикацию книги А. А. Зиминой после обсуждения препринта привело к модернизированной реставрации и заметной активизации распространения сложившихся за долгие годы единомыслия традиционных воззрений на Слово и несколько подновленного историко-источниковедческого и литературоведческого ареала. Это, конечно, не исключало возникновения споров по отдельным вопросам истории и тек-

стологии памятника, порой довольно эмоциональных, но все же относящихся к частностям и нюансам. Из множества новейших исследований, научных и научно-популярных изданий текста Слова, наибольшей апологетикой традиционализма, на наш взгляд, отличается работа В. И. Стеллецкого, вышедшая массовым тиражом (100 тыс. экз.) в 1981 г., обращавшегося к памятнику до этого неоднократно лично и в соавторстве с известными специалистами¹⁷.

Как видим, это издание вышло в свет уже после кончины А. А. Зимины, однако его автор и издатели остались где-то в 1940-50-х и более ранних годах, несмотря на присутствие в книге ссылок на литературу 60-х годов, находясь в полном неведении или просто игнорируя перипетии истории исследования памятника и достижения последнего времени своих коллег.

Активизация исследований истории Слова, импульс которым был придан дискуссией, не ограничившейся лишь постановочным докладом и обсуждением книги, прослеживается в последовавших за ними качественных изменениях и глубине содержания публикаций научной периодики. Печатную форму приобрела фактически не прекращавшаяся дискуссия по проблеме Слова. Эпизодически в ней принимал участие А. А. Зимин со своими, невольно «подхлестывающими» ее, публикациями, всегда вызывавшими интерес читательской аудитории. Они свидетельствовали о продолжающейся работе ученого по изучению источниковедческих проблем Слова с позиции новых, более современных, научно-методических подходов. Они были названы им комплексным источниковедением, по сути являющимся междисциплинарным, вобравшим в себя методические приемы и достигнутые результаты различных научных дисциплин, прежде всего источниковедения, включая комплекс специальных (вспомогательных) исторических дисциплин. Особое значение в комплексной методике отводилось текстологии, в ее варианте, близком к примененному А. А. Шахматовым при изучении русского летописания.

В 1980 г. в Туле региональным Приокским книжным издательством выпущена научно-популярная, в самом лучшем смысле, книга А. А. Зимины «Задонщина», приуроченная к 600-летию Куликовской битвы, и оказавшаяся первой из числа посмертных публикаций А. А. Зимины¹⁸, в которой представлены результаты многолетнего источниковедческого труда над этим средневековым литературным произведением, текстологически связанным со Словом. Благодаря этой публикации, была уточнена реконструкция первоначального текста Пространной редакции Задонщины, выполненная автором ранее¹⁹. Несомненно, это были важные фрагменты большой исследовательской работы, которую постоянно вел продолжительное время А. А. Зимин после выдвижения своей концепции истории возникновения Слова, преодолевая сильное противодействие со стороны традиционалистов и продолжающихся усилий «замалчивания» результатов его научного труда.

Итоги длительного дискуссионного марафона с оппонентами А. А. Зимин успел лично подвести в новом варианте подготовленной им монографии, значительно выросшей, в сравнении с препринтным вариантом книги 1963 г., в объеме, качестве и глубине содержания, которая, к сожалению, вышла в свет только после ухода автора из жизни²⁰.

Острота предшествующей дискуссии в 1980-1990-х гг. превратилась в одностороннюю форму общения между оппонентами А. А. Зимина, точнее с его основными идеями, ранее опубликованными наблюдениями, их объяснениями и результатами исследования Слова и связанных с ним источников.

Отвечать оппонентам, продолжавшим по-прежнему полемический диспут с ним, допуская порой прямые выпады, иногда подспудно-скрытно, А. А. Зимин, естественно, уже не мог.

Снижение остроты дискуссии и «ража» споров, возможно, все же стало явлением временным, обусловленным действующими издревле этическими нормами и правилами поведения, гласящими, что «мертвые срама не имут» (это прежде всего о тех, кто пал смертью храбрых в борьбе с врагами) и о покойных ничего лишнего не говорят. Лучше, считается, молчать.

Похоже, именно этими заповедями руководствовался О. В. Творогов, один из ответственных редакторов, вместе с В. Г. Зиминой, при издании книги А. А. Зимина, взявшийся за подготовку ее к публикации, несмотря на свои давние разногласия с автором. Оставаясь на прежних позициях, О. В. Творогов признает большое значение работы А. А. Зимина для дальнейших исследований различных проблем «слововедения», считая некорректным полемизировать с ним в данной книге²¹. Это, представляется, пример достойного отношения к памяти коллеги, в отличие от встречающихся иногда других, о которых считаю сейчас неуместным вспоминать.

Следуя заповедям и поставленным задачам, не станем останавливаться на обозрении всего, достаточно обширного, количества публикаций 1980-1990-х гг., которые прямо или косвенно могут быть отнесены к числу продолжающих дискуссию по проблемам истории Слова. Тем более, что частично обзор их был раньше проведен Л. А. Дмитриевым и другими участниками авторского коллектива изданных энциклопедии и словаря-справочника по Слову²².

Подробнее остановимся лишь на работах последнего времени, получивших широкий резонанс как критический отклик в дискуссии и на издание фундаментального труда А. А. Зимина о Слове, вызвавших новый всплеск интереса к его концепции.

Особо примечательной среди них является трижды за короткий срок переизданная, каждый раз с дополнениями, работа А. А. Зализняка, посвященная лингвистическим аспектам изучения Слова²³.

А.А. Зализняк (1935-2017) — авторитетный ученый-лингвист, отмеченный за работу литературной премией Фонда им. А.И. Солженицына. Уже одно это настраивает на полное доверие к его лингвистическому взгляду и выводам. Однако не будем спешить, отнесемся к ним с должным вниманием и серьезностью, как отнесся бы к ним, надо думать, и сам А.А. Зимин, не отвергая аргументы нового оппонента «с порога».

К горькому сожалению, время неумолимо, и в отношении А.А. Зализняка также уже вступили в действие заповедные морально-этические каноны, о которых сказано было раньше, что требует от нас особой осторожности оценок взглядов и выводов обоих авторов, дискутирующих через годы заочно. Прижизненная «очная» дискуссия между ними не велась, судя по деталям знакомства с концепцией и книгой А.А. Зимины, которые содержатся в работе А.А. Зализняка²⁴. Причины длительного молчания остались «за кадром». Однако, некоторые комплиментарные пассажи и послы в адрес А.А. Зимины, присутствующие в работе А.А. Зализняка (с. 3, 15, 211 (замечание), 220), возможно, свидетельствуют о его умышленной отстраненности от дискуссии, чтобы «не пачкать руки» в период, который сам он назвал эпохой «идеологического диктата и казенного единомыслия», не быть причисленным к ярым сторонникам, борющимся за «подлинность», т.е. древность происхождения Слова «до последней капли крови» (с. 6). Автор тем самым претендует на объективность своей позиции в будущем, когда, по прошествии времени, решиться включиться, наконец, в дискуссию (2004 г.), чтобы не оказаться совсем в стороне от «магистральной» для лингвистики исторической темы в качестве человека, «умывшего руки», к тому же теперь не ожидая встречного отпора со стороны покойного А.А. Зимины, а уж тем более кого-то еще.

Можно понять занятую ученым позицию исследователя-лингвиста, подчеркнуто ограничивающего свои задачи сосредоточенностью на лингвистическом направлении исследования Слова. К этому, собственно, призывал и А.А. Зимин, считая, что задача исследования языковой системы и стилистики Слова еще должна быть решена специалистами «в перспективе», себе отведя более скромную роль предпринимающего попытку выявления лингвистических данных²⁵.

Однако свою задачу лингвиста А.А. Зализняк видит не столько в описании языка Слова, как такового, сколько, главное, в решении проблемы его подлинности или поддельности²⁶, которая, на самом деле, не является в чистом виде лингвистической. Лингвистический взгляд А.А. Зализняка оказывается на деле несколько «зашоренным». Об этом свидетельствуют неоднократные по ходу изложения высокомерно звучащие упреки в адрес представителей других научных направлений изучения Слова, и даже оскорбительные оценки, в частности и А.А. Зимины, которому неоднократно отправляется посыл с обвинениями

в непрофессионализме в области лингвистики, априорности подходов и предвзятости при наблюдениях и в выводах²⁷. Притом, что А.А. Зализняк с самого начала почему-то отказался от исторического, литературоведческого и культурологического аспектов рассмотрения Слова²⁸. Аналогичный упреку в свой адрес, ответ А.А. Зимина мог бы вполне быть направлен в обратную сторону, А.А. Зализняку, с указанием на узость предлагаемого лингвистического подхода, несмотря на его завышенную переоцененность автором с претензией на доказательность, близкую к математической теории²⁹. В действительности, в работе А.А. Зализняка довольно-таки удачно использован давно принятый общенаучный метод логики (сравнительного анализа, иногда называемый методом качественного анализа), дополненный в отдельных фрагментах использованием простейшей арифметической статистики с вычислением, не всегда, процентных отношений³⁰. Использование этих приемов, к сожалению, недостаточно обосновано, носит хаотичный характер, представляется неупорядоченным нагромождением случайных показателей. В работе отсутствует обоснование выбора и анализ используемых источников, которые приходится принимать как некую данность. Отсюда следует неубедительность наблюдений и выводов, их противоречивость, в некоторых случаях признаваемая и самим исследователем.

В этом плане критикуемая А.А. Зализняком работа А.А. Зимина, в которой рассмотрению особенностей языка Слова отведена лишь сравнительно небольшая, V глава³¹, отличается простым, доступным всем (лингвистам и нелингвистам) изложением сути исследуемого материала, обоснованным использованием, вслед за Г.А. Лесским, математико-статистических показателей сравнения выборки источников и убедительных результатов, которые представлены в таблицах и их описании³². Общие выводы А.А. Зимина по главе также отличаются четкостью и ясностью, без амбициозных претензий на завершенность лингвистического изучения Слова.

Важным датирующим элементом Слова А.А. Зимин считает язык этого произведения³³. Обращаем внимание на слово «элемент», что означает определенную часть совокупности, которую А.А. Зимин рассматривает в комплексе, системно. И в этом отличительная черта масштабности его предметной установки и задач исследования.

А.А. Зализняк свою задачу представляет более узкой, ограничивая ее изучением Слова с позиций лингвиста, декларируя неоднократно отказ от разбираательства литературоведческих и исторических аргументов. Правда, этой своей декларации А.А. Зализняк до конца не придерживается, вынужденно переходя в ряде фрагментов книги границы декларированного к конкретному анализу и критике, в частных случаях, позиций литературоведов и историков, оставляя впечатление фрагментарности всего исследования.

Критические замечания А. А. Зализняка на исследование А. А. Зимина «рассыпаны» по разным фрагментам его работы, но специально сконцентрированы в дополнительном § 35-а, который называется «О последней книге Зимина»³⁴, представляющем собой краткий отклик на книгу, которую критик справедливо называет «плодом многолетнего настойчивого труда» (с. 220), причем, как следует из отзыва, не заслуживающим сколько-нибудь серьезного внимания, очевидно, потому что «основное содержание этой книги составляет текстологический анализ СПИ (Слова) и различных списков Задонщины, а также анализ исторической и литературной обстановки в России конца XVIII века в связи с поисками предполагаемого автора СПИ (Слова). Лингвистическая проблематика занимает существенно меньшее место (ей посвящена глава V)» (с. 221). Столь однозначное, резкое по форме, заявление авторитетного рецензента позволяет ему сразу же, без обиняков, перейти к критике концептуальных основ книги А. А. Зимина, став заложником собственных «лингвистических взглядов», ссылаясь на достигнутые им результаты, изложенные в собственной работе.

Отказ от рассмотрения текстологического аспекта историко-источниковедческой проблемы изучения Слова, являющегося ключевым для дальнейших исследований, не делает более прочным фундамент лингвистики. Ее значение в данном случае отражает ее явную переоцененность в определении «подлинности» Слова, а точнее его временной первичности по отношению к другим, связанным с ним, историческим источникам, так как в подлинности Слова как литературного произведения, в общем-то, никто и никогда не сомневался даже среди так называемых скептиков, считающих его произведением более позднего времени.

Поэтому проблема подлинности или поддельности Слова, поставленная А. А. Зализняком как «единственная задача» своей работы³⁵, представляется надуманной, весьма далекой от реальных задач изучения Слова как исторического источника и литературного произведения, в числе которых главной остается — установление времени его создания. Впрочем, возможно, такое обозначение А. А. Зализняком проблемы является всего лишь неточной ее формулировкой, так как содержание работы свидетельствует о значительно более широком круге задач, их видении и решениях.

Ошибочность трактовки проблемы, по нашему мнению, проявилась также в методическом подходе исследователя, выдвинувшего гипотетическую фигуру некоего «Анонима» в качестве предполагаемого автора (фальсификатора, имитатора, мистификатора, стилизатора) Слова, чтобы всякий раз отвергать по ходу изложения материала работы возможность его существования, предлагая единственно приемлемое, видимое его лингвистическому взгляду, решение, изредка допуская какое-либо иное толкование. Чтобы убедиться в этом, необходимо ознакомиться с первой главой — статьей книги, названной «Лингвистические

аргументы за и против подлинности «Слова о полку Игореве»³⁶, которая представляет собой главную составную часть книги, ее «ядро»³⁷ и, добавим, добрую половину объема, весьма внушительного.

Обращаем внимание, что аргументация за и против подлинности Слова рассматривается только в подтверждение раннего происхождения произведения, до появления и без учета текстологии Задонщины, отрицать с которой существующую генетическую связь Слова нельзя. Глубокий текстологический анализ сохранившихся списков «Задонщины», произведенный А. А. Зиминим с привлечением других памятников Куликовского цикла, создает основание для изучения истории возникновения и развития текстов не только самой «Задонщины», «Сказания о Мамаевом побоище», но и Слова³⁸. Лингвистические аргументы против подлинности Слова приводятся А. А. Зализняком лишь в двух небольших разделах книги (§ 34 и 35)³⁹, в которых предпринимается попытка отвержения точек зрения и толкований «нелингвистов» — скептиков по ряду «чтений» памятника, особого значения для его датирования не имеющих, что в редких случаях признается и самим автором. Однако допущение подобного чревато необходимостью продолжения дискуссии, новый этап которой можно, видимо, считать начатым, в связи с рассматриваемыми публикациями.

Основные аргументы А. А. Зализняка «за» подлинность, читай также раннее происхождение Слова, в книге рассматриваются в указанном выше ключе через посредство критики гипотетического Анонима — автора «подделки», стилизации, в весьма сумбурно представленной главе с ее многочисленными и не очень взаимосвязанными параграфами, семь первых из которых посвящены общим рассуждениям, предваряющим конкретное обращение к языку памятника⁴⁰. Причем, в седьмом из них содержится как бы расшифровка лингвистических и других способностей, которыми будто бы должен обладать воображаемый сочинитель-Аноним, для чего автору, по собственному его признанию, пришлось принять на себя роль «серьезного *advocatus diaboli*»⁴¹.

Рассмотрим несколько ближе содержание книги, изложенных в ней лингвистических взглядов и основных аргументов А. А. Зализняка, направленных в защиту «подлинности» Слова, понимаемой как его «раннее» происхождение, и критику противоположных доводов и результатов труда ряда исследователей, представляющих иные точки зрения на историю возникновения произведения и подходы к изучению, в частности, исследований А. А. Зимина.

Отметим, что упоминание в названии книги А. А. Зализняка о «взгляде лингвиста» подчеркивает ограничительные рамки исследования научной проблемы Слова, в действительности значительно более широкой, не только лишь лингвистической, которая, безусловно, занимает важное место, наряду с другими. Книга, по сути дела, является сборником тематически объединенных вокруг

Слова, отдельных статей, отличающихся постановкой задач, объемом и глубиной освещения, критических рецензий и откликов на различные публикации, что оставляет общее впечатление рыхлости ее структуры. Главной, занимающей без малого половину книги, можно считать статью «Лингвистические аргументы за и против подлинности «Слова о полку Игореве», которая охватывает, собственно, целиком выдвинутую автором тему. Статья (глава) разбита на 38 параграфов, частью выделенных заголовками в самостоятельные, частью безымянные или соединенные под общими названиями, что приводит к повторам, путанице и неразберихе. Например, помимо неиндексированного названия первой главы (статьи), приведенного выше, встречается также заголовок (скорее, подзаголовок) над двумя параграфами (§ § 34-35) «О лингвистических аргументах против подлинности СПИ» — (Слова).

Не станем далее заострять внимание на подобных нюансах, которые легко обнаруживаются даже при беглом просмотре оглавления (содержания) книги. Укажем лишь, что наименование главы первой не точно отражает сущность выдвинутой автором проблемы, которая, по его мнению, состоит будто бы в установлении подлинности произведения, а на самом деле в подборе и анализе языковых данных, подтверждающих его древность, что автору приходится пояснять дополнительно в начале первого параграфа главы⁴². Существующие, вне сомнений, текстологические соответствия Слова с другим литературным произведением, Задонщиной, отдаленным от него временем написания и сюжетом, не поддается, по мнению А. А. Зализняка, убедительному объяснению без признания первичности Слова как источника в отношении второго.

На этом утверждении А. А. Зализняка базируется, что удивляет, датировка описываемых в Слове событий (на том же основании можно было бы датировать многие события, которые отображены, например, в пьесах В. Шекспира) и «капитальный факт, не оспариваемый никем», по его словам, архаичности языка Слова в сравнении с Задонщиной (с. 8-9). Однако последнее не более, чем вкусовое ощущение, а не доказательство. Если бы факт был общепризнан, то в дальнейших поисках и разносторонних исследованиях, а также в дискуссиях по проблеме Слова, давно бы исчезла всякая необходимость. Между тем проблема не становится с годами менее актуальной, а споры, то на время затухая, то «синим пламенем» разгораются вновь и вновь, что, собственно, иллюстрируется и трехкратным изданием книги А. А. Зализняка (2004, 2007, 2008 гг.). Рассматривая вопрос о причинах бесконечной продолжительности дискуссии по проблеме происхождения Слова, А. А. Зализняк объясняет их прежде всего тем, что ей слишком малое внимание уделялось со стороны лингвистики, на которую он делает основную ставку, слабостью используемых аргументов, их гипотетичностью, излишне заостренной политизированностью

тематики и, наконец, привлекательностью гипотезы «талантливой мистификации». Согласимся с этим, возможно не полным, набором причин длительности дискуссии, отметив все же спорность выдвигаемого автором приоритета лингвистики и преимуществ ее методов перед методами других направлений науки, заинтересованных решением проблем Слова.

Обратимся непосредственно к лингвистическим аргументам работы. Среди них на первом месте стоит употребление в Слове двойственного числа, которое, видимо, должно восприниматься как наиболее весомый или даже убийственный для сомневающихся в древности Слова аргумент. Аргументация А. А. Зализняка базируется и значительно дополняет аналогичные наблюдения его предшественника в этом вопросе А. В. Исаченко, изложенные в работе 1941 г., модернизированные за счет включения гипотетического фальсификатора Анонима, обладателя непостижимой лингвистической гениальности, с общим выводом о невозможности подделки, несмотря на то, что в своих наблюдениях и приведенных примерах констатирует достаточно частое, если не массовое, использование двойственного числа в других разновременных письменных источниках средневековья, оставленных без внимания к их текстологическому анализу, без которого констатация остается лишь таковой, а вывод не убедительным. К тому же он противоречит другим выводам и наблюдениям самого А. А. Зализняка, которые касаются характеристик черт XV–XVI вв., обнаруживаемых в Слове (§ 17). Далее мы еще рассмотрим некоторые из них.

Очевидно, следующими по важности аргументов, призванными подтвердить и усилить первый, служат древнерусские «энкликтики», анализу использования которых в языке, и в Слове в частности, посвящены в работе А. А. Зализняка под этим общим подзаголовком несколько параграфов, несущих просветительно-разъяснительное или учебно-методическое, названное автором техническим, — «на более техническом языке», содержание. Например, рассуждения о законе Вакернагеля, относящегося к древним индоевропейским языкам (§ 9-11), частью имеют критико-poleмическое назначение, как продолжение научного спора автора с иностранными специалистами, в частности М. Мозером (§ 13-а). Особое место в этой аргументации автором уделено энклитике «ся» (до-глагольного — препозиционного или после-глагольного — постпозиционного месторасположения). Приведенные примеры и статистика могут толковаться по-разному. Совсем необязательно однозначно как проявление древности текста Слова, что признается и самим автором как возможность отнесения некоторых его особенностей к языку XV-XVI вв. (см. с. 84-85), проникших в Слове через переписчиков, о чем, собственно, нет никаких других свидетельств, помимо гипотетических предположений. Аналогичные соображения навеивают лингвистические изыскания и аргументы А. А. Зализняка относительно релятивизаторов «то» и «же» (см. с. 86-93).

Не позволяет утверждать однозначно о древности Слова и результаты рассмотрения автором использования имперфекта совершенного вида. Приводимая им статистика (с. 97) не содержит никаких данных по Слову. По этому поводу автор ограничивается только общими рассуждениями о большом сходстве с южными, а не северными древнерусскими источниками, что, по его мнению, в рамках версии подлинности Слова хорошо согласуется с событиями из жизни южной Руси (с. 104). Очевидно, автор считает указанное сходство подтверждением древности Слова, что вовсе не обязательно и не может служить доказательством «подлинности» источников на основе лишь выборки отдельных слов или чтений из множества встречающихся без сплошного текстологического сличения.

Это относится также к аргументации употребления в текстах «второго лица единственного числа аориста» (§ 14-в), ставших нормой церковнославянской грамматики в XVI-XVIII вв. Древность происхождения Слова внесенными примерами (их четыре, с. 112-113) не доказуема и потребовала от автора странных допущений для заключения о невозможности их «фальсификации» (с. 113-114).

На допущениях также построен следующий фрагмент работы А. А. Зализняка (§ 15. «Коротко о других древних чертах»), в котором объединены лингвистические элементы — слова и выражения, будто бы не поддающиеся объяснению зависимостью от другого источника, кроме как гениальности фальсификатора Анонима, что, разумеется, в силу уже предъявленных выше лингвистических «доказательств», просто невозможно принять.

Все бы ничего, если бы не «Особые случаи» (заголовок § 16), в котором автор вынужденно допускается «модернизация первоначального текста под пером переписчика XV-XVI в.» (с. 122). За неимением лучшего объяснения, появление в Слове имен князей Игоря и Ольга (Олега) в соединении с отчеством (Святославличи), автор, признавая это необычным для раннедревнего периода, считает возможным в этом случае отнести данные изменения к работе переписчиков, но не исключает, что они могут иметь эпическое происхождение, чему вообще нет никаких подтверждений, относящихся к раннему времени, так же, как и свидетельств средневековой переписки Слова, от которой не дошло до нас ни одного его списка или иных исторических фактов, кроме гипотетических лингвистических построений и допущений, основанных на «анализе» текста самого Слова.

Продолжение подобных аргументов наблюдается при констатации автором наличия в фонетике, орфографии и морфологии Слова явных черт второго южнославянского влияния, характерных для средневековой русской письменности XIV-XVI вв. (§ 17), но отмечены и лингвистические элементы (словоформы) более позднего времени, соответствующие языковым нормам XVIII в. (с. 126-127). Чтобы выйти из положения, ему приходится далее вновь прибегнуть

к объяснениям с приближением гипотетического Анонима, которому был бы неподъемен предполагаемый автором титанический труд лингвиста — фальсификатора (см. § § 18-20).

Подтвердить эту недопустимость призван «анализ» ошибок опять же предполагаемой, переписки Слова в XV-XVI вв., для чего автором предприняты статистические изыскания и логические сравнения некоторых лингвистических элементов текста Слова, предварительно разделенных и представленных в таблицах, почему-то в одном случае на две части, а в других двух случаях на три (см. с. 134-137). Сравнение привело автора к выводу о том, что переписчик (писец), трудившийся в XV-XVI вв, вначале копировал оригинал достаточно точно, но по мере ослабления внимания все чаще отклонялся от буквы оригинала, записывая нечто более близкое к своей живой речи или, напротив, гиперкорректное к оригиналу. Наблюдения, конечно, интересные, но вряд ли они могут приниматься в качестве бесспорных аргументов подлинности раннедревнерусского произведения. Следы переписчика оказываются скрытыми еще в большей степени, чем следы автора Слова. Возможно, они существовали в одном лице.

Интересными для установления подлинности, но не содержащими аргументов ранней датировки, предстают диалектические особенности Слова, при анализе которых А. А. Зализняк придерживается лингвистических выводов, ранее достигнутых своими предшественниками Н. Каринским, С. П. Обнорским (§ § 21, 22, с. 139-156). Убедительно районировать происхождение Слова он не пытается, отделяясь «едкими» ироническими замечаниями по «псковскому адресу» Анонима-фальсификатора и по поводу явно присутствующих в Слове «белорусизмов». Последнее бесспорно даже для неподготовленного в лингвистике читателя, знакомого с современным белорусским языком.

На этом, фактически, лингвистические аргументы в пользу подлинности, читай древности, Слова заканчиваются. Далее А. А. Зализняком проводится подведение итогов (§ 23. Итоги сравнения СПИ (Слова) с другими памятниками; § 24. Связь СПИ (Слова) с древнерусскими памятниками); § 25. Связь СПИ (Слова) с современными говорами и народной поэзией), которые сводятся к повторению ранее изложенных выводов и предположений, включая сентенции об Анониме — фальсификаторе и невозможности его признания в реальности.

Важными источниками для изучения состояния развития русского языка и письменности, особенно северо-западной части территории расселения славяно-язычного этноса, включая современные Белоруссию и восточную часть Литвы (Вильнюс, Тракай), а также прилегающие к ним районы, являются берестяные грамоты, которым в работе А. А. Зализняка уделено не слишком большое

место (§ 26, с. 166-171), очевидно, потому что сильных аргументов в пользу подлинности и древности Слова, кроме нескольких совпадений и близких слов, однородных или схожих в различных славянских этногруппах, иной общности и аргументов, соответственно, не найдено. По мнению же А. А. Зализняка, каждая новая берестяная находка, когда она «хоть как-то касается проблемы Слова», ложится на «чашу весов в пользу его подлинности». И только, что тут скажешь про аргументы.

Значительно большее место в работе А. А. Зализняка отведено лингвистическому сопоставлению «Задонщина — Слово» (§ § 27-33, с. 171-205), правда, не сплошному, а лишь «нескольких параллелей», как это обозначено заглавием раздела. Методический подход автора к сопоставлению здесь уже не прикрывается завесой объективности, как в начале, а позиционируется вполне открыто как сторонника первоначальности Слова, даже там, где он приводит гипотетические доводы его вторичности, тут же отвергаемые их неприемлемостью, на тех же основаниях, что и прежде с помощью преувеличенного значения надуманного Анонима. Предпринятые автором сравнения чтений Слова с аналогиями в различных списках Задонщины не обеспечивают появления убедительных аргументов, поскольку даже без тщательного сличения ясно, что в текстологической зависимости со Словом находились не все сохранившиеся списки Задонщины, а лишь один, в котором были все чтения сохранившихся, включая «ошибочные». Поэтому критические замечания о гипотезе, на самом деле никем не выдвигавшейся, а тем более А. А. Зиминым, и возможности предположения списывания текстов сразу с пяти списков, выглядят нелепо (с. 187). Выборочные примеры сравнения текстов без осуществления полного текстологического анализа, от которого А. А. Зализняк в работе принципиально отказался с самого начала, ожидаемой убедительности его лингвистическим аргументам не дают при всей их внешней привлекательности. Даже, наоборот, как при анализе бессоюзия в Слове и Задонщине, это приводит к неожиданным результатам, которые могут быть интерпретированы в прямо противоположном направлении, если посмотреть внимательно статистику и расчеты коэффициентов «бессоюзия» и «союзности» (с. 198-201, 203-204). Оказывается, частота употребления бессоюзия в Слове близка к аналогичным показателям произведений Пушкина и Лермонтова, т. е. литературе XIX в., и слишком далеко (в 3-5 раз), отстоит от показателей письменных источников, привлеченных к сравнению, среди которых обнаруживаем «Сказание о Мамаевом побоище», относящееся скорее к XVI в., ошибочно датированное А. А. Зализняком XV в. (см. с. 199, 202). При таких результатах лингвистического сравнения, признавать их убедительными нельзя. Это находится за гранью «обыкновенного здравого смысла», к уровню которого призывает вернуться и сам А. А. Зализняк (с. 205).

Неубедительность лингвистических аргументов «за» подлинность (древность) и первичность Слова по отношению к Задонщине не позволяет принять их как единственно верное объяснение, развенчивающее доказательства «скептиков» и, в частности, результатов исследований А. А. Зимина, относящихся к тем же вопросам, но значительно более обстоятельным, благодаря глубокому текстологическому изучению сохранившейся рукописной традиции Задонщины и других памятников Куликовского цикла.

Перейдем к краткому рассмотрению лингвистической аргументации А. А. Зализняка «против» подлинности Слова (§ 34, 35, с. 205-219) и следующего за ними продолжения (§ 35-а) «Последней книги Зимина». Основанием для А. А. Зализняка служит очередное напоминание, что А. А. Зимин и другие сторонники версии позднего происхождения Слова (А. Мазон, М. Хендлер и другие — неназванные) не являются лингвистами, потому-де не заслуживают доверия их доводы, построенные на «презумпции». При этом данное, по сути дела, обвинение вполне может быть переадресовано самому критику. Примеры — трактовка терминов-аргументов о «стружии» (древко копья), называвшегося так в XV в., тогда как в XII в. употреблялось «оскопище», или отсутствие в литературе до нового времени термина «засапожник». К подобным объяснениям относятся аргументы «поимки» Зимина на трактовке отдельных слов, например, как новообразования «сморци» (сморчи, смерчи), к которому А. А. Зализняк обращается здесь повторно (первый раз в § 26, с. 170, где рассматривалась фраза из Слова «Идутъ сморци мъглами»). Данное чтение необязательно объясняется «новообразованием», поскольку обнаруживается в берестяной грамоте (XII в.) № 663, но оно может быть вполне обоснованно отнесено к более позднему времени и, что еще более важно, стать очередным «белорусизмом» Слова, поскольку и до сих пор встречается в белорусском языке (ср., например, название местности и города Сморгонь с чтением Слова). Еще менее убедительна аргументация присутствия в Слове упоминания собирательного «русичи», не встречающегося в других письменных древнерусских источниках, которая базируется лишь на весьма отдаленных аналогиях схожести с другими терминами (с. 212-213). Подобные примеры могут быть продолжены, но и этих достаточно, чтобы аргументация А. А. Зализняка по ним была отвергнута.

Относительно § 35-а «О последней книге Зимина» в работе А. А. Зализняка (с. 200-231), можно только удивляться тенденциозности ее оценки, в которой напрочь и без всякого рассмотрения отвергается текстологический подход к исследованию взаимосвязанных текстов Задонщины и других памятников Куликовского цикла. Текстология их заменяется бездоказательной собственной концепцией, основанной на априорном утверждении времени появления Слова. Значительное место, при всей краткости отзыва (с. 220-231), в нем отведено

разъяснению содержания «Грамматики» Мелетия Смотрицкого (с. 228-230). Для чего? Только для того, чтобы уличить А. А. Зимина в ошибочности его «лингвистических» утверждений и представлений, якобы не дающих убедительных оснований его выводам, но позволяющим А. А. Зализняку сделать следующее заключение: «последняя книга Зимина практически не меняет той ситуации, в которой находилась дискуссия о СПИ (Слове) в момент ее публикации» (с. 231). Это надо понимать так, что книга А. А. Зализняка представляется последним словом в решении проблемы Слова. Однако с этим согласиться не представляется возможным.

Упомянув в предисловии своей книги об «одной-единственной отрицательной рецензии» на вышедшее в свет первое издание⁴³, А. А. Зализняк в третьем издании помещает дополнительную ответную статью, в которой, опровергая доводы рецензента (Т. Вилкул) предпринимает усилия по укреплению собственных аргументов, продолжив их линию, заданную первой главой⁴⁴, не забыв подчеркнуть, что рецензент, как и названные в одном ряду Мазон, Зимин и Кинан, не лингвист, и так же, очевидно, как те, наивен в своих представлениях и предложенных при рассмотрении противоположных аргументов и подходов. Между тем, рецензент прав, что нет никаких оснований для утверждения превосходства лингвистики в исследовании Слова и нескрываемого отрицания значения в этом общем деле смежных направлений гуманитарных наук. Видимо, уступая все же рецензенту, автор статьи отказывается от введения в свой ответ Вилкул ранее настойчиво использованного гипотетического Анонима, ограничившись признанием «простой имитации», при сохранении прежнего критического взгляда лингвиста на обязательность знаний и способностей выше уровня, свойственного времени создания Слова, и, следовательно, невозможности этого для более позднего исторического периода развития языка.

Уповать на точность методов лингвистики, якобы близкую к математической, что А. А. Зализняк повторяет в различных разделах книги неоднократно, отдавая дань этой сентенции и в своем отклике на рецензию Вилкула⁴⁵, не признавая права на точность за другими отраслями науки, в лучшем случае просто ошибочно. Для этого дают повод примеры использования математики при лингвистическом анализе, приведенные автором в разборе замечаний Вилкул⁴⁶, а ранее в первой главе, которые могут быть интерпретированы далеко не так однозначно, как в авторском исполнении. Например, обращаем внимание на то, что таблица, помещенная в отзыве на рецензию Т. Вилкул, для Слова содержит показатели, превышающие показатели ранних берестяных грамот (XI-XIII вв.) и отчасти языка Киевской летописи⁴⁷, но далеко отстоящих от памятников церковной литературы, впрочем, одновременно и летописей. Это, по мысли А. А. Зализняка, должно подтвердить древность языка Слова и, разумеется, самого источника,

который датируется «неопределенным» временем (от 1185 г. до конца XVIII в. с допуском существования в рукописном сборнике XV-XVII вв.). Убедительной такую статистику не назовешь. Скорее она свидетельствует об обратном, представляя данные о более древнем, чем даже ранние берестяные грамоты, языке Слова, что навеивает лишь подозрения о его нереальности. Дальнейшие комментарии и последующие выводы автора отклика на отзыв и всей книги о неприемлемости «навороченных» предположений об имитации (фальсификации, стилизации и пр.) Слова, требующих сверхвозможных для человека, гениальных лингвистических способностей или хотя бы современной (в прямом смысле) лингвистической научно-образовательной подготовки, приводят его к утверждению подлинности, т. е. древности и раннего датирования времени возникновения произведения.

Аналогичные ассоциации вызывает рассмотрение и авторские комментарии другой таблицы, представленной в том же отзыве на рецензию Вилкул⁴⁸, в которой опять же приведены данные целого ряда источников XI-XII вв., бесспорно уступающие «пальму первенства» по времени происхождения Слово, при соответствующей авторской трактовке, после чего в заключительной части совершенно неожиданно следует общий вывод — признание «всей версии о фальсификации» Слова «предельно маловероятной». Пусть маловероятной, но, следовательно, все же не исключенной из возможных.

После этого следует отсылка А. А. Зализняка к ранее помещенному в книге общему заключению⁴⁹, в котором он возвращает читателя к отрицанию своего гипотетического Анонима как автора Слова, доказывая при этом бессмысленность (из-за совершенной бесполезности для замысла фальсификата) выборки «в Задонщине отрезков для копирования не по содержанию, а по комплексу языковых параметров». Однако для данного утверждения нет достаточных, а лучше сказать никаких, оснований, что, видимо, понятно и самому А. А. Зализняку, допускающему, абзацем ниже, возможность желающим продолжать верить «в свою романтическую идею», опровергнуть которую «с математической непреложностью невозможно: вероятность того, что она верна, не равна строгому нулю, она всего лишь исчезающе мала»⁵⁰. Вывод обнадеживает, несмотря на категоричность следующей затем фразы — «несомненно следует расстаться с версией о том, что «Слово о полку Игореве» могло быть подделано в XVIII веке кем-то из обыкновенных людей, не обладавших сверхчеловеческими свойствами», разумеется, лингвиста. Из-за явного перекоса у автора приоритетов исследования истории происхождения Слова в сторону лингвистики и переоцененности ее значения, заключительные выводы А. А. Зализняка звучат эмоционально, но неубедительно. В них заметны колебания и неполная уверенность в озвучиваемых результатах.

После констатации в заключении своего исследования лингвистических достижений работ предшественников, Р. Якобсона и А. В. Исаченко, А. А. Зализняк пытается объяснить имеющее место недоверие к лингвистическим доводам тем, что они «часто подаются в одном ряду с литературоведческими и историческими, которые, как он считает, гораздо легче оспорить, поскольку они менее строги, из-за чего непреложность собственно лингвистических выводов становится как бы менее заметной»⁵¹.

Возможно, что неоднозначная позиция А. А. Зализняка отражает его прежние колебания во взглядах на Слово, которые не были, по его собственному признанию, «априорной очевидностью» до проведенного им исследования, даже «более того, давление пропаганды советского времени предрасполагало его, как и многих других, к сопротивлению насильственному единомыслию в вопросе о происхождении СПИ (Слова) и, следовательно, к некоторому недоверию»⁵², что закончилось, если судить по итогам заключения, ее (пропаганды — В.М.) победой. Это — констатация, вовсе не упрек. На сомнения имеет право каждый исследователь, академик — не исключение.

Однако лингвистический взгляд не может пренебрегать обзором, желательно как можно более глубоким, в целом проблемы Слова как исторического источника, безусловно, являющейся комплексной, а потому требующей внимания не только лингвистики, но и многих других научных дисциплин, в первую очередь текстологии.

В этой связи, книга А. А. Зимина о Слове (2006) представляется нам несравненно более высоким научным достижением, чем лингвистические взгляды А. А. Зализняка, которые ни в коем случае также не должны игнорироваться. Несмотря на декларированную обоюдно авторами противостоящую уверенность выводов, окончательное решение проблемы истории Слова пока не достигнуто. Дальнейший поиск и продолжение работ оставлены их последователям.

Предпринятая А. А. Зализняком попытка опровержения гипотезы, наблюдений и результатов исследований Слова А. А. Зиминим, по нашему мнению, оказалась несостоятельной, потому что лингвистический взгляд не проявил какой-либо большей прозорливости и научно-методических преимуществ перед комплексным историко-источниковедческим, текстологическим и историко-филологическим методом. Место «единственного» критика — ниспровергателя результатов исследований А. А. Зимина остается «вакантным» в ожидании новых попыток.

Впрочем, они не заставят себя долго ждать. Некоторые из них детально анализируются в представленной выше книге А. А. Зализняка (статьи К. Троста, М. Хендлера, Р. Айтцетмюллера и книга Э. Кинана), с критикой которых мы полностью солидаризируемся (с. 282-405), отмечая ее основательность и глубину. Всерьез рассматривать значение работ названных авторов

в сопоставлении с результатами исследования А. А. Зимина нет, положительно, никакой, необходимости. Выдвинутая Э. Кинаном гипотеза о принадлежности авторства Слова чешскому слависту Йосефу Добровскому (1753-1829), а не И. Быковскому, по А. А. Зимину, не выдерживает критики, как попытка совершенно необоснованная, аргументированная собственно лишь тем предположением, что тот во время полугодового пребывания в 1792-1793 гг. в России располагал возможностью ознакомиться с историческими источниками Слова — Ипатьевской летописью, одним из списков Задонщины и другими документами, чего, конечно, было абсолютно недостаточно для создания сюжетно-композиционно нового литературного произведения на «архаическом» восточно-славянском наречии. Его произведению была бы уготована судьба, аналогичная судьбе так называемой Краледворской рукописи В. Ганки, на выявление подложности которой потребовалось значительно меньшее время, чем на изучение Слова.

Продолжение полемики вокруг Слова и организация исследования проблемы с тем, чтобы при этом не толочь в ступе воду, на сегодня остается задачей актуальной. Более чем двухвековые традиционные исследования проблемы Слова методами «качественного» — логического анализа не привели к однозначным результатам, периодически вызывают горячие споры и разобщенность в рядах ученых, а за ними и всех читателей. Ошибки влекут или могут повлечь «накладки» и «сбои» в процессе обучения и воспитания молодежи. Однако установление общественного согласия по такой проблеме, как Слово, любым способом, из числа имеющихся в опыте, даже самых демократичных, является неприемлемым, если оно не достигнуто в поисках научной истины и не стало само собой разумеющимся общим достоянием. В отношении проблематики Слова этого, очевидно, пока не произошло. Она по-прежнему остается в дискуссионной повестке. Скорых ее решений в обозримой перспективе, к сожалению, не просматривается, несмотря на высшую степень актуальности и заинтересованности. Для продолжения исследований и новых поисков требуется не индивидуальная работа ученых инициаторов-энтузиастов, которые, безусловно, также найдутся, подобно А. А. Зимину и А. А. Зализняку, но лучше организованные, планируемые, постоянно координируемые и публично доступные к обсуждению научно-исследовательские работы под эгидой и управлением специализированного научного (академического) или научно-исследовательского образовательного (университетского) центра (таковых в стране появилось немало), вполне способных приняться за решение проблем Слова с комплексных научно-методических позиций, думается, добиться эффективного результата в более короткие сроки, чем это удастся получить с расчетом на появление и энтузиазм гениальных специалистов, ни в коем случае не закрывая им путь.

Определенное координирующее воздействие на проблематику изучения Слова, мог бы оказать, будь он организован как постоянный орган, периодически созываемый специализированный международный (возможно, славянский) симпозиум. Нет сомнений, что подобная инициатива была бы поддержана. Периодически проводимые Российским государственным гуманитарным университетом, совместно с РАН, Зиминские чтения, из-за широты своей тематики, свойственной интересам и научному вкладу А. А. Зимины, не могут служить заменой предложению о регулярном специальном конференционном мероприятии по «слововедению».

Наиболее важным направлением, возможно, определяющим в дальнейшем результаты изучения Слова, станет совершенствование научно-методической базы, развитие которой, видимо, пойдет по пути разработки, экспериментальной апробации и расширения практического использования математических методов, программирования и средств информационной электронно-вычислительной техники.

В этой области имеется немалый опыт, начиная с 1960-х гг., требующий особого внимания и обобщения, потому что накопленные объемы информации по Слову уже сейчас с трудом поддаются освоению, и эффективная реализация исследовательских задач становится просто невозможной.

Почетные примеры в сфере разработки и применения нового научно-методического аппарата в подобных исследованиях, конечно, есть, и они не единичны, но все еще не распространены на область слововедения, или используются в ней в очень ограниченных пределах.

Наиболее плодотворно, как нам представляется, работает в аналогичном научно-методическом направлении школа кафедры исторической информатики (рук. профессор, член-корреспондент РАН Л. И. Бородин), МГУ им. М. В. Ломоносова и ИАИ РГГУ.

Есть убедительные успехи практического использования новых методов в изучении древнерусских рукописных переводов Библии и других памятников письменности⁵³. Но все же их применение имеет пока весьма ограниченный ареал, несмотря на очевидную необходимость расширения, что было отмечено выше, при анализе фрагментов о статистических показателях лингвистических сравнений Слова с другими историческими источниками, отраженными в работах А. А. Зимины и его критика А. А. Зализняка.

Затронутый здесь вопрос о развитии научно-методического обеспечения исследований Слова требует специального рассмотрения и вполне заслуживает быть вынесенным на коллективное обсуждение специалистов различных научных организаций и образовательных учреждений.

Признание Слова литературным произведением эпохи феодальной раздробленности, охватившей восточно-европейскую территорию XII – первой

половины XIII вв., в еще большей степени второй половины XIII–XIV вв., и даже значительной частью XV в., противоречит картине жизни и развития культурно-исторического процесса, включая литературный, в существовавших социально-экономических условиях того времени. Кратко отметим их лишь некоторые наиболее важные черты, значимые для письменности и отразившиеся в ней. Опускаем, из-за спорности и слишком высокой степени вероятности расчетов, даже приблизительные данные о численности населения указанных территорий, несмотря на чрезвычайно важное значение этого фактора развития, его связей и влияния на все другие показатели социально-экономической среды обитания, хозяйственный уклад и т. д. Сознавая важность этого фактора, оставляем его для возможного в дальнейшем специального рассмотрения.

Развитие письменности взаимосвязано с грамотностью и их распространением. Грамотность в обозначенный период — удел не многих, в основном, княжеской знати, служителей церкви, монастырей. Последних, переживающих трудности начального существования, еще очень мало. Среди распространителей грамоты пришлые из других земель (Византии, Балкан, Палестины) «миссионеры», возможно, некоторые овладевшие ею феодалы-князья, их родственники, приближенные тиуны-слуги (порученцы-исполнители), да некоторые занятые торговой меной горожане, впоследствии «гости» (купцы). Письменность, преимущественно, носит утилитарное управленческое, судебно-правовое и учетно-хозяйственное назначение, отражаясь в церковных и княжеских уставах, правовых (законодательных, судебных) и имущественных актах и договорах. Литература, в основном церковная, переводная, является подспорьем церковному и монастырскому служению. Материалы, средства и орудия письма, несомненно, дорогостоящие, потому что завозные, добытые при «хождениях» в Палестины, Византию, на Балканы. Основной носитель — пергамент, выделанная кожа («телятина»). «Отечественные» средства, по крайней мере с XI в., представлены берестяным письмом, используемым, на нашем современном языке, в целях оперативного информационного обмена, но никак не книжного дела, главным образом на северо-западе территории, что позволяет думать об относительной распространенности письменности. Однако производство бумаги — еще в отдаленном будущем, как и книжное. Графика письма — устав и ранний полуустав — не обеспечивают возможности быстрого письма, требуют много больше времени, чем позднее появившаяся скоропись. На этом фоне вопрос, — сколько списков Слова могло быть создано, будь оно написано на границе XII–XIII вв., чтобы один из них дожил до конца XVIII в., даже пусть в копийном виде в составе сборника XVI–XVII вв. выглядит далеко не праздным. Какова математическая вероятность этого, если известно, что и в более благополучные периоды истории, считая таковыми с XV в., даже

самые жизненно важные книги и документы, как, например, имущественно-правовые акты, сохранились в очень малом количестве, погибая во времени вместе с частыми пожарами, «морами» — эпидемиями, разбойными нападениями, усобицами и войнами, косившими людей целыми селами и городами со всем их скарбом, имуществом, со скоростью утраты, как установлено исследователями, до 85% за 100-летие. Последнее обстоятельство означает, что сохранность и рукописного наследия за тот же вековой срок составляет, примерно, 15%⁵⁴. И это не так мало, как может показаться.

Для сравнения напомним, что в настоящее время «нормативными» показателями постоянного (вечного) хранения, принятыми для государственных архивов, считаются объемы в 2-4% от документального фонда организаций⁵⁵. Библиотеки имеют несколько иные, собственные, нормативы, отличающиеся от архивов, но достаточно близкие, по списанию и хранению фондов.

Опираясь на обозначенные выше данные, можно произвести, в целях ретроспективной оценки, примерный расчет количества списков для каждого из сохранных рукописных произведений, существовавших в определенный (расчетный) период, чтобы тем самым оценить возможность той или иной ситуации с сохранностью рукописного наследия прошлого.

В случае со Словом, считая его происхождение традиционно ранним (граница XII–XIII вв.), потребуется признать, при обнаружении единственного сохранившегося к концу XVIII в. списка, что до этого времени, в конце XVII в., их было не менее 6-7, а веком раньше (конец XVI в.) их должно было насчитываться еще раз в 6-7 больше, т.е. не менее 40-50 списков. Один из них, возможно, и должен был находиться в составе сборника (XVI–XVII вв.), как будто бы позднее принадлежавшего Иоиллю Быковскому, от которого он попал в руки А. И. Мусина-Пушкина, для того чтобы сгореть в московском пожаре 1812 г., но успев перед этим начать новую жизнь, благодаря 1-2 копиям и последовавшему вскоре первому изданию (1800 г.).

Следуя принятой логике, до обретения места в упомянутом сборнике, этот или какой-то еще список Слова послужил источником Задонщины, кстати, дошедшей до нас в нескольких списках не менее двух редакций, а затем, вместе с Задонщиной, нашел отражение в Сказании о Мамаевом побоище, представленном множеством сохранившихся рукописей нескольких редакций и их изводов (XVI–XVII вв. и более поздних). Однако, все это подробно исследовано А. А. Зиминым, содержится в его работах о Задонщине и в последней книге о Слове, что освобождает нас сейчас от необходимости нового текстологического сличения названных произведений и множества их списков.

Приведенные выше «выкладки» о статистических закономерностях сохранности рукописного наследия прошлого подтверждают математически малую

вероятность существования Слова в ранний исторический период, потому что регрессивная (ниспадающая) экспонента, отражающая количественные показатели сохранения Слова в периоде от XV в. до XII в., более чем очевидно, противоречит разумной возможности этого, прежде всего в силу социально-экономических причин, условий времени татаро-монгольского владычества и особенностей развития письменности.

Остается выстраивать вероятность случайного сохранения списка Слова почти в первозданном виде раннедревнего периода, которая в математическом выражении ничтожно мала. Теоретически она составляет менее $1/10000$, т. к. предположительно, согласно приведенным выше данным, в XV в. насчитывалось бы, примерно, 250-300 списков, в XIV в. — около 1500, в XIII в., следовательно, не менее 10000 списков). Если же для расчетов использовать показатель сохранности, уменьшенный до современного, то подобная вероятность понизится еще на 2-3 порядка в соответствующих исторических периодах.

Вероятность подобной случайности соответствует выводам работы о Слове А. А. Зализняка на основе его лингвистического анализа, если не принимать аргументов А. А. Зими́на. В частности, это касается того, что Слово вторично по отношению к Задонщине. Оппоненты Зими́на, упорно настаивая на первоначальности памятника, мотивируют свои доказательства «от противного», отрицая всякую возможность создания Слова в более позднее время, для чего, по утверждению А. А. Зализняка, потребовался бы гениальный гипотетический лингвист по имени Аноним и руководствуются доводами чеховского героя-спорщика, — «не может быть, потому что этого не может быть никогда».

Лингвистической гениальности Анонима вовсе не требовалось бы создателю Слова, если признать, что он жил значительно позднее и имел перед собой тот относительно небольшой набор письменных источников, который очертил в своей работе А. А. Зимин, включая текст Задонщины⁵⁶. Используя летописный сюжет из доступной летописи и текст Задонщины, автор Слова, следуя творческому стилю, свойственному своему времени — компиляционному, пользуясь своими достаточно обширными знаниями, наблюдениями, жизненным опытом и чутьем, создал новое литературное произведение, названное при издании «ироической песнью». Сам автор Слова на такое название, возможно, даже и не претендовал.

«Компилятивный» стиль средневековой русской литературы, вплоть до истечения XVIII в. вполне очевидное, распространенное явление, как способ творчества был нормой, отнюдь не воспринимался современниками зазорным. История литературы изобилует множеством тому примеров. Некоторые из них нашли отражение в книге о Слове и других работах А. А. Зими́на. Компилятивный стиль творчества древнерусских писателей отражал особенностями языка

на «пограничном» пути развития религиозно-церковной, т. е. агиографической (житийной), и светской литературы (летописные повести, сказания), постепенное разделение этих направлений в ходе литературного процесса. В лингвистических взглядах на Слово А. А. Зализняка должного внимания это не нашло, по нашему мнению, вследствие отказа от историко-текстологического отбора «языковых источников» для сравнительного изучения.

* * *

Подводя общий итог изложенному, констатируем несостоятельность предпринятых в последнее время попыток дезавуировать результаты многолетнего исследования научных проблем «Слова о полку Игореве», представленные в монографии и других работах А. А. Зимина, осуществленных на основании выдвинутой им еще в 1962-1963 гг. концептуальной гипотезы создания литературного произведения, изучение которого нельзя признать завершенным. По-прежнему в освещении его истории остается множество «белых» пятен и дискуссионных вопросов, вызывающих необходимость продолжения исследований с использованием более современного их научно-методического обеспечения, для разработки которого требуется высокий уровень организации, сосредоточение и координация усилий специалистов различного научного профиля, чему могло бы способствовать продолжение открытой дискуссии, взамен давно спорадически ведущейся острой полемики по проблемам изучения «Слова о полку Игореве».

Однако даже при соблюдении этих условий, ожидания немедленного получения продуктивных результатов быть не должно. Требуется время, по прикидкам, минимум на поколение, возможно, даже не на одно, поэтому лучше не задерживаться — продолжать исследования и упорный поиск истины. Залогом успеха и образцовым примером в этом деле может служить научный подвиг А. А. Зимина.

¹ *Формозов А. А.* «А. А. Зимин. Слово и дело. Страницы дневника. 1963-1977 гг. // Вопросы истории. 1992. № 6/7.

² *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве. — СПб., 2006. С. 3-4.

³ *Творогов О. В.* О книге А. А. Зимина. В кн.: Зимин А. А. Слово. С. 7.

⁴ «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. Сб. статей. М.-Л., 1962.

⁵ Вопросы истории // 1964. № 9. С. 121-140.

⁶ См. напр.: *Зимин А. А.* Спорные вопросы текстологии Задонщины // «Русская литература». 1967. № 1. С. 84-104; *Дмитриева Р. П., Дмитриев Л. А., Творогов О. В.* По поводу статьи А. А. Зимина... Там же. С. 105-121.

⁷ Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М. — Л., 1966. С. 619.

- ⁸ Там же. С. 10.
- ⁹ *Лихачев Д. С.* Черты подражательности «Задонщины». (К вопросу об отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве» // *Русская литература.* 1964. № 3.
- ¹⁰ Вопросы литературы. М., 1964. № 8. С. 132-160.
- ¹¹ «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М. — Л., 1962. Во вступительном очерке «От редакторов» (Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев) второго сборника ошибочно указан год издания первого — 1964 (вместо 1962). См.: С. 8, ссылка 2.
- ¹² Цит. по кн.: Хокинг С. Кратчайшая история времени / С. Хокинг, Л. Млодинов; пер. с англ. — СПб., 2014. С. 167.
- ¹³ *Лихачев Д. С.* Когда было написано «Слово о полку Игореве» // *Вопросы литературы.* 1964. № 8. С. 132-160.
- ¹⁴ Там же..
- ¹⁵ *Рыбаков Б. А.* Слово о полку Игореве и его современники. М., 1971. С. 282; *он же.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.
- ¹⁶ *Дмитриев Л. А.* в кн.: Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1-5. СПб. — 1995.
- ¹⁷ Слово о полку Игореве: древнерусский текст и переводы. Сост., вступит. статья, подготовка древнерусского текста и коммент. В. И. Стеллецкого. Илл. В. Носкова. М., 1981. — 288 с.; Слово о полку Игореве. Древнерусский текст и переводы. Вступит. статья, ред. текстов, прозаич. и поэтич. Пер., примеч. к древнерусскому тексту и словарь В. И. Стеллецкого. Стихотворн. переложение и пояснения к нему Л. И. Тимофеева. М.: 1965; Слово о полку Игореве. Поэтические переводы и переложения В. Д. Кузьминой и В. И. Стеллецкого. Под общ. ред. В. Ржиги. М.: 1961; Слово о полку Игореве. Вступит. статья, ред. текста, прозаич. пер. и примеч. Н. К. Гудзия. Поэтич. перевод и примеч. В. И. Стеллецкого. М.: 1955 и др.
- ¹⁸ Задонщина. Под ред. и с предисл. д. и н. А. А. Зими́на. Тула, 1980. — 125 с.
- ¹⁹ *Зимин А. А.* Задонщина. Опыт реконструкции Пространной редакции // Уч. записки НИИ при Совете Министров Чувашской АССР. Вып. 36. Чебоксары. 1967. С. 216-239; *он же.* — Текстология Пространной Задонщины // Уч. записки НИИ при Совете Министров Чувашской АССР. Вып. 47. Чебоксары. 1969. С. 91-111.
- ²⁰ *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве.
- ²¹ *Творогов О. В.* О книге А. А. Зими́на. См.: *Зимин А. А.* Слово. С. 5-7.
- ²² *Дмитриев Л. А.* Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Словарь-справочник «Слова о полку Игореве».
- ²³ *Зализняк А. А.* «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. Изд. третье, доп. М., 2008. — 480 с.; первое изд. — 2004 г., второе изд. — 2007 г.
- ²⁴ Благодарность В. Л. Янину за возможность воспользоваться экземпляром преддискуссионного варианта книги А. А. Зими́на 1963 г. (без указания времени). Упоминание в предисловии об опубликовании окончательного текста работы А. А. Зими́на (2006 г.) после выхода в свет первого издания собственной работы А. А. Зализняка (2004 г.). Весь § 35а — О последней книге Зими́на. См.: *Зализняк А. А.* Слово..., — с. 3, 7, 220-231 и др.
- ²⁵ *Зимин А. А.* Слово. С. 256.
- ²⁶ *Зализняк А. А.* Слово. С. 5-6.
- ²⁷ Там же. С. 205-206, 220-231 и др.
- ²⁸ Там же. С. 12-13, 205 и др.

- ²⁹ Там же. С. 25-29.
- ³⁰ См., напр.: там же. С. 67, 134-137, 199-201, 418, 442.
- ³¹ *Зимин А. А.* Слово. С. 256-301.
- ³² Там же. С. 289-291, сноска 281.
- ³³ Там же. С. 12, 256.
- ³⁴ *Зализняк А. А.* Слово. С. 220-231.
- ³⁵ Там же. С. 5-6.
- ³⁶ Там же. С. 8-248.
- ³⁷ Там же. С. 4.
- ³⁸ *Зимин А. А.* Слово. С. 14-104.
- ³⁹ *Зализняк А. А.* Слово. § 34, с. 205-211; § 35, с. 211-219.
- ⁴⁰ Там же. С. 8-40.
- ⁴¹ Там же. С. 39, прим. 4.
- ⁴² Там же. С. 8
- ⁴³ *Вилкул Т.* Рец. На кн.: А. А. Зализняк. Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста // *Ruthenica*. Т. 4. Київ, 2005. С. 262-279.
- ⁴⁴ *Зализняк А. А.* Слово. С. 406-445.
- ⁴⁵ Там же. С. 408.
- ⁴⁶ Там же. С. 418-419 (Ср.: С. 67-68, 97-98, 135-137).
- ⁴⁷ Там же. С. 418, 442.
- ⁴⁸ Там же; с. 442-444.
- ⁴⁹ Там же. С. 445, 244-248.
- ⁵⁰ Там же. С. 248.
- ⁵¹ Там же. С. 244-245.
- ⁵² Там же. С. 245.
- ⁵³ *Шпирко С. В.* Математические методы классификации списков древнерусских текстов. Автореф. дисс... канд.ист.наук- М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. 2019.
- ⁵⁴ *Капитанов С. М.* Финансы средневековой Руси. — М.: — 1988. С. 115-116. См.также: *Мингалев В. С.* Подходы к методике реконструкции состава и содержания исторических документов и архивных фондов. — В сб.: *Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. Докл. и сообщ. на Пятой Всероссийской научной конференции 4-5 апр. 2005 г.* — М., 2005. С.. 179.
- ⁵⁵ *Автократов В. Н.* Проблемы комплектования государственных архивов современными документами (источниковедческий аспект) // *Источниковедение отечественной истории: Сб.ст.* 1975 г. — М., 1976. С. 8-9, прим. 6.
- ⁵⁶ *Зимин А. А.* Слово. С. 254-255.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Автократов В. Н.* Проблемы комплектования государственных архивов современными документами (источниковедческий аспект) // *Источниковедение отечественной истории*: Сб.ст. 1975 г. — М., 1976.
2. *Вилкул Т.* Рец. На кн.: А. А. Зализняк. Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста // *Ruthenica*. Т. 4. Київ, 2005. С. 262-279.
3. *Дмитриева Р. П., Дмитриев Л. А., Творогов О. В.* По поводу статьи А. А. Зимины // *Русская литература*. 1967. № 1. С. 105-121.
4. *Задонщина*. Под ред. и с предисл. д.и.н. А. А. Зимины. Тула, 1980. — 125 с.
5. *Зализняк А. А.* «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. Изд. третье, доп. М., 2008. — 480 с.; первое изд. — 2004 г., второе изд. — 2007 г.
6. *Зимин А. А.* *Задонщина*. Опыт реконструкции Пространной редакции // *Уч. записки НИИ при Совете Министров Чувашской АССР*. Вып. 36. Чебоксары. 1967. С. 216-239.
7. *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве. — СПб., 2006.
8. *Зимин А. А.* Спорные вопросы текстологии *Задонщины* // «Русская литература». 1967. № 1. С. 84-104.
9. *Зимин А. А.* Текстология Пространной *Задонщины* // *Уч. записки НИИ при Совете Министров Чувашской АССР*. Вып. 47. Чебоксары. 1969. С. 91-111.
10. *Капитанов С. М.* Финансы средневековой Руси. — М., 1988
11. *Лихачев Д. С.* Когда было написано «Слово о полку Игореве» // *Вопросы литературы*. 1964. № 8. С. 132-160.
12. *Лихачев Д. С.* Черты подражательности «*Задонщины*». (К вопросу об отношении «*Задонщины*» к «Слову о полку Игореве» // *Русская литература*. 1964. № 3.
13. *Мингалев В. С.* Подходы к методике реконструкции состава и содержания исторических документов и архивных фондов. — В сб.: *Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе*. Докл. и сообщ. на Пятой Всероссийской научной конференции 4-5 апр. 2005 г. — М., 2005.
14. *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.
15. *Рыбаков Б. А.* Слово о полку Игореве и его современники. М., 1971.
16. Слово о полку Игореве. Вступит. статья, ред. текста, прозаич. пер. и примеч. Н. К. Гудзия. Поэтич. перевод и примеч. В. И. Стеллецкого. М.: 1955.
17. Слово о полку Игореве. Древнерусский текст и переводы. Вступит. статья, ред. текстов, прозаич. и поэтич. Пер., примеч. к древнерусскому тексту и словарь В. И. Стеллецкого. Стихотворн. переложение и пояснения к нему Л. И. Тимофеева. М.: 1965.
18. Слово о полку Игореве: древнерусский текст и переводы. Сост., вступит. статья, подготовка древнерусского текста и коммент. В. И. Стеллецкого. Илл. В. Носкова. М., 1981. — 288 с.
19. Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М. — Л., 1966.
20. «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. Сб. статей. М.-Л., 1962.
21. Слово о полку Игореве. Поэтические переводы и переложения В. Д. Кузьминой и В. И. Стеллецкого. Под общ. ред. В. Ржиги. М.: 1961;
22. *Творогов О. В.* О книге А. А. Зимины. В кн.: *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве. — СПб., 2006.

23. *Формозов А. А.* А. А. Зимин. Слово и дело. Страницы дневника. 1963-1977 гг.// Вопросы истории. 1992. № 6/7.
24. *Хокинг С.* Кратчайшая история времени / *С. Хокинг, Л. Млодинов*; пер. с англ. — СПб., 2014.
25. *Ширко С. В.* Математические методы классификации списков древнерусских текстов. Автореф. дисс... канд.ист.наук- М.: МГУ им. М. В. Ломоносова. 2019.
26. Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1-5. СПб. — 1995.

*Козлов В. П.
РГГУ, Архив РАН*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ А.А. ЗИМИНА

Аннотация: Рассмотрен ряд теоретических вопросов, связанных с источниковедческим пониманием подлинности, достоверности, познавательных возможностей документальных исторических источников. Впервые приведены некоторые мнения А.А. Зимина о сущности источниковедческого анализа как системного, т.е. комплексного, изучения источника. Даны примеры источниковедческой критики документальных источников XX в.

Ключевые слова: А.А. Зимин, документальное источниковедение, документальный источник, подлинный документальный источник, достоверный документальный источник, документальный фальсификат.

*Kozlov W.P.
RSUH, Archive RAN*

SOME ISSUES OF DOCUMENTARY SOURCE STUDIES IN THE SCIENTIFIC HERITAGE OF A. A. ZIMIN

Abstract: A number of theoretical issues related to the source study understanding of authenticity, reliability, and cognitive capabilities of a documentary source are considered. For the first time, some opinions of A.A. Zimin about the essence of source analysis as a system, i.e. a comprehensive study of the source, are presented. Examples of source criticism of documentary sources of the twentieth century are given. Introduced the concept of documented

Keywords: A.A. Zimin, documentary source studies, documentary source, authentic documentary source, reliable documentary source, documentary falsification

Мне кажется, сегодняшняя конференция, посвященная памяти А.А. Зимина, седьмая по счету с 1980 г., проходит в очень интересное время, воздействующее и на его историографический контекст. Общий характер его на протяжении последних трех десятилетий пока определяется почти абсолютной за все время существования российской историографии свободой мировоззренческой основы исторических трудов,

сдерживаемой лишь финансовыми возможностями их подготовки и издания и профессиональным умением. Эта свобода, если говорить об истории XX столетия, поддерживается и медленным, но все же впечатляющим открытием российских и зарубежных архивов, создающим возможности не только для изучения ранее недоступных, хотя востребованных страниц истории, но и для разработки исторической проблематики, немислимой в рамках историографических и политических приоритетов недавнего прошлого.

Атмосфера свободы вместе с удачными финансовыми обстоятельствами позволила получить крупные результаты в изучении прошлого России. Она же породила огромный поток исторической литературы, рассчитанной на определенный спрос, а не на поиск правды и истины прошлого. С другой стороны, история в это же время стала все больше и больше политизироваться, причем, не только в рамках неких официальных формальных и не формальных общественных объединений, но и на уровне государственной политики. История как знание о прошлом сегодня настолько политизирована, что стала объектом законодательного регулирования, немислимого даже еще в начале XX в. Как объяснение этого — беспокойные заявления «о фальсификации истории» — и тоже на государственном уровне. Крайний случай — это попытки по примеру ряда зарубежных стран законодательно табуизировать определенную точку зрения на события и явления прошлого. При таких подходах к изучению прошлого документальный источник становится ненужным, тем более какие-то рассуждения о его подлинности и достоверности и познавательных возможностях.

Документальный источник становится ненужным и для другого подхода к постижению истории. Одно из его ответвлений утверждает, что прошлое вообще не познаваемо. Другое объясняет эту непознаваемость тем, что источники, достающиеся от прошлого, либо сфальсифицированы, либо не способны даже в малейшей степени адекватно запоминать прошлое.

Такой скептицизм неизбежно рождает цинизм, принципиально отрицающий необходимость сохранения документальной памяти, либо вполне сознательно стремящийся к ее ликвидации, в том числе и по соображениям личной безопасности правящих элит. В этих условиях только вера в тот или иной конструктив помогает объяснять прошлое.

Итак, ранее признаваемый тезис о том, что прошлое мы конструируем и реконструируем через исторические источники ныне имеет своих критиков. Их крайнее, наиболее радикальное крыло утверждает, что история как прошлое — сфера, не подвластная познанию. Более умеренные сторонники этой точки зрения предпочитают говорить о том, что познание прошлого — всего лишь «акт веры», интуитивного и иррационального воспроизведения ушедшего, даже бесчисленное число театральных постановок. Исторического источника для сторонников этих позиций не существует, т.к. он просто не нужен,

бесплезен¹. Правда признание т. н. «истории повседневности» как направления, способного через микромир прошлого понять его макропроцессы, заставляет более внимательно и заинтересованно относиться к источникам.

В этом смысле А. А. Зимин своей биографией демонстрирует нам важный пример. В самом деле, на рубеже 40-х — 50-х гг. у него был выбор — вернуться в родной МГУ в качестве преподавателя. Однако он сделал выбор в пользу МГИАИ. Не думаю, что здесь главную роль могло сыграть то обстоятельство, что в это время творческая атмосфера в маленьком вузе была более либеральной, чем в МГУ. Зимины притягивал больше документальный источник, нежели конструирование вне его исторического знания. Документальный источник — сначала Правда Русская, а затем актовые документы, в этот период привлекали его внимание особенно пристально.

Современная проблематика изучения Средневековой России в значительной степени сохранила свой традиционализм и высокий исследовательский профессионализм советской поры. В новых условиях с особой остротой встает вопрос о нашем отношении к той, советской историографии, существовавшей в рамках сверхидеологизированного государства.

Историография новой России, находясь в эйфории от свободы, склонна, демонстрируя внешнее уважение, быть небрежной в оценках заслуг историков прошлого, быть к ним снисходительно простодушной, нередко обличительной или апологетичной, а то и просто демонстрирует игнорирование их. Свобода вообще как-то постепенно у нас сменяется не столько свободой внутри цеховой, сколько свободой внутрикастовой. Фрагментарность школ, вполне оправданная, все больше и больше дополняется фрагментарностью оргструктур, институций изучения прошлого. Возможно, что именно это обстоятельство порождает изоляционизм идей, мешает их активной циркуляции и обмену, например, в рамках дискуссий не только между идеями, но и институциями. А, может быть, и наоборот.

Но в любом случае свобода идей, в современной историографии вещь вполне состоявшаяся, не сопровождается столь необходимой свободой обмена и обсуждения этих идей, в том числе и очень важных, хотя, может быть, и не самых главных.

Размышляя над этим, я все время пытаюсь представить себе, что бы мог сказать сегодня по этому поводу Зимин. И согласился ли бы он с этими рассуждениями. Но не могу, увы, услышать его мнение как и все другие. Хотя можно попытаться реконструировать это мнение, благо материалов для этого более чем достаточно.

Если не ошибаюсь, уже после выхода книги Зимины об опричнине Ивана Грозного, его впервые назвали не патриотом, человеком, всего лишь использовавшем ради академической карьеры «модную» тему самовластия в истории России, ставшую возможной для рассмотрения в годы хрущевской оттепели. О книге о Слове о полку Игореве и говорить не приходится: несмотря на внешне

академический характер ее обсуждения под прозвищем «скептик» так и слышалось определение «не патриот».

И это в то время, когда Зимин активно собирал материалы, и даже уже написал первые главы документальной «Российской саги о Форсайтах» — книги «Сумерки и надежды» — этой гордой, скорбной и оптимистической книги об истории России на протяжении почти тысячелетия на примере известных и малоизвестных представителей дворянских династий Каменских-Мироновых. В ней в каждой строке чувствуется не просто любовь и сострадание к своим предкам, а к россиянам, к России на Арбате, к России в смоленском селе Курьяново, к той части людей России, что после 1917 г. оказалась в эмиграции. А когда выдающийся гражданский поэт нашей страны Н. М. Коржавин покинул полудобровольно СССР, Зимин написал ему не только трогательные, но и нелицеприятные строки по поводу этого поступка, что не помешало им остаться друзьями: «Ты за столом не среди нас / Не пьем мы «Коку-колу» ведрами / Не пялим воспаленных глаз / На тех, кто крутит бедрами. / У нас у всех судьба одна / И кто сегодня с нами, / Тот молча кубок пьет до дна, / Наполненный слезами»². И сегодня, когда уже почти привычным, а то и, не дай Бог, модным, становится перенос праха деятелей первой волны российской эмиграции в Россию, полезно напомнить слова Зимина об одном из главных героев его книги, патриоте России, давшем жизнь теперь знаменитой во всем мире актрисе Хелен Миррен, увы, оказавшейся уже не россиянкой. Речь идет о полковнике русского Генерального штаба П. В. Миронове, оставшемся в эмиграции после 1917 г. в Англии: «Но в сердце народа найдется место для всех тех, кто всю жизнь его любил, страдая на чужбине. Рахманинов и Стравинский, Бунин и Цветаева, Шаляпин и Павлова, ученые и писатели, все они войдут в святыню национального Пантеона России. Среди тех, кого помнят «добрым, тихим словом» будет и Петр Васильевич Миронов». «Ощущение Родины, — писал Зимин в «Недодуманных мыслях», — также чувство. Тем отвратительнее те, которые кричат об этом на каждом перекрестке. Они — кимвол звенящий. Ты не будешь ведь кричать о своей любви к близким тебе людям, почему же ты должен распинаться в чувствах к родине?».

Зимин как историк, воспитанный и работавший в советскую эпоху, в идеологическом государстве с методологией марксизма-ленинизма — кто он в действительности был? Историк-марксист или историк, лишь делавший по правилам своего времени поклоны в сторону того ортодоксального марксизма, который победил как раз ко времени становления Зимина как историка? Или историк, старательно и не без пользы использовавший классические марксистские постулаты — не случайно в его архиве сохранился русский перевод работы Карла Маркса о российской истории — тогда не опубликованной, но распространявшейся в многочисленных списках, выполненных на тончайшей папиросной бумаге?

Мне кажется, что ответы на эти вопросы имеют познавательное и принципиально важное значение для оценки не только Зимина как историка, но и советской историографии — к большому отряду отечественных историков-феодалов того времени, сквозь очень прочное сито отзывов которых проходили многие работы Зимина, а также его коллег. Однажды, в очередном споре, я упрекнул его за статью о Ленине и В.О. Ключевском. Обиженный, он открыл эту статью, начал читать, а потом прокомментировал в том смысле, что «историческая концепция» Ленина российского Средневековья основывалась на Ключевском — доказательство этого и составляло суть его статьи. «И теория классовой борьбы — оттуда же?», — спросил я. Дальше цитата из моего дневника: «А.А. был очень недоволен. Он сказал, что теория классовой борьбы — это изобретение марксизма. Но надо как-то приспособиться к этому. У меня есть ответ на это, но к сегодняшней трактовке нашей истории он не имеет никакого отношения».

Как совместить патриотизм, цивилизационный подход, идею государственности, проявление истории в судьбе человека и оценки событий, явлений и людей прошлого с позиций нравственности и можно ли их совместить вообще, не впад в предубеждение относительно какого-то из них и тем самым исказить прошлое? Зимин считал, что такого вопроса быть не должно — не сослагательное «можно ли», а утвердительное «надо» должно руководить историком. Российским историком.

Определенным гарантом этого «надо», по Зимину, является опора историка на источники, отказ от искусственно сконструированных схем исторического процесса во имя политических и иных целей, диктуемых либо обстоятельствами, либо внутренним убеждением или увлечением историка. Его всегда раздражали домыслы и предположения, хотя к последним, как и к гипотезам, в исторических исследованиях он относился с пониманием, не исключая их и в собственных работах. Отсюда — разработанная им источниковедческая теория системы систем документальных свидетельств о фактах, событиях, явлениях, процессах прошлого, дополнявшая источниковедение документального свидетельства-факта и источниковедение системы документальных свидетельств-фактов.

Здесь нет необходимости перечислять, что сделано Зиминим в практической археографии средневековых документальных источников и в их источниковедческом изучении. Монография «Государственный архив России XVI в.» — это почти квинтэссенция его исторических, источниковедческих, архивоведческих штудий — монументальное произведение, не подверженное ниспровержению, а лишь только дополнению и уточнению. Однако важно напомнить о пока малоизвестном факте фронтального сбора им документов нового и новейшего времени для книги «Сумерки и надежды», причем, в том числе в малораспространенной в 60-70 гг. прошлого века форме записи воспоминаний. И он преуспел в этом,

о чем свидетельствуют двадцать толстых папок собранных документов.

Кажется, в умении и возможностях источниковедческого изучения исторических источников Зимин видел самостоятельное, а нередко и самодостаточное развитие истории как науки. Полученное в результате этого твердое и не подвергаемое сомнению, общепринятое фактическое знание, рассмотренное сквозь призму общечеловеческих ценностей и судьбу реального человека, наложенную на судьбы двух российских культур — крестьянской и дворянской, и есть история. Все остальное — от лукавого. Итак, не просто уважение исторического источника, а убеждение в том, что прошлое не конструируется, а реконструируется на его основе — стало первым принципом творчества ученого.

Но любой источник, особенно документальный, вещь коварная. Во-первых, это может быть фальсификат, т. е. никогда не существовавший в природе документ, выдаваемый за подлинный документ, якобы, участвовавший в оперативном регулировании жизнедеятельности прошлого. Эти документальные источники необходимо выявлять и доказательно исключать из источниковой базы времени и проблем, к которым они относятся. Такие фальсификаты представляют тем не менее важное источниковое значение для понимания времени, к которому относится их изготовление.

Но и это еще не все. Подлинные источники сами по себе могут быть полностью или частично недостоверными. Историк должен помнить об этом всегда, а потому принцип скептицизма в его работе является в документальном источниковедении важным исходным моментом познания. Он означает изначальный подход к документальному источнику с недоверием относительно его подлинности и достоверности. Иначе говоря, источниковед исходит из презумпции неподлинности и недостоверности документального источника. Это не означает его отрицания и не исключает критического к нему отношения. Это всего лишь сомнение источниковеда как мера осторожности, предваряющая критику документального источника. Этот принцип подразумевает, что червь сомнения в любом документальном источнике является основой проверяемого знания о нем.

К большому сожалению, принцип скептицизма был скомпрометирован в отечественной исторической науке. Носители этого принципа по разным, в первую очередь политическим и идеологическим мотивам, характеризовались как отрицающие возможности исторического познания вообще, либо как не признающие некие очевидно установленные исторической наукой факты и события прошлого. Неожиданно актуализировавшаяся после дискуссии о Слове о полку Игореве тема М. Т. Качановского как основателя скептической школы в русской историографии свидетельствовала об этом наиболее отчетливо.

Для темы нашего доклада интересным кажется сохранившийся в архиве Зимина документ, озаглавленный им самим как «Конвенция спора». Он отразил

подготовку Зимина к многочасовой беседе с немецким (тогда из ФРГ) ученым-славистом Людвигом Мюллером в 1969 г. по поводу Слова о полку Игореве. Мюллер, ставший после этого одним из самых близких зарубежных друзей Зимина, был сторонником подлинности Слова о полку Игореве и остался таковым и после внимательного чтения книги Зимина о поэме.

В этом документе Зимин объясняет часть своих методологических позиций в источниковедческом исследовании. Их четыре.

Первая. «Слово не символ веры, а объект науки. Поэтому должна быть система логических аргументов, а не набор априорных тезисов, подкрепленных [лишь] заявлениями [типа]: «мне кажется», «я верю», «я уверен», «я считаю, что такой-то прав» и т.п. Спорят [не тезисы, а] аргументы». Казалось бы, достаточно банальная вещь, но, признаемся честно — не все и не всегда следуют этому положению. Такая позиция нередко игнорируется и при анализе документальных источников XX в. Здесь болезненные для современной России подлинные документальные источники объявляются фальшивками, чтобы снять, затушевать, отвергнуть очевидные факты. Например, трагическое и с позиций не только сегодняшнего дня, но и прошлого, ничем не мотивированное мартовское 1940 г. решение политбюро ЦК ВКП(б) о расстреле польских военнопленных, сегодня в угоду политических соображений объявляется фальшивкой новейшего времени.

Вторая. «Полное равенство в споре. Доказывать надо оба тезиса: и XII в. и XVIII в. Вопрос состоит в том, какой тезис лучше обоснован». Эта методологическая позиция Зимина представляется актуальной не только для конца 60-х годов прошлого века, но и сегодня. Только тогда равенства не существовало по идеологическим основаниям, а теперь к этому добавляется финансовый фактор.

Третья. Зимин говорит о «двух рядах доказательств» в источниковедческом исследовании. Первый ряд — «доказательства от факта», когда такой факт-доказательство «является лучшим из всех остальных объяснений». Поэтому, пишет ученый, «мало доказать, что такое объяснение «могло быть», «не исключено» и т.п., нужно отвести все остальные, как невозможные или менее вероятные». Иначе говоря, Зимин фактически ставит вопрос о градации фактов-доказательств как фактов-домыслов, фактов-предположений и фактов-гипотез, отдавая предпочтение последним.

Особая актуальность этого зиминского положения нам стала очевидна два-три десятилетия назад, когда научный мир столкнулся с историческими изысканиями Фоменко и его последователей. Я приведу всего несколько цитат из исследований Фоменко. Он утверждает: 1) современная хронология всемирной истории «по-видимому, не верна»; 2) «по-видимому», пишет автор, верна его хронология; 3) тем не менее автор признается, что он «обосновывает» «сформулированный» новый взгляд на хронологию. А далее следует

продолжение-апофеоз фоменковской методологии: «Исследуя русскую историю, мы обнаружили, что традиционная версия русской истории, по-видимому, сильно искажена. Оказалось, что в действительности «Средневековая Русь» и Великая монгольская Орда — одно и то же». А затем следует и еще более ответственное признание: «Основанное на этой гипотезе новое и, по-видимому, правильное понимание русской истории, оказалось тем ключом ко всей средневековой истории, которого не хватало нашим предшественникам». Итак, здесь домысел служит основанием для предположения, а предположение лежит в основе гипотезы, становящейся проверенным знанием. Иначе говоря, мы видим явное нарушение обычного логического мышления с далеко идущими последствиями. Выступая против такого нарушения, Зимин блестяще продемонстрировал логический подход в своих текстологических построениях, особенно связанных со Словом о полку Игореве и его взаимоотношениях с повестями Куликовского цикла.

Второй ряд доказательств в источниковедческом исследовании ученый называет доказательством «от системы». Как можно понять, смысл его заключается в том, чтобы при наличии нескольких, как пишет Зимин, «равнозначных заключений», т.е. их системы, предпочтение отдавать «основной гипотезе», выглядящий наиболее предпочтительной. Такой наиболее предпочтительной гипотезой он, например, считал гипотезу о создании Слова о полку Игореве в XVIII в. Историк не делает оговорки о том, что любая гипотеза — вещь относительная во временном процессе познания и может как сохранять свое приоритетное значение, так и уступать место другим, ранее казавшимся менее предпочтительными. Например, сегодня, если исходить из гипотезы о том, что Слово о полку Игореве — произведение XVIII в., мотив создания Слова можно объяснить откликом неизвестного автора на организованный Российской академией конкурс на написанные похвальных слов русским историческим деятелям. Не случайно один из первых читателей памятника И.П. Елагин назвал его «похвальным словом». Точно также с позиций сегодняшнего знания трудно согласиться с Зиминим о двух вставках в первое издание Слова о полку Игоре — приписки из Псковского Апостола 1307 г. и упоминания «Тмутороканского болвана». В первом случае приписка Псковского Апостола стала своеобразной источниковой ловушкой не только для Зимина, но и для его оппонентов в дискуссии по Слову, ибо все считали ее подлинной, сделанной в 1307 г., а не, например, в начале XIX в.³.

«Конвенция спора» Зимина представляла собой сжатое изложение основных положений его статьи «Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси», опубликованной в том же 1969 г. в знаменитом сборнике «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». В этой статье ученый также говорит об источниковедении «системы фактов» и применительно к средневековым

источникам основателем такого источниковедения называет А. А. Шахматова, который при изучении летописей использовал всю их совокупность, с одной стороны, а с другой — привлекал методы текстологии, исторического анализа комплексно.

Мне кажется, обращение Зимина к доказательству в источниковедении «от системы» можно расширить. Любое научное знание носит системный характер. Составляющие его объект и предмет элементы, за внешней хаотичностью своего состояния являются всего лишь элементами такой естественной системы. Следовательно, задача документального источниковедения как научной дисциплины заключается в определении этой системы и места в ней отдельных видов и конкретных документальных источников. Во многом она давно выявлена и изучена. Это — система документации как некая совокупность взаимосвязанных документов, создающаяся для организации функционирования определенной сферы человеческой жизнедеятельности. В такой системе каждый документ имеет свое целевое предназначение, ради которого он создается в качестве определенного регулятора. Более того, мы уже давно говорим о многих документационных системах, взаимосвязанных или совершенно изолированных друг от друга. Иначе говоря, принцип системности предмета и объекта источниковедческого знания мы могли бы считать еще одним принципом документального источниковедения. Этот принцип означает, что документальный источник не как абстрактная сущность, а как конкретное и реальное проявление взаимодействия между людьми и их сообществами, между человеком и государством всегда, а в наше время почти обязательно, является элементом некоей системы документальных источников, а значит, находится в той или иной связи с документальными источниками такой системы. Причем, в отличие от книги такая связь в первую очередь естественная, определяющая само бытование документа, и лишь потом, как и в случае с книгой — основанной на логических построениях. Эта связь проявляет себя в горизонтальных и вертикальных документальных связях одного и нескольких фондообразователей архивных фондов, решающих общую задачу во времени (например, дневник и мемуары человека), в пространстве (например, дневники и мемуары нескольких человек, рассказывающие об одном и том же событии). Принцип системности позволяет, например, рассматривать практически любой документальный источник в системе других документальных источников, так или иначе связанных с ним либо в документальной системе, либо в определенной документальной среде, в которой произошло запоминание конкретного факта, события, явления, процесса прошлого. Документальное источниковедение при выявлении документов по теме исследовании стремится максимально полно использовать или реконструировать по каким-либо причинам разрушенную связь документов системной «цепочки» для получения наиболее полного доку-

ментального массива, отразившего факт, событие, явление, процесс прошлого.

О своем четвертом требовании в источниковедческом анализе в «Конвенции спора» Зимин пишет следующим образом: «О памятнике нельзя говорить, основываясь на двух-трех примерах. Он должен быть изучен всесторонне». Иначе говоря, ученый призывает к комплексному исследованию документального источника с привлечением методов исторического, лингвистического, текстологического, теперь добавим, квантитативного анализа, данных других наук. Исследование Слова о полку Игореве Зимина было первым полноценным комплексным источниковедческим исследованием. Напомним, что «Очерки комплексного источниковедения» В. Л. Янина появились только в 1977 г.

Однако работа Зимина о Слове поставила и ныне не решенный вопрос об иерархии этих методов. Например, если для лингвистов работа А. А. Зализняка закрывает вопрос о Слове о полку Игореве, то для историков текстологические построения Зимина о первичности Задонщины являются не менее убедительными.

Но от этого сама идея комплексного источниковедческого анализа документального источника не утрачивает своего значения. Она эффективна и для документальных источников XX в. Например, лингвистический, исторический, текстологический, делопроизводственный анализ полностью совпали по своим результатам при изучении такого сфальсифицированного источника как «письмо» Департамента полиции о Сталине как агенте охраны⁴.

Создание практически любого документа — почти всегда процесс субъективный, возможно, исключая документальную фиксацию физических, природных явлений, например, при измерении температуры, влажности воздуха, давления атмосферы. Применительно к средневековым документам Зимин писал, что они являются «результатом взаимодействия различных аспектов деятельности и воззрений человека и требуют поэтому всестороннего анализа». Зимин по существу говорит о двойственной природе документального источника как оперативного регулятора человеческой жизнедеятельности и как носителя документальных свидетельств об этой жизнедеятельности. Это подразумевает установление степени соответствия таких свидетельств реальной картине человеческой жизнедеятельности в ее регулируемой составляющей, в части подлинности их предоставления, достоверности зафиксированных свидетельств, их полноты и достаточности. Осознание этой двойственной природы означает признание познавательных возможностей документального источника и делает документальное источниковедение важнейшим инструментом исторического познания как знания научного, дисциплинарного. Иначе говоря, речь идет о присущем любому документу свойстве запоминания прошлого, обеспечивающего формирование документальной памяти. Это предполагает, что любой документальный источник, независимо от места, времени его создания, принадлежности к тому или иному классу документальных источников,

подлинности, достоверности представляет собой частичку документальной памяти и имеет неопределенное множество значений для познания прошлого. В таком понимании документального запоминания прошлого мы можем признать его применение и в документальном источниковедении, которое и призвано рассмотреть все его особенности и показать полезность и ценность документальной памяти для реконструкции прошлого.

В связи с массовым документированием человеческой жизнедеятельности в XX в. исследователь, как правило, имеет дело с многополярным набором подлинных документальных свидетельств о факте, событии, явлении, процессе прошлого. Эта многополярность связана с пристрастием авторов документальных источников, которая, как правило, выражается в сокрытии определенных свидетельств и в особой трактовке или оценке произошедшего. Принцип беспристрастия оценки документального источника означает отказ от его рассмотрения с позиций каких-либо симпатий к его документальным свидетельствам или автору на основе понятий доброго, недоброго, честного, бесчестного. В соответствии с этим принципом источниковед определяет исключительно только достоверность документального источника, выявляя в его документальных сообщениях беспристрастие или пристрастие автора и в зависимости от этого включает или не включает документальное свидетельство в свою историческую конструкцию. Применение этого принципа позволяет исследователю избавиться от давления различных, подчас альтернативных, идеологических и политических конструкций.

Следование принципу беспристрастия при анализе документального источника — дело не легкое и даже почти невозможное. Но ставить перед собой такую задачу источниковед обязан. Я повторяю, что речь идет об оценке достоверности документальных свидетельств источника, в результате которой в сухом остатке должны оказаться только доказанные достоверные свидетельства, а причины недостоверности других свидетельств объяснены. Их интерпретация в историческом исследовании — дело совсем иное, остающееся на совести автора и результатом его профессионализма.

Цель любого документального источниковедческого исследования связана с получением достоверной информации о факте, событии, явлении прошлого. Достижение этой цели означает создание возможностей для аналитической разработки документальных свидетельств. Основная задача источниковедческого исследования заключается в выявлении документальных источников и документальных свидетельств, в упорядочении хаоса документальных свидетельств о факте, событии, явлении, процессе прошлого через установление подлинности и достоверности документальных источников и их документальных свидетельств, их классификации и определении познавательного потенциала. Установление подлинности и достоверности документального источника есть ничто иное как

выявление его познавательных возможностей, «пригодности» для использования в конкретном историческом исследовании. Оно опирается как на выявленные закономерности подлинности и достоверности, присущие каждому классу, типу, виду документальных источников, документальным системам, так и на анализ каждого конкретного источника, ставшего доступным исследователю. Процесс выявления познавательных возможностей источника при этом опирается в большей степени на «презумпцию виновности» или принцип скептицизма, нежели на автоматическое признание его подлинности и достоверности даже тогда, когда документальные свидетельства источника соответствуют документальным свидетельствам других документальных источников. Иначе говоря, любой конкретный документальный источник должен рождать сомнение и подвергаться проверке на его подлинность и достоверность.

Определение «интереса» автора документального источника позволяет установить степень его пристрастия, а значит, и степень достоверности его свидетельств. И индивидуальному «я», и коллективному «мы» всегда присущ определенный «интерес» при создании документа. Классическая формула А.А. Шахматова о древнерусских летописцах, рука которых подчинялась «политическим страстям и мирским интересам»⁵, полностью применима и к документальным источникам Нового и Новейшего времени. Однако это вовсе не значит, что именно таким, преимущественно пристрастным, «интересом» пронизаны все документальные источники этого времени. Отнюдь не так, ибо в противном случае было бы просто невозможно регулирование жизнедеятельности современной человеческой цивилизации. В самом деле, трудно представить себе современное производство, например, сложных технических устройств, если бы их проектная и технологическая документация была недостоверна. Следовательно, «интерес» автора документальных источников в Новое и Новейшее время носит более широкий, в том числе реально прагматический и практический характер. «Интерес» — это явная или скрытая цель, которую автор стремится достигнуть с помощью документа. Он может быть простым и сложным. Самый простой «интерес» в документах связан с информационными целями и находит отражение в информационном типе документальных источников и в первую очередь в таком их виде как письма. За исключением писем-фальсификатов информационный тип документальных источников имеет наивысшую степень достоверности. Такую же степень достоверности имеют документальные источники организационно-распорядительного типа, опять же если только они не являются фальсификатами.

Опыт практического анализа документальных источников Нового и Новейшего времени позволяет выявить три группы «интересов» авторов (исполнителей) документальных источников, способствующих намеренному искажению их документальных свидетельств и тем самым делающих все или часть таких свидетельств недостоверными, а значит, непригодными для использования.

Их первая группа связана с личными «интересами» авторов сознательно исказить документальные свидетельства. Они в первую очередь присущи документам личного происхождения, авторы которых всегда более свободны в выражении своих мыслей, чувств, описании увиденного и услышанного, чем авторы документальных источников официального происхождения. Как нам представляется, в нашей литературе иногда содержатся некоторые преувеличенные характеристики некоторых черт документов личного происхождения. Говорят о «субъективном восприятии личностью отдельных моментов истории»⁶. Но «субъективное восприятие» прошлого присуще любому классу документальных источников. Оно может быть осознанным и неосознанным. Главное отличие этого класса источников от других заключается в способности передавать свидетельства о фактах, событиях, явлениях и процессах прошлого, принципиально не документируемых в документах официального и сакрального происхождения. В зависимости от служебного, профессионального, общественного и иного положения автора документов личного происхождения, его статуса как участника, очевидца или современника событий они могут нести документальные свидетельства начиная от принятия важных общегосударственных решений и действий и кончая повествованием о мелочах жизни, повседневности, в официальных документах не фиксировавшихся по разным соображениям. Что же касается субъективности таких свидетельств, то она, разумеется, имеется, и устанавливается с помощью специальных или общепотребительных методов анализа. Кроме того, документы личного происхождения как никакие другие классы документов способны отразить жизнь и личность человека — их автора или близких к нему людей, нередко выдающихся по своей жизнедеятельности.

Документы личного происхождения часто мало предсказуемы по своим форме и содержанию, поскольку ничем не регламентированы и определяются лишь собственными мотивами их авторов. Однако важно подчеркнуть, что именно документальные свидетельства документов личного происхождения при всей их субъективности в определенных случаях восполняют недокументированность или раскрывают предвзятость документальных свидетельств официального документирования.

Следующую группу «интересов» авторов документальных источников можно, вслед за Шахматовым, условно назвать «мирской». Под ней мы понимаем некую совокупность административно-служебных целей, для достижения которых применяется система недоверенных документальных свидетельств. Такие «интересы» преимущественно связаны с документальными источниками класса документов официального происхождения.

Мирской «интерес» при создании документа всегда связан с достижением определенной цели, в процессе движения к которой создается цепочка взаимосвязанных документов. Она может располагаться по горизонтали как цепочка

равноуровневых по своему происхождению документов, по вертикали, как цепочка равноуровневых по своему происхождению документов, и по горизонтали и вертикали. Она как бы связывает все документы в единый документальный организм, функционирование в котором документальных свидетельств чаще всего взаимозависимо и взаимосвязано. Наличие такой документальной цепочки в большей степени говорит о достоверности каждого свидетельства в каждом из документов этой цепочки, нежели о его недостоверности. Она же позволяет провести сравнительный анализ таких документов по каждому из содержащихся в них совпадающих и/или пересекающихся свидетельств.

Для определенных видов документов, в первую очередь нормативных и распорядительных, служебный «интерес» связан с регулированием целых процессов и сфер и с вовлечением в такое регулирование больших групп юридических и физических лиц и документированием их деятельности. Зафиксированные в таких случаях в документах свидетельства в большей степени являются достоверными, нежели недостоверными, либо нередко уже в фазе своего оперативного бытования они подвергаются ревизии.

В большинстве документальных источников класса личного происхождения индивидуальный авторский интерес прослеживается вполне отчетливо. Совсем иной характер приобретает интерес при создании документов класса официального происхождения. Как правило, они отражают интересы корпораций, социальных групп и политических сил. 1924 – начало 1925 г. стали первой в стране масштабной волной выселений «помещиков». Она касалась в первую очередь бывших землевладельцев-дворян и крупных землевладельцев не дворян, проживавших при своих бывших имениях и обрабатывавших землю на общих основаниях, т.е. тех, кто не порвал связи с землей. Однако с марта 1925 г. после совместного постановления ВЦИК и СНК СССР от 20 марта 1925 г. «о лишении бывших помещиков и бывших крупных землевладельцев права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах» репрессивное насильственное выселение фактически захватило и ту часть крестьянства, которая до 1917 г. имела купчую землю. Тем не менее в документальных источниках официального происхождения этого времени речь шла исключительно о «помещиках». Точно также с началом коллективизации документальные источники репрессии против крестьянства упорно связывали с борьбой с «кулаками», тогда как на самом деле речь шла о репрессиях против всех, кто был недоволен развернувшейся коллективизацией.

При выявлении служебного «интереса» важно установить степень свободы автора документа при создании им его структурированных сообщений. Известно о том, что в документировании человеческой жизнедеятельности наблюдается устойчивая и все более и более усиливающаяся регламентация создания документа и его структурированных сообщений. Наличие документов-регламентов,

с одной стороны, позволяет сравнить их рекомендательно-нормативные положения со свидетельствами конкретных документов, а с другой, может рассматриваться как косвенное подтверждение достоверности последних, поскольку среди прочего документы-регламенты указывают на порядок сбора и формирования информации для конкретных документов и в конкретных обстоятельствах. Документальные свидетельства созданные на основе таких документов — регламентов, более достоверны, нежели недостоверны. Однако следует учитывать наблюдение теории информации, согласно которого чем больше людей принимают участие в сборе, переработке структурированных сообщений документа, тем ниже их достоверность.

¹ *Медушевская О. М.* Современное зарубежное источниковедение. М., 1983. С. 91-92.

² Здесь и далее сноски на неопубликованные произведения Зимина приводятся по рукописям, хранящимся в его архиве в Архиве РАН.

³ Подробнее см.: *Козлов В. П.* «Слово о полку Игореве»: взгляд из века XXI в век XVIII. — Проблемы социальной и политической истории России. М., 2009. С. 44-51.

⁴ *Он же.* Тайны документальных фальсификаций или Обманутая, но торжествующая Клио. Анализ подделок документальных исторических источников по истории России в XVIII — начале XXI века. М., 2015. С. 463-487.

⁵ *Шахматов А. А.* История русского летописания. СПб., 2003. С. 16.

⁶ Источниковедение новейшей истории России. М., 2004. С. 269.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источниковедение новейшей истории России. М., 2004.
2. *Козлов В. П.* «Слово о полку Игореве»: взгляд из века XXI в век XVIII. — Проблемы социальной и политической истории России. М., 2009.
3. *Козлов В. П.* Тайны документальных фальсификаций или Обманутая, но торжествующая Клио. Анализ подделок документальных исторических источников по истории России в XVIII — начале XXI века. М., 2015.
4. *Медушевская О. М.* Современное зарубежное источниковедение. М., 1983.
5. *Шахматов А. А.* История русского летописания. СПб., 2003.

Илизаров Б. С.
Институт российской истории РАН

ОБ ОДНОМ ВЫСТУПЛЕНИИ А. А. ЗИМИНА

Аннотация: После XX съезда КПСС страну охватила кампания «борьбы с культом личности Сталина». Частью этой кампании стал доклад историка С.М. Дубровского, поставившего вопрос об отказе от идеализированной трактовки образа Ивана IV, сложившейся под влиянием сталинистской идеологии. В прениях выступили многие известные историки того времени, в том числе А.А. Зимин. Публикуется выступление ученого и ставится вопрос о месте в развитии взглядов исследователя на историю XVI века и царствование Ивана Грозного.

Ключевые слова: Зимин, Иван Грозный, Дубровский, конференция 1956 г., Институт истории.

Iizarov B. S.
Institute of Russian history RAS

ABOUT ONE PERFORMANCE OF A. A. ZIMIN

Abstract: After the Twentieth Congress of the CPSU, the country was swept by the campaign of «the struggle against the personality cult of Stalin.» Part of this campaign was a report by historian S.M. Dubrovsky, who raised the question of abandoning the idealized interpretation of the image of Ivan1U, which developed under the influence of the Stalinist ideology. Many famous historians of the time spoke in the debate, including A.A. Zimin. His speech is published and the question is raised about the place in the development of the researcher's views on the history of the XVI century and the reign of Ivan the Terrible.

Keywords: Zimin, Ivan the Terrible, Dubrovsky, 1956 conference, Institute of History.

В настоящей статье речь пойдет о выступлении А. А. Зимина на заседании сектора истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР в мае 1956 г. в связи с докладом С. М. Дубровского «О культе личности в некоторых работах по вопросам истории (Об оценке Ивана IV и других)»).

После XX съезда КПСС всю страну охватила кампания «борьбы с культом личности Сталина». Частью этой кампании стал доклад известного историка

С.М. Дубровского, поставившего вопрос об отказе от идеализированной трактовки образа Ивана IV, сложившегося под влиянием сталинистской идеологии в конце 30-х – начале 50-х гг. XX в. Я раскопал истоки этой «концепции», хотя, конечно, и раньше многие понимали, что ее инициировал Сталин, но мне удалось выяснить, что он не только затеял пересмотр образа одного из самых одиозных царей русской истории, но и являлся автором «концепции» якобы прогрессивного средневекового царя и его опричнины. В оформлении концепции участвовали известные историки (Р.Ю. Виппер, С.В. Бахрушин, И.И. Смирнов и др.), писатели, драматурги, публицисты, поэты (Ал.Н. Толстой, В.И. Костылев, В.А. Соловьев, В. Луговской, К. Симонов и др.), кинорежиссеры и киноактеры (С. Эйзенштейн, Н. Черкасов, С. Бирман), театральные режиссеры и актеры знаменитых театров и др. Кто-то участвовал из страха и по принуждению, а кто-то добровольно и услужливо предлагал свои творения диктатору¹.

К 1956 г. историки и большинство деятелей науки и культуры, участвовавших в обустройстве «культы личности Ивана Грозного», ушло из жизни. Умерли почти все: Виппер, Бахрушин, Костылев, Садилов, Веселовский, Эйзенштейн, Ал. Толстой, члены Политбюро ЦК ВКП(б) Щербаков, Жданов. Из крупных историков, активно участвовавших в грозненской эпопее, в живых остался только И.И. Смирнов и державшийся особняком И.И. Полосин, впрочем, так же вскоре умерший (1956 г.). Но подросла молодая плеяда, будущий цвет советской исторической медиевистики, среди которых особенно выделялись А.А. Зимин и С.О. Шмидт. Их научная молодость прошла под знаком культа личности и Сталина и Ивана IV. Летом 1942 г. они были аспирантами МГУ, затем Института истории, эвакуированных в Ташкент. Там они оказались свидетелями парадных заседаний ученого Совета Института истории, инспирированных партийным аппаратом, а фактически лично Сталиным. Уже престарелого и недавнего эмигранта Виппера, издавшего в 1922 г. первый панегирик Ивану IV, сделали главным застрельщиком-реабилитантом Грозного. Там же перед историками выступал известный писатель Алексей Толстой со своей одноименной пьесой. Сохранились свидетельства того времени и более поздние воспоминания Зимина, Шмидта и др., об этих событиях. Тогда Зимин был настроен более лояльно, чем Шмидт, который в частных письмах высказывался критически и в отношении царя и докладчиков. В послевоенные годы тот и другой активно включились в изучение грозненской эпохи. А после XX съезда оба стали участниками очередной, уже хрущевской политической кампании в Москве, в стенах Института истории АН СССР, 14-15 мая 1956 г. В современном архиве Института российской истории РАН сохранилась стенограмма заседаний сектора истории СССР периода феодализма, проходивших под председательством Л.В. Черепнина. Тексты (2 дела) второго и третьего машинописных экземпляров частично правленные, содержат много огрехов стилистического и грамматического характера². Текст выступлений Зимина не выправлен.

Открывая заседание, Черепнин назвал инициатора собрания и основного доклада. Это был известный историк с трудной судьбой С. М. Дубровский, просидевший в сталинских лагерях смерти в общей сложности почти 15 лет. Собрание, конечно же, инспирировалось не им, а отделом науки ЦК КПСС. Дубровский предоставил многостраничный доклад (в деле отсутствует), по которому сделал краткое и довольно сумбурное сообщение. Суть доклада сводилась к тому, что в 30-50 гг., возможно, по инициативе Сталина, была осуществлена попытка исторической реабилитации Ивана Грозного. Автор сослался на единственный тогда доступный для него источник — на запись приема Сталиным, Молотовым, Ждановым в Кремле 26 февраля 1947 г. Эйзенштейна и Черкасова. Дубровский выступил категорическим противником оправдания опричнины и всего грозненского правления, даже ссылаясь на обстоятельства средневековья и т. д. Он порицал историков Виппера, Бахрушина и присутствовавшего Смирнова за их участие в фальсификации истории. В первый день прений выступило 9 историков, во второй — 14. Смирнов помимо нескольких выступлений в прениях приложил к стенограмме многостраничный текст опровержения положений докладчика. Многие из выступавших пытались снять ответственность за «культ Грозного» с историков и переложить ее на деятелей культуры.

Накануне выступления у Зимина вышла важная публикация — «Сочинения И. Пересветова», о которой так же упоминалось на конференции. Он выступал на второй день и только один раз. Зимин не поддержал докладчика и не призвал решительно отказаться от всего того, что написали историки старшего поколения в рамках сталинистских установок. К этому времени у него уже сложились свои взгляды, отличные от этих двух позиций. Он представил программу научных исследований в чем-то продолживших и во многом превзошедших программу академика С. Б. Веселовского. По собственным признаниям Зимина, Веселовский был единственным историком-медиевистом достойным уважения за свою научную и общественную позицию времен сталинского террора³. Ниже публикуются наиболее существенные фрагменты его выступления⁴. Текст воспроизводится с поправками орфографии и синтаксиса источника.

«А. А. Зимин. Советская историческая наука всегда уделяла и уделяет пристальное внимание вопросам истории нашей страны в XVI в., когда в социально-экономической, политической и культурной жизни России происходили весьма важные явления. Труды Б. Д. Грекова и М. Н. Тихомирова, С. В. Бахрушина и И. И. Смирнова, С. Б. Веселовского и П. П. Смирнова, А. Г. Манькова и А. И. Копанева, Д. С. Лихачева и Б. А. Романова, представляющие крупный вклад в нашу историческую науку, значительно продвинули вперед изучение различных сторон исторического процесса истории нашей страны XVI в. Это отнюдь не означает, что изучены уже все важнейшие проблемы истории Русского государства, волновавшие умы историков на протяжении многих десятилетий.

Это, конечно, не значит, что не осталось уже спорных вопросов, над которыми исследователям предстоит еще много и много думать. Это, конечно, не означает, что в некоторых работах историков, названных выше, да, впрочем, и не названных — нет дискуссионных положений, а порою и просто неверных решений.

Вот только примерный перечень некоторых из проблем истории России XVI в., над которыми следует еще основательно, серьезно поразмыслить.

История крестьянства и холопства в XVI в. все-таки остается недостаточно изученной. Необходимо монографически исследовать как экономические условия жизни крестьян, так и рост крестьянского закрепощения.

Многое здесь остается неясным. Процесс закрепощения рисуется подчас весьма прямолинейно, без учета особенностей его отдельных этапов.

У нас явно недостаточно работ, посвященных судьбам феодального землевладения. Не может, в частности, считаться окончательно решенным вопрос о происхождении и сущности поместной системы. Некоторые историки, например, отрицают вообще экономические предпосылки возникновения поместья, связывая его лишь с образованием централизованного государства.

Высказываются также сомнения в большей приспособленности поместья (по сравнению с крупной боярской вотчиной) к новым товарно-денежным отношениям и тем самым, на мой взгляд, отрицается экономическая обусловленность политического разгрома боярской аристократии.

После безнадежно устаревшей монографии Чечулина⁵ еще не появилось обобщающего исследования по истории русского города XVI в., хотя отдельные стороны рыночных связей и положение посадских людей подверглись исследованию. Спорными являются многие гипотезы, касающиеся истории централизованного и местного управления в Русском государстве.

До сих пор дискутируется вопрос о существовании на Руси в XVI в. сословно-представительной монархии. Не сказано последнего слова и в изучении реформ середины XVI в.

После смерти Садикова и Веселовского вовсе не подвергалось серьезному исследованию история опричнины, хотя многие ее стороны, безусловно, нуждаются в пересмотре.

В работах по истории русской публицистики и литературы изучение общественной мысли велось зачастую в отрыве от аналогичных явлений в странах Западной и Восточной Европы, что мешало по настоящему понять место, которое занимала русская общественная мысль во всемирно-историческом процессе.

Только в последнее время, прежде всего в работах А. И. Клибанова, ставится вопрос о сущности и особенностях русского реформационного и гуманистического движения.

Таким образом, спорных и нерешенных вопросов много. Много допускалось и неверных утверждений. Переоценивались, например, роль государства

в закреплении крестьян, степень развитости товарно-денежных отношений. В формально юридическом плане подходили некоторые историки к изучению проблемы феодального землевладения.

С.М. Дубровский также выдвигает перед слушателями одну из проблем, в решении которой допускались серьезные ошибки, — это вопрос о культуре личности Ивана Грозного.

Нужно сразу же четко и совершенно определенно сказать. Да, действительно, в ряде трудов советских историков, в особенности научно-популярных, вышедших в 1942-1944 гг., мы встречаемся с непомерным восхвалением деятельности Ивана Грозного⁶.

Грозный зачастую рисовался всемогущим творцом и политики, и дипломатии, и военного искусства России. Особенно это относится к некоторым произведениям литературы. Нельзя без внутреннего негодования читать пьесы и романы А.Н. Толстого, Соловьева и Костылева, посвященные Ивану Грозному. Все мало-мальские теневые стороны характера и деятельности Грозного царя или приукрашивались, или замалчивались. Это несомненный факт, с ним надо считаться, он принес существенный вред изучению русского исторического процесса XVI в.

Мне приходилось работать над рукописями покойного академика Веселовского, в его архиве хранятся очень интересные и яркие по форме и весьма интересные по содержанию развернутые рецензии на пьесы А.Н. Толстого и покойного Костылева. Рецензии эти не утратили своего интереса, хотя они не опубликованы до настоящего времени⁷.

Но, отдавая должное постановке С.М. Дубровским самого вопроса о культуре личности Ивана Грозного, я лично никак не могу согласиться с его решением. Позитивная сторона доклада представляется мне крайне не удачной, абсолютно не аргументированной, способной посеять только путаницу в наших представлениях как об историческом процессе России XVI в., так и о роли в этом процессе Ивана Грозного.

Первой серьезной ошибкой С.М. Дубровского является то, что он рассматривает важнейшие явления исторического процесса России XVI в. как результат деятельности самого Ивана Грозного. Если Виппер⁸ считает эту деятельность плодотворной, то С.М. Дубровский — вредоносной или бессмысленной. Так, например, неудачу Ливонской войны он прямо связывает со слабыми военными и дипломатическими способностями Грозного. На стр.42-43 он пишет:

«Факт провала этой войны, также как и провала всей его дипломатии этого периода позволяет усомниться в высоких качествах Ивана IV не только как военачальника, но и как дипломата».

На стр. 76 он упоминает «полный провал новой военной кампании Ивана IV в Ливонии», «провал дипломатических мероприятий Грозного».

На стр. 34-36 он говорит о внешней политике Ивана IV. С.М. Дубровский говорит об идеологии Ивана IV, являвшейся «обоснованием, утверждением в России того царского самодержавия, которое просуществовало более 300 лет» (стр.30). Кстати, эта идеология самодержавия создавалась отнюдь не Грозным, а многими писателями-публицистами с конца XV в. (в ее выработке принимали участие Иосиф Волоцкий, и автор «Сказания о князьях Владимирских» и многие другие).

На стр. 38 докладчик говорит: «Разорением крестьян, казнями недовольных бояр» и т.д. Иван IV достиг полного единодержавия... Он в полном смысле стал абсолютным монархом, т.е. ни кем не ограниченным властелином».

Таким образом, военной деятельностью Ивана Грозного объясняются все военные неудачи России. Иван Грозный — творец дипломатии (хотя и неудачной). Иван Грозный — создатель идеологии самодержавия. Иван Грозный закрепостил крестьян: Иван Грозный добился создания неограниченного абсолютизма.

Из этих выводов явствует, что критика трудов Виппера, Бахрушина, Смирнова (я в данном случае не говорю о вводной части доклада, к которой должен буду еще вернуться) ведется С.М. Дубровским с позиций непомерного преувеличения роли Ивана Грозного в истории России XVI в.

Так ли надо решать вопрос о культе личности? Конечно, нет! Следовало бы выяснить действительную роль Ивана IV в событиях, происходивших во второй половине XVI в. Нужно было бы исходить из научного представления о роли феодального государства и монарха, как его главы, в историческом процессе. Следовало бы изучить, в какой мере те или иные правительственные мероприятия прямо возникли в результате инициативы Грозного, а в какой степени были продиктованы его окружением. Нужно четче было сказать о классовой обусловленности внутренней и внешней политике XVI в... Опричнина не результат самодурства царя, а определенный этап в истории укрепления централизованного государства. Одной риторики здесь явно недостаточно.

Нужно было бы учесть труды специалистов по дипломатической и военной истории XVI в., чтобы показать действительные качества Грозного как полководца и дипломата. Фактически Грозный лично участвовал в 50-х годах XVI в. только в трех военных кампаниях: во взятии Казани, Полоцка и в Ливонской войне 1577 г. — и все эти три кампании закончились крупными победами русского оружия⁹.

Незаурядные дипломатические способности Грозного подчеркивают даже представители ряда иностранных держав, которых нельзя заподозрить в славословиях Грозного из-за боязни репрессий. С.М. Дубровский сомневается в принадлежности посланий и других сочинений самому Грозному. На стр. 42 говорится: «Вполне вероятно, что Иван IV не утруждал себя личным писанием

писем». Он основывается, в частности, на том, что «до нас не дошло ни одной строки, написанной лично Иваном IV» (стр. 40). Но если так судить о творчестве писателя, то тогда вообще окажется, что в древней Руси не было ни одного или почти, ни одного автора. Кстати, С.М. Дубровский широко пользуется перепиской Грозного с Курбским как источником, характеризующим воззрения Ивана IV¹⁰. Нужно же все-таки как-то связывать концы с концами. Анализ идейных и стилистических особенностей посланий Грозного к Курбскому и некоторым другим лицам, дополняемый показаниями современников об образованности Ивана IV свидетельствует о том, что автором этих сочинений, безусловно, был Иван Грозный. Кстати, если бы Грозный не был сам творцом посланий, то уже этот-то столь выигрышный полемический момент был бы использован Курбским, который ни минуты не сомневается, что ведет переписку с самим Иваном Грозным.

На вопросе об авторстве отдельных сочинений Грозного и его исторических взглядах, пожалуй, можно, было бы и не останавливаться, если бы не одна «запоздалая жертва» культа Ивана Грозного, как вчера себя назвал Юрий Федорович Сальников. Он всячески постарался изобразить себя этаким, говоря его словами, «слушателем песнопений» Виппера и Лихачева, который писал кандидатскую диссертацию о взглядах Ивана IV, но в одно прекрасное время понял, что апологией «грозы» (и словечко-то сходное с прозвищем царя Ивана) занимаются только современные буржуазные историки Запада типа Филиппа или Леонтовича (о том, что в большинстве работ в современной западноевропейской историографии Грозный рисуется бессмысленным тираном, я имею в виду книги Эккарта, Сухотина и другие, автор скромно умалчивает).

В силу этого Сальников решил заняться иной более достойной его внимания темой, а Грозного превратить в псевдоним Висковатого или еще какого-либо дьяка. . .

Новая теория создания самодержавной идеологии, которую предлагает Ю.Ф. Сальников, не сложна: эта идеология якобы сложилась в конце XV в. в кругах еретиков под влиянием царистской психологии крестьянства, а позднее ее похитили и обработали церковные деятели типа Иосифа Волоцкого, превратив ее в теорию самодержавия. Итак, народные представления, сдобренные церковным елеем, оказывается, есть не что иное, как идеология самодержавия. Если мне не хочется сегодня вспоминать имя одного, недоброй памяти министра просвещения первой половины XIX в., то только потому, что даже он не договаривался до подобного отождествления народности с православием и самодержавием.

Работа по выявлению всех сочинений Грозного не доведена до конца. Некоторые труды, очевидно, ему не принадлежавшие (например, царские вопросы на Стоглаве). Не все ясно в идеологии Грозного. Как мне кажется, в литературе

недостаточно учитываются клерикальные мотивы в посланиях Грозного, следы удельной психологии не изжиты Иваном IV, мировоззрение которого формировалось в годы боярской реакции. Наконец, нужно отметить и стремление Грозного оправдать всякое проявление деспотизма, в этом С.М. Дубровский прав. Но, конечно, нельзя клеймить идеологию Грозного только потому, что некоторые стороны его самодержавных построений дожили до последних Романовых.

С.М. Дубровскому, конечно, известно, что в народных песнях и сказаниях сохранилось представление об Иване Грозном, как о грозном, но справедливом монархе. Это подчеркивал еще А.М. Горький. Однако, по мнению С.М. Дубровского, «якобы сильная любовь народа к Ивану IV создавалась помимо ... (текст неразборчив — Б.И) жесточайшим террором... застенки... служили созданию и возвеличиванию культа личности Ивана IV» (пропуски в стенограмме — Б.И.), «славословие его беззаконий было единственным способом отвести от себя какие бы-то ни было подозрения» (стр. 73, стр. 74).

Какие есть основания у С.М. Дубровского утверждать, что застенки содействовали воспеванию Ивана IV в народных песнях? Таких оснований нет, никакой аргументации в пользу этого совершенно ошибочного представления докладчик не привел. В народных песнях говорится не только о жестокостях Грозного, но и с явным сочувствием воспеваются его борьба с боярами, которые в глазах народа всегда оставались эксплуататорами. В песнях о Грозном сказались царистская психология крестьянства, но в них, как это прекрасно известно, в специальном исследовании Соколовой, содержится понимание некоторых положительных сторон его деятельности.

Итак, деятельность Грозного, по С.М. Дубровскому, определяет в какой-то мере важнейшие явления русской истории второй половины XVI в.

И в этой части доклада поражает нагромождение голословных утверждений, в достаточной степени не подкрепленных ни ссылками на выводы исследователей, ни на документальные материалы.

Вчера говорили, что нельзя согласиться с мнением С.М. Дубровского, что централизованное государство оформилось и окончательно утвердилось еще во второй половине XV в. (стр. 27), вследствие этого (таков логический вывод из данного утверждения), теряют всякий (смысл? — Б.И.) // реформы по дальнейшему укреплению централизованного государства в XVI в. Речь должна лишь идти о «некоторых пережитках феодальной раздробленности» (стр. 23). Это ничем не мотивированное утверждение противоречит хорошо известным фактам: в конце XV в. еще не сложились основные органы центрального управления, (приказы) оформившиеся лишь в середине XVI в. Губные и земские учреждения, земский собор появились тоже много позже конца XV века. Ликвидация уделов была завершена лишь во второй половине XVI в.

По меньшей мере недоумение вызывает характеристика опричнины, которая, по мнению С. М. Дубровского (на стр. 27) была «особой формой насилия укреплявшихся помещиков над крестьянами». Ее объективный смысл сводится к тому, что «изгонялись с земли крестьяне, чтобы затем прикрепить их к земле в качестве крепостных. Это была своеобразная форма чистки земель под крепостничество... Многие крестьяне превращались в бобылей и затем писали на себя порядные грамоты и превращались в крепостных».

И все эти столь новые и необычные утверждения С. М. Дубровским высказываются без единой ссылки на документальные материалы, без какой бы то ни было попытки их исторического обоснования.

Этим обоснованием нельзя, конечно, считать ссылку на английских (далее одно слово не понятно: «дипломатов»? — *Б.И.*) прикрепление крестьян к земле (законы 80-х гг. XVI в., перепись земли и введение «урочных лет»). Зачем же помещикам было «сгонять» крестьян с земли поместья, ведь эта земля была уже не крестьянской, а помещичьей. Процесс обезземеливания крестьянства к концу XVI в. проходил, он выражался, как-то доказано трудами Б. Д. Грекова и И. И. Смирнова, в уменьшении крестьянских наделов, в превращении лишь некоторой части крестьян в бобылей. Однако крепостные крестьяне превращались, прежде всего, не сквозь горнила бобыльства (бобыли, как правило, занимались лишь не земледельческим трудом), а сидя на помещичьих землях, попадая в писцовые книги или просто в кабалу от помещика.

Опричнина содействовала переходу боярских земель в руки помещиков, содействовала росту феодальной эксплуатации крестьянства. Но значит ли это, что она была направлена, прежде всего против крестьян, была орудием их сгона с земли? Нет, конечно, прежде всего задачей опричнины было сокрушение феодальной аристократии, сепаратизма боярской знати, борьба с пережитками политической раздробленности, разрыв вековых связей потомков удельного князя с их наследственными землями.

Будучи историками-марксистами, мы должны подчеркивать классовый смысл политики русского правительства XVI в., — вся эта политика была направлена к укреплению господства феодалов над крестьянами — и в период опричнины, и в 50-е годы XVI в., и в конце XVI в. Но за этой общей оценкой всей политики в целом у нас не должна пропадать специфика отдельных правительственных мероприятий, иначе мы рискуем вместо марксистского освещения истории дать вульгарно-социологическое, по типу М. Н. Покровского.

Многие вопросы истории опричнины заслуживают еще весьма пристального рассмотрения. Прав С. М. Дубровский, говоря о том, что не все так называемые заговоры бояр существовали, некоторые из них являлись плодом больного воображения Ивана Грозного. В истории опричнины нужно различать ее

объективное содержание, направленное к укреплению централизованного государства, к ликвидации пережитков феодальной раздробленности, а также ее форму и средства. Средства, которыми проводилась опричная политика, были варварские, средневековые (подобно тому, что делалось во Франции в XVI в., напомним Варфоломеевскую ночь, в Швеции и других странах). Форма, в которую облакалась опричнина, разрыв страны на два политических объединения, одно из которых носило форму дворцово-удельного ведомства, также приносило с собой много тяжелых последствий. Но, конечно, нельзя смешивать средства проведения опричной политики и ее формы с ее содержанием.

И последнее, на чем мне хотелось бы остановиться, — это характер полемики, которую ведет С.М. Дубровский. Мне кажется, что тон этой полемики неудачен. Прежде всего, никого не убедят голые ссылки — «некоторые историки полагают», которые в обилии встречаются в докладе С.М. Дубровского как раз в тех случаях, когда было бы весьма желательно найти у него указание на конкретные работы и конкретных авторов. Это в частности относится к разделу о Юрии Долгоруком, нет ни одной ссылки на тех авторов, с которыми полемизирует С.М. Дубровский.

Этот стиль полемики свойственен, к сожалению, и некоторым другим участникам обсуждения. Так, вчера выступал т. Линков с его утверждением о существовании в исторической литературе «антиленинского образа Ивана Грозного», выступал т. Казарин с критикой работ советских историков с позиции Василия Осиповича Ключевского. Однако ни тот, ни другой не сочли возможным сослаться ни на одно место ни из одного труда советских историков. Так полемизировать, конечно, невозможно.

Ставя вопрос «о культе личности» Ивана IV в советской исторической литературе, С.М. Дубровский ограничивается разбором популярных брошюр непосредственно посвященных Ивану IV и вышедших в основном в годы войны, т.е. в 1942-1947 гг. (а первое издание работы Виппера относится даже к 1922 г.). В то время как долг С.М. Дубровского как ученого было показать состояние вопроса в настоящее время, ибо с 1944 г. уже прошло 12 лет.

За истекший срок появилось много работ и тех авторов на которых он ссылается, и многих других. Как, например, можно было обойти молчанием специальный обобщающий труд покойного Садикова, посвященный опричнине, издание «Посланий Ивана Грозного», работу И.И. Смирнова о московском восстании 1547 г. и многие другие.

В полемике с С.В. Бахрушиным и И.И. Смирновым С.М. Дубровский в ряде случаев пользуется явно недозволенными приемами, непомерной гиперболизацией ошибок и умолчанием о тех сторонах их исследований, которые нарушают его построение. Почему, например, С.М. Дубровский не указал, что И.И. Смирнову принадлежит специальное исследование о социальных

отношениях времени опричнины, выводы из которого И. И. Смирнов поместил в своем труде о восстании Болотникова.

В полемике с С. В. Бахрушиным, С. М. Дубровский старается представить С. В. Бахрушина сторонником концепции «народного царя». В работах С. В. Бахрушина, особенно в брошюре «Иван Грозный», есть ошибочные положения, в которых дается преувеличенно — патетическая характеристика Ивана Грозного. Но разве можно сказать, что Бахрушин — цитирую С. М. Дубровского, — «не разобрался в ленинском учении о царском самодержавии как диктатуре помещиков и крепостников», или просто — не разделил этого ленинского учения» (стр. 89). Или, в другом месте: «О классовой направленности мероприятий Ивана IV и опричников в отношении к крестьянству Бахрушин не ставит вопроса» (стр. 92). Это, по меньшей мере, не справедливо. Возьмем, например, те труды, на которые ссылается С. М. Дубровский. В двух работах об Иване IV на стр. 308 и 360, гл. II «Научных трудов» — подчеркивается крепостнический характер мероприятий правительства Ивана IV, направленных к осуществлению интересов помещиков. Или вот, например, С. М. Дубровский на стр. 90 пишет: «Народные восстания, несомненно, прогрессивные. . . Бахрушин рассматривает лишь в плане оправдания или хотя бы объяснения зверств Ивана IV». Ничего подобного на с. 303 «Трудов» С. И. Бахрушина, на которую ссылается С. М. Дубровский, нет, как не было таких восстаний в те годы, о которых идет речь. Зато С. М. Дубровский замалчивает специальное исследование Бахрушина, первое в советской историографии, посвященное классовой борьбе и городским движением XVI в. Разве подобное умолчание помогает объективной оценке работ С. В. Бахрушина по истории XVI в. ?

Итак, как мне представляется, С. М. Дубровский справедливо отметил наличие в трудах ряда советских историков преувеличенного представления о роли Ивана IV в русском историческом процессе XVI в. Однако, сама работа С. М. Дубровского возводит это преувеличение в квадрат, добавляя к тому же неверное освещение важнейших событий второй половины XVI в.

Поэтому доклад С. М. Дубровского, на наш взгляд, не может быть признан хоть в какой-либо степени удачным.

Вместе с тем сегодняшнее обсуждение, безусловно, сыграет положительную роль в разработке спорных проблем истории России второй половины XVI в.»¹¹.

Выступление Зимина блестящее, но оно сделано медиевистом, «забывшем» на тот момент о сталинской эпохе и решившем в своих исследованиях, не оглядываясь, двигаться дальше. Его оценка царя была двойственной и находилась ближе к оценке С. М. Соловьева: «Выдающийся государственный деятель, он вместе с тем был жестоким и мстительным правителем, носившим личину смиренного грешника»¹². Мне ближе оценки Ключевского, Веселовского и Дубровского. Но Зимин стал тем, кто первым в советскую эпоху вспомнил о значении морали историка.

- ¹ См. *Илизаров Б. С.* Сталин, Иван Грозный и другие. М. 2019.
- ² Научный архив Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН). Ф. 1. («Институт истории АН СССР»). Оп. 1. Д. 1182. Л. 1-103; там же. Д.1183. Л. 1-142.
- ³ *Зимин А. А.* Академик С.Б. Веселовский и образ Ивана Грозного в XVдожественной литературе // История и историки: исторический ежегодник. 1971, М.1973. — С. 351-353.
- ⁴ Научный архив Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН). Ф. 1. («Институт истории АН СССР»). Оп. 1. Д. 1183. Л. 2-17.
- ⁵ Чечулин Николай Дмитриевич (1863-1927) — рус. историк. Окончил Петерб. ун-т, в 1890 защитил магистерскую диссертацию «Города Московского государства в XVI в.» (СПб, 1889).
- ⁶ Действительно книги Виппера, Бахрушина и Смирнова выходили в научно-популярных сериях, но не пропаганда, ни авторы не считали их таковыми.
- ⁷ Некоторые рецензии и книги Веселовского Зимин опубликовал в 60-70 гг. XX в.
- ⁸ Во время первого дня конференции выступила Е. С. Голубцова, которая, в частности, заявила: «Я в течение шести лет работала референтом Р.Ю. Виппера и должна сказать со слов Р.Ю., что его работа «Иван Грозный» была в 1945 году переиздана без его ведома. Он написал эту работу в 1922 году и опубликовал, а в 1945 г. она была переиздана без его ведома, и те добавления и изменения, которые в ней были сделаны, были сделаны редакцией. Поэтому все обвинения, предъявляемые Роберту Юрьевичу в конъюнктурщине и пинкертоновщине мне кажутся несостоятельными». (Стенограмма, 14 мая 1956 г. л.43.). В архиве Виппера находятся рукописные вставки для переиздания 1942 г. Черновики и справочного аппарата нет. По этой книге Виппер делал доклады на больших аудиториях, за нее получил звание академика и другие почести. Затем книга без изменений переиздавалась в 1944 и 1945 гг. на русском и французском языках. См.: Илизаров Б. Указ. соч.
- ⁹ Выигрывают войну, а не сражения. Ливонская война была проиграна.
- ¹⁰ Дубровский (как и другие) сомневался, был ли Грозный грамотен или надиктовывал свои послания.
- ¹¹ Научный архив Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН). Ф. 1. («Институт истории АН СССР»). Оп. 1. Д. 1183. Л. 2-17.
- ¹² *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 352.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Илизаров Борис Семенович.* Сталин, Иван Грозный и другие. М. Изд. «Вече». М.2019.446 с.
2. *Зимин А.А.* Академик С.Б. Веселовский и образ Ивана Грозного в художественной литературе // История и историки. Историографический ежегодник. 1971 / Академия наук СССР, Институт истории; отв. ред. М.В. Нечкина. М., 1973. С. 351-375.

*Комочев Н. А.,
ИСл РАН, РГГУ*

ДОКУМЕНТЫ АРХИВА ИОСИФО-ВОЛОКОЛАМСКОГО МОНАСТЫРЯ В ТРУДАХ А.А. ЗИМИНА

Аннотация: Статья посвящена теме изучения архива Иосифо-Волоколамского монастыря в научном наследии А.А. Зимина. Монастырский архив является одним из наиболее сохранившихся церковных документальных комплексов XV-XVI вв. Ему была посвящена кандидатская диссертация А.А. Зимина, фундаментальное издание монастырских грамот и ряд статей. Именно документы монастырского архива во многом стали для А.А. Зимина школой источниковедения и дипломатики.

Ключевые слова: Иосифо-Волоколамский монастырь, дипломатика, источниковедение, церковные архивы.

*Komochev N. A.,
Institut of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences, RSUH*

THE IOSIFO-VOLOKOLAMSK MONASTERY'S DOCUMENTS IN THE WORKS OF A. A. ZIMIN

Abstract: The article is devoted to the study of the Iosifo-Volokolamsk monastery in the scientific heritage of A.A. Zimin. The monastic archive is one of the most significant Russian Church archives of the XV-XVI centuries. The candidate's dissertation of A.A. Zimin, the fundamental publication of monastic charters and a number of articles were dedicated to sources from this archive. The documents of the monastic archive became for A.A. Zimin a school of source studies and diplomatics.

Keywords: The Iosifo-Volokolamsk monastery, diplomatics, source studies, church archives.

о своему тематическому и хронологическому охвату научное наследие А.А. Зимина исключительно широко: отечественная история X–XVIII вв., источниковедение, археография, историография, история общественной мысли, вспомогательные исторические дисциплины. Ему

принадлежат идеи и открытия, прочно вошедшие в науку, многие из них до сих пор сохраняют свою острую полемичность, дискуссионность, стимулируя тем самым новое обращение к уже известным темам и источникам.

Вероятно, лучше всего главные направления своего научного творчества А.А. Зимин определил сам, когда систематизировал свой архив по следующим «сборникам»: история, литература, источниковедение, историография, дипломатика¹. При этом очевидно, что любое разделение трудов ученого по тематике условно, поскольку для самого исследователя все направления его деятельность составляют внутреннее единство.

Изучение истории Иосифо-Волоколамского монастыря для А.А. Зимина стало одной из центральных тем, начиная с первой его крупной работы². Кандидатская диссертация на тему «Очерки истории землевладения и хозяйства Московского государства: землевладение и социальный состав Иосифо-Волоколамского монастыря в XVI в.» была защищена А.А. Зиминим под руководством С.В. Бахрушина в 1947 г. При выборе темы в данном случае очевидно влияние научного руководителя, но также сыграл свою роль и старший ученик С.В. Бахрушина, позднее ставший руководителем А.А. Зимина на защите докторской диссертации — М.Н. Тихомиров. Во второй половине 1920-х гг. М.Н. Тихомиров, вернувшийся из Самары, работал секретарем, а затем председателем культурно-исторической секции Общества изучения Московской губернии. Одним из основателей и наиболее деятельных участников Общества был его учитель по Московскому университету С.В. Бахрушин³.

Командировки в Иосифо-Волоколамский монастырь М.Н. Тихомировым совершались, как минимум, дважды — в 1927 и 1929 гг. На заседании Общества среди прочих сообщений, 29 марта 1929 г. заслушивался доклад К.Н. Щепетова, сотрудника образованного в Иосифо-Волоколамском монастыре музея, «Разработка архива бывшего Иосифова монастыря». По заслушанному докладу М.Н. Тихомиров выступил с характеристикой монастырского архива, особо отметив наличие копийной книги конца XVI в. и приходно-расходных книг, и заявил о своей работе над картотекой опубликованных документов монастырского архива⁴.

А почти через месяц, 23 апреля 1929 г., М.Н. Тихомиров доложил о совместном с С.В. Бахрушиным плане издания «Сборника актов по хозяйственной истории Иосифо-Волоколамского монастыря», который должен был включать описание архива, публикацию отдельных наиболее интересных документов, указатель литературы по истории монастыря⁵. В монастырь для изучения архива на месте планировалось организовать командировку, в которую предполагалось отправить Л.В. Черепнина. Сообщение об этом было сделано М.Н. Тихомировым на заседании Общества 16 сентября. Еще через неделю, 23 сентября 1929 г. им

была представлена записка «Об архиве Волоколамского монастыря». Примерно к этому же времени относится отмеченный в отчетах секции, но не отраженный в протоколах совместный доклад М. Н. Тихомирова и К. Н. Щепетова о хозяйстве монастыря⁶.

Таким образом, в конце 1920-х гг. М. Н. Тихомировым велась активная работа, связанная с изучением архива Иосифо-Волоколамского монастыря. Результаты этой работы отразились в опубликованных позднее статьях о хозяйстве монастыря⁷. Именно по инициативе М. Н. Тихомирова, значительная часть документов в 1929 г. была вывезена из монастыря и в настоящее время хранятся в РГАДА (Ф. 1192).

Архив Иосифо-Волоколамского монастыря относится к числу самых крупных сохранившихся комплексов монастырских документов. Можно говорить о существовании двух его частей: монастырской библиотеки с собранием рукописей и собственно монастырского архива с земельной и хозяйственной документацией. В 1922 г. монастырь был закрыт и на его территории вплоть до 1980-х гг. располагались детские исправительные и образовательные учреждения — колония, детский дом, школа. Документы, оставшиеся в монастыре, находились под постоянной угрозой уничтожения. На территории монастыря с 1920-х гг. действовал Волоколамский историко-бытовой и краеведческий музей, о котором мы можем узнать из краткого описания, опубликованного его заведующим К. Н. Щепетовым⁸. Часть рукописей и актов находились в собрании музея, однако полного их описания, очевидно, так и не было проведено.

При этом важно учитывать, что в Иосифо-Волоколамском монастыре на тот момент материалы архива хранились отдельно от тех документов, которые по тем или иным причинам попали в фонд местного краеведческого музея. Распределение документов между двумя комплексами явно было условным и случайным. О том, что основная часть монастырского архива в музейный фонд не входила, косвенно сказано в брошюре К. Н. Щепетова⁹. По имеющимся данным, архив монастыря находился до 1929 г. в помещении на галерее Успенского собора¹⁰, а фонды музея размещались в одностолпной палате¹¹. Очевидно, в Москву в 1929 г. была передана та часть, которая хранилась в соборе, в то время как музейная часть фонда продолжала оставаться в монастыре.

Музей в монастыре существовал до Великой Отечественной войны. Сильный урон хранившимся там документам был нанесен в результате оккупации Волоколамска и монастыря в 1941 г., когда многие документы пропали. Посетивший в 1946 г. монастырь А. А. Зимин обнаружил в монастыре только две или три грамоты из примерно 150, хранившихся там ранее¹². Таким образом, судьба значительной части монастырского архива, связанной с Волоколамским краеведческим музеем, до сих пор остается неизвестной¹³. Из поездки в 1946 г.

А. А. Зимин вывез приходно-расходную книгу конца XVI в., которую передал в Ленинград в Пушкинский дом¹⁴. В 1949 г. сохранившиеся в монастыре остатки архива были переданы в Москву.

Первой публикацией А. А. Зимина, связанной с историей монастыря, стало издание в 1948 г. Долговой книги. Инициатива публикации в данном случае принадлежала М. Н. Тихомирову, который еще ранее готовил к изданию Книгу ключей. В результате оба памятника вышли в одном издании, которое до сих пор сохраняет свое значение для исследователей¹⁵.

В 1950-е гг. А. А. Зиминым была реализована идея публикации всего комплекса актов Иосифо-Волоколамского монастыря XV — начала XVII вв., разрабатывавшаяся его учителями с 1920-х гг. Акты вышли отдельным томом, представлявшим собой исчерпывающее издание всех известных на тот момент грамот монастыря указанного времени¹⁶. Здесь было опубликовано 436 источников за период с 1450 до 1613 гг. В основном это публичные и частные акты, а также некоторые делопроизводственные документы, хранящиеся в фондах ЦГАДА (ныне РГАДА), ОР ГБЛ (ОР РГБ), ОР ГИМ, Архиве ЛОИИ (Архив СПбИИ РАН), ОР ГПБ (ОР РНБ) и одна жалованная грамота опубликована по списку 1945 г. с оригинала, хранившегося в Волоколамском музее.

В дальнейшем научные интересы А. А. Зимина переместились к другим темам. Нами здесь не рассматриваются работы, посвященные Иосифу Волоцкому, позиции иосифлян и общественной мысли, чему у А. А. Зимина посвящен целый ряд публикаций источников и исследовательских трудов.

Вновь к истории монастыря А. А. Зимин обратился в 1970-е гг., когда вышла в свет монография, представляющая собой публикацию переработанного текста кандидатской диссертации. Ценность данного исследования заключается в том, что в нем впервые история монастыря рассмотрена многосторонне: складывание монастырского архива; политическая роль монастыря и его связь с московскими великими князьями; социальные аспекты монастырской жизни — состав вкладчиков и братии монастыря; монастырское землевладение и хозяйство; позиции иосифлян по вопросам землевладения и отношения к власти. Работа целиком построена на изучении обширного архива монастыря, разбросанного по разным архивохранилищам. В историографии книга отмечена как «принципиально новый этап в подходе к изучению истории крупной духовной корпорации»¹⁷ благодаря тому, что автору удалось показать тесную взаимосвязь и единство политических, социальных и экономических аспектов.

С темой кандидатской диссертации связаны еще две работы А. А. Зимина, опубликованные в 1970-е гг. Одна из них касается вкладных и записных книг¹⁸, другая — монастырских жалованных грамот¹⁹. Остановимся подробнее на статье о жалованных грамотах, являющейся единственной опубликованной работой

А. А. Зими́на, специально посвященной формулярному анализу актов²⁰. В ее основе лежит переработанный очерк из кандидатской диссертации²¹.

В своем исследовании А. А. Зимин обратился к той части формуляра жалованных грамот, где перечисляются монастырские владения — вотчинная часть формуляра по его терминологии. В нее включались следующие разделы: название владений; наименование уезда, стана и волости; указание на предшествовавшего владельца; сведения о способе приобретения. Таким образом, принцип деления вотчинного формуляра на части у А. А. Зими́на тематический, а не постатейный²². Если постатейный принцип формален, универсален и исходит из функциональной направленности разных элементов формуляра, то тематический, характеризующийся более заметным субъективизмом, удобнее применительно к конкретным исследованиям или в изданиях учебной направленности. Тематические принципы классификации разрабатывались А. А. Зиминым во второй половине 1940-х гг. и отразились в статье 1979 г. о дипломатике жалованных грамот.

В этой связи напрашивается параллель с тематической классификацией актов, которую А. А. Зимин также разрабатывал во второй половине 1940-х гг. В историографии она сравнительно мало известна, поскольку специально не публиковалась. В общем виде классификация приведена и дополнена Л. В. Черепниным²³. В первоначальном варианте классификация актов была включена А. А. Зиминым в программу спецкурса по дипломатике феодальной эпохи.

В настоящее время нам известны два авторских варианта этой классификации. Один из них — машинописный, находящийся в составе программы курса «Русская историческая дипломатика феодальной эпохи», датированной 8 июня 1949 г.²⁴, другой — рукописный, выполненный на отдельных листах, которые могут носить самостоятельный характер²⁵. Оба они лишь в общих чертах соответствуют классификации, приведенной Л. В. Черепниным, и имеют различия между собой. Рукописный вариант классификации нам представляется наиболее развернутым и завершенным. Исходным моментом, по мнению А. А. Зими́на, должно являться содержание грамот с учетом их историко-правовой структуры²⁶.

Классификация А. А. Зими́на является одной из самых подробных тематических классификаций. Она, без сомнения, имеет в своих истоках классификацию С. А. Шумакова и, в свою очередь, имела влияние на классификацию Л. В. Черепнина. Вероятно, влияние на А. А. Зими́на в этом отношении оказала и классификация И. А. Голубцова, с которой он мог познакомиться при работе над хрестоматией по дипломатике в МГИАИ²⁷. Законченного практического выражения классификация А. А. Зими́на не получила, если не считать некоторого ее отражения в структуре «Памятников русского права»²⁸. Все это говорит

о том, что А. А. Зиминым в 1940-е гг. разрабатывались вопросы тематической классификации грамот и элементов их формуляра.

Система тематического деления актового формуляра, использованная в статье о дипломатике жалованных грамот, впоследствии также не получила особенного развития в историографии. В своей работе А. А. Зимин путем текстологического анализа прослеживал происхождение (основу) вотчинной части формуляра грамот, показал приемы составления общих жалованных грамот. Всего в статье рассматриваются 52 грамоты 1479-1593 гг.

Исследование А. А. Зимина показало, что жалованные грамоты, особенно общие — ценный источник для изучения состава и истории формирования монастырской вотчины, в котором учитываются и суммируются сведения других актов.

Характерной чертой статьи, как и других работ А. А. Зимина, является то, что в исследовании он опирался на весь комплекс сохранившихся источников, относящихся к интересующей его теме. В данном случае мы видим систематический анализ «вотчинной» части формуляра всех известных жалованных грамот Иосифо-Волоколамскому монастырю, изданных самим А. А. Зиминим в 1956 г. Формулярный анализ рассматривается А. А. Зиминим не как самоцель, а в качестве метода, позволяющего ему прийти к важным выводам о тенденциях складывания монастырских вотчин. Статья отлично показывает, что А. А. Зимин всегда был, прежде всего, историком и для него анализ источников не являлся конечной точкой исследования, а выступал в качестве основы для общеисторических наблюдений и выводов.

Таким образом, при всем тематическом разнообразии трудов А. А. Зимина в его научном наследии есть внутренняя логика, и красной нитью проходят темы, постоянно интересовавшие его. К числу таких исследовательских направлений А. А. Зимина относятся история Иосифо-Волоколамского монастыря и изучение актовых источников. Именно эти направления во многом сформировали его как исследователя.

Научные труды А. А. Зимина, если и не были прямо посвящены дипломатике, то часто синтезировали в себе конкретные источниковедческие наблюдения относительно актовых источников. Важным направлением работы А. А. Зимина стали подготовленные им издания актов. Им было введено понятие актовой археографии — «специальный раздел археографии, изучающий принципы и методику издания актовых источников»²⁹. И самым крупным изданием грамот в научном наследии А. А. Зимина является уже упомянутая публикация актов Иосифо-Волоколамского монастыря.

Для трудов А. А. Зимина характерно сочетание источниковедческого анализа и синтеза с конкретно-историческим, хронологическим подходом к изучению

прошлого³⁰. Статьи, посвященные отдельным источникам, подготавливали появление монографий, вбиравших их в себя. Это позволяло А. А. Зимину при разработке крупных тем не спускаться до детализаций, а, синтезируя материал, приходиться к обобщающим выводам. Сам А. А. Зимин восхищался исследовательским стилем С. Б. Веселовского: «и сносок-то у него почти нет, и цитат-то совсем мало, а глубина исследования просто непостижимая. Что-то в лучших страницах близкое к В. О. Ключевскому»³¹. В монографиях самого А. А. Зимины широкие и смелые обобщения успешно сочетались с филигранной исследовательской конкретикой. И почти каждая монография содержала емкий и историографически насыщенный обзор источников.

При том, что труды А. А. Зимины писались в годы, когда заниматься историей церкви как таковой было практически невозможно, сочетание социально-экономических и политических аспектов в изучении монастырского архива фактически позволяет говорить об их авторе как источнике, дипломатисте, археографе истории церкви. Для своего времени эти труды, продолжающие дело его учителей, были новым словом в науке и до сих пор во многом сохраняют свое значение.

¹ *Зимин А. А. Мой архив* // Александр Александрович Зимин: библиографический указатель / Сост. В. И. Гульчинский. М., 2000. С. 153.

² По данной теме см.: *Капитанов С. М.* Александр Александрович Зимин как исследователь истории Иосифо-Волоколамского монастыря // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. Мат-лы научно-практич. конф. М., 2008. 339-352.

³ Подробнее см.: *Филимонов С. Б.* С. В. Бахрушин — член Общества изучения Московской губернии (области) // Археографический ежегодник за 1982 год. М., 1983. С. 211-214; *Тихонов В. В.* Московская историческая школа в первой половине XX века. Научное творчество Ю. В. Готье, С. Б. Веселовского, А. И. Яковлева и С. В. Бахрушина. М.; СПб., 2012. С. 234-236.

⁴ *Шмидт С. О.* Работа М. Н. Тихомирова в 1920-е годы по изучению истории Московского края (новые материалы) // *Он же.* Московский историк Михаил Николаевич Тихомиров. Тихомировские традиции. М., 2012. С. 70.

⁵ *Филимонов С. Б.* Указ. соч. С. 213.

⁶ *Шмидт С. О.* Указ. соч. С. 74.

⁷ *Тихомиров М. Н.* Монастырь-вотчинник XVI в. // Исторические записки. 1938. Т. 3. С. 130-160; То же // *Он же.* Российское государство XV-XVII вв. М., 1973. С. 120-154; *Щенетов К. Н.* Сельское хозяйство в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI в. // Исторические записки. 1946. № 18. С. 92-147.

⁸ *Щенетов К. Н.* Волоколамский музей (бывший Иосифов монастырь): краткое описание музея. М., 1928.

⁹ Там же. С. 7-8.

¹⁰ Баранов К. В., Жучкова И. Л., Шохин Л. И. Фонд Иосифо-Волоколамского монастыря в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА): обзор документов фонда 1192, опись 1 // История Волоколамского края и перспективы «Золотого наследия Руси»: сб. докладов науч.-практ. конф. 30 октября 1998. М., 1999. С. 14.

¹¹ Щепетов К. Н. Волоколамский музей... С. 3, 6-8.

¹² Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV-XVI в.). М., 1977. С. 22.

¹³ Подробнее об этой части документов см.: Комочев Н. А. Из истории архива Иосифо-Волоколамского монастыря в XX в. // Отечественные архивы. 2018. № 4. С. 34-39.

¹⁴ Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина... С. 33.

¹⁵ Книга ключей и Долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века / Под ред. М. Н. Тихомирова, А. А. Зимина. М., 1948. 171 с.

¹⁶ Акты феодального землевладения и хозяйства [Акты Иосифо-Волоколамского монастыря] / Подгот. к печ. А. А. Зимин. М., 1956. Ч. 2.

¹⁷ Каштанов С. М. Александр Александрович Зимин (1920-1980) // Александр Александрович Зимин: биобиблиографический указатель. М., 2000. С. 15.

¹⁸ Зимин А. А. Вкладные и записные книги Волоколамского монастыря XVI в. // Из истории феодальной России: статьи и очерки. К 70-летию со дня рождения проф. В. В. Мавродина. Л., 1978. С. 77-84.

¹⁹ Зимин А. А. О дипломатике жалованных грамот Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. // Актовое источниковедение: сб. ст. М., 1979. С. 164-178.

²⁰ В этом качестве она упомянута: Панеях В. М. Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии А. А. Зимина // Он же. Историографические этюды. СПб., 2005. С. 74.

²¹ Каштанов С. М. Александр Александрович Зимин (1920-1980) // Александр Александрович Зимин: Биобиблиограф. указ. М., 2000. С. 47.

²² Каштанов С. М. Русская дипломатика. М., 1988. С. 191.

²³ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. М., 1951. Ч. 2. С. 62-63

²⁴ АРАН. Ф. 1950 (А. Т. Николаева). Оп. 1. Д. 143. Л. 12-15.

²⁵ Там же. Л. 19-23.

²⁶ Данная классификация приведена нами в статье: Комочев Н. А. Классификация русских актов А. А. Зимина // Вспомогательные и специальные науки истории в XX — начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка. Мат-лы XXVI Межд. науч. конф. Москва, 14-15 апреля 2014 г. М.: РГГУ, 2014. С. 215-219.

²⁷ О тематических классификациях грамот см.: Каштанов С. М. Русская дипломатика ... С. 147-149; Комочев Н. А. «Опыт классификации актов Московского государства» И. А. Голубцова // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания. Мат-лы XXI межд. науч. конф. М., 2009. С. 220-223

²⁸ Памятники русского права. М., 1955, 1956. Вып. 3, 4.

²⁹ Зимин А. А. Методика издания древнерусских актов. М., 1959. С. 3.

³⁰ Каштанов С. М. О методологии А. А. Зимина и его концепции опричнины // Историк во времени. Третьи Зиминские чтения: доклады и сообщения научной конференции. М., 2000. С. 97.

³¹ Зимин А. А. Несравненный Степан Борисович // Александр Александрович Зимин / Сост. В. Г. Зимина, Л. Н. Простоволосова. М., 2005. С. 69.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александр Александрович Зимин / Сост. В.Г. Зими́на, Л.Н. Простоволосова. М.: РГГУ, 2005. 166 с. (Серия «История и память. Учителя»).
2. Александр Александрович Зимин: библиографический указатель / Сост. В.И. Гульчинский, вступ. ст. С.М. Каштанова. М.: РГГУ, 2000. 192 с.
3. *Баранов К.В., Жучкова И.Л., Шохин Л.И.* Фонд Иосифо-Волоколамского монастыря в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА): обзор документов фонда 1192, опись 1 // История Волоколамского края и перспективы «Золотого наследия Руси»: сб. докладов науч.-практ. конф. 30 октября 1998. М., 1999. С. 13-31.
4. *Зимин А.А.* Вкладные и записные книги Волоколамского монастыря XVI в. // Из истории феодальной России: статьи и очерки. К 70-летию со дня рождения проф. В.В. Мавродина. Л., 1978. С. 77-84.
5. *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV-XVI в.). М.: Наука, 1977. 356 с.
6. *Зимин А.А.* Методика издания древнерусских актов / Отв. ред. Н.В. Устюгов. М.: МГИАИ, 1959. 64 с.
7. *Зимин А.А.* О дипломатике жалованных грамот Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. // Актовое источниковедение: сб. ст. М.: Наука, 1979. С. 164-178.
8. *Каштанов С.М.* Александр Александрович Зимин как исследователь истории Иосифо-Волоколамского монастыря // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. Мат-лы научно-практ. конф. М., 2008. С. 339-352.
9. *Каштанов С.М.* О методологии А.А. Зими́на и его концепции опрични́ны // История во времени. Третьи Зиминские чтения: доклады и сообщения научной конференции. М.: РГГУ, 2000. С. 97-99.
10. *Каштанов С.М.* Русская дипломатика. М.: Высшая школа, 1988. 231 с.
11. *Комочев Н.А.* Из истории архива Иосифо-Волоколамского монастыря в XX в. // Отечественные архивы. 2018. № 4. С. 34-39.
12. *Комочев Н.А.* Классификация русских актов А.А. Зими́на // Вспомогательные и специальные науки истории в XX — начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка. Мат-лы XXVI Межд. науч. конф. Москва, 14-15 апреля 2014 г. М.: РГГУ, 2014. С. 215-219.
13. *Комочев Н.А.* «Опыт классификации актов Московского государства» И.А. Голубцова // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания. Мат-лы XXI межд. науч. конф. М.: РГГУ, 2009. С. 220-223
14. *Панеях В.М.* Историографические этюды. СПб.: Алетейя, 2005. 244 с.
15. *Тихомиров М.Н.* Монастырь-вотчинник XVI в. // Исторические записки. 1938. Т. 3. С. 130-160.
16. *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV-XVII вв. М.: Наука, 1973. 422 с.
17. *Тихонов В.В.* Московская историческая школа в первой половине XX века. Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М., СПб.: Нестор-История, 2012. 327 с.

18. *Филимонов С.Б.* С.В. Бахрушин — член Общества изучения Московской губернии (области) // Археографический ежегодник за 1982 год. М., 1983. С. 211-214.

19. *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV-XV веков. М.: Изд-во АН СССР, 1948, 1951. Ч. 1-2.

20. *Шмидт С.О.* Московский историк Михаил Николаевич Тихомиров. Тихомировские традиции. М.: Языки славянских культур, 2012. 463 с.

21. *Щепетов К.Н.* Волоколамский музей (бывший Иосифов монастырь): краткое описание музея. М.: б.и., 1928. 8 с.

22. *Щепетов К.Н.* Сельское хозяйство в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI в. // Исторические записки. 1946. № 18. С. 92-147.

Сидорова Л. А.

Институт российской истории РАН

**РУССКИЙ ФЕОДАЛИЗМ
В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ:
ВЫСТУПЛЕНИЕ А.А.ЗИМИНА НА ЗАСЕДАНИИ
РЕДКОЛЛЕГИИ И АВТОРСКОГО КОЛЛЕКТИВА
IV ТОМА «ОЧЕРКОВ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ
НАУКИ В СССР» 1 ДЕКАБРЯ 1959 г.**

Аннотация: Статья посвящена одному небольшому эпизоду в научной деятельности А.А. Зимина, в котором отразились, тем не менее, многие значимые черты советской исторической науки периода «оттепели» и творческий почерк самого исследователя. Она построена на материалах стенограмм заседаний редколлегии и авторского коллектива IV тома «Очерков истории исторической науки СССР», которые до настоящего времени практически не были в научном обороте.

Ключевые слова: советская историческая наука, «оттепель», научность, объективность, историзм.

Sidorova L. A.

Institute of Russian History

Russian Academy of Sciences

**RUSSIAN FEUDALISM IN SOVIET HISTORIOGRAPHY:
SPEECH BY A.A. ZIMIN AT THE MEETING
OF THE EDITORIAL BOARD AND THE AUTHOR COLLECTIVE
OF THE IVTH VOLUME OF «SKETCHES OF HISTORY
OF HISTORICAL SCIENCE IN THE USSR» DECEMBER 1, 1959**

Annotation: The article is devoted to one small episode in the scientific activities of A.A. Zimin, which nevertheless reflected many significant features of Soviet historical science during the “thaw” period and the creative style of the researcher himself. It is based on the materials of transcripts of meetings of the editorial board and the authors of the fourth volume of «Essays on the History of the Historical Science of the USSR», which until now have been practically not in scientific circulation.

Keywords: Soviet historical science, “thaw”, scientific approach, objectivity, historicism.

Вторая половина 1950-х — начало 1960-х гг. период, ставший одним из ключевых этапов в развитии отечественной историографии XX в. В это время проявились характерные особенности «оттепели» в советской исторической науке, которые во многом определили ее главные черты вплоть до начала XXI в.¹

Идеологический контекст XX и XXII съездов КПСС вызвал у советских историков ощущение «отчетливого рубежа, за которым начинается новый ... период развития советской исторической науки»². Эта «рубежность» обусловила обостренный интерес сообщества историков к истории исторической науки. Потребность оценить результаты предшествовавшего историографического процесса, как дореволюционного, так и последних трех-четырёх десятилетий, обусловила инициирование подготовки и издания академических «Очерков истории исторической науки в СССР»³.

В 1959 г. Комиссия по истории исторической науки АН СССР, которую возглавляла академик М. В. Нечкина, продолжала свою работу по подготовке этого многотомного издания. Первый том уже увидел свет, работа над двумя последующими была практически завершена, на повестке дня стояла подготовка четвертого тома⁴. На 3 июня 1959 г. было назначено проведение первого совещания его авторского коллектива.

Открывая заседание, М. В. Нечкина прежде всего остановилась на общем замысле и структуре четвертого тома «Очерков». Милица Васильевна подчеркнула особую значимость данного тома. «Том IV — это особенный том, необыкновенный том, имеющий прямое отношение ко всем советским историкам, это — история советской исторической науки, впервые предпринимаемая в СССР», — так охарактеризовала его М. В. Нечкина. «Замысел этой работы, — продолжила она, — очень нов и касается самым непосредственным образом не только всех нас, здесь присутствующих, но вообще всех историков Советского Союза, потому что это их биография, их деятельность, их работы»⁵.

Позитивно оценивая предшествовавший этап советской исторической науки, М. В. Нечкина сформулировала «непреложную руководящую идею» четвертого тома «Очерков»: «Интегральное общее, по ленинскому пути (несмотря на все трудности) движение вперед нашей науки»⁶.

О влиянии культа личности И. В. Сталина на советскую историческую науку было сказано, но довольно-таки скупое, что, впрочем, вполне вписывалось в идеологическую обстановку того конкретного момента времени. Все внимание было сосредоточено на новой программе партии, а до XXII съезда КПСС с его возвращением к критике сталинизма оставалось еще почти два года.

М. В. Нечкина ограничилась простым упоминанием о роли культа личности в развитии советской исторической науки. «Эти ошибки раскрыты в свое время

и известны, и мы полагаем, — констатировала она, — что эти ошибки в истории исторической науки должны быть показаны»⁷.

Заседания редколлегии и авторского коллектива IV тома «Очерков истории исторической науки» проходили регулярно. На них обсуждались представленные авторами разделы, вносились предложения по их содержанию. Одно из таких собраний состоялось 1 декабря 1959 г. Оно было посвящено обсуждению раздела «Проблемы русского феодализма в советской историографии», написанного А. А. Зиминим и А. А. Преображенским. На нем, помимо самих авторов и М. В. Нечкиной, брали слово ведущие советские историки тех лет П. Г. Рындзюнский, Н. А. Смирнов, И. Б. Берхин, Б. Г. Вебер, В. Г. Руслякова, И. Н. Кобленц, М. А. Алпатов, Г. Н. Голиков. Работа заседания была построена по следующему порядку. Сначала по поводу представленного текста высказывали свои оценки и предложения все присутствовавшие историки, а затем уже сами авторы отвечали на прозвучавшие соображения, раскрывая свои подходы к изучению избранной темы.

Что же прозвучало в выступлении А. А. Зимина, какова была его реакция на обсуждение коллегами написанного им в соавторстве с А. А. Преображенским текста, как в нем отразилась научная позиция самого историка-профессионала? Для ответа на эти вопросы обратимся к стенограмме того заседания, в первую очередь к выступлению А. А. Зимина.

В нем Александр Александрович поблагодарил всех присутствовавших на нем историков за их внимание, за их дружеские советы, за конкретные предложения. Он начал с того, что обсуждение было для него и А. А. Преображенского очень полезно. «Мы писали как специалисты по данной теме и не всегда учитывали общие требования, которые предъявляются ко всему изданию»⁸, — объяснил А. А. Зимин особую значимость сделанных замечаний. «Мы обменялись очень вскользь мнениями по некоторым вопросам и попытаемся высказать свои соображения, но как будто бы у нас по некоторым вопросам слагается пока, во всяком случае на каком-то этапе, единое видение»⁹, — так, очень осмотрительно, он приступил к изложению и обоснованию отдельных сторон своего видения проблемы русского феодализма в советской историографии.

Сначала А. А. Зимин обратился к вопросу построения своего с А. А. Преображенским раздела. Он согласился с прозвучавшим на этом заседании предложением Н. А. Смирнова, что «начать нужно с ленинской концепции данного периода»¹⁰.

Этот фрагмент выступления А. А. Зимина сразу же дает основания высказать два суждения. Первое. Представленный на обсуждение текст, который читали участники данного совещания, был хронологически и проблемно построен иначе. Второе. Он отразил существовавшие диаметрально противоположные представления о способе презентации историографических построений —

идти в изложении от их возникновения в науке до современности или же, наоборот, от современных взглядов вглубь веков, т.е. своеобразные восходящие и нисходящие линии.

Данная альтернатива касалась не только архитектоники текста, несомненно важной части любого научного исследования. В конкретных условиях рубежа 1950-1960-х гг. она несла на себе и большую идеологическую нагрузку, затрагивая методологические основы исторического и историографического, в частности, исследования, в том числе соотношение историзма и современности.

Этот вопрос вызвал полемику на одном из предыдущих заседаний Комиссии по истории исторической науки, также посвященном подготовке четвертого тома «Очерков», которое состоялось двумя месяцами ранее, 21 октября 1959 г. Там приоритетной была признана «нисходящая линия». Выступивший на нем М. А. Алпатов настаивал, что «...при объективной оценке историзма обязательно нужна точка зрения сегодняшнего дня. Иначе нельзя»¹¹.

Л. В. Черепнин расставил акценты несколько по-иному. Не оспаривая саму нисходящую линию и признавая, что, «конечно, указать, что правильно и что неправильно, что соответствует и что не соответствует марксистской концепции, — это наша задача. Мы обязаны это сделать. Иначе труд будет не марксистский, а объективистский»¹², Лев Владимирович тут же указал и на огрехи такого метода: «...Когда у вас пестрят такого рода оценки, то получается впечатление, что как будто вы с позиций сегодняшнего дня в качестве рецензента оцениваете те или иные работы»¹³.

Чтобы избежать подобного стиля подачи и анализа историографического материала, Лев Владимирович предложил следующий путь. «Это надо сделать, — сказал он, — показав становление, развитие науки, показав ту борьбу, которая происходила, показав, как происходили эти отступления от ленинской концепции, как выработывалась ленинская концепция»¹⁴. Предложение Л. В. Черепнина было внутренне противоречиво. Справедливое требование рассматривать все исторические процессы в динамике не устраняло ограничений, связанных с единственным и главным критерием оценки — соответствием или несоответствием ленинской концепции, и тем самым сужало исследовательские подходы рамками одной методологии. Вместе с тем, важно подчеркнуть, что его подход находился в границах творческой модели использования марксизма в исторических исследованиях.

Рекомендация Н. А. Смирнова, адресованная А. А. Зимину и А. А. Преображенскому, показать, как «складывался марксизм и каковы более далекие пути, по которым пришли наши историки к марксистскому пониманию», была вполне закономерной. Ведь иначе, убеждал он присутствовавших на заседании историков, «получается такая картина, что чрезвычайно увлекательно рассказыва-

ется и так много места уделяется буржуазной историографии, а марксистская историография относится на конец»¹⁵.

На этом заседании, как уже было сказано выше, А. А. Зимин прямо не оспаривал мнения Н. А. Смирнова. Он сказал: «Хотя эта концепция (русского феодализма. — Л.С.) сложилась в «Развитии капитализма в России» и в некоторых других произведениях до победы Великой Октябрьской социалистической революции, все равно здесь нужно дать основные моменты. Это сразу осветит иным светом главу и сделает понятной идеологическую борьбу по важнейшим вопросам, которая происходила в этот период. Это разумно. Будет понятно, почему мы на одни вопросы обратили внимание, а другие затронули вскользь. Это следует принять»¹⁶. Данное суждение А. А. Зимина относилось к изложению основных положений концепции русского феодализма, содержащихся в работах В. И. Ленина.

Вместе с тем, в отношении изложения в главе взглядов на русский феодализм, высказанных историками России до XX в., Александр Александрович занял противоположную позицию. Он подчеркнул, что «нельзя так категорически утверждать, что нужно дать слева направо характеристику направлений»¹⁷. А. А. Зимин был согласен, что такое построение не противоречило содержанию глав, посвященных советскому периоду истории, и привел в пример раздел, который писал в «Очерках» И. Б. Берхин.

Развивая эту мысль, Александр Александрович справедливо заметил, что в данном отношении единства для всех глав быть не может. Это вело, по его мнению, к нарушению логики исследования проблем историографии. Он прямо заявил, что в своем с А. А. Преображенским тексте «дать вначале концепцию [Б. Д.] Грекова, а потом постепенно показать, что было до нее — это будет не исторично»¹⁸. Затем, несколько смягчая свои слова, он добавил: «Если бы у нас были — итоги советской исторической науки, но ведь у нас история исторической науки и здесь необходима связь с предшествующим томом по выработке марксистского освещения истории. Здесь будет трудно перестроиться»¹⁹.

Отстаивая и обосновывая свой принцип освещения проблем изучения русского феодализма в отечественной историографии, А. А. Зимин был категорически не согласен с высказанным П. Г. Рындзюнским мнением, что изложение в предложенном к рассмотрению тексте рукописи было построено по темам и авторам. Отвечая Павлу Григорьевичу, он без обиняков заявил, что его оппонент «упустил главное». «Мы строили, — подчеркнул Александр Александрович, — не столько по темам и авторам, сколько по проблемно-хронологическому принципу»²⁰.

Это «упущение» П. Г. Рындзюнского А. А. Зимин связал с тем, что в разделе самого Павла Григорьевича — «Социально-экономическая история России XIX в. в работах советских историков»²¹, был представлен «сравнительно

очень четкий исторический отрезок времени, который рождает свои трудности, но не обладает целым рядом затруднений»²², с которыми пришлось столкнуться авторам главы об изучении русского феодализма.

А. А. Зимин счел необходимым остановиться на вопросе, чем же его с А. А. Преображенским статья отличается от других, подготовленных и готовившихся для «Очерков»? Отвечая на него, он подчеркнул, что их статья построена по проблемно-хронологическому принципу, принятому и одобренному для целого ряда других статей по различным хронологическим периодам. Разницу он видел, прежде всего, в том, что им пришлось «иметь дело с огромным хронологическим промежутком времени — примерно 1000 лет нашей отечественной истории».

Эта огромная временная дистанция потребовала определенной корректировки проблемно-хронологического принципа: «Давать только по основным направлениям, не учитывая сложности хронологической перспективы, — был убежден А. А. Зимин, — будет крайне затруднять освоение всего конкретного материала и приводить к схематизму в построении»²³. Также он был убежден, что, характеризуя то или иное направление в изучении русского феодализма, надо было учитывать взгляды и концепции отдельных историков. «К кусочку [С.Ф.] Платонова приставить кусочек [П.Г.] Любомирова или кусочек [Д.М.] Петрушевского, — сказал А. А. Зимин, — нельзя, это будет чересчур искусственно»²⁴.

Следует подчеркнуть, что в окончательном варианте раздела А. А. Зимина и А. А. Преображенского, который вошел в четвертый том «Очерков», историческая последовательность в подаче материалов нарушена не была. Авторы начали с анализа работ по истории Киевской Руси, появившихся в первые послереволюционные годы, в которых историки (П. Г. Любомиров, П. П. Смирнов, Ю. В. Готье и др.) «все еще придерживались старых, буржуазных концепций»²⁵. В таком же ключе было построено изложение проблем феодальной раздробленности, образования единого Русского централизованного государства и др. А. А. Зимину удалось отстоять свою позицию, в которой преобладала логика развития собственно исторической науки, между тем как подобные перестановки в интересах современности случались достаточно часто.

Конечно, не все положения, отстаивавшиеся А. А. Зиминим в обсуждавшейся на том заседании рукописи, вошли в окончательный текст публикации. Это относится, например, к трактовке дискуссии, состоявшейся в самом начале 1931 г. и направленной против научных школ Е. М. Тарле и С. Ф. Платонова²⁶.

Александр Александрович выступил против тезиса о том, что «ядро дискуссий — это становление марксизма и низвержение Покровского»²⁷. Он отметил, что дискуссию «проводил Покровский, работа Цвибиха [так в тексте стенограммы. — Л.С.] исходит из Покровского»²⁸. Этот сюжет не был включен

в изложение видения советской историографией рубежа 1920-1930-х гг. истории «Смутного времени». Опосредованно он присутствует в формулировке, данной в «Очерках»: «Уже в 20 — начале 30-х годов появляются первые не всегда вполне удачные попытки марксистского осмысления событий начала XVII в. Советские историки опирались при этом на взгляды Маркса и Энгельса о крестьянских войнах периода феодализма, а также на ленинскую характеристику особенностей движения крестьян в России»²⁹.

В своем выступлении А. А. Зимин затронул некоторые вопросы, связанные со вкладом отдельных историков в формирование концепции русского феодализма в советской историографии. Закономерно, что наибольшее внимание было уделено Б. Д. Грекову. Изложение в рукописи научных взглядов видного советского историка вызвало в ходе ее обсуждения довольно-таки неожиданную и даже парадоксальную реакцию.

А. А. Зимину был высказан упрек в преувеличенном внимании к роли Б. Д. Грекова в выработке концепции русского феодализма. Говорилось даже о «культе Грекова» в данном процессе³⁰. Соглашаясь с тем, что «нужно показать коллективные усилия советских ученых», А. А. Зимин был категорически против такого отношения к наследию Б. Д. Грекова³¹. В итоге в IV том «Очерков» вошла формулировка, в которой был отражен вклад как Б. Д. Грекова, так и других советских исследователей. Был сделан вывод, что основы марксистской концепции древнерусской истории, заложенные уже в самом начале 1930-х гг., создавались коллективными усилиями многих историков, но наиболее обстоятельно были изложены Б. Д. Грековым³².

Таким образом, в выступлении А. А. Зимины на заседании редколлегии и авторского коллектива IV тома «Очерков истории исторической науки» 1 декабря 1959 г. были затронуты многие существенные для отечественной исторической науки исследовательские проблемы. Отношение к предшествовавшей историографии, как дореволюционной, так и советской, к объективности и историзму в исторических и историографических исследованиях, к вкладу отдельных историков в развитие отечественной исторической науки — все эти и связанные с ними вопросы, составлявшие основу исследовательской деятельности советских историков середины XX в., в той или иной степени нашли свое отражение в тексте стенограммы этого заседания в целом и, безусловно, в словах самого Александра Александровича. Заявляя о своей научной позиции, А. А. Зимин произнес слова, важность которых переоценить трудно: «Я просто не хочу забывать..., я хочу быть справедливым, ...я не стремлюсь все подогнать под одну схему»³³. Они, полагаю, могут быть отнесены к стилю всего научного творчества историка, которое стало неотъемлемой частью российской исторической науки.

¹ Подробнее см.: *Сидорова Л.А.* Оттепель в советской исторической науке: Советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997.

² Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. Сб.ст. М., 1962. С.25.

³ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I-IV. М.: Наука, 1955-1966.

⁴ Стенограмма совещания авторского коллектива IV тома «Очерков истории исторической науки в СССР». 3 июня 1959 г. Л. 1. [документ хранится в Центре «Историческая наука России» Института российской истории РАН].

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 17.

⁷ Там же. Л. 14.

⁸ Стенограмма совещания авторского коллектива IV тома «Очерков истории исторической науки в СССР». 1 декабря 1959 г. Л. 61. [документ хранится в Центре «Историческая наука России» Института российской истории РАН].

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Стенограмма заседания авторского коллектива IV тома «Очерков истории исторической науки в СССР». 21 октября 1959 г. Л. 44. [документ хранится в Центре «Историческая наука России» Института российской истории РАН].

¹² Там же. Л. 15.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 16.

¹⁵ Стенограмма заседания авторского коллектива IV тома «Очерков истории исторической науки в СССР». 1 декабря 1959 г. Л. 17.

¹⁶ Там же. Л. 61.

¹⁷ Там же. Л. 62.

¹⁸ Там же. Л. 62.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. М., 1966. С. 308-334.

²² Стенограмма заседания авторского коллектива IV тома «Очерков истории исторической науки в СССР». 1 декабря 1959 г. Л. 62.

²³ Там же. Л. 63.

²⁴ Там же.

²⁵ Очерки... Т. IV. С. 271.

²⁶ Материалы дискуссии опубликованы: *Г. Зайдель и М. Цвибак.* Классовый враг на историческом фронте. Тарле и Платонов и их школы. М. - Л., 1931.

²⁷ Стенограмма заседания авторского коллектива IV тома «Очерков истории исторической науки в СССР». 1 декабря 1959 г. Л. 65.

²⁸ Там же.

²⁹ Очерки... Т. IV. С. 296.

³⁰ Стенограмма заседания авторского коллектива IV тома «Очерков истории исторической науки в СССР». 1 декабря 1959 г. Л. 65

³¹ Там же.

³² Очерки... Т. IV. С. 274.

³³ Стенограмма заседания авторского коллектива IV тома «Очерков истории исторической науки в СССР». 1 декабря 1959 г. Л. 65-66.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зайдель Г. и Цвибак М.* Классовый враг на историческом фронте. Тарле и Платонов и их школы. М. — Л.: Соцэкиздат, 1931. 232 с.

2. *Сидорова Л. А.* Оттепель в советской исторической науке: Советская историография первого послесталинского десятилетия. М.: Памятники исторической мысли, 1997. 288 с.

3. Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. Сб.ст. М.: Изд. АН СССР, 1962. 627 с.

4. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. М.: Изд. АН СССР, 1955. 693 с.;

5. Очерки истории исторической науки в СССР. т. II. М.: Изд. АН СССР, 1960. 853 с.;

6. Очерки истории исторической науки в СССР. т. III. М.: Изд. АН СССР, 1963. 884 с.;

7. Очерки истории исторической науки в СССР. т. IV. М.: Изд. АН СССР, 1966. 855 с.

Козлова Н.А
РГГУ

ВТОРОЕ ОБОЗРЕНИЕ АРХИВА А. А. ЗИМИНА

Аннотация: Дана характеристика части архива А.А. Зимина, документов его двух жен, сына и других родственников, поступивших на хранение в Архив РАН. Сообщено об условиях доступа к ним и их использования.

Ключевые слова: А.А. Зимин, В.Г. Зимина, С.А. Зимин, А.В. Новская, Ф.А. Абрамов, Н.М. Коржавин, Р.Н. Юренев, В.М. Шукшин.

Kozlova N. A
RSUH

THE SECOND REVIEW OF THE ARCHIVE OF A. A. ZIMIN

Abstract: Describes the part of the archive of A.A. Zimin, the documents of his two wives, son and other relatives that were deposited in the archive of the Russian Academy of Sciences. The conditions for accessing and using them have been notified.

Keywords: A.A. Zimin, V.G. Zimina, S.A. Zimin, A.V. Nevskaya, F.A. Abramov, N.M. Korzhavin, R.N. Yurenev, V.M. Shukshin

Архив Зимина начал поступать отдельными партиями в Архив РАН с марта 2014 г. и в настоящее время полностью перемещен сюда. Разобрана, идентифицирована и описана его большая часть, составившая свыше 1140 единиц хранения, включенных в четыре описи. Пятую опись составят документы, обнаруженные в книгах библиотеки А.А. и В.Г. Зиминых после ее передачи в 2019 г. в Государственный архив Московской области во время составления ее каталога.

В нашем первом обозрении архива А. А. Зимина¹ мы отмечали, что перед нами не личный, а родовой архив ученого, а также архив, содержащий большое количество коллекционных архивных документов, подчас поразительных по своей научной ценности, о чем мы скажем ниже. Помимо личного архива историка здесь оказались: 1) части личных архивов его предков графов Каменских и мелкопоместных дворян Мироновых; 2) фрагменты личных архивов его отца А.И. Зимина — офицера русской, а потом Красной армии, умершего в 1919 г. от тифа, и матери А.М. Бересневой (в первом браке Некрасова, во втором браке Зимина, в третьем браке Комарова); 3) личный архив его отчима, врача-

стоматолога, участника Великой Отечественной войны П.М. Комарова; 4) фрагменты архивов теток Зиминых; 5) личный архив первой жены Зиминых историка А.В. Новской, трагически ушедшей из жизни в 1944 г. во время родов; 6) личный архив второй жены Зиминых историка-архивиста В.Г. Зиминой; 7) архив сына Зиминых — Сергея, умершего в 47-летнем возрасте.

В первое обозрение архива ученого вошли в основном документы, включенные в его первую опись. Мы выделили тогда в ней группы биографических документов, монографические и другие исследования Зиминых, подготовительные документы к его трудам, документы, связанные с обсуждением работ ученого, отзывы Зиминых на труды его коллег, документы о педагогической деятельности Зиминых, прежде всего в МГИАИ. Значительную часть архива составляет переписка Зиминых. Она состоит из нескольких групп — личные письма Зиминых знакомым, коллегам, друзьям и близким в СССР, зарубежным коллегам и друзьям ученого, официальные письма Зиминых советским и зарубежным учреждениям и организациям и личные и официальные письма к нему отечественных и зарубежных организаций и физических лиц.

Малоизвестную страницу творчества Зиминых представляют тексты и их фрагменты его литературных сочинений, включая стихотворения юношеского возраста. Сохранился листок, представляющий титульный лист будущего 24-томного собрания литературных сочинений Зиминых, которое юноша Зимин мечтал издать в 1982 г. Это говорит о том, что в юности Зимин колебался в выборе своего жизненного пути писателя или историка. В архиве ученого имеется большая подборка его стихотворений на различные темы и с безупречным художественным вкусом за 1938-1970-е годы. Они прекрасно характеризуют его душевное состояние, отношение к людям и современности. Некоторые из них уже опубликованы, в том числе пронзительный по своей горечи стихотворный ответ на письмо замечательного гражданского поэта России Наума Коржавина, друга семьи Зиминых, оказавшегося в эмиграции.

Среди других комплексов родового архива Зиминых прежде всего выделяются документы его двух жен.

Первая из них — А.В. Новская — из-за ранней смерти не смогла реализовать в полной мере свои судя по всему выдающиеся способности историка, философа и литератора. Сохранились ее стихотворения, философские эссе, исторические штудии, а также большая переписка, в том числе с Зиминным периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Продолжительная жизнь второй жены Зиминых — В.Г. Зиминой (до замужества — Лапшина) — способствовала созданию ее большого архива. Как историк-архивист всю свою жизнь она проработала в Государственной библиотеке СССР имени В.И. Ленина, в том числе много лет в качестве заместителя заведующего Отделом рукописей.

Ученица П. А. Зайончковского, свои интересы она сосредоточила на истории освободительного движения в Российской империи и отмене крепостного права в России. В фонде Зимина сохранились рукописи ее работ, их варианты и подготовительные документы к ним. Здесь же находятся подготовленные ею в порядке служебных обязанностей обзоры личных фондов Отдела рукописей, а также проекты различных нормативных и методических документов по обработке архивных фондов.

Архив В. Г. Зиминой среди прочего включил большой комплекс документов по мало известной странице истории советского архивного дела в контексте ее личной судьбы. Эти материалы касаются преследования руководства Отдела рукописей ГБЛ им. В. И. Ленина за доступ к документам Отдела иностранных исследователей.

Уйдя на пенсию после показательного партийного процесса в связи с «потерей бдительности» при выдаче пользователям архивных документов, Зимина не потеряла связи с библиотекой, являясь в течение многих лет руководителем Культурной комиссии ее Совета ветеранов. В фонде отложился значительный комплекс документов, связанный с ее работой в Совете ветеранов Российской государственной библиотеки и о работе самого Совета.

Обширные личные, научные и служебные связи Зиминой нашли отражение в ее переписке. Среди ее корреспондентов оказались многие из корреспондентов Зимина, в том числе историки и литературоведы Ю. Г. Алексеев, Л. А. Дербов, Л. А. и Р. П. Дмитриевы, П. А. Зайончковский, Н. И. Казаков, Н. А. Казакова, С. М. Каштанов, А. И. Клибанов, И. Д. Ковальченко, А. Л. Литвинов, Д. С. Лихачев, Н. Е. Носов, Н. И. Павленко, В. М. Панеях, О. В. Творогов, пианистка М. В. Юдина, историк кино Р. Н. Юренев. После смерти мужа Зимина продолжала поддерживать письменные контакты с большинством его зарубежных корреспондентов. Значительной по объему оказалась многолетняя переписка Зиминой с подругами — дочерью советского оружейника В. А. Дегтярева О. В. Дегтяревой, ученым секретарем Библиотеки им. В. И. Ленина Т. Л. Постремовой, известной ленинградской школьной учительницей А. И. Стерниной, историком И. В. Ледовской и др.

В опись № 2 архивного фонда А. А. Зимина включены документы, поступившие в Архив РАН в 2015 г. после окончательного разбора бумаг ученого, хранившихся в его квартире в виде россыпи и отдельно от той их части, которая была в самом общем виде сформирована самим Зиминим, и включена в опись № 1 фонда.

По составу документов и характеру их содержания они продолжают документальные комплексы, выделенные нами в описи № 1 в ее соответствующих разделах и подразделах.

Прежде всего они дополняют их новыми документами. В их числе творческие рукописи Зимина, в основном статьи и документальные публикации, не включенные им в 23 тома своих трудов, варианты, в том числе фрагментарные,

сочинений, вошедших в эти тома трудов. В этом комплексе обращают на себя внимание статьи и рецензии, которые по разным причинам не были завершены или не опубликованы, как, например, статья «Владимир Иванович Малышев в письмах». В опись включены новые рецензии, отзывы Зимины на труды коллег и учеников, лекционные курсы, доклады, записи выступлений ученого, в том числе курс лекций по дипломатике, читанный в Московском государственном историко-архивном институте. В этом же ряду находятся новые дела, содержащие подготовительные документы к трудам историка, особенно к его книге «Сумерки и надежды», наброски и фрагменты разных вариантов глав воспоминаний ученого «Храм науки».

Опись включает поэтические произведения Зимины, его литературные и философские эссе, фрагменты дневниковых записей за разные годы.

Опись № 2 содержит значительно больший комплекс биографических документов ученого. Это касается прежде всего личных документов Зимины, в первую очередь о его школьных и студенческих годах жизни, преподавательской работе в МГИИИ, обсуждении его монографий, в том числе о Слове о полку Игореве.

Опись № 2 содержит продолжение переписки Зимины с рядом его советских и зарубежных коллег, например, письма к нему историков Г. Б. Гальперина, И. К. Достяна, А. И. Клибанова, Е. Н. Кушевой, Я. С. Лурье, В. И. Малышева, Н. Е. Носова, В. М. Панеяха, В. Т. Пашуто, Ю. Д. Рыкова и др., второй жены В. Г. Зиминой, сына С. А. Зимины, родственников первой жены Новских. Вместе с тем в нее включены письма новых корреспондентов: писателей Ф. А. Абрамова и Ю. В. Фаева, поэта Н. М. Коржавина, историков Д. Н. Альшица, Ю. К. Бегунова, М. Е. Бычковой, Н. П. Воскобойниковой, С. С. Волка, Л. Н. Гумилева, И. П. Ермолаева, Е. И. Колычевой, Д. Е. Карева, С. С. Ланды, Ю. А. Лимонова, В. В. Мавродина, А. Ю. Насонова, В. С. Мингалева, Г. Н. Моисеевой, Р. В. Овчинникова, А. С. Орешникова, А. В. Предтеченского, И. М. Пушкаревой, М. А. Салминой, Р. Г. Скрынникова, И. Г. Спасского, О. А. Творогова, С. О. Шмидта, А. Е. Чекуновой, А. Л. Шапиро, И. П. Шаскольского и др.

В опись № 3 архивного фонда Зимины включены документы, поступившие в Архив РАН в составе первых двух передач из личного архива ученого в течение 2014-2015 гг. Опись раскрывает состав документальных коллекций, созданных А. А. и В. Г. Зимиными. Документальная коллекция архивного фонда целенаправленно формировалась как самим Зиминым, так и его женой В. Г. Зиминой.

Это касается, например, таких комплексов как дипломные работы и сочинения на соискание ученой степени учеников Зимины, неопубликованных литературных произведений поэтов и писателей России XX в., переписки и воспоминаний родственников ученого, тематические подборки вырезок из газетных и журнальных изданий о Слове о полку Игореве, Куликовской битве, библиотеке Ивана Грозного, зарубежном кино, шахматах и шахматных турнирах и др.

Коллекция историка пополнялась за счет дарений ему советскими и зарубежными друзьями, коллегами и знакомыми документальных источников — их трудов, например, астронома Б. А. Воронцова-Вельяминова, писателя, актера и режиссера В. М. Шукшина, историков Г. Алефа, Л. Миллера. В коллекции оказались труды и их фрагменты разных авторов, в подготовке к изданию которых принимал участие Зимин. Среди них — исследования его друга А. Н. Мальцева, копии сочинений И. Пересветова, В. Филиппа.

Свою часть документальной коллекции формировала и В. Г. Зиминая. Прежде всего это копии и варианты различных научно-методических разработок Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и ее Отдела рукописей, в подготовке или обсуждении которых она принимала участие. В ее коллекции оказались воспоминания и письма некоторых подруг и коллег, списки литературных произведений, включая «самиздат» и «тамиздат», театральные программы, пригласительные билеты на различные научные и общественные мероприятия, их программы.

В опись включена и новая часть архивов жен Зимина — А. В. Новской и В. Г. Зиминой: рукописи их творческих работ, переписка, биографические документы, в том числе фрагментарные дневниковые записи В. Г. Зиминой. Сюда же вошел документальный комплекс, связанный с жизнью сына А. А. и В. Г. Зиминых, представляющий определенный интерес для изучения движения «хиппи» в СССР.

Опись № 4 архивного фонда историка А. А. Зимина составили фотодокументы, связанные с жизнью и деятельностью его самого, его первой и второй жен, их родственников, коллег, друзей, знакомых. Опись включает несколько родовых и семейных альбомов, часть фотографий которых была изъята А. А. Зиминим и вклеена в качестве иллюстраций в одну из рукописей книги историка «Сумерки и надежды».

Фотографии представляют собой портретные ряды, в том числе дореволюционных, зарубежных и советских историков, фотодокументы, зафиксировавшие отдельные события в жизни ученого, его родных и коллег, эпизоды научной, педагогической деятельности, отдыха, бытового обустройства, видовые фотографии природы, памятников архитектуры. Среди них имеются ситуационные фотодокументы периода Первой мировой и Великой Отечественной войн. Помимо известных обнародованных фотографий ученого в опись включены ранее не публиковавшиеся, например, юношеского возраста и студенческой поры,

Часть фотодокументов имеет на обороте идентифицирующие записи А. А. Зимина и В. Г. Зиминой, а также дарственные записи.

подавляющее большинство фотодокументов представлена черно-белыми изображениями, часть которых выполнена профессиональными фотокамерами,

в том числе в фотоателье. Начиная с 1970-х годов все большее место среди них занимают цветные фотодокументы, в том числе выполненные цифровыми фотокамерами. Тексты значительной части черно-белых фотографий, выполненных любительскими фотокамерами, включая фотодокументы периода Первой мировой войны, угасают.

Родовой архив Зими́на передан в Архив РАН на основании типового договора. В соответствии с ним доступ к фонду возможен только после письменного согласия наследников Зими́на — его дочери Н. А. Зиминой (в замужестве Козлова) или внучки Е. В. Козловой (в замужестве Богачева).

¹ *Козлова Н.А.* Первое обозрение архива А.А. Зими́на. — Шестые Зиминские чтения. Творческое наследие А.А. Зими́на и современная российская историография. Доклады, статьи и воспоминания. М., 2017. — С. 13–28

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Козлова Н.А.* Первое обозрение архива А.А. Зими́на. – Шестые Зиминские чтения. Творческое наследие А.А. Зими́на и современная российская историография. Доклады, статьи и воспоминания. М., 2017. – С. 13 - 28

Лукьянова Н. В.
ЦГА Московской области

БИБЛИОТЕКА А.А. ЗИМИНА В ЦГА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: Дается общая характеристика библиотеки А.А. Зимина, безвозмездно переданной его дочерью Н.А. Козловой в Центральный государственный архив Московской области в 2017-2019 гг. Указаны основные комплексы этого книжного собрания ученого и многочисленные серийные издания дореволюционного и советского периодов, приводятся некоторые дарственные надписи на них и экслибрисы.

Ключевые слова: А.А. Зимин, Д.С. Лихачев, С.О. Шмидт, В.Г. Зимина, документальные публикации по истории средневековой России, справочники по истории средневековой России, отечественные монографические исследования российской истории.

Lukyanova N. W.
TSGA Moscow region

LIBRARY OF A. A. ZIMIN IN ZSGA IN MOSCOW REGION

Abstract: The General characteristic of the library A.A. Zimin donated to his daughter N. And. Kozlova in the Central state archive of Moscow region in the 2017-2019 biennium. The main complexes of this book collection of the scientist and numerous serial publications of the pre-revolutionary and Soviet periods are indicated. Some donation records and ex-libris are given.

Keywords: A. A. Zimin, D. S. Likhachev, S. O. Schmidt, V. G. Zimina, documentary publications on the history of medieval Russia, reference books on the history of medieval Russia, domestic monographic studies of Russian history.

В 2017 г. и в последующий период в Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО) поступила библиотека Александра Александровича Зимина, переданная безвозмездно его дочерью Козловой Натальей Александровной. Она насчитывает около 5 тыс. единиц (изданий) без учета авторефератов, отдельных оттисков и россыпи. Некоторые книги были изданы уже после смерти ученого и собраны его вдовой Валентиной

Григорьевной Зиминой. Основная часть изданий представляет собой научную и научно-популярную литературу, среди которой более 450 изданий дореволюционного периода. В настоящее время сотрудниками архива ведется обработка поступившей литературы, сведения об изданиях вносятся в электронные информационные ресурсы архива. Эта работа может занять еще достаточно длительное время. Тем не менее уже сейчас есть возможность поделиться некоторыми предварительными результатами ознакомления с библиотекой, сделать определенные обобщения.

Вполне естественно, что наибольшее число книг посвящено проблемам отечественной истории и особенно периоду XV-XVII вв., которым А. А. Зимин занимался прежде всего. Среди них находятся работы историков дореволюционной поры — Р. Ю. Виппера, И. Е. Забелина, Д. И. Иловайского, Н. И. Костомарова, В. О. Ключевского, А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Платонова, других авторов, изданные как при их жизни, так и в последующие годы. Представлены важнейшие работы по интересовавшей А. А. Зимина проблематике, созданные в советское время. Среди них работы А. В. Арциховского, Б. Д. Грекова, Л. Н. Гумилева, Д. С. Лихачева, М. В. Нечкиной, Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, В. Л. Янина и многих других ученых, при этом значительное число работ — с дарственными надписями авторов. Собраны в библиотеке, естественно, и работы самого А. А. Зимина.

Но ценность полученного собрания заключается не только и не столько в наличии большого числа работ выдающихся отечественных историков и представителей других областей науки. Одно из главных достоинств библиотеки и в значительной мере — один из мотивов, побудивших архив принять ее, заключается в том, что она содержит большое число изданий документов — ценнейших источников по отечественной истории на протяжении нескольких столетий. Есть основания считать, что столь представительное собрание изданных документов является большой редкостью, а, может быть, носит и уникальный характер.

Прежде всего, следует сказать о стремлении А. А. Зимина аккумулировать в своей библиотеке как можно большее число изданий русских летописей. Известно, что самым масштабным изданием такого плана является «Полное собрание русских летописей», которое начало издаваться в середине XIX в. и продолжается с перерывами до настоящего времени. Из 35-ти томов, которые вышли в свет ко времени ухода А. А. Зимина из жизни, в его библиотеке насчитывается 28, в том числе тома, изданные еще в XIX в. Кроме того, в библиотеке имеется немалое число отдельно изданных летописей. Среди них представляющие ныне большую редкость изданные Императорской Археографической комиссией в 1879 г. «Новгородская вторая» и «Новгородская третья» летописи,

изданные этой же комиссией в 1907 г. «Сибирские летописи». Стоит назвать и издания, вышедшие уже в советское время, — «Новгородскую первую летопись старшего и младшего изводов», «Троицкую летопись», два выпуска «Псковских летописей», «Устюжский летописный свод» и некоторые другие. Названные публикации издавались Академией наук СССР в 1940-е — 1950-е гг. и также стали библиографической редкостью. Имеется ряд работ с анализом русских летописей, в том числе изданная в 1947 г. работа Д. С. Лихачева «Русские летописи и их культурно-историческое значение».

Библиотека располагает изданиями и многих других документальных памятников отечественной истории. Причем, когда дело касается наиболее известных и значимых документальных памятников, просматривается стремление А. А. Зимина собрать как можно большее число изданий таких памятников и как можно большее число работ, посвященных им. В качестве примера здесь можно привести «Русскую Правду». Среди хранящихся ее изданий — издание, вышедшее в 1918 г. в Симферополе в типографии Е. К. Брешко-Брешковской, издание, вышедшее в 1928 г. по Академическому, Троицкому и Византийскому спискам, издание на основе 7 списков и 5 редакций, подготовленное Украинской академией наук и изданное в Киеве в 1935 г. А среди книг, посвященных «Русской Правде», — изданная в 1880 г. работа Н. В. Калачева «Предварительные юридические сведения для полного объяснения «Русской Правды», работа М. Н. Тихомирова «Исследование о «Русской Правде». Происхождение текстов», изданная в 1941 г.

В библиотеке можно найти и издания многих других документов, позволяющих раскрыть различные страницы истории России в древности и в средние века. Это, в частности, монастырские хозяйственные книги. Значительная часть их относится к Иосифо-Волоколамскому монастырю, к деятельности которого А. А. Зимин проявлял особый интерес. Есть также издания писцовых книг, уставных грамот, вотчинных хозяйственных книг, поместных актов, родословных книг. Привлекают внимание ротاپринтные издания документов, осуществленные в конце 1970-х — начале 1980-х гг. Институтом истории СССР Академии наук СССР. Они издавались очень небольшими тиражами — не более 200-300 экземпляров, и сейчас, конечно же, относятся к числу раритетов. Среди них — два выпуска издания «Редкие источники по истории России». В одном из этих выпусков напечатан хранящийся в настоящее время в РГАДА «Древнерусский лечебник», в другом — родословные книги XVI в., хранящиеся в этом же архиве. Примечательна дарственная надпись на этом издании — «Дорогому Александру Александровичу с благодарностью издание, им организованное и вдохновленное», сделанная одним из составителей, М. Е. Бычковой. Надпись, как видим, свидетельствует о том, что А. А. Зимин выступал инициатором

издания документальных источников по истории страны. Его имя как члена редколлегии можно видеть и на многих других сборниках документов. Можно, таким образом, констатировать, что непосредственно под рукой у А. А. Зимина имелся большой массив документальных публикаций, опираясь на которые, он готовил свои монографии по проблемам политической и хозяйственной жизни Русского государства в XV-XVII вв. Нам, работникам архива, конечно же, предстоит подумать над тем, как помочь будущим пользователям ориентироваться в этом большом массиве документальных источников.

Особо следует сказать о собранных в библиотеке изданиях, посвященных самому знаменитому памятнику культурного наследия нашей страны — Слово о полку Игореве. Известно, что А. А. Зимин имел по поводу датировки создания Слова мнение, которое кардинально отличалось от устоявшейся точки зрения по данному вопросу. Безусловно, дело специалистов представлять ту или иную позицию по поводу того, когда же было создано Слово. Но что бы там ни было, в библиотеке собрана обширнейшая литература, включающая и несколько десятков выполненных на протяжении более чем полутора столетий изданий самого Слова, и большое число посвященных ему исследований. Имеется, в частности, список с первого издания Слова, осуществленного в 1800 г. с приложением статьи М. Н. Сперанского. Этот список был выполнен в Москве в 1920 г. А самое раннее из оригинальных изданий Слова, хранящихся в библиотеке, относится к 1844 г. Оно вышло в серии «Русские достопамятности, издаваемые Императорским обществом истории и древностей российских, учрежденным при Императорском Московском университете» и содержит посвящение министру народного просвещения графу С. Н. Уварову с просьбой «принять наше усердное приношение труда, подъящаго в пользу Русского Слова».

Среди изданий Слова о полку Игореве осуществленных в дореволюционный период и имеющихся в библиотеке, можно назвать издание на польском языке, которое вышло в Санкт-Петербурге в 1856 г., издание на украинском языке, выполненное во Львове в 1876 г. Имеется ряд изданий, подготовленных уже в XX в. представителями российской эмиграции за рубежом. К их числу относятся, в частности, 4 выпуска, подготовленные издателем ряда сочинений по древнерусской истории Сергеем Лесным, вышедшие в Париже в начале 1950-х г. и приуроченные к 150-летию со времени выхода первого издания Слова.

Имеется в библиотеке и немало работ, в которых Слово всесторонне исследуется. Многие работы изданы еще в XIX в., в том числе библиографическое издание «Литература «Слова о полку Игореве»», вышедшее в свет в Киеве в 1880 г. Наряду с исследованиями российских авторов можно найти посвященные слову книги польских, болгарских, чешских авторов. Есть, разумеется, и книга самого А. А. Зимина, в которой

излагается его позиция по вопросу о датировке создания Слова, и работы отстаивавших иную точку зрения известных ученых Д. С. Лихачева, Б. А. Рыбакова и некоторых других авторов. Можно, таким образом, констатировать, что А. А. Зиминым было собрано исключительное по своей ценности собрание литературы, посвященное Слову о полку Игореве, и это собрание в очень большой мере обуславливает ценность самой библиотеки в целом.

К факторам, определяющим ценность библиотеки А. А. Зимины, можно отнести наличие большого числа изданий библиографического характера. Среди них есть издания общего плана, например, подготовленный в 1950-е годы Фундаментальной библиотекой Академии наук СССР по общественным наукам (предшественницей ИНИОН РАН) двухтомник «История СССР. Указатель советской литературы за 1917-1952 гг.». Есть библиографические издания по определенным направлениям, среди которых можно назвать указатель «Советская археологическая литература. 1941-1957», выпущенный издательством Академии наук СССР в 1958 г., а также подготовленную Институтом русской литературы (Пушкинским домом) Академии наук СССР «Библиографию русского летописания», изданную в 1962 г.

Значительный интерес при этом представляют библиографические указатели, изданные в дореволюционный период. Они связаны по преимуществу со сферой научных интересов А. А. Зимины. Это, например, составленный Б. И. Сыромятниковым «Краткий обзор и указатель литературы по истории государственной власти в России», вышедший в 1913 г., «Каталог изданий Археологической комиссии, вышедших в свет с 1836 по 1893 год» (он издан в Санкт-Петербурге в 1893 г.), фундаментальный труд — описание рукописей и бумаг, поступивших с 1846 по 1902 год в библиотеку Императорского общества истории и древностей российских (содержит описание 3800 рукописей).

Многие составляющие библиотеку А. А. Зимины книги, изданные как в дореволюционный, так и в советский период, посвящены истории регионов нашей страны. Можно найти работы по истории Москвы, Пскова, Новгорода, Урала, Сибири, Поволжья, Севера.

Характеризуя библиотеку А. А. Зимины, следует также отметить наличие в ней большого числа изданий по вспомогательным историческим дисциплинам. Можно найти книги по источниковедению, палеографии, хронологии, исторической географии, фалеристике, сфрагистике, геральдике, нумизматике, топонимике, генеалогии, дипломатике. Привлекает внимание дарственная надпись автора одной из таких книг — члена корреспондента РАН С. М. Каштанова. Его книга «Русская дипломатика» вышла в свет в 1988 г., т. е. спустя несколько лет после смерти А. А. Зимины. В дарственной надписи, адресованной вдове А. А. Зимины Валентине Григорьевне, А. А. Зимин упоминается как человек, «наставивший»

автора на путь дипломатики. Среди книг по вспомогательным историческим дисциплинам опять же много работ, вышедших в дореволюционный период и относящихся к числу библиографических редкостей.

Важной составной частью библиотеки А. А. Зимины является подборка книг, посвященная истории киноискусства в разных странах, жизни и творчеству мастеров мирового кино. Наличие этой подборки связано уже с личным интересом, с личными увлечениями А. А. Зимины. Таких книг насчитывается, по предварительным подсчетам, около ста. Книги посвящены истории советского, французского, итальянского, японского, индийского, польского киноискусства, творчеству таких мастеров, как С. М. Эйзенштейн, А. С. Довженко, И. В. Ильинский, С. А. Герасимов, А. А. Тарковский, Г. Гарбо, А. Маньяни, М. Антониони, Ч. Чаплин, Ж. Маре и ряда других. Автором многих хранящихся в библиотеке книг по вопросам киноискусства был известный кинокритик и педагог Ростислав Николаевич Юренев, с которым А. А. Зимины и его супругу на протяжении длительного времени связывали дружеские отношения. Об этом свидетельствуют дарственные надписи на книгах. В книге Р. Н. Юренева «Александр Довженко», вышедшей в 1959 г., имеется надпись «Дорогому Александру Александровичу Зимину в ознаменование блистательно защищенной им докторской диссертации — с нескрываемой завистью и с искренней дружбой». А вышедшая уже после смерти А. А. Зимины, в 1983 г., книга Р. Н. Юренева «Чудесное окно. Краткая история мирового кино» содержит надпись: «Дорогому другу Вале Зиминной — скромные попытки тоже стать историком».

Библиотеку А. А. Зимины отличает наличие в ней большого количества серийных изданий. В частности, она содержит свыше 200 книг серии «Жизнь замечательных людей», в том числе ряд относящихся к этой серии книг, изданных еще в дореволюционный период. Есть несколько десятков издававшихся с начала 1950-х гг книг серии «Литературные памятники», содержащих наиболее значительные произведения отечественной и мировой художественной литературы. Можно найти большое число выпусков издания «Записки Отдела рукописей Библиотеки имени В. И. Ленина», первый из которых издан в 1938 г., а последний из числа имеющихся в собрании — в 2000 г. Собраны также «Труды Отдела древнерусской литературы», издаваемые Институтом русской литературы (Пушкинским домом) Академии наук. Самый ранний выпуск относится к 1934 г., самый поздний — к 2004 г. Есть многие тома «Археографического ежегодника», издаваемого Археографической комиссией Академии наук, ряд других изданий.

Следовало бы еще отметить наличие в составе библиотеки А. А. Зимины большого массива иностранных изданий — их насчитывается свыше 250. В основном, они относятся к сфере научных интересов А. А. Зимины. Среди них опять же встречаются раритетные издания. Здесь в качестве примера можно

привести изданную в 1913 г. в Штутгарте на немецком языке книгу, посвященную «Русской Правде», или же изданную в 1955 г. Кембриджским университетом на английском языке переписку Ивана Грозного с Курбским с дарственной надписью Б. А. Рыбакова, сделанной, скорее всего, уже немного позднее, в качестве поздравления с защитой А. А. Зиминим докторской диссертации. Есть также немало вышедших за рубежом работ, посвященных кино. Это книги, изданные в США, Канаде, Венгрии, Италии, Польше, ряде других стран.

Представляет немалый интерес изучение дарственных надписей на книгах из собрания А. А. Зимина. Число людей, сделавших такие надписи, превышает 200. Среди них прежде всего стоит назвать крупнейших отечественных историков и представителей смежных отраслей науки — Д. С. Лихачева, А. Л. Монгайта, М. В. Нечкину, Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, С. О. Шмидта, С. В. Юшкова, В. Л. Янина, многих других ученых. В одних случаях эти надписи можно оценивать просто как дань уважения А. А. Зимину, что тоже немаловажно. В других случаях надписи раскрывают отдельные стороны деятельности А. А. Зимина, его научных интересов, те или иные моменты человеческих отношений, о чем частично уже шла речь.

Так, в вышедшей в 1961 г. книге Р. Пересветова «По следам находок и утрат» есть надпись «Уважаемому Александру Александровичу Зимину — участнику векового спора о библиотеке Ивана Грозного». Я. Н. Щапов — автор вышедшей в издательстве «Наука» в 1972 г. книги «Княжеские уставы и церкви в Древней Руси. XI-XIV вв.» презентовал свою книгу А. А. Зимину с надписью «Дорогому Александру Александровичу с благодарностью и на память о годах работы над княжескими уставами».

Интересны две надписи, связанные с особой позицией А. А. Зимина по вопросу о датировке Слова о полку Игореве. В 1979 г. Д. С. Лихачев, не разделявший точку зрения А. А. Зимина по данному вопросу, подарил ему вышедшую третьим изданием книгу «Поэтика древнерусской литературы» с надписью «Дорогому Александру Александровичу Зимину от уважающего его оппонента». А один из авторов вышедшего в 1970 г. фундаментального издания «Русская литература и фольклор XI-XVIII вв.» С. Азбелев написал: «Дорогому Александру Александровичу Зимину от написавшего главы I и III, но отказавшегося писать главу II в разделе «Древнерусская литература»». Именно вторая глава этого издания была посвящена Слову о полку Игореве и написана в традиционной трактовке, с которой А. А. Зимин не соглашался.

Среди имен авторов, подаривших свои труды А. А. Зимину, можно встретить имя известного в середине прошлого века астронома Б. А. Воронцова-Вельяминова. Как оказалось, он увлекался генеалогическими исследованиями, и А. А. Зимин, судя по дарственным надписям, оказывал ему кон-

сультационную поддержку. Также среди тех, кто подарил А. А. Зимину свои книги, — известный адвокат К. Н. Апраксин, историк литературы Д. Д. Благой, философ А. В. Гулыга, литературовед М. О. Чудакова. Большое число книг с дарственными надписями получено от благодарных учеников А. А. Зимина. А многие книги были подарены уже после смерти А. А. Зимина его вдове Валентине Григорьевне с надписями, содержащими немало добрых слов в память о А. А. Зимине и его научных заслугах.

Некоторый интерес представляют дарственные надписи, имеющиеся на дореволюционных изданиях. Естественно, они не могли относиться непосредственно к А. А. Зимину, но они подчас связаны с именами людей, оставивших заметный след в науке. Имеется, в частности, экземпляр изданной в 1910 г. книги А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории», подаренной философу Н. О. Лосскому с надписью: «Многоуважаемому Николаю Онуфриевичу Лосскому от автора». В другой книге можно найти автограф крупного историка начала прошлого века А. А. Кизеветтера — дарственная надпись носит сугубо личный характер, и установить, кому она предназначена, пока не удалось. Есть несколько книг, подаренных разными людьми филологу и историку В. Ф. Ржиге.

Из библиотеки В. Ф. Ржиги немало книг оказалось впоследствии в библиотеке А. А. Зимина, на что указывают соответствующие экслибрисы. Всего же в книгах, относящихся к библиотеке А. А. Зимина, удалось найти свыше 20 различных образцов экслибрисов, некоторые из них встречаются по несколько раз. Они свидетельствуют о том, что эти книги (преимущественно — дореволюционные издания) ранее находились как в частных коллекциях, так и в библиотеках образовательных учреждений и иных организаций. Упоминаются, в частности, библиотека Владимирской ученой архивной комиссии, фундаментальная библиотека Московской гимназии, библиотека Императорской Казанской духовной академии, семинар по истории Восточной Европы Венского университета (в последнем случае экслибрис выполнен на немецком языке).

Подытоживая сказанное, можно констатировать, что поступившее в архив книжное собрание в перспективе может послужить ценным источником как для изучения научной деятельности самого А. А. Зимина, явившейся безусловно заметным событием в истории исторической науки в нашей стране, так и для поиска ответов на многие вопросы, связанные с историей России в средние века. Мы, со своей стороны, будем думать над тем, как сделать так, чтобы библиотека А. А. Зимина использовалась как можно более эффективно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адрианова-Перетц В.П.* «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI–XIII веков / АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). — Л.: Наука, Ленингр. отд., 1968. — 202 с.
2. *Арциховский А.В.* Курганы вятичей. — М.: РАНИОН, 1930. — 231 с.
2. Библиография русского летописания [Текст] / Сост. Р. П. Дмитриева ; Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). — М.—Л.: Изд-во АН СССР. [Ленингр. отд.], 1962. — 354 с.
3. *Виппер Р.Ю.* Иван Грозный. 2-е изд. — Ташкент: Госиздат Уз. ССР, 1942. — 186 с.
4. *Греков Б.Д.* Краткий очерк истории русского крестьянства / [Предисл. И. Смирнова, с. 3 – 23]. — М.: Соцэкгиз, 1958. — 230 с.
5. *Гумилев Л.Н.* Поиски вымышленного царства : (легенда о «государстве пресвитера Иоанна») / АН СССР. — М.: Наука, 1970. — 430 с.
6. *Ермолаев И.П.* Историческая хронология : [методич. пособие для студентов историч. отд. Казанского ун-та] — Казань: изд-во Казан. Ун-та, 1978. — 247 с.
7. *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времен : [ч. 1-2] / соч. Ивана Забелина. — М. : Склад изд. в здании Моск. публ. и Румянцевск. музеев, 1876—1879.
8. *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI век). — М.: наука, 1977. — 356 с.
9. *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. — М.: Мысль, 1964. — 535 с.
10. *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — 498 с.
11. *Зимин А.А.* Правда Русская. — М.: Древлехранилище, 1999. — 421 с.
12. *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. — М.: Соцэкгиз, 1960. — 511 с.
13. *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. — М.: Мысль, 1972. — 452 с.
14. *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. — М.: Мысль, 1982. — 333 с.
15. *Зимин А.А.* Слово о полку Игореве. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. — 513 с.
16. *Зимин А.А.* Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV века). — М.: Наука, 1973. — 391 с.
17. *Иловайский Д.И.* История России. Московско-литовский период или собиратели Руси. — М.: Типолитогр. Высоч. утв. товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1896.
18. История СССР. Указатель советской литературы за 1917—1952 гг. В 2 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1956—1958.
19. *Калачов Н.В.* Предварительные юридические сведения для полного объяснения «Русской Правды». 2-е изд. Вып. 1. — СПб., 1880.
20. *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская метрология : [учебн. пособие для вузов]. — М.: Высшая школа, 1965. — 255 с.
21. Каталог изданий Археографической комиссии, вышедших в свет с 1836 по 1893 год. — СПб., 1893.

22. *Каиштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. — М.: Наука, 1970. — 498 с.
23. *Каиштанов С.М.* Русская дипломатика : [учеб. пособие для вузов по специальности «История»] — М.: Высшая школа, 1988. — 229 с.
24. *Ключевский В.О.* Сочинения в 8 т. — М.: Госполитиздат, 1956—1958.
25. Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века [Текст] / Под ред. М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина ; АН СССР. Ин-т истории. — М.—Л. : Изд-во и 2-я тип. Изд-ва АН СССР, 1948. — 172 с.
26. *Костомаров Н.И.* Лекции по русской истории: [Вступ. лекция и летописи]: Сост. по запискам слушателей П. Г[айдебуро]вым. Ч. 1- / [Соч.] Проф. Н.И. Костомарова. — СПб.: изд. П. Гайдебуров, 1861.
27. *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов : Лекции, чит. слушателям «Архивных курсов» при Петрогр. археол. ин-те в 1918 г. — Петроград : Б. и., [1920] (2-я Гос. тип.). — 188 с.
28. *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. — М.—Л. : Изд-во и 1-я тип. Изд-ва АН СССР, 1947 — 499 с.
29. *Лихачев Д.С.* «Слово о полку Игореве» — героический пролог русской литературы. — М.—Л.: Гослитиздат, Ленингр. отд-ние, 1961. — 134 с.
30. *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 400 с.
31. *Нечкина М.В.* Н.П. Огарев в годы революционной ситуации. — М.: Изд-во АН СССР, 1947.
32. Новгородские летописи. (Так называемые Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). — СПб.: Археографическая комиссия, 1879. - XXIV, 488, 113, [2] с.
33. *Платонов С.Ф.* Борис Годунов. — Петроград: Огни, 1921. — 157 с.
34. Полное собрание русских летописей. Т. 1—35. — СПб.—М., 1846—1980.
35. Псковские летописи [Текст] / Акад. наук СССР. Ин-т истории. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1941—1945. — 2 т.
36. Редкие источники по истории России [Текст] : [Сб. публ. : В 2 вып.] / АН СССР, Ин-т истории СССР ; [Сост. З.Н. Бочкарева, М.Е. Бычкова] ; Под ред. А.А. Новосельского и Л.Н. Пушкарева. — М. : Ин-т истории СССР, 1977.
37. Русская Правда. — Симферополь: Типография Е.К. Брешко-Брешковской, 1918.
38. Русская Правда. Тексты на основе 7 списков и 5 редакций / Сост. и подг. к печати проф. С.В. Юшков. — Киев: Изд-во Укр. акад. наук, 1935.
39. *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. — М.: Изд-во АН СССР, 1948. — 792 с.
40. *Рыбаков Б.А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. — М.: Наука, 1971. — 294 с.
41. Сибирские летописи / [Под ред. Л.Н. Майкова и В.В. Майкова]. — СПб.: Имп. Археогр. комис., 1907. — XXXVIII, 397, 21 с.
42. Слово о полку Игореве Святослава Песнотворца старого времени. Объясненное по древним письменным памятникам магистром Д. Дубенским, действит. членом обществ при Моск. ун-те: истории и древностей российских и любителей российской словесности. — М.: Унив. тип., 1844. — I, VI, 316 с.

43. Слово о полку Игореве. Снимок с 1-го изд. 1800 г. графа А.И. Мусина-Пушкина под ред. А.Ф. Малиновского. С приложением статьи проф. М.Н. Сперанского и факсимильной рукописи А.Ф. Малиновского. — М.: М. и С. Сабашниковы, 1920. — VIII, 46, 24 с.

44. Советская археологическая литература. Библиография. 1941—1957. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — 773 с.

45. *Сыромятников Б.И.* Краткий обзор и указатель литературы по истории государственной власти в России. — М., 1913. — 26 с.

46. *Тихомиров М.Н.* Исследование о «Русской Правде». Происхождение текстов. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — 256 с.

47. Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) [Текст] / Акад. наук СССР, Ин-т истории, Ленинградское отд-ние ; подгот. к печати и ред. К.Н. Сербиной. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 127 с.

48. *Черепнин Л.В.* Образование русского централизованного государства в XIV-XV веках. — М.: Соцэкгиз, 1960. — 899 с.

49. *Юрнев Р.Н.* Александр Довженко. — М.: Искусство, 1959. — 193 с.

50. *Юрнев Р.Н.* Чудесное окно : краткая история мирового кино. Книга для учащихся. — М.: Просвещение, 1983. — 287 с.

51. *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. — 207 с.

52. *Янин В.Л.* Я послал тебе бересту. — 2-е изд., испр. и доп. новыми находками. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. — 234 с.

Соловьев К.А.

РГГУ

ДОКУМЕНТЫ РГГУ О НАУЧНОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.А. ЗИМИНА

Аннотация: В статье рассматриваются опубликованные и архивные документы о научной и педагогической деятельности А.А. Зимина, имеющиеся в библиотеке и архивных коллекциях РГГУ. Это, прежде всего, книги, автором или редактором которых был А.А. Зимин, включая научные монографии и учебные пособия. Во-вторых, это архивные источники — его личное дело, письма, а также мемуары его ученицы К.Г. Межовой и некоторые другие. В-третьих, это мемуарные тексты, опубликованные на официальном сайте РГГУ.

Ключевые слова: А.А. Зимин, МГИАИ, РГГУ, кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, К.Г. Межова

Solovyov K. A.

RSUH

THE SOURCES OF THE RSUH ON A.A. ZIMIN'S SCIENTIFIC AND PEDGOGICAL ACTIVITY

Abstract: The paper considers published and archival sources on scientific and pedagogical activity of A.A. Zimin, which are available in the library and archival collections of the RSUH. These are, above all, books authored or edited by A.A. Zimin, including scientific monographs and handbooks. Secondly, these are archival sources, among them his personal file, letters as well as memoirs of his student Kima Mezхова etc. Thirdly, these are some memoirs published on the official site of the RSUH.

Keywords: A.A. Zimin, the MSIHA, the RSUH, the department of Source Studies and Auxiliary Sciences of History, K.G. Mezхова

Работе в Московском государственном историко-архивном институте А. А. Зимин посвятил почти половину своей жизни. Вклад, внесенный им в развитие вуза, в подготовку новых поколений историков-архивистов, был весьма значителен. Он читал разнообразные спецкурсы и вел семинары, руководил написанием курсовых и дипломных работ, а также кандидатских диссертаций. Вместе с другими преподавателями МГИАИ ученый работал над теоретическими вопросами преподавания источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, как автор или редактор участвовал в выпуске учебной литературы. Поэтому неудивительно, что в библиотеке и различных архивных коллекциях РГГУ сохранилось достаточно документов о его деятельности в стенах института.

Стоит, однако, отметить, что Зимин известен прежде всего как академический ученый, сотрудник Института истории АН СССР и автор серии фундаментальных трудов по проблемам русской истории IX–XVI столетий. Именно его академической активности посвящена основная часть существующей к настоящему времени научной литературы¹. Лишь в весьма немногочисленных статьях и заметках, равно как и в главах более крупных, диссертационных исследований, затрагиваются вопросы, связанные с его преподавательской деятельностью, работой в МГИАИ². Как педагог Зимин еще не вполне известен исследователям. Многие из вопросов, затронутых в упомянутых выше работах, например вопрос о его научной школе, только ждут своего решения. Обращение к имеющимся в РГГУ материалам в этих условиях совершенно необходимо. Оно пролило бы свет на особенности его педагогической деятельности и позволило бы приблизиться к решению дискутируемых в научной литературе проблем.

Основная часть опубликованных источников хранится в научной библиотеке РГГУ. Во-первых, это монографии, автором или соавтором которых был Зимин. В библиотечных фондах университета представлены все монографические исследования ученого, изданные как при его жизни, так и посмертно. Это «И. С. Пересветов и его современники», «Реформы Ивана Грозного», «Опричинина Ивана Грозного» (первое и второе издания), «Россия на пороге нового времени», «Холопы на Руси», «Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России», «Россия времени Ивана Грозного» (в соавторстве с А. Л. Хорошкевич), «Россия на рубеже XV–XVI столетий», «В канун грозных потрясений: предпосылки первой крестьянской войны в России», «Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в.», «Витязь на распутье: феодальная война в России XV в.», «Слово о полку Игореве». Многие книги поступили в библиотеку из коллекций ведущих российских историков, лингвистов, философов, включая преподавателей РГГУ и учеников Зимина — Е. И. Колычевой, Н. Н. Болховитинова, И. В. Кондакова, М. Я. Гефтера, Ю. В. Бромлея,

А.Л. Станиславского и др. На титульном листе экземпляра монографии «Холопы на Руси» имеется дарственная надпись автора: «Дорогой Жене [Е.И. Колычевой] от собрата по холопству. Зимин. ...XII. 73.». Один из экземпляров книги «Россия на рубеже XV–XVI столетий» был передан вдовой ученого В.Г. Зиминной, о чем свидетельствует дарственная надпись: «В библиотеку МГИАИ на память об одном из преданных ин-ту преподавателей. В. Зимина. 25 декабря 1982 г.». Во-вторых, это публикации источников, в работе над которыми Зимин принимал участие. К ним относятся Книга ключей и Долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря, княжеские духовные грамоты начала XVI в., Тысячная книга и Дворовая тетрадь 1550-х гг., Иоасафовская летопись, сочинения И.С. Пересветова, послания Иосифа Волоцкого и некоторые другие. Следует отметить и историографические источники, прежде всего письма, дневники, афоризмы и мысли об истории В.О. Ключевского. Наконец, это учебная литература — пособия по методике издания древнерусских актов, русской публицистике и русским летописям и хронографам конца XV–XVI вв., законодательным памятникам Русского государства конца XV–XVII вв., а также хрестоматия по истории СССР, над которой Зимин работал вместе с В.А. Александровым и В.И. Корецким.

Еще один важный блок опубликованных документов — это научные и учебные издания, выпускавшиеся под редакцией А.А. Зимина. К ним, прежде всего, относятся труды его учителя С.В. Бахрушина (в научной библиотеке имеются второй, третий и четвертый тома его научных трудов, редактировавшиеся Зиминным), а также учителя Бахрушина В.О. Ключевского — собрание сочинений в 8 томах, изданное в 1956–1959 гг. Наряду с трудами учителей, Зимин редактировал работы своих коллег. Это, главным образом, учебные пособия — «Русская палеография» А.Т. Николаевой, «Русская скоропись XV–XVIII вв.» А.Т. Николаевой и С.С. Гадзяцкого, «Русская хронология» Е.И. Каменцевой, «Практикум по истории СССР» А.Г. Задёры и А.П. Пронштейна. Наконец, в библиотеке представлены и работы учеников Зимина, выпущенные под его редакцией. Это «Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в.» и «Очерки русской дипломатики» С.М. Каштанова, «Холопство и крепостничество» Е.И. Колычевой и «В.О. Ключевский — источниковед» Э.Г. Чумаченко. Таким образом, по имеющимся в научной библиотеке РГГУ книгам можно проследить традицию, переданную Зиминным от Ключевского и Бахрушина своим ученикам — исследователям второй половины XX — начала XXI в.

Особая группа опубликованных источников представлена материалами о Зимине. Здесь было бы уместно ограничиться упоминанием мемуарных очерков об ученом, содержащихся прежде всего в сборниках Зиминских чтений. Это воспоминания его коллег, друзей и учеников — С.О. Шмидта, Н.И. Павленко, Л.Н. Пушкирева, Ю.А. Полякова, С.М. Каштанова, В.П. Козлова, Е.П. Маматовой,

К. Г. Межовой и др.³ Кроме того, внимания заслуживает учебное пособие Л. Н. Простоволосовой и А. Л. Станиславского «История кафедр вспомогательных исторических дисциплин», которое до настоящего времени почти не использовалось исследователями⁴. Из него можно узнать, какую роль играл Зимин в борьбе за сохранение, а затем возвращение дипломатики в круг учебных дисциплин, преподаваемых в МГИАИ. Изъятие дипломатики из учебных планов кафедры и попытки возобновить ее преподавание — тема в целом довольно хорошо изученная, ей уже было посвящено исследование, базировавшееся на материалах Архива РАН⁵. Однако хранящиеся в архивных коллекциях РГГУ источники, которые были использованы авторами пособия, свидетельствуют, что Зимин принимал наиболее активное участие в этой борьбе. Именно он делал доклады о необходимости ее сохранения на заседании кафедры в 1949 г. и восстановления как учебной дисциплины на заседании Ученого совета института в 1955 г.⁶ Помимо этого, в пособии опубликовано интервью ученика Зимина профессора А. Л. Станиславского, из которого можно узнать, как Зимин повлиял на его научные интересы⁷.

Из неопубликованных источников прежде всего стоит отметить личное дело Зимина. Оно отражает основные стадии его карьеры в Историко-архивном институте — прием на работу в 1947 г., педагогическую деятельность в качестве старшего преподавателя, утверждение в звании доцента в 1950 г. и профессора в 1970 г. Дело включает в себя обычные в таком случае документы — копии дипломов о высшем образовании, присуждении кандидатской и докторской степени, аттестатов доцента и профессора, копию трудовой книжки, личные листки по учету кадров, списки научных трудов, автобиографии, характеристики, данные на Зимина на кафедре. Базируясь на документах дела, можно заключить, что Зимин работал в МГИАИ в 1947-1959 и 1966-1970 гг. на условиях штатного совместительства, а в 1960-1966 и 1970-1973 — на условиях почасовой оплаты. Примечательно также, что осенью 1947 г., по причине перехода профессора В. К. Никольского на полставки, было предложено перевести Зимина на полную ставку на кафедру истории СССР, однако сам Зимин от этого отказался, сославшись на свою основную работу в Академии наук⁸.

Основной объем документов Гуманитарного архива РГГУ, касающихся деятельности Зимина, сконцентрирован в личном фонде его аспирантки К. Г. Межовой. Это, во-первых, ее воспоминания об учителе «Штрихи к портрету»⁹. Как отмечалось выше, они уже были опубликованы в сборнике пятых Зиминских чтений¹⁰, а затем и выложены в Интернет¹¹, однако следует отметить, что в Гуманитарном архиве хранится их машинопись с рукописными правками автора¹². Еще одним мемуарным источником, принадлежащим Межовой и хранящимся в ее личном фонде, является ее рукописный текст «25 лет кружку МГИАИ»,

в котором также упоминается Зимин как участник некоторых заседаний кружка источниковедения¹³. Кроме того, в фонде Межовой представлены копии писем Зимина к ней за 1976-1979 гг.¹⁴ и аннотации этих писем¹⁵, как, впрочем, и выдержка из письма 1975 г.¹⁶

Весьма ценные источники по научной и педагогической деятельности Зимина имеются на кафедре источниковедения Историко-архивного института. Во-первых, это одна из редакций его кандидатской диссертации — машинопись с рукописными правками и добавлениями автора. Во-вторых, это некоторые дипломные работы, защищенные под его руководством. К ним относятся «А. И. Мусин-Пушкин — источниковед и археограф» (А. И. Аксенов, 1969 г.), «Родословные книги XVI-XVII вв. как исторический источник» (М. Е. Бычкова, 1959 г.), «Р. Ф. Ржига и его труды по истории русской публицистики XVI в.» (А. С. Майорова, 1972 г.), «Карта 20-х гг. XVII века, составленная по материалам писцовой книги, как источник по истории административного деления и феодального землевладения Рузского уезда» (Е. П. Маматова, 1957 г.), «“Сказание о Мамаевом побоище” и его источники» (В. С. Мингалев, 1965 г.), «Летописи и хронографы первой половины XVII века как источники по истории восстания Болотникова» (Р. В. Овчинников, 1952 г.), «Книги Сошного письма» (К. Т. Острикова, 1958), «Рассказы “Истории” князя А. М. Курбского как один из источников опричнины Ивана Грозного» (Ю. Д. Рыков, 1969 г.), «Источники по истории посадского солеварения на русском Севере (Ненокоцкое усолье Двинского уезда) в XVI — начале XVII в.» (В. В. Цаплин, 1952 г.). Примечательно, что в экземпляр дипломной работы Р. В. Овчинникова вложены отзывы самого научного руководителя и оппонентов. Упоминания заслуживает и еще один источник, хранящийся на кафедре источниковедения. Это составленный Л. Н. Простоволосовой и М. Ф. Румянцевой сборник документов и материалов «История кафедры вспомогательных исторических дисциплин» (1991 г.). В нем наиболее значимым для исследователя является текст А. Т. Николаевой «История кафедры вспомогательных исторических дисциплин». В нем так же как и в рассмотренном выше одноименном учебном пособии, подробно говорится о попытках сначала сохранить, а затем восстановить курс лекций по дипломатике и роли Зимина в этих событиях¹⁷. Упоминается и хрестоматия по дипломатике, в работе над которой, наряду с другими членами кафедры, активное участие принимал Зимин и которая так и не была выпущена из-за удаления этой дисциплины из учебных планов вуза, а также еще один неосуществленный издательский проект — публикация лекций А. Ц. Мерзона «Источники по русской истории с древнейших времен до конца XVIII в.», ответственным редактором которых был Зимин¹⁸. Кроме того, в работе Николаевой содержится информация о том, какие курсы читал Зимин, работая в МГИАИ, так же как и о его участии

в заседаниях кружка источниковедения¹⁹. Есть в сборнике и автобиография Зимина, которую он написал, когда начал свое преподавание в институте²⁰.

Несколько слов следует сказать и об информационных ресурсах, имеющих-ся на сайте РГГУ. Это, во-первых, «Учителя учителей» — сборник мемуаров о преподавателях МГИАИ и РГГУ, изданный в 2009 г., а затем опубликованный на странице «Родная история». Содержащийся в нем очерк о Зимине принадлежит В.В. Минаеву²¹. На странице Историко-архивного института есть и сборник воспоминаний «Историко-архивный институт». В нем о Зимине рассказывает его ученик Р.В. Овчинников²².

Таковы основные материалы о научной и педагогической деятельности А.А. Зимина, хранящиеся в научной библиотеке и архивных коллекциях РГГУ.

¹ См.: Александр Александрович Зимин: биобиблиографический указатель / сост. В.И. Гульчинский; вступ. ст. С.М. Каштанов. М., 2000. Обзор литературы об А.А. Зимине представлен также в диссертации М.А. Базанова. См.: *Базанов М.А.* Александр Александрович Зимин: биография историка в контексте развития отечественной науки. Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2014. С. 4 — 8.

² *Он же.* В поисках очертаний «научной школы А.А. Зимина»: к постановке проблемы // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII — XXI вв.: Сб. ст. / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск, 2011. С. 362 — 371; *Он же, Столярова Л.В.* «Идеальный ученик»: С.М. Каштанов в воспоминаниях А.А. Зимина // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии. М., 2012. С. 21 — 28; *Он же.* Александр Александрович Зимин: биография историка... С. 171 — 180.

³ Россия в X — XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения: Тез. докл. и сообщ. Вторых чтений, посвящ. памяти А.А. Зимина. / Редкол.: Ю.Н. Афанасьев (отв. ред.), Р.Б. Казаков, С.М. Каштанов (зам. отв. ред.), Е.П. Маматова, В.А. Муравьев, М.Ф. Румянцева, А.Н. Сахаров (отв. ред.), Л.В. Столярова, А.Л. Хорошкевич. М., 1995. Ч. 1 — 2; Историк в России: между прошлым и будущим: статьи и воспоминания: [90-летию со дня рождения Александра Александровича Зимина посвящается] / под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар и [др.]. М., 2012; Творческое наследие А.А. Зимина и современная российская историография: Шестые Зиминские чтения: международная научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения Александра Александровича Зимина, Москва, 7 апреля 2015 г.: доклады, статьи и воспоминания / под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар и [др.]. М., 2017.

⁴ *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990.

⁵ *Киселев М.Ю.* Из истории дипломатики как вспомогательной исторической дисциплины // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. М., 2018. С. 203 — 205

⁶ *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 35 — 36.

⁷ Там же. С. 55 — 56.

⁸ Архив РГГУ. Личное дело А.А. Зимина. Л. 5, 6, 15 и об., 16, 17 — 18 об., 19, 20, 22, 23, 24, 25 — 50, 63 — 64 об., 65 и об., 66 — 93, 107 — 111, 116 — 120.

⁹ Гуманитарный архив РГГУ. Ф. 21. Ед. хр. 2. Л. 1 — 26.

¹⁰ *Межова К. А.А.* Зимин. Штрихи к портрету // Историк в России: Между прошлым и будущим... М., 2012. С. 671

¹¹ Там же. Л. 123 — 125 — 692.

¹² *Она же. А.А.* Зимин. Штрихи к портрету [Электронный ресурс] // Памяти А.А. Зимина, историка. URL: <http://valeria40.ru/pamiaty-zimina-zimin7/> (дата обращения 25.04.2020).

¹³ Гуманитарный архив РГГУ. Ф. 21. Ед. хр. 1. Л. 1 — 7 об.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 3. Л. 1 — 18.

¹⁵ Там же. Ед. хр. 4. Л. 1 — 14.

¹⁶ Там же. Ед. хр. 5. Л. 1.

¹⁷ *Николаева А.Т.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин // История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: Сб. док-тов и мат-лов / Сост. Л.Н. Простоловцова, М.Ф. Румянцева; отв. ред. О.М. Медушевская. Рук. деп. в ИНИОН РАН, № 46419 от 10.04.92. М., 1991. С. 101.

¹⁸ Там же. С. 117.

¹⁹ Там же. С. 61 — 63, 68, 69, 72 — 76, 79, 80, 151, 157.

²⁰ Там же. С. 225 — 226.

²¹ *Минаев В.В.* Педагогическая харизма А.А. Зимина [Электронный ресурс] // «Учителя об учителях». URL: <http://rodnaaya-istoriya.ru/index.php/uchitelya-ob-uchitelyax/uchitelya-ob-uchitelyax/pedagogicheskaya-harizma-aleksandra-aleksandrovicha-zimina.html> (дата обращения 25.04.2020).

²² Историко-архивный институт: Сборник воспоминаний [Электронный ресурс] URL: https://www.rsu.ru/upload/main/iai/fad/дзюбенко/object_53.1332820214.611.pdf (дата обращения 25.04.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александр Александрович Зимин: биобиблиографический указатель / сост. В.И. Гульчинский; вступ. ст. С.М. Каштанов. М., 2000. 192 с.

2. *Базанов М.А.* Александр Александрович Зимин: биография историка в контексте развития отечественной науки. Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2014. 284 с.

3. *Базанов М.А.* В поисках очертаний «научной школы А.А. Зимина»: к постановке проблемы // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII — XXI вв.: Сб. ст. / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск, 2011. С. 362 — 371.

4. *Базанов М.А., Столярова Л.В.* «Идеальный ученик»: С.М. Каштанов в воспоминаниях А.А. Зимина // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии. М., 2012. С. 21 — 28.

5. Историк в России: между прошлым и будущим: статьи и воспоминания: [90-летию со дня рождения Александра Александровича Зимина посвящается] / под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар и [др.]. М., 2012. 759 с.

6. *Киселев М.Ю.* Из истории дипломатики как вспомогательной исторической дисциплины // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. М., 2018. С. 203 — 205.

7. *Николаева А.Т.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин // История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: Сб. док-тов и мат-лов / Сост. Л.Н. Простоволосова, М.Ф. Румянцева; отв. ред. О.М. Медушевская. Рук. деп. в ИНИОН РАН, № 46419 от 10.04.92. М., 1991. С. 29 — 202.

8. *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990. 71 с.

9. Россия в X — XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения: Тез. докл. и сообщ. Вторых чтений, посвящ. памяти А.А. Зимины. / Редкол.: Ю.Н. Афанасьев (отв. ред.), Р.Б. Казаков, С.М. Каштанов (зам. отв. ред.), Е.П. Маматова, В.А. Муравьев, М.Ф. Румянцева, А.Н. Сахаров (отв. ред.), Л.В. Столярова, А.Л. Хорошкевич. М., 1995. Ч. 1 — 2. 324 с.

10. Творческое наследие А.А. Зимины и современная российская историография: Шестые Зиминские чтения: международная научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения Александра Александровича Зимины, Москва, 7 апреля 2015 г.: доклады, статьи и воспоминания / под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар и [др.]. М., 2017. 434 с.

РАЗДЕЛ 2

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Дурновцев В. И.
РГГУ

ОБ ИСТОЧНИКАХ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ: ОПЫТ РЕТРОСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА

Аннотация: решение современных экологических проблем предусматривает изучение опыта и исторической динамики взаимодействия человека и природы. Феномен «историзации природы» влечет за собой обогащение источниковой базы новейшей историографии, одно из направлений которой «Environmental History», в русской версии — экологическая история. Перекрестное «опыление» знаний историков, антропологов, географов, биологов влечет за собой обновление информационных ресурсов исторической науки и переосмысление традиционных представлений.

Ключевые слова: историография, экологическая история, классификация исторических источников.

Durnovtsev V.I.
Russian State University for the Humanities

ABOUT SOURCES OF ENVIRONMENTAL HISTORY. EXPERIENCE OF THE RETROSPECTIVE ANALYSIS

Abstract: The solution of modern environmental problems involves the study of the experience and historical dynamics of the interaction of man and nature. The phenomenon of «historicization of nature» entails enrichment of the source base of the latest historiography, one of the directions of which is «Environmental History», in the Russian version — ekologicheskaya istoriya. Cross-pollination of knowledge of historians, anthropologists, geographers, biologists entails updating the information resources of historical science and rethinking traditional experience.

Keywords: historiography, environmental history, classification of historical sources.

Стратегией научно–технологического развития Российской Федерации (2016) предусмотрена возможность «эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе применяя методы гуманитарных и социальных наук». Для исторической науки это положение означает призыв к широкому использованию новых информационных технологий в исследовательских практиках и к активизации поиска исторических корней взаимоотношений Человека и Природы. Их обнаружение способствует решению актуальных экологических проблем, обусловленных возрастанием антропогенных нагрузок на окружающую среду, и обогащенной природными данными реконструкции исторической реальности.

Впечатляют первые опыты создания национальных/всемирных/глобальных историй окружающей среды¹. Недавно применительно к российской истории такая заявка была сделана коллективом авторов «Истории России с древнейших времен» под редакцией акад. Л. В. Милова, хотя в полной мере и последовательно ее решение оказалось трудно выполнимой задачей. Во введении Л. В. Милов писал, что, изучая аграрную историю страны, он «обнаружил четкие контуры существенного влияния природно-климатического фактора на российский исторический процесс»². Но, во-первых, и другие стороны отечественной истории существенно обуславливались феноменами, находящимися за границами ортодоксального антропологического понимания и объяснения: и политика, и социальная история, и экономика, и культура. А во-вторых, невозможно игнорировать обратное воздействие людей, обществ и государств на изменяющуюся природно-географическую среду. Об этом писал еще С. М. Соловьев: «Внимательное изучение внешней природы уяснило для нас многое относительно влияния этой природы на жизнь человека, на жизнь человеческих обществ; но это только одна сторона дела, ограничиваться которой и увлекаться опасно для науки ... Если народ, особенно во время своего младенчества, сильно подчиняется природным условиям обитаемой им местности, то, с постепенным развитием его духовных сил, замечается обратное действие, изменение природных условий под влиянием народной деятельности... Климат изменяется, природные условия продолжают действовать; но это уже другие природные условия, на которые воздействовал человек»³. Полнокровное объединение интеллектуальных усилий в сфере взаимного изучения антропологической истории и истории окружающей среды пока остается задачей историографии будущего. Впрочем, последние десятилетия ознаменовались многочисленными примерами таких подходов на региональном материале⁴.

Размывание дисциплинарных границ, характерное для современного научного познания, реальное, подчеркнем, не декларативное или поверхностное, применение междисциплинарных подходов в исторических исследованиях наиболее эффективно проявляется в одном из ведущих направлений мировой историографии — Environmental History/Истории окружающей среды, а в русской версии — Экологической истории.

Это научное направление в системе исторических наук заявило о себе во второй половине минувшего века в американской историографии, затем охватило большинство научных центров европейского континента и, наконец, стало объектом пристального изучения и научного освоения мировым научно-историческим сообществом. Оно изначально заявило о себе как междисциплинарное предприятие, позволяющее придать конкретный и действенный характер интеграции исторических и естественнонаучных дисциплин. Обострение внимания историков к изменяющимся природным условиям человеческой истории совпало с процессами «историзации природы» в естественных науках, развитием проблематики глобальной истории, исследующей историю человечества в контексте социоприродной динамики, пониманием исторического характера самих природных законов (идеи глобального эволюционизма).

Переход антропологически ориентированной историографии на новый уровень — изучения Человека и Природы в их историческом взаимодействии — протекает не гладко, и этот процесс не только не далек от завершения, но и вряд ли вообще возможен. История людей во всех ее проявлениях не всегда обуславливается природными факторами, а их настойчивый поиск увлеченными адептами экоистории может стать подобным поиску отсутствующей черной кошки в темной комнате. Судьба географического детерминизма, хотя он фактически не был реализован в исследовательских практиках, достаточно поучительна. Но это был один из первых вызовов традиционной историографии. Впрочем, есть и обратный пример — историческая география, развитие которой вплотную подвело историческую науку к новому витку ее развития.

Благодаря включению природных данных, традиционные информационные ресурсы историографии необычайно расширяются. Переосмысливаются представления об источниках исторического изучения. Обогащаются и методы историописания. Историографическая ситуация схожа с той, какая была отмечена в свое время Мишелем Фуко применительно к позапрошлому веку. «Все более и более полное сбережение письменных источников, учреждение архивов, их упорядочивание, реорганизация библиотек, создание каталогов, репертуаров, инвентариев представляют собой в конце классической эпохи нечто большее, чем просто новую восприимчивость ко времени, к своему прошлому, к глубинным пластам истории; это способ введения в уже сформировавшийся

язык и в оставленные им следы того же самого порядка, который устанавливают между живыми существами. Именно в этом зарегистрированном времени, в этом разбитом на квадраты и пространственно-локализованном становлении, историки XIX века возьмутся за написание наконец «верной» истории, то есть освобождённой от классической рациональности, от её упорядоченности и от её теодицеи, — истории, отданной во власть неистовой силе вторгающегося времени»⁵.

Именно так. Осознание реальной угрозы человеческому существованию привело к вторжению в антропологическую историю исследований окружающей и постоянно меняющейся среды, с которой в далеком и недавнем прошлом взаимодействовали люди, а вслед за этим пересмотр, казалось бы, очевидных, оправданных многими столетиями приемов и процедур, представлений о том, по каким лекалам, инструментам и на каком материале должна создаваться история.

Востребованность экологической истории, ее актуализация возрастает по мере обострения экологических проблем. Их решение так или иначе включается в общественную и политическую повестку и предполагает обращение к историческому опыту, а не только к выводам и рекомендациям практикующих экологов.

Понятно, что антропологическая история, ставящая в центр внимания Человека, основывается на продуктах, произведениях, остатках его жизнедеятельности, и преданиях о них. Но вот что однажды сделал автор «Крестьян Лангедока»: «Я временно прекратил изучение истории человечества и на некоторое время стал историком, для которого человек перестал быть центром внимания». Историк, написавший историю климата за 1000 лет, Э. Ле Руа Ладюри, сожалел, что историки интересуются лишь историей человечества, полагая, что изучение явлений природы не дело гуманитарных наук, и даже в некотором отношении занятие для них недостойное. Ученик Ф. Броделя, он даже утверждал, что «превратить историка в специалиста в области гуманитарных наук, значит, искалечить его», а однажды призвал: «Давайте-ка изучать историю без людей». Но природно-географическая среда — функция времени — изменяясь, преобразовываясь людьми, она становится объектом истории. Исторические источники как продукты человеческой культуры фиксируют эти изменения. Однако исторические эпохи представлены и данными естественно-природного происхождения. И это тоже исторические источники — и также могут быть включены в информационные ресурсы исторического исследования. В этих обновленных исследовательских практиках нет мелочей и все важно — метеорологические наблюдения, фенологические и гляциологические тексты, суждения о климатических событиях, данные дендрологов, палинологов и многое-многое другое.

«Могут возразить, — продолжал Э. Ле Руа Ладюри, — что этот вид исследования, категории документов и методы сами по себе не относятся непосредственно к истории человечества, а представляют интерес для некоей истории физической, истории природных условий. Не рискует ли историк, настойчиво пытающийся применять указанные методы, изменить той миссии, которую ему предназначил Марк Блок: «За впечатляющими штрихами пейзажа, за самыми с виду бесстрастными сочинениями ... историк хочет в первую очередь видеть людей. Тот, кому это не удастся, будет в лучшем случае лишь показывать свою эрудицию. Хороший историк похож на людоеда из легенды. Если он чует запах человеческого мяса, он знает, что это по его части.

Хорошо сказано. Но не буду отрицать, что эта мысль (при всем моем огромном уважении к Марку Блоку) всегда казалась мне слишком ограниченной, не соответствующей истинно научному мышлению. Разве время не опередило греческих философов и физиков, утверждавших, что человек — «центр вселенной» и «мера всех вещей»? Ведь после досократовского периода и Птолемея появились революционные идеи Коперника»⁶.

Предложения расширительного понимания исторического источника давно поступали и от русских/советских историков⁷. С. О. Шмидт, безусловный сторонник именно такого понимания, часто напоминал слова Т. Н. Грановского: «История по необходимости должна выступить из круга наук филолого-юридических, в которых она долго была заключена, на обширное поприще естественных наук»⁸. Однозначно высказывались на этот счет многие историки. «Исторический источник — это все, откуда можно получить информацию о развитии человеческого общества... все то, что может источать информацию, полезную для историка, а не только результаты целенаправленной человеческой деятельности, хотя именно источники исторического происхождения (т. е. памятники материальной и духовной культуры) составляют основной массив исторических источников. Но источники — это и окружающая человека естественно-географическая среда, и физико-биопсихические свойства самого человека, во многом предопределяющие и объясняющие деятельность и отдельных индивидуумов, и общества в целом»⁹.

Так или иначе, сведение массива исторических источников исключительно к результатам человеческой деятельности, явлениям культуры подвергалось сомнению задолго до возникновения Environmental History. Но именно экологическая история, а ранее археология¹⁰, внесли решающий вклад в преодоление антропологической традиции. А. П. Першиц писал: «Теоретически совершенно очевидно, что человеческая история разыгрывалась на каждом из своих отрезков в определенных условиях географической среды и что биологическая динамика человеческого вида является таким же важным источником для реконструкции

многих событий человеческой истории, как и другие собственно исторические источники. Поэтому дискуссия о том, есть ли естественноисторическая информация исторический источник или нет, в сущности говоря, бесплодна»¹¹.

Популярная классификация исторических источников по типам и видам жестко связывает исторический источник с «продуктами», оставленными людьми. Она в целом соответствует общей историографической ситуации в прошлом и позапрошлом веках. Но даже тогда у нее были оппоненты, расширяющие горизонты исторического познания за счет окружающей человека, общества и государство природной среды, что, если не подрывало, то существенно ограничивало потенциал многих последующих классифицирующих и систематизирующих источники версий.

Л. Н. Пушкарев обратил внимание на то, что в русском источниковедении мысль о феноменах географической среды как исторических источниках впервые высказал Н. И. Надеждин. Он разделил материалы для исторического изучения на естественные или физические (физико-географические) и искусственные или собственно исторические¹².

Но не только для экологической истории, что понятно, традиционная и распространённая в советской, а затем и в российской историографии классификация по типам и видам имеет ограниченное значение, например, она приемлема в учебных целях. А. А. Зимин однажды признался, что ему чуждо применение термина «вид» и стоящее за ним понятие. А. К. Соколов увидел в типо-видовой классификации серьезное препятствие на пути обращения к тем группам источников, которые не укладываются в жесткие классификационные схемы, углубляют разрыв между источниковедением и конкретно-историческими исследованиями. «Признание возможности объективного познания прошлого восстанавливает в правах любые методы, которые на это направлены. Одновременно становится ясным, что сегодня необходимы: а) существенное пополнение подходов и методов в свете особенностей истории как научной дисциплины, свойственных историческому исследованию принципов разнообразия и развертывания; б) модификация уже используемых методов, например, количественных или компьютерных, применительно к специфике исторического познания. Однако вместо сознательного запутывания его методологических проблем следует, видимо, выдвигать принцип адекватности предлагаемых подходов и методов объекту и предмету исследования, а также используемых в нем источников»¹³.

Бережное, но разумное сохранение вековых традиций российского исторического источниковедения означает их последовательное творческое развитие, интеллектуальную готовность к трансформации, а иногда и опережение динамичной историографической ситуации и обновляющихся стратегий на-

учного исследования. Информационные ресурсы современной исторической науки несопоставимы по всем показателям с «сырьем» для историков в эпоху классической историографии. А информационная революция и понимание исторического источника в свете учения об исторической информации, обоснованное И.Д. Ковальченко и его школой, оказалась успешным преодолением традиции. И.Д. Ковальченко отмечал, что опыты реконструкции исторической реальности могут быть успешными только в том случае, когда будет учтена вся совокупность эндогенных и экзогенных факторов, т.е. естественно-природных, планетарных, космических, всеобщих и локальных условий человеческой цивилизации¹⁴.

Environmental History/История окружающей среды/Экологическая история существенно увеличивает информационную емкость исторической науки. Это научное направление признает обусловленность истории природы и людей, привлекает в свои ряды представителей естественных наук, обогащается их данными, и в свою очередь, с готовностью споспешествует их интересу к антропологической истории, делится с ними специальными методами исторических исследований.

Принципиальное единство информационного массива «двух культур» (Ч.-П. Сноу) влечет за собой конвенциональную проблему исторических источников в контексте их классификации и систематизации. Нам представляется, что она принципиально разрешается обращением к хорошо известному делению «припасов» истории на первичные, вторичные и даже третичные исторические источники. Именно оно характерно для абсолютного большинства западно-европейских и американских методологических и методических дискурсов. Условность и схематичность играет на пользу такого подхода, а готовность ее сторонников до известных пределов согласиться с контраргументами только усиливает ее позиции. Согласимся отчасти с О.Г. Эксле, который, размышляя о понятии «исторический источник», предложил от него отказаться, «поскольку с ним до сих пор неизбежно и открыто связаны эмпиристские и метафизические эпистемологии», а заодно «от всякой иерархии и сегментирования исторического материала в пользу его свободного понимания»¹⁵.

Разумеется, граница между первичными и вторичными источниками проницаема, какие бы то ни было методические или методологические рекомендации тут не могут подменяться директивными указаниями. Замысел историка, степень его внутренней свободы обуславливают переходы из одного в другое.

Первичные источники максимально приближены к событиям и явлениям, которые являются объектом критического анализа. Этот информационный массив, как и пути, способы получения достоверной информации, в полной мере освоен классической историографией и связанной и сопровождающей ее пакетом

вспомогательных и специальных исторических дисциплин. Но первичные источники — это и природно-географическая среда, в которой разворачивается человеческая история. Данные о ней на каждом витке исторического развития добывают, как правило, представители естественных наук, обладающие своими методами и инструментарием и, само собой разумеется, транслирующих результаты своей работы на естественных языках.

Вторичный источник для историка — это по преимуществу тексты, запечатлевшие работу исследователя над избранной темой, раскрывающие его лабораторию, связь с современной ему исторической действительностью, позволяющие критически оценить источниковую оснащенность его исследовательской работы. Короче говоря, по преимуществу, это историографический источник.

Идеальный рабочий стол в лаборатории экологического историка — материалы, принадлежащие человеку, и результаты наблюдений за феноменами природы, предполагающими свободное владение языком естествознания и особенно экологии. Оформленные на естественном языке, они содержат слои анализа и интерпретации специалистом, которым историк по большей части не является. Вступив на стезю экологической истории, он использует эти данные в своих целях как вторичную информацию, как вторичный источник. Это «литература» с явственными признаками вторичного источника, которым пользуется эоисторик, не вовлеченный непосредственно в ранее проведенное исследование.

Но в то же время именно научная литература, созданная экологами, биологами, геофизиками, геологами, химиками, лесоводами, специалистами множества других профессий, находится в одном ряду с традиционно понимаемым первичным источником. Реконструкция эоисторической реальности основывается на данных, полученных из другой «культуры». Свободное владение методами естественных и социогуманитарных наук достаточно проблематично. Но именно трансдисциплинарные подходы обеспечивают согласие и содружество обеих сфер научного познания в ходе мониторинга экологических преобразований во времени.

Как известно, Л. Н. Пушкарев клал в основу деления исторических источников способ кодирования заключенной в источниках информации и получил в результате семь известных типов — вещественных, письменных, устных, этнографических, данных языка, кинофотодокументов, фонодокументов и два типа переходных, являющихся одновременно историческим и биологическими (данные антропологии), историческими и естественными (географическая среда)¹⁶. Переход завершился. Информационная неисчерпаемость исторического источника оказалась не методологическим допущением, но реальностью познавательной деятельности.

Бурное развитие экологической истории вызвано внутренней потребностью научно-исторического познания и необходимостью выполнения исторической наукой социальных функций. Ход современной истории человечества, включающий феномен глобального потепления, распространения новых вирусных инфекций, уменьшение биоразнообразия, захоронение радиоактивных отходов, ущемление прав животных и др. объективно повышает статус историописания, обращаясь к историческим страницам взаимодействия человека и природы.

Демаркационная линия, отделяющая один массив «припасов» истории от другого, не принципиальна и означает включение субъекта изучения в процесс критического анализа источников, содержащих естественно-историческую информацию. В конечном итоге рождается «литература», которая является вторичным источником полнокровной исторической реконструкции. Вторичные источники, созданные экоисториком, насыщены данными первичных источников, преимущественно обработанными с разной степенью профессионализма и моральной ответственности представителями естественнонаучного знания.

¹ *Hughes, J.D.* An Environmental History of the World: Humankind's Changing Role in the Community of Life (Oxford: Routledge, 2001; John Robert McNeill, Alan Roe. Global Environmental History: An Introductory Reader. Routledge, 2013; Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М., 2014.

² История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 2009. С. 5.

³ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 13. Кн. VII. М., 1962. С. 9.

⁴ The Oxford Handbook of environmental history / ed. by A.C. Isenberg. Oxford Univ. Press, 2014; Экологическая история в России: этапы становления и перспективные направления исследований. Материалы международной научной конференции (Елабуга, 13-15 ноября 2014 г.). Елабуга, 2014; Экологическая история России: локальные измерения и перспективы интегральных исследований. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Череповец, 2017. Проблемы экологической истории/ истории окружающей среды. Сборник статей. Выпуск I. М., 2019.

⁵ *Фуко М.* Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

⁶ *Ладюри Э. Ле Руа.* История климата за 1000 лет. М., 1971. С.18.

⁷ *Пушкарев Л.Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975.

⁸ *Шмидт С.О.* После 75: Работы 1997–2001 годов. М., 2012. С. 160.

⁹ *Шмидт С. О.* Проблемы взаимодействия общества и природы в источниковедческом аспекте. // Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 64-91.

¹⁰ *Клейн Л. С.* Археологические источники. Л., 1978; *Алексеев В.П., Першиц А.И.* История первобытного общества. М., 1990.

¹¹ *Перицц А.И.* Понятие и классификация первобытно-исторических источников // История первобытного общества: Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. С. 35; *он же.* Непреобразованная природная среда как источник изучения древнейшей истории // Источниковедение и краеведение в культуре России. М., 2000. С. 18

¹² *Пушкарев Л.Н.* Указ. соч. С.77.

¹³ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М., 2004. С. 59,64.

¹⁴ *Дурновцев В.И.* Экологическая история как история окружающей среды // И.Д. Ковальченко: Человек. Ученый. Профессор. Материалы VI Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко (к 95-летию со дня рождения). СПб., 2020. С.155–158.

¹⁵ *Эксле О.Г.* Что такое исторический источник? // *Munuscula* К 80-летию Арона Яковлевича Гуревича. М., 2004. С. 181.

¹⁶ *Пушкарев Л.Н.* Указ. соч. С. 255.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Hughes, J.D.* An Environmental History of the World: Humankind's Changing Role in the Community of Life. Oxford: Routledge, 2001. 320 p.

2. *John Robert McNeill, Alan Roe.* Global Environmental History: An Introductory Reader. Routledge, 2013. 449 p.

3. *Радкау Й.* Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: ВШЭ, 2014. 472 с.

4. История России с древнейших времен до конца XVII века. М.: Эксмо, 2009. 768 с.

5. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 13. Кн. VII. М., 1962. 746 с.

6. The Oxford Handbook of environmental history / ed. by A.C. Isenberg. Oxford Univ. Press, 2014. 783 p.

7. Экологическая история в России: этапы становления и перспективные направления исследований. Материалы международной научной конференции (Елабуга, 13-15 ноября 2014 г.). Елабуга: Изд-во Елабужского института КФУ, 2014. 384 с.

8. Экологическая история России: локальные измерения и перспективы интегральных исследований. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Череповец, 2017. 276 с.

9. Проблемы экологической истории/ истории окружающей среды. Сборник статей. Выпуск I. М.: РГГУ. 2019. 293 с.

10. *Фуко М.* Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. — СПб., 1994. 408 с.

11. *Ладьюри Э. Ле Руа.* История климата за 1000 лет. М., 1971. 280 с.

12. *Пушкарев Л.Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Изд-во «Наука», 1975. 281 с.

13. *Шмидт С.О.* После 75: Работы 1997–2001 годов. М., 2012. 734 с.
14. *Шмидт С. О.* Проблемы взаимодействия общества и природы в источниковедческом аспекте. // Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. 612 с.
15. *Клейн Л. С.* Археологические источники. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1978. 120 с.
16. *Алексеев В.П., Першиц А.И.* История первобытного общества. М.: Высшая школа, 1990. 352 с.
17. *Першиц А.И.* Понятие и классификация первобытно-исторических источников// История первобытного общества: Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. 432 с.
18. *Першиц А.И.* Непреобразованная природная среда как источник изучения древнейшей истории//Источниковедение и краеведение в культуре России. М., 2000. 518 с.
19. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М.: РОССПЭН, 2004. 744 с.
20. *Дурновцев В.И.* Экологическая история как история окружающей среды// И.Д. Ковальченко: Человек. Ученый. Профессор. Материалы VI Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко (к 95–летию со дня рождения). СПб.: Алетейя, 2020. С. 155–158.
21. *Эксле О.Г.* Что такое исторический источник? //Munuscula К 80-летию Арона Яковлевича Гуревича. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 154–181.

М. В. Ларин
РГГУ

О РАЗВИТИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация: В статье исследуются вопросы, связанные с разработкой российской истории делопроизводства и необходимостью активизации усилий исследователей на этом научном направлении. Отмечено, что делопроизводство отражает и закрепляет систему управления и изменяется вместе с ней. Именно поэтому историю делопроизводства целесообразно исследовать не только в рамках общепринятой хронологии, но и в непосредственной связи с эволюцией и реформированием государственного аппарата. Наиболее изученным представляется советский период истории делопроизводства. В то же время, некоторые ключевые аспекты этого периода не получили соответствующего раскрытия. Практически не сформирована в научном плане история современного российского делопроизводства. Для новейшей отечественной истории развитие делопроизводства в период становления обновленного Российского государства имеет самостоятельное научное значение.

Ключевые слова: история, делопроизводство, документация, управление, архивное дело.

M. V. Larin
RSUH

ON THE DEVELOPMENT OF RESEARCH ON THE HISTORY OF RECORDS MANAGEMENT IN RUSSIA

Abstract: The article is devoted to the development of the history of records management in Russia and the need to intensify the efforts of researchers in this scientific area. It is noted that records management reflects and fixes the management system and changes accordingly with it. That is why it is advisable to study the history of records management not only within the framework of generally accepted chronology but also in direct connection with the evolution

and reforming of the state apparatus. The Soviet period of the history of records management seems to be the most studied one. Some key aspects of the history at the same time have not been adequately investigated. The history of modern records management in Russia is practically not formed as scientific discipline. The development of records management during the formation of the renewed Russian State has an independent scientific value for modern Russian history.

Keywords: history, records management, documentation, management, archiving.

Документ и документация в управлении выполняют свои задачи и функции в соответствии с определенными правилами и нормами. Иногда эти нормы основываются на предшествующем опыте работы чиновников, на традициях, но чаще всего действуют законодательство и система подзаконных актов, регулирующих работу с документами в управлении. В широком смысле эта деятельность издавна носит название делопроизводства. К. Г. Митяев одним из первых сформулировал понятие делопроизводства как «производство документов по какому-либо вопросу, делу, включая все этапы такого производства: изготовление, движение, исполнение документов и организацию первичного комплекса (дела)»¹. Он называл делопроизводство важной технической функцией в деятельности государственного управления, обязанного письменно фиксировать (документировать) в интересах народа и государства свои действия².

За период своего развития делопроизводство прошло ряд исторических этапов. По нашему мнению, периодизация истории делопроизводства является важным системообразующим фактором, поэтому, изучая небогатую историографию этого вопроса, следует прежде всего выявить ряд ключевых исследований, в которых представлена периодизация развития отечественного делопроизводства. Собственно говоря, история делопроизводства системно изложена лишь в нескольких изданиях.

Так, К. Г. Митяев разделил эволюцию делопроизводства на два этапа: дореволюционный и советский. На первом этапе он различал:

делопроизводство доприказного и приказного периодов;

коллежское делопроизводство;

исполнительное делопроизводство XIX и начала XX вв.³

В дальнейшем он уточнил данную периодизацию, обозначив этапы развития делопроизводства в соответствии с принятой в 1950-е годы периодизацией отечественной истории⁴. Позже О. Жуковская и Б. Гольцев в своей работе, излагая историю делопроизводства, дают достаточно упрощенный вариант периодизации; они выделяют следующие этапы:

- XI–XVII вв. (от летописания к приказной системе делопроизводства);
- XVIII в. (реформы Петра I и коллежское делопроизводство);
- XIX – нач. XX вв.;
- период после Октябрьской революции 1917 г.⁵

Аналогичный подход к периодизации истории делопроизводства наблюдается и у авторов учебного пособия «Системы документирования». Отличием является лишь разделение истории советского делопроизводства на два периода: 1) становление и развитие советской системы документирования (1917-1936 гг.); 2) совершенствование систем документирования в 1936-1975 гг.⁶ Такой подход вполне объясним увеличением объема накопленного теоретического и практического материала по истории советского делопроизводства и необходимостью актуализации содержания данной работы, предназначенной для использования в процессе подготовки специалистов.

Попытка периодизации советского периода истории делопроизводства была предпринята авторами учебника «История делопроизводства в СССР» под редакцией Я.З. Лившица и В.А. Цикулина⁷. Сохраняя подходы К.Г. Митяева к периодизации дореволюционного этапа развития делопроизводства, авторы данной работы дали более детальное хронологическое деление советского периода:

- 1) первые мероприятия по организации советского государственного делопроизводства (1917-1923 гг.);
- 2) государственное делопроизводство в период победы социализма (1924-1936 гг.);
- 3) государственное делопроизводство в период упрочения и развития социалистического общества (1936-1958 гг.);
- 4) государственное делопроизводство в условиях развитого социалистического общества (1959 — начало 1970-х годов).

Очевидно, что и эта схема прямо привязана к периодизации истории СССР. Однако, если К.Г. Митяевым в основу периодизации были положены существенные и очевидные отличительные признаки делопроизводства, то выделение отдельных этапов развития делопроизводства в соответствии с этапами истории СССР не дает возможности увидеть, в чем, например, разница между делопроизводством в «период победы социализма» и делопроизводством «в период развития и упрочения социалистического общества» по своим глубинным, сущностным характеристикам.

В 1990-е гг. к истории делопроизводства обратилась М.П. Илюшенко. В основном она повторяет уже сложившуюся периодизацию дореволюционной истории делопроизводства, однако продвигает эту историю в глубь веков, вплоть до Киевской Руси⁸. На наш взгляд, распространение на этот период понятия делопроизводства не вполне корректно, поскольку вряд ли можно на-

звать полноценным термином «делопроизводство» зачатки документирования в условиях только что нарождавшейся письменности.

Таким образом, очевидная в рамках периодизации делопроизводства тесная связь с этапами исторического развития нашей страны свидетельствует о наличии фундаментальной закономерности — зависимости делопроизводства от действующей системы управления.

К примеру, становление Русского централизованного государства сопровождалось внедрением приказного делопроизводства⁹. Его особенности достаточно подробно освещены в литературе. Приказное делопроизводство отразило формы и методы управления, систему построения органов управления, их структуру на первоначальном этапе существования Русского централизованного государства, однако на следующем этапе развития государства оно значительно изменилось.

В сравнении с приказным коллежское делопроизводство в начале XVIII в. представляло собой уже детально регламентированную систему. Генеральный регламент, который определял задачи, функции, структуру и порядок работы коллегий, давал законченную организационную форму и систему норм по документированию их деятельности. Важно отметить, что Генеральным регламентом было впервые введено понятие архивов и определен порядок сдачи в них законченных производством дел. Таким образом, Генеральный регламент законодательно закрепил порядок работы с документами с момента их создания до архивного хранения¹⁰. Коллежское делопроизводство можно охарактеризовать как значительный шаг вперед по сравнению с приказной системой делопроизводства. В результате петровских реформ коллежское делопроизводство стало тем краеугольным камнем, на котором строилось российское делопроизводство в течение почти двух последующих столетий.

Следующий этап развития российского государственного делопроизводства наступает в начале XIX в., при Александре I с принятием 25 июня 1811 г. Закона «Общее учреждение министерств»¹¹. Изменение структуры государственного аппарата сопровождается реорганизацией делопроизводства. В министерствах создается единообразная система делопроизводства и канцелярий¹².

Вторая половина XIX в., как известно, характеризуется существенными позитивными сдвигами в развитии производительных сил и экономики России, реформированием системы управления. Произошло расширение прав местных учреждений, была введена выборность некоторых органов хозяйственного управления (земские и городские учреждения) и судов. Одновременно были предприняты реформы в финансовой сфере, в просвещении, осуществлена военная реформа, укреплен полицейский аппарат. Однако реорганизация государственного аппарата не затронула общих законодательных норм, оформлявших

процессы делопроизводства¹³. Больше того, высокая степень бюрократизации делопроизводства, формировавшаяся на протяжении XIX столетия, привела к тому, что новые хозяйственные структуры постоянно сталкивались с медлительностью государственного аппарата, со сложностью и рутинностью форм и методов его работы. В. О. Ключевский писал по этому поводу: «Все дела велись канцелярским порядком, через бумагу; размноженные центральные учреждения ежегодно выбрасывали в канцелярии, палаты десятки, сотни тысяч бумаг, по которым эти палаты и канцелярии должны были чинить исполнение. Этот непрерывный бумажный поток, лившийся из центра в губернии, наводнял местные учреждения, отнимал у них всякую возможность обсуждать дела; все торопились очищать их: не исполнить дело, а «очистить» бумагу — вот что стало задачей местной администрации; все цели общественного порядка, который охранялся администрацией, все свелись к опрятному содержанию писаного листа бумаги; общество и его интересы отодвинулись перед чиновником далеко на задний план»¹⁴. Эти слова выдающегося историка ярко очерчивают бюрократическую суть делопроизводства середины XIX в.

Естественно, изменившиеся социальные условия требовали повышения оперативности делопроизводства. Научно-технический прогресс привел к появлению новых средств связи (телеграф, телефон), иных средств документирования (пишущие машины, множительная техника, фотография, кино). Произошло расширение спектра способов документирования и, соответственно, видов и разновидностей документов (телеграммы, телефонограммы, стенограммы и т. п.). В этих условиях отдельные учреждения, не дожидаясь официального реформирования делопроизводства, обратились к методике его так называемой «саморационализации». Классическими стали примеры совершенствования делопроизводства в канцелярии попечителя Московского учебного округа¹⁵, работы И. И. Рихтера по совершенствованию делопроизводства управлений казенных железных дорог¹⁶. Система классификации документов В. М. Толстопятова была разработана в Управлении Юго-Восточных железных дорог¹⁷.

Ретроспективный взгляд на процесс развития делопроизводства позволяет увидеть устойчивую закономерность: крупные политические, социальные и экономические реформы в истории государства тесно связаны с преобразованиями в области государственного управления и государственного делопроизводства. Необходимо отметить, что делопроизводство отражает и закрепляет систему управления и изменяется вместе с ней. Именно поэтому мы считаем, что историю делопроизводства целесообразно исследовать не только в рамках общепринятой хронологии, но и в непосредственной связи с эволюцией и реформированием государственного аппарата. Не случайно еще С. О. Шмидт

говорил, что «характер делопроизводства — важный датирующий признак этапов образования и развития централизованного государства»¹⁸.

К примеру, сложившиеся формы и методы делопроизводства в конце XIX века вошли в противоречие с быстро меняющейся ситуацией в сфере управления в условиях научно-технического прогресса и социальных изменений середины и конца века¹⁹. Несмотря на то, что ряд принципиальных моментов истории делопроизводства этого периода представлен в литературе, до сих пор остается не изученным вопрос о том, почему в период интенсивного развития промышленного производства и активизации деятельности в других отраслях народного хозяйства государство уделяло так мало внимания совершенствованию системы управления, и, соответственно, делопроизводства.

Становление советского государственного делопроизводства достаточно хорошо исследовано в ряде диссертационных работ, учебных пособиях и других публикациях²⁰. Прежде всего необходимо выделить проблему изучения роли в этом ЦКК–РКИ (специального органа с очень широкими полномочиями, который должен был осуществлять мероприятия по постоянному совершенствованию госаппарата, рационализации техники управления, делопроизводства, счетоводства и отчетности), которая всесторонне разработана историками²¹.

Другой особенностью, на которую следует обратить внимание, стало изучение использования достижений науки для рационализации управления. Хорошо известно, что в 1920-е гг. сложилась система научно-исследовательских, хозяйственных, ведомственных и общественных организаций, разрабатывавших вопросы научной организации управления на единой методической основе. Центральным научным звеном этой системы стал Государственный институт техники управления (ИТУ)²². Как руководящий центр, НК РКИ проводил свои идеи и проекты через ведомственные органы рационализации управления и делопроизводства²³.

Однако опубликованные исследования не позволяют ответить на вопрос: почему не было разработано законодательство, регулирующее государственное делопроизводство. Удивительно, что советское государство, исповедующее принцип жесткой централизации системы управления и испытывающее неодолимое тяготение к административно-командным методам управления, не установило единой системы делопроизводства. На наш взгляд, несмотря на то, что имеется значительное число исследований этого периода истории делопроизводства, следует привлечь к его объективному изучению историков делопроизводства, свободных от влияния партийного подхода и попытаться выявить глубинные процессы, которые протекали в недрах государственного управления.

Наиболее интересными вопросами этого периода, на наш взгляд, могли бы стать проблемы адаптации дореволюционных служащих к новым условиям,

вопросы эффективности науки применительно к практике, реальные причины закрытия ИТУ и, в последующем, ликвидации НК РКИ. Интересны также причины провала попыток скоропалительного перехода к функциональной системе управления и безрегистрационному делопроизводству²⁴.

Как известно, сфера делопроизводства постепенно перешла под управление со стороны архивных органов, которые последовательно усиливали свое влияние на делопроизводство. Интересно отметить, что они не пытались взять под контроль все делопроизводство, в этих целях была изобретена хитроумная словесная конструкция — «документальная часть текущего делопроизводства», которая должна была определить границы ответственности архивных органов за документацию в действующих учреждениях. Влияние архивных органов на развитие делопроизводства, расширение их полномочий в сфере делопроизводства и трансформация последнего также является актуальной темой для изучения.

В конце 1950-х гг. на повестку дня выдвигается проблема создания единого норматива, упорядочивающего работу с управленческой документацией в стране. История разработки ЕГСД, как и история созданного специально для ее подготовки ВНИИДАД, являются темами, которые представляют самостоятельный научный интерес с современных позиций. Хотя имеется большое количество работ по данной теме, ее нельзя считать завершенной²⁵. ЕГСД сыграла значительную роль в деле упорядочения работы с документами и в оптимизации документационных процессов в масштабе страны²⁶. Феномен популярности ЕГСД с этой точки зрения также ждет своего исследователя. Заметим, что этот методический документ стал де-факто нормативом и строго соблюдался буквально в каждом учреждении страны, включая все союзные республики.

Необходимо подчеркнуть, что на развитие отечественного делопроизводства в 1980-е гг. огромное влияние оказала проводимая работа по внедрению автоматизированных систем управления и общая тенденция информатизации страны. В рамках этого направления интересной представляется тема взаимодействия документоведения и документалистики в теоретическом и практическом плане²⁷. Традиционное делопроизводство не могло обеспечить адаптацию систем документации к их использованию в АСУ. Именно тогда настало время перехода к термину «документационное обеспечение управления», и на первый план выдвинулось понимание информационной природы документа. Эта ситуация вызвала всплеск разнообразных научных исследований, что отразилось во многом на развитии методологии, инструментария, тематике научных поисков и, в конечном счете, на научных достижениях в документоведении.

Значительным вкладом в совершенствование документационного обеспечения управления 1970-80-х гг. принято считать разработку унифицированных систем

документации (УСД), а также создание классификаторов технико-экономической и социальной информации, которые были нужны для функционирования автоматизированных информационных систем²⁸. Эта тема тоже, на наш взгляд, недостаточно освещена в имеющихся публикациях, наряду с попыткой создания Типовой системы документационного обеспечения (ТСДО)²⁹.

Как видим, советский период истории делопроизводства изучен и представлен в литературе весьма основательно. В то же время, как мы показали выше, некоторые ключевые аспекты этой истории, на наш взгляд, не получили соответствующего раскрытия. Прежде всего, это вопросы постепенного, но уверенного закрепления за органами управления архивным делом функций организации государственного делопроизводства³⁰. Интересны сюжеты перехода от делопроизводства к документационному обеспечению управления (ЕГСДОУ) в теории и на практике, а также проблемы разработки унифицированных систем документации, классификаторов ТЭСИ и их взаимосвязь с созданием автоматизированных систем управления, в том числе для работы с документами в аппарате управления. К сожалению, разработка ЕГСДОУ не завершилась ее внедрением, поскольку в истории делопроизводства произошли существенные изменения, вызванные распадом СССР. Безусловно, этот факт стал серьезной причиной дальнейшего снижения уровня организации делопроизводства в новой системе управления.

Надо вспомнить, что правопреемником советских органов управления архивным делом в 1992 г. стал созданный не на мощной базе ГАУ при Совмине СССР, а на основе ГАУ РСФСР Комитет по делам архивов (Роскомархив) при Правительстве Российской Федерации. В последующие годы задачи и функции органа власти, уполномоченного в сфере архивного дела, значительно изменились. Изучение этого вопроса выявляет устойчивую тенденцию к сужению полномочий Росархива в сфере делопроизводства. Если в 1980 г. архивные органы наделялись задачей организационно-методического руководства организацией документов в делопроизводстве, то в 1992 и 1994 гг. эта задача сначала приобретает форму координации, а в 1998 г. вообще превращается в достаточно абстрактную задачу «развития и совершенствования».

В 2004 г. в результате очередной административной реформы Росархив был преобразован в Федеральное архивное агентство в структуре Министерства культуры РФ. В соответствии с новым статусом перечень задач и функций Росархива кардинально изменился. Федеральное архивное агентство стало федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по оказанию государственных услуг, управлению федеральным имуществом, а его задачи в сфере делопроизводства фактически были сведены к нулю. Думается, что негативные последствия реформы 2004 г. для делопроизводства также являются предметом современных исследований.

Новый этап развития отечественного делопроизводства наступил с переходом Росархива в ведение Президента Российской Федерации в 2016 г. Росархив стал федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере архивного дела и делопроизводства, получил право законодательной инициативы, а также полномочия по разработке и утверждению основных нормативных актов по архивному делу и делопроизводству, безусловно, расширив сферу ответственности по вопросам делопроизводства.

Таким образом, современный Росархив наделен полномочиями по государственному регулированию архивного дела и делопроизводства в нашей стране в необходимом объеме. Однако, осуществление этих полномочий, на наш взгляд, требуют соответствующей перестройки форм и методов работы Федерального архивного агентства в контексте решения глобальной задачи трансформации государства и общества в условиях их цифровизации. Для ее решения следует разработать полноценную государственную политику в сфере архивного дела и делопроизводства, учитывающую основные положения Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг.

История современного российского делопроизводства насчитывает почти три десятка лет. Для истории это ничтожный отрезок времени, однако для новейшей отечественной истории и современников период становления обновленного Российского государства имеет важное самостоятельное значение, в том числе и история российского делопроизводства. К большому сожалению, эта история еще не написана. Безусловно, для историка важен взгляд на исторические события в ретроспективе, когда субъективное начало в исследованиях сведено к минимуму. Однако свидетельства современников о происходящих событиях иногда имеют исключительное значение. Например, такие работы как книга В.П. Козлова «Бог сохранял архивы России», дают представление из первых рук о трудностях, которые переживали архивы и архивное дело в достопамятные 1990 гг³¹. Основные события того времени удалось отразить в Летописи архивного дела³².

Нельзя сказать, что отдельные аспекты современной истории делопроизводства не были отражены в публикациях разных лет. Достаточно хорошо представлены научные исследования по вопросам делопроизводства, прежде всего, научно-методические работы³³. Активно изучались вопросы электронного документооборота и электронного документа³⁴. Однако цельной картины истории делопроизводства из этих мозаичных работ мы не получим.

Подводя итоги, заметим, что исследование истории делопроизводства является не только научной задачей, но и имеет практическое значение. К сожалению,

мы не всегда умеем извлекать уроки из собственной истории, повторяя ошибки прошлого и проходя мимо имеющихся достижений. Например, в Российской Федерации отсутствует нормативный акт (закон), регулирующий государственное делопроизводство. В результате, в положениях о федеральных органах исполнительной власти не отражена функция управления документами. Иначе говоря, в этих руководящих документах не зафиксирована обязанность органов управления вести делопроизводство, документировать свою деятельность, сохранять документальный фонд. В то же время, наша история знает опыт неразрывной связи функций управления и их документационного и информационного обеспечения, который был впервые зафиксирован в Генеральном регламенте 1720 г. Представляется, что без нормативного закрепления в федеральных органах функции управления собственной документацией будет весьма непросто перейти к новому этапу цифровой трансформации сферы работы с документами, сокращать объемы документооборота.

Еще одним ярким примером пренебрежения уроками истории служит ситуация с внедрением электронных документов и электронного документооборота. Начиная с ФЦП «Электронная Россия», в стране неоднократно принимались программные документы по переходу на электронный документооборот. Однако и сегодня эта задача является актуальной для Национальной программы «Цифровая экономика в Российской Федерации». Отсутствие объективного исторического исследования развития ситуации с электронным документооборотом приводит к тому, что на каждом новом этапе решения этой задачи приходится возвращаться к проблемам, которые не были устранены ранее: терминология, юридическая значимость, отказ от бумаги и т. п.

На наш взгляд, данные примеры со всей очевидностью демонстрируют необходимость не только специализированных исследований вопросов управления документацией в нашей стране, но и подчеркивают актуальность исследований по ее истории. В этой истории должны найти отражение не только факты и события истории делопроизводства, но и имена ученых и специалистов, обогативших ее своими трудами.

¹ Митяев К. Г. Теория и практика архивного дела. М., 1946. С. 25.

² Митяев К. Г. История и организация делопроизводства в СССР: Учеб. пособие. М., 1959. С. 10-11.

³ Митяев К. Г. Теория и практика архивного дела... С. 25.

⁴ Митяев К. Г. История и организация делопроизводства ... С. 28-128.

⁵ Жуковская О., Гольцев Б. Документация советских государственных учреждений. М., 1970. 144 с.

⁶ *Илюшенко М. П., Кузнецова Т. В., Лившиц Я. З., Цикулин В. А.* Системы документирования: Учеб. пособие. М., 1977. 94 с.

⁷ История делопроизводства в СССР: Учеб. пособие / Под ред. Я. З. Лившица, В. А. Цикулина. М., 1974. 170 с.

⁸ *Илюшенко М. П.* История делопроизводства в дореволюционной России. М., 1993. С. 7-17.

⁹ О предыдущем этапе развития делопроизводства см.: *Илюшенко М. П.* Возникновение и развитие делопроизводства на Руси. (VIII-XIV вв.) // Делопроизводство, 1998. № 2. С. 71-74.

¹⁰ История делопроизводства в СССР... С. 23; *Ларин М. В.* От Генерального регламента — к правилам делопроизводства и архивного дела // Управление документацией: прошлое, настоящее, будущее. Материалы IV-ой Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Т. В. Кузнецовой. Москва, 21-22 марта 2019 г. М., 2019. С. 18-34; О делопроизводственных документах этого периода см.: *Бабич М. В.* Из истории государственных учреждений XVIII в.: делопроизводственные документы и их научно-справочный аппарат // Отечественные архивы, 1996. № 1. С. 28-41;

¹¹ ПСЗ Российской империи. Собр. первое. Т. XXI. № 24686.

¹² *Вялова Л. М.* Организация делопроизводства центральных органов управления в законодательных актах Российской империи первой половины XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 05.25.02. М.: МГИАИ, 1987.

¹³ *Илюшенко М. П.* История делопроизводства... С. 70.

¹⁴ *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Т. V. С. 246-247.

¹⁵ История делопроизводства в СССР... С. 57-59.

¹⁶ *Рихтер И. И.* Правила делопроизводства и делохраниения казенных железных дорог. Пгр., 1915.

¹⁷ *Толстой В. М.* Десятичная классификация, карточная система и вертикальный способ хранения, в применении к организации библиотеки, архива чертежей и регистрации деловых бумаг. Воронеж, 1912.

¹⁸ *Шмидт С. О.* У истоков российского абсолютизма. М., 1996. С. 463.

¹⁹ Положение о письмоводстве и делопроизводстве в Военном ведомстве и о срочных и вне-срочных донесениях в войсках по инспекторской и строевой части. СПб., 1911; *Ларин М. В., Банасюкевич В. Д., Сокова А. Н.* Государство и эволюция систем документации: Научный доклад. М., 2000. 35 с. Деп. в ОЦНТИ ВНИИДАД, № 210-2000; *Вараева А. В.* Влияние результатов регламентации делопроизводства на ускорение процесса решения дел в Военном и Морском министерствах России XIX — нач. XX вв. // Унификация систем документации: история, современное состояние, перспективы: Сб. тр. М., 1989. С. 109-126 и др.

²⁰ *Тамм И. Е.* Становление советского государственного делопроизводства. 1917-1923 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 05.25.02. М.: МГИАИ, 1975; *Андреева В. И.* Основные направления научной организации труда и делопроизводства государственного аппарата СССР (по материалам журнальной периодики 1920-х годов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 05.25.02. М.: МГИАИ, 1985; *Костомаров М. Н.* Деятельность Московской Рабоче-крестьянской инспекции по совершенствованию аппарата управления и делопроизводства (1920-1929 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 05.25.02. М.: МГИАИ, 1976 и др.

²¹ *Кузнецов С. Л.* Формирование и деятельность органов ЦКК — НК РКИ: Историография проблемы. 1923-1934 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992; *Кузнецова Т. В.* Деятельность ЦКК — НК РКИ по совершенствованию работы управленческого аппарата // Российская государственность: традиции, преемственность, перспективы: Материалы II чтений памяти профессора Т. П. Коржихиной. 26-27 мая 1999 г. М., 1999. С. 147-151 и др.

²² Научная организация труда, производства и управления. Сборник документов и материалов 1918-1930 гг. М., 1969. С. 303; *Кузнецова Т.В., Подольская И.А.* Деятельность института техники управления по рационализации делопроизводства // Труды МГИАИ, 1975. Т. 31. Вып. 2.

²³ *Ларин М.В.* Ведомственные органы рационализации и их деятельность по совершенствованию государственного аппарата и делопроизводства (1923-1932 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист.наук. 05.25.02. М., 1977.

²⁴ *Он же.* Управление документацией в организациях. М., 2002, с. 124-125.

²⁵ *Малитиков А.С.* Некоторые вопросы организации и содержания научной работы в области ЕГСД // Труды ВНИИДАД. Т. 2. М., 1973. С. 6; *Сокова А.Н.* Документоведение: теория и практика. Избранные труды. М., 2009. С. 163, 164. и др.

²⁶ *Кузнецова Т.В., Лосев В.И.* Управленческая документация. М., 1985. С. 7.

²⁷ *Суровцева Н.Г.* Документалистика и ее влияние на развитие отечественного документо-ведения // Научный вестник Крыма, № 5 (28) 2020.

²⁸ Организация работы с документами. М.: Инфра–М, 1998. С. 50-57.

²⁹ *Ларин М.В., Мингалев В.С.* Современные системы документационного обеспечения управления. М., 1982.

³⁰ *Букреева О.Н.* Органы управления архивным делом и нормативно-правовое регулирование в сфере делопроизводства (1918-2018 гг.) // Отечественные архивы, 2018. № 5. С. 20-31.

³¹ *Козлов В.П.* Бог сохранял архивы России. Челябинск, 2009.

³² Летопись архивного дела в Российской Федерации. 1990-2004 гг. / Росархив, ВНИИДАД; под ред. В.П. Козлова; сост.: М.В. Ларин (рук.),..., Т.С. Буякевич, Э.Л. Гараненкова. М., 2007. 367 с.

³³ *Ларин М.В., Суровцева Н.Г., Терентьева Е.В., Янковая В.Ф.* Управление документами в цифровой экономике: организация, регламентация, реализация. М., 2019; *Янковая В.Ф.* Правила делопроизводства в государственных органах, органах местного самоуправления: к введению в действие // Отечественные архивы. 2020. № 2. С. 3-12 и др.

³⁴ *Ларин М.В., Рысков О.И.* Электронные документы в управлении. Москва, 2008; *Бобылева М.П.* Управленческий документооборот: от бумажного к электронному. Вопросы теории и практики. М., 2016. 360 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бобылева М.П.* Управленческий документооборот: от бумажного к электронному. Вопросы теории и практики. М., 2016. 360 с.

2. *Букреева О.Н.* Органы управления архивным делом и нормативно-правовое регулирование в сфере делопроизводства (1918-2018 гг.) // Отечественные архивы, 2018. № 5. С. 20–31.

3. *Жуковская О., Гольцев Б.* Документация советских государственных учреждений. М., 1970. 144 с.

4. *Илюшенко М.П.* История делопроизводства в дореволюционной России. М., 1993. 79 с.

5. *Илюшенко М.П.* Возникновение и развитие делопроизводства на Руси. (VIII–XIV вв.) // Делопроизводство, 1998. № 2. С. 71–74.

6. *Илюшенко М.П., Кузнецова Т.В., Лившиц Я.З., Цикулин В.А.* Системы документирования: Учеб. пособие. М., 1977. 94 с.

7. История делопроизводства в СССР: Учеб. пособие / Под ред. Я.З. Лившица, В.А. Цикулина. М., 1974. 170 с.

8. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Т. V. С. 246–247.

9. *Козлов В.П.* Бог сохранял архивы России. Челябинск, 2009. 543 с.

10. *Кузнецова Т.В.* Деятельность ЦКК — НК РКИ по совершенствованию работы управленческого аппарата // Российская государственность: традиции, преемственность, перспективы: Материалы II чтений памяти профессора Т.П. Коржихиной. 26–27 мая 1999 г. М., 1999. С. 147–151.

11. *Кузнецова Т.В., Лосев В.И.* Управленческая документация. М., 1985. 190 с.

12. Летопись архивного дела в Российской Федерации. 1990–2004 гг. / Росархив, ВНИИДАД; под ред. В.П. Козлова; сост.: М.В. Ларин (рук.),..., Т.С. Буякевич, Э.Л. Гараненкова. М., 2007. 367 с.

13. *Ларин М.В.* От Генерального регламента – к правилам делопроизводства и архивного дела // Управление документацией: прошлое, настоящее, будущее. Материалы IV-ой Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Т.В.Кузнецовой. Москва, 21–22 марта 2019 г. М., 2019. С.18–34.

14. *Ларин М.В.* Управление документацией в организациях. М., 2002. 288 с.

15. *Ларин М.В., Суровцева Н.Г., Терентьева Е.В., Янковая В.Ф.* Управление документами в цифровой экономике: организация, регламентация, реализация. М., РГГУ, 2019. 272 с.

16. *Ларин М.В., Рысков О.И.* Электронные документы в управлении. Москва, «У Никитских ворот», 2008. 208 с.

17. *Ларин М.В., Мингалев В.С.* Современные системы документационного обеспечения управления. М., МГИАИ, 1982. 99 с.

18. *Малитиков А.С.* Некоторые вопросы организации и содержания научной работы в области ЕГСД // Труды ВНИИДАД. Т. 2. М., 1973. С. 2 - 10.

19. *Митяев К.Г.* Теория и практика архивного дела. М., 1946. 248 с.

20. *Митяев К.Г.* История и организация делопроизводства в СССР: Учеб. пособие. М., 1959. 360 с.

21. Организация работы с документами. М.: Инфра–М, 1998. 575 с.

22. *Сокова А.Н.* Документоведение: теория и практика. Избранные труды. М., 2009. 333 с.

23. *Суровцева Н.Г.* Документалистика и ее влияние на развитие отечественного документоведения // Научный вестник Крыма, № 5 (28) 2020.

24. *Шмидт С.О.* У истоков российского абсолютизма. М., 1996. 496 с.

25. *Янковая В.Ф.* Правила делопроизводства в государственных органах, органах местного самоуправления: к введению в действие // Отечественные архивы. 2020. № 2. С. 3–12.

Агейчева Т. В.
МГУ им. М. В. Ломоносова

ИСТОРИЯ ДОКУМЕНТА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Н. П. ЛИХАЧЁВА (КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ)

Аннотация: в статье в контексте современной ему историографической ситуации, представлен исследовательский метод выдающегося русского учёного-историка, академика Н. П. Лихачёва — концепция исторического источниковедения, и оценена роль и значение его научного наследия в отечественной исторической науке.

Ключевые слова: вспомогательные исторические дисциплины, историческое источниковедение, научное коллекционирование, история документа.

Ageicheva T. V.
Lomonosov Moscow State University

HISTORY OF THE DOCUMENT IN THE SCIENTIFIC HERITAGE OF N. P. LIKHACHEV (CONCEPT OF HISTORICAL SOURCE STUDIES)

Abstract: the article presents the research method of the outstanding Russian scientist-historian, academician N. P. Likhachev — the concept of historical source studies in the context of the contemporary historiographical situation, and evaluates the role and significance of his scientific heritage in the national historical science.

Keywords: auxiliary historical disciplines, historical source research, scientific collecting, the history of the document.

В истории отечественной исторической науки Н. П. Лихачёв (1862-1936) занимает особое, если не сказать больше — исключительное, место. Громадный масштаб, невероятная разносторонность интересов, занятий и профессиональных умений, глубина познаний, новаторство — таковы его отличительные черты¹.

Уже современники отзывались о нём как о человеке неподражаемой учёности, выходящей за пределы обычного кругозора русского историка. Ему отводили одно из почётнейших мест в истории русской исторической науки, особо отмечая и широту, и разнообразие его замыслов, и самоотверженную энергию в деле их осуществления. В. Т. Георгиевский (1861-1923), коллега Н. П. Лихачёва, архивист, исследователь древнерусского искусства, так оценивал его роль в науке: «Во всех областях науки, где Вы являетесь в настоящее время хозяином, Вы выбираете такие вопросы, разрешение которых было посильно лишь для целых обществ учёных и требовало многих годов и неустанных трудов по предварительному собиранию материала. Вам приходилось почти всегда взрывать, так сказать, целину на учёной ниве, совсем не проработанной»².

Даже неполное перечисление направлений деятельности Николая Петровича Лихачёва не оставляет сомнений в справедливости подобных суждений. Доктор русской истории, профессор СПб. Археологического института (1892-1925), член Археографической комиссии (1894-1930), помощник директора Императорской Публичной библиотеки (1902-1914), действительный член АН СССР (1925), он был непревзойдённым специалистом и во многом первопроходцем в области вспомогательных исторических дисциплин³, крупнейшим в России учёным-коллекционером⁴, организатором науки⁵.

Вступление Н. П. Лихачёва на профессиональное поприще пришлось на тот этап в развитии русского исторического знания, который в отечественной историографии принято оценивать как период кризиса⁶. Соответственно, и, в широком смысле, историографический анализ содержания его научного творчества невозможен вне этого контекста.

Так называемый кризис рубежа XX-XXI вв. был, с одной стороны, моментом роста. Научное знание стремительно развивалось, прирастало кадрами, инфраструктурой, коммуникациями, источниковой базой, проблематикой научных изысканий. Оно закономерно специализировалось и дифференцировалось, оформляясь в специальных и вспомогательных исторических дисциплинах. Вместе с тем, с другой стороны, столь же закономерно, историческое знание столкнулось с рядом «внешних» вызовов, продиктованных, в значительной степени актуализацией социально-политических вопросов общественного бытия. В их числе и общее недоверие к возможностям исторической науки в связи с текущими вопросами жизни, и соблазн подмены собственно исторического знания социологическими или политэкономическими схемами.

Самоопределение Н. П. Лихачёва в этой непростой, хотя и очень органичной историографической ситуации вполне соответствовало индивидуальной предрасположенности его ума. Он стоял на почве видовой самости исторической науки и искал прочных обоснований достоверности научного исторического знания.

Всё видимое многообразие его научных интересов и занятий есть не что иное, как демонстрация научного метода, проявление целостного и системного взгляда на процесс научного творчества — с момента приобретения первых профессиональных навыков до получения доказуемого, проверяемого, то есть подлинно научного результата.

Сам Николай Петрович называл свой метод, как и свою специальность, историческим источниковедением.

В методе Н. П. Лихачёва просматриваются две базовые установки.

Первая установка может быть выражена формулой «от частного к общему», что означает безусловный приоритет критической работы с источником во всяком историческом исследовании: «... источниковедение есть основа знания, надо помнить, что каждая точно установленная мелочь приближает нас к истине, а самый блестящий вывод, в основание которого вкрались непроверенные, ошибочные частности, затемняет истину, и тем сильнее, чем талантливее творец этого вывода»⁷. Путь от частного к общему предполагал проведение большой описательной работы, включающей в себя тщательный подбор всего материала, свод мельчайших фактов, анализ на основании строгих критических приёмов, осторожность в выводах и, наконец, синтез, возможный только на основании свода.

Вторая базовая установка может быть определена как принцип целостности и системности, который раскрывается рядом аспектов.

В рамках этого принципа историческое источниковедение понималось в единстве, с одной стороны, содержания и вещественности письменного источника, и, с другой стороны, в единстве письменного и вещественного источника, глубокого проникновения в связи между ними. Таким образом, всякий письменный источник в интерпретации Н. П. Лихачёва был документом. Наука о документе «дипломатика» включала в себя историю и критику текста актов, анализ палеографического материала, историю и характеристики письма во всём его объёме (переплёты, бумага, водяные знаки, почерк, орнамент, миниатюры, печати, в том числе вислые, их эмблематика и способ скрепления). Дипломатика включала в себя целый комплекс иных вспомогательных дисциплин, источники разной типовой принадлежности при таком подходе являлись средствами взаимной проверки⁸.

Кроме того, за определением целостности и системности кроется глубокая убеждённость Н. П. Лихачёва в принципиальном единстве устройства и организации, исторической эволюции продуктов человеческой культуры и истории.

Дипломатике разных времен и народов присущи единые закономерности. Так, например, русская дипломатика — лишь небольшая часть, носящая в себе признаки дипломатики как общемирового явления, совокупный результат

разнообразных влияний, как и сфрагистика — это непрерывная цепь сигиллографий различных культур и времён, также преемственно влиявших друг на друга, и прототипы для русских печатей далеко отстоят от русской сфрагистики. Метод исторического источниковедения предполагал, таким образом, в качестве инструмента, изучение аналогий, формирование и сопоставление массивов разновременных и разнокультурных источников.

В последней части метод Н.П. Лихачёва мог быть реализован только при наличии собственного, репрезентативного в контексте метода, фонда вещественных и письменных источников.

Громадная, поражающая воображение личная коллекция учёного, сопоставимая по своему составу и задачам со знаменитым Лейпцигским музеем, была не столько его личной страстью, сколько беспримерным научным подвигом и одновременно результатом специфического научного здравомыслия. Он собирал Музей палеографии, дом документа как, с одной стороны, глубоко специальное, чисто академическое учреждение, дающее материал для демонстрации всемирной истории книги, документа и письма, выявления взаимных влияний, взаимоотношений и преемственности форм в различных отделах дипломатики и сфрагистики. Благодаря своему хронологическому и географическому охвату коллекция давала уникальную возможность для сравнительных исследований. С другой стороны, музей был задуман как обширное просветительское и общеобразовательное учреждение⁹.

Говоря о концепции исторического источниковедения Н.П. Лихачёва, нельзя уйти от признания того факта, что обязательным элементом, который обеспечивал саму возможность реализации концепции в первоначальной полноте, был, конечно, её автор — Николай Петрович Лихачёв. К несчастью, далёкие от завершения, его труды были прерваны чередой непреодолимых обстоятельств. Его коллекции были раздроблены, частями и не без потерь осели в разных научных собраниях и учреждениях. Однако, даже в разрозненном виде и части собрания Н.П. Лихачёва, и его научные работы, востребованы современными специалистами, и в истории исторической науки он не только историографический факт.

¹ Подробнее о жизни и творчестве Н.П. Лихачёва см.: *Климанов Л. Г.* Н. П. Лихачев: «Быть, чем только могу, полезным первенствующему ученому сословию» – Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 91-107; *Простоловцова Л.Н.* Н.П. Лихачёв: Судьба и книги. Библиографический указатель СПб., 2002; *Лукоянов И.В., Чиркова А.В.* Мастера российской историографии: Николай Петрович Лихачёв (1862-1936) // Исторический архив. 2012. № 5. С. 112-127; *Агейчева Т.В.* Николай Петрович Лихачёв – чрезвычайно яркий учёный. – Традиции исторической мысли: Материалы научного семинара памяти профессора В.И. Злобина. М., 2013. Вып. 3-4. С. 58-78.

² Цит. по: *Шмидт С.О.* К 60-летию со дня кончины академика Н.П. Лихачёва (Об изданиях последних лет) // *Вспомогательные исторические дисциплины.* СПб., 1998. Т. XXVI. С. 13.

³ Он был крупнейший русский археограф, библиограф и библиофил. Значителен вклад Н.П. Лихачёва в становление генеалогии, нумизматики, кодикологии, антропоники, эпиграфики, филиграноведения как научных дисциплин. Он был родоначальником русской дипломатики и сфрагистики.

⁴ Н.П. Лихачёв, по выражению одного из своих последователей в науке, книговеда, палеографа, историка-медиевиста В.С. Люблинского (1903-1968), был «коллекционером сказочного размаха». Им была составлена уникальная коллекция рукописей, икон, монет, мебели, живописи, книг, автографов. Одним из объектов наиболее целеустремленного собирания учёного стали вислые печати, русские и византийские. В коллекции были объединены самые разнообразные материалы. Египетские стелы и папирусы, клинописные таблички Двуречья и хеттов, китайские гадальные кости, памятники коптского, греческого, латинского и арабского письма, надгробья, пергамены и бумага, дипломы и хартии, многочисленные акты Западной Европы, папские бреве, банди (более 2000 распоряжений пап XV – XIX вв.) и эдикты итальянских государств, маза-ринады (2500 номеров) и летучие издания Французской революции, инкунабулы, палеотипы и русские провинциальные издания XVIII-XIX вв. 1497 икон из коллекции Лихачёва составили около половины знаменитого собрания икон Русского музея.

⁵ Он был в числе основателей Русского генеалогического общества (1897 г.), активно участвовал в работе этой организации. Помимо Русского генеалогического общества Н.П. Лихачёв был членом Русского археологического общества (РАО), Московского археологического общества (МАО), Общества любителей древней письменности (ОЛДП), Русского библиографического общества (РБО), почётным членом Итальянского библиографического общества, иностранным членом Афинского общества византиноведов. Он состоял также членом Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III, Историко-родословного общества, Русского исторического общества; являлся председателем Комиссии о дворянских архивах Совета Объединённого дворянства, состоял в первых отечественных библиофильских организациях: Кружке любителей русских изящных изданий, в Русском обществе друзей книги (почетный член).

⁶ Н.П. Лихачёв окончил историко-филологический факультет Казанского университета в 1884 г., в 1889 г. защитил магистерскую диссертацию «Разрядные дьяки XVI столетия», в 1892 г. состоялась защита его докторской диссертации «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве».

⁷ Цит. по: *Л. Г. Климанов.* Н. П. Лихачев: «Быть, чем только могу, полезным первенствующему ученому сословию» – С. 95.

⁸ Например, разработанный Н.П. Лихачёвым метод проверки подлинности и датировки рукописей и старопечатных книг посредством исследования филиграней позволил добиваться высокой точности результатов с разницей в определении времени появления памятника по прежним данным и на основании показания филиграней до ста лет. Метод был представлен в двух фундаментальных работах: «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве» (СПб., 1891 г.) и «Палеографическое значение бумажных водяных знаков». Ч. I—III (СПб., 1899 г.).

⁹ О составе и судьбе коллекций Н.П. Лихачёва см.: *Климанов Л.Г.* Учёный и коллекционер, «известный всей России, ещё более в Европе» // *Репрессированная наука.* Л., 1991. С. 424-453; он же Николай Петрович Лихачёв – коллекционер «сказочного размаха» // Из коллекции Н.П. Лихачёва. Каталог выставки. СПб., 1993; *Бычкова М.Е.* Николай Петрович Лихачёв (12 (24) апреля 1862 – 14 апреля 1936) // *Труды Института российской истории М., 2006, Вып. 6.* С. 18-33; *Москаленко А.В.* Музей палеографии АН СССР: от собрания древностей Н.П. Лихачёва к институту вспомогательных исторических дисциплин // *Фотография. Изображение. Документ.* 2011. № 2 (2). – С. 17 – 22.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агейчева Т.В.* Николай Петрович Лихачёв – чрезвычайно яркий учёный. - Традиции исторической мысли: Материалы научного семинара памяти профессора В.И. Злобина. М., 2013. Вып. 3-4. С. 58-78.
2. *Бычкова М.Е.* Николай Петрович Лихачёв (12 (24) апреля 1862 – 14 апреля 1936) // Труды Института российской истории М., 2006, Вып. 6. С. 18-33.
3. *Климанов Л.Г.* Учёный и коллекционер, «известный всей России, ещё более в Европе» // Репрессированная наука. Л., 1991. С. 424-453.
4. *Климанов Л.Г.* Николай Петрович Лихачёв – коллекционер «сказочного размаха» // Из коллекции Н.П. Лихачёва. Каталог выставки. СПб., 1993. С. 7-28.
5. *Климанов Л. Г.* Н. П. Лихачев: «Быть, чем только могу, полезным первенствующему ученому сословию» - Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 91-107.
6. *Лукоянов И.В., Чиркова А.В.* Мастера российской историографии: Николай Петрович Лихачёв (1862-1936) // Исторический архив. 2012. № 5. С. 112-127.
7. *Москаленко А.В.* Музей палеографии АН СССР: от собрания древностей Н.П. Лихачёва к институту вспомогательных исторических дисциплин // Фотография. Изображение. Документ. 2011. № 2 (2). С. 17 – 22.
8. *Простоволосова Л.Н.* Н.П. Лихачёв: Судьба и книги. Библиографический указатель СПб., 2002. 56 с.
9. *Шмидт С.О.* К 60-летию со дня кончины академика Н.П. Лихачёва (Об изданиях последних лет) // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1998. Т. XXVI. С. 11-18.

Шокарев С. Ю.

РГГУ, Сергиево-Посадский историко-художественный музей-заповедник

СИНОДИКИ В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ С.Б. ВЕСЕЛОВСКОГО

Аннотация: С.Б. Веселовский внес значительный вклад в изучение синодиков, выявив их информативную ценность, а также сложности работы с этими источниками. Ученый показал их значение для изучения генеалогии и социально-политической истории. Синодик Успенского собора отражает состав первоначального боярства московских князей, синодик опальных Ивана Грозного свидетельствует о социальной направленности опричного террора. С.Б. Веселовский впервые обратил внимание на многие аспекты в изучении этих источников и положил начало новым направлениям исследований.

Ключевые слова: С.Б. Веселовский, источниковедение, синодики, генеалогия, боярство.

Shokarev S.

RSUH, The Sergiev Posad State History and Art Museum-Preserve

SYNODICS IN THE SCIENTIFIC WORK OF S.B. VESELOVSKY

Abstract: S.B. Veselovsky made a significant contribution to the study of synodics identifying their informative value as well as the complexity of working with these sources. The scientist showed their significance not only for genealogy, but also for significant issues of socio-political history. The synodics of the Uspensky Cathedral preserved the structure of the original boyars of the Moscow princes, the synodics of those who had fallen into disfavor with Ivan the Terrible evidenced of social orientation of the oprichnina terror. S.B. Veselovsky first drew attention to many aspects in the study of this type of sources and gave rise to new research directions.

Keywords: S.B. Veselovsky, source studies, synodics, genealogy, boyars.

В синодикологии имя С.Б. Веселовского связывается, прежде всего, с изучением синодика опальных Ивана Грозного. Менее известны наблюдения ученого, посвященные родовым синодикам-помянникам, а также исследование синодика недели православия Успенского собора¹.

В XIX — начале XX вв. изучение синодиков развивалось в разных направлениях поскольку сами синодики представляют собой разные типы памятников письменности — Вселенский синодик, Синодик-помянник и Синодик с предисловиями². Вселенский синодик и Синодик с предисловиями исследовались как памятники литургики и религиозной мысли Византии и Древней Руси (К. Т. Никольский, Ф. И. Успенский, Е. В. Петухов и др.). Синодики-помянники изучались как источники по генеалогии (Л. М. Савелов, Н. П. Лихачев, Н. В. Мятлев, Н. Н. Голицын и др.). Несмотря на определенные успехи в расшифровке поминальных записей, генеалоги признавали, что синодики «дают материал малопригодный сам по себе» (Н. П. Лихачев)³.

С. Б. Веселовский обратился к синодикам в конце 1920-х гг. в связи с исследованием истории и генеалогии боярских и служилых родов XIV-XVI вв. Характеризуя источники исследования, историк отмечал, что синодики составлялись «по мере дачи вкладов, по родам». Когда синодик переписывали «совершалась работа упорядочения и приведения в порядок и систему накопившегося материала». Лица, записанные в разное время, группировались по родам. «Это нарушало хронологию и приводило к частым ошибкам, к ошибочному соединению в роды или разъединению». К этому добавлялись ошибки переписчиков. Усложняет работу с синодиками и отсутствие системы: «в одних случаях лиц записывали в порядке восходящем, в других в нисходящем, мешали боковые линии родственников жен и т. п.»

«Поэтому, данные синодиков, взятые сами по себе, в большинстве случаев совершенно непригодны. — писал ученый, повторяя вывод Н. П. Лихачева. — Но в соединении с родословными материалами, в случае, когда известно родословное древо, они являются очень ценным пополнением и коррективом для родословного материала как источник весьма достоверный, т. к. никому не было смысла фальсифицировать его, например, записывать в поминание не существующих лиц и т. п.» И далее: «В общем синодики являются очень трудным с точки зрения исследования, но ценным источником, требующим особой осторожности и острой критики»⁴.

В собрании С. Б. Веселовского среди других материалов из монастырских архивов есть копии и выписки из синодиков Троице-Сергиева, Иосифо-Волоколамского, московских Богоявленского и Чудова, Переяславского Борисоглебского, Свяжского Троицкого, Богоявленского Костромского и Переяславского Горицкого монастырей⁵.

С. Б. Веселовский особо выделял синодик недели православия Успенского собора, содержащий сведения по генеалогии князей, бояр и служилых людей XIII-XVII вв.⁶ Ему посвящен отдельный очерк, оставшийся не опубликованным⁷. Некоторые выводы очерка включены в общую характеристику источников. «Си-

нодик Успенского собора входил в состав чина службы в неделю православия. Целью его было поминание и прославление святых отцов и иерархов церкви, князей — поборников православия, выдающихся лиц, подвизавшихся или пострадавших в борьбе за веру, церковь и отечество, и вообще всех православных, так или иначе пострадавших на этом поприще <...> Существенным отличием этого синодика от обычных было то, что записи производились в нем не по желанию и вкладам частных лиц, а по распоряжению великих князей, церковной власти (митрополитов). Это придает синодику Успенского собора значение государственного синодика, в котором нашли отражение все важнейшие государственные и церковные события с середины XIV в. за два с лишним столетия»⁸.

Для анализа синодика С. Б. Веселовский привлек два списка из собрания Исторического музея: Харатейный (Пергаменный), опубликованный Н. И. Новиковым в «Древней российской вивлиофике», и список из собрания П. И. Щукина⁹.

С. Б. Веселовский отмечает, что в синодике присутствуют родовые поминовения и поминания лиц, погибших в сражениях или походах, которые перемежаются друг друга. Записи погибших последовательно велись до 1570-х гг., отражение позднейших военных событий в обоих списках носит «случайный характер». По мнению С. Б. Веселовского, эти поминания «представляют, по-видимому, такой элемент синодика, который меньше всего пострадал от перестановок и изменений, внесенных при позднейших переписываниях и дополнениях синодика». Сопоставление записей синодика с летописными сообщениями привело ученого к тому, что большинство этих сведений достоверны. Однако и в них есть следы «перегруппировки по родам» и ошибки¹⁰.

Сложнее вопрос о родовых поминовениях. Они более всего подверглись объединению и перестановкам, некоторые имена выпали или были записаны ошибочно. Несмотря на это, есть возможность, привлекая другие источники, понять принципы, по которым те или иные роды и лица были записаны в синодик. Вывод С. Б. Веселовского был следующим: «Получается впечатление, что все или большинство крупнейших деятелей XIV века записаны в синодик. С княжения в. к. Вас. Дм-ча начинаются записи по какому-то выбору, и со времени Ивана III определяется ясно, что вовсе не все бояре попадают в синодик. С конца XV в. начинается запись женских имен, боярынь, заслуживших этой чести, по-видимому, благодаря своей особой близости к великокняжескому дому. К этому времени или к началу XVI в. относится такая запись, по-видимому, вовсе не государственного характера как запись 41 (стр. 62), в которой записан совершенно безвестный Ив. Ф. Симонов с женой Акулиной и какая-то Федосья Тарасьева, б. м. лица, оказавшие особые услуги великокняжескому дому»¹¹.

Таким образом, С. Б. Веселовский рассматривал синодик Успенского собора как своеобразный статусный справочник по боярству и служилым людям

XIV в. и отчасти XV-XVI вв. По мнению ученого, полнота сведений о представителях рода в разных поколениях определялась его значимостью. На первом месте — Вельяминовы, затем потомство Федора Кошки, род Ратши, Морозовы, род Дмитрия Зерно и другие¹². Легко убедиться, что эта последовательность близка к иерархии, выстроенной С. Б. Веселовским в очерках по истории московского боярства XIV в.¹³ Синодик Успенского собора наряду с духовными московских князей и летописями стал одним из источников реконструкции состава московского боярства в XIV в.

С. Б. Веселовский полагал необходимым «исследовать княжеские имена, так же, как это было сделано выше относительно боярских имен»¹⁴. Некоторые предварительные наблюдения по этому вопросу в начале XX в. сделал князь Н. Н. Голицын¹⁵. В недавнее время к этой теме обратился С. Н. Абуков. По мнению исследователя синодик Успенского собора «достаточно сложный, но весьма ценный источник по генеалогии князей Рюриковичей». С. Н. Абуковым сделаны конкретные наблюдения, уточнена и дополнена генеалогия Рюриковичей XIII-XV вв. Автор признает, что его работа представляет собой «общий взгляд на материал, который нуждается в более глубоком изучении»¹⁶. Представляется необходимой современная публикация этого источника в соответствии с правилами археографии, а также публикация работы С. Б. Веселовского, посвященной синодику Успенского собора, о чем в свое время писал В. И. Корецкий¹⁷. В настоящее время исследование С. Б. Веселовского о синодике Успенского собора готовится к печати автором.

С. Б. Веселовский положил начало научному изучению синодика опальных Ивана Грозного, впервые опубликованного Н. Г. Устряловым в 1842 г. В характеристике источников к историко-генеалогическим очеркам о боярстве ученый писал: «Синодик опальных представляет собой ценный памятник, заслуживающий монографического исследования. Необходимо привести в известность и подвергнуть сличению возможно большее число списков, восстановить по возможности правильный текст и выяснить в примечаниях возможно большее число лиц, обстоятельств, при которых они погибли»¹⁸. Эта работа была выполнена С. Б. Веселовским позднее, когда он начал заниматься эпохой Ивана Грозного. Обширный труд «Синодик опальных Ивана Грозного как исторический источник» был опубликован в 1940 г.¹⁹

Для исследования синодика С. Б. Веселовский привлек восемь списков из разных монастырей. Анализ содержания этого памятника предшествует очень ценный, новаторский очерк, посвященный поминальным традициям Русского Средневековья, представлениям царя Ивана Грозного о Страшном Суде и загробной судьбе опальных и роли этих представлений в политике опал и казней²⁰. В начале очерка ученый описывает представления о смерти

и посмертной участи души, погребальную и поминальную практику эпохи Ивана Грозного. Он отмечает огромную значимость поминовения и развитую поминальную систему, созданную в монастырях. Воззрения Ивана IV на этот главный вопрос средневековой жизни реконструированы ученым на основании царских посланий и переписки с А. М. Курбским. С. Б. Веселовский пишет, что Иван Грозный, убежденный в божественном происхождении собственной неограниченной власти, присвоил себе право казнить опальных в этом мире и в загробном, лишая их души спасения. Эту цель преследовали убийства без покаяния, уничтожение или нарушение целостности тела («его разрубали на куски, спускали под лед или бросали на съедение собакам, хищным птицам и зверям, запрещая родным и посторонним лицам погребать»). «Чтобы лишить человека последней надежды на спасение души, его лишали поминовения». Для этого царь грабил имущество опальных, подвергая конфискациям весь род, лишая родственников возможности давать вклады на помин души казненных.

Поражение в Ливонской войне и страшная смерть царевича Ивана Ивановича привели к душевному потрясению и покаянию царя. Он распорядился организовать поминовение опальных, которых ранее приговорил собственным судом к загробным мукам. «Учреждение поминания опальных было с его стороны признанием за ними права на защитников в лице патронов-святых, на равноправное с ним, самим царем, появление перед “вечным судьей”, на помилование и вечную жизнь».

С. Б. Веселовский установил источники синодиков опальных: судебные и следственные дела, наказы палачам и списки казненных, которые они составляли, возможно, погодные записи (материалы для летописи). Составлением списков опальных занимались приказные люди. Соответственно, эти списки были не во всем пригодны для церковного поминания — включали нехристианские имена, а также иноземцев. В монастырях списки подверглись переработке, при которой пропали часть фамилий и обстоятельства совершения казней (кое-где они сохранились). Таким образом, списки опальных дошли в составе синодиков в переработанном и искаженном виде. Однако привлечение других источников дает возможность их реконструкции.

Список составляет основную часть работы²¹. В историографии это был первый опыт подробного справочника жертв Ивана Грозного. С. Б. Веселовский приводит служебные биографии казненных, родственные связи, причины и обстоятельства опалы. Согласно подсчетам историка, в наиболее полных списках синодика 3300 опальных, из их около 2060 «показаны числом безыменно». Поименно записано около 1240 человек, из них пофамильно — около 400. Большинство казненных принадлежало к «низшим слоям населения». «Мы видим здесь псарей, боярских холопов, “простых людей”, баб-ведуний

и т. п.». Анализ синодика привел С. Б. Веселовского к важным наблюдениям о социальном составе жертв опричного террора: «Анализируя этот состав, мы приходим к выводу, что на одного боярина или дворянина приходилось три-четыре рядовых служилых землевладельца, а на одного представителя класса привилегированных служилых землевладельцев приходился десяток лиц из низших слоев населения». Этот вывод не только противоречил устоявшейся точке зрения С. Ф. Платонова на опричнину, как орудие борьбы с «княжатами», но был очень смелым и опасным для ученого в эпоху прославления Ивана Грозного в 1930-1940-е гг. Мифическому представлению об Иване Грозном как о борце за «интересы и нужды своего народа» С. Б. Веселовский противопоставил фактический анализ источника, показавший, что «пора оставить старый предрассудок, будто опалы и казни царя Ивана были направлены в лица бояр и княжат», «пересмотреть вопрос о том, против кого была направлена опричнина и вообще опалы царя Ивана и в чем состояла сущность его политики относительно различных классов современного ему общества»²².

За смелость выводов С. Б. Веселовский поплатился забвением. В последние пять лет жизни была напечатана только одна его документальная публикация. Сборник работ об опричнине и историко-генеалогические исследования были опубликованы только в 1963 и 1969 гг. Однако именно представления С. Б. Веселовского легли в основу дальнейшей разработки истории опричнины и синодика опальных²³. Источниковедческое исследование синодиков, реконструкцию списка и установление биографического состава опальных продолжил Р. Г. Скрынников²⁴. Вопрос о религиозных представлениях Ивана Грозного и их роли в опричной политике исследовали А. Л. Юрганов и А. А. Булычев²⁵. А. А. Булычев в монографии «Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного» (2005) развивает мысль С. Б. Веселовского о том, что царь предавал опальных таким видам казни, которые исключали возможность христианского погребения, превращая их в «заложных» мертвецов. Работа А. А. Булычева вызвала определенную полемику, в ходе которой К. Ю. Ерусалимским были высказаны сомнения в концепции автора²⁶. По мнению К. Ю. Ерусалимского, для доказательства того, что Иван Грозный намеревался казнить не только тело, но и душу опального, необходимо «рассмотреть множество данных о самих казнях, а также об опалах, ссылках, тайных убийствах, опричных расправах — и в каждом отдельном случае исключить индивидуальный фактор»²⁷. Действительно, далеко не все опальные были лишены христианского погребения и посмертного поминовения. Есть сведения о захоронении казненных в родовых усыпальницах, известны вклады по опальным, сделанные после их казни (в т. ч. самого царя). В то же время, на некоторых родовых некрополях (Плещеевых в Троице, Яковлевых

в Новоспасском монастыре), исследованных археологически, погребений и могильных плит опальных не найдено²⁸. Полагаю, что конкретные исследования посмертной судьбы опальных необходимо продолжить.

С.Б. Веселовский внес большой вклад в изучение синодиков. Он показал их значение не только для генеалогии, но также для изучения важных проблем социально-политической истории. Глубокий знаток источников, С.Б. Веселовский впервые обратил внимание на многие аспекты в синодикологии и дал начало новым исследовательским направлениям.

¹ Об изучении С.Б. Веселовским синодиков см.: *Бычкова М.Е.* Степан Борисович Веселовский – генеалог // Она же. Русско-литовская знать XV—XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика. М., 2012. С. 51—53.

² *Дергачева И.В.* Древнерусский синодик: Исследования и тексты. М., 2011. С. 9.

³ *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1886. С. 86.

⁴ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 26, 27.

⁵ Архив РАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 153, 158, 161, 162, 165, 170.

⁶ ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 667. Опубликовано Н.И. Новиковым: Древняя российская вивлиофика. Изд-е 2-е. Т. VI. М., 1788. С. 420—481 в соединении с текстом какого-то другого синодика (с. 481—506). Согласно разысканиям М.Е. Бычковой, текста второго синодика среди синодиков Успенского собора в собрании Государственного исторического музея нет (*Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в.: историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 169). Об этой публикации см.: *Моисеева Г.Н.* Пергаменный синодик Государственного Исторического музея в издании Н.И. Новикова // ТОДРЛ. Т. 26. Л., 1971. С. 100—108.

⁷ Архив РАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 87.

⁸ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 27. Наряду с синодиком недели православия в Успенском собрании ГИМ есть и другие синодики Успенского собора (*Истомин Г.И., Сперанский М.Н.* Описание рукописей Успенского кремлевского собора (ГИМ, инв. № 80370 / Вводная заметка, примечания и подготовка к печати В.Д. Кузьминой // Исследование по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 111—113). Две копии с этих синодиков были сняты С.Б. Веселовским. К ним составлены указатели, на полях помещены биографические справки и генеалогические схемы (ОР ГИМ. Успенское собрание. № 64, 65 — копии Архив РАН. Оп. 1. Д. 173, 174).

⁹ ОР ГИМ. Щукинское собрание. № 536. Выписки из него в архиве С.Б. Веселовского: Архив РАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 87 (лл. 2—19) и д. 303.

¹⁰ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 27, 28; Архив РАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 87. Лл. 65, 65об, 67об. Исследованию поминаний «убиенных во брани» посвящены работы М.Е. Бычковой, Ю.Д. Рыкова, С.В. Николаевой и др.

¹¹ Архив РАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 87. Лл. 70, 70об.

¹² Архив РАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 87. Лл. 71—82об и др.

¹³ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев... С. 480—487.

- ¹⁴ Архив РАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 87. Л. 174.
- ¹⁵ *Голицын Н.Н., князь*. О синодике Московского Успенского собора // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 2. СПб., 1903. С. 25—34.
- ¹⁶ *Абуков С.Н.* Рюриковичи XIV в. в синодике Успенского московского собора: попытка идентификации // Клио. 2017. № 6 (126) С. 39—44.
- ¹⁷ *Корецкий В.И.* Успенский собор как памятник идейно-политической жизни Москвы конца XV—начала XVII века // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. VI. М., 1989. С. 68.
- ¹⁸ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 30.
- ¹⁹ *Веселовский С.Б.* Синодик опальных как исторический источник // Проблемы источниковедения. Сб. 3. М.—Л., 1940. С. 245—366.
- ²⁰ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 323—354.
- ²¹ Там же. С. 354—477.
- ²² Там же. С. 478.
- ²³ *Кобрин В.Б., Аверьянов К.А. С.Б. Веселовский. Жизнь. Деятельность. Личность.* М., 1989. С. 33—36.
- ²⁴ *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992.
- ²⁵ *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 356—411; *Булычев А.А.* Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного.
- ²⁶ *Ерусалимский К.Ю.* Между канонизированными и демонизированными: Казни Ивана Грозного в культурно-символической интерпретации (размышления над книгой А. А. Булычева) // Одиссей: Человек в истории. 2009. М., 2010. С. 361—390; *Булычев А. А.* Ответ энергичному критику, или Опыт авторецензии (по поводу «размышлений» К. Ю. Ерусалимского) // Очерки феодальной России. Вып. 15. М., 2012. С. 324—369.
- ²⁷ *Ерусалимский К.Ю.* Указ. соч. С. 385
- ²⁸ *Шокарев С.Ю.* Источники по истории московского некрополя XII—начала XX в. М.—СПб., 2019. С. 326—328.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абуков С.Н.* Рюриковичи XIV в. в синодике Успенского московского собора : попытка идентификации // Клио № 6 (126) 2017. С. 39-44.
2. *Булычев А.А.* Ответ энергичному критику, или Опыт авторецензии (по поводу «размышлений» К.Ю. Ерусалимского) // Очерки феодальной России. Вып. 15. М., 2012. С. 324-369
3. *Булычев А.А.* Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М. : «Знак», 2005. — 304 с.
4. *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. : историко-генеалогическое исследование. М., 1986. — 219 с.
5. *Бычкова М.Е.* Степан Борисович Веселовский — генеалог // Она же. Русско-литовская знать XV-XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика. М. : Квадрига, 2012. С. 41-55.

6. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М. : Наука, 1969. — 586 с.

7. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М. : Издательство Академии наук, 1963. — 542 с.

8. *Веселовский С. Б.* Синодик опальных как исторический источник // Проблемы источниковедения. Сб. 3. М. — Л., 1940. С. 245-366.

9. *Голицын Н. Н., князь.* О синодике Московского Успенского собора // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 2. СПб., 1903. С. 25-34.

10. *Дергачева И. В.* Древнерусский синодик : Исследования и тексты. М. : Кругъ, 2011. — 398 с.

11. Древняя российская вивлиофика. Изд-е 2-е. Т. VI. М., 1788. — 506 с.

12. *Ерусалимский К. Ю.* Между канонизированными и демонизированными : Казни Ивана Грозного в культурно-символической интерпретации (размышления над книгой А. А. Булычева) // Одиссей : Человек в истории. 2009. М., 2010. С. 361-390.

13. *Истомин Г. И., Сперанский М. Н.* Описание рукописей Успенского кремлевского собора (ГИМ, инв. № 80370 / Вводная заметка, примечания и подготовка к печати В. Д. Кузьминой // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 88-119.

14. *Кобрин В. Б., Аверьянов К. А.* С. Б. Веселовский. Жизнь. Деятельность. Личность // Отв. ред. В. Л. Янин. М. : Наука, 1989. — 66 с.

15. *Корецкий В. И.* Успенский собор как памятник идейно-политической жизни Москвы конца XV — начала XVII века // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. VI. М., 1989. С. 64-76.

16. *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1886. — 759 с.

17. *Моисеева Г. Н.* Пергаменный синодик Государственного Исторического музея в издании Н. И. Новикова // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. 26. Л., 1971. С. 100-108.

18. *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб. : Наука, 1992. — 574 с.

19. *Шокарев С. Ю.* Источники по истории московского некрополя XII — начала XX в. М. — СПб. : Нестор — История, 2019. — 488 с.

20. *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М. : Институт «Открытое общество»: МИРОС, 1998. — 447 с.

*Кондорский Б. М.
Независимый исследователь*

ФЕОДАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В МАЛОЙ РУСИ (УКРАИНЕ). ХАРАКТЕР ВОСПРИЯТИЯ СОВРЕМЕННЫМИ УКРАИНСКИМИ ИСТОРИКАМИ СОБЫТИЙ XV-XVII ВЕКОВ

Аннотация: Феодальная революция в Малой Руси в XV-XVII веках сформировала низкий потенциал дальнейшего развития и общественное сознание, имеющее архаическую основу. Освободительную войну следует рассматривать как рецидив этой революции, а не как Национальную революцию буржуазного типа, по мнению украинских историков. То же самое касается попыток представить казаков фермерами. Казацкая старшина так и не смогла создать устойчивую государственность и Украина была разделена, в конечном итоге, между Россией и Польшей.

Ключевые слова: Украина, феодальная революция в Малой Руси, гетманщина, хмельнитчина, руина.

*Condorsky B. M.
Free researcher*

FEUDAL REVOLUTION IN LITTLE RUSSIA (UKRAINE). CHARACTER OF PERCEPTION BY MODERN UKRAINIAN HISTORIANS OF THE EVENTS OF THE XV-XVII CENTURIES

Abstract: The feudal revolution in Little Russia in the XV-XVI centuries formed a low potential for further development and a public consciousness that has an archaic basis. The war of liberation should be seen as a relapse of this revolution, and not as a national revolution of the bourgeois type, according to Ukrainian historians. The same goes for trying to introduce Cossacks as farmers. The Cossack foreman was unable to create a stable statehood and Ukraine was ultimately divided between Russia and Poland.

Keywords: Ukraine, feudal revolution in Little Russia, Hetmanism, Khmelnitsky, Ruin.

Исторический процесс состоит из различного рода временных систем. И для того, чтобы понять, что мы имеем сегодня и что нас ждет завтра, иногда полезно заглянуть в прошлое.

В данной статье, для лучшего понимания специфики рассматриваемой проблемы, будут использованы основные положения революционной концепции исторического развития¹.

Переход от одного этапа исторического развития к другому всегда происходил революционным путем. Революции, как особые состояния общества, сопровождаются качественными изменениями во всех сферах. Революции, в первую очередь, происходят в голове. Один тип социального сознания сменяется другим.

В процессе исторического развития можно выделить следующие основные революции (точнее эпохи революций) и соответствующие им этапы — неолитические, архаические, феодальные, революции Нового времени. Именно революции формируют потенциал последующего развития.

Для каждого этапа исторического развития характерен определенный тип социального пространства. Именно элита отвечает за формирование и поддержание структуры этого пространства.

Основной целью всех революций было устранение носителей «старого сознания». Соответственно, чем больше уровень преемственности с предыдущим периодом, тем более низкий потенциал последующего развития мы имеем.

После гибели постархаических цивилизаций (в первую очередь Римской империи и Хань в Китае), начинается третий виток исторического развития. Когда мы говорим о феодальной революции в Западной Европе, нужно иметь в виду, что собственно германские племена и их объединения исторически к этому отношения не имели. То же самое относится к реликтам романского населения на территории нынешней Франции.

К моменту феодальной революции (а это район IX-X веков) уже не было ни того, ни другого. Регулярные «перетряски» населения в период Меровингов и ранних Каролингов, отягощенные набегами норманнов, привели к появлению общин, лишенных и варварского и латинского сознаний. Однако эти общины уже не могли самостоятельно обеспечивать ни внутреннюю (судебную), ни внешнюю защиту. Появляется потребность в тех, кого мы называем феодалами. Заключив общественный договор, общины передали корпорации феодалов свою власть-собственность².

В дальнейшем, в процессе формирования национального государства, политическая власть отдельных феодалов концентрируется в особе короля. Появляется институт абсолютной монархии. Собственность остается у феодалов, которые в Новое время трансформируются в дворян.

Здесь мы подходим к очень важному вопросу — проблеме феодализма в Киевской Руси. Большинство специалистов считает, что на Руси уже существовал феодализм. Основная дискуссия касается степени его развития. В то же время часть ученых, в первую очередь И. Я. Фроянов и его ученики, рассматривают этот период как дофеодальный.³

В Киевской Руси не было феодализма как системы. Имели место процессы феодализации, когда появляются внешние признаки, характерные для феодальной формации. Точно такую же картину мы наблюдаем в Западной Европе в период Меровингов и ранних Каролингов. В научной литературе подобного рода периоды называют ранним феодализмом. Можно принять этот термин, но при этом надо иметь в виду, что последующие феодальные революции отрицали все, что им предшествовало.

Феодальная революция имела место во второй половине XIII в. уже в рамках формирующегося Московского государства и послужила основой (базисом) его дальнейшего развития. Почти на 300-400 лет позже, чем в Западной Европе⁴.

Как уже говорилось выше, любая революция сопровождается устранением носителей старого сознания. В данный период таковыми были городские общины как наследие Древней Руси. В конце XII — начале XIII в. Русь как историческая система уже не имела никакой перспективы дальнейшего развития на основе существующего базиса (архетипа) и находилась в состоянии деградации.

В Северо-Восточной Руси революция сопровождалась регулярными репрессиями по отношению к городским общинам со стороны Александра Невского и его сына при помощи татар. Еще в 1252 г. Александр позвал Неврюеву рать. По просьбе его сына — Андрея Александровича татары шесть раз совершали набеги⁵. В отличие от Даниила Галицкого, Александр Невский выбрал из двух зол меньшее, заключив военный союз с Батыем.

В свое время Грушевский выдвинул концепцию, согласно которой Галицко-Волынское княжество послужило основой будущей Украины, а Северо-Восточные княжества Руси — уже России. Однако эти княжества следует рассматривать как простое продолжение Древней Руси без какого-либо потенциала развития, как тупиковые ветви исторического развития.

Установление Литвой контроля над территориями Малой и Белой Руси в XIV в. обусловило крайне низкий уровень здесь феодальной революции. Вследствие этого восточнославянские земли долго находились на «общинной» стадии развития. С этим была связана масса архаических пережитков, доживших до очень поздних времен с учетом наследия, полученного этими землями от времен Киевской Руси. По-прежнему сохранялась суверенность городской общины, политическая активность ее граждан, вечевое правление⁶.

Как известно, основу феодальной формации составляет владение землей и зависимыми (тягловыми) людьми, ее обрабатывающими. До половины XVI столетия в центральных областях Литовского государства ценными считались земли, на которых можно было вести лесное хозяйство, ловить зверя и рыбу, разводить пчел. При этом черноземные залежи считались малоценными. Обработка земли здесь практиковалась в малых размерах, для первых потребностей хозяйства⁷. Т.е. здесь мы имеем то, что было характерно еще для Киевской Руси.

Современная украинская элита по всякому поводу и без всякого повода декларирует свою преемственность с Киевской Русью. На самом деле так оно, по существу, и есть. Но как уже говорилось, чем выше уровень преемственности с предыдущим этапом исторического развития, тем ниже потенциал последующего развития, что мы наблюдали и наблюдаем в истории Украины. Украинский язык действительно ближе к древнерусскому, но это говорит о его меньшей развитости и примитивности по сравнению с русским языком.

После того как в 1471 г. Киевское княжество превратилось в воеводство, Литва начала на этой территории вводить феодальный порядок государственного строя, заимствованный в Польше⁸. Под этим влиянием принцип земельного владения на Украине стал складываться совершенно иначе, чем в течение многих веков до этого. Южнорусское население, встретив невиданный порядок вещей и постепенно обезземеливаясь, стало бросать центральные места государства и уходить на его окраины, превратившись в казачество⁹.

Во второй половине XVI в. проводится так называемая волочная реформа, которая превращает крестьян в классических крепостных¹⁰. Во многом это было связано не столько с внутренними, сколько с внешними причинами. В Западной Европе в связи с ростом городов, резко возрастает потребность в хлебе¹¹, что делает крайне выгодным зерновое земледелие.

В это же время начинается трансформация местной элиты, дети которой учились в Польше и за границей в учебных заведениях, которые обычно находились под контролем иезуитов, всячески внушавших отвращение к вере отцов¹². Происходит массовый переход элиты Руси в католичество и принятие образа жизни польской аристократии, особенно после Люблинской унии.

Появляется фольварковый тип хозяйствования и магнатское земледелие¹³. Шляхтич становится наследным владельцем своих имений и господином живущих там крестьян. Основой фольваркового хозяйства был принудительный труд. Крестьяне были обязаны бесплатно работать на полях господина. Панщина, которая в конце XV в. составляла 14 дней в году, в середине XVI в. уже достигала 3-4 дня в неделю и продолжала увеличиваться¹⁴.

Внутренний рынок Речи Посполитой отличался крайней слабостью. Здесь не было рынка товаров как своеобразной системы, имеющей потенциал

прогрессивного развития. И это при том, что в Западной Европе начинают уже формироваться капиталистические отношения. Система фольваркового хозяйства была только придатком формирующейся европейской экономической системы и не входила в ее состав. Деньги, полученные от продажи зерна, в основном тратились на предметы роскоши, к тому же покупаемые за границей. Польская аристократия имела престижный тип сознания, уходящий своими корнями в архаический период.

На смену ополеченной старой элите приходит новая — в виде казацкой старшины. Реестровое казачество, появившееся в середине XVI в., представляло собой типичную корпорацию¹⁵ с соответствующим типом сознания. Особенностью любой корпорации, и в тот период и в современный, является преобладание внутренних интересов над внешними. Следует обратить внимание на тот факт, что старшина была сугубо корпоративной элитой, а не элитой украинского народа, как пытаются представить современные украинские историки.

Ряд современных украинских историков стремится представить этот период как Национальную революцию (1648-1676 гг.) буржуазного типа, да еще сопоставимую по своему значению в европейской истории с Английской революцией¹⁶. Подобного рода подход не выдерживает абсолютно никакой критики. Конечно, термин «революция», несмотря на все социальные издержки этого явления, ласкает слух историка. Он придает тем или иным историческим процессам оттенок благородности.

Все дело в том, что подавляющее большинство украинских историков рассматривают историю своей страны с национально-патриотических позиций. Однако история имеет такие же объективные законы, как и естественные науки. Попытки выдать желаемое за действительное уведут исследователя в иллюзорное пространство. Здесь мы уже имеем не науку, а элементарную «маниловщину».

Еще более анекдотичным выглядят попытки представить казаков фермерами¹⁷. Основой казацкого типа хозяйствования были угоднические промыслы — использование природных угодий, водоемов и степей, добыча пушнины, ловля рыбы ценных пород, пчеловодство¹⁸.

В Древней Руси человек вел хозяйство в рамках природных ландшафтов. Основой появления в Западной Европе феодализма как системы (его экономического базиса) стали первичные агроландшафты, появившиеся в результате внутренней колонизации — «великих расчисток» XI-XII веков¹⁹. Это определило появление крестьянина с другим типом сознания — «сознания агроландшафта» и послужило основой для начала формирования классического фермерства уже в рамках капиталистической формации. В то же время на Руси при сравнительно малочисленном населении, разбросанном по необозримому пространству Восточной Европы, имелось много не поделенных, никем не освоенных земель²⁰.

Хмельнитчину следует рассматривать как рецидив «неполности» феодальной революции. Обычно все революции имеет революционный период (РП), в рамках которого происходит переход от одного этапа исторического развития к другому. В формирующемся Московском государстве РП начался во второй половине XIII в. и закончился при Иване III, присоединением последних реликтов Руси — Новгорода и Пскова²¹. Как уже говорилось выше, одной из основных задач любой революции является устранение носителей старого сознания. Опричнина Ивана Грозного и разорение этих городов носили уже рецидивный характер. Низкий уровень революции размывает границы РП, способствует увеличению его продолжительности.

Казачество не прошло «горнило» феодальной революции. Этническая основа его социального сознания осталась полностью архаической. Как не покажется странным, даже более архаическим по сравнению с крестьянством и мещанством. В первую очередь это относится к Низовому Запорожскому войску²².

Выше говорилось, что казачество представляло собой классическую корпорацию. Во время начавшегося восстания по-прежнему доминировали прокоролевские настроения. Сознание старшины еще не доросло до идеи автономизма. Она в основном выступала за обновление корпоративных прав и привилегий, увеличение численности казацкого реестра. Гетман, как и основная часть старшины, считали Речь Посполитую своей родиной, а короля единственным законным правителем²³. В связи с этим вызывают удивление, что эти же авторы декларируют реальную возможность создания в этот период независимой соборной Украинской державы²⁴.

У старшинской элиты отсутствовал опыт государственного строительства²⁵. Здесь нужно подчеркнуть, что к началу собственно революций появлялась элита, способная к эффективному управлению государством. Достаточно вспомнить Английскую, Американскую, Французскую революции. В период Хмельнитчины сложилась крайне слабая, плохо структурированная система публичной власти, уходящая своими корнями в устройство Запорожской Сечи. В основе этой системы лежала казацкая демократия, на деле сплошь и рядом оборачивающаяся охлократией.

Не смотря на то, что Хмельницкий последовательно проводил курс на укрепление гетманской власти, он так и не смог сформировать устойчивую систему политического режима. Власть Хмельницкого держалась на его авторитете, харизме. Для ее подтверждения нужно было регулярно одерживать победы. В то же время политический режим, созданный Петром I, несмотря на низкий уровень компетентности Екатерины II, Петра II, Анны Иоанновны, выдержал испытание на прочность и показал свою несомненную эффективность.

В своей внешней политике Хмельницкий был вынужден постоянно «блуждать между трех сосен». Иногда с привлечением Дунайских княжеств и Швеции.

Уже после Переяславской рады Хмельницкий неоднократно пытался сделать шаги в направлении принятия шведского протектората²⁶.

Несмотря на блестящие победы к 1653 г. на Украине сложилась катастрофическая ситуация²⁷. Польше удалось организовать антиукраинскую коалицию с участием всех Дунайских княжеств. Польское правительство категорически отказалось от проведения переговоров. Украинское посольство было арестовано²⁸. Поэтому можно считать, что Хмельницкий сделал правильный выбор, приняв протекторат Москвы. Это позволило в недрах Российской империи, а затем Советского Союза сберечь украинскую нацию, получить страну с нынешними границами²⁹.

В конечном итоге все усилия Богдана Хмельницкого оказались напрасными. С объективными законами истории бесполезно «бороться». Гетман оставил страну в самом неопределенном, хаотическом состоянии как в общественном, так и политическом отношении. Он сделал Украину яблоком раздора, театром войны между соседними державами³⁰.

После его смерти наступает период гражданской войны, который в народе прозвали Руиной. Корпоративные интересы в этот период преобладали над государственными. В полной мере проявило себя властолюбие, амбициозность, эгоизм старшины³¹. Старшинская элита показала свою неспособность предложить народу консолидирующие цели, постоянно игнорировала интересы народа и самого казачества ради собственной выгоды.

В период Руины политика украинских гетманов носила протитуированный характер, который не имел аналогов в европейской истории. Гетманы выступали в роли сутенеров, предлагая то одним, то другим великим державам того времени Украину, только бы удержаться у власти. Редкий гетман не изменял царю. Издаваемые в оправдание универсалы поражают неразборчивостью лжи.

¹ Кондорский Б.М. Архаическая революция в древнем Китае // Общество и государство в Китае. Т. XLIII. Ч. 2. М., 2013. — С. 16–28.

² Васильев Л.С. Феномен власти–собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.— С. 60–99.

³ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально–экономической истории. Л., 1974.

⁴ Кондорский Б.М. Рецидивы архаических социальных институтов в рамках политических режимов постсоветских государств // История и современность. 2019. № 3. — С. 126.

⁵ Оловинцов А. Статус Руси в XIII – XVI веках. Татары или монголы? Иго или противостояние. М., 2018. — С. 197.

⁶ Дворниченко А.Ю. К проблеме восточнославянского политогенеза // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.– С. 298–302.

⁷ Гурбик А.О. Еволюція соціально–територіальних спільнот в середньовічній Україні. Київ, 1998. — С. 255.

- ⁸ *Костомаров Н.И.* Материалы и исследования. Богдан Хмельницкий. М., 1994. — С. 8.
- ⁹ *Яворницький Д.І.* Історія запорозьких козаків. Т. 2. Київ, 1990. — С. 13.
- ¹⁰ *Гурбик А.О.* Аграрна реформа в Україні XVI ст. Київ, 1997.
- ¹¹ *Сидоренко О.Ф.* До питання про участь України в європейській торгівлі Речі Посполитої // Україна і Польща в період феодалізму. Київ, 1991. — С. 48–49.
- ¹² *Костомаров Н.И.* Материалы и исследования. — С. 132.
- ¹³ *Терещенко Ю.І.* Україна і європейський світ. Київ, 1996. — С. 385.
- ¹⁴ *Компан О.* Вплив визвольної війни українського народу на розвиток антифеодального руху в Польщі. Київ, 1954. — С. 14.
- ¹⁵ *Чухліб Т.В.* Переяславська угода 1654 р. // Український історичний журнал. 2003. № 3. — С. 50.
- ¹⁶ *Смолій В.А., Степанков В.С.* Українська національна революція XVII ст. (1648 – 1676 рр.). Київ, 1999. *Степанков В.С.* Українська революція 1648 – 1676 рр. в контексті європейського революційного руху XVI – XVII ст.: спроба порівняльного аналізу // Український історичний журнал. 1997. № 1.
- ¹⁷ *Смолій В.А., Степанков В.С.* Українська..., 1999. С. 337. *Смолій В.А., Степанков В.С.* Українська національна революція XVII ст. (1648 – 1676 рр.). Київ, 2009. — С. 69; Український гетьманат: нариси історії національного державотворення XVII – XVIII ст. Кн. 1. Київ, 2018. — С. 26.
- ¹⁸ *Блок М.* Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957. — С. 45–46.
- ¹⁹ *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. — С. 95.
- ²⁰ *Кондорский Б.М.* Рецидивы ... — С. 126.
- ²¹ *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. — С. 16.
- ²² *Смолій В.А., Степанков В.С.* Українська державна ідея XVII – XVIII століття: Проблеми формування, еволюції, реалізації. Київ, 1997. — С. 30–31.
- ²³ *Смолій В.А., Степанков В.С.* Українська національна революція 1648 – 1676 рр.: скрізь призму століть // Український історичний журнал. 1998. № 2. — С. 4.
- ²⁴ *Смолій В.А., Степанков В.С.* Інститут влади в політичній системі України (середина – друга половина XVII ст.). Київ, 2014. — С. 40.
- ²⁵ *Чухліб Т.В.* Гетьмани і монархи. Українська держава в міжнародних відносинах 1648 – 1714 рр. Київ, 2005. — С. 75.
- ²⁶ *Степанков В.С.* Переяславська присяга 1654 р.: зміст і наслідки // Український історичний журнал. 2003. № 6. — С. 32.
- ²⁷ *Он же.* Богдан Хмельницький і проблема державності України // Український історичний журнал. 1991. № 11. — С. 131.
- ²⁸ *Горелов М., Моця О., Рафальський О.* Цивілізаційний крах Переяславського проекту. Київ, 2017.– С. 239.
- ²⁹ *Буцинский П.Н.* О Богдане Хмельницком. Харьков, 1882. — С. 237.
- ³⁰ *Смолій В.А., Степанков В.С.* Українська національна революція ... — С. 217.
- ³¹ *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма... — С. 78–79.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. *Блок М.* Характерные черты аграрной истории. М., 1957. 353 с.
2. *Буцинский П. Н.* О Богдане Хмельницком. Харьков, 1882. 240 с.
3. *Васильев Л. С.* Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 60-99.
4. *Горелов М., Моця О., Рафальський О.* Цивілізаційний крах Переяславського проєкту. Київ, 2017. 256 с.
5. *Гурбик А. О.* Аграрна реформа в Україні XVI ст. Київ, 1997. 63 с.
6. *Гурбик А. О.* Еволюція соціально-територіальних спільнот в середньовічній Україні. Київ, 1998. 319 с.
7. *Дворниченко А. Ю.* К проблеме восточнославянского политогенеза // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 294-318.
8. *Компан О.* Вплив визвольної війни українського народу на розвиток антифеодального руху в Польщі. Київ, 1954. 46 с.
9. *Кондорский Б. М.* Архаическая революция в древнем Китае // Общество и государство в Китае. Т. XLIII, ч. 2. М., 2013. С. 16-28.
10. *Кондорский Б. М.* Рецидивы архаических социальных институтов в рамках политических режимов постсоветских государств // История и современность. 2019. № 3. С. 112-131.
11. *Костомаров Н. И.* Материалы и исследования. Богдан Хмельницкий. М., 1994. 768 с.
12. *Оловинцов А.* Статус Руси в XII-XVI веках. Татары или монголы? Иго или противостояние? М., 2018. 432 с.
13. *Сидоренко О. Ф.* До питання про участь України в європейській торгівлі Речі Посполитої // Україна і Польща в період феодалізму. Київ, 1991. С. 47-59.
14. *Смолій В. А., Степанков В. С.* Українська державна ідея XVII-XVIII століття: Проблеми формування, еволюції, реалізації. Київ, 1997. 367 с.
15. *Смолій В. А., Степанков В. С.* Українська національна революція 1648-1676 рр.: скрізь призму століть // Український історичний журнал. 1998. № 2. С. 3-12
16. *Смолій В. А., Степанков В. С.* Українська національна революція XVII ст. (1648-1676 рр.). Київ, 1999. 352 с.
17. *Смолій В. А., Степанков В. С.* Українська національна революція XVII ст. (1648-1676 рр.). Київ, 2009. 447 с.
18. *Смолій В. А., Степанков В. С.* Інститут влади в політичній системі України (середина — друга половина XVII ст.). Київ, 2014. 244 с.
19. *Степанков В. С.* Богдан Хмельницький і проблема державності України // Український історичний журнал. 1991. № 11. С. 127-139.
20. *Степанкови В. С.* Українська революція 1648-1676 рр. в контексті європейського революційного руху XVI-XVII ст.: спроба порівняльного аналізу // Український історичний журнал. 1997. № 1. С. 3-21.

21. *Степанков В. С.* Переяславська присяга 1654 р.: зміст і наслідки // Український історичний журнал. 2003. № 6. С. 28-39.
22. *Терещенко Ю. І.* Україна і європейський світ. Київ, 1996. 496 с.
23. Український гетьманат: нариси історії національного державотворення XVII-XVIII ст. Кн. 1. Київ, 2018. 580 с.
24. *Ульянов Н. И.* Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. 278 с.
25. *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. 157 с.
26. *Чухліб Т. В.* Переяславська угода 1654 р. // Український історичний журнал. 2003. № 3. С. 43-63.
27. *Чухліб Т. В.* Гетьмани і монархи. Українська держава в міжнародних відносинах 1648-1714 рр. Київ, 2005. 640 с.
28. *Яворницький Д. І.* Історія запорозьких козаків. Т. 2. Київ, 1990. 560 с.

Каташев М. С.

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова

**ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ БАЗА
РЕГИОНАЛЬНЫХ АРХИВОВ КАК ИСТОЧНИК
ИЗУЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В 1960-1980-е гг.
(НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ)**

Аннотация: представлен анализ фондов Государственного архива социально-правовой документации Республики Алтай с точки зрения их значимости как источника изучения экологической истории регионов с невысоким уровнем социально-экономического развития. Выявлен информационный потенциал документальной базы, а также ее ограниченные возможности, которые заключаются в ее распыленности и узости. Сделан вывод о перспективности использования источников региональных архивов для изучения экологической истории.

Ключевые слова: Горный Алтай, промышленное производство, экологические проблемы.

Katashev M. S.

Research Institute altavistics them. S.S. Surazakov

**DOCUMENTARY BASIS OF REGIONAL ARCHIVES
AS A SOURCE OF STUDYING THE ECOLOGICAL HISTORY
OF RUSSIAN REGIONS IN THE 1960-1980 EG.
(BY THE EXAMPLE OF THE STATE ARCHIVE OF SOCIAL
AND LEGAL DOCUMENTATION OF THE REPUBLIC OF ALTAI)**

Abstract: the article presents an analysis of the funds of the State Archive of Social and Legal Documentation of the Altai Republic from the point of view of their importance as a source for studying the environmental history of regions with a low level of socio-economic development. The informative potential of

the document base was revealed, as well as its limited capabilities, which are its dispersion and narrowness. It is concluded that the use of sources of regional archives for studying environmental history is promising.

Keywords: Gorny Altai, industrial production, environmental problems.

В настоящее время развитие исторической науки в сторону ее экологизации становится объективно обусловленным процессом, а историческое знание о возникновении экологических проблем — особенно востребованным. Перед историками встают задачи, которые приобретают не только научную, но и практическую значимость, а именно: выявление причин ухудшения окружающей природной среды, изучение факторов и тенденций этого негативного процесса. Ведь для анализа конкретной экологической проблемы и поиска путей по ее разрешению необходимо иметь полную картину ее генезиса.

В советский период в исторической науке, в силу устоявшихся идеологических концепций, не придавалось должного значения природно-географическим и экологическим аспектам социально-экономического развития страны. В историографии тех лет преобладало положение о том, что, во-первых, советское общество развивалось поступательно, по пути научно-технического прогресса, а преимущества социалистической экономики исключали возникновение экологических проблем масштабного характера. Ухудшение состояния окружающей среды связывалось, прежде всего, с капиталистическим способом производства. Во-вторых, не придавалось должного значения роли природной среды в социально-экономических процессах. Влияние географического фактора на развитие государств и народов считалось порождением «буржуазной» науки, в результате чего изучение экологических проблем оставалось вне поля зрения историков. В связи с этим проблема взаимодействия природы и общества в исторической ретроспективе не получила достаточно полного освещения в отечественной историографии, остались неразработанными методика исследования и понятийный аппарат подобного междисциплинарного направления в исторической науке.

В последние двадцать-двадцать пять лет основное внимание ученых-историков уделялось индустриально развитым регионам с высокой степенью концентрации производства, поскольку экологическая ситуация в промышленных агломерациях носит для населения достаточно зримый и ощутимый характер. Акцент в исследованиях ставился на изучении негативных последствий развития наиболее энергоемких отраслей — металлургической, химической, целлюлознобумажной промышленности, топливно-энергетического комплекса¹.

Между тем экологические аспекты развития отраслей, связанных с первичным производством — сельского хозяйства, лесной, горнорудной промышленности пока не получили достаточно подробного рассмотрения в научно-исторической литературе.

В этой связи при дальнейшей разработке эколого-исторической проблематики особый интерес представляют регионы с невысоким уровнем социально-экономического развития, в которых хозяйственное воздействие не нанесло видимого ущерба окружающей природной среде. В них, в отличие от крупных индустриальных центров, основными факторами, которые способствовали становлению экологических проблем, стали: общее отставание социально-экономического развития; низкий уровень перерабатывающего производства; слабость производственной инфраструктуры; сырьевая ориентированность промышленного комплекса. К такой группе территорий относится и Республика Алтай (до 1991 г. — Горно-Алтайская автономная область в составе Алтайского края). Горный Алтай ввиду отсутствия собственной энергетической базы, железнодорожного транспорта и предприятий тяжелой промышленности в меньшей степени подвергся техногенному воздействию. Экономика автономной области в указанный период основывалась на первичных производствах — сельском хозяйстве, лесозаготовительной и горнорудной отраслях промышленности. В общественном сознании сибиряков Горный Алтай представляется экологически благополучной территорией, не затронутой хозяйственной деятельностью. Вместе с тем, в течение второй половины XX в. природные системы региона испытывали нарастающее хозяйственное давление, здесь наиболее отчетливо прослеживается роль сырьевого характера экономики в становлении экологического неблагополучия.

Необходимо отметить, что выявление документов на тему экологических последствий хозяйственного освоения регионов с невысоким уровнем производственного потенциала затруднен рядом обстоятельств, и в первую очередь — узостью источниковой базы, что было обусловлено отсутствием в стране до 1988 г. единого природоохранного ведомства. Результаты мониторинга экологического состояния окружающей природной среды публиковались в ежегодниках с данными по краям, областям и автономным республикам. Однако здесь мы сталкиваемся с проблемами, связанными с труднодоступностью необходимой информации — статистические сведения по автономным областям, как и по автономным округам, не выделялись отдельной строкой в отчетности по охране природы, а входили в общие показатели краев, в нашем случае — Алтайского края, что затрудняет поиск необходимой информации. В этой связи рассмотрение потенциала региональных архивов в качестве информационной базы в эколого-исторических исследованиях представляет особый интерес.

Большой массив делопроизводственной документации, в которой затрагивались проблемы экологического состояния окружающей природной среды региона, содержится в фонде П-1 областного комитета КПСС². Он включает в себя постановления и решения бюро Горно-Алтайского областного комитета КПСС и материалы к ним, постановления райкомов КПСС, стенограммы пленумов обкома КПСС и межведомственных совещаний, распорядительную и докладную документацию в переписке обкома КПСС со своими структурными подразделениями, ведомствами, организациями, предприятиями.

Решения и постановления региональных органов власти характеризуют позицию руководства области по отношению к проблемам природопользования и охраны природы. Наиболее важные узловые вопросы, которые имели серьезное значение, издавались в совместных постановлениях Горно-Алтайского обкома КПСС и Горно-Алтайского облисполкома. Большинство совместные постановления принимались в соответствии с аналогичными постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов в стране, изданными в течение 1978-1982 гг. В решениях и постановлениях партийных и советских органов власти обычно в преамбуле содержался критический анализ имевшихся проблем в сфере природопользования и охраны природы, в содержательной части перечислялись конкретные меры по их устранению.

Особый интерес вызывает докладная документация промышленного отдела Горно-Алтайского обкома КПСС. В них часто содержался критический анализ состояния предприятий лесозаготовительной и горнорудной отраслей. В докладных записках отдела освещалась проблема истощения природных ресурсов, анализировались причины и факторы становления многих проблем экологического характера в лесной сфере.

Проблемы окружающей природной среды констатировались в стенограммах пленумов партийного актива области. Несмотря на иллюстративность этих сведений, они свидетельствуют о конкретных фактах нарушений природоохранного законодательства, и в целом существенно дополняют картину деструктивного хозяйственного воздействия на разные составные части природной среды: воздух, воды, почвы и др.

Важную роль в изучении экологических последствий хозяйственного освоения Горного Алтая в указанный период играет делопроизводственная документация фонда Р-33 Горно-Алтайского облисполкома³. В фонде отложились постановления и решения, циркуляры, указания, переписка с ведомствами и предприятиями. Следует отметить, что Горно-Алтайский облисполком зачастую проявлял более критическую позицию по ряду проблем, связанных с охраной природы, чем Горно-Алтайский обком КПСС, который, нередко

занимал сдержанную позицию в отношении попыток их решения со стороны ведомств, чьи предприятия нарушали природоохранное законодательство.

С принятием Конституции СССР в 1977 г., Советы значительно расширили свои полномочия в осуществлении природоохранного контроля за деятельностью ведомств и предприятий на своей территории. Используя новые права и возможности, Горно-Алтайский облисполком инициировал многие вопросы, в том числе — и в сфере охраны природы. Особенно последовательно руководители облисполкома отстаивали в споре с Министерством лесного хозяйства РСФСР свою позицию по проблеме необходимости перевода лесозаготовительной отрасли на принципы рационального комплексного лесопользования.

В фонде отложились постановления, переписка по вопросам сокращения объемов вырубке кедров и о мерах по охране и восстановлению кедровых лесов. Большой интерес представляют межведомственные совещания по вопросу улучшения использования кедровых лесов. Горно-Алтайский облисполком проводил их с участием представителей Алтайского крайисполкома, Алтайского управления лесного хозяйства — территориального органа Минлесхоза РСФСР, научных институтов биологического и лесоводческого профиля. На таких совещаниях обсуждались вопросы сокращения объемов заготовок древесины в кедровых лесах, озвучивалась позиция хозяйственников о необходимости выполнения плановых заданий, что получило отражение в стенограммах и решениях совещаний.

В конце 1980-х гг. документы фонда облисполкома нередко отражали общественные протесты жителей сел ряда районов против ведения лесозаготовок в колхозных лесах. В документах же партийных органов не удалось обнаружить информацию о негативном отношении сельского населения к деятельности лесозаготовителей.

Руководство Горно-Алтайского облисполкома требовало от местных советов усиления контроля над соблюдением правил и норм лесопользования. Вместе с тем, предписания облисполкома носили рекомендательный характер, в силу чего контроль за деятельностью госпредприятий со стороны советов районного уровня отличался формальным подходом. В фондах райисполкомов очень мало информации о деятельности по охране природы. Они проявляли требовательность по отношению к хозяйственникам лишь в том случае, когда лесозаготовительная деятельность приводила сельхозугодья в нарушенное состояние. Протесты исполнительных органов районных Советов в данном случае мотивировались не природоохранными, а скорее, хозяйственными соображениями.

Очень мало информации о состоянии экологических проблем в области содержится и в документации постоянных комиссий Горно-Алтайского областного Совета. Но данное обстоятельство можно объяснить поздним созданием

посткомиссии по охране природы — она была организована лишь в 1990 г. Необходимо отметить, что в других регионах Сибири аналогичные посткомиссии довольно успешно проявили себя в деятельности по охране природы, что получило отражение в их документации. Так, например, в соседней Хакасской автономной области, которая обладала таким же административно-правовым статусом, что и Горно-Алтайская автономная область, материалы посткомиссии по охране окружающей среде (постановления, докладные записки, справки, статистическая информация) содержат очень насыщенный материал по целому ряду экологических проблем региона: вырубке леса, загрязнению рек промышленными стоками, браконьерству.

О масштабах и динамике хозяйственного воздействия сельскохозяйственного производства, лесозаготовительной, горнорудной и других добывающих отраслей на окружающую природную среду Горного Алтая могут свидетельствовать материалы фондов: Р-61 — управления статистики⁴ и Р-59 — областного отдела планирования⁵. В ежегодных статистических отчетах о состоянии народного хозяйства Горно-Алтайской автономной области приводятся объемы заготовки леса, площади выработки горных пород, осушенных земель, площади земель, подвергшихся мелиорации.

В фонде отдела планирования Горно-Алтайского облисполкома, кроме того, содержатся докладные записки о состоянии сельского хозяйства и отраслей промышленности во второй половине 1980-х гг. Особенно важная информация заключается в различных программах социально-экономического развития области, в которых представлен критический анализ состояния ее народного хозяйства.

Большое значение для характеристики экологических последствий хозяйственного освоения имеют документы фондов ведомств и предприятий. В Горном Алтае ведущее место в промышленном освоении природных ресурсов региона занимала лесозаготовительная промышленность. Однако в хранящихся в ГАСПД РА фондах предприятий Алтайского управления лесного хозяйства Минлесхоза РСФСР⁶ отсутствуют некоторые ежегодные отчеты, что создает информационные пробелы по некоторым годам в динамических рядах. Поскольку лесозаготовительные предприятия на территории Горного Алтая находились в подчинении территориальному управлению Минлесхоза РСФСР, которое располагалось в г. Барнауле, необходимые документы указанного ведомства о лесозаготовительной и лесовосстановительной деятельности находятся в другом регионе, в Государственном архиве Алтайского края.

О проблеме вырубки колхозных лесов свидетельствуют материалы фонда Р-640 областного объединения «Облмежхозлес»⁷ и отчетная документация некоторых лесхозов объединения⁸. Материалы ведомства и его предприятий

содержат статистические сведения об объемах вырубki леса и ее площади. Однако в указанных фондах также зачастую отсутствуют отчеты предприятий по некоторым годам, что затрудняет представить ежегодную динамику воздействия лесопромышленного производства на колхозные и совхозные леса в регионе. В данном случае материалы фонда имеют информативную ценность в качестве иллюстрации деструктивного воздействия производства на лесной ландшафт.

Важную роль при рассмотрении экологических проблем лесопромышленного производства сыграли материалы фонда Р-647 отдела по контролю за ведением лесного хозяйства, охраны и защиты леса, созданного в структуре Горно-Алтайского облисполкома в 1975 г.⁹ Материалы отдела являются наиболее информативным источником при изучении экологических последствий лесозаготовительной деятельности. Протоколы лесонарушений, отчеты о результатах контрольных проверок по соблюдению предприятиями лесоохранного законодательства, акты о состоянии лесного фонда не только показывают картину деструктивного воздействия лесозаготовительного производства на природные экосистемы, но и представляют материал для количественно-качественного анализа этого процесса. Насыщенный фактический материал отдела охраны леса иллюстрирует многие производственные и экологические проблемы лесозаготовительной отрасли.

В Горном Алтае, где сельское хозяйство занимало ведущее место в народнохозяйственном комплексе, экологические проблемы отрасли носили достаточно осязаемый характер. Документация фонда Р-42 облсельхозуправления¹⁰ содержит сведения об экологическом состоянии земельных ресурсов в 1980-е гг.: качестве почв, площади вывода земель из сельскохозяйственного оборота. Однако в комплексе отчетной документации могут отсутствовать материалы по отдельным годам и районам, что затрудняет реконструкцию полной картины экологического состояния почвенных ресурсов в динамике.

Контроль за экологическим и санитарным состоянием окружающей среды в Горно-Алтайской автономной области осуществляла областная санитарно-эпидемиологическая служба. Документация фонда Р-218 указанной организации¹¹ представлена сводными отчетами областной, городской и районных санэпидемслужб. Она содержит статистическую информацию о благоустройстве населенных пунктов, состоянии коммунального хозяйства, о строительстве канализации и систем очистки сточных вод на предприятиях. В отчетной документации учреждения представлены показатели загрязнения городской среды основными предприятиями-загрязнителями: объемы выброса вредных веществ в воздух и объемы промышленных стоков в реки. Большой интерес представляют содержащиеся в годовых отчетах лабораторные данные о хи-

мическом составе вод рек. Вместе с тем, сохранились не все годовые отчеты областной санэпидемслужбы, а такие важные сведения, как уровень загрязнения основных компонентов городской среды — рек и атмосферного воздуха — носят разрозненный характер, по отдельным годам. Тем не менее, документация указанных фондов может дать общее представление об уровне загрязнения городской среды.

Итак, наиболее информативные источники региональных архивов по изучению экологической истории в период 1960-1980-х гг., содержатся в фондах областного комитета партии, исполнительном комитете областного совета, в фондах организаций, осуществлявших деятельность по контролю за состоянием природной среды и ее охране. Основные виды архивных источников по данной теме представлены делопроизводственной и статистической информацией. Они характеризуют масштабы, направленность, особенности, интенсивность хозяйственного воздействия на окружающую природную среду, и экологические последствия этого процесса. Источники указанных фондов содержат однородную информацию, они взаимопроверяемы, и в целом дополняют друг друга.

Необходимо отметить, что сбор архивных документов по проблемам экологических последствий хозяйственного освоения регионов представляет собой трудоемкий процесс по причине отсутствия ведения единой природоохранной статистики в те годы, в силу узости источниковой базы, ее распыленности и разбросанности. По этим причинам многие необходимые сведения носят эпизодичный и иллюстративный характер. Тем не менее региональные архивы представляют существенный интерес и открывают перспективы в изучении разных аспектов экологической истории сибирских регионов в период 1960-1980-х гг.

¹ Букин С.С., Долголюк А.А. Экологические проблемы в восприятии жителей сибирских регионов // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск: НИЦ НГУ. Вып. 4, 2001. С. 142-146; Гололобов Е.И. Антропогенное воздействие человека на природу и ее охрана на Севере Западной Сибири в 1960-1980-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С.12-20; Калимуллин А.М. Экологическая история промышленного города во второй половине XX века. Казань, 2011; *он же*. Историко-экологический опыт индустриального развития во второй половине XX века: по материалам Среднего Поволжья: автореф. дис. д.ист.н. Казань, 2006; Куксанова Н.В. Экологическая ситуация в Сибири в 1960-1980-е гг. (Исторический аспект) // Человек – Среда – Вселенная: Тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 16-20 июня, 1997. Т.2. Иркутск, 1997. С.116-118; Мостовенко М.С., Стафеев О.Н. Природные ресурсы в индустриальном контексте: проект Нижне-Обской ГЭС и лесная промышленность Севера Западной Сибири, экспертные соображения и экологические риски // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. №6 (57). С. 155-165; Савчук Н.В. Ангаро-Енисейский регион: социально-экологические проблемы хозяйственного освоения (1950-1990 гг.). Ангарск: Изд-во АГТА, 2006. 293 с.

² Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай (ГАСПД РА). Ф. П-1 (Горно-Алтайский обком КПСС).

- ³ Там же. Ф. Р-33 (Горно-Алтайский облисполком).
- ⁴ Там же. Ф. Р-61 (Статистическое управление Горно-Алтайского облисполкома)
- ⁵ Там же. Ф. Р-59 (Отдел планирования Горно-Алтайского облисполкома).
- ⁶ Там же. Ф. Р-141 (Верх-Катунский лесхоз Алтайского управления лесного хозяйства Минлесхоза РСФСР); Ф. Р-470 (Усть-Канский лесхоз Алтайского управления лесного хозяйства Минлесхоза РСФСР); Ф. Р-552 (Турачакский леспромхоз Алтайского управления лесного хозяйства Минлесхоза РСФСР).
- ⁷ Там же. Ф. Р-640 (Производственное межхозяйственное объединение «Горно-Алтайскмежколхозлес»).
- ⁸ Там же. Ф. Р-574 (Турачакский межхозяйственный лесхоз Производственного межхозяйственного объединения «Горно-Алтайскмежколхозлес»); Ф. Р-617 (Онгудаский межхозяйственный лесхоз Производственного межхозяйственного объединения «Горно-Алтайскмежколхозлес»).
- ⁹ Ф. Р-647 (Отдел по контролю за ведением лесного хозяйства, охраны и защиты леса Горно-Алтайского облисполкома).
- ¹⁰ Там же. Ф. Р-42 (Производственное управление сельского хозяйства Горно-Алтайского облисполкома).
- ¹¹ Там же. Ф. Р-218 (Санитарно-эпидемиологическая служба).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Букин С.С., Долголюк А.А.* Экологические проблемы в восприятии жителей сибирских регионов // *Этносоциальные процессы в Сибири*. Новосибирск: НИЦ НГУ. Вып. 4, 2001. С. 142-146.
2. *Гололобов Е.И.* Антропогенное воздействие человека на природу и ее охрана на Севере Западной Сибири в 1960-1980-е гг. // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2019. № 61. С.12-20.
3. *Калимуллин А.М.* Экологическая история промышленного города во второй половине XX века. Казань: Казан. ун-т, 2011. 364 с.
4. *Калимуллин А.М.* Историко-экологический опыт индустриального развития во второй половине XX века: по материалам Среднего Поволжья: автореф. дис. д.ист.н. Казань, 2006. 48 с.
5. *Куксанова Н.В.* Экологическая ситуация в Сибири в 1960-1980-е гг. (Исторический аспект) // *Человек – Среда – Вселенная: Тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 16-20 июня, 1997*. Т.2. Иркутск, 1997. С.116-118.
6. *Мостовенко М.С., Стафеев О.Н.* Природные ресурсы в индустриальном контексте: проект Нижне-Обской ГЭС и лесная промышленность Севера Западной Сибири, экспертные сообщества и экологические риски // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2018. №6 (57). С. 155-165.
7. *Савчук Н.В.* Ангаро-Енисейский регион: социально-экологические проблемы хозяйственного освоения (1950-1990 гг.). Ангарск: Изд-во АГТА, 2006. 293 с.

*Ланской Г. Н.
РГГУ*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация: в статье определяются теоретические и методические проблемы классификации изобразительных источников применительно к практике их использования в исторических исследованиях. В качестве теоретических проблем выявлены коммуникативная ценность различных типов изображений для описания содержания исторических событий и определение уровня их достоверности по сравнению с письменными источниками. Среди методических проблем представлены атрибуция типологических свойств изобразительных источников и описание подходов к объективному анализу их информационного потенциала для изучения событий социальной и гуманитарной истории.

Ключевые слова: визуальные источники, исторические исследования, ретроспективная информация, классификация, типология, достоверность, коммуникативная ценность.

*Lanskoj G. N.
RSUH*

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF CLASSIFICATION of VISUAL SOURCES IN HISTORICAL RESEARCH

Abstract: in paper are determined theoretical and methodical problems of classification of visual sources in application to practice of their using in historical studies. In quality of theoretical problems are studied detection of communicative value of different types of images for description of content of historical events and definition of level of their reliability in comparison with written sources. Among methodical problems are presented attribution of typological features of visual sources and description of approaches to objective analysis of their informational potential for study of events of social and human history.

Keywords: Visual sources, historical studies, retrospective information, classification, typology, reliability, communicative value.

Традиционной проблемой в области выявления и анализа изобразительных источников с целью выявления их способности содержать и представлять объективное описание исторических событий является уже само признание наличия такой возможности. По существу определенное недоверие к их содержанию и информационному потенциалу было заложено еще в начале XIX в., когда в рамках сформированных оснований философии искусства было достаточно четко определена ограниченность нарративных возможностей изображений по сравнению с письменными текстами. В частности, в своем труде «Философия искусства» Ф.В.Й. Шеллинг осуществил классификацию видов искусства, отнеся произведения живописи к сфере реального типа искусства «линий и цветов», а тексты литературных и специально выделявшихся им из числа литературных поэтических произведений к сфере идеального искусства, дающего неограниченные возможности изложения и описания действительности. При этом он, как и другие, относившиеся особенно к романтическому направлению, представители направления немецкой классической философии, исходил из того, что создание произведений искусства имеет иную направленность по сравнению с формированием научных концепций и их последующей презентацией в конкретных текстах. В основе художественного творчества Ф.В.Й. Шеллинг выявлял процесс выражения эмоционального отношения к прошедшим и происходящим в окружающей действительности событиям, результатом реализации которого является воплощение воспринимаемых объектов в виде художественных образов¹.

При описании и непосредственной апробации методологии научных, имевших в том числе историческое содержание, исследований другой представитель немецкой классической философии Г.В.Ф. Гегель в своем произведении «Лекции по философии истории» выявлял специфику теоретических научных исследований в структурировании и применении диалектических концепций. Эти концепции были основаны на совмещении идеалистических установок, связанных с идентификацией воздействующего на любые происходящие процессы абсолютного метафизического духовного начала, и объективных факторов исторического развития, которые, будучи метафизически продуцированными по своей сущности, имеют тем не менее объективное содержание. Именно на основе выявляемого таким образом дуализма происхождения исторического процесса Г.В.Ф. Гегель создал наряду с теоретико-философской концепцией объективного идеализма конкретные по когнитивной направленности концепции — например, сохраняющую свою актуальность в региональных исследованиях теорию «авангарда»².

Признавая создание описаний исторических событий возможным на основании как художественных, так и научно-логических схем, представители немец-

кой классической философии и их многочисленные последователи, в том числе из среды профессиональных историков, видели в различных видах источников ретроспективной информации свойства произведений искусства. На основании этой, имеющей фундаментальный методологический характер точки зрения утверждалось представление о возможности человека представлять, описывать и интерпретировать черты различных событий и деятелей с помощью разных творческих произведений. При этом научные тексты представляли собой основанные на выявленных и подвергнутых критическому анализу источниках информации продукты последовательного изложения и логического объяснения в рамках различных и, как правило, линейно выстроенных схем хода исторических событий, а произведения искусства — результаты эмоционального восприятия и репрезентации различных фактов в виде художественных образов. Поэтому занимавшиеся изучением данной проблематики философы при анализе конкретных историографических фактов занимались универсализацией их направленности и подчеркивали, что их создание в виде как научных, так и художественных произведений всегда относится к области искусства.

Профессиональные историки, перешедшие в период 1970-х — начала 1980-х гг., связанный с определением особенностей историографии как особой специальной области знаний, также стали анализировать особенности конкретных художественных произведений в контексте их способности отражать особенности событий прошлого³. При этом в качестве критерия отбора таких произведений выявлялись наличие в них целенаправленно отражаемой исторической тематики и выявлявшаяся в том числе по идеологическому и социологическому признакам способность их авторов объективно воспринимать и излагать исторические события. Дополнительным критерием выбора соответствующих источников информации была сформированность в среде научного сообщества четкого и однозначного понимания содержания и значения этих событий, предусматривающего и их оценку. Опыт исследовательской работы в данном направлении был, в частности, реализован М. В. Нечкиной⁴, которая при этом, также как, например, Л. В. Черепнин⁵, опиралась в своем исследовании, главным образом, на практику анализа произведений художественной литературы. При этом на многих примерах подчеркивалось, что граница информационного потенциала произведений литературы и искусства завершается созданием образа исторического события и их участников в доступной реалистической форме, в то время как целью создания научного произведения становится полное описание и объяснение исторических фактов как в их самостоятельном качестве, так и в контексте общей канвы событий. Именно по этой причине при определении совокупности объектов познания в сфере изучения социальной и гуманитарной истории в их совокупность для последующих исследований

целесообразно включать только те изобразительные источники, которые создаются для передачи реалистической информации о конкретных объектах прошлого и настоящего. При этом вполне естественным является то, что к совокупности, имеющих определенный ретроспективный контекст их создания, произведений живописи, декоративно-прикладного искусства, фотографии, кинематографа, могут быть отнесены также объекты абстрактного или гротескного искусства. Однако в данном случае методологическим основанием для их последующей идентификации и классификации должна являться убежденность в том, что целью их создания являлось в первом случае символическое и во втором случае заведомо преувеличенное отображение исторических явлений.

Стремление сформировать универсальный подход к организации использования различных произведений визуального и аудиовизуального искусства в качестве элементов информационной базы исторических исследований было характерным прежде всего для творческих работников и в особенности для сценаристов. Объяснением этому может служить то, что в своих произведениях они часто стремились при использовании в том числе и художественных приемов создать максимально приближенные к достоверности образы событий и людей. В качестве наиболее ценного и убедительного источника при этом рассматривались произведения кинематографа, позволяющие представить действительность не только в статическом, но и в динамическом виде. Такие известные кинодраматурги, как В. Б. Шкловский⁶ и Л. М. Рошаль⁷ на примере собственного опыта художественного творчества показывали, как можно обеспечить создание достоверных образов действительности средствами киноискусства при наличии соответствующих намерений. Именно наличие у произведений кинематографа даже в период немой эпохи его развития способности формировать у зрителей зачастую искусственное впечатление о достоверности представляемой им информации и своеобразный эффект присутствия в кинодраматургической реальности делали их с точки зрения представителей советского, германского и других государств авторитарного типа привлекательным инструментом просвещения и пропаганды. Кроме этого данный вид изобразительных и изобразительно-звуковых источников впервые стал рассматриваться в качестве объекта структурно-лингвистического анализа после апробации данного исследовательского метода по отношению к текстам художественной литературы. В частности, наряду со В. Б. Шкловским большой вклад в изучение кинопроизведений без их внутреннего разделения на документальный и художественный жанры внес Ю. М. Лотман⁸, который обратился к исследованию данной проблематики на рубеже 1960-1970-х гг.

Применительно к фотодокументам, являющимся изобразительными источниками в своем буквальном виде, исследователи применяли комплексный

подход, сопоставляя в них черты образности и реалистичности. Сущность данного исследовательского подхода заключалась в признании того факта, что фотографический образ объекта, создаваемый конкретным автором, может в соответствии с его существующим и реконструируемым замыслом представлять различные объекты и в том числе исторические события с различной степенью документальной точности. При этом данный критерий, также как и применительно к произведениям изобразительного искусства, может быть приложен не только к анализу практических ситуаций, но и психологического состояния запечатленных людей. Эффективность его применения в том числе на уровне классификации визуальных и аудиовизуальных источников подтверждается тем, что многие авторы стремились, подчеркивая наличие данной задачи и в дополнительно создаваемых ими письменных источниках, показать в своих произведениях не только действия, но и чувства людей. В частности, данную особенность можно обнаружить в ставшем своеобразным манифестом документальной и художественной ценности кинематографа экспериментальном фильме режиссера Д. Вертова «Человек с киноаппаратом». Особенности раскрытия психологической достоверности даже при отсутствии возможности или намерения в точности представить исторические события в художественных произведениях реализовывались на практике и затем анализировались в исследовательских работах самими кинематографистами, сочетавшими в своих письменных текстах аналитические и автобиографические черты. Применительно к произведениям живописи исследователи изобразительных источников, как правило, определяли их объективный информационный потенциал двигаясь по пути от дедуктивного анализа композиции и выразительных средств картин, к пониманию замысла и сущностной творческой направленности конкретных произведений. Несмотря на то, что в данной области исследований особенно в период 1920-1950-х гг. исследователи ограничивались достаточно прямолинейной связью между представляемыми образами, создавшими их авторами и воспринимавшейся в контексте социально-классового подхода системой социальных отношений, в последующие десятилетия получили отражение опыты более глубокого анализа данной проблематики. В частности, в историко-философской области объектом исследования оказались иконографические произведения А. Рублева⁹. При этом наиболее продуктивным и точным по своим результатам оказался опыт изучения произведений политической карикатуры, проявившийся в опубликованной в 2010 г. монографии, ставшей результатом параллельного изучения данного вида изобразительных источников с позиций исторического и информационно-художественного знания¹⁰. Проявившаяся высокая степень его подверженности объективной оценке с точки зрения информационного — социально-исторического — характера определялась

в одинаковой степени тем, что произведения карикатуры, создаваемые в том числе в плакатной форме, являются, с одной стороны, продуктом непосредственной реакции на конкретные исторические события и, с другой стороны, призваны донести до зрителя максимально наглядную, идеологически очерченную информацию.

Таким образом, в качестве объекта исторических исследований изобразительные источники представляют собой сложный по структуре, происхождению и когнитивному потенциалу комплекс свидетельств, к привлечению которых для аргументации своих наблюдений и выводов ученые относились с большой осторожностью. В период до конца 1950-х гг. они обращались к данной совокупности информационных ресурсов в основном для обнаружения в ее рамках иллюстративных сведений, сравнивая внешние особенности художественных образов с описанием изображенных объектов в письменных источниках. Затем в 1960-е и в еще более выраженной форме в 1970-е гг. исследователи стали выбирать из существующей совокупности изображений те, которые могли быть сопоставлены с текстами письменных источников в связи с наличием у них признаков достоверности. Наиболее распространенным при этом являлся подход, связанный с выбором в качестве объекта изучения фотодокументов и документальных кинопроизведений, вследствие чего начальная хронологическая граница отбравшихся для изучения изобразительных источников ограничивалась периодом второй половины XIX в. Примером его использования были, в частности, работы В. И. Стрельского, который одним из первых сделал данную совокупность информационных ресурсов объектом как дидактического, так и научного описания¹¹. Затем уже в рамках современной учебно-научной литературы сохранилась традиция обращения к изобразительным источникам как к объекту, применимому для изучения событий, относящихся, главным образом, к периоду XIX — начала XXI в. При этом в учебнике по источниковедению отечественной истории, подготовленном и опубликованном специалистами Санкт-Петербургского государственного университета¹², их комплекс был существенно расширен за счет привлечения в его состав, с одной стороны, максимально точных по содержанию картографических источников и, с другой стороны, тех произведений живописи, в отношении которых уже сформировалась методика научного анализа. Выделение в качестве отдельного объекта дидактического анализа и описания совокупности изобразительных источников основывалось в данном случае на выявлении специфики способа передачи в них ретроспективной информации в то время, как, например, звуковые источники были идентифицированы в качестве разновидности средств массовой информации на основе функционального признака.

В целом решение проблемы классификации изобразительных источников, имеющей теоретическое и методическое значение уже вследствие необходимости их идентификации в качестве потенциальных носителей объективного исторического знания, должно опираться на исходное представление об их способности содержать особый — визуальный или аудиовизуальный — тип достоверных сведений. Данное утверждение, имеющее методологический смысл и основанное на позитивистской теории познания, было впервые отчетливо представлено в 1980-е гг. в работах И. Д. Ковальченко¹³.

Исходя из него, можно сделать предположение о том, что любое, создаваемое с целью реалистического отображения прошедшей или окружающей действительности произведение независимо от его документальной или художественной жанрово-типологической принадлежности может использоваться в исторических исследованиях. Однако при этом способ фиксации событий и иных объектов может различаться в зависимости от тех задач, которые предполагается решить при создании произведений живописи, фотографии или кинематографа, и исходя из тех возможностей, которыми обладает при решении этих задач конкретный автор. В связи с этим наиболее продуктивной является дифференциация произведений, фиксирующих действительность в ее точном виде; представляющих действительность в объективной форме с элементами драматургической интерпретации как ее содержания, так и способа ее воплощения, и художественных произведений, представляющих реалистические образы различных фактов, событий и деятелей. При этом в отличие от первого — хроникального — комплекса источников в документальных произведениях могут содержаться элементы художественного оформления (как, например, в фотооткрытках), а в игровых фильмах документализм может использоваться в качестве художественного приема. При этом уровень достоверности будет в любом случае зависеть от того, с какой целью и в соответствии с какими задачами создается конкретное произведение, определяемое на методологическом уровне в качестве результата целенаправленной творческой деятельности одного человека или коллектива людей.

На методическом уровне отбор изобразительных источников с целью выявления среди них объектов, содержащих достоверную историческую информацию, и включения их в соответствующую классификационную группу объективных свидетельств о событиях отдаленного или недавнего прошлого связан в первую очередь с выявлением их подлинности. Она представляет собой преимущественно субъективный признак, обозначающий способность автора сформировать и выразить реалистическое представление о конкретном объекте. При этом отсутствие такой возможности может быть обусловлено как объективными условиями невозможности запечатлеть в визуальной или

аудиовизуальной форме какое-либо действие, так и наличием намерения представить действительность в искаженной форме. Таким образом, задачей исследования, связанного с отнесением конкретного произведения искусства к определенной классификационной группе и его последующего анализа в ее составе, является основанная в том числе на привлечении дополнительных источников реконструкция цели и условий его создания.

- ¹ Шеллинг Ф.В.Й. *Философия искусства*/ М., 1966 – 466 с.
- ² Гегель Г.В.Ф. *Лекции по философии истории*/ СПб., 1993 – 488 с.
- ³ Гулыга А.В. *Искусство истории*. М., 1980 – 288 с.
- ⁴ Нечкина М.В. *Функция художественного образа в историческом процессе: сборник работ*. М., 1982 – 319 с.
- ⁵ Черепнин Л.В. *Исторические взгляды классиков русской литературы*. М., 1968 – 384 с.
- ⁶ Шкловский В.Б. *За 60 лет: работы о кино*. М., 1985 – 573 с.
- ⁷ Рошаль Л.М. *Эффект скрытого изображения. Факт и автор в неигровом кино*. М., 2001.
- ⁸ Лотман Ю.М. *Семиотика кино и проблемы киноэстетики* – Таллин: Ээсти Рамаат, 1973 – 135 с.
- ⁹ Плугин В.А. *Мировоззрение Андрея Рублева (Некоторые проблемы): Древнерусская живопись как исторический источник*. М., 1974 – 160 с.
- ¹⁰ Голиков А.Г., Рыбачёнок И.С. *Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX – XX веков в политической карикатуре*. М., 2010 – 328 с.
- ¹¹ Стрельский В.И. *Теория и методика источниковедения истории СССР*. Киев, 1976 – 129 с.; *он же*. К вопросу о произведениях изобразительного искусства как историческом источнике // *История СССР*. 1984 . № 1 – С. 96–101.
- ¹² *Источниковедение: учебник для академического бакалавриата* /Е.Д. Твердюкова и др: под ред. А.В. Сиренова . М., 2015 – 396 с.
- ¹³ Ковальченко И.Д. *Исторический источник в сфере учения об информации: к постановке проблемы* // *История СССР*. 1982 № 3 – С. 129–148; *он же*. *Методы исторического исследования*. М., 1987 – 439 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шеллинг Ф.В.Й. *Философия искусства*. М.: Мысль, 1966 – 466 с.
2. Гегель Г.В.Ф. *Лекции по философии истории*. СПб: Наука, 1993 – 488 с.
3. Гулыга А.В. *Искусство истории*. М.: Современник, 1980 – 288 с.
4. Нечкина М.В. *Функция художественного образа в историческом процессе: сборник работ*. М.; Наука, 1982 – 319 с.
5. Черепнин Л.В. *Исторические взгляды классиков русской литературы*. М.: Мысль, 1968 – 384 с.

6. *Шкловский В.Б.* За 60 лет: работы о кино. М.: Искусство, 1985 – 573 с.
7. *Рошаль Л.М.* Эффект скрытого изображения. Факт и автор в неигровом кино. М.: Материк, 2001 – 208 с.
8. *Лотман Ю.М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Рамаат, 1973 – 135 с.
9. *Плугин В.А.* Мироззрение Андрея Рублева (Некоторые проблемы): Древнерусская живопись как исторический источник. М.: Издательство Московского университета, 1974 – 160 с.
10. *Голиков А.Г., Рыбачёнок И.С.* Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX – XX веков в политической карикатуре. М.: Институт российской истории РАН, 2010 – 328 с.
11. *Стрельский В.И.* Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев: Вища школа, 1976 – 129 с.
12. *Стрельский В.И.* К вопросу о произведениях изобразительного искусства как историческом источнике //История СССР. 1984. № 1 – С. 96–101.
13. Источниковедение: учебник для академического бакалавриата /Е.Д. Твердюкова и др.: под ред. А.В. Сиренова. М.: Юрайт, 2015 – 396 с.
14. *Ковальченко И.Д.* Исторический источник в свете учения об информации: к постановке проблемы //История СССР. 1982. № 3 – С. 129–148.
15. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987 – 439 с.

*Иglesиас Р. Ф.
Институт всеобщей истории РАН*

ФОРМИРОВАНИЕ И ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ СОСТАВ ТУЛЬСКОГО УЕЗДА: «ДЕФИЦИТ» ИСТОЧНИКОВ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Аннотация: Рассматривается проблема формирования территории Тульского уезда в первой трети XVI в., как итога столкновения политических интересов Москвы, Литвы, Орды и удельных княжеств в бассейне Упы. Предлагаются новые подходы к преодолению «дефицита» первоисточников на путях комплексного применения методов общего источниковедения, исторической географии и политико-дипломатической истории. Затрагиваемые вопросы решаются в широком историческом контексте, позволяющем минимизировать недостатки узкоспециализированного ракурса, оценить эффективность применяемых методик в области эвристики и критики источника, проверить обоснованность ранее выдвинутых гипотез и предложить новые решения конкретных историко-географических проблем.

Ключевые слова: Тульский уезд, волости, станы, формирование, исторические источники, Литва, Москва, Рязань

*Iglesias R.
Institute for Universal History, RAS*

THE FORMATION AND ORIGINAL COMPOSITION OF THE UYEZD OF TULA: LACK OF PRIMARY SOURCES AND WAYS TO OVERCOME IT

Abstract: This report examines the problem of the formation of the territory of the Tula district (uyezd) in the first third of the 16th century, as a result of the clash of political interests of Moscow, Lithuania, the Horde and the lesser principalities in the Upa basin. New approaches are proposed for overcoming the lack of primary sources through the integrated application of methods of general source study, historical geography and political and diplomatic history. The issues addressed are resolved in a broad historical context, allowing to reduce the shortcomings of a highly specialized perspective, to evaluate the effectiveness of the presently applied methods of heuristics and source criticism, verify the validity of the hypotheses put forward previously and propose new solutions to specific problems of historical geography.

Keywords: Uyezd of Tula, volosti, stany, formation, primary sources, Lithuania, Moscow, Ryazan

Проблема формирования Тульского уезда в первой трети XVI в. относится к числу малоисследованных сюжетов. Несмотря на ряд новых работ и интересных гипотез, появившихся в последние годы, комплекс связанных с данной темой вопросов содержит еще немало «белых пятен».

Прочно взяв под свой контроль к исходу XIV в. весь левый берег Оки в среднем ее течении (приблизительно от устья Угры до устья Осетра), Москва не позднее второй трети XV в. решительно продвигает свои владения на правый ее берег¹. Здесь мы выносим за скобки недолгую власть Московского княжества над пятью территориями за Окой, ранее принадлежавшими тарусским князьям, а около середины XIV в. перешедшими от Москвы к Рязани. Местоположение этих волостей (или «мест»), за исключением хорошо известного из позднейших писцовых книг «уезда Мстиславля», до сих пор точно не определено². Тем не менее, локализация по крайней мере некоторых из них на территории будущего Тульского уезда более чем возможна. Еще менее определено местоположение трех географических объектов, уступленных Дмитрию Донскому великим князем Олегом Ивановичем Рязанским в соответствии с докончанием 1381 г.³ Закрепленное этим договором разграничение московских и рязанских владений по Оке подтверждалось затем аналогичными докончаниями 1402, 1434 и 1447 гг.⁴

Собственно Тула впервые появляется в документах, относящихся к территориальному размежеванию, относительно поздно, в 1381 г. Вопрос о том, мог ли один из упомянутых в более ранних докончаниях и все еще не идентифицированных топонимов соответствовать прежнему названию какого-либо из поселений, соотносимых с исторической Тулой, останется, видимо, нерешенным до завершения археологических раскопок, ведущихся ныне обнадеживающими темпами. Московско-рязанское докончание 1381 г. (ранее его датой указывался и 1382 г.) характеризует Тулу как «место князя великого Дмитрия Ивановича на Рязанской стороне» и, по толкованию ряда исследователей, к которым присоединяемся и мы, устанавливает впредь ее нейтральный статус в тех территориальных (и правовых?) рамках, какие существовали «при царице при Таидуле, и коли ее [Тулу — *Р.И.*] баскаци ведали»⁵.

Следующее докончание 1402 г. недвусмысленно предписывает московским князьям «не вступатися» не только «в Тулци», но и «в Берести», однако уже не содержит такого же требования к рязанскому князю⁶. То же самое условие повторяется в аналогичных договорах 1434 и 1447 гг., содержащих более привычную нам форму «Тула».

Однако этот хронологический отрезок прерывается периодом бурных катаклизмов во второй половине 20-х-30-е гг. XV в., когда сложившееся равновесие сил было нарушено сначала началом междоусобно-династических войн в Московском государстве, а затем быстрым разрастанием схожих с ними

внутренних конфликтов в Литве после смерти вел. князя Витовта. Единственное известное за данный период докончание между Литвой и Рязанью, заключенное в интервале между 1425 и 1430 гг., запрещает Витовту «вступатися» в пределы Рязанской земли, но с важной оговоркой: «Вынемши Тулоу, Берестей, Ретань с Паши, Дорожен, Заколотен Гордеевской»⁷. Смысл этого изъятия до сих пор остается предметом дискуссии, в подробности которой мы не можем сейчас вдаваться. Ясно лишь, что этот новый статус отличен как от первоначального нейтрального (договор не содержит запрета вступаться в указанные земли для Витовта и не подразумевает таковой для Рязани), так и от последующего «про-рязанского». Скорее он напоминает некоторую форму совместного владения или «расщепленного» суверенитета (по типу «сюзерен — вассал»).

Как в московско-рязанских докончаниях, так и в докончании между Рязанью и Литвой нетрудно заметить настоятельно подчеркиваемую обособленность Тулы и сопутствующих ей территорий от собственно Рязанской земли, которая во всех этих грамотах упомянута отдельно, как и рязанские князья.

Сложившийся между Москвой и Рязанью территориальный статус-кво был кардинально изменен в середине XV в. в результате «купли», совершенной великим князем Василием II Темным⁸. К сожалению, регламентирующий эту сделку договор не сохранился, неизвестны ни ее условия, ни время заключения. Давно сложившийся исследовательский консенсус более или менее уверенно относит данную «куплю» ко времени между 1456 г., когда осиротевший рязанский князь надолго оказался под опекой (а фактически во власти) Москвы, и 1462 г. — датой кончины Василия II. Такая датировка, однако, не выглядит бесспорной. Например, до сих пор не обращало на себя должного внимания летописное известие за 1442/3 г., согласно которому занятие татарским отрядом волости Беспуты, принадлежность которой к рассматриваемой «купле» в силу чисто географических причин не подлежит сомнению, вызвало ответные военные действия со стороны Василия II, а не властей Рязанской земли, к тому времени уже восстановившей свою политическую автономию⁹. Хотя предлагаемая интерпретация не является обязательной, она позволяет существенно сместить *terminus ante quem* этого важного события.

«Купля» Василия Темного представляет собой первый известный перечень заокских территориальных единиц в зоне московско-рязанского пограничья, поддающийся точной географической атрибуции. Наложение указанных топонимов на карту убедительно демонстрирует широкие географические масштабы «купли», практически полностью охватывавшей, при всей приблизительности известных ныне ее границ, территорию как минимум трех (Каширского, Веневского и Елифанского) и максимум семи (плюс Тула, Дедилов, Солова (позднее Крапивна), Богородицк) позднейших уездов¹⁰.

Включала ли она будущий Тульский уезд? Историки и на этот вопрос уже давно и уверенно дают утвердительный ответ¹¹. Тем не менее, ответ на него далеко не так очевиден. Практически неразрешимая проблема состоит в том, что оба сохранившихся перечня компонентов «купли» являются открытыми, заканчиваясь словами «и иная/иные места», тогда как все присутствующие в них хоронимы (Тешилов, Растовец / Рославль¹², Мстиславль, Венев) расположены за пределами древнейших известных границ Тульского уезда (конец XVI в.)¹³. Прежде всего нас должно настораживать то, что перечисление приобретенных Москвою волостей не включает главный объект предыдущих территориальных споров и урегулирований — сам город Тулу, являвшийся административным и военным центром интересующего нас региона и несомненно существовавший не позднее первой трети XV в.¹⁴ Можно ли думать, что столь важная составная часть «купли» была скрыта под скромной этикеткой «и иная места»?

В этой связи обращает на себя внимание отмеченный выше факт особого статуса тульского региона в политической системе Рязанской земли. К сожалению, формат статьи не позволяет подробнее рассмотреть эту крайне интересную и мало исследованную проблему. Ограничимся замечанием, что исторические корни Тулы как особого татарского владения могли надолго определить ее экстерриториальность, сохранявшуюся даже многие десятилетия спустя после перехода этого региона под опеку Рязани. Это не означает, согласно мнению ряда исследователей, обязательного сохранения ее потестарной организации и тем более этнического своеобразия на столь длительный исторический срок. Речь идет именно об особом внешнеполитическом статусе, поддерживаемом вначале все еще достаточно сильной ордынской властью, а затем, вероятно, и другими заинтересованными сторонами, не желавшими попадания этого стратегически важного естественного пути, соединявшего Степь с центром Русской равнины, под исключительную гегемонию какой-либо одной из региональных «держав». Именно с этой точки зрения номинальная принадлежность «Тульского коридора» наиболее слабому в данном ареале политическому игроку, Рязани, могла наилучшим образом отвечать интересам ее более могущественных соседей — Москвы, Литвы и Орды (как и преемников последней). Формально это могло выражаться в признании ими рязанского «протектората» над Тулой.

Предложенная схема могла бы объяснить отсутствие какого-либо упоминания о Туле в завещании не только Василия II (1461/62 гг.), но и Ивана III (1503/04 гг.), а также в московско-рязанском договоре 1483 г. Можно поэтому предположить, что переход Тулы и подчиненной ей территории под власть Москвы состоялся не в момент совершения Василием II его заокской «купли», а значительно позже — между 1503 и 1509 гг. В таком случае, окончательному

превращению Тулы в московский уезд способствовала ликвидация последних следов независимости Рязанской земли ок. 1520 г.

В 1509 г. «на Туле» был поставлен по приказу Василия III деревянный город¹⁵. В разрядных книгах она впервые упоминается (уже как московская крепость) в 1511 г. и в 1513 г.¹⁶, в посольских книгах — в 1514 г.¹⁷ Февралем и мартом 1519 г. датированы самые ранние прямые упоминания о Тульском уезде (Нюховском и Заупском станах)¹⁸.

Попробуем теперь определить в общих чертах наиболее ранний территориальный состав уезда и происхождение вошедших в него станов. Его основным ядром следует считать территорию Тульского «баскачества» «как было при царице при Таидуле», очертить которую с достаточной точностью не представляется возможным. Вероятно, она включала земли по течению р. Тулы (Тулицы) и какие-то прилегающие к ней местности, что должно более или менее соответствовать позднейшей территории стана Старое Городище¹⁹, а также самой тульской крепости на левом берегу Упы и ее посада. Сюда же следует, видимо, причислить упоминаемую в тульской писцовой книге дер. (пуст.) «Баскакова» в Заупье, на левобережье Упы²⁰, и, как следствие, близлежащие земли будущего Заупского стана. Старое Городище²¹ и Заупский стан еще в середине XVI в. считались «обеими половинами Тулы»²², из чего, по-видимому, следует, что именно эти два стана сформировали первоначальную территорию уезда. О том же свидетельствуют и их названия, отражающие изначальную дихотомию право- и левобережной частей уезда.

Позднее, в начале XVI в., в период формирования территории уезда, к этому ядру были добавлены прилегающие земли, ранее относившиеся к другим административно-политическим образованиям, прежде всего, близлежащая волость Нюхова (ставшая впоследствии Нюховским станом)²³. Время вхождения в состав Тульского уезда других волостей-станов в точности неизвестно, но какие-то из них, несомненно, были его частями уже в самый ранний период его существования. Волость Колодна (позднее Колоденский стан) впервые фигурирует как часть Тульского уезда в 1544 г. в двух подтвердительных грамотах²⁴. Веркоша была включена в писцовые книги как часть Тульского уезда не позднее 1552 г.²⁵ Однако в это время ее статус, как кажется, еще не был четко определен. Первые упоминания Веркоши в дошедших до нас документах (1557 и 1564 гг. — материалы описания 1552 г. не сохранились) называют ее только собственным именем, но не волостью или станом²⁶. Черепецкий стан (в крайней западной части Тульского уезда) впервые упомянут в 1557 г.²⁷ Труднее определить время вхождения в состав Тульского уезда станов Глутенского (к юго-западу от Тулы²⁸), Заострожского (к востоку от Тулы, по р. Сеже²⁹) и Растовского (тульский эксклав к востоку от основной территории уезда, окруженный венев-

скими и каширскими землями)³⁰. В любом случае, оно имело место не позднее 80-х гг. XVI в., когда территория уже сложившегося уезда была зафиксирована в наиболее ранней дошедшей до нас писцовой книге³¹.

В целом Тульский уезд охватывал к концу XVI ст. почти всю большую излучину Упы (кроме ее северо-западного сектора) вместе с ее притоками, за исключением северо-западных и юго-восточных.

История сложения Тульского уезда, возникшего в конце XV-XVI вв. на стыке сфер влияния трех великих княжеств и постордынского степного мира, представляет собой сложную мозаику, многие фрагменты которой сами обладают не менее запутанной исторической судьбой. Для разрешения все еще невыясненных проблем наиболее перспективным представляется продолжение картографических и археологических изысканий. Вместе с тем, и углубленные архивные поиски еще далеко не исчерпали своих возможностей.

¹ Горский А.А. Московские «примыслы» конца XIII-XV вв. вне Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. [Вып.] 5. М., 2004. — С. 130 и сл.

² Там же.

³ Там же. — С. 126 и сл.

⁴ Там же. — С. 153 и сл.

⁵ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950 (далее — ДДГ). — С. 29; Дедук А.В. Московско-рязанское порубежье XIV – начала XVI в. Методика локализации. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2018. — С. 334–340.

⁶ ДДГ. — С. 53, 84, 143.

⁷ Там же. — С. 29. Обзор и оценку выдвигавшихся в историографии мнений по данному вопросу см.: Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы: Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. М., 2011. — С. 24–27. Неоднократно высказывалось мнение о том, что автономное татарское образование существовало на этой территории и после смерти ханши Тайдулы (1360 или 1361 г.), по крайней мере до рубежа XIV–XV вв. (Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в Татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. 1. — С. 114; Аверьянов К.А. Купли Ивана Калиты. М., 2001. — С. 46, 47; Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века: Внешнеполитические договоры. М., 2003. — С. 258; Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 2010. — С. 41–43, 52). Некоторые исследователи предполагают подобное положение даже для XVI в. (см.: Дедук А.В. «Рязанская» купля Василия Темного: границы и территория, судьба в составе Московского княжества во второй половине XV – начале XVI в. // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2012. Вып. 5. — С. 157).

⁸ ДДГ. — С. 53.

⁹ Так в издании. Следует читать «Ретунь, Спаши».

¹⁰ ДДГ. — С. 68.

¹¹ Там же.- С. 285, ср. с. 354; Горский А.А. Московские «примыслы». — С. 131.

- ¹² ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. — С. 151.
- ¹³ См.: *Дедук А.В.* «Рязанская» купля Василия Темного.- С. 142–169.
- ¹⁴ Границы названных уездов, в основном сложившиеся к концу XVI в. см.: *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII — начале XVIII века. М., 1977. — С. 258 (карта).
- ¹⁵ Из недавних работ: *Горский А.А.* Московские «примыслы». — С. 166.
- ¹⁶ Рославль в духовной Ивана III указан, очевидно, по ошибке вместо Ростовца (ср.: ДДГ. — С. 435). Ростовец (Ростовец) находился на востоке Каширского уезда (Писцовые книги Московского государства / Изд. Русское географическое общество. Ч. 1: Писцовые книги XVI века / Ред. Н.В. Калачов. СПб., 1877 (далее — ПКМГ). Отд. 2. — С. 1359). Составитель завещания мог случайно контаминировать малоизвестный Ростовец с соседним рязанским Ростиславлем.
- ¹⁷ ДДГ. — С. 285, 354; ср.: ПКМГ. Отд. 2. — С. 1073–1260.
- ¹⁸ В письме Витовта 1425 г. Тула упомянута как один из его укрепленных пунктов («under unser huwser einen Twla genant») (цит. по: *Лаврентьев А.В.* После Куликовской битвы. — С. 185). В списке городов и земель, принадлежавших вел. князю Свидригайло (1432 г.), названа, среди прочего, «Tula castrum» (*Полехов С. В.* «Список городов Свидригайла». Датировка и публикация // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2014. № 4 (58). — С. 112–115).
- ¹⁹ Иоасафовская летопись. М., 1957. — С. 157; и другие под тем же годом.
- ²⁰ Разрядная книга 1475-1605 гг. М., 1977. Т. 1. — С. 114; Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966. — С. 49, 50.
- ²¹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией (далее — ПДСКНТ). СПб., 1895. Т. 2. — С. 94.
- ²² *Кауштанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // *Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958.* С. 325, 326. О существовании Тульского уезда уже в 1517 г. как будто бы говорит упоминание о приходе крымцев в августе этого года «на великого князя украину на тульские места» (ПДСКНТ. Т. 2. — С. 477; ср.: Иоасафовская летопись.- С. 169; ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. — С. 12; и др.). Слово «места», часто выступавшее синонимом терминов «волости» или «станы», предполагает зависимые от Тулы территории.
- ²³ Тем не менее, наиболее раннее известие об этом тульском стане относится лишь к 1552 г. (Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. / Сост. А.В. Антонов, К.В. Баранов (далее — АСЗ). М., 2008. Т. 4. — С. 306).
- ²⁴ ПКМГ. Отд. 2. — С. 1119.
- ²⁵ АСЗ. Т. 4. — С. 306.
- ²⁶ Нюховский стан, названный по одноименной речушке, притоке Волоти, покрывал правый берег Упы примерно от устья р. Волоть до западных предместий Тулы и правый берег р. Тулицы от истоков до низовий, охватывая весь бассейн Волоти и ее притоков, а также других небольших речек, впадающих в Упу и Тулицу с правой стороны (ПКМГ. — С. 1135 – 1154). Об истории и более ранней территориальной принадлежности этой волости почти ничего не известно. В духовной Ивана III (1503 / 1504 г.) Нюхова отводилась в удел его младшему сыну Андрею (ДДГ. — С. 360), однако частью его владений так и не стала (подробнее см: *Иглесиас Р.Ф.* Территориальный состав удела Андрея Старицкого: Формирование и эволюция // *Каптеревские чтения:* 17. М., 2019. — С. 76 – 113).
- ²⁷ АСЗ. М., 2002. Т. 3. — С. 166; Т. 4. — С. 335. Они передают содержание более ранних жалованных грамот, при этом дословно копируя основные элементы их формуляра (отсюда, очевидно, именование Колодны волостью в одном случае и станом в другом). Колоденский стан располагался в бассейне р. Колодны, правого притока Упы в ее нижнем течении (ПКМГ. —

С. 1184–1207). Исторически эта волость связана с Тарусским княжеством, в особенности с его Волконским уделом (*Дедук А.В., Шеков А.В.* Писцовая книга Алексинского уезда 1627/1628–1628/1629 г. как источник по исторической географии Верховских княжеств // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2018. № 3. — С. 34–41). Ср.: ДДГ. — С. 354, 360.

²⁸ *Белоцерковский Г.М.* Тула и Тульский уезд в XVI и XVII вв. Киев, 1915. Приложения. — С. 47.

²⁹ Там же; АСЗ. Т. 4. — С. 337. Можно предположить, что разделение некогда единой Веркоши между Тулой и Веновом (см.: ПКМГ. — С. 1226–1243, 1550–1555) завершилось лишь после некоторого переходного периода.

³⁰ АСЗ. Т. 4. — С. 337. Возможно, подчинение этого района Туле, важнейшей ролью которой была организация сторожевой службы, следует связать с наличием вблизи устья р. Черепеть важного перевоза через Оку (см.: *Лаврентьев А.В.* После Куликовской битвы. — С. 50).

Одним их объектов вышеупомянутого похода крымских татар в 1517 г. на тульские и алексинские места была Глутня (ПСРЛ. Т. 34. С. 12), однако констатировать ее принадлежность к Тульскому уезду в указанное время невозможно.

Он располагался за линией искусственных укреплений, сооруженных к концу XVI в. на наиболее угрожаемом участке Засечной черты (*Белоцерковский Г.М.* Тула... — С. 36, 38).

Первоначальный Растовский стан (Растовец) вошел в Тульский уезд лишь своей крайней юго-западной частью, вся остальная его территория находилась в составе Каширского уезда (см.: ПКМГ. Отд. 2. — С. 1243–1256, 1307–1436). Обстоятельства и причины столь необычного раздела Растовца, с образованием тульского анклава, остаются невыясненными.

³¹ Ср.: *Демидов С.И.* Формирование территории Тульского уезда в первой половине XVI в. // Краеведческие чтения, посвященный 220-летию образования Тульской губернии: Сб. тезисов докладов. Тула, б.д. — С. 26–28. К сожалению, нам на данный момент оказались недоступны две жалованные грамоты, которые могут содержать важную для нашей темы информацию (ГБЛ. Тр. кн. 535. Л. 628–631. № 128, 129; см.: *Каишанов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в.: Часть третья // *Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968.* — С. 225, 227).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверьянов К.А.* Купли Ивана Калиты. М., 2001. 240 с.
2. *Белоцерковский Г.М.* Тула и Тульский уезд в XVI и XVII вв. Киев, 1915. 275+164 с.
3. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII — начале XVIII века. М., 1977. 265 с.
4. *Горский А.А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV вв. вне Северо-Восточной Руси // *Средневековая Русь.* М., 2004. [Вып.] 5. С. 117–145.
5. *Дедук А.В.* Московско-рязанское порубежье XIV – начала XVI в. Методика локализации. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2018. 510 с.
6. *Дедук А.В.* «Рязанская» купля Василия Темного: границы и территория, судьба в составе Московского княжества во второй половине XV – начале XVI в. // *Studia Historica Europae Orientalis — Исследования по истории Восточной Европы.* Минск, 2012. Вып. 5. С. 142–169.

7. Дедук А.В., Шеков А.В. Писцовая книга Алексинского уезда 1627/1628–1628/1629 г. как источник по исторической географии Верховских княжеств // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2018. № 3. С. 34 – 41.

8. Демидов С.И. Формирование территории Тульского уезда в первой половине XVI в. // Краеведческие чтения, посвященный 220-летию образования Тульской губернии: Сб. тезисов докладов. Тула, б.д. С. 26 – 28.

9. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 2010. 248 с.

10. Иглесиас Р.Ф. Территориальный состав удела Андрея Старицкого: Формирование и эволюция // Каптеревские чтения: 17. М., 2019. С. 76 – 113.

11. Каиштанов С.М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 302 – 377.

12. Каиштанов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в.: Часть третья // Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968. С. 197 – 254.

13. Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века: Внешнеполитические договоры. М., 2003. 368 с.

14. Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы: Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. М., 2011. 253 с.

15. Полехов С. В. «Список городов Свидригайла». Датировка и публикация // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 110–117.

15. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в Татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. 1. 474 с.

Майорова А. С.

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского*

ЗАСЕЛЕНИЕ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ: ИСТОЧНИКИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ТРУДАХ САРАТОВСКИХ ИСТОРИКОВ XIX в.

Аннотация: Для изучения проблемы заселения территории Саратовского Поволжья историками традиционно использовались материалы законодательства, делопроизводственные документы центральных и местных учреждений, сочинения иностранных путешественников, вещественные памятники (полученные в результате археологических раскопок). В 80-е гг. XIX в. в научный оборот были введены документы Генерального межевания— текстовые и графические, частные акты, устные рассказы о создании новых поселений.

Ключевые слова: А. Ф. Леопольдов, Н.И. Костомаров, А.Н. Минх, Золотая Орда, колонии иностранных поселенцев, Саратовский статистический комитет, мировые посредники.

Maiorova A. S.

Saratov State University

THE LOWER VOLGA SETTLEMENT: SOURCES AND THEIR INTERPRETATION IN THE WORKS OF SARATOV HISTORIANS OF THE 19th CENTURY.

Abstract: In order to study the settlement of the territory of the Saratov Volga region, historians traditionally used legislative sources, office documents of central and local institutions, writings of foreign travelers and artifacts obtained in the course of archaeological excavations. In the 1880s the documents of the General Land Survey (textual and graphic documents) private acts, oral narratives about new settlement formation were introduced into scientific use.

Keywords: A.F. Leopoldov N.I. Kostomarov, A.N. Minh, the Golden Horde, colonies of foreign settlers, Saratov Statistical Committee, peace arbitrators.

История Среднего и Нижнего Поволжья как одного из регионов Русского государства начинается со второй половины XVI в. Проблемы, связанные с изучением событий этого периода и выяснением места региона в социально-экономических и политических процессах в России, неизменно привлекают внимание специалистов. А. А. Зимин в своих трудах неоднократно обращался к вопросам, связанным с событиями в Среднем и Нижнем Поволжье. В монографии «В канун грозных потрясений» он подчеркнул глубокую связь внешнеполитических и внутривнутриполитических событий последних десятилетий XVI в. Он писал, что следствием «поворота политики России с запада на восток» после поражения в Ливонской войне было строительство городов в Среднем и Нижнем Поволжье, в числе этих городов был и Саратов. Зимин отметил, что вновь построенные города должны были играть не только роль военно-административных пунктов. Правительство преследовало цели, связанные с развитием экономики в регионе — торгово-промышленной деятельности, налаживании торговых связей с восточными странами.

Исследователь обратил внимание также и на источники формирования населения осваиваемых территорий. Правительство осуществляло заселение новых городов выходцами из центральных районов страны. Одновременно в Поволжье и в Сибирь устремлялся «поток крестьян, холопов и ремесленников, спасавшихся от голода, гнета и вымирания»¹. Зимин в данном случае подчеркнул последствия этнодемографических процессов, происходивших в государстве в целом, для освоения Поволжья и Сибири выходцами из России.

Саратовские историки оценили самостоятельное значение проблемы заселения Саратовского Поволжья для изучения его прошлого в 80-е гг. XIX в. Однако уже в первых историко-региональных исследованиях этот вопрос находил освещение в той или иной форме. Г. С. Саблуков и А. Ф. Леопольдов использовали в своих сочинениях сведения о населении Поволжья в период существования Золотой Орды. Название сочинения Леопольдова — «Исторический очерк Саратовского края»² — сразу ориентирует читателя на цель, которую ставил перед собой автор. В «Очерке внутреннего состояния Кипчакского царства» Саблукова, впервые опубликованном в 1844 г. в «Саратовских губернских ведомостях»³, освещены события и явления, связанные не только с историей Нижнего Поволжья, но также Среднего Поволжья и Крыма.

Значение этого труда выходит за рамки региональной историографии. Тем не менее, Леопольдов назвал сочинение Саблукова «сводом известий о монголах по отношению к здешнему краю» и подчеркнул непосредственное отношение истории государства завоевателей русских земель к Саратовскому Поволжью. (Данное высказывание Леопольдова воспроизведено в публикации труда Саблукова, осуществленной в Казани)⁴. Леопольдов включил довольно большой объем его материала в свой «Исторический очерк Саратовского края». При

этом он не указал, откуда были им заимствованы сведения, касающиеся населения, городов, общественного строя Золотой Орды. Таким образом, источники, которые позволяют судить о золотоордынском периоде истории Среднего и Нижнего Поволжья, в очерках Саблукова и Леопольдова практически одни и те же. Это источники, изученные Саблуковым. В качестве письменных свидетельств он привлекал записки иностранных путешественников. Большой комплекс материалов — нумизматика, фрагменты архитектурных украшений, керамика, ювелирные изделия — происходит из археологических памятников, находившихся на территории Саратовской губернии.

Расхождения в практике использования различных видов источников историками зависели не только от уровня их подготовки к исследовательскому труду, но и от того корпуса источников, которые находились в их распоряжении. Это можно увидеть при знакомстве с работами саратовских историков XIX в. Источниковедческий аспект их сочинений пока что не был предметом специального изучения..

Оценивая «Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства», современный саратовский историк В. М. Захаров опирается на мнения исследователей, которые признавали большое значение этого труда, — Н. И. Костомарова, Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского. Со своей стороны, Захаров высказывает критическое отношение к нему. Он пишет, что Саблуков, «не располагая необходимым кругом источников и не имея соответствующего опыта научной работы, не смог проследить эволюцию внутреннего устройства Золотой Орды, вскрыть внутренние механизмы процесса, приведшего к формированию могущественного государства на Волге, а затем к его полному упадку»⁵. В данном случае Захаров игнорирует реалии той эпохи, когда был создан труд Саблукова.

Вполне естественно, что Саблуков не располагал тем комплексом археологических источников, которые имеются в распоряжении исследователей в настоящее время. Однако следует обратить внимание на то, что со времени публикации его очерка вещественные памятники, найденные случайно и полученные в ходе археологических раскопок, постоянно находились в поле зрения местных историков. Они способствовали формированию интереса к древнейшему населению Саратовского Поволжья.

Содержание «Исторического очерка Саратовского края» А. Ф. Леопольдова охватывает очень длительный период — от упоминаний в трудах «греческих писателей», которые «темно намекали» о заселении скифами территорий, прилегающих к Волге, и до 1847 г. В представлении Леопольдова история Саратовского Поволжья начинается именно тогда, когда здесь было создано государство, основанное завоевателями-монголами. «Первыми обитателями мест, занимаемых ныне Саратовскою губерниею» он называет монголо-татар⁶.

В сочинении Леопольдова заметно стремление автора оценить все достижения в экономическом и культурном развитии Саратовского Поволжья как блестящий результат заботы правительства и местных властей о его процветании. «Умножение населения» региона он представляет в качестве итога внутренней политики государства. Создание Саратовской губернии, по его мнению, «имело самое благодетельное влияние на здешний край: усилило его народонаселение, обезопасило города и села от своеволия, оживило земледелие, торговлю и промышленность»⁷. При этом Леопольдов не уточняет, как именно происходил данный процесс. Однако он уделил в своей работе особое внимание истории создания на территории Саратовского Поволжья колоний иностранных поселенцев и подчеркнул их значение для развития экономики региона.

Следует отметить, что Леопольдов практически не обращается к текстам законодательных актов, Следствие этого — ряд фактических ошибок, которые встречаются в труде историка. Например, датой основания саратовской конторы опекунов иностранных поселенцев он называет 1797 г.⁸, на самом деле это дата восстановления конторы. Она была создана в 1766 г., но затем ее деятельность была прекращена в 1782 г., а потом — восстановлена⁹. Основными письменными источниками для Леопольдова являются материалы делопроизводства губернских учреждений. На их основе им описаны события истории губернии с начала XIX в. до 1847 г.

Одной из особенностей этого сочинения Леопольдова является предпочтительное отношение к устным источникам. Отчасти это можно объяснить отсутствием в Саратове в первой половине XIX в. важнейших письменных источников (или их публикаций) по истории самого города и Саратовской губернии. Общеизвестно, что дата основания Саратова восстанавливается лишь по косвенным свидетельствам. Леопольдов привлекает источники устного происхождения для освещения некоторых подробностей истории заселения Саратовского Поволжья. Говоря об основании городов Дмитриевска, Петровска и Царицына, Леопольдов использует предания и легенды¹⁰. Он сообщает также предание о трех мордовских князьях, которым Петр I пожаловал земли в Вольском уезде, и легенду об основании мордовским князем Тикаем церкви в Петровске в 1750 г.¹¹

Иное отношение к составу источников мы видим в сочинении Н.И. Костомарова «Очерк истории Саратовского края от присоединения его к Российской державе до вступления на престол императора Николая I»¹². Этот труд знаменитого русского историка был опубликован спустя десять лет после выхода в свет сочинения Леопольдова. Его появление связано с драматическими обстоятельствами в жизни Костомарова. С июля 1848 г. по август 1856 г. он проживал в Саратове в качестве поднадзорного ссыльного. Затем, уже получив свободу

передвижения и освобождение от полицейской опеки, он выезжал из Саратова за границу, ездил в Петербург, но продолжал оставаться саратовским жителем до осени 1858 г., когда окончательно перебрался в северную столицу¹³. В 1855-1856 гг. Костомаров работал секретарем Саратовского губернского статкомитета¹⁴. С 1858 г. комитет начал издавать Памятные книжки Саратовской губернии (или Адрес-календари). Помимо статистических данных в них помещались очерки об отдельных городах и уездах, в которых содержались исторические сведения. «Очерк истории Саратовского края» Н.И. Костомарова был опубликован в первой Памятной книжке.

В оценке многих событий он резко расходится со своим предшественником. Историю Саратовского края Костомаров начинает «от присоединения его к Российской державе». В самом начале очерка он принципиально ставит вопрос о рассмотрении истории данного региона в рамках общерусского исторического процесса: «Падение царства Астраханского в 1557 году даровало России огромное протяжение юго-восточных степей ... и ввело этот край, носивший общее название Низовья, в систему русской жизни»¹⁵.

В этой работе Костомарова нашли отражение его взгляды на первенствующую роль русского народа в заселении и освоении территории Нижнего Поволжья. Значение казачества в Нижнем Поволжье рассматривается им в контексте «распространения русской национальности» и укрепления власти Русского государства на новых территориях¹⁶. (Однако Костомаров видит и негативные последствия активности казаков: «Служа оплотом России и орудием расширения и распространения русской национальности, казаки в то же время были важнейшим препятствием к водворению гражданственности на юге России»¹⁷). Костомаров, судя по всему, к русским относит и украинское население. Он обращает пристальное внимание на законодательные акты, которые дают материал для изучения вопроса об украинском компоненте в процессе заселения территории Саратовской губернии. В принципе, основное место в корпусе источников, которые были использованы Костомаровым для освещения истории Саратовского Поволжья, занимают законодательство и опубликованные документы центральных государственных учреждений.

Достаточно много внимания Костомаров уделил иностранным колониям, существовавшим на территории Саратовской губернии. Он высказал отрицательное мнение о характере колонистов и о результатах их хозяйственной деятельности. По его словам, только Сарепта смогла обратить на себя внимание Екатерины II «трудолюбием и примерным поведением своих членов». Население других колоний отличалось «леностью, развратным поведением и мотовством»¹⁸. Костомаров почерпнул эти характеристики в документах саратовской конторы иностранных поселенцев. У чиновников конторы было

стремление оправдать недостатки своей деятельности «природными свойствами» колонистов. Историк мог бы использовать свой солидный опыт критического отношения к содержанию источников, однако в данном случае он предпочел опираться на формулировки из документов. Следовательно, у Костомарова изначально было негативное отношение к иностранным поселенцам.

И Леопольдов, и Костомаров, исследуя историю Саратовского Поволжья, касались проблемы заселения его территории и расширения на ней земледельческих угодий. Отмечая важность этого процесса, оба историка уделили внимание созданию колоний иностранных поселенцев, особенностям правового положения колонистов и развитию их хозяйства. Костомаров отвел освещению этих вопросов гораздо больше места, чем Леопольдов. Выводы двух историков о результатах политики по созданию и поддержанию колоний оказались противоположными. Леопольдов завершает свое повествование о колониях следующим образом: «Русское правительство заботилось о здешних переселенцах и довело их до желаемого благосостояния»¹⁹. Костомаров пишет, что колонии в экономическом плане не оправдали возложенных на них надежд: «...Ясно было, что поселение колонистов не могло приносить тех выгод, каких ожидали некогда»²⁰.

В первых трудах по истории региона мало изученным оставался вопрос о превращении Саратовского Поволжья в территорию развитого земледелия. Рассмотрение особенностей этого процесса стало возможным в связи с введением в научный оборот корпуса источников, которые освещали историю его колонизации крестьянским населением из других регионов России и из Украины. Первой попыткой обобщения этих данных была монография А. Н. Минха «Материалы для истории оседлого заселения Саратовского края»²¹. В ней автор указывает цель своего исследования: «...Собрать возможно более приблизительно верного материала по истории заселения нашего края»²². К сожалению, данная работа Минха не привлекала внимания саратовских исследователей, которые занимались изучением развития местной исторической традиции.

Минх был выдающимся саратовским регионоведом второй половины XIX — начала XX в. В отличие от Леопольдова и Костомарова он не имел исторического образования, но благодаря интересу к научным изысканиям, выдающимся способностям и трудолюбию, Минх внес значительный вклад в изучение региона. С 1861 г. он был мировым посредником Аткарского уезда Саратовской губернии, а в 1869 г. избран участковым мировым судьей в Аткарском судебном округе. Занимая эти должности, он собирал материалы экономико-географического, этнографического, исторического и археологического характера по своему уезду и по Саратовской губернии в целом. Благодаря своим изысканиям он был избран членом саратовского губернского статистического комитета, а затем стал одним из основателей Саратовской ученой архивной комиссии²³.

Деятельность в качестве мирового посредника и участие в работе губернского статистического комитета позволили Минху получить доступ к разнообразной документации. В ней фиксировались пожалования земель, переход имений из рук в руки, изменения в их статусе, а также социальное положение различных категорий земледельцев. Первоначально документы, касающиеся истории оседлого населения Саратовской губернии, были включены в составленные Минхом статистические описания Саратовского уезда, Коленской, Ягодно-Полянской и Полчаниновской волостей, Набережного Увека. Они были опубликованы в двух томах «Саратовского сборника», которые вышли в свет в 1881 и 1882 гг.

Часть текста монографии «Материалы для истории оседлого заселения Саратовского края» была опубликована в 1885 г. в «Саратовских губернских ведомостях» — в рукописи имеется помета автора с указанием номеров газеты, в которых она была помещена²⁴. В настоящее время в Саратове нет ни одного номера «Губернских ведомостей» за этот год, поэтому о содержании данной работы Минха мы можем судить только по рукописи. Она сохранилась в фонде Саратовской ученой архивной комиссии. Работу над проблемой Минх продолжал и после опубликования рукописи. После отметки о публикации начинается текст, озаглавленный: «Материалы для истории оседлого заселения Саратовского края. (Продолжение)»²⁵. Далее идет следующий раздел работы под заголовком: «Дополнения к истории и заселению Саратовского края»²⁶.

Минх сумел в полной мере оценить значение источников, с которыми ему приходилось знакомиться в ходе составления уставных грамот. В целях изучения процесса заселения крестьянами Саратовского Поволжья Минх использовал делопроизводственную документацию, частные акты и данные официальной статистики. Им были рассмотрены материалы опекунского межевания (в них фиксировались результаты выделения земель для иностранных поселенцев) и Генерального межевания. При отсутствии документов, из которых можно было бы узнать о времени и обстоятельствах возникновения населенных пунктов, Минх обращался к устным источникам — «рассказам старожил». Эти свидетельства иногда оказывались единственными данными по истории сел и деревень. Монография является первым шагом в изучении крестьянской колонизации в регионе, и это направление исследований остается актуальным в местной историографии до сегодняшнего дня. В то же время работа Минха отмечает новый этап изучения процесса интеграции Саратовского Поволжья в социально-экономическую жизнь России.

Уже в первых исследованиях по истории Саратовского Поволжья, которые были созданы в середине XIX в., мы видим интерес их авторов к проблеме заселения его территории. Вначале данная проблема не имела для историков самостоятельного значения. Во второй половине XIX в. регионаловеды столкнулись

с необходимостью изучения причин острых социальных противоречий, связанных с малоземельем крестьян и падением доходности помещичьего хозяйства. Это вызвало углубление интереса к процессу крестьянской колонизации в регионе и одновременно — к расширению круга источников, которые использовались для изучения истории его заселения.

¹ *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 236.

² [*Леопольдов А. Ф.*] Исторический очерк Саратовского края. Соч. Андрея Леопольдова. М., 1848.

³ *Саблуков Г. С.* Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства // Саратовские губернские ведомости. 1844. № 26–36.

⁴ *Саблуков Г. С.* Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства. Казань, 1895. С. 3.

⁵ *Захаров В. М.* Основатели саратовского краеведения. (А. Ф. Леопольдов и Г. С. Саблуков). Саратов, 2011. С. 168—169.

⁶ [*Леопольдов А. Ф.*] Указ. соч. С. 23

⁷ Там же. С. 131.

⁸ Там же. С. 90-91

⁹ *Плеве И. Р., Гусакова З. Е.* Предисловие - Аннотированная опись дел саратовской конторы иностранных поселенцев. М., 2000. С.3-4.

¹⁰ [*Леопольдов А. Ф.*] Указ. соч. С.27, 49, 59

¹¹ Там же. С.56.

¹² *Костомаров Н. И.* Очерк истории Саратовского края от присоединения его к Российской державе до вступления на престол императора Николая I ... // Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 год. Саратов, 1858. Отд. 3. С. 1-55.

¹³ *Киреева Р. А.* Живые образы эпох. К 200-летию со дня рождения члена-корреспондента Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук Н. И. Костомарова // Вестник Российской Академии Наук. 2017. Т. 87. № 12. С. 1123.

¹⁴ *Костомаров Н. И.* Автобиография — *Костомаров Н. И.* Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989. С. 496-501.

¹⁵ *Костомаров Н. И.* Очерк истории... С. 1.

¹⁶ Там же. С. 4.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.. С. 28—29.

¹⁹ [*Леопольдов А. Ф.*] Указ. соч. С. 91.

²⁰ Там же. С. 51.

²¹ Государственный архив Саратовской области (ГАСО) Ф. 407. Оп. 2. Д. 776. Л. 86—140 об.

²² Там же. Л. 103

²³ *Хованский Н. Ф.* Краткие биографии некоторых членов Саратовской ученой архивной комиссии за 25 лет ее существования. Минх Александр Николаевич // *Соколов В. П.* 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1911. С. 21—22.

²⁴ ГАСО Ф. 407. Оп. 2. Д. 776. Л. 102.

²⁵ Там же. Л. 105

²⁶ Там же. Л. 114

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Захаров В. М.* Основатели саратовского краеведения. (А. Ф. Леопольдов и Г. С. Саблуков). Саратов: Научная книга. 2011. 184 с.

2. *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. Предпосылки первой крестьянской войны в России. М.: Мысль, 1986. 333 с..

3. *Киреева Р. А.* Живые образы эпох. К 200-летию со дня рождения члена-корреспондента Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук Н. И. Костомарова // Вестник Российской Академии Наук . 2017. Т. 87. № 12. С. 1119—1127.

4. *Костомаров Н. И.* Очерк истории Саратовского края от присоединения его к Российской державе до вступления на престол императора Николая I ... // Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 год. Саратов, 1858. Отд. 3. С. 1-55.

5. [*Леопольдов А. Ф.*] Исторический очерк Саратовского края. Соч. Андрея Леопольдова. М., 1848. 195 с.

6. *Плеве И. Р., Гусакова З. Е.* Предисловие // Аннотированная опись Саратовской конторы иностранных поселенцев. В 2 т. М.: Готика, 2000. Т. 1 С. 3—8

7. *Саблуков Г. С.* Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства. Казань, 1895. 60 с.

8. *Хованский Н. Ф.* Краткие биографии некоторых членов Саратовской ученой архивной комиссии за 25 лет ее существования. Минх Александр Николаевич // *Соколов В. П.* 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1911. С. 21—22.

*Шпирко С. В.,
РГГУ*

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СПИСКОВ ДРЕВНЕРУССКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ПРЕДСЛОВИЕ ПОКАЯНИЮ» С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕОРИИ НЕЧЕТКИХ МНОЖЕСТВ

Аннотация: В статье описывается опыт применения формализованной математической классификации списков средневекового произведения, основанной на привлечении теории нечетких множеств. Лежащая в основе модели идея неоднозначности отнесения списка к той или иной группе позволяет учитывать правку текста. В качестве объекта нечеткой генеалогической классификации выбрано древнерусское произведение «Предсловие покаянию». Полученная стемма, согласуясь с результатами традиционного текстологического анализа, позволяет уточнить группировку списков и выявить их взаимосвязи.

Ключевые слова: текстология, списки, правка, разночтения, нечеткая классификация, стемма, типологизация, теория нечетких множеств, весовые коэффициенты

*Spirko S. V.
RSUH*

GENEALOGICAL CLASSIFICATION OF COPIES OF OLD RUSSIAN TEXT «PREDSLOVIE POKAYANIYU» WITH FUZZY SET THEORY

Abstract: The paper describes the experience of using formalized mathematical classification of copies of medieval texts based on the involvement of Fuzzy Set Theory. The idea of the ambiguity of assigning a copy to a particular group, which lies at the base of the model, allows for contaminations. As an object of fuzzy genealogical classification, the Old Russian text “Predslovie pokayaniyu” was chosen. The resulting stemma, which agrees with the results of traditional textual analysis, allows us to refine group of copies and identify their relations

Keywords: textology, copies, contamination, readings, fuzzy classification, stemma, typology, fuzzy set theory, weight coefficients

История изучения «Предслова покаянию»

«Предслова покаянию, Правило святых отец соборных всея вселенных» (далее «Предсловие») является ярким и самобытным произведением древнерусской литературы. Встречающиеся в нем такие оригинальные слова и понятия как «изгойство», «куны», «корчма», «поклажа» заставляют исследователей относить его создание к XII в, а то и к XI в. Помимо архаичной лексики, позволяющей воссоздать реалии жизни в Древней Руси, это произведение отличается своеобразным жанром, проходящим на стыке проповеднической и канонической литературы. «Предсловие» разъясняет, какими качествами должен обладать духовник и кающийся, дает советы священнослужителям как принимать на исповедь, осуждает пороки того времени. В нем, как писал один из первых его исследователей В.М. Изергин: «русская церковь начала воспитывать в нравственных, гуманных идеалах древнерусское общество, взывая к совести новопросвещенного народа»¹. Так, «резы» и «наклады» хуже воровства — утверждается в этом произведении. А брать же «изгойство», т.е. извлекать прибыль с выкупающихся из рабства, признается за самый тяжкий грех.

«Предсловие» было сочувственно встречено в древнерусской литературе. На него, в частности, ссылается автор одного древнерусского поучения, доказывая необходимость «книжного учения»: «разгнувше (книги) обрящемъ въ нихъ путь спасенья... сему же пути святое начало: Святыхъ Отецъ учение в *предсловьи* чистаго учения и покаяния». Далее он пишет: «Аще ли кто и святыи есть, а по такому пути не потечеть, ему же начало *предсловье покаянию*, отимется от него святость и дасться тому иже кто по тому пути потечеть, въсприимъ предсловье покаяню»². Помимо канонических сборников «Предсловие» присутствует и в Кормчих, Требниках, Зонарах, отрывки из него встречаются и в «Вопрошании Кириковом». Знали это произведение и у южных славян³.

Первые сведения об этом памятнике дает в 1857 г. И.А. Чистович, указывая в рукописи XVI века⁴ на поучение, называвшееся «Правила святых отец соборных всея вселенных» и содержащее «замечательные слова об изгойстве»⁵. Интересно, что место об изгойстве отмечали еще Ф.И. Буслаев⁶ и А.Х. Востоков⁷, правда, без ссылки на само произведение. Считая эту находку А.Х. Востокова очень важной, И.И. Срезневский отыскивает еще списки «Предслова», почти исключительно новгородские XV-XVI вв. Лишь один из списков (т.н. Паисиевский) относится к XIV в⁸. Надо отметить, что И.И. Срезневскому был известен и еще один старший список, принадлежавший графу А.И. Мусину-Пушкину, который он датировал временем до 1350 г. Однако по неизвестным причинам ученый опубликовал из него всего лишь отрывок, связанный с понятием изгойства⁹.

Еще один, пока не изданный, список «Предслова» (т.н. Трифоновский) XIV в. был отыскан В.М. Изергиным в 1886 г.¹⁰ Он же провел первую текстологическую классификацию имеющихся в его распоряжении 7 списков памятника. После революции изучение «Предслова» было на долгие десятилетия прервано и возобновилось в работах современной исследовательницы Г.С. Баранковой. На сегодняшний момент число разысканных списков перевалило за третий десяток, что позволило Г.С. Баранковой провести новую, более детальную текстологическую классификацию этого памятника¹¹.

Первая публикация текста «Предслова» была осуществлена в 1860 г. А.Ф. Шаповым по двум спискам из сборников конца XV — начала XVI вв. из собрания Соловецкого монастыря¹². В 1867 г. И.И. Срезневский издает текст памятника по двум спискам: Паисиевскому и списку, использованному в свое время еще И.А. Чистовичем и признаваемому ученым наиболее полным, хотя и несколько подновленным по языку¹³. Еще одно издание было осуществлено в 1880 г. А.С. Павловым по списку сборника (Софийский сборник) XVI в. из Новгородской Софийской библиотеки¹⁴, известному еще И.И. Срезневскому. Полное издание Софийского сборника было осуществлено в 2013 г. современной исследовательницей Г.С. Баранковой¹⁵.

Состав и классификация списков «Предслова покаянию»

Автор «Предслова» и обстоятельства его создания остаются неизвестными. Ряд списков, включая и старшие, содержит диалектизмы, характерные для той или иной древнерусской территории. Так, взаимная мена букв «ц» и «ч» (цоканье), свойственная для севернорусских говоров (древненовгородских и древнепсковских), отразилась в Софийском и Трифоновском списках (ср.: кто продаетъ целядинъ, в вѣчѣ сем, рчи ему, да вдасть ченоу). Трифоновский список также отличает смешение букв «с» и «ш» (шепелявость, ср. мышлю, имети смышль, широта), что свидетельствует о его псковском происхождении. Диалектизмы сохранялись и в более поздних списках. Так, древненовгородское смешение букв «ѣ» и «и» отражено в списке из собрания Крылова¹⁶ XV в. и из собрания Иосифо-Волоколамского монастыря¹⁷ XVI в. (ср.: их же събидиль, аще бы есть каялѣся, приялѣ быхомъ, да бы не дѣялѣ, не ищѣ, попецѣся). Этот же список из собрания Крылова выделяет такой древненовгородский диалектизм как смешение букв «о» и «ѡ» (ср.: работено). Смешение букв «в» и «у», являющееся особенностью южнорусских (галицко-волынских) рукописей начиная с XII-XIII вв.¹⁸, сохраняется в списке начала XVI в. из собрания Егорова¹⁹ (ср.: книгам да вчитъ, не вмѣя оучити, и потом сѡв'божал, вказет).

Наряду с диалектизмами, как уже указывалось, в тексте встречаются и архаичные слова, одно из которых — «изгойство» — является уникальным для древнерусской литературы. Смысл этого слова был неясен переписчикам, о чем свидетельствуют его пропуски, искажения или переосмысления в ряде списков (ср.: «иство» в Вол-560, «окупъ с накладом» в КИХМ-403, «рѣзоимство» в Тр-793)²⁰. Однако осознавая особую важность этого отрывка, подавляющее большинство переписчиков «Предсловия» продолжало переносить его в свои списки.

Наряду с оригинальной древнерусской частью в тексте «Предсловия» можно указать отрывки, связанные и с переводной литературой. В первую очередь, это Номоканон Иоанна Постника, чей славянский перевод содержался уже в Устюжской Кормчей XIII в. Номоканон в качестве главного источника для «Предсловия» указывал еще В.М. Изергин. Причем речь идет не о дословном воспроизведении, а об отражении и преломлении идей этого произведения:

Таблица 1

Соф-1285	Номоканон Иоанна Постника²¹
нь по силѣ а не чресь силу	Епитимии даются по силе и произволению принимающего их, а не по мере его грехов
и боудеть бо или сирота ли немощень ли работень ли какъ да всего того въспытать моудрый попинь	Приемлющий исповедь должен обращать внимание на юность и старость, силу и немощь, и на различие места и образ, каковым сделалось зло... все это должен испытать принимающий исповедывающегося

Еще одним источником «Предсловия» являются «Вопросы и ответы» Анастасия Синаита, отрывок из которых присутствует в одной из древнейших древнерусских рукописей — «Изборнике Святослава» 1073 г. Также этот отрывок повторяется у одного из греческих канонистов XI в. — Петра Хартофилакса²². Свои положения автор «Предсловия» подкрепляет ссылками как на признанных церковных авторитетов, так и цитатами из Ветхого и Нового Заветов²³.

Количество и состав используемых источников меняется в разных списках, что говорит о разнородном характере памятника. Поэтому правильнее будет говорить не об авторе, а о группе авторов или составителей «Предсловия». Их индивидуальность проявляется даже в цитировании известных источников, в частности «Вопросов и ответов» Анастасия Синаита. Так, в уже упомянутом сборнике Кирилло-Белозерского музея (КИХМ-403), вместо традиционного стиха из Евангелия от Матфея на аналогичном месте приводится стих из Евангелия от Луки:

Таблица 2

Соф-1285	Номоканон Иоанна Постника ²⁴
<p>Горе вам фарисѣи и лицемѣри книжници слѣпѣи яко събъходите море и землю и творите единого пришельца сына де-бри сѣгньнѣи согоубѣиша васъ</p> <p>(ср.: Матфей 23:15)</p>	<p>Горе вам вожи слѣпѣи яко взясте ключа разо-ума стѣя церкви божия и затворяете царство небесное пред сыны сами не внидосте и входящим възбранисте</p> <p>(ср.: Лука 11:52, Матфей 23:13)</p>

Вообще, этот отрывок из «Вопросов и ответов», играет определяющую роль в классификации В.М. Изергина. В зависимости от его наличия или отсутствия этот исследователь делит все списки на две редакции: полную и краткую. Характерной чертой для полной редакции В.М. Изергин считает наличие еще двух отрывков (из Книги Притчей Соломоновых и Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова). Рассматривая отрывок из «Вопросов и ответов» вставкой, В.М. Изергин считает полную редакцию более поздней, а краткую — более ранней, и, следовательно, более близкой к архетипу произведения.

В классификации Г.С. Баранковой отрывок из «Вопросов и ответов» также играет важную роль. Однако детальный анализ содержания и языка текста с учетом большего числа списков приводит исследовательницу к выделению четырех редакций памятника: пространной, полной, краткой и сокращенной.

Первые две редакции объединяет наличие отрывка из «Вопросов и ответов», как последние две — его отсутствие. В списках полной редакции значительно сокращено место об изгойстве, в то время как списки пространной повторяют аналогичный текст краткой редакции. Это заставляет Г.С. Баранкову считать происхождение пространной редакции более ранним по отношению к полной редакции. Сокращенная редакция появилась в результате сокращения текста краткой редакции. Пространная и краткая редакции делятся в свою очередь на более старшие и более поздние группы списков.

Нечеткая классификация «Предсловия покаянию»

Приведенный материал показывает, что для «Предсловия» характерна так называемая открытая рукописная традиция, то есть когда допускается свободное обращение с текстом, приводящее к изменениям, которые оцениваются как соавторство и редактирование²⁵. Более того, допускалась, по-видимому, и правка текста: обнаружив ошибку в антиграфе, переписчик пытался исправить ее по другому антиграфу. Все это приводило к варьированию и смешению разночтений, возникавших на разных этапах бытования текста. Все это делало

невозможным однозначную классификацию такого рода произведений — факт, осознаваемый как традиционными текстологами, так и исследователями, пытающимися привлечь к анализу различные формализованные методы²⁶.

Следующие приводимые цитаты заостряют и конкретизируют это пространенное мнение: «критика текста не является ни ветвью математики, ни какой-либо точной наукой вообще. Она имеет дело с материей не строго постоянной, как строчки и числа, но текучей и изменяющейся... Таким образом, эта наука не подчиняется жестким правилам»²⁷, и «В открытых традициях ... строгая элиминация (*eliminatio*), возможная в так называемых „закрытых традициях“, непригодна, и следует пользоваться более приблизительными имеющимися под рукой методами»²⁸.

Очевидно, что для решения исходной задачи, в частности построения генеалогической стеммы списков, даже в самом сложном случае, характеризующимся вышеописанными признаками открытой рукописной традиции, необходимо привлечь новые подходы и методы. Таковой подход был найден и привлечен автором настоящей статьи из, казалось бы, наиболее отдаленной от гуманитарной области знаний, исходя из вышеперечисленных цитат, а именно из математической науки, носящей название теории нечетких множеств²⁹.

В основе построенной модели лежит представление о нечеткости, размытости как универсальной категории, присущей человеческой деятельности как в гуманитарной сфере вообще, так и процессу копирования списков средневекового текста в частности. И *классификация*, основанная на переведенных на язык цифр соотношений между списками, возможна лишь с *определенной долей достоверности* (или противоположного ей понятия *нечеткости*).

Предложенная модель нечеткой генеалогической классификации базируется на двух положениях: 1) Чем *больше ошибочных чтений* одного текста содержится в другом, *тем достовернее* гипотеза о том, что первый список *генеалогически предшествует* второму; 2) Чем *меньше* общих ошибочных чтений у пары списков, тем более независимы они друг от друга. Как видим, ключевую роль в классификации играют общие ошибки (или отклонения от нормальных чтений) — тезис, уходящий своими корнями в работы К. Лахмана³⁰. Фигурально выражаясь, история бытования текста это, во многом, история накопления и переноса его ошибок.

На предварительном этапе списки сравниваются попарно и подсчитывается количество их общих ошибок. Далее это число делится на количество ошибок первого и второго списка, и получающиеся два коэффициента помещаются в специальную таблицу, носящую название матрицы нечеткого отношения предпочтения. В чем-то она напоминает матрицу близости (или обратную ей матрицу расстояний), часто используемую в формализованных классифика-

циях³¹. Но поскольку число собственных ошибок в обоих списках различно, то соответствующая пара коэффициентов также не совпадает друг с другом. И получающаяся матрица нечеткого отношения предпочтения, в отличие от матрицы близости (расстояний) не является симметричной. На самом деле, это не недостаток, а огромное преимущество, поскольку позволяет проводить не только горизонтальную (группировка списков), но и вертикальную (хронологическое упорядочивание групп) классификацию, естественно, *с заданной степенью нечеткости*³².

Коэффициент матрицы нечеткого предпочтения имеет смысл процента унаследованных ошибок из одного списка в другой для каждой пары. В зависимости от значений соответствующей пары коэффициентов различаются три экстремальных случая. Первый — когда оба коэффициента близки к единице, то есть большая часть ошибок первого и второго списков совпадают. Это значит, что либо эти списки являются точными копиями друг друга либо переписаны с одного антиграфа. Второй случай — когда оба коэффициента близки к нулю. Это значит, что списки не имеют общих ошибок и принадлежат различным ветвям стеммы. Наконец, третий случай описывает ситуацию, когда один из коэффициентов близок к единице, а другой — к нулю. Это значит, что большая часть ошибок первого списка совпадает с ошибками второго, но лишь малая часть ошибок второго списка совпадает с ошибками первого. Отсюда можно сделать вывод о первичности первого списка относительно второго.

Заметим, что ошибки имеют разную значимость для классификации. Наиболее важны неустранимые ошибки, то есть те, которые не могут быть поняты и надлежащим образом исправлены переписчиками. Переносимые из списка в список, часто еще дополнительно искажаясь, комбинации таких ошибок являются важными текстологическими приметам, определяющими группы близкородственных списков (редакций, изводов). Но даже среди неустранимых ошибок выделяются различные группы по важности. Одно дело лексическая замена (например, как мы видели, когда слово «изгойство» переходит в «рѣзоимство»), или наличие/отсутствие отрывка с «Вопросами и ответами», или употребление двойственного числа в ряде списков: ср.: «*еста* бо двѣ матици всѣкъмъ зломъ» в Соф-1285 и «*естъ* бо двѣ матици всякомъ зломъ» в Еп-384)³³.

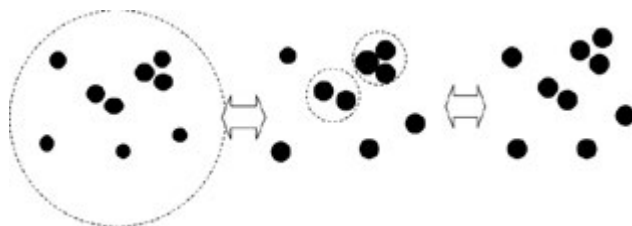
С учетом вышесказанного автором совместно с Г.С. Баранковой была предложена в качестве универсальной типологизация разночтений, включающая четырнадцать типов: 1) лексическая замена; 2) пропуск/вставка глав; 3) пропуск/вставка предложений; 4) пропуск/вставка словосочетаний; 5) пропуск/вставка слов; 6) пропуск/вставка частицы «не»; 7) смысловые ошибки; 8) пропуск/изменение названия глав; 9) перестановка слов/ словосочетаний; 10) исправления; 11) орфография; 12) описка или повтор; 13) русизм; 14) архаика. Каждая ошибка

должна входить со своим весом при вычислении матрицы нечеткого отношения предпочтения. Для минимизации субъективности при назначении веса каждому типу автором настоящей статьи была разработана специальная математическая процедура косвенной экспертизы³⁴.

Полученная матрица является исходной для метода нечеткой генеалогической классификации, развитого автором настоящей статьи на основе вышеизложенного подхода³⁵. Суть этого метода заключается в том, что из исходного нечеткого отношения предпочтения, задаваемого вышеуказанной матрицей, выделяются два отношения: симметричное и антисимметричное. Первое характеризует горизонтальные связи между списками и формирует так называемые классы нечеткой эквивалентности. На языке текстологии они соответствуют группам текстуально близких списков (редакций). Второе отношение характеризует вертикальные связи между списками и упорядочивает хронологически полученные ранее классы эквивалентности между собой. Важно отметить, что предложенная модель *учитывает возможность правки*, то есть каждая группа может выступать как антиграф (непосредственный предок) для нескольких групп, так и иметь несколько групп в качестве своих антиграфов.

Количество сформированных классов эквивалентности a , следовательно, детализация стеммы зависит от величины наперед заданного параметра (*порога достоверности*). Чем он ближе к единице, тем на большее число нечетких классов распадается исходное множество, и так вплоть до отдельных списков. Наоборот, чем он ближе к нулю, тем все большее число списков будет включаться во все увеличивающиеся по объему нечеткие классы. Поскольку оба крайних случая интереса для классификации не представляют, приходится останавливаться на промежуточном компромиссном значении порога. На следующем рисунке представлены все три вышеперечисленные случая (пунктиром выделены образующиеся нечеткие классы эквивалентности):

Рис. 1 Выделение классов эквивалентности с возрастанием порога достоверности

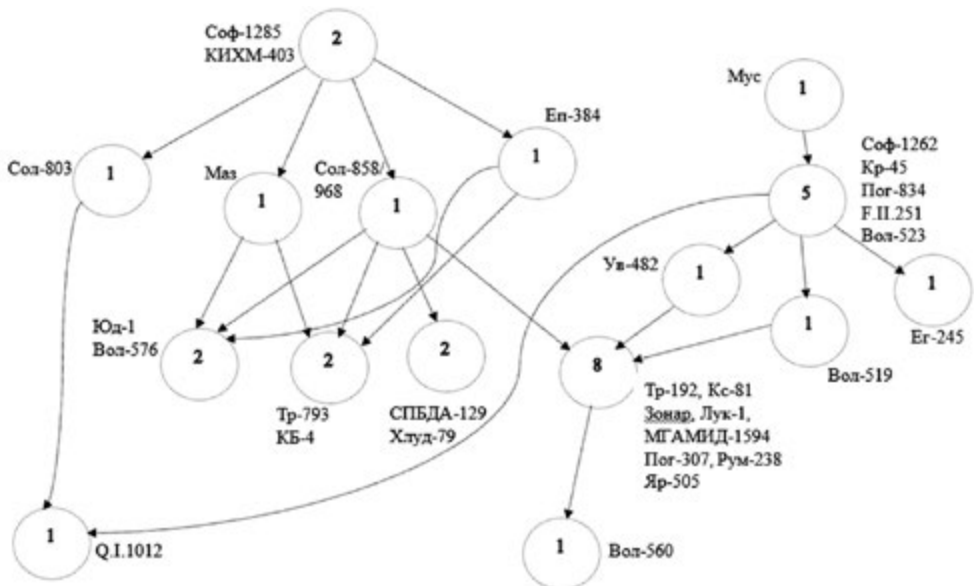
Сравнение результатов нечеткой и традиционной классификации «Предслова покаянию»

В качестве объекта апробации разработанного метода нечеткой генеалогической классификации были выбраны 31 список «Предслова покаяния», большая часть которых была разыскана Г.С. Баранковой и автором настоящей статьи в архивах гг. Москвы, Санкт-Петербурга, Кириллова, Ярославля, Киева.

На предварительном этапе в процессе сличения списков текст был разбит на почти 1200 узлов разночтений (мест, где варьируются чтения разных списков) с почти 5000 общим числом разночтений. В качестве разночтений выступали как отдельные слова, так и словосочетания, предложения и проч. в соответствии с вышеописанной типологизацией.

Сформированная согласно указанной формализованной процедуре матрица нечеткого отношения предпочтения поступала на вход программе нечеткой генеалогической классификации, разработанной автором настоящей статьи на языке «Delphi». Варьируя параметр достоверности с целью сохранения связности получаемой стеммы и максимальной ее стабильности, останавливаемся на его значении, равным 0,68:

Рис. 2 Стемма списков «Предслова» с уровнем достоверности 0,68

Круги с пунктиром обозначают нечеткие классы, а числа — количество входящих в них списков. Стрелки отражают генеолого-преемственные связи между соответствующими классами.

Не трудно видеть, что все списки разбиваются на две большие группы, совпадающие с аналогичными двумя группами классификации Г.С. Баранковой: пространной и полной, с одной стороны, и краткой и сокращенной — с другой. Также совпадают старшие списки обеих групп: Соф-1285 для первой и Соф-1262 для второй³⁶.

В то же время, нечеткая классификация выявляет дополнительные связи между списками и группами списков. Так, списки Маз, Сол-858/968 и Еп-384 играют посредническую роль между старшими и поздними списками первой группы. Во второй группе также выделяются подгруппа со старшими и подгруппа с поздними списками. Интересно, что последняя подгруппа связана через Сол-858/968 с первой группой.

Более подробное сравнение результатов нечеткой и традиционной классификации сведены в таблицу³⁷:

Таблица 3

Нечеткая классификация	Классификация Г.С. Баранковой
Состав старших списков первой группы: Соф-1285, Сол-858/968, Сол-803, Еп-384, Маз	Состав пространной редакции: Соф-1285, Юд-1, Сол-858/968, Сол-803, СПБДА-129, Вол-576, Хлуд-79, Еп-384, Маз, Мус
Состав подгрупп поздних списков первой группы: 1) ЮД-1, Вол-576; 2) КБ-4, Тр-793; 3) СПБДА-129, Хлуд-79	Состав полной редакции: КБ-4, Тр-79; Большая близость между Юд-1 и Вол-576
Еп-384 играет промежуточное положение между старшими списками и подгруппами поздних списков первой группы	Еп-384 играет промежуточное положение между списками пространной и полной редакциями
Состав старших списков второй группы: Вол-519, Ув-482, Ег-245, Кр-45, Пог-834, Ф.П.251, Соф-1262, Вол-523, Мус	Состав краткой редакции: Вол-519, Вол-560, Ув-482, Ег-245, Кр-45, Пог-834, Рум-238, Соф-1262 У краткой редакцией есть общая черта с Мус
Еп-384 играет промежуточное положение между первой группой и старшими списками второй группы	
Состав поздних списков второй группы: Лук-1, Рум-238, Тр-192	Состав сокращенной редакции: Вол-523, Лук-1, Тр-192, Ф.П.251, Q.I.1012

Нечеткая классификация	Классификация Г.С. Баранковой
Сокращенная редакция имеет в качестве одного из антиграфов краткую редакцию	Сокращенная редакция появилась в результате сокращения краткой
Сокращенная редакция имеет в качестве второго из антиграфов пространную редакцию	
Краткая редакция, скорее всего, младше пространной редакции ³⁸	Краткая редакция старше пространной редакции
У Q.I.1012 в качестве второго антиграфа выступает пространная редакция	

¹ *Изергин В.М.* «Предсловие покаянию» (Историко-литературный очерк) // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1891. Ноябрь. С.142-184

² *Павлов А.С.* Памятники древнерусского канонического права // Русская историческая библиотека. Том VI. СПб., 1880. Стлб.835-846

³ РГАДА. Собрание Мазурина. № 1700. Середина XIV века (Маз).

⁴ РНБ. Собрание Санкт-Петербургской Духовной Академии. № 129. XVI век (Дубининский список, СПбДА-129)

⁵ *Чистович И.А.* Библиографическая записка об «Обзоре Русской духовной литературы 862-1720» преосв. Филарета, епископа Харьковского. СПб., 1856 // Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. СПб., 1857. Т.6. вып.3. С.237-238 (л. 140)

⁶ *Буслаев Ф.И.* Новые сведения об изгойстве и изгоях // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1850. Кн.2. ч. 2. Отд.6. С.66-83

⁷ Словарь церковно-славянского языка А.Х. Востокова // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики / ред. И.И. Срезневский. Т.1. СПб., 1858. 255 С.

⁸ РНБ. Собрание Кирилло-Белозерское. № 4/1081. XV век (КБ-4)

⁹ *Срезневский И.И.* Древние памятники русского языка и письма. Общее повременное обозрение // Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. СПб., 1861-1863. Т.10. Стлб. 303, 645-647. Кроме сведений, приведенных И.И. Срезневским, нигде больше о сборнике А.И. Мусина-Пушкина не упоминается, так что в настоящее время его следует считать утраченным

¹⁰ *Изергин В.М.* «Предсловие покаянию» (Историко-литературный очерк) // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1891. Ноябрь. С.142-184.

¹¹ *Баранкова Г.С.* Текстологические и языковые особенности раннего древнерусского канонического сочинения Предсловие покаянию // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. № 16. Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2016-2017. М., 2018. С. 9-65

¹² Памятники древнерусской духовной письменности – правило о покаянии // Православный собеседник. Казань, 1860 ч.1. С.346-358. Один список из Соловецкого собрания, № 803, сборник

конца XV-начала XVI века (Сол-803); второй – также из Соловецкого собрания, № 858, Кормчая 1493 года (Сол-858/968).

¹³ *Срезневский И.И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1867. Т.12. С.327-329

¹⁴ РНБ. Собрание Новгородское Софийское. № 1285. Первая треть XV века (Софийский сборник, Соф-1285)

¹⁵ Антология памятников домонгольского периода в рукописи XV в. Софийский сборник/ ред. Н.В. Савельева. М.- СПб., 2013. 540 С.

¹⁶ РНБ, собрание Крылова. № 45. XV в. (Кр-45).

¹⁷ РГБ, собрание Иосифо-Волоколамского монастыря. № 560. XVI век (Вол-560).

¹⁸ Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.). М., 2002. 560 С.

¹⁹ РГБ, собрание Егорова. № 245. Начало XV в. (Ег-245).

²⁰ Коллекция Кирилло-Белозерского музея-заповедника. РК-125. Первая четверть XV в. (КИХМ-403); РГБ, собрание Троице-Сергиевой Лавры. № 793. XVI-XVII вв. (Тр-793)

²¹ *Павлов А.С.* Номоканон при Большом Требнике. Его история и тексты, греческий и славянский, с объяснениями и критическими замечаниями. М., 1897. С.24

²² *Он же.* Памятники древнерусского канонического права // Русская историческая библиотека. Том VI. СПб., 1880. Стлб.838

²³ *Шпирко С.В.* Дискуссионные проблемы изучения древнерусского произведения «Предсловие покаянию» в отечественной историографии // Дискуссионные проблемы источниковедения истории фундаментальной науки в СССР: Материалы Всероссийской научной конференции г. Москва, Архив РАН – РГГУ, 25 июня 2019 г. М., 2019. С. 199-209

²⁴ *Павлов А.С.* Номоканон при Большом Требнике. Его история и тексты, греческий и славянский, с объяснениями и критическими замечаниями. М., 1897. С.24

²⁵ *Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. 256 С.

²⁶ *Colwell E.C. and Tune E.W.* The quantitative relationship between MS text-types // Biblical and patristic studies in memory of R.P. Casey/ Ed. by J.N. Birdsall and P.W. Thomson. Freiburg, 1963. Pp .25-32.

²⁷ *Housman A.* The Application of Thought to Textual Criticism // The Classical Papers of A. E. Housman / Ed. J Diggle. Cambridge, 1972. Vol 3 (1915—1936). P. 1058-1059

²⁸ Introduction // Claudian De Raptu Proserpinae / Ed. J. Hall. Cambridge, 1969. P. 62

²⁹ *Заде Л.* Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. М., 1976. 165 С.

³⁰ *Лихачев Д.С.* Текстология. Л., 1983. 640 С.

³¹ Прикладная и компьютерная лингвистика / ред. И.С. Николаев, О.В. Митренина, Т.М. Ландо. М., 2016. 320 С.

³² Строго говоря, генеалогическую стемму списков строят и некоторые формализованные математические методы классификации, например, метод групп (ср. *Бородкин Л.И., Милов Л.В.* О некоторых аспектах автоматизации текстологического исследования (Закон Судный людям) // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях / ред. И.Д. Ковальченко. М., 1977. С. 235-280). Однако ориентирование получающейся стеммы невозможно без привлечения дополнительных эвристических соображений.

³³ ГИМ, собрание Епархиальное. № 384. XVI век (Еп-384)

³⁴ *Шпирко С.В., Баранкова Г.С.* О некоторых аспектах построения формализованной генеалогической классификации текстов списков средневекового произведения с применением теории нечетких множеств (на материале «Закона Судного людем») // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 1. С.56-64

³⁵ *Шпирко С.В.* Применение теории нечетких множеств к задаче генеалогической классификации в текстологическом исследовании // Историческая информатика: Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. Барнаул, 2013. № 3. С. 39-51

³⁶ Список из Мусин-Пушкинского собрания (Мус) приведен И.И. Срезневским только в части отрывка об изгойстве, что не позволяет делать окончательных выводов относительно его расположения на стемме

³⁷ В Таблицу 3 вошли только списки, общие для нечеткой классификаций и классификации Г.С. Баранковой. Несовпадающие результаты выделены курсивом

³⁸ Разница между Соф-1285 и Соф-1262 не велика (68% унаследованных ошибок из Соф-1285 в Соф-1262 против 62% унаследованных ошибок из Соф-1262 в Соф-1285)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Изергин В.М.* «Предсловие покаянию» (Историко-литературный очерк)// Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1891. Ноябрь. С. 142-184;

2. *Павлов А.С.* Памятники древнерусского канонического права// Русская историческая библиотека. Том VI. СПб., 1880. Стлб.835-846;

3. *Чистович И.А.* Библиографическая записка об «Обзоре Русской духовной литературы 862-1720» преосв. Филарета, епископа Харьковского. СПб., 1856 // Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. СПб., 1857. Т. 6. вып.3. С. 237-238 (л. 140);

4. *Буслаев Ф.И.* Новые сведения об изгойстве и изгоях// Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1850. Кн.2. ч. 2. Отд. 6. С. 66-83;

5. Словарь церковно-славянского языка А.Х. Востокова // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики/ ред. И.И. Срезневский. Т. 1. СПб., 1858. 255 С.;

6. *Срезневский И.И.* Древние памятники русского языка и письма. Общее повременное обозрение// Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. СПб., 1861-1863. Т. 10. Стлб. 303, 645-647;

7. *Баранкова Г.С.* Текстологические и языковые особенности раннего древнерусского канонического сочинения Предсловие покаянию // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. № 16. Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2016-2017. М., 2018. С. 9-65;

8. Памятники древнерусской духовной письменности — правило о покаянии // Православный собеседник. Казань, 1860 ч. 1. С.346-358. Один список из Соловецкого собрания, № 803, сборник конца XV-начала XVI века (Сол-803); второй— также из Соловецкого собрания, № 858, Кормчая 1493 года (Сол-858/968);

9. *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1867. Т. 12. С. 327-329;

10. Антология памятников домонгольского периода в рукописи XV в. Софийский сборник/ ред. Н.В. Савельева. М. — СПб., 2013. 540 С.;

11. *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI-XVII вв.). М., 2002. 560 С.;

12. *Павлов А. С.* Номоканон при Большом Требнике. Его история и тексты, греческий и славянский, с объяснениями и критическими замечаниями. М., 1897. 520 С.;

13. *Штурко С. В.* Дискуссионные проблемы изучения древнерусского произведения «Предсловие покаянию» в отечественной историографии// Дискуссионные проблемы источниковедения истории фундаментальной науки в СССР: Материалы Всероссийской научной конференции г. Москва, Архив РАН — РГГУ, 25 июня 2019 г. М., 2019. С. 199-209;

14. *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. 256 С.;

15. *Colwell E. C. and Tune E. W.* The quantitative relationship between MS text-types// Biblical and patristic studies in memory of R. P. Casey/ Ed. by J. N. Birdsall and P. W. Thomson. Freiburg, 1963. Pp. 25-32;

16. *Housman A.* The Application of Thought to Textual Criticism // The Classical Papers of A. E. Housman / Ed. J. Diggle. Cambridge, 1972. Vol 3 (1915-1936). P. 1058-1059;

17. Introduction//Claudian De Raptu Proserpinae / Ed. J. Hall. Cambridge, 1969. 252 P.;

18. *Заде Л.* Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. М., 1976. 165 С.;

19. *Лихачев Д. С.* Текстология. Л., 1983. 640 С.;

20. Прикладная и компьютерная лингвистика/ ред. И. С. Николаев, О. В. Митренина, Т. М. Ландо. М., 2016. 320 С.;

21. *Бородкин Л. И., Милов Л. В.* О некоторых аспектах автоматизации текстологического исследования (Закон Судный людем) // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях/ ред. И. Д. Ковальченко. М., 1977. С. 235-280);

22. *Штурко С. В., Баранкова Г. С.* О некоторых аспектах построения формализованной генеалогической классификации текстов списков средневекового произведения с применением теории нечетких множеств (на материале «Закона Судного людем») // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 1. С. 56-64;

23. *Штурко С. В.* Применение теории нечетких множеств к задаче генеалогической классификации в текстологическом исследовании // Историческая информатика: Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. Барнаул, 2013. № 3. С. 39-51.

Цыб С. В.
РАНХиГС, Алтайский филиал

«ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ» ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ АГИОГРАФИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Аннотация: Особым направлением научного творчества историка А.А. Зимины было обращение к источникам Древней Руси. В статье делается попытка провести анализ отношения А.А. Зимины к сочинению «Память и похвала... и Житие князя Владимира», написанному монахом Иаковом в XI в. Автор статьи пробует открыть новые познавательные возможности в оценке этого произведения.

Ключевые слова: Древняя Русь, князь Владимир, монах Иаков, хронология, летопись.

Tsyb S. V.
RANHiGS, Altai branch

«DOCUMENTARY» APPROACH TO THE STUDY OF HAGIOGRAPHIC SOURCE

Annotation: A special direction of scientific creativity of the great historian A.A. Zimin was the appeal to the sources of Ancient Russia. The article attempts to analyze the attitude of A.A. Zimin to the historical documentation and hagiography “Memory and praise...and the Life of Prince Vladimir”, which was written by the monk Iakov in the XIth century. The author of the article tries to open new cognitive possibilities in the evaluation of this work.

Keywords: Ancient Russia, Prince Vladimir, monk Iakov, chronology, cronicle.

В богатом творческом наследии А.А. Зимины, отражающем его неременный интерес к российской истории XV-XVII вв., мы отмечаем и постоянное, сформировавшееся еще в студенческие годы, пристальное внимание к предшествующей эпохе, к «домосковскому» времени. Можно согласиться с современным зиминским биографом М.А. Базановым, написавшим: «Киевская Русь (позволим себе добавить, и период раздробленности русских земель. — С.Ц.) занимала одно из центральных мест в иерархии научных интересов историка». Одновременно с этим можно признать справедливыми и дальнейшие его слова: «Но в то же время остается констатировать тот факт,

что исследователи творчества ученого уделяют этой стороне его научных изысканий чрезвычайно мало внимания»¹, да и это внимание было избирательным. Классическим примером отечественной историографии стало участие А. А. Зимина в дискуссии о подлинности уникального Слово о полку Игореве (недаром, этот сюжет, судя по программе VII Зиминских чтений, до сих пор остается актуальным). Меньшее внимание коллег А. А. Зимина привлекало в прошлом и привлекает сейчас его обращение к агиографическим сочинениям, посвященным одному из основателей русского христианства князю Владимиру Святославичу.

В 1963 г. в «Кратких сообщениях Института славяноведения АН СССР» А. А. Зимин опубликовал список двух житийных памятников из собрания Е. Е. Егорова в Ленинской библиотеке². Публикация была выполнена на уровне, соответствовавшим собственным представлениям ученого о правилах археографической и текстологической исследовательской деятельности и которые мы, без всякого сомнения, можем назвать утвердившимися и в современной практике издания средневековых текстов. В кратком введении А. А. Зимин убедительно объясняет выбор Егоровского списка в качестве основного³. Не являясь фактически древнейшим списком (его дата — 70-е гг. XV в. — более чем на полвека уступает возрасту Мусин-Пушкинского списка), он, тем не менее, был исправнее второго, искаженного перепиской начала XIX в. и, вместе с тем, лучше передавал его текстовые особенности, чем опубликованный В. И. Срезневским в конце позапрошлого столетия Соловецкий список (конец XV в.). Таким образом, А. А. Зимин получил убедительные, с его точки зрения, основания считать издаваемый им текст «древнейшим списком» произведений.

Этот вывод был, по сути, предвестием формирования будущих взглядов исследователя на проблему установления истинности происхождения средневековых источников. Всё, что было «запятнано» приметами XVIII и XIX вв., становилось для А. А. Зимина объектом особого критического восприятия.

Нам интересна, однако, другая проблема, возникающая при знакомстве с публикацией 1963 г. Видимо, не случайно она открывается такими словами: «Уже А. А. Шахматов доказал, что первое из двух произведений древнерусской агиографии (т. е. «Память и похвала...»). — С.Ц.) сохранило уникальные сведения, восходящие к начальному русскому летописанию»⁴. Эта мысль знаменитого предшественника совпадала со взглядами самого А. А. Зимина на возможность реконструкции исчезнувших текстов (или их отдельных частей) на основе изучения сохранившихся модификаций. Добавим к этому наблюдению высказанное А. А. Зиминим принципиальное одобрение шахматовского способа осуществлять эту реконструкцию на основе сопоставления хронологических показаний источников⁵, и мы получаем научно обоснованный вектор своего нынешнего исследования.

Действительно, А. А. Шахматов в свое время убедительно обосновал вывод о том, что относительные хронологические показания «Памяти и похвалы...» были вычислены по абсолютным датам древнего летописного текста, предшествовавшего созданию «Повести временных лет»⁶. Все исследователи «Памяти...» совершенно справедливо отметили разницу способов датирования в двух частях произведения — в описании событий до крещения Владимира («...сѣде в Киевѣ князь Володимиръ *въ осмое лѣто* по (курсив здесь и далее мой. — С.Ц.) смерти отца своего Святъслава», «Крести же ся князь Володимиръ в *10-е лѣто по убьеннѣ* брата своего Ярополка» и пр.) и после крещения («*На другое лѣто* по крещеннѣ к порогомъ ходи, *на третье <лѣто>* Корсунь городъ взя, *на четвертое лѣто* церковь камену святыя Богородица заложѣ» и др.)⁷. Из этого наблюдения был сделан вывод о том, что первый способ датирования отражал так называемый включающий счет (начальный год считался не нулевым, а первым, т. е. включался в число учитываемых лет)⁸, а второй — линейный, и это дало возможность восстановить некоторые абсолютные даты событий второй половины X в. из несохранившегося летописного источника автора «Памяти...»: крещение Ольги — 6463 г., смерть Ольги — 6477 г., смерть Святослава — 6479 г., начало княжения Владимира в Киеве — 6486 г., крещение Руси — 6495 г., и т. д. В этом случае, однако, получается, что большинство хронологических показаний «Памяти...» противоречит хронологии «Повести...», хотя мы должны были бы ожидать их совпадения, поскольку они восходят к общему протографу. Эти противоречия привычно списывались на счет позднейших редакторов летописи, при этом непонятной оставалась их мотивация⁹.

Очевидно, все же, что «включающий» счет использовался автором «Памяти и похвалы...» в датировании «послекрещенского» периода жизни Владимира (ближайший за крещением год он обозначил «на другое лѣто», а следующий за ним — «на третье <лѣто>»), значит, даты, предшествующие просвящению Владимира, автор «Памяти...» вычислял обычным способом. Такая интерпретация позволяет получить из относительных показаний «Памяти...» такие числа годов от Сотворения мира, которые, не совпадая полностью с годами «Повести...», тем не менее, весьма близки к ним (табл. 1).

Таблица 1.

Сопоставление относительных дат «Памяти и похвалы князю Владимиру» с абсолютными датами «Повести временных лет»

Известия «Памяти и похвалы князю Владимиру» [16, 17, 19]	Д А Т Ы		
	«Память и похвала...»	Перечень «Повести...»	Текст «Повести...»
...Та бо блаженная княгинѣ Руская Олга... иде в землю Грѣчьскую, въ Цѣсарьград... и приимши святое крещенье...	6463 г.	—	6463 г.
...По святомъ же крещеньи... Олга живе лѣтъ 15 ... и успе мѣсяца июля в 11 день, въ лѣто 6477-е...	6477 г.	—	6477 г.
...А Святъслава князя Печенѣзѣ убиша...	6478 г.	6477 г.	6480 г.
...И сѣде в Киевѣ князь Володимиръ вѣосмое лѣто по смерти отца своего Святъслава, мѣсяца июня въ 11, в лѣто 6486.	6486 г.	6485 г.	6488 г.
Крести же ся князь Володимиръ въ 10-е лѣто по убьени брата своего Ярополка...	6496 г.	—	6496 г.
...На дргое лѣто по крещеньи к порогомъ ходи,	6497 г.	—	6496 г.
на третье <лѣто> Корсунь городъ взя,	6498 г.	—	6496 г.
на четвертое лѣто церковь камену святѣя Богородица заложи,	6499 г.	—	6497 г. Ипать. список – 6499 г.
а на пятое лѣто Переяславль заложи,	6500 г.	—	6501 г. Лавр. список – 6500 г.
в девятое лѣто десятину... вда церкви святѣи Богородицѣ...	6504 г.	—	6504 г.
...По святомъ же крещеньи поживе блаженни князь Володимиръ 28 лѣтъ... Успе с миромъ мѣсяца июля въ 15 день, в лѣто 6523...	6523 г.	6522 г.	6523 г.

Более близкими к ним, однако, являются показания княжеского перечня «Повести...» (табл. 1). Несовпадение относительных интервалов его русской части с датами основного текста летописи было отмечено еще в середине XIX в.¹⁰ Объясняя разницу годовых показаний двух частей «Повести...», ученые пришли к несомненному выводу о том, что интервалы перечня рассчитывались по годам летописного текста, имевшего более архаичный вид в сравнении с дошедшей до нас летописью, что, однако, не позволяло увидеть какую-то систематичность в расхождении «перечневых» и «летописных» дат. Н. А. Полевой первым догадался выстроить интервалы перечня в обратном порядке от сравнительно «прочной» даты смерти Ярослава Мудрого (6562 или 1054 г.)¹¹. Развивая эту догадку и определив даты начала и окончания всех княжений от Олега до Ярослава (табл. 2), мы устанавливаем, что расхождение дат перечня и летописи во всех случаях до смерти князя Владимира составляет 3-4 года, следовательно, интервалы перечня вычислялись по годам византийско-болгарской эры летосчисления, отсчитываемыми от константинопольских показаний как раз на такое количество лет.

Таблица 2.

Перевод относительных показаний перечня «Повести временных лет» в абсолютные даты

Известия хронологического перечня «Повести временных лет» ¹²	ДАТЫ	
	ЛЕТОПИСЬ	ПЕРЕЧЕНЬ
до смерти Ярославли	6562 г.	6562 г.
а Ярославъ княжи лѣт 40	6524-6562 гг.	6522-6562 гг.
а Володимеръ <княжи> лѣт 37	6488-6523 гг.	6485-6522 гг.
а Ярополкъ княжи лѣ 8	6481-6488 гг.	6477-6485 гг.
а от первого лѣта Святославля до первого лѣта Ярополча лѣт 28	6454-6480 гг.	6450-6477 гг.
а от первого лѣта Игорева до первого лѣта Святъславля лѣт 33	6421-6453 гг.	6417-6449 гг.
а от первого лѣта Олгова понеже сѣде в Киевѣ до первого лѣта Игорева лѣт 31	6390-6420 гг.	6386-6416 гг.
а от первого лѣта Михаилова до первого лѣта Олгова Рускаго князя лѣт 29	6360-6387 гг.	6357-6385 гг.

О применении древнерусскими летописцами летосчисления с интервалом 5505 лет между Сотворением мира и Рождеством Христовым не единожды уже писалось в научной литературе¹³, и поэтому мы можем вполне обоснованно

ванно предполагать употребление в несохранившемся летописном источнике Иакова-мниха как раз такой системы учета лет. В некотором смысле опорной хронологической вехой для появления такого утверждения является известие о смерти князя Святослава Игоревича (табл. 1): византийская хронология, без всякого сомнения, позволяет относить ее к весне 972 г.¹⁴, который в «Повести...» обозначен 6580-м годом самой распространенной на Руси константинопольской эры (от Сотворения до Рождества 5509 лет), а в архаичной летописи, предшествующей «Памяти...» и летописному перечню, — 6577-м или 6578-м годом византийско-болгарской эры (5505 лет).

В связи с этим любопытно рассмотреть важнейшую дату государственной и церковной истории Киевской Руси, дату смерти князя Владимира. Во всех русских летописях смерть относится к 15 июля 6523 г. Эта дата повлияла и на агиографические сочинения, посвященные равноапостольному князю, например, на «Память и похвалу князю Владимиру» (табл. 1). Очевидно, однако, что первоначальной датой этого события был 6522 г., поскольку в «Повести...» рассказ о предсмертной болезни и смерти Владимира искусственно «протянут» из статьи 6522 г. в следующий год, на что указывает повтор на границе двух летописных статей: «В лѣто 6522...Володимеръ... хотяшеть бо на Ярослава ити на сына своего, но разболѣся. В лѣто 6523. Хотяшо Володимеру ити на Ярослава... Володимеру бо разболѣвшюся... в неиже болести и скончася мѣсяца июуля в 15 день»¹⁵. Этот вывод подтверждается и перечнем «Повести...» (конспектом архаичного летописного текста), где смерть князя приходится также на 6522 г. (табл. 2). Зная о том, что начальная часть перечня вычислялась по византийско-болгарской годовой шкале, мы можем предполагать, что и 6522-й год был вычислен по эре в 5505 лет, т. е. смерть князя произошла 15 июля 1017 г. (если летописный год был ультрамартовским), или 15 июля 1018 г. (сентябрьский или мартовский год).

Смерть Владимира в 6522 г. подтверждается перечнем еще раз, когда в нем говорится о том, что «Ярославъ княжи « лѣт 40»; поскольку перечень здесь использует линейный счет лет, а смерть Ярослава в летописи датирована 6562 г., получается, что его отец умер в 6522 г.

Относительные хронологические интервалы «Памяти и похвалы...» также подтверждают эту дату (табл. 1). Согласно сведениям Иакова-мниха, точнее, сведениям его летописного источника, крестился русский князь на 18-й год после смерти своего отца (табл. 1), а Святослав, как мы уже знаем погиб в 972 г. Поскольку автор «Памяти...» использовал в этой части расчетов обычный счет лет, крещение Владимира следует относить к 990 г. (972 г. + 18 лет). Общий срок жизни крещенного Владимира («28 лѣт»), выведивший на дату его смерти в 6523 г., был высчитан уже «включающим» счетом от 6496 г., что подтверждается

сроком христианской жизни Ольги (6477 г.). Год смерти княгини у Иакова следует уменьшить на 15 лет «включающего» счета, или на 14 лет, и получить 6463 г. ее крещения, как это и обозначено в летописи. При переводе на нашу хронологию получается, что после просвящения Владимир прожил 28 «включающих» лет: 990 г. + 27 лет = 1017 г.

Еще одно подтверждение правильности своим предположениям мы отыскиваем в анонимном «Сказании о Борисе и Глебе». Этот источник, в отличие от летописного перечня, рассказывает о том, что «преставися Ярославъ поживъ добръ по смерти отца своего лѣтъ 38»¹⁶. Дата смерти Ярослава устанавливается достаточно точно, это — 6562-й константинопольский сентябрьский год. В прямом совмещении хронологических показаний (6562 г. и 38 лет) мы получаем дату смерти Владимира в 6524-м сентябрьском константинопольском году (сентябрь 1015 г. — август 1016 г.), но если предположить, что 38-летний срок был высчитан «включающим» счетом¹⁷, тогда смерть князя будет датироваться 6525-м константинопольским годом, который в сравнении с 6522-м византийско-болгарским годом указывает опять же на 1017 г.

¹ *Базанов М.А.* Киевская Русь в творчестве А.А. Зимина: концепция «дофеодального периода» // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 32 (170). История. Вып. 35. С. 134.

² *Зимин А.А.* Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. 37. М., 1963. С. 66-75. Далее ссылки на эту публикацию даются в тексте в квадратных скобках с указанием номеров страниц по репринтному ее воспроизведению: Память и похвала князю русскому Владимиру и Житие князя Владимира: Reprinted from the editions of V.I. Sreznevskij (St. Petersburg, 1897) and A.A. Zimin (Moscow, 1963). Berkley Slavic Specialties, 1988. С. 13-22.

³ Там же. С. 13 -14.

⁴ Там же С. 13.

⁵ *Зимин А.А.* Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 435.

⁶ *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 13-28, 133-161.

⁷ Там же. С. 19.

⁸ Название «включающий счет» впервые применили исследователи XIX в.: *Соболевский А.И.* В каком году крестился св. Владимир // ЖМНП. 1888. Ч. CCLVII. С. 398-399; *Шахматов А.А.* О Начальном Киевском летописном своде. М., 1897. С. 29, 43; *Степанов Н.В.* Единицы счета времени (до XIII века) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям // ЧОИДР. 1909. Кн. 4 (231). С. 11-12; и др.

⁹ *П.Л. [Лашкарёв П.А.]* Когда и где совершилось крещение киевлян при св. Владимире // Киевская старина. Т. XIX (сентябрь). 1887. С. 175-185; *Завитневич В.З.* О месте и времени крещения св. Владимира и киевлян // Труды Киевской духовной Академии. 1888. № 1 (январь).

С. 126-152; *Матченко П.И.* Святой равноапостольный князь Владимир – проповедник Руси // Странник. 1889. Т. 1 (январь). С. 79-108; *Соболевский А.И.* Указ. соч. С. 396-403; *Левитский Н.М.* Важнейшие источники для определения времени крещения Владимира и Руси и их данные: По поводу мнения проф. Соболевского. СПб., 1890.

¹⁰ *Погодин М.П.* Нестор: Историко-критические рассуждения о начале русских летописей. М., 1839. С. 93, 164; *Срезневский И.И.* Памятники X-го века до Владимира Святого // Исторические чтения о русском языке и словесности на заседаниях II-го Отделения ИАН 1854 и 1855 гг. СПб., 1855. С. 18-20.

¹¹ *Полевой Н.А.* История русского народа. Т. 1. М., 1997. С. 392-393. См. также: *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 258-263.

¹² ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 18; Т. 2. М., 2001. Стб. 13.

¹³ *Златарский В.Н.* Болгарское летосчисление // ИОРЯС. Т. XVII, кн. 2. 1912. С. 50-59; *Кузьмин А.Г.* Указ. соч. С. 253-257, 261-263, 294-295; *Цыб С.В.* Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». СПб., 2011. С. 184-188.

¹⁴ *Krug Ph.* Kritischer versuch zur aufklärung der byzantischen chronologie, mit besonderer rücksicht auf die früher geschichte Russlands. St.-Petersburg, 1810. S. 292-302.

¹⁵ ПСРЛ. Т.1. Стб. 130; Т. 2. Стб. 114-115.

¹⁶ Сказания о святых Борисе и Глебе: Сильвестровский список XIV века / Изд. И.И. Срезневский. СПб., 1860. Стб. 75.

¹⁷ Автор «Сказания...» использовал, как раз, «включающий» счет, что ясно из такой фразы: «Святополку преставившюся. на вѣторое лѣто по украшении церкви тоаѣ» (Там же. Стб. 86).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Базанов М.А.* Киевская Русь в творчестве А.А. Зимина: концепция «дофеодального периода» // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 32 (170). История. Вып. 35. С. 134-141.

2. *Завитневич В.З.* О месте и времени крещения св. Владимира и киевлян // Труды Киевской духовной Академии. 1888. № 1 (январь). С. 126-152.

3. *Зимин А.А.* Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 427-449.

4. *Златарский В.Н.* Болгарское летосчисление // ИОРЯС. Т. XVII, кн. 2. 1912. С. 28-59.

5. *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.

6. *Левитский Н.М.* Важнейшие источники для определения времени крещения Владимира и Руси и их данные: По поводу мнения проф. Соболевского. СПб., 1890.

7. *Матченко П.И.* Святой равноапостольный князь Владимир — проповедник Руси // Странник. 1889. Т. 1 (январь). С. 79-108.

8. *П.Л. [Лашкарев П.А.]* Когда и где совершилось крещение киевлян при св. Владимире // Киевская старина. Т. XIX (сентябрь). 1887. С. 175-185.

9. *Погодин М.П.* Нестор: Историко-критические рассуждения о начале русских летописей. М., 1839.

10. *Полевой Н. А.* История русского народа. Т. 1. М., 1997.
11. *Соболевский А. И.* В каком году крестился св. Владимир // ЖМНП. 1888. Ч. ССLVII. С. 396-403.
12. *Срезневский И. И.* Памятники X-го века до Владимира Святого // Исторические чтения о русском языке и словесности на заседаниях II-го Отделения ИАН 1854 и 1855 гг. СПб., 1855. С. 1-26.
13. *Степанов Н. В.* Единицы счета времени (до XIII века) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям // ЧОИДР. 1909. Кн. 4 (231). С. 1-74.
14. *Цыб С. В.* Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». СПб., 2011.
15. *Шахматов А. А.* О Начальном Киевском летописном своде. М., 1897.
16. *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
17. *Krug Ph.* Kritischer versuch zur aufklärung der byzantischen chronologie, mit besonderer rücksicht auf die früher geschichte Russlands. St.-Petersburg, 1810.

Моисеев М. В.
Музейное объединение «Музей Москвы»,
Новосибирский государственный университет

РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ XVI в.: ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ*

Аннотация: в статье рассмотрен вопрос формирования документально-го комплекса русско-турецких отношений, история сложения и бытования турецких посольских книг. На примере дипломатической переписки времени Ивана Грозного показана степень ее сохранности в российских и турецких архивах.

Ключевые слова: Османская империя, посольские книги, дипломатическая переписка Ивана Грозного

Moiseev M. V.
Museum Association «Museum of Moscow», Novosibirsk state University

RUSSIAN-TURKISH RELATIONS OF THE XVI CENTURY: QUESTIONS OF SOURCE STUDIES.

Abstract: in my paper will address the issue of forming a documentary complex of Russian-Turkish relations, the history of the addition and existence of Turkish Embassy books. The example of the diplomatic correspondence of the time of Ivan the Terrible will show the degree of preservation of messages in Russian and Turkish archives.

Keywords: The Ottoman Empire, Embassy books, diplomatic correspondence of Ivan the Terrible.

Первые дипломатические контакты между Московским государством и Османской империей начинаются в конце XV в. и проходили они при посредничестве крымского хана Менгли-Гирея. Именно поэтому документальные следы этой активности были зафиксированы в посольских

* В работе использованы материалы, полученные в рамках реализации проекта, поддержанного РФФИ (проект № 16-18-10091). Руководитель проекта — К.Ю. Ерусалимский. Отдельная благодарность И. А. Мустакимову за помощь и консультации по работе с османскими документами.

книгах по связям с Крымским ханством. Со времени же правления великого князя Василия III Ивановича связи с османами становятся устойчивыми и относительно интенсивными. Эти контакты были уже зафиксированы в специальной «турецкой» посольской книге № 1, охватывающей период за 1512-1564 гг.¹ Именно этот начальный период отношений двух государств и будет интересовать нас. В этой работе мной будут проанализированы обстоятельства сложения этого комплекса, оценена его полнота и степень сохранности. Выявление лакун позволит поставить вопрос о времени появления 1-й «турецкой» книги.

Вопрос о времени появления каждой конкретной посольской книги отнюдь не праздный. В науке бытует представление о ведении этого вида документации в хронологической последовательности². Не так давно Л. В. Мошкова привела убедительные доказательства в пользу того, что посольские книги составлялись не синхронно отношениям, а спустя некоторое время³. По своей сути посольские книги представляют собой способ архивации дипломатической документации⁴. Сами по себе они представляли продукт отбора документов, которые копировались в книги, следы такой редактуры можно обнаружить в самих этих документах. Как правило, при составлении посольских книг допускались сокращения числа скопированных посланий, а иногда краткий их пересказ. Приведем несколько примеров, выявленных нами при анализе русско-ногайской дипломатической переписки. Как правило, не включенные послания описывались следующим образом: «А к Шихмамаевым дѣтем к Ак мирзѣ и к Бек мирзѣ и к Ханбаю и к Урмагметю мирзѣ Тинехатову княжму сыну и к Сеид Ахмет мирзѣ и к Хан мирзѣ Урусову сыну грамоты посланы таковы ж, как к Тинбаю же с Кадышем же с товарищи»⁵ или, например, «Акбек-мирзе и к Ак-мирзе Ших-Мамевым и к Сеид-Ахмет мирзе и к Урусову сыну к Хан-мирзе и к Канбаи-мирзе грамоты посланы с служилыми тотары таковы ж, каковы и к Урусу-князю и к Тинбаю, к Ур-Магмед мирзе с станичною головою с Куватом же Алгазеевым»⁶. Кроме этого, можно полагать, что иногда при копировании грамот прибегали к краткому пересказу. Предполагать это позволяет, например, случай с посланием Ураз-Мухаммеда от июля 1581 г., когда после завершавшей послание просьбы, шли фразы: «Урмагмет мирза пишет, чтоб государь пожаловал Диртаилай-баатыру освободил купить пять душ полону. Малгрук пишет, чтоб государь пожаловал, прислал шубы собольи да постав сукон, да денег, да освободил купить две души полону. Чин-Магмет мирзина жена Куртка-ханым пишет, чтоб государь пожаловал, прислал шапку черну да шубу соболью под бархатом, да шубу горностаину. Урмагмет мирзин большой сын, Назар-Магмет, пишет, чтоб государь пожаловал, освободил купить четыре души полону Козалею»⁷. То, что перед нами аннотации посланий, которые были переведены, но не включены в посольскую книгу, говорит глагол «пишет», стоящий после имен отправителей⁸.

Для того, чтобы понять, когда была создана 1-я «турецкая» посольская книга, необходимо прояснить вопрос о том отразились ли документы по связям между московским и османским дворами в Описи «Царского» архива. Обращение к этому источнику нам представляется важным, так как в нем зафиксированы те документы, которые были в распоряжении царя, бояр и приказной бюрократии около 1570-х гг. Как известно в историографии имеется две точки зрения на время создания Описи. С. О. Шмидт предполагал, что она была создана после 1572 г.⁹, а А. А. Зимин относил время ее появления к периоду до 1572 г.¹⁰. Но так или иначе, само появление этого документа фиксирует некие изменения в архивном деле Московского царства, суть этой реформы ускользает от нас, но, не исключено, что она была неким аудитом всех хранившихся документов и переходу к практике отраслевого хранения документации. Сведения, содержащиеся в Описи «Царского» архива содержат следующие описания документации русско-османских связей. В ящике 31 находились «А в нем книги, и посольства, и грамоты Сулемен, шахсалтана турского, из Царягорода к великому князю Василью, и от великого князя к салтану; и грамоты от великого князя в Кафу к санчагу, и из Кафы к великому князю; и из Азова и от Святые Горы грамоты; и из Синайские Горы грамоты и книги; грамота, по государьскому цареву и великого князя веленью, от Ивана Михайлова Висковатого в Кафу к санчюку Касыму, по астороханским вестем; и грамоты салтановы, Селем салтан, первее как сел на государство, прислал с Магмет Чилибеем да з Барямом в 75-м году и 76-м году»¹¹. Это описание фиксирует набор документов, в разной степени архивации, так есть уже некие книги, но это однозначно не 1-я посольская книга по связям с Турцией, так как в ней отсутствуют послания после 1562 г. и лакуна простирается вплоть до 1569 г.¹². Важным моментом для характеристики содержания ящика 31 является указание, что в этом ящике хранились послания султана Селима II (1524-1574) о восшествии на престол в 1566 г. Аннотация Описи фиксирует, что от этого султана были посланы два послания: одно с Мухаммед-челеби, а другое с Барямом. Однако именно эти послания в «турецкие» посольские книги так и не попали, а Иван Грозный в своем послании султану Селиму сетовал, что тот к нему посольства с информацией о своем восшествии на престол так и не послал¹³. А. А. Зимин, касаясь этих посланий, отмечал, что они попали в этот ящик архива уже после того, как было сформировано основное его содержание. По мнению исследователя, это было вызвано дипломатической предысторией османского похода на Астрахань в 1569 г.¹⁴ Однако следы этих документов обнаруживаются в Стамбуле в Османском архиве. Очевидно под грамотой, что «Селем салтан, первее как сел на государство, прислал с Магмет Чилибеем» значит послание от Селима II от 6 сентября 1567 г. (2 раби I 975 г.) отправленное с купцом султанской казны

Мухаммедом¹⁵. Грамота же с неким «Барямом» — это послание от Селима II от 27 июня 1568 г. (2 мухаррама 976 г.)¹⁶. «Барям» же это вполне возможно, известный по османским документам гонец (чавуш) Бехрам, ездивший в Москву дважды в 1564 г., купец же султанской казны Мухаммед (Мехмед), известный по русским документам как Магмет Чилибей, посещал Москву в 1561-1567 гг.¹⁷

Другое описание, фиксирующее документацию османско-русских связей, это описание дубового ящика 135, в котором отмечены некие «царегородские книги»¹⁸. В ящике же 139 отмечены «турские (книги — *М. М.*) при дьяке Иване Михайлове»¹⁹. А. А. Зимин полагал, что в «царегородских книгах» нашли отражение контакты между Москвой и Стамбулом в 1520-30-х гг. и они отложились в 1-й посольской книге по связям с Турцией²⁰. В ящике же 139 отложился третий комплекс посольских книг, который хронологически начинался с 1549 г.²¹ и при этом турецкие книги за это время не сохранились²².

Таким образом, по мнению ученого на момент создания описи «Царского» архива существовало три посольских книги по связям с Турцией, при этом документация ящиков 31 и 135 отложились в сохранившейся до нашего времени 1-й «турецкой» посольской книги, а вот документы ящика 139 пропали. Такая реконструкция не может быть принята без возражений. Дело в том, что автор довольно искусственно разграничивает эти материалы. Так, например документы ящика 31 он ограничивает документами конца XV в. и доводит до 1520-х гг., а затем обнаруживает в нем документы 1560-х гг. Однако само описание содержания этого ящика для подобных выводов сведений не дает, т. к. в нем просто указаны султаны — контрагенты московского двора: Сулейман и Селим. Переписка же с Сулейманом I велась вплоть до 1566 г.²³ Соответственно оснований для того, чтобы ограничивать содержание ящика 31 1520-м гг. нет., как нет и оснований схожих хронологических ограничений и в ящиках 135 и 139. Очевидно, что дезориентирующим для ученого моментом стал использовавшийся автором (авторами) Описи «Царского» архива термин «книга», под которым исследователь полагал ту форму посольской документации, которая сохранилась до наших дней, а именно — кодекс. Заблуждение широко распространенное, но под книгами понимали и просто буквы, письма, сочинение, произведение, иначе говоря любой записанный текст. Соответственно, справедливо указывает Л. В. Мошкова, использование слова «книга» могло быть вызвано отсутствием адекватного термина²⁴. По ее мнению, вполне возможно, что документация первоначально хранилась в столбцовой форме или (что менее удобно для каждодневной работы) в виде тетради²⁵. вполне возможно, что принцип организации хранения дел, отразившийся в Описи «Царского» архива, был иным и фиксировал практику хранения документов до появления того типа функциональной документации, который мы теперь

называем «книги». Сами архивные аннотации указывают на то, что документы хранятся часто в виде отдельных единиц — грамот, либо в некоей первичной стадии объединения. Не исключено, что в саму эту Опись «посольские книги» и не попали. Даже использование такого термина как «книги посольные»²⁶ не обязательно указывает на то, что перед нами привычная посольская книга. Сама дипломатическая документация каждой отдельной миссии определялась как «посольство» и включала в себя набор документов: наказную память, послания, указные грамоты и др. То есть, можно полагать, что под «книгами посольными» понимались хранившиеся в архиве документы групп «приезд» и «отпуск»²⁷. Следовательно, можно предположить, что на момент составления описи Царского архива известные нам посольские книги по связям с Турцией (№ 1 и № 2) еще не были составлены.

Как кодекс посольская книга по связям с Турцией № 1, очевидно, появилась не раньше 1570-х гг. и зафиксирована в Описи Посольского приказа 1614. Не смотря на свою отличную сохранность в ней есть ряд утрат. Так, в ней не нашлось места для фиксации миссии Андриана Грека в 1538 г. и ответной миссии Ф.Г. Адашева²⁸. Так же далеко не все послания османских султанов были скопированы в эту посольскую книгу. Для наглядности приведем переписку русского и османского дворов за время правления Ивана IV Васильевича (1533-1584)²⁹. За это время на османском престоле сменилось три султана: Сулейман I (1520-1566), Селим II (1566-1574), Мурад III (1574-1595). Общий объем выявленных посланий (сюда мы включаем и переписку с представителями региональной османской администрации и других официальных лиц) составляет 45 грамот. Однако далеко не все из них попали в «турецкие» посольские книги № 1 и № 2. Переписка с Сулейманом I составляет 14 посланий за период с 1541 по 1561/62 гг. зафиксирована в «турецкой» посольской книге № 1³⁰, причем два послания (от июля 1544 г. и сентября 1550 г.) оказались скопированными и в «турецкую» и «греческую» посольскую книги³¹. При этом послания 1564 г. и 1566 г. в русской документации не отражены, а вот в османской сохранились³².

От времени правления Селима II вновь сохранилось 14 посланий. Причем 4 только в турецких архивах³³, 8 только в русской «турецкой» посольской книге³⁴, а еще 2 были бережно сохранены архивистами двух государств³⁵. Наконец, переписка за время правления Мурада III насчитывает 11 посланий: 7 сохранились в составе 2-й «турецкой» посольской книги³⁶, 1 в составе 2-й «греческой» посольской книги³⁷ и 3 — в Османском архиве³⁸.

Такое распределение сохранившихся документов по различным архивохранилищам позволяет предположить, что сами эти отношения не рассматривались их участниками как политически актуальные. Значительная часть переписки была связана с вопросами торговли и урегулирования конфликтных ситуаций,

возникавших опять же вокруг купцов и их товаров. Только османский поход 1569 г. и поход крымского хана Девлет-Гирея на Москву 1571 г. придал этим контактам серьезное политическое значение и именно переписка этих лет отложилась в архивах и Московского царства и Османской империи. Последовавшая затем разрядка вновь вернула отношения в прежнее коммерческое русло и вновь к случайной сохранности документов.

Завершая работу, необходимо отметить, что посольские книги по связям с Турцией без сомнения являются ценным и разноплановым источником. В частности, в них содержится переписка с представителями региональной османской администрации (азовским дездаром и каффинским санджак-беём). Эти сведения дополняют данные османских документов. Интересно, что еще в 1510-х гг. существовала практика дипломатических отношений между великим князем Василием III и санджак-беём Каффы³⁹. Сохранилась и весьма примечательная переписка с азовским дездаром⁴⁰. Эти факты свидетельствуют о практике пограничной дипломатии, применявшейся в первую очередь именно османской региональной администрацией. Важное информационное значение имеют статейные списки и отписки послов и посланников. В них фиксируются разнообразные сведения о придворной жизни Османского государства, его внешней политике, не малое значение эти документы имеют и для изучения османского Азова⁴¹.

¹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1

² К такому выводу на примере «греческих» посольских книг пришел С. М. Каштанов. См.: *Каштанов С. М.* Состав и содержание документов «греческих» посольских книг № 1 и 2 // *Россия и греческим мир в XVI веке* / Отв. ред. С. М. Каштанов. М., 2004. Т. 1. — С. 19.

³ *Мошкова Л. В.* Русские посольские книги: начало формирования // *Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта – 1 апреля 2017 г., Калуга)*. Калуга, 2017. — С. 232–250.

⁴ *Моисеев М. В.* Переписка России с Ногайской Ордой в правление Ивана Грозного: документооборот и архивация посланий // *Средневековые тюрко—татарские государства*. Казань, 2018. № 10. — С. 79–80.

⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 260 – 260об

⁶ Там же. Кн. 9. Л. 3 об. – 4

⁷ Там же. Кн. 10. Л. 113 – 113 об.

⁸ Подробнее: *Моисеев М. В.* Переписка России с Ногайской Ордой в правление Ивана Грозного: документооборот и архивация посланий ... — С. 80 – 81.

⁹ *Шмидт С. О.* Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений (Опыт изучения Описи Царского архива) // *Труды Московского государственного историко-архивного института*. М., 1957. Т. 8. — С. 260 – 278; *он же*. К истории царского архива середины XVI в. // *Труды Московского государственного историко—архивного института*. М., 1958.

Т. 11. — С. 364 – 407; *он же*. К истории составления описей Царского архива XVI в. // Археографический ежегодник за 1958. М., 1960. — С. 56 – 65

¹⁰ Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / Подготовка текста и реконструкция А. А. Зимина. М., 1978 (далее – ГАР). — С. 14, 15, 25, 31 – 33.

¹¹ Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. — С. 21.

¹² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 411 об.; Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 2 об.

¹³ Там же. Л. 4 – 4 об

¹⁴ ГАР.— С. 180 – 181.

¹⁵ БОА. А. DVNS. МНМ, № 7, hukum № 169. Публикации этого послания см: *Inalcik H. Osmanlı—rus rekabetinin menşei ve Don—Volga kanalı teşebbüsü (1569) //Belleten, № 46. S. 370, not 91 (упоминание), lev. XVI, vesika 2 (факсим.); Lemerrier—*Quelquejay Ch., Bennigsen A. Les marchands de la cour ottomane et le commerce des fourrures moscovites dans la seconde moitié du XVIIe siècle // Cahiers du monde russe et soviétique, vol. 11, n°3, Juillet – septembre 1970. — P. 382 (упоминание); 7 Numaralı Mühimme Defteri (975—976/1567—1569): Tıpkıbasım. [C.] I. – Ankara, 1997. — S. 62 (факсим.); 7 Numaralı Mühimme Defteri (975—976/1567—1569): Özet — Transkripsiyon — İndeks. – [C.] I. – Ankara, 1998. – S. 87—88 (транскр.)*.*

¹⁶ БОА. А. DVNS. МНМ, № 7, hukum № 2744; Публикации этого послания: Lemerrier—*Quelquejay Ch., Bennigsen A. Les marchands de la cour ottomane et le commerce des fourrures moscovites dans la seconde moitié du XVIIe siècle // Cahiers du monde russe et soviétique, vol. 11, n°3, Juillet – septembre 1970. — P. 382—383 (сокращ. перевод на франц. яз.); Inalcik H. Osmanlı—rus rekabetinin menşei ve Don—Volga kanalı teşebbüsü (1569) //Belleten, № 46. S. 399, vesika VIII (арабская графика); 7 Numaralı Mühimme Defteri (975—976/1567—1569): Tıpkıbasım. [C.] II. — Ankara, 1997. – S. 997 (факсим.); 7 Numaralı Mühimme Defteri (975—976/1567—1569): Özet — Transkripsiyon — İndeks. – [C.] III. – Ankara, 1999. – S. 390—391 (транскр.)*.

¹⁷ *Беннигсен А., Лемерсье–Келькеже Ш.* Османские придворные купцы и торговля московитскими мехами во второй половине XVI в. // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: Сборник статей / Отв. ред. И. А. Мустакимов, А. Г. Сетдинов. Казань, 2009. — С. 321, 325, 329 – 330, 333.

¹⁸ Опись. — С. 30.

¹⁹ Там же. — С. 31.

²⁰ ГАР. — С. 302 – 303.

²¹ Там же. — С. 328.

²² Там же. — С. 331.

²³ В русской документации отложилась переписка до 1562 г. См.: РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 411об. А в Османском архиве хранятся послания султана Сулеймана за 1564 г. и 1566 г. См.: БОА. А. DVNS. МНМ, № 6, hukum № 318. S. 148; БОА. А. DVNS. МНМ, № 6, hukum № 339. S. 157; БОА. А. DVNS. МНМ, № 5, hukum № 1312.

²⁴ *Мошкова Л. В.* — С. 234.

²⁵ Там же. — С. 234 – 235.

²⁶ ОЦА. — С. 31.

²⁷ *Моисеев М. В.* Посольские книги по связям России со странами Востока в XVI в.: к вопросу о возможности реконструкции содержания утерянных документов // «Чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла...»: к 70-летию Николая Михайловича Рогожина. М., 2019. — С. 25; О группах «приезд»—«отпуск» см.: *Рогожин Н. М.* Посольский приказ – колыбель российской дипломатии. М., 2003. — С. 109.

- ²⁸ ПСРЛ. Т. 29. — С. 32, 34.
- ²⁹ Здесь и далее в скобках указаны годы правления
- ³⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1.
- ³¹ Там же. Л. 341 – 342об., 362об. – 364об., 366об. – 371, 383об. – 385, 387об. – 388, 387об. – 388об., 390об. – 391об., 393 – 394, 394об. – 396, 396 – 397об., 401об. – 402об., 404 – 406об., 408 – 409, 409об. – 410об., 411об. – 412; там же. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 35 – 36об., 65об. – 67.
- ³² BOA. A. DVNS. МНМ, № 6, hukum № 318. S. 148, hukum № 339. S. 157; BOA. A. DVNS. МНМ, № 5, hukum № 1312.
- ³³ BOA. A. DVNS. МНМ, № 7, hukum № 169, hukum № 2744; Topkapı Sarayı Müzesi (TSMA), zarf. 3227, dosya 581, gomlek 79 (во время командировки в Стамбул ознакомиться с этим документом не удалось, т.к. он был на реставрации); BOA. A. DVNS. МНМ, № 26, hukum № 866.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 59об. – 61об., 138об. – 140, 144 – 151, 151 – 153, 153об. – 154об., 155 – 156об., 198об. – 199об., 200 – 202.
- ³⁵ Там же. Л. 2об. – 6об; перевод на османский турецкий: Feridun Ahmed Bey. Münşeatü's—selâtin. – Cild 2. – İstanbul, 1275. – S. 555—556; BOA, Mühimme Defteri № 16, s. 2 – 3, hüküm 3; перевод на русский язык: РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 224 – 227.
- ³⁶ Там же. Ф. 89. Оп.1. Кн. 2. Л. 229 – 230, 231об. – 233, 235 – 236, 238об. – 240об., 246об. – 247об., 247об. – 248об., 248об. – 249об.
- ³⁷ Там же. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 2. Л. 26об. – 27об.
- ³⁸ BOA. A. DVNS. МНМ, № 35, hukum № 174, hukum № 175; BOA. A. DVNS. МНМ, № 42, hukum № 885.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 73.
- ⁴⁰ Там же. Л. 77, 131, 135об., 145, 192, 259об.
- ⁴¹ *Моисеев М. В.* Азов (Азак) в 1570 г. в донесении русского посланника Ивана Новосильцева // Средневековые тюрко—татарские государства. Казань, 2019. Вып. 11.— С. 60 – 66.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беннигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш.* Османские придворные купцы и торговля московитскими мехами во второй половине XVI в. // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: Сборник статей / Отв. ред. И.А. Мустакимов, А.Г. Сетдигов. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 314-340.
2. Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / Подготовка текста и реконструкция А.А. Зими́на. М., 1978. — 630 с.
3. *Каштанов С. М.* Состав и содержание документов «греческих» посольских книг № 1 и 2 // Россия и греческим мир в XVI веке / Отв. ред. С. М. Каштанов. М.: Наука, 2004. Т. 1. С. 8-40.
4. *Моисеев М. В.* Переписка России с Ногайской Ордой в правление Ивана Грозного: документооборот и архивация посланий // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2018. № 10. С. 75-83.

5. *Моисеев М. В.* Азов (Азак) в 1570 г. в донесении русского посланника Ивана Новосильцева // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2019. Вып. 11. С. 60-66.
6. *Моисеев М. В.* Посольские книги по связям России со странами Востока в XVI в.: к вопросу о возможности реконструкции содержания утерянных документов // «Чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла...»: к 70-летию Николая Михайловича Рогожина. М.: Институт российской истории РАН, 2019. С. 21-32.
7. *Мошкова Л. В.* Русские посольские книги: начало формирования // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта — 1 апреля 2017 г., Калуга). Калуга, 2017. С. 232-250.
8. *Рогожин Н. М.* Посольский приказ — колыбель российской дипломатии. М., 2003. — 432 с.
9. *Шмидт С. О.* Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений (Опыт изучения Описи Царского архива) // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1957. Т. 8. С. 260-278.
10. *Шмидт С. О.* К истории царского архива середины XVI в. // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1958. Т. 11. С. 364-407.
11. *Шмидт С. О.* К истории составления описей Царского архива XVI в. // Археографический ежегодник за 1958. М., 1960. С. 56-65.

Агеева О.Г.

Институт российской истории РАН

**ТАБЕЛЬ О РАНГАХ 1722 г.
И РАНГИ ПРИДВОРНЫХ ЧИНОВ
ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА РОССИИ XVIII в.:
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Аннотация: статья посвящена рангам придворных чинов императорского двора России XVIII в. Она содержит анализ Табелей о рангах 1722 и 1771 гг., указов, штатов двора 1731, 1784 и 1796 гг. Использование этих письменных документов дает возможность исследовать придворную политику Петра Великого и его преемников. Сравнение источников позволяет показать численность и состав придворных чинов, процесс их введения при Петре II и Анне Иоанновне и изменение придворных рангов в правления Елизаветы Петровны, Екатерины II и Павла I.

Ключевые слова: Русский императорский двор, ранги придворных чинов, XVIII век.

Ageeva O. G.

Institute of Russian history RAN

**TABLES OF RANKS 1722
AND THE COURT RANKS OF THE OFFICIALS
OF THE RUSSIAN IMPERIAL COURT OF THE XVIII CENTURY:
THE COURSES ASPECTS**

Abstract: The article deals with the court ranks of the Russian imperial court officials of the XVIII century. It analyses the Tables of ranks 1722 and 1771, the decrees, the court staffs 1731, 1784, 1796. Use of these narrative documents allowed to examine the court policies of Peter the Great and his successors. Comparison of the courses helps find out the quantity and the composition of the court ranks officials, the process of their institution under Peter II and Anna Ioannovna and the correction of the court ranks in the reigns of Elisabeth Petrovna, Catherine II and Paul I.

Keywords: The Russian imperial court, the ranks of the court officials, the XVIII century.

Вопрос о рангах придворных чинов XVIII в. является малоизученным в отечественной историографии. Поэтому для его исследования представляется важным выявление круга источников с информацией по данному вопросу и их характеристика.

Для законодательного учреждения новых европеизированных чинов российского двора ключевым документом является «Табель о рангах», подписанная Петром I 24 января 1722 г.¹ Табель определила лестницу рангов (классов) военных, статских (гражданской службы) и придворных чинов, и их соотношение между собой в трех графах. Всего в Табели было 14 рангов. Помимо этого в приложении к Табели в пункте 10 были перечислены придворные дамские чины, выстроенные в иерархию по статусу, но без указания конкретных рангов.

Табель 1722 г. уже привлекала внимание исследователей. Рассмотрением этого законодательного акта и документов, связанных с его подготовкой, занимался С. М. Троицкий. В своей монографии о формировании бюрократии в России XVIII в. историк отмечал, что ко времени создания Табели воинские и флотские чины в их новой европеизированной форме уже были полностью, на 100%, приняты Воинским и Морским уставами 1716 и 1720 гг., а статские чины на 90% определены при создании коллегий и других государственных учреждений². Иначе обстояло с чинами придворными.

Двор мало интересовал Петра I, поэтому, прекратив в первые десятилетия XVIII в. пожалование старых московских чинов, царь не спешил вводить для дворцовых служителей новые. Исключение составляли появившиеся без законодательного оформления единичные чины камергеров, камер-юнкеров, пажей, обер-кухмейстера, «камер-фрау», камердинера и некоторые другие, числившиеся при дворах-комнатах царя, царицы Екатерины Алексеевны, царевича Алексея Петровича и других Романовых³. В силу этого при создании третьей придворной графы Табели о рангах вопрос стоял не только о «привязке» к рангам уже существующих новых чинов, но и о самом их учреждении.

Разрабатывал проект Табели по поручению Петра I А. И. Остерман (по мнению С. М. Троицкого). В начале 1721 г. он предложил проект, имевший две части — «Объявление о рангах» и поясняющий его текст. В проекте было 13 рангов и 147 придворных (в первой графе) и «цивильных» (во второй графе) чинов. Придворных было 43 чина, от главы двора обер-маршала до гоф-музыкантов и др.⁴

После того, как Петр I переработал и 1 февраля 1721 г. подписал проект, в нем стало три графы с чинами военными, гражданскими и перемещенными на последнее место и в более низкие ранги придворными. После доработки проекта Табели в Сенате, Военной и Адмиралтейской коллегиях в ней имелось 14 рангов и 262 чина. Из них 16% (42 чина) составляли придворные чины с немецкими наименованиями, помещенные в ранги за исключением 1, 10, 11 и 13⁵.

Для создания Табели анализировались присланные русскими дипломатами европейские образцы лестницы чинов 9 стран. Из них для статских и придворных чинов были выбраны табели Пруссии, Швеции и Дании. Сохранившаяся сравнительная таблица чинов в рангах этих трех дворов, подготовленная для создания штата русского двора в середине 1720-х гг., позволяет утверждать следующее. Из 42 предлагаемых Табелью 1722 г. придворных чинов при датском дворе чинов с тем же наименованием и в рангах имелось 7, при шведском 4, при прусском 17. Всего же было скопировано у этих дворов 18 чинов в рангах. 24 петровских чина при этих дворах аналогов в рангах не имели. То есть в России был разработан свой особый круг чинов двора в рангах⁶.

Историю введения чинов на практике показывают указы об их пожаловании, ведомости выплаты жалования и штаты двора. Содержащиеся в них сведения позволяют сделать вывод, что созданный в 1722 г. законодательный документ в его третьей графе был разработан плохо и требовал дальнейшей корректировки, из-за чего введение новых чинов растянулось на несколько лет.

Начало этому процессу положили высочайшие указы по челобитным придворных лиц. В 1722 г. новый чин обер-гофмейстера был пожалован главе двора Петра I М. Д. Олсуфьеву, в 1723 гг. чин обер-гофмейстера двора царицы Екатерины Алексеевны получил его брат В. Д. Олсуфьев, чин обер-гоф-шталмейстера — С. И. Алабердеев, чин обер-шенка царя — А. М. Апраксин. В 1724 г. обер-шенком царицы стал В. Ф. Салтыков⁷. Введение целой группы новых придворных чинов, как в рангах, так и без рангов, состоялось в 1724 г. высочайшим указом в связи с коронацией Екатерины I, в 1725 г. новые чины зафиксировало проведение погребения Петра Великого⁸.

Затем в правление императрицы Екатерины I последовало составление А. И. Остерманом и А. Д. Меншиковым проектов штата двора (не были приняты), которые меняли многие положения Табели 1722 г. Проекты сохранились в делах Архива Санкт-Петербургского института истории РАН и в РГАДА⁹.

Проект штата А. И. Остермана содержал 46 чинов в рангах, а не 42, как в Табели 1722 г., и их измененный состав. По нему предлагалось ввести 21 чин с новыми наименованиями и два уже существовавших по патентам (архиатера и первенствующего доктора, а также метр-де-гардеробе). В двух случаях одни новые чины менялись на другие (надворный квартирмейстер вместо обер-камер-фурьера, экзерцис-мейстер и танцмейстер). Из рангов в проекте были убраны 19 чинов Табели 1722 г. (обер-гофмейстер и др.) и один, пожалованный Петром I патентом (футер-маршал). Изменения вносились и в дамские чины, указанные в пунктах, приложенных к Табели. Некоторые из впервые предложенных А. И. Остерманом чинов в дальнейшем были введены (камер-цалмейстер, метр-де-гардеробе и др.).

Проект А.Д. Меншикова, составившийся во второй половине 1726 – начале 1727 г., показывает усиление значения двора в обществе. Придворных чинов в рангах в нем насчитывалось более 50, и их позиции в лестнице чинов были повышены. Вверх на 1-3 ранга переместились 33 придворных чина, т.е. более половины. При этом два высших чина — обер-маршал и обер-камергер — заняли место в 1-м и 2 рангах вместо 2 и 4-го по петровской Табели. Особенно примечателен в этом движении вверх тот факт, что чин главы двора впервые в проекте получил 1-й ранг. Объясняется это тем, что имевший высший воинский ранг А.Д. Меншиков готовил должность главы двора императора для собственной персоны.

После вступления на престол Петра II Меншиков вновь составил проект штата двора, переделав проект штата Екатерины I. В нем светлейший князь наметил высокое положение первых чинов, в том числе себя самого и своего сына Александра, и, помимо прочего, повысил ранги чинов малых дворов, включая камергеров и камер-юнкеров дворов невесты государя Марии Меншиковой и сестры императора Натальи Алексеевны. В целом этот проект штата принят не был, но состоялось пожалование чинов малых дворов и ряда чинов двора большого.

После падения А.Д. Меншикова реформирование лестницы придворных чинов продолжил А.И. Остерман, составивший в конце 1727 и в 1728 гг. ведомости для выплаты жалованья чинам и служителям нового двора с указанием их рангов. Ведомость без имен служителей со штатной сеткой чинов с рангами и окладами от 19 декабря 1727 г. («Ведомость, в каком состоянии надлежит содержать при дворе его и.в. служителей в рангах и не в рангах...»)¹⁰ включала 300 ставок придворных чинов и служителей. Особенностью документа было включение в него новых чинов и продвижение прежних чинов по рангам вверх. Из 42 петровских чинов во 2-14 рангах в ведомости было 12 чинов 4-12 рангов для 16 человек, но — при отсутствии ряда высших чинов двора — обер-гофмейстера с гофмейстером, обер-камергера, камергеров и камер-юнкеров, обер-шталмейстера и обер-шенков. Самый высокий чин ведомости — гофмаршал был помещен в 4-й ранг (генерала-майора) вместо 6 ранга. Далее в рангах находились совершенно новые чины — в 6-м (ранг полковника) обер-келлермейстр, в 7-м (ранг подполковника) камер-цалмейстер и мадрете-де-гардеробе, в 9-м — обер-камер-фурьер и другие и так далее до 12-го ранга (унтер-лейтенант), в котором числился зилбердинерский помощник¹¹. Вслед за ведомостью от 19 декабря 20, 23 и 24 декабря 1727 г. и 4 января 1728 г. Петр II подписал несколько ведомостей о выплате жалованья на 1728 г. отдельным группам старых и новых чинов с указанием пожалованных в них лиц, включая гофмаршала двора, шталмейстера, камергеров и др.¹²

Намеченный на практике отход от положений Табели о рангах хорошо показывает ведомость уже сформированного двора Петра II от 20 ноября 1728 г. В ней обозначены чины с рангами и служители без рангов большого двора юного императора и отдельно малого двора его сестры Натальи Алексеевны, всего 489 человек. По ведомости при большом дворе в 21 чине в рангах (или 22, так как чин мундшенка был помещен в двух рангах) находилось 37 человек: от обер-камергера во 2-м ранге, гофмаршала, шталмейстера и пяти камергеров в 4-м и далее до зилбердинерского помощника и кофешенка в 12-м (унтер-лейтенант). При малом дворе состояли в 6 чинах 12 человек, от гофмейстера двора 4 ранга (генерал-майора) до мундшенка 11 ранга (лейтенанта)¹³. Кроме этого, в ведомость не вошли лица, пожалованные в высшие чины обер-гофмейстера, обер-гоф-шталмейстера и обер-шталмейстера, а также чин лейб-медика, относившийся к Медицинской канцелярии. То есть ранги по этому документу имели 25 придворных чинов.

Несколько лиц в рангах также служили при дворах цесаревны Елизаветы Петровны (по ведомости двора 1741 г.) и царицы Евдокии Федоровны (по указам Петра II о формировании ее двора)¹⁴.

Следует отметить, что перевод двора на европейские чины при Петре II сопровождался повышением их окладов, которые могли приравняться к окладам военных чинов аналогичных рангов. В силу этого в ведомостях о выплате жалованья размер денежного оклада придворного чина часто мог указывать на его ранг: оклад в 4188 руб. 30 коп. соответствовал 2-му рангу, в 2555 руб. 55 коп. 3-му, в 1396 руб. 20 коп. 4-му и т. д.

Итогом перевода двора на новую европеизированную лестницу чинов стал созданный при Анне Иоанновне первый штат Придворной конторы 1731 г.¹⁵ и последующие штаты императорской конюшни и охоты и иных придворных ведомств. Штат Придворной конторы 1731 г. содержал все основные европеизированные наименования придворных чинов этого ключевого ведомства двора и на десятилетия вперед стал основой незначительно менявшейся придворной сетки чинов. Однако ранги чинов в нем отсутствовали, что предполагало их пожалование или изменение особыми указами императрицы.

Процесс повышения и их присвоение рангов новым чинам происходил при всех преемниках Петра Великого. Поэтому при Екатерине II в 1771 г. появилась публикация Табели о рангах 1722 г., дополненная перечнем новых чинов в рангах или чинов, повысивших свой ранг после 1722 г., рядом с которыми указывался их старый петровский ранг¹⁶. Документ включал 18 новых придворных чинов в рангах или чинов с новыми рангами, из которых 7 относились к Придворной конторе, 1 к императорской охоте и 10 к придворному конюшённому ведомству. В каждом случае после указания ранга чина 1771 г. следовала ссылка

на законодательный акт, в котором он числился в своем новом классе. Анализ содержания документа 1771 г. показывает, что в него вошли не все придворные чины, находившиеся в это время в рангах, а указы и штаты, в которых они зафиксированы, чаще всего использованы поздние, а не те, по которым впервые эти ранги жаловались или повышались. Очевидно, что в 1771 г. авторы дополнений к Табели не ставили целью выявить точные даты присвоения или повышения рангов служащим двора.

Документом, который показывает реальное положение с рангами придворных чинов екатерининского времени, является штат (или проект штата) Придворной конторы 1784 г., «кому сколько годового жалованья производить». В нем были учтены придворные чины и служители объединенной Придворной конторы и Главной дворцовой канцелярии с ее отделением в Москве, малых дворов наследника и его детей, камер-цалмейстерской должности и первые лица императорской конюшни и охоты¹⁷.

Из документа 1784 г., как и из ведомости ноября 1728 г., следует, что третья графа Табели 1722 г. на практике «работала» лишь частично. Многие указанные в ней чины не были пожалованы при дворе, другие повышены в классе, третьи приняты, а затем отменены, и, наконец, рядом с ними появились совершенно новые чины в рангах. Так, штат 1784 г. показал, что число придворных чинов в рангах по этим подразделениям двора к 1780-м гг. увеличилось до 47, включая чины комиссара и купчины в комиссарской должности (они имелись при дворе в Дворцовой канцелярии до 1730 г.), чин вагенмейстера при Запасном дворе и чин главы команды собственных гребных и парусных судов. Кроме этого, при дворе находились придворные чиновные дамы, условные наименования которых и чиновная иерархия были даны в пунктах, приложенных к Табеле 1722 г. В ведомстве Придворной конторы также служили лица, имевшие не придворные, а статские чины в рангах: члены конторы, экзекутор, помощник камер-цалмейстера, секретарь камер-цалмейстерской и др. Особняком стояла команда пожарных, включавшая воинские чины во главе с капитаном, ранги которых в штатах не указывались.

Что касается придворных чинов в рангах, то по проекту штата 1784 г. в Придворной конторе в них должны были числиться 198 человек при большом дворе и камер-цалмейстерской в Петербурге, 69 человек при малых дворах и 3 при Московской придворной конторе.

Что это были за чины и в каких рангах? Во 2-м ранге находились 6 первых чинов двора (обер-камергер, обер-гофмаршал, обер-гофмейстер, обер-шенк, обер-шталмейстер и обер-егермейстер), в 3-м — помощники четырех из них. В 4-м ранге были обозначены камергеры и лейб-медик, в 5-м — камер-юнкеры и лейб-хирург, в 6-м — 9 чинов (камердинер, кофешенк, комиссар этого класса,

гофмейстер пажей, камер-цалмейстер и др.), в 7-м — казначей и гоф-хирург, в 8-м — еще один чин камердинера, гоф-фурьер, придворный аптекарь и зилбервартер, в 9-м — 12 чинов (мундшенк, келлермейстер, вновь кофешенк, тафельдекер, архитектор, кондитер, метрдотель, купчина-комиссар и др.), в 11-м классе — чин гардемебеля, в 12-м — помощника зилбердинера, квартирмейстер и кихеншрейбер, в 13-м — архитектурный помощник и ключник (единственный старомосковский чин).

Из этих 47 чинов относительно Табели о рангах 1722 г. только 14 наименований чинов были петровскими, остальные 33 чина (включая три двойных, то есть находившихся в разных рангах камердинеров, кофешенков и комиссаров) были новыми или имели новое написание чина (не надворный уставщик или гоф-уставщик, а просто уставщик; не обер-кухмейстер, а метрдотель; и т. д.). При этом все 14 старых чинов Табели 1722 г. повысили свои ранги. Например, первые чины двора 2-го класса переместились в него из 3-го (обер-штальмейстер), 4-го (обер-гофмейстер и обер-камергер), 5-го (обер-шенк) и 6-го (обер-егермейстер) классов.

Таким образом, сетка чинов императорского двора 1784 г. показывает, что Табель о рангах 1722 г. являлась для придворного чиновпроизводства документом, положения которого многократно менялись.

Любопытные метаморфозы, которые произошли с рангами придворных чинов в правление Павла I, хорошо показывает штат, подписанный императором 30 декабря 1796 г.¹⁸ Из его сравнения с предшествующими штатами, ведомостями и иными документами явствует, что сын Екатерины II, реформируя двор, ставил перед составителями нового штата задачу резко уменьшить траты на содержание его чинов и служителей. В результате упразднялись целые команды Придворной конторы, сокращалась численность тех или иных категорий придворных и ликвидировались отдельные чины. Среди последних оказались и чины в рангах. Так, при дворе был упразднен представительский чин камер-юнкеров, который всегда находился в высоких рангах, из глав команд и их подчиненных среднего звена — квартирмейстер, гардемебели и др.

Еще одной целью составления штата 1796 г. являлось сокращение числа чинов в рангах. В результате, против многих наименований оставленных в штате чинов было убрано указание на их ранг, что ранее предполагало его автоматическое присвоение при пожаловании в чин и получение в соответствие с ним высокого оклада. Так, были упразднены ранги у камердинеров, мундшенков, кофешенков и др. Разумеется, эти чины могли иметь ранги, но производство в них теперь отдавалось на усмотрение императора.

По павловскому штату большой двор делился на 9 ведений, возглавляемых главными чинами, из которых 6, как и прежде, числились во 2-м ранге (обер-ка-

мергер, обер-гофмаршал, обер-гофмейстер, обер-шенк, обер-шталмейстер и обер-егермейстер). Еще два главы ведений имели более низкие ранги: 3-ий класс был присвоен обер-церемониймейстеру, в подчинении которого находилась приписанная ко двору Церемониальная часть, и не имел указания на конкретный класс, который мог быть разным, директор спектаклей и Эрмитажа, он же глава Дирекции императорских театров.

В 3-м классе по штату 1796 г. числились помощники глав ведений: 2 гофмейстера, 2 гофмаршала, 2 шталмейстера, егермейстер, в 5-м классе — церемониймейстер. В круг чинов в рангах также были включены 12 камергеров (4-й класс) и 2 советника канцелярии (статский чин) при обер-гофмейстере (6-й класс). Таким образом, по штату 1796 г. при большом дворе сохранили ранги только 14 чинов, и в них жаловались 29 лиц мужского пола.

Особое дамское ведение возглавляла равная по статусу первым чинам двора обер-гофмейстерина, которой подчинялись гофмейстерина, 12 статс-дам и 12 фрейлин. То есть, всего при большом дворе находилось 26 чиновных дам, ранги которых традиционно не указывались.

Отдельно в штате двора 1796 г. были расписаны штаты дворов взрослых членов императорской фамилии, при которых чины в рангах также были сокращены. При дворе наследника престола числились штатных 9 лиц в классах (в том числе два конюшенных офицера), у супруги императора, включая чиновных дам, — 5 персон (два кавалера и три дамы), у его дочери, также с чиновными дамами, — 7 (четыре кавалера, две дамы и конюшенный офицер), у сына — 5 (четыре кавалера и конюшенный офицер).

Таким образом, штат 1796 г., уменьшая траты на двор, прервал традицию увеличения численности чинов в рангах, свойственную всем правлениям XVIII в. На практике такого рода экономия не соответствовала блестящей жизни высочайшей фамилии, поэтому в дальнейшем корректировалась как самим Павлом I, так и его преемниками на троне.

Рассмотрение документов со сведениями о рангах придворных чинов XVIII в., указов о пожаловании чинов, публикаций Табели о рангах 1722 г., ведомостей, штатов и проектов штатов, показало, что они являются ценными источниками по истории учреждения новых чинов в рангах императорского двора и придворной политики правителей России от Петра Великого до Павла I.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 6. № 3890. (далее — ПСЗ-1).

² Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: формирование бюрократии. М., 1974. С. 67.

³ См.: Агеева О.Г. Императорский двор России, 1700-1796 гг. М., 2008. С. 54-60.

- ⁴ *Троицкий С.М.* Указ. соч. М, 1974. С. 50, 64-66.
- ⁵ ПСЗ-И. Т. 6. № 3890.
- ⁶ Там же. Указ. соч. С. 59, 65; АСПБИН РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 733. Л. 134-137 об.
- ⁷ *Волков Н.Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. 2-е изд. М., 2001. С. 8, 145, 146; АСПБИН РАН. Ф. 238. Оп. 1. Д. 558. Л. 3.
- ⁸ РГАДА. Ф. 1239. Д. 34742. Л. 105 об.-106 об., 218 об.-220; Описание порядка, держанного при погребении... Петра Великого. СПб., 1725. С. 25-26.
- ⁹ АСПБИН РАН, Ф. 36. Оп. 1. Д. 733. Л. 126-133 об.; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 22. Л. 4-49 об.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 22. Л. 109-113 об.
- ¹¹ Там же. Л. 110.
- ¹² Общий архив Министерства императорского двора. 1. Описание дел и бумаг. Высочайшие повеления по придворному ведомству. 1723-1730. СПб., 1886. С. 40-50.
- ¹³ РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 114. Л. 13-15, 21 об.-22.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 56. Л. 45-45 об.; РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 201. Л. 1 об., 3; Ф. 14. Оп. 1. Д. 24. Л. 2 об.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 29.
- ¹⁶ Табель о рангах с пополнением, какие чины состоят по особливым именным высочайшим указам и по статам сверх положенных в табели о рангах в классах чинов. СПб., 1771. С. 15-18, 20, 23, 25.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 468. Оп.43. Д. 273. Л. 69-107.
- ¹⁸ ПСЗ-И. Т. 44. Ч. 2. № 17700.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: формирование бюрократии. М., 1974. 394 с.
2. *Агеева О.Г.* Императорский двор России, 1700-1796 гг. М., 2008. 280 с.
3. *Волков Н.Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. 2-е изд. М., 2001. 246 с.

РАЗДЕЛ 3

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

Киселев М. Ю.

Архив РАН

КЛАССИФИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ В АРХИВЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Аннотация: В статье представлена информация о разработанных в Архиве Академии наук СССР в 1935-1991 гг. классификационных схемах систематизации документов в фондах академических учреждений и личных фондах ученых, которые показали высокое качество, позволяющее использовать их до настоящего времени. Исключение составляет отсутствие классификационной схемы систематизации научной документации. Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории классификации документов и может быть использована в исследовательских и образовательных целях.

Ключевые слова: история, классификация, документ, архив, Академия наук СССР

Kiselev M. Yu.

Archive Russian Academy of Sciences

CLASSIFICATION OF DOCUMENTS IN THE ARCHIVE OF THE USSR ACADEMY OF SCITNCES ON THE HISTORI OF THE ISSUE

Abstract: The article provides information on those developed in the Archive of the USSR Academy of Sciences in 1935-1991. Classification schemes for the systematization of documents in the funds of academic institutions and personal funds of scientists who have shown high quality development, since they are used to date. An exception is the lack of a classification scheme for systematizing scientific documentation. The information provided will expand the source study base on the history of the classification of documents and can be used for research and educational purposes.

Keywords: history, classification, document, archive, USSR Academy of Sciences

После утверждения «Положения об Архиве АН СССР» в 1930 г. разработка классификационных схем систематизации документов стала одним из важных направлений деятельности архива в Ленинграде. В 1935 г. в архиве под руководством директора Г. А. Князева была разработана «Инструкция по научной и деловой документации для учреждений Академии наук СССР»¹, которой впервые вводился единый для всех учреждений Академии наук классификатор вопросов, на ее основе в каждом учреждении составлялась номенклатура дел.

В основу классификатора положен систематический перечень вопросов, возникавших в процессе деятельности учреждения, с использованием десятичной индексации. В основной таблице вопросы деятельности учреждения систематизированы по следующим рубрикам:

1. Административно-организационные вопросы. 2. Планирование, учет работы и отчетность. 3. Личный состав и штаты. 4. Хозяйственные вопросы. 5. Финансовые вопросы и сметы. 6. Научные и научно-исследовательские вопросы. 7. Хранение, учет и использование научных материалов и специального оборудования (архивные, библиотечные, музейные, лабораторные и прочие материалы, приборы, инструменты, орудия производства и т. п.). 8. Подготовка кадров и политико-просветительная работа. 9. Общеполитические, профессиональные и прочие вопросы (не вошедшие в предыдущие рубрики). 10. Переписка с корреспондентами по общим вопросам и номинальные группы документов.

В распространенной таблице рубрики основной таблицы детализированы на подрубрики и отделы. Например, в рубрике 1 — «Административно-организационные вопросы» — выделены: подрубрика 12 — «Организация и реорганизация учреждений АН» и отдел 121 — «Устав АН». Это был один из первых классификаторов в стране, положивший начало систематизации документов учреждений и организаций ведомств.

В довоенный период архив продолжил работу по подготовке научно-методических пособий по систематизации документальных комплексов. Для упрощения пользования «Инструкцией...» 1935 г. архивом в 1937 г. разработана «Систематическая таблица научной и деловой документации (делопроизводства) учреждений АН СССР»². В 1938 г. архивом разработан первый «Перечень дел и документов учреждений АН СССР с указанием сроков хранения»³, основу которого составила «Инструкция...» 1935 г. В «Перечне...» в соответствии с классификационной схемой сроки хранения документов указаны для центрального органа Академии наук и для ее учреждений и организаций. Таким образом, «Инструкция...» и «Перечень...» предписывали всем учреждениям Академии наук систематизировать документацию по утвержденной классификационной

схеме, что должно было не только ввести единообразие в делопроизводство, но и унифицировать заголовки дел, а также ввести единую структуру описи.

В 1937 г. архивом разработана «Инструкция по разборке архивных фондов и коллекций»⁴, которой были определены принципы систематизации документов в инвентарных описях. Основное внимание в «Инструкции...» было уделено личным фондам ученых, документы ведомственного характера предлагалось систематизировать по существующим правилам и инструкциям, причем ссылка делалась на пособие Г. А. Князева⁵.

Согласно «Инструкции...» для упорядочения личных фондов ученых предлагалось систематизировать документы по семи разделам: 1. Рукописи; 2. Документы к рукописям произведений; 3. Черновики писем к разным лицам и учреждениям; 4. Биографические документы; 5. Письма от частных лиц и учреждений; 6. Документы родственников; 7. Документы, собранные ученым: рукописи других лиц, присланные на отзыв; письма других лиц, касающиеся научно-литературной деятельности или семейной жизни; отдельные печатные материалы, носящие на себе следы работы ученого; иконографический материал (портреты, фотографии); картотеки, имеющие подсобный библиографический характер для работ ученого.

Схема классификации документов личных фондов в «Инструкции...» отличалась от классификационных схем, опубликованных в статье⁶ и пособии⁷ Г. А. Князева. Так, в «Инструкции...» группа документов, отложившихся от служебной и общественной деятельности ученого, не была выделена. Письма ученого и письма к ученому составляли в «Инструкции...» две самостоятельные группы, тогда как в опубликованных статьях 1920-х — начала 1930-х гг. письма составляли единый раздел.

В послевоенное время существенное влияние на систематизацию документов личных фондов ученых оказала «Схема обзора фонда личного происхождения»⁸, подготовленная Главным архивным управлением (ГАУ) МВД СССР. В отличие от «Инструкции...» 1937 г. архива в «Схеме обзора...» в группе «Рукописи ученого» выделены подгруппы документов: а) дневники, воспоминания, записные книжки; б) рукописи научных работ, литературных произведений; в) конспекты, выписки из произведений других лиц, послужившие материалом для работы ученого. В «Схеме обзора...» в самостоятельные группы выделены документы: о служебной и общественной деятельности, об имущественном положении и хозяйственной деятельности ученого, иллюстративные документы.

Вместе с тем, схема не отражала специфики состава и содержания документов основного раздела фондов ученых — «Научные труды и подготовительные документы к ним». Поэтому архив продолжил разработку порядка ведения

научно-справочного аппарата к личным фондам ученых, прежде всего, описей. В частности, заново была проработана классификационная схема личного фонда ученого, которая включала следующие разделы: 1) научные (или литературные) труды и материалы к ним; 2) биографические материалы; 3) материалы по научно-организационной деятельности; 4) переписка; 5) труды других лиц; 6) документы членов семьи, родственников, знакомых⁹.

В отличие от «Схемы обзора...» 1945 г. в практике архива документы об имущественном и хозяйственном положении и фотографии составляли подразделы в разделе «Биографические документы». В этот же раздел включены личные документы ученого и документы, связанные с юбилейными датами. Однако, классификация документов фондов ученых внутри названных разделов не всегда отражала специфику состава и содержания документов фондов ученых по всем отраслям наук. Так, в раздел «Научные труды и материалы к ним» в практике архива включены чертежи, схемы, карты, тогда как в фондах ученых по отдельным отраслям науки их целесообразно выделять в самостоятельные группы как специфический вид документа.

В 1954 г. АН СССР и ГАУ МВД СССР утвердили новый «Перечень документальных материалов с указанием сроков хранения»¹⁰. «Перечень...» являлся основным пособием при классификации документов и формировании дел в текущем делопроизводстве. Он должен был использоваться при составлении номенклатур (классификаторов), причем заголовки дел должны были детализироваться и конкретизироваться в соответствии с классификацией его документов. Он был построен по производственно-отраслевому принципу и представляет собой систематическое перечисление категорий документальных источников, применительно к отдельным отраслям деятельности АН СССР, ее учреждений и организаций. Формулировки статей Перечня представлены по номинальному и предметно-вопросному признакам.

В отличие от «Перечня...» 1939 г. вышеуказанный «Перечень...» был дополнен отдельными разделами, другие из них детализированы. В частности, первый раздел озаглавлен «Руководство, инструктаж и контроль», который разделен на два подраздела «Руководство и инструктаж» и «Контроль и проверка исполнения», причем количество статей возросло с 17 до 64. Во второй отдельный раздел выделены «Организационные вопросы», которые в «Перечне...» 1939 г. были включены в первый раздел. Третий раздел «Планирование» разделен на три подраздела: «Организация и методология планирования», «Перспективное планирование» и «Текущее планирование».

Особое внимание в новом «Перечне...» было уделено научной деятельности как самой Академии наук, так и ее учреждений. Вместо одного раздела «Научные и научно-исследовательские вопросы» в 1939 г. в перечне 1954 г. науч-

ной сфере деятельности посвящены 7 разделов: IV. Общие вопросы научной и научно-исследовательской работы; V. Научные исследования; VI. Изобретательство и рационализация; VII. Качество продукции, научно-технический контроль и стандартизация; VIII. Реализация и внедрение в производство научных достижений; X. Научная экспертиза и консультация; XI. Научная и научно-техническая пропаганда. Кроме того, раздел «Научные исследования» был подразделен на четыре подраздела: «Организация работы по проведению исследований», «Объекты исследований», «Средства наблюдений, изысканий и исследований» и «Записи результатов научных исследований (документальные материалы)». Если «Перечень...» 1939 г. содержал 10 разделов и 252 статьи, то «Перечень...» 1954 г. — 22 раздела и 1449 статей.

В 1955 г. Г.А. Князевым был разработан новый «Классификатор документации учреждений АН СССР»¹¹, основой которого была изданная в 1938 г. «Систематическая таблица...». В отличие от нее в «Классификаторе...» для упрощения пользования индексами десятичной классификации, объединяющими ряд вопросов (классы), связанных между собой по содержанию, введены натуральные числа в пределах от 000 до 999.

Например, индекс 600 означал «Организация научной работы. Общие вопросы», что соответствовало по десятичной классификации индексу 6; индекс 660 — «Конкурсы, Премии. Отзывы по научным трудам, представленным в АН», что соответствовало по десятичной классификации индексу 66. Незанятые цифровые обозначения оставлялись для дальнейших пополнений классификатора в пределах заиндексированных логических групп, например 661 — «Научная экспертиза и консультация». Кроме того, для дальнейшей детализации понятий вводились буквенные обозначения. Например, за индексом 634 «Научное содействие по линии социалистического строительства» следуют два индекса: 634А «Внедрение научных работ в производство» и 634Б «Изобретения». В «Классификаторе...» также была предусмотрена система отсылок по логическому принципу. Например, в индексе 643 «Участие АН в работах зарубежных научных организаций» имелась отсылка к индексу 622 «Научные съезды, конференции, конгрессы и т. п. за границей».

«Классификатор...» предоставлял право учреждениям Академии наук вводить буквенные обозначения (в скобках) для конкретизации общих вопросов. Например, в индексе 211 «Годовой план» предусмотрено применение индекса 211 (Я) — «Годовой план Якутского филиала», в случае его размещения среди других планов филиалов учреждения. «Классификатор...» дополнялся «Перечнем...» 1954 г., в котором рубрики раскрывались более детально в зависимости от их значимости. «Классификатор...» снабжен алфавитным указателем и сводной таблицей соответствия индексов номерам статей «Перечня...».

Разработанная архивом к середине 1950-х гг. классификационная схема систематизации документальных материалов позволяла учреждениям и организациям Академии наук создавать описи на научно-методической основе, унифицировать их структуру, частично раскрыть содержание и конкретизировать заголовки дел. Однако, она была предназначена только для документальных источников, отложившихся в делопроизводстве учреждений и организаций Академии наук. Она не распространялась на специальные виды документов (чертежи, карты, проекты, рисунки, негативы и позитивы фотоснимков и кинофильмов, звукозаписи и т. п.) и документы личных фондов ученых.

Для практического использования нормативно-методических документов в Московском отделении архива в 1959 г. подготовлено «Пособие по обработке, хранению и использованию документальных материалов»¹². В Пособии наряду с проблемами хранения и использования документов, даны рекомендации по их систематизации и составлению описей с учетом практической работы Архива АН СССР. В приложениях к «Пособию...» приведены форма описи и типовая номенклатура дел и документов, находящихся в делопроизводстве академических учреждений.

В 1958 г. ГАУ МВД СССР, Министерством культуры СССР и АН СССР была подготовлена «Инструкция по научно-технической обработке документальных материалов фондов личного происхождения»¹³, в которой представлены схемы классификации, структура описей, методы раскрытия состава и содержания фондов личного происхождения. Так, в отдельные самостоятельные разделы были выделены имущественные, хозяйственные и бытовые документы, документы об ученом, в отличие от Архива АН СССР, который включал эти документальные комплексы в раздел «Биографические документы». Наличие специфики состава и содержания документов личных фондов ученых диктовало необходимость дальнейшего обобщения опыта по научному описанию их документов. В 1960 г. вышло в свет «Методическое пособие по научно-технической обработке фондов ученых»¹⁴, подготовленное сотрудниками Московского отделения Архива АН СССР.

Общая схема классификации, предложенная в «Пособии...», была разработана с учетом опыта других архивохранилищ страны по научному описанию фондов личного происхождения и включала следующие разделы: 1) научные и другие работы ученого и рабочие документы к ним; 2) биографические и бытовые документальные материалы; 3) документы по научно-организационной и общественной деятельности; 4) переписка с отдельными лицами; 5) иллюстративные материалы; 6) документы других лиц; 7) документы об ученом. В «Пособии...» выделены особенности классификации документов внутри указанных разделов. В частности, отмечалось, что научные труды ученого

не делятся по жанрам, их нельзя распределить по форме (статьи, монографии, доклады и т. д.). Методика описания впервые представлена по каждой группе документов с учетом их состава, содержания и специфических особенностей. Так, при систематизации научных трудов ученого предлагалось учитывать специализацию ученого в одной или нескольких отраслях научных знаний.

В 1969 г. ГАУ при СМ СССР был разработан новый «Перечень типовых документальных материалов с указанием сроков хранения материалов»¹⁵. Для его использования в практике работы академических учреждений и организаций в 1971 г. Президиумом АН СССР было издано распоряжение о типовых номенклатурах дел¹⁶. Распоряжением утверждались типовые номенклатуры дел с указанием индексов по «Классификатору...» 1955 г. и статей «Перечня...» 1969 г., а также отдельных статей «Перечня...» 1954 г.: институтов и других учреждений; научного совета; научного общества; национального комитета; комиссии; оргкомитета международного конгресса, съезда, симпозиума, конференции; местных комитетов научных учреждений АН СССР.

Отличительной особенностью вышеуказанного документа является выделение номенклатур дел институтов, учреждений и организаций Академии наук, тогда как в «Пособии...» 1959 г. предлагалась единая номенклатура дел и других документальных материалов, находящихся в делопроизводстве всех учреждений АН СССР. Детализированы, расширены и конкретизированы типовые заголовки дел для институтов и других учреждений, а их количество возросло с 149 до 266. Этому способствовало широкое использование статей «Перечня...» 1969 г. Введение типовых номенклатур дел для различных учреждений и организаций Академии наук способствовало созданию более качественных описей и унификации заголовков дел.

В последней четверти XX в. в связи с интенсивной разработкой научных основ делопроизводства и архивного дела, созданием единой государственной системы делопроизводства, стандартизацией управленческой документации, наименования категорий и систематизация документальных материалов «Перечня...» 1954 г. в большинстве случаев не соответствовали терминологии и классификации документов конца 1970-х гг. В связи с этим Архив АН СССР начал разработку нового нормативно-методического документа для составления номенклатур дел и формирования дел в делопроизводстве учреждений и организаций АН СССР. В 1981 г. введен в действие «Перечень документов со сроками хранения»¹⁷. Он должен был использоваться в качестве пособия для составления номенклатур дел и формирования дел в делопроизводстве, при разработке схем классификации информации по управленческой документации академических учреждений, а также отдельных видов технической документации, создаваемой на стадии организации проектирования, и итоговой научной документации.

В отличие от «Перечня...» 1954 г. «Перечень...» 1981 г. объединен с «Классификатором...» 1955 г. с целью создания единой основы унифицированной системы организации документов в делопроизводстве учреждений АН СССР и классификации документов. Объединение перечня с классификатором должно было обеспечить, по мнению разработчиков, необходимые условия для организации оперативной и ретроспективной информации. Перечень построен по производственно-отраслевому и функциональному принципам и содержал систематизированное перечисление видов документов по вопросам, отражающим деятельность Академии наук и ее учреждений. Он состоял из разделов, подразделов и функционально-тематических групп, соответствующих основным направлениям деятельности Академии наук, и систематизирован по схеме «Классификатора...» 1955 г.

«Перечень...» представлял собой иерархическую квазидесятичную систему классификации, в которой было предусмотрено трехступенчатое деление основных направлений деятельности и функций Академии наук. Десять классов составляли главную таблицу: 1. Общие вопросы организации управления; 2. Научно-исследовательская деятельность; 3. Научное приборостроение и техническое обеспечение научных исследований; 4. Международное научное сотрудничество; 5. Научно-информационная деятельность; 6. Кадры; 7. Труд, социально-бытовые вопросы; 8. Финансовое обеспечение и отчетность; 9. Хозяйственная деятельность; 0. Деятельность общественных организаций, шефская работа.

В пределах классов предусматривалось деление на более узкие логически обоснованные направления и функции — отделы. Например, в классе 4 — «Международное научное сотрудничество» предусмотрен отдел 43 — «Членство и участие в работе международных организаций». Отделы, в свою очередь, подразделялись на подотделы, отражающие конкретные виды деятельности академических учреждений. В частности, в классе 5 — «Научно-информационная деятельность» присутствовал отдел 51 — «Научно-техническая информация и пропаганда», а также подотдел 511 — «Организация научно-технической информации» и функционально-тематическая группа 511.1 — «Протоколы, стенограммы, звукозаписи и списки участников пресс-конференций АН СССР, проводимых совместно с министерствами и ведомствами».

В группы включено не более 9 наименований статей. При меньшем количестве статей в группе свободные номера предполагалось использовать при возникновении новых видов (разновидностей) документов по соответствующим вопросам. Статьи внутри групп перечня расположены по степени значимости вопросов и видов документов в их логической связи и последовательности. Номера статей «Перечня...» присваивались только функционально-тематическим группам документов. Для удобства пользования «Перечень...» снабжен указателем

видов документов с отсылкой к номерам статей. На основании «Перечня...» Президиумом АН СССР в 1982 г. были утверждены типовые номенклатуры дел научного учреждения АН СССР и оргкомитета международного конгресса, съезда, симпозиума, конференции¹⁸.

Таким образом, Архивом АН СССР была создана единая система классификации управленческой документации, которая позволяла унифицировать подготовку описей и заголовков дел в академических учреждениях и организациях. В то же время заявленная в указаниях по применению «Перечня...» перспектива подготовки второй части перечня «Научная документация» так и не была осуществлена до настоящего времени, хотя проект этого документа рассматривался на Методической комиссии архива в 1987 г.

В конце 1980-х гг. архив продолжил комплекс работ по совершенствованию описания и систематизации документов личных фондов ученых. «Методическое пособие...» 1960 г. уже не удовлетворяло потребности ни сотрудников архива, ни исследователей в методике научного описания и качестве описей к документам фондов ученых. Обобщение накопленного опыта работы с документами личного происхождения ученых и их систематизации определили необходимость создания новых «Методических рекомендаций по научному описанию фонда ученого»¹⁹, утвержденных Методической комиссией архива в 1991 г.

В «Рекомендациях...» закреплена типовая классификационная схема систематизации документов в пределах фонда ученого, которая была представлена следующими разделами и подразделами: 1. Научные труды и другие творческие материалы: научные исследования, проекты, изобретения; лекционные курсы и учебники; научно-популярные работы; рабочие материалы к научным трудам; иллюстрации к трудам; рецензии и отзывы; общественно-политические и публицистические работы; воспоминания и художественные произведения; труды, отрецензированные ученым; переводы. 2. Биографические документы: личные документы; автобиографические документы, дневники, записные книжки; документы об учебе ученого; юбилейные и поздравительные документы; документы имущественного, хозяйственного и бытового характера; документы об ученом; фотографии и другие изобразительные материалы. 3. Документы о деятельности: научно-организационной; экспедиционной; педагогической; редакционно-издательской; в области международных связей; общественной. 4. Переписка: ученого; с ученым. 5. Материалы родственников. 6. Материалы других лиц.

7. Коллекции документов, собранные ученым.

В заключении отметим, что классификационные схемы документов, разработанные Архивом АН СССР для личных фондов ученых и фондов академических учреждений, показали высокое качество разработки, поскольку они

используются до настоящего времени. Исключение составляет отсутствие классификационной схемы систематизации научной документации. На протяжении десятилетий в системе АН СССР велась масштабная работа по классификации создаваемой документации, постоянно совершенствовавшаяся в связи с созданием единой государственной системы делопроизводства, стандартизацией управленческой документации и реагировавшая на передовые архивные нормативно-методические документы. Эта работа шла по пути углубления и детализации отдельных элементов классификационных схем систематизации документов. На этом фоне современное состояние такой работы выглядит угрожающей для информационной безопасности документального наследия отечественной науки и требует незамедлительной реакции со стороны как Министерства науки и высшего образования страны, так и Российской академии наук. Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории классификации документов и может быть использована в исследовательских и образовательных целях.

¹ Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 7–м. Оп. 1–1936. Д. 6. Л. 1–35.

² Систематическая таблица научной и деловой документации (делопроизводства) учреждений АН СССР. Л., 1938. 30 С.

³ АРАН Ф. 7–м. Оп. 1–1938. Д. 37. Л. 2–19.

⁴ Там же. Оп. 1–1937. Д. 25. Л. 9–13.

⁵ *Князев Г.А.* Теория и техника архивного дела. (Опыт систематического руководства). Л., 1935. 122 С.

⁶ *Он же.* Научные ценности за два века // Вестник Академии наук СССР. 1931. № 1. — С. 35–46.

⁷ *Он же.* Теория и техника архивного дела. (Опыт систематического руководства). — С. 35–46.

⁸ Схема обзора фонда личного происхождения: Методические указания по составлению обзора фонда личного происхождения. М., 1945. 4 С.

⁹ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 715. Л. 16–29.

¹⁰ Перечень документальных материалов, образующихся в деятельности Академии наук СССР, учреждений и организаций ее системы, с указанием сроков хранения материалов. М., 1954. 152 С.

¹¹ Классификатор научно–организационной и деловой документации (делопроизводства) учреждений Академии наук СССР. М., 1955. 31 С.

¹² Пособие по обработке, хранению и использованию документальных материалов в учреждениях Академии наук СССР. М.–Л., 1959. 64 с.

¹³ Инструкция по научно–технической обработке документальных материалов фондов личного происхождения. М., 1958. 52 с.

¹⁴ *Виноградов Ю.А., Нагорова З.Н.* Методическое пособие по научно–технической обработке фондов ученых в Архиве Академии наук СССР. М.–Л., 1960. 94 с.

¹⁵ Перечень типовых документальных материалов, образующихся в деятельности министерств, ведомств и других учреждений, организаций и предприятий с указанием сроков хранения материалов. М., 1969. 160 с.

¹⁶ О порядке и сроках представления номенклатур дел учреждений АН СССР // Распоряжение Президиума АН СССР № 7–1723 от 15 ноября 1971г. М., 1971. 55 с.

¹⁷ Перечень документов со сроками хранения Академии наук СССР, ее учреждений, организаций и предприятий. Часть 1. Управленческая документация // Приложение к распоряжению Президиума АН СССР № 14111–326 от 25 февраля 1981г. М., 1981. 192 с.

¹⁸ О порядке и сроках представления номенклатур дел учреждений и организаций Академии наук СССР // Распоряжение Президиума АН СССР № 14111–949 от 4 июня 1982г. М., 1982. 42 с.

¹⁹ Методические рекомендации по комплектованию, экспертизе ценности и научному описанию фондов ученых в Архиве АН СССР. М.: Архив АН СССР. 1991. 177 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Систематическая таблица научной и деловой документации (делопроизводства) учреждений АН СССР. Л., 1938. 30 с.

2. *Князев Г.А.* Теория и техника архивного дела. (Опыт систематического руководства). Л., 1935. 122 с.

3. *Князев Г.А.* Научные ценности за два века // Вестник Академии наук СССР. 1931. № 1. С. 35–46.

4. Схема обзора фонда личного происхождения: Методические указания по составлению обзора фонда личного происхождения. М., 1945. 4 с.

5. Перечень документальных материалов, образующихся в деятельности Академии наук СССР, учреждений и организаций ее системы, с указанием сроков хранения материалов. М., 1954. 152 с.

6. Классификатор научно-организационной и деловой документации (делопроизводства) учреждений Академии наук СССР. М., 1955. 31 с.

7. Пособие по обработке, хранению и использованию документальных материалов в учреждениях Академии наук СССР. М.-Л., 1959. 64 с.

8. Инструкция по научно-технической обработке документальных материалов фондов личного происхождения. М., 1958. 52 с.

9. *Виноградов Ю.А., Нагорова З.Н.* Методическое пособие по научно-технической обработке фондов ученых в Архиве Академии наук СССР. М.-Л., 1960. 94 с.

10. Перечень типовых документальных материалов, образующихся в деятельности министерств, ведомств и других учреждений, организаций и предприятий с указанием сроков хранения материалов. М., 1969. 160 с.

11. О порядке и сроках представления номенклатур дел учреждений АН СССР // Распоряжение Президиума АН СССР № 7-1723 от 15 ноября 1971г. М., 1971. 55 с.

12. Перечень документов со сроками хранения Академии наук СССР, ее учреждений, организаций и предприятий. Часть 1. Управленческая документация // Приложение к распоряжению Президиума АН СССР № 14111-326 от 25 февраля 1981г. М., 1981. 192 с.

13. О порядке и сроках представления номенклатур дел учреждений и организаций Академии наук СССР // Распоряжение Президиума АН СССР № 14111-949 от 4 июня 1982г. М., 1982. 42 с.

14. Методические рекомендации по комплектованию, экспертизе ценности и научному описанию фондов ученых в Архиве АН СССР. М.: Архив АН СССР. 1991. 177 с.

*Степанян Х.Р.,
Музей-архив истории АРФ Дашнакцутюн,
Армянский государственный
педагогический университета им. Х. Абовяна*

КЛАССИФИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ, ХРАНЯЩИХСЯ В АРХИВАХ ИСТОРИИ АРФ ДАШНАКЦУТЮН

Аннотация: в докладе представлена классификация документов архивов истории АРФ Дашнакцутюн хранящихся в Ереване, Бостоне и Бейруте, а также их содержание: письма, телеграммы, открытки, информационные бюллетени, протоколы, объявления, циркуляры, купоны, брошюры и прочее.

Ключевые слова: Армения, АРФ Дашнакцутюн, Первая Республика, архивы, документы.

*Stepanyan Kh. R.
Museum-Archive of History of the ARF Dashnaktsutyun,
Armenian State Pedagogical University after Kh. Abovyan*

CLASSIFICATION OF DOCUMENTS STORED IN THE HISTORY ARCHIVES ARF DASHNAKTSUTYUN

Abstract: the report presents the classification of documents of ARF Dashnaktsutyun archives in Yerevan, Boston and Beirut and their contents, more precisely, letters, telegrams, postcards, newsletters, protocols, announcements, circulars, coupons, brochures, and various notes.

Keywords: Armenia, ARF Dashnaktsutyun, First Republic, archives, documents.

Главные архивы Армянской революционной федерации Дашнакцутюн (АРФД)¹ в основном сосредоточены в Бостоне, Бейруте и Ереване. Дополнительно к этим трем центрам архивные документы по истории АРФД также можно найти в местах, где есть или были ее партийные организации. Ценные документы по истории АРФД также существуют в исторических

и различных ведомственных архивах ряда стран (Россия, Грузия, Иран, Турция, Греция, Болгария, Румыния, Франция, Германия, Англия, Австрия, Италия, Сирия, Ливан, Египет, Узбекистан, Туркменистан, Израиль, США и др.).

Из архивов АРФ Дашнакцутюн центральный архив в Бостоне — самый старый и самый большой. Он был создан основателями партии Ростомом (Степан Зорян) и Христафором Микаеляном и ранее действовал в Женеве, в редакции официальной газеты АРФД «Дрошак». Здесь были сконцентрированы различные партийные документы. После Первой мировой войны прежние швейцарские свободы были ограничены, поэтому руководящий орган АРФД — Бюро — был перемещен в Париж. Центральный архив истории партии тоже был перемещен туда же. Во время Второй мировой войны, учитывая горький опыт немецкой оккупации Парижа, центральный архив АРФД был перенесен в Бостон.

Список документов центрального партийного архива АРФД впервые был составлен Абраамом Гюльханданяном в Париже. В 1980-х гг. на основе списка Абраама Гюльханданяна был составлен новый список документов в бостонских архивах, в хронологическом порядке до 1925 г. включительно. С 1926 г. основные партийные документы регулярно централизовались в Бостоне, но отсутствуют в списке. Материалы, относящиеся к истории Первой Республики Армении (1918-1920), перечислены отдельно.

Следует отметить, что некоторые важные документы по истории АРФД за первые 28 лет (1890-1918), хранящиеся в архивах, уже были опубликованы в серии «Материалы по истории АРФ Дашнакцутюн» (13 томов)². Материалы по истории Первой Республики, как ожидается, будут опубликованы в ближайшее время.

Учитывая ограничение объема доклада, здесь мы представим только классификацию материалов, связанных с историей Первой Республики. Следует отметить, что по количеству материалов истории Республики Армения архив истории АРФ Дашнакцутюн уступает только Национальному архиву Армении.

Классификация документов главных архивов АРФ Дашнакцутюн проводилась в основном следующим образом: письма, телеграммы, открытки, информационные бюллетени, протоколы, объявления, циркуляры, купоны, брошюры и прочее. Хотя классификация документов архивов истории АРФ начали непрофессиональные историки, тем не менее, это было организовано довольно успешно. Конечно, позже специалисты заметили недостатки и исправили их.

Около 500 писем хранятся только в отделе Республики Армения. В основном эти письма написаны государственными и партийными деятелями. Письма, отправленные премьер-министрами Республики Армения, в основном касаются экономических проблем страны и внутривосточных вопросов.

Эти письма адресованы союзникам, состоятельным и влиятельным армянам, живущим за рубежом, и т. д.

Письма министров иностранных дел РА, адресованные армянской делегации в Париже, послам европейских держав, представителям европейских держав в Закавказье, в основном содержат информацию об урегулировании армянского вопроса, о войне с Азербайджаном и Турцией, Арцахе, Зангезуре, Нахичевани, Карсе и Западной Армении. Следует отметить, что число полученных писем тоже довольно значительно.

Добавим, что небольшое количество писем, написанных основателем Республики Арамом Манукяном было опубликовано отдельно³.

Телеграммы, отсортированные в документах, также интересны, по содержанию они похожи на письма, просто короче. Открытки представляют собой в основном церемониальные поздравления.

Партийные и ведомственные информационные бюллетени и протоколы, хранящиеся в архивах АРФД, содержат больше информации.

Информационные бюллетени, в основном на армянском, русском, французском и английском языках, содержат серьезную информацию об экономике Республики Армении, о вооруженных силах, внутренней политической жизни, образовательных, культурных и военных событиях, иностранных миссиях, положении мигрантов и о многом другом. Бюллетени были представлены либо правительству, либо вышестоящим партийным органам, либо иностранным дипломатическим и другим миссиям, а также армянской делегации в Париже.

Протоколы в основном касаются ряда встреч, переговоров, исполнительных и судебных заседаний.

Тексты заявлений, хранящихся в архиве, очень важны. Среди них заявление Армянского Национального совета о провозглашении Первой Республики Армении⁴.

Циркуляры, хранящиеся в архивах АРФД, содержат информацию о партийных назначениях. Бюро партии, особенно в Армении, в циркулярах не только предоставило дополнительную информацию о своей деятельности, но и призывало членов партии как можно больше посвятить себя интересам новой независимой республики.

Бостонские архивы также содержат уникальные купоны, буклеты и другие материалы, связанные с Первой Республикой Армения.

Основные материалы, связанные с историей АРФД и Первой Республики Армении, хранятся не только в Бостоне, но и в Бейруте и Ереване.

Архив последнего премьер-министра Первой Республики Симона Врацяна хранится отдельно в Бейруте. Правда, некоторые документы здесь являются копиями архивных документов Бостона, но есть также оригиналы, копии которых нет в Бостоне. Центральный архив Армянского образовательного и культурного союза также находится в Бейруте. Конверты первых фигур

Республики Никола Агбальяна, Левона Шанта, Вагана Навасардяна и других имеются здесь в большом количестве.

В сравнительно новом архиве ереванского офиса Бюро АРФД находятся различные исторические документы, собранные представителями нескольких поколений партийных деятелей. Принцип классификации архивных документов АРФД, хранящихся в Бейруте и Ереване, соответствует принципу классификации Центрального архива в Бостоне.

Таким образом, документы, относящиеся к периоду Первой Республики Армения, в архивах истории Армянской революционной федерации Дашнакцутюн, весьма разнообразны. Выполнена логическая сортировка документов, что позволяет исследователям проводить эффективные научные исследования. В то же время эти документы регулярно пополняются новыми коллекциями.

¹ Армянская революционная федерация Дашнакцутюн была основана в 1890 году. АРФ Дашнакцутюн вместе с двумя предыдущими армянскими национальными партиями, Армянской партией и Гнчакской партией, объявили главной целью освобождение армянского народа от османского ига. Кратко об истории АРФ Дашнакцутюн см. Оганиссян Э., Век борьбы. Т. 1-2, М., 1990.

² Материалы по истории АРФ Дашнакцутюн (на армянском языке). Т. 1-13, Бейрут, 1984-2020.

³ Арам. Собрание писем (на армянском языке). Ереван, 2018.

⁴ Архив Республики Армения (США, Бостон), Список А, часть А, конверт № 1, документ 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арам. Собрание писем (на армянском языке), Ереван, 2018, 672 с.
2. Архив Республики Армения (США, Бостон), Список А, часть А, конверт № 1, документ 1.
3. Материалы по истории АРФ Дашнакцутюн (на армянском языке), т. 1, Бейрут, 1984, 302 с.; т. 2, Бейрут, 1985, 395 с.; т. 3, Бейрут, 1985, 357 с.; т. 4, Бейрут, 1982, 384 с.; т. 5, Бейрут, 2007, 529 с.; т. 6, Бейрут, 2010, 559 с.; т. 7, Бейрут, 2010, 381 с.; т. 8, Бейрут, 2011, 493 с.; т. 9, Бейрут, 2012, 559 с.; т. 10, Бейрут, 2014, с. 540.; т. 11, Бейрут, 2015, 447 с.; т. 12 Бейрут, 461 с.; т. 13 Бейрут, 2020, 445 с.
4. Оганиссян Э. Век борьбы. Т. 1. Москва, 1990, 360 с.; т. 2. Москва, 1990, 340 с.

*Спичак А. В.,
Нижевартовский государственный университет*

СИСТЕМА ДОКУМЕНТАЦИИ ТОБОЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ ПРИ РЕШЕНИИ «ЖЕНСКИХ» ВОПРОСОВ В XVIII — НАЧАЛЕ XX вв. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА В Г. ТОБОЛЬСКЕ)

Аннотация: автор анализирует систему отложившихся в Государственном архиве г. Тобольска документов Тобольской духовной консистории, связанных с решением «женских» вопросов в XVIII — начале XX вв., и определяет источное значение этих документов. Главное внимание обращено на содержание дел Тобольской духовной консистории о побоях, нанесенных женщинам своими и чужими мужьями из светского и духовного сословий, о разводе и женском прелюбодеянии.

Ключевые слова: Русская Православная церковь, Тобольская епархия, Тобольская духовная консистория, «женские» вопросы, брак, брачно-семейные отношения, преступления против семьи, система документации, женские прошения.

*Spichak A. V.
Nizhnevartovsk State University*

SYSTEM OF DOCUMENTATION OF THE TOBOLSKY SPIRITUAL CONSISTORY AT THE RESOLUTION OF “FEMALE” ISSUES IN THE XVIII — THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (BY THE MATERIALS OF STATE ARCHIVE IN TOBOLSK)

Abstract: the author analyzes the system of documents of the Tobolsk Spiritual Consistory deposited in the State Archives of the city of Tobolsk related to the solution of «women’s» issues in the 18th — early 20th centuries and determines the source-study significance of these documents. The main attention is paid to the content of the cases of the Tobolsk spiritual consistory about the beatings inflicted on women by their own and other husbands from the secular and spiritual estates, about divorce and female adultery.

Keywords: Russian Orthodox Church, Tobolsk diocese, Tobolsk spiritual consistory, “women’s” issues, marriage, marriage and family relations, crimes against the family, documentation system, women’s petitions.

Изменения роли и значения женщины в обществе вызывают все более возрастающий исследовательский интерес к проявлению женского начала в различных сферах жизни. Усиление внимания к указанной проблематике требует и более глубокого изучения историографического наследия по данной теме.

Тобольская духовная консистория (далее — ТДК) являлась в 1700-1917 гг., т. е. в синодальный период, органом епархиального управления Русской Православной церкви (далее — РПЦ). ТДК решала не только сугубо конфессиональные вопросы. Институт семьи и брака издавна принадлежал к компетенции Церкви. Отложившиеся в Государственном архиве г. Тобольска (далее — ГБУТО ГАТ) дела ТДК хранят многочисленные истории женских судеб и отражают общие тенденции эволюции статуса и роли женщин в российском обществе до начала прошлого века включительно.

При сравнительном обилии научных трудов, посвященных разным аспектам истории и современного положения женщин в обществе, тема решения «женских» вопросов в XVIII — начале XX вв. ТДК еще не нашла своего исследователя, и значительный пласт архивных документов по данному вопросу пока остается неизученным.

Нижняя хронологическая граница нашего исследования совпадает с преобразованиями Петра I в области культурного статуса и быта женщин, — преобразованиями, повлекшими за собой радикальные изменения российского общества, его «европеизацию», при традиционном отнесении семейной юрисдикции к церкви. Верхний временной рубеж приходится на предпринятое властями в первое десятилетие советской власти целенаправленное изменение общественного сознания, агитацию женской части общества получать образование, занимать активную жизненную позицию, вливаться в ряды активистов нового строя, действуя наравне с мужчинами и, как следствие, появление новых поведенческих моделей.

ГБУТО ГАТ содержит огромный массив практически неизученных документов о деятельности ТДК (всего, согласно описям фондов ТДК, 30254 дела с 1706 по 1975 гг.), включая сотни дел, инициированных прошениями женщин о защите их от насилия со стороны мужчин, об устройстве судеб их детей (определении на должность, переводе, смягчении участи преступника), дел об их наказании за различные проступки и преступления, об увещании относительно примирения с супругом, а также по другим вопросам (выдаче паспорта для проезда в монастырь и обратно, о пострижении вдов в монахини, о принятии православия, о разводе и вступлении во второй брак). Для каждой группы дел определялся порядок делопроизводства, процедуры, относившиеся к каждому его этапу, были строго регламентированы и сопровождались опре-

деленным набором документов, большинство которых имело установленную форму, совершенствующуюся с течением времени.

Побои. Именно в духовную консисторию могли обратиться женщины напрямую либо через посредников, ища спасения от своих и чужих мужей в надежде на возмездие. Архивные документы свидетельствуют о том, что основной причиной причинения телесного вреда женщинам со стороны мужчин в конце XVIII — начале XIX вв. являлись давние традиции, а поводом чаще всего — «дерзкое», по мнению находящихся, как правило, в состоянии алкогольного опьянения мужчин, поведение женщины по отношению к нападавшему. Последствия же были различными в зависимости от того, находились ли преступник и жертва в браке. При отсутствии отягчающих обстоятельств обидчика ждала только епитимия. РПЦ своих подопечных, ставших обвиняемыми, наказывала лишь штрафом и переводом в другое село. Установлено, что делопроизводство относительно наказания мужчин как светского, так и духовного ведомства развивалось по сложившемуся обычаю и отличалось только отсутствием заключительного пункта — об отправке указа руководству, поскольку начальством для духовных лиц был сам владыка¹.

Дела ТДК о побоях включали просительный документ со стороны потерпевшей (через духовное правление, если она проживала в провинции; в таком случае духовное правление переписывало ее просьбу), либо от начальства ее супруга напрямую в ТДК, если преступление совершил муж, или, в случаях смерти женщины, а также выкидыша, — сообщение Тобольского уездного суда (через духовное правление, если преступление совершалось не в Тобольске), или Тобольского губернского правления с требованием о наказании от Тобольской палаты суда и расправы, либо рапорт духовного правления; определение в конце XVIII в., позже выписка из журнала ТДК, составленные в процессе рассмотрения поступившей документации на заседании ТДК; изредка черновик указа ТДК, который отправляли в духовное правление; рапорты духовного правления о получении и об исполнении распоряжений епархиального начальства.

Первой особенностью дел ТДК по данному вопросу являлось неоднократное дублирование просьбы разными лицами, часто представителей женщины, а позже ее самой, почему и составлялось несколько просительных документов. Вторая специфическая черта заключается в том, что дела нередко начинались с получения ТДК судебных документов. Третья особенность — наличие в деле дополнительных документов — медицинских свидетельств об осмотре жертвы; экстрактов из дел духовных правлений; подготовленных в ТДК выписок из законов.

Архиепископ, принимая решение, часто ссылался на постановления Святейшего Правительствующего Синода и Правила Шестого Вселенского Собора, упоминая или прилагая целиком тексты этих постановлений, однако встречаются дела, в которых избранный вид наказания без каких-либо оснований

расходится с церковным законодательством, причем в пользу виновного, то есть РПЦ до последнего верила в раскаяние и исправление преступника. Обращение к законам обнаруживается в делах, объединяющих побои и более тяжелые последствия, например, смерть не рожденного ребенка или «бесчинство» в церкви. ТДК узнавала о таких совмещенных преступлениях уже после исполнения светского наказания — битья розгами.

Передача материалов для рассмотрения инцидента в ТДК вызывалась чаще всего необходимостью принятия решения архиепископом о мере наказания провинившегося — обычно исключительно наложение епитимии, поэтому дела о побоях можно отнести к судебным делам. Реже сама потерпевшая обращалась прямо в ТДК, и именно последняя могла быть ее спасительницей, назначив увещание приходским священником ее мужа, а в случае угрозы жизни появлялся шанс получить разрешение на развод.

Развод. Среди архивных документов не было встречено ни одного дела, в котором женщина после совершенного в отношении ее правонарушения со стороны супруга сразу же подавала на него жалобу владыке. Наоборот, следуя традициям послушания, выработанным целыми поколениями в православной культуре, русская женщина до последних сил терпела дурное отношение к себе мужа. И только когда становилось ясно, что дальнейшее проживание с супругом привело бы к ее гибели, женщина решалась на развод.

Нами был обнаружен ряд дел ТДК, инициированный прошениями крестьянок о разводе за конец XIX — начало XX вв. Нижняя грань рассматриваемого периода обусловлена итогами проведения буржуазных реформ, верхним рубежом являются события 1917 г., которые повлекли за собой коренные изменения во всех сферах жизни российского общества.

Прошения очень различаются по эмоциональной окраске — от ярко выраженных сожаления и горя до холодного, расчетливого изложения всех нарушенных супругом правил и предложений о конкретных видах наказания. Эмоции в тексте обнаруживаются, когда читаем, как муж избивал женщину, когда же ей изменял, налицо спокойное повествование. Прослеживается и связь между типом изложения и уровнем образованности (о последнем свидетельствует и то, сама ли женщина подписала документ, или ввиду ее неграмотности за нее это сделал кто-то другой). Например, чем более образованной была крестьянка, тем лучше она могла подготовиться к написанию прошения, к примеру, указать статьи нормативных документов, согласно которым имела право получить развод и право вступить в новый брак, а супруг должен быть осужден.

Что касается самой процедуры расторжения брака в конце XIX — начале XX вв., то частыми были случаи, когда ввиду неосведомленности просительница умалчивала о родственниках мужа и свидетелях иницирующего составление

прошения события, а также не вносила деньги (к примеру, на публикацию информации о розыске мужа). ТДК запрашивала необходимые сведения у волостных правлений, в частности, о месте жительства и составе семьи просительниц. ТДК могли потребоваться от волостного правления дополнительные сведения, например, не брал ли супруг паспорт за последние пять лет, когда получал его последний раз и не известно ли правлению, где находится пропавший в настоящее время (в случае безвестной отлучки). В обоих случаях ТДК посылала в волостное правление письмо, в ответ также должно было поступить письмо. После того, как духовное правление объявляло содержание письма просительницы, последняя расписывалась на его обороте. ТДК могла позже послать еще одно письмо с требованием доставить необходимые документы, сведения, деньги и марки. В начале XX в. для этой цели печатали специально разработанный бланк.

Таким образом, система документации ТДК при расторжении брака в конце XIX — начале XX вв. включала прошение о разводе, сообщения волостных правлений (или рапорт сельского старосты), выписку из настольного журнала ТДК, указ ТДК в волостное правление. Первой специфической чертой данных дел является наличие дополнительных документов о муже или о браке, например, удостоверения сельского старосты об отсутствии супруга, метрического свидетельства, свидетельства врачебной управы о выяснении способности супруга к брачной жизни, копии решения (приговора) суда и отношения полицейского пристава при осуждении мужа на каторжные работы, трафаретного типографского решения ТДК о расторжении брака в случае ссылки на каторжные работы, выписи из метрической книги о бракосочетавшихся².

В некоторых случаях приходскому священнику удавалось убедить женщину простить мужа и продолжать с ним жить. Тогда в дело включали подписку о примирении с мужем, что является второй особенностью дел ТДК о разводе.

Однако не только мужья позволяли себе изменять своим женам, ряд дел ТДК, хранящихся в ГБУТО ГАТ, доказывает существование в синодальный период и женского прелюбодеяния.

Женское прелюбодеяние. Данный вопрос является исключением из нашей подборки, так как его решение было призвано не помочь и защитить представительниц слабого пола, а, наоборот, наказать за проступок, кроме того, такие дела, в отличие от остальных, которые были рассмотрены, естественно, никогда не инициировались женщинами. Однако изучение этой проблемы немаловажно для понимания эволюции положения женщин в XVIII — начале XX вв.

В ГБУТО ГАТ находится на хранении 113 дел ТДК о прелюбодеяниях за 1743-1881 гг., из них заведенных на мужчин — 30, на женщин — 41 дело³ и 40 — на пару, а также «Дело по указу Святейшего Правительствующего

Синода о рассмотрении дел о прелюбодеяниях духовным начальством» 1817 г.⁴ и «Дело по сообщению канцелярии Кольвановоскресенского горного начальства о розыске женки Дарьи Филиповой, подавшей ложную жалобу священнику Одигитриевской церкви, Смоленского редута Леонтию Труфанову в обвинении своего свекра в носильном прелюбодеянии с ней» 1775-1776 гг.⁵

Делопроизводство ТДК велось по установленной традиции и правилам, поэтому состав документов был схож по рассмотренным выше вопросам — это иницирующий документ (прошение супруга или покорнейшее доношение духовного правления, причем в деле могли присутствовать оба документа), выписка из настольного журнала ТДК, указ ТДК и рапорт духовного правления. Особенностью состава документов по данному вопросу можно считать иницирующий документ — прошение мужа, который был главным заинтересованным лицом в деле, желая исправления своей супруги либо развода. Еще одна специфическая черта — несмотря на то, что супружеская измена подлежала исключительно духовному суду, в некоторых делах обнаруживаются выписки из документов светского суда, например, если прелюбодействующая пара была объявлена беглой, и тогда ее после поимки суд постановлял предать на основании 791 статьи XV тома Уложения о наказаниях духовному суду.

Подтверждена гипотеза о том, что в середине XVIII-XIX вв. смягчилось отношение общества к женским изменам. К тому времени уже существовал единый вид наказания за прелюбодеяние — епитимия. В некоторых случаях, однако, он дополнялся избиением плетью, ссылкой (при неоднократном прелюбодеянии, даже после «увещания» духовных властей), отлучением от супруга (при согласии последнего). Как свидетельствуют документы дел, отношение РПЦ к женскому прелюбодеянию в отличие от мнения общества со временем оставалось по-прежнему отрицательным. Основной причиной женских измен в середине XVIII-XIX вв. можно считать неудовлетворенность супружеской жизнью, впрочем, как и в настоящее время (по мнению психологов)⁶.

Общей особенностью дел ТДК, отражающих позицию РПЦ по отношению к семейным конфликтам, являлось то, что для принятия к рассмотрению должны были иметься достаточно весомые аргументы и доказательства, церковь не вмешивалась в семейные конфликты по мелким проступкам, стараясь до последнего сохранить семью, в том числе и с помощью увещания приходскими священниками.

Таким образом, церковное делопроизводство в синодальный период регламентировалось на законодательном уровне и служило частью общей государственной системы работы с документами. Именно огосударствление церкви благоприятствовало сохранению ее документального богатства, почему оно и доступно для ученых. Изучение развития отдельных документов и их ком-

плексов в историческом аспекте является одной из основных задач исследований в области документирования деятельности учреждений, в том числе ТДК.

Богатый опыт законодательного регулирования брачных отношений позволяет обобщить его и выделить истинные ценности брака. Мы наблюдаем многогранность этих отношений, различные подходы к их регулированию⁷.

Изучение истории решения «женских вопросов», в том числе по архивным материалам, позволит не допустить прежних ошибок в решении подобных проблем в настоящем и будущем. Предпринимаемые государством и обществом шаги с целью снижения уровня домашнего насилия в отношении женщин, как нам представляется, не будут приносить должных результатов, пока не будет адекватно и достоверно оценен соответствующий исторический опыт. Поскольку до сих пор в нашей стране вполне не изжито домашнее насилие, исследование путей решения данной проблемы в прошлом может помочь пересмотреть и модернизировать предпринимаемые со стороны государства и общества меры с целью снижения уровня домашнего насилия в отношении женщин, чтобы эти меры начали приносить должные результаты.

Система документации ТДК при решении «женских» вопросов может быть использована также в генеалогических исследованиях, микроистории, составлении биографий.

Результатом исследования данной темы может стать существенное расширение теоретических знаний о роли, общих тенденциях в развитии положения женщин в XVIII — начале XX вв. на территории Тобольской епархии. Еще предстоит выяснить, что влияло на изменение положения женщин в указанный период, каким образом и насколько успешно они боролись за свои права, как это отражалось в епархиальной документации, какие делопроизводственные этапы сопровождали решение «женских» вопросов, как гендерное различие отражалось на содержании просительных документов. Комплексное исследование этих вопросов на материалах ТДК за XVIII — начало XX вв. будет способствовать решению спорных вопросов об источниковедческом значении документации РПЦ, складыванию документоведческого направления в исследовании документов РПЦ епархиального уровня, раскрытию истории оформления документального богатства РПЦ в целом.

¹ Шабалкина К.В. Русские мыслители XIX в. о роли женщины в обществе: Дисс. ... канд. философ. наук. Мурманск, 2007. С. 3.

² Там же. Оп. 4. Д. 2093; Оп. 6. Д. 327; Оп. 10. Д. 1043.

³ Там же. Оп. 3. Д. 2876, Оп. 5. Д. 218; Оп. 6. Д. 136, 1879; Оп. 8. Д. 229, 1084; Оп. 9. Д. 235, 1748, 2041.

⁴ Там же. Оп. 4. Д. 1931; Оп. 10. Д. 727, 1498.

⁵ Там же. Оп. 4, Д. 19, 1536, 1733, 2371, 2520; Оп. 5, Д. 9, 625, 641, 948, 1128, 1333; Оп. 6, Д. 21, 23, 1201, 1246, 1342, 1789, 1840; Оп. 8, Д. 172, 284, 754, 935, 1257, 1328.

⁶ *Спичак А.В.* Отношение русской православной церкви к причинению мужчинами из светского и духовного сословий телесного вреда женщинам в конце XVIII – начале XIX вв. (на материалах Тобольской духовной консистории) // Вестник Нижневарт. гос. ун-та. 2019. № 3. С. 108 – 113.

⁷ Там же. Оп. 8. Д. 232.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Спичак А. В.* Женское прелюбодеяние в Российской империи в середине XVIII-XIX вв. (на материалах Тобольской епархии) // Былые годы. 2019. Т. 53. Ч. 3. С. 998-1007.

2. *Спичак А. В.* Отношение русской православной церкви к причинению мужчинами из светского и духовного сословий телесного вреда женщинам в конце XVIII — начале XIX вв. (на материалах Тобольской духовной консистории) // Вестник Нижневарт. гос. ун-та. 2019. № 3. С. 108-113.

3. *Спичак А. В.* Причины развода крестьянок в конце XIX — начале XX века (на материалах Тобольской Епархии) // Женщина в российском обществе. 2017. № 4 (85). С. 88-103.

4. *Тумов В. В.* Правовые принципы регулирования брачных отношений в обществах Древнего мира // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2008. № 2 (4). С. 19-23.

5. *Шабалкина К. В.* Русские мыслители XIX в. о роли женщины в обществе: Дисс. ... канд. философ. наук. Мурманск, 2007. С. 192 с.

*Черникова Н. В.
ИРИ РАН, Москва*

**ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ
И ОТЧЕТНАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ
ВЫСШИХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ СТАТИСТИЧЕСКИХ ПОДСЧЕТОВ
(НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.)**

Аннотация: В исторических трудах статистика часто используется для характеристики работы и функций государственных учреждений. Однако без сопоставления и совместного использования разных источников и, главное, без учета особенностей функционирования изучаемых структур, — цифровые данные могут не только раскрывать, но и скрывать истинное положение дел.

В докладе затронута проблема достоверности и репрезентативности статистических данных на примере отчетной и делопроизводственной документации высшего законосовещательного органа империи — Государственного совета.

Ключевые слова: статистика, репрезентативность, отчетная документация, Государственный совет.

Chernikova N. V.

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

**THE REPORTING DOCUMENTS OF SUPREME BODIES
OF RUSSIAN EMPIRE AS THE BASE FOR STATISTICAL ANALYSES
(ON THE EXAMPLE OF THE STATE COUNCIL
OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY)**

Abstract: On historical writings statistics are frequently used for description of work and functions of government offices. Nevertheless, without comparing different historical sources and, especially, without consideration of the nuances of activity of the studied institutions — numerical data can not only reveal the real situation but also hide it.

The report raises issues of reliability and representativeness of statistical information on the example of the reporting documents of the State Council — the supreme consultative-legislate organ of Russian empire.

Keywords: statistics, representativeness, reporting documents, the State Council.

Работа высших и центральных учреждений Российской империи неоднократно находила отражение в разнообразных статистических таблицах. Такая форма подачи информации справедливо считается одной из наиболее наглядных, позволяющих продемонстрировать действительные результаты деятельности учреждения. Полностью соглашаясь с этим мнением, все же необходимо отметить, что использование цифровых данных требует учета по крайней мере двух нюансов, а именно, во-первых, того, что никакая статистика не обладает стопроцентной истинностью, а, во-вторых, того, что количественные показатели могут не только раскрывать, но и «прятать» истинное положение дел.

Это справедливо, в частности, для Государственного совета, высшего законосовещательного органа империи, результаты деятельности которого традиционно рассматриваются сквозь призму количества рассмотренных им проектов. В большинстве случаев исследователи опираются при этом на два источника — Описи дел архива Государственного совета¹ и Приложения к его годовым отчетам², каждый из которых обладает собственной спецификой, во многом определяющей целью его создания.

Описи дел Архива Государственного совета³ издавались в 1908-1914 гг. с чисто практической целью — облегчить и ускорить наведение Государственной канцелярией справок по делам Архива, имеющим связь с текущей деятельностью Государственного совета. К тому времени архив Совета был довольно обширен. Хронологически он обнимал период с начала XIX в. В нем хранились представления и справки, журналы заседаний, высочайше утвержденные мемории, указы и высочайшие повеления по Государственному совету и Государственной канцелярии. В него же поступали дела в разное время существовавших при Совете структур: временных комитетов и комиссий, отделов и присутствий и проч.

Цель издания требовала особо тщательной проверки полноты и точности публикуемого материала, поэтому рукописные описи были сличены с делами, исправлены и дополнены (указаны количество листов, даты начала и окончания дела), а по тем отделам архива, которые описей не имели, они были вновь составлены⁴. Все это сделало издание самостоятельным источником, не только описывающим архив, но и дающим представление о разнообразии обсуждавшихся Советом дел и изменении их количества с течением времени. Правда, в последнем случае степень репрезентативности Описей оказывается в прямой зависимости от сохранности дел на время описания архива. В результате использование описей для получения цифровых данных и тем более для составления статистических выкладок представляет определенные сложности.

Второй проблемой, с которой неизбежно сталкивается исследователь, является распределение дел в описи. Для составителей не имело принципиальной важ-

ности отнесение конкретного дела к году его начала или окончания. Возможны были оба варианта. В большинстве случаев дела помещались в описи, исходя из даты их высочайшего утверждения, но четкая хронология не соблюдалась, так что, например, 20 дел, утвержденных Александром III 19 мая 1881 г., оказались разбросаны на 4 страницах Описи, перемежаясь с делами, утвержденными как раньше, так и позже. В ряде случаев место дела в описи определялось его началом, а не окончанием. Так, дело об изменении узаконений относительно возраста брачного совершеннолетия было утверждено 1 ноября 1887 г., но помещено в описи за 1886, поскольку поступило в Совет 19 ноября 1886 г.⁵ Равным образом начатое 20 июня 1887 г. дело об изменении и дополнении узаконений о взысканиях и наказаниях за похищение и самовольную порубку чужого леса, а также о преследовании виновных в таких проступках попало в опись за этот год, хотя его окончание относится к следующему, 1888 г.⁶

Некоторые дела могли учитываться дважды — за два года или по разным департаментам. Так произошло, например, с Городовым положением 1870 г., которое было помещено в делах Департамента законов за 1867 и 1870 гг.⁷ и делом о детях узаконенных и усыновленных, попавшем в дела Департамента гражданских и духовных дел за 1890 и 1891 гг. (годы его начала и высочайшего утверждения)⁸. Дважды — по Департаменту законов за 1889 г. и по Департаменту экономии за 1890 г. — упоминается в описях дело об изменении таблицы числа недельных уроков в мужских гимназиях⁹; трижды — дело о крушении императорского поезда у станции Борки 17 октября 1888 г.¹⁰ Целых четыре раза в Описи упоминается дело о правах состояния жен священнослужителей и церковных причетников, рассматривавшееся в Департаменте законов. Первоначально оно было помещено в Описи за 1871 г., что соответствовало времени его поступления в Совет (1 апреля 1871 г.), а затем упоминалось еще трижды — дважды в 1872 и один раз в 1875 г., последний раз — в связи с его высочайшим утверждением (11 октября 1875 г.)¹¹.

В некоторых случаях это могло не просто свидетельствовать о невнимательности чиновников, но и отражать связанные с прохождением дела перипетии. Так, утвержденное в 1874 г. Положение начальных народных училищ¹² поступило в Департамент законов в августе 1872 г. Однако еще до завершения его обсуждения, в декабре 1873 г., вопрос о руководстве народными школами рассматривался Советом министров. Его результатом стал рескрипт императора Александра II, включавший пункт о передаче народных училищ под «попечительство» предводителей дворянства. Как заметил председатель Государственного совета великий князь Константин Николаевич, такое вмешательство в дела Совета не просто предредило результаты обсуждения проекта, но и сделало невозможным его рассмотрение «в теперешнем его виде»¹³. В конце концов, проект поменял

не только название, но и департамент, и из Департамента законов документ был передан в Департамент государственной экономии. Соответственно, в Описи он упоминается трижды: по Департаменту законов за 1872 г. и Департаменту экономии за 1873 и 1874 гг.¹⁴

Неоднократный учет дела мог быть связан с многосложными проектами, в состав которых входило несколько законов. Например, дело о преобразовании губернских и уездных по крестьянским делам и мировых судебных учреждений¹⁵ вошло составной частью в дело об утверждении положения о земских участковых начальниках, съездах этих начальников и о губернских по сельским делам присутствиях¹⁶.

Наконец, за интересующий нас период Описи архива Государственного совета содержат перечень дел департаментов, но не Общего собрания. Все это приводит к сложности использования данного источника для статистических подсчетов, делает его данные лишь примерными.

Отчеты по Государственному совету публиковались начиная с 1869 г. и дореволюционные исследователи и публицисты использовали их довольно активно. В советский период, когда неписанным правилом исторической науки стало использование в первую очередь архивных материалов, Отчеты привлекали меньшее внимание.

Отчеты состояли из двух частей — изложения важнейших дел Совета и приложений. Первая часть подписывалась председателем Государственного совета и включала три отдела — дела законодательные, государственного хозяйства и судебные. Вторая — приложения — подписывалась государственным секретарем и ее состав мог меняться из год от года, но неизменно включал ведомость о движении дел по Государственному совету, изменения в его личном составе и ведомости по кредитам, разрешенным Государственным советом.

Целью составителей отчетов был максимально полный учет всех прошедших через Государственный совет проектов, и решенных дел и тех, которые, по разным причинам, еще не были завершены. В отличие от Описей, Отчеты составлялись сразу по завершении отчетного года и, с нашей точки зрения, их можно рассматривать как наиболее объективный и репрезентативный источник при изучении делопроизводства Государственного совета.

Об этом свидетельствует и сопоставление данных отчетов и Описей. Так, если за 1882 г., например, опись дел архива Государственного совета показывает по департаментам Законов, Гражданских и духовных дел и Государственной экономии соответственно 135, 91 и 678 дел¹⁷, то отчет по Государственному совету за тот же год — 200, 125 и 1019, из которых решено было, соответственно, 136, 94 и 773¹⁸. Основной причиной расхождений было то, что в Архив попадали не все дела. Решение могло быть принято без внесения в журнал, проект

мог быть возвращен министру и проч. Но и с учетом всех этих нюансов даже приблизительное совпадение цифр достигается не всегда.

Например, опись за 1881 г. по Департаменту экономии перечисляет 704 дела, тогда как отчет называет 891 бывшее дело, из которых было решено 744, в т. ч. 20 дел исполнены решениями журналов, 36 — отношениями (без журналов), 35 присоединены к сметам и другим делам департамента и разрешены вместе с ними. А вот по Департаменту законов в том же 1881 г. число дел совпало: опись по Департаменту законов называет 113 дел, отчет — 134 решенных, из которых 20 дел были решены силою журналов, а 21 возвращено, без журналов, ведомствам, внесшим эти дела¹⁹.

Казалось бы, отчеты Государственного совета в силу их полноты и объективного отражения данных являются более предпочтительным источником. Однако и здесь есть свои сложности. Во-первых, в отличие от Описей, Отчеты не указывают на содержание и сложность дел и показывают «глухие» цифры, принципы получения которых не раскрыты, так что проверить их исследователь не может. Во-вторых, структура таблиц со временем претерпевала определенные изменения, так что сопоставление данных за разные годы не всегда оказывается возможным.

Наиболее крупная «реформа» в составлении отчетов была проведена после того, как пост государственного секретаря (с 1893 г.) занял Н. В. Муравьев. С 1892 г. Общий отчет был разделен на два — Отчет председателя Совета и Отчет по делопроизводству²⁰. Первый из них представлял собой краткий очерк трудов Государственного совета и его Канцелярии, второй — гораздо более обширный — включал подробное изложение разработки и рассмотрения Советом наиболее важных дел и государственной росписи доходов и расходов. Целью такого преобразования было дать наглядное (т. е. краткое и ясное) представление о законодательных трудах и в то же время сохранить подробное изложение рассмотренных дел²¹.

Еще более существенной переменой было то, что делопроизводственный год перестал совпадать с календарным. Теперь он включал «сессию», распадающуюся на два полугодия — осеннее и весеннее, с летним каникулярным перерывом между сессиями²². С этого времени сопоставление данных описей и отчетов становится невозможным. Кроме того, с этого же времени более подробными становятся статистические таблицы. В частности, дела по каждому департаменту подразделяются на дела, решенные силой департаментов и решенные Общим собранием. И это несколько затрудняет соотнесение данных с предшествующим периодом.

Положение исследователей усугубляется при обращении к отчетам рубежа веков. Начиная с сессии 1898-1899 гг. происходит очередное изменение формы

отражающих делопроизводство Совета таблиц, в которых теперь основной упор делается не на количестве дел, рассмотренных тем или иным департаментом, а на числе проектов, внесенных тем или иным ведомством. Соответственно, в столбцах, относящихся к работе департаментов, приводятся только дела, не перешедшие в Общее собрание. И при попытке, например, сопоставить данные за сессии 1897-1898 и 1898-1899 гг. по Департаменту законов оказывается, что число дел резко сократилось и с 138 (9 решенных Департаментом и 129 — общим собранием) снизилось до 11 (решенных департаментом)²³. И хотя по другим департаментам цифры выглядят более достойно, но строить какие-либо выводы о занятости департаментов и о числе решаемых ими (в среднем) за заседание дел²⁴ на таких данных вряд ли возможно.

Таким образом, оценка занятости Государственного совета на основании существующих источников уже представляет определенные сложности. Однако такой анализ должен учитывать и то, что формальные показатели далеко не всегда раскрывают настоящую картину, и данные о количестве дел еще не свидетельствуют о действительной загруженности департаментов, т. к. не учитывают степени сложности обсуждавшихся проектов, а значит, и времени, затраченного на их рассмотрение.

Особенностью работы Совета, не нашедшей отражения в цифровых данных, было то, что почти все законодательные дела заслушивались не одним департаментом, а соединенным присутствием двух, а наиболее важные — и всех трех департаментов. Соединенные присутствия были преимущественной формой департаментских заседаний. Департамент законов, например, за две сессии 1892-1893 гг. имел 31 заседание и из них только пять — без соединения с другими департаментами. Департамент гражданских и духовных дел из 28 заседаний 24 провел с другими департаментами. Департамент экономии имел 70 заседаний, из них 27 были посвящены рассмотрению смет (по этим вопросам другие департаменты не привлекались), а 43 — «по законодательной части» и из них 39 — в соединенном присутствии²⁵.

Совместные заседания обеспечивали всестороннее обсуждение дела, но одновременно они многократно повышали занятость членов департаментов. Между тем, их труд почти не получил отражения в цифровых данных. В помещавшихся в Приложениях к Отчетам Совета ведомостях о его делопроизводстве он оговаривался лишь в короткой ремарке (напротив данных о числе заседаний): «считая с Соединенными департаментами и Особыми присутствиями». Дело в том, что каждый законопроект «приписывался» только тому департаменту, в который он был распределен. Соответственно, и заседания, посвященные его рассмотрению, «записывались» только за этим департаментом, независимо от реального состава участников обсуждения.

Наконец, статистические подсчеты не учитывали и существование при Государственном совете разнообразных совещаний, комиссий и комитетов, к работе в которых могли привлекаться члены и департаментов, и Общего собрания. Большинство их носило подготовительный характер, а некоторые даже работали на правах временных департаментов Совета. Составители XVI тома «Описи дел архива Государственного совета» («Дела Государственного Совета и Государственной Канцелярии с 1807 года по 1910 год». СПб., 1912) за время царствований Александра II и Александра III насчитали 26 таких совещаний²⁶, и это далеко не полный список. Ряд совещаний в нем упомянут не был. Это относится, например, к созданной в 1876 г. Особой Комиссии под председательством члена Государственного совета И.Д. Делянова; к учрежденной в 1883 г. Комиссии для выработки проекта правил об особых преимуществах гражданской службы в некоторых местностях империи²⁷; к образованной в 1891 г. Комиссии для предварительного рассмотрения проекта правил об армии²⁸ и ко многим другим. Кроме того, ежегодно при Государственном совете создавались комиссии для рассмотрения всеподданнейших отчетов из 3-4 членов Совета, только в 1876 г., например, их было семь²⁹.

Таким образом, действительность была намного сложнее, а работа Совета — гораздо многообразнее и активнее, тем тот ее образ, которые формировался официальными отчетами. Современному исследователю необходимо учитывать, что для создания полноценной и объемной картины работы даже высших государственных учреждений недопустимо самоограничение уже существующими цифровыми показателями, требуется комплексное использование делопроизводственной документации. При обращении к статистическим данным это означает обязательное сопоставление более полных, но «глухих» показателей одного источника (в нашем случае — ведомостей по делопроизводству Государственного совета) с данными, раскрывающими содержание прodelываемой учреждением работы.

¹ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 199; Собко Е.М. Государственный совет в эпоху Александра III. М., 2007. С. 16.

² Кочаков Б.М. Государственный совет и его архивные материалы // Ученые записки Ленингр. гос. университета. Сер. ист. наук. Вып. 8. Л., 1941. № 73. С. 93; Деев А.Ю. Государственный совет Российской империи, 1894–1905 гг. Дисс... канд. полит. наук. М., 2002. Л. 323–326. Данные Кочакова использовали Х. Вилан (*Whelan H. Alexander III and the State Council: Bureaucracy and Counter-Reform in Late Imperial Russia*. New Brunswick, 1982. P. 44) и К.А. Соловьев (*Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества*. М., 2018. С. 144).

³ Опись дел Архива Государственного совета (Далее – Опись). Т. 1–12,15,16,19–21. СПб., 1908–1914. Издание не завершено.

- ⁴ Там же. Т. 1. 1810–1829. СПб., 1908. С. III–IV.
- ⁵ Там же. Т. 10. 1883–1888. СПб., 1913. С. 211. 1886. Департамент законов. № 82.
- ⁶ Там же. Т. 10. 1883–1888. СПб., 1913. С. 278. 1887. Департамент законов. № 84; Полное собрание законов (Далее – ПСЗ). Собр. 3. Т. 8. № 5078. 21 марта 1888.
- ⁷ Описание. Т. 7. 1867–1870. СПб., 1911. С. 9. № 98; С. 341. № 49.
- ⁸ Там же. Т. 11. 1889–1894. СПб., 1914. С. 77. № 22, 2); С. 148. № 22.
- ⁹ Там же. С. 8. 1889. Департамент законов. № 72; С. 112. 1890. Департамент государственной экономии. № 267; ПСЗ. Собр. 3. Т. 10. № 6929. 12 июня 1890.
- ¹⁰ Описание. Т. 11. 1889–1894. С. 13, 14. ДГДД. 1889. № 17, 26, 30.
- ¹¹ Там же. Т. 8. 1871–1876. СПб., 1913. С. 3 (№ 43), 82 (№ 89 и 99), 294 (№ 39).
- ¹² ПСЗ. Собр. 2. Т. 49. № 53574. 25 мая 1874 г.
- ¹³ Цит. по: *Воронин В.Е.* Рескрипт императора Александра II об усилении надзора за народными училищами (25 декабря 1873 года) и конфликт внутри правительственного лагеря // Преподаватель. XXI век. 2008. № 2. С. 113.
- ¹⁴ Описание. Т. 8. 1871–1876. СПб., 1913. С. 80. Департамент законов. 1872. № 71; С. 183. 1873. Департамент экономии. № 226; С. 247. 1874. Департамент экономии. № 145.
- ¹⁵ Там же. Т. 10. 1883–1888. СПб., 1913. С. 342. 1888. Департамент законов. № 95.
- ¹⁶ Там же. Т. 11. 1889–1894. СПб., 1914. С. 6. 1889. Департамент законов. № 44.
- ¹⁷ Там же. Т. 9: Дела Государственного совета с 1877 года по 1882 год. СПб., 1912. С. 313–383.
- ¹⁸ Приложение II. Ведомость о движении дел по Государственному совету за 1882 год // Отчет по Государственному совету за 1885 г. Паг. 2. С. 7.
- ¹⁹ Отчет по Государственному совету за 1881 г. Пагинация 2. С. 75; Описание. Том 9. 1877–1882. СПб., 1912. С. 312, 252.
- ²⁰ Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета за сессию 1892–1893 гг. СПб., 1893; Отчет по делопроизводству Государственного совета (за время с 1 января 1892 г. по 31 мая 1893 г.). В 2 т. СПб., 1893.
- ²¹ Всеподданнейший отчет... С. 1.
- ²² Там же. СПб., 1893. С. 2.
- ²³ Ведомости о делопроизводстве Государственного совета с 1 июня 1897 г. до 31 мая 1898 года // Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1897–1898 гг. СПб., 1898. С. 805; Ведомость о количестве дел, разрешенных департаментами и Общим собранием Государственного совета за сессию 1898–1899 гг. // Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1898–1899 гг. СПб., 1899. С. 975–976.
- ²⁴ *Деев А.Ю.* Указ. соч. Л. 99–100, 326.
- ²⁵ Всеподданнейший отчет... С. 10, 13, 16.
- ²⁶ Впоследствии этот список лег в основу соответствующего перечня в справочнике «Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг.». Т. 1. СПб., 2000. С. 38–49.
- ²⁷ *Щеглов Г.В.* Государственный совет в России в первый век его образования и деятельности (30 марта 1801 – 1901 года). Историко-юридический очерк. Ярославль, 1903. С. 137–138.
- ²⁸ Там же. С. 138.
- ²⁹ Отчет по Государственному совету за 1876 г. Прилож. IV. Пагин. 2. С. 21–22.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. 288 с.
2. *Собко Е. М.* Государственный совет в эпоху Александра III. М., 2007. 112 с.
3. *Кочаков Б. М.* Государственный совет и его архивные материалы // Ученые записки Ленингр. гос. университета. Сер. ист. наук. Вып. 8. Л., 1941. № 73. С. 75-104.
4. *Деев А. Ю.* Государственный совет Российской империи, 1894-1905 гг. Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2002. 327 л.
5. *Whelan H.* Alexander III and the State Council: Bureaucracy and Counter-Reform in Late Imperial Russia. New Brunswick, 1982. 258 p.
6. *Соловьев К. А.* Политическая система Российской империи в 1881-1905 гг.: проблема законотворчества. М., 2018. 351 с.
7. *Воронин В. Е.* Рескрипт императора Александра II об усилении надзора за народными училищами (25 декабря 1873 года) и конфликт внутри правительственного лагеря // Преподаватель XXI век. 2008. № 2. С. 109-117.
8. *Щеглов Г. В.* Государственный совет в России в первый век его образования и деятельности (30 марта 1801-1901 года). Историко-юридический очерк. Ярославль, 1903. 187 с.

Козлов О. В.
Смоленский государственный университет

ОПРОСНЫЕ ЛИСТЫ ДЛЯ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ УЧИТЕЛЕЙ (ЯНВАРЬ 1917 г.) НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Аннотация: В статье освещена предыстория создания опросных листов, разработанных для преподавателей начальных и низших училищ Смоленской губернии с целью выяснения степени здоровья, условий жизни и работы учителей. Автор охарактеризовал разделы анкеты, основной комплекс вопросов и их направленность, дал оценку информационных возможностей опросных листов как исторического источника, созданного непосредственно в преддверии Февраля 1917 г. Анонимность анкетирования являлась важным фактором получения от респондентов ответов высокой степени достоверности.

Ключевые слова: опросные листы, Смоленская губерния, начальная школа, учителя, санитарное состояние, качество жизни, январь 1917 г.

Kozlov O. V.
Smolensk State University

QUESTIONNAIRES FOR PROVINCIAL PRIMARY SCHOOL TEACHERS (JANUARY 1917) AS A HISTORICAL SOURCE

Abstract: the article covers the background to the creation of questionnaires developed for teachers of primary and lower schools of the Smolensk province in order to determine the degree of health, living and working conditions of teachers. The author described the sections of the questionnaire, the main set of questions and their orientation. He appreciated the informative possibilities of questionnaires as a historical source, which is created just before February 1917. The anonymity of the questionnaire was an important factor in obtaining a high degree of reliability from respondents.

Keywords: questionnaires, Smolensk province, primary school, teachers, sanitary condition, quality of life, January 1917.

Материалы анкетирований, проводившихся в начале XX в. среди различных категорий российского населения, в том числе и учителей, все чаще используются в современных историко-социологических исследованиях¹. Эти документы, учитывая охват респондентов и интерпретацию полученных результатов, относят то к массовым, то к статистическим источникам. При этом само понятие «массовый» до сих пор является предметом дискуссий среди источниковедов². Как любой исторический источник данные анкетирования, безусловно, содержат значительный объем потенциальной информации и в комплексе с другими архивными и опубликованными сведениями могут быть представлены в неожиданном ракурсе, например, как источник по истории эмоций³.

В настоящей статье объектом исследования выступают опросные листы, предназначенные для учителей начальных школ Смоленской губернии. Ответы на содержащиеся в них вопросы позволяют судить не только о санитарном состоянии учительства, но и об условиях их профессиональной деятельности в начале 1917 г.

Следует напомнить, что вопросы санитарного состояния начальных школ Смоленской губернии рассматривались и прежде в документах уездных училищных советов и санитарных описаниях земских деятелей рубежа XIX — начала XX вв. Так, наиболее интересные и значимые свидетельства были аккумулированы в труде смоленского врача Дмитрия Николаевича Жбанкова⁴ «Некоторые данные о народном образовании и санитарном состоянии начальных школ в Смоленской губернии в 1895-96 уч. году»⁵. Автор проанализировал положение сельских, церковно-приходских и министерских школ, акцентируя внимание на санитарной оценке школьных помещений и учительских квартир. Систематизации были подвергнуты описания, составленные земскими врачами в 1895-1896 гг. по заданию IX съезда смоленских земских врачей в рамках разработки «вопроса о всеобщем народном образовании в губернии»⁶.

В фонде Дирекции народных училищ Смоленской губернии⁷ Государственного архива Смоленской области (ГАСО) выявлены четыре дела⁸ с анкетами под названием «Опросные листы обследования санитарного положения учащихся», которые были заполнены учителями начальных школ Гжатского, Дорогобужского и Юхновского уездов Смоленской губернии в январе 1917 г. Бланк анкеты был отпечатан типографским способом на 2-х листах (4 страницах). Вероятно, тираж был большим, так как только по одному из двенадцати уездов Смоленской губернии — Юхновскому — было заполнено 179 анкет, и лишь один опросный лист оказался воспроизведен и заполнен от руки⁹.

Из преамбулы анкеты явствует, что идея обследования «санитарного положения учащихся начальных и низших училищ» была поддержана первым

Всероссийским съездом по народному образованию (23 декабря 1913 г. — 3 января 1914 г.). Вопросы опросного листа были разработаны с учетом тех обследований условий жизни учителей, которые проводились в Костромской, Пензенской и Люблинской губерниях санитарным врачом Г.С. Калантаровым в 1912-1913 гг.¹⁰ В результате проделанной им работы были получены «ценные сведения о санитарном состоянии учительства этих губерний, о заболеваниях среди учащихся и о причинах этих заболеваний»¹¹. В преамбуле анкеты, предназначенной для учителей Смоленской губернии, упоминалась также инициатива Черниговского общества взаимопомощи учащим и учившим, «которое в общем собрании 4 января 1916 г. решило обследовать путем рассылки опросных листов состояние здоровья учащихся и учивших начальных школ Черниговской губ.»¹².

Смоленское Общество взаимопомощи учащим и учившим на своем общем собрании 15 мая 1916 г. приняло решение о проведении опроса учителей начальных и низших училищ Смоленской губернии, признавая, что «обследование условий жизни учащихся имеет огромное значение не только для выяснения состояния здоровья их и условий их труда, но и размера годовых расходов в связи с условиями настоящего времени»¹³. Предполагалось, что полученные результаты будут систематизированы и «доложены ближайшему общему собранию Смоленского Общества взаимопомощи учащим и учившим»¹⁴. Правление Общества обращалось к опрашиваемым с просьбой «отнестись к заполнению посылаемого опросного листка с полным сочувствием и доверием, ответить на предлагаемые вопросы возможно добросовестнее, возможно тщательнее»¹⁵.

Сам опросный лист состоял из VI незаглавленных разделов и содержал 54 вопроса (при общей нумерации в 55 пунктов). Вопрос № 17 в III разделе был либо пропущен по ошибке, либо намеренно снят. Анкету следовало заполнять самостоятельно, отвечая на каждый поставленный вопрос в зависимости от его формулировки развернуто или кратко («да» или «нет»). При этом разработчики опросного листа просили не делать «прочеркиваний вместо ответов», а в случае затруднений так и писать: «ответить не могу». От респондентов не требовали подписывать бланк, то есть при анкетировании соблюдался принцип анонимности, что должно было способствовать повышению степени достоверности данных. Однако, как свидетельствуют сохранившиеся опросные листы, в редких случаях, учителя, по собственной инициативе, подписывали анкеты, называя свои фамилии, имена и отчества. Так, четыре из 179 опросных листов Юхновского уезда были подписаны. Бланк опросного листа начинался с требования указать дату его заполнения и наименование уезда. Название волости, школы и места ее нахождения указывать не требовалось. Правление Смоленского Общества взаимопомощи учащим и учившим предполагало получить заполненные опросные листы по почте на адрес Смоленской земской управы к 1 февраля 1917 г.¹⁶

Первый раздел анкеты включал в себя 8 вопросов: о возрасте, поле, составе семьи с указанием числа детей и количества лиц, проживавших с респондентом в одной квартире. В I разделе были также вопросы об уровне образования («Какое учебное заведение Вы окончили»), возрасте начала преподавательской деятельности («С какого возраста Вы учительствуете в школах?»), сроке прерывания учительского стажа, если таковое имело место, а также причинах перерыва. В бланке предлагались возможные ответы на последний вопрос: «болезнь, какая именно, переутомление, невозможность существования на получаемое содержание и проч.» Завершался I раздел вопросами о месте работы (в городе или в деревне) и педагогическом стаже в школе, где работал анкетиремый на время опроса («Сколько лет учительствуете Вы вообще и в частности в данном месте?»)¹⁷.

II раздел «Опросного листа» содержал всего три вопроса (№№ 9-11). Ответ на 9-й вопрос предполагал самооценку здоровья преподавателя «до начала учительства», а также уточнение времени наступления негативных перемен, описание состояния здоровья «в настоящее время». В случае, если учитель на каждом этапе своей работы вынужден был обращаться за врачебной помощью, следовало назвать диагноз или отсутствие такового («название болезни не известно или к врачам Вы не обращались»). Даже если болезнь не была точно установлена, учителю в анкете предлагалось записать жалобы и в целом оценить свое физическое состояние¹⁸.

Отвечая на 10-й вопрос: «Если Вы ставите Ваше заболевание или ухудшение Вашего здоровья за какое-либо время в прямую или косвенную связь с какими-либо определенными причинами», респонденту следовало их назвать. Так как анкетирование имело целью санитарное обследование, эти вопросы были ключевыми, однако развернутые ответы на них встречались не часто. Обычно учителя ограничивались одним предложением: «Плохое питание и холод в школьных помещениях, а также недостаток теплой одежды, которую купить не на что»¹⁹. Следует отметить, что некоторые «неудобные» вопросы явно не вызвали у заполнявших большого энтузиазма. К ним можно отнести 11-й вопрос, формулировка которого звучала так: «Если Вы хворали какой-либо заразной болезнью, (какою именно и когда) то не предполагаете ли Вы, что заразились этой болезнью в школе при развитии ее среди учеников, при посещении Вами больных учеников на дому и т.п. или же способ заражения остался неизвестным?». Типичный ответ на него был кратким: «Не хворал»²⁰. Составители же опросного листа явно рассчитывали на развернутые ответы и надеялись на откровенность анкетиремых, благодаря фактору анонимности.

В III раздел «Опросного листа» было включено 9 вопросов (№№ 12-21, вопрос 17 был пропущен), которые касались количества учащихся и числа имевшихся

в школе отделений. Учитель должен был сообщить сведения об общем и минимальном количестве проводимых им в день занятий, а также указать свою наибольшую и среднюю нагрузку за учебный год. Составители анкеты пытались учесть вечерние и воскресные занятия со школьниками, если таковые проводились, и узнать их число в неделю²¹. Таким образом, авторы опросного листа стремились выяснить реальную нагрузку учителя начальной школы.

В разделе имелись вопросы, касавшиеся участия преподавателей во внешкольной деятельности просветительского характера: работе библиотеки, воскресной школы, проведении народных чтений, организации спектаклей. При этом респонденты должны были ответить на вопрос: «Сколько времени в течение года эта работа у Вас отнимает?» В значительном количестве анкет приводились односложные отрицательные ответы. Кроме того, подавляющее большинство преподавателей отрицали сам факт проведения частных уроков, а также занятий, напрямую не связанных с учительской профессией («сельским хозяйством, садоводством, пчеловодством, торговлей и т.п.»²²). Следует признать, что авторы анкеты отдавали себе отчет: состояние здоровья учителя во многом обусловлено его нагрузкой в школе и в свободное время.

В IV разделе опросных листов содержалось 8 вопросов (№№ 21-28). Они в основном затрагивали финансовое и материальное положение учителя. Надо было ответить на вопрос о сумме годового дохода («в рублях») до войны и за минувший год, выделяя источники поступлений (жалование, подсобные заработки, помощь родственников). В ответах заметен незначительный рост денежных доходов в прошедшем году по сравнению с довоенным временем, однако из-за инфляции реальные доходы учителей снизились. Практически все респонденты основным источником дохода назвали жалование. На 22-й вопрос («Не имеете ли недвижимой собственности. Что именно и где. Сколько чистого годового дохода имеется с этого имущества?») в основном следовал отрицательный ответ.

Отдельный вопрос касался суммы годового расхода учителя. Она состояла из расходов на питание, одежду и обувь, плату за квартиру, отопление и освещение, жалование прислуги, содержание детей, помощь родственникам, покупку книг, газет и журналов, развлечения, лечение и прочее. Расходы явно возросли по сравнению с довоенным периодом. Несколько вопросов было связано с питанием: требовалось назвать количество приемов горячей пищи в день, привести свое обычное меню, указать предметы экономии «по недостатку средств». Типичные ответы — горячее питание дважды в день, обед состоял из щей или супа (с салом или постным маслом), а также каши с постным маслом или жареного картофеля. По поводу экономии респонденты отвечали кратко, перечисляя, в чем вынуждены себе отказывать: «В свежем мясе и коровьем масле и во многих предметах костюма», сахаре, фруктах, одежде, обуви²³ или

«не имею возможности выписывать необходимое количество книг, журналов»²⁴. Есть и совсем лаконичные ответы: «Во всем»²⁵.

Восемь вопросов V раздела (№№ 29-36) предполагали описание состояния школьных помещений и бытовых условий работы. Вопросы призваны были выяснить количество классных комнат в школе, число учеников по классам, а также размер классных комнат, число окон и их размеры (в аршинах). Далее следовало выбрать и подчеркнуть из предлагаемых вариантов тот, который соответствовал действительности: «Школьное здание: теплое, холодное, сухое, сырое, просторное, тесное». «Не бывает ли угара». «Клозеты. Теплые, холодные. Проникает ли из них зловоние (Да, нет)». Судя по ответам, обычно в школе было два небольших помещения с форточками в качестве вентиляции и холодные клозеты. Следующие вопросы касались обслуживающего персонала школы (он был в основном приходящим), наличия ночлежки и школьного приварка²⁶.

Девятнадцать вопросов VI раздела (№№ 37-55) были направлены на выяснение жилищных условий, пригодности квартиры учителя для жизни, выполнения им служебных обязанностей и осуществления общественной деятельности. Начинался раздел с вопроса: «Сколько учителей работало в данном учебном заведении?» Ответы показали, что в основном таковых было не более двух. Затем следовало выбрать правильный вариант: «Квартира учащего. В том же здании где и школа. В отдельном при школе здании. Наемная или только выдаются квартирные деньги». Отвечающие в большинстве случаев указывали, что проживают в школьном здании. Некоторые вопросы носил уточняющий характер. Например, сколько комнат было в квартире, какого размера (в аршинах), есть ли кухня и сколько окон во всех перечисленных помещениях. Респондент должен был подчеркнуть просторная или тесная, теплая или холодная, сухая или сырая у него квартира, описать, в чем ее недостатки и возможно ли их устранить, имеются ли баня и погреб. Кроме того, следовало указать источник воды, которым приходилось пользоваться (река, колодезь, пруд), назвать, чем освещалась квартира. Преобладающий ответ на последний вопрос был «керосиновой лампой».

Отдельный блок вопросов касался самооценки учителем его работы. 49-й вопрос, («Удовлетворяет ли Вас учительская работа?») требовал развернутого ответа. Несмотря на то, что последний был в большинстве своем положительным, он содержал различные оговорки. Например: «Удовлетворяет, хотя подчас и вызывает невольное недовольство, зависящее от необеспеченности, как материальной, так и правовой». Затем следовали вопросы, касающиеся интеллектуальной жизни учителя: «Какие газеты и журналы получаете Вы лично?», «Сколько раз в неделю получаете Вы почту?» «Где пользуетесь Вы книгами для чтения?», «Каким развлечением пользуетесь Вы и как часто?»

«Если Вы живете в деревне, то как часто Вы бываете в городе и каком?». Все ответы учителей на эти вопросы были довольно сдержанными. Многие преподаватели выписывали газеты, некоторые — и журналы, отмечая, что могут позволить себе лишь «недорогие» из них²⁷. Часть вопросов этого блока учителями была проигнорирована.

Особую значимость как для разработчиков опросного листа, так и респондента имел последний 55 вопрос: «Очень желательно, чтобы Вы здесь сделали общую оценку условий Вашего профессионального труда и Вашей жизни вообще, как с материальной, так и с точки зрения духовной удовлетворенности»²⁸. Именно размышления над этим вопросом позволили небольшой части опрашиваемых проявить творческую инициативу, и ответы на него важны при раскрытии эмоционального состояния смоленского учительства накануне будущих революционных потрясений. Так, учительница их Юхновского уезда М. Жарова (она подписала свой опросный лист) написала: «Труд живой, интересный, чем больше учительствую, тем больше люблю это дело, но условия, в которых приходится работать, довольно тяжелы. Постоянное безденежье, невозможность выписывать книги и журналы, приходится читать то, что попадает под руку, невозможность куда-либо поехать, попутешествовать, отсутствие всяких местных удовольствий, почти постоянное одиночество, делают жизнь очень скучной, серой, однообразной, портят характер, да становишься угрюмой, сварливой, замкнутой.

Сама работа удовлетворяет, но теснота помещения (в одном из 4 отделений при двух учащихся), отсутствие свежих пособий, делают учебу трудом менее плодотворным, накапливается лишняя инерция»²⁹. В словах сельской учительницы видна ее искренняя заинтересованность в изменениях к лучшему, и вместе с тем проявляется скепсис и озабоченность своей собственной судьбой и будущим коллег. Приведем типичный ответ: «Период духовной удовлетворенности, мешают невозможные материальные условия и недостаток опыта, но все-таки любовь к детям и к своему делу берет верх»³⁰.

Еще одна характерная точка зрения: «Школа — мое любимое занятие, работаю по призванию. С материальной стороны моя жизнь обставлена плохо ввиду малого содержания, приходится переносить много лишений, и в особенности теперь, при создавшейся необыкновенной дороговизне. Необходимо содержание народных учителей [поднять] до таких размеров, чтобы можно было удовлетворять себя в самом необходимом. С духовной стороны дело обстоит еще хуже: при школе не имеется библиотеки, откуда можно бы черпать духовную пищу. Покупать на свои средства никак не представляется возможным. Желательно, чтобы была библиотека, без которой жить в деревне интеллигентному человеку невозможно»³¹. Не удивительно, что многие учителя предпочли вообще не отвечать на этот сложный вопрос.

Таким образом, анализ формуляра опросного листа и полученных результатов показывает, что анкетирование учителей начальных школ на Смоленщине предполагало получение достоверных данных о состоянии здоровья «учащих» в начале их трудовой деятельности и на момент заполнения опросного листа, выяснение комплекса причин, влиявших на появление и развитие заболеваний, а также материального положения и эмоционального состояния учителей. Можно утверждать, что вопросы анкеты были направлены на выяснение качества жизни провинциального учителя, а о высокой степени достоверности данных позволяет говорить соблюдение принципа анонимности. Дальнейшее комплексное изучение обозначенной в «Опросных листах» тематики даст возможность объективно оценить положение учительства на момент Февральской революции и выяснить степень готовности преподавателей начальной школы к предстоящим радикальным политическим и социально-экономическим преобразованиям в обществе.

¹ *Азаматова Г.Б.* Организация земской школы в конце XIX – начале XX вв.: материально-бытовой аспект // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 3.— С. 35–37; *Ковалев Д.В.* Социально-политическая активность подмосковного крестьянства весной – летом 1917 г. в материалах анкетирования земельных комитетов // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: источники и методы исследования. 2011. № 1.— С. 246–252; *Соболев В.С.* Из истории социологических исследований среди учащейся молодежи России в начале XX века // Социология науки и технологий. 2012. Т. 3. № 3. — С. 111–121 и др.

² *Харитонов М.Ю.* Массовые источники в отечественной историографии: варианты подходов // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер», № 30, июнь 2002 [АИК]. — С.265–268; *Никулин П.Ф.* О некоторых особенностях социокультурного подхода к анализу массовых источников // Человек – текст – эпоха / под редакцией В.П. Зиновьева, Е.Е. Дутчак. Томск, 2004. — С. 19–26; Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др. ; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М., 2015. — С. 331–335.

³ *Чуракова О.В.* «Душа человеческая разрушается от войны...»: письменные источники периода Первой мировой войны как ресурс гендерно ориентированной истории эмоций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. — С. 246–277.

⁴ Д.Н. Жбанков (1853–1932) являлся заведующим медико-статистическим отделением Смоленской губернской управы, занимался изучением санитарного состояния фабрик, заводов, учебных заведений, разрабатывал профилактические мероприятия для предотвращения эпидемий, стал автором нескольких книг, был среди организаторов пяти губернских съездов земских врачей, являлся участником международных врачебных конгрессов.

⁵ *Жбанков Д.Н.* Некоторые данные о народном образовании и санитарном состоянии начальных школ в Смоленской губернии в 1895–96 уч. году (По данным уезд. училищных сов. и сан. описаниям школ земск. врачами). Смоленск: Смоленск. губ. земство, 1897. 143 с.

⁶ Там же. — С. 2.

⁷ Фонд 45 ГАСО насчитывает 3215 дел за период 1812–1918 гг. с некоторыми временными лакунами.

⁸ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2823–2826.

⁹ Там же. Д. 2825–2826.

¹⁰ *Калантаров Г.С.* Вопросы преподавания гигиены в средней и низшей школах: (Докл. на 11 Пирог. съезде). СПб.: Т-во худож. печати, 1910. 8 с.; *Калантаров Г.С.* О постановке школьно-санитарного надзора в Нижегородской губернии. Нижний Новгород: Отд-ние тип. газ. «Волгарь», [1912]. 17 с.; *Калантаров Г.С.* Санитарные условия профессионального учительского труда по данным анкеты ... // Врачебно-санитарный обзор Костромской губ. 1912. № 4; *Калантаров Г.С.* Санитарное состояние земского учительства Пензенской губ. по данным анкеты на учительских курсах 1913 года. // Врачебно-санитарная хроника Пензенской губ. 1913. № 6; *Шпаковская С.В.* Качество жизни жителей Пензенской губернии начала XX века (по свидетельствам местной печати) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2012. Т. 12. Вып. 1. — С. 107–111.

¹¹ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2823. Л. 1.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 1–1 об.

¹⁸ Там же. Д. 2826. 1917 г. Л. 1 об.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 2.

²⁴ Там же. Л. 25.

²⁵ Там же. Л. 4; Д. 2824. 1917 г. Л. 19.

²⁶ Там же. Д. 2826. 1917 г. Л. 2 об.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 6 об.

³⁰ Там же. Д. 2824. 1917 г. Л. 24 об.

³¹ Там же. Д. 2825. 1917 г. Л. 57 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азаматова Г. Б.* Организация земской школы в конце XIX — начале XX вв.: материально-бытовой аспект // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 3. С. 35-37.
2. *Жбанков Д. Н.* Некоторые данные о народном образовании и санитарном состоянии начальных школ в Смоленской губернии в 1895-96 уч. году (По данным уезд. училищных сов. и сан. описаниям школ земск. врачами). Смоленск: Смоленск. губ. земство, 1897. 143 с.
3. Источниковедение: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др.; отв. ред. М. Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 702 с.
4. *Калантаров Г. С.* Вопросы преподавания гигиены в средней и низшей школах: (Докл. на 11 Пирог. съезде). СПб.: Т-во худож. печати, 1910. 8 с.
5. *Калантаров Г. С.* О постановке школьно-санитарного надзора в Нижегородской губернии. Нижний Новгород: Отд-ние тип. газ. «Волгарь», [1912]. 17 с.
6. *Ковалев Д. В.* Социально-политическая активность подмосковного крестьянства весной — летом 1917 г. в материалах анкетирования земельных комитетов // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: источники и методы исследования. 2011. № 1. С. 246-252.
7. *Никулин П. Ф.* О некоторых особенностях социокультурного подхода к анализу массовых источников // Человек — текст — эпоха / под редакцией В. П. Зиновьева, Е. Е. Дутчак. Томск, 2004. С. 19-26.
8. *Соболев В. С.* Из истории социологических исследований среди учащейся молодежи России в начале XX века // Социология науки и технологий. 2012. Т. 3. № 3. С. 111-121.
9. *Харитонов М. Ю.* Массовые источники в отечественной историографии: варианты подходов // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер», N 30, июнь 2002 [АИК]. С. 265-268.
10. *Чуракова О. В.* «Душа человеческая разрушается от войны...»: письменные источники периода Первой мировой войны как ресурс гендерно ориентированной истории эмоций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 246-277.
11. *Шпаковская С. В.* Качество жизни жителей Пензенской губернии начала XX века (по свидетельствам местной печати) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2012. Т. 12. Вып. 1. С. 107-111.

Осипова Н. М.
Архив РАН

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ В АРХИВЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Аннотация: Архив Российской академии наук хранит документальные фонды ученых-языковедов, занимавшихся вопросами русского языка и отечественной литературы С.Г. Бархударова, Д.Д. Благого, В.В. Виноградова, С.П. Обнорского, С.И. Ожегова, Д.М. Ушакова и другие. Целью настоящей статьи является обзор документальных источников, отражающих деятельность ученых по развитию отечественной филологии. Данный обзор поможет исследователям в архивном поиске.

Ключевые слова: Академия наук, русский язык, филология.

Osipova N.
Archive RAS

DOCUMENTARY SOURCES ON THE HISTORY OF THE DOMESTIC PHILOLOGY IN THE ARCHIVE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Abstract: The Archive of the Russian academy of sciences stores the documentary funds of language scientists dealing with Russian language and Russian literature S.G. Barhudarov, D.D. Blagoy, V.V. Vinogradov, S.P. Obnorsky, S.I. Ozhegov, D.M. Ushakov and others. The purpose of this article is to review the documentary sources reflecting the activities of the scientists in the development of the domestic philology. This review will assist the researchers in archival search.

Keywords: Academy of sciences, Russian language, philology.

Русский язык — государственный язык нашей страны, на котором мы говорим и думаем. К теме изучения русского языка, начиная с XVIII в., обращались многие ученые. Великий русский ученый М.В. Ломоносов — автор первого научного описания русского языка — «Российской грамматики», теория которого в конце XVIII в. стала основой для первого словаря русского языка — «Словаря Академии Российской».

Архив Российской академии наук уже свыше 290 лет хранит ценнейшие и уникальные документы по истории российского и зарубежного мирового научного

сообщества, собранные в двух тысячах фондов, содержащих свыше миллиона единиц хранения, и является старейшим научным архивом страны. Это фонды центральных органов управления Академии, Коммунистической академии, их учреждений и институтов, личные фонды ученых, в которых представлены и документы языковедов и литературоведов.

Говоря о фондах филологов, хранящихся в Москве, в первую очередь хотелось упомянуть фонды тех ученых, кто работал над созданием современных словарей русского языка, используемых нами до сих пор.

Ожегов Сергей Иванович (1900-1964) — филолог, языковед, лексиколог, лексикограф, исследователь норм русского литературного языка, доктор филологических наук (1958), автор «Словаря русского языка», один из составителей «Толкового словаря современного русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова. Работал в Институте русского языка Академии наук. В его фонде (№ 1516) хранится свыше 400 дел, которые в частности представляют собой рукописи трудов на темы «Словообразование и семантика в их взаимодействии», «О просторечии. (К вопросу о языке города)», «Нормализация ударений в русском языке», «Русское литературное произношение», «Вопросы основного словарного фонда и словарного языка», «Итоги и ближайшие задачи советской лексикографии», «Вопросы культуры речи», курсы лекций, доклады и выступления по вопросам теории языковедения и лексикологии, отзывы и рецензии С.И. Ожегова на работы, диссертационные исследования, книги и учебники, протоколы заседаний Высшей аттестационной комиссии, Отделения литературы и языка и Редакционно-издательского совета Академии наук с обсуждением проблем составления и издания «Словаря русского языка».

Обнорский Сергей Петрович (1888-1962) — филолог, славист, академик АН СССР (1939), действительный член Академии педагогических наук РСФСР. Работал в Академии наук над составлением «Словаря русского языка», также в Институте русского языка и Институте языкознания Академии наук. Фонд ученого (№ 1618) содержит 44 дела, в том числе рукописи статей «Памяти академика И.В. Ягича», «Н.Г. Чернышевский как филолог», «Язык басен И.А. Крылова», «Некоторые параллели современного русского литературного языка и языка А.С. Пушкина», отзывы на статьи других лиц, протокол методического совещания дикторской группы радио с участием С.П. Обнорского о правильном произношении слов, докладные записки в Отделение литературы и языка Академии наук о работе над словарем древнерусского языка, переписка по вопросам издания словарей русского языка.

Ушаков Дмитрий Николаевич (1873-1942) — языковед, специалист по русской диалектологии и лексикологии, член-корреспондент АН СССР (1939) один из организаторов реформ русской орфографии, редактор-составитель «Толкового словаря современного русского языка», работал в Научно-исследовательском институте языка и литературы РАНИОН и Институте языка и письменности Академии наук.

В его фонде (№ 502) хранится около 500 дел, которые представляют собой рукописи трудов на темы «Алфавит», «Фонетика», «Современный конфликт между школьной и научной грамматикой», конспекты и заметки по русской словесности и грамматике, древнерусской литературе, фонетике и фонетической транскрипции, диалектологии и реформе орфографии, словники и словари, статьи, доклады, лекции, посвященные выдающимся российским языковедам. Сохранились также документы о его научной и научно-организационной деятельности в составе Московской диалектологической комиссии при Отделении русского языка и словесности Академии наук, в системе Наркомпроса РСФСР по латинизации русского алфавита и изданию орфографического словаря русского языка, а также копия письма Д.Н. Ушакова 1931 г. к И.В. Сталину по вопросам языковедения.

Также хотелось бы отметить ученых, которые посвятили немало своих трудов изучению творчества А.С. Пушкина, который по праву является основоположником русского литературного языка.

Благой Дмитрий Дмитриевич (1893-1984) — литературовед, историк русской литературы, пушкинист, член-корреспондент АН СССР (1953), действительный член Академии педагогических наук РСФСР и СССР. Работал в Институте мировой литературы им А.М. Горького Академии наук. В его фонде (№ 1828) хранится свыше 800 дел, которые представляют собой рукописи работ по истории русской поэзии XVIII-XIX вв., в основном по пушкиноведению, в том числе монография «Творческий путь А.С. Пушкина. 1830-1837», статьи, доклады, лекции, стихотворения, переводы, отзывы на труды других лиц, а также постановление Президиума Академии наук о присуждении Д.Д. Благому премии им. А.С. Пушкина в 1983 г.

Виноградов Виктор Владимирович (1894/5-1969) — языковед-славист, литературовед, академик АН СССР (1946), специалист по истории русского языка, поэтике и стилистике русской литературы. Работал в разное время директором Института языка и мышления, Института языкознания и Института русского языка Академии наук, последний из которых носит его имя. Известны труды ученого — «Стиль Пушкина», «Язык Пушкина», «История слов». В его фонде (№ 1602) хранится около 600 дел, которые представляют собой рукописные сочинения по грамматике и лексике русского языка, истории русского литературного языка и стиля русских писателей XIX-XX вв., проблемам поэтики и стилистики, русской литературе. Актуальным является его выступление по радио «О культуре русской речи».

Кроме того, необходимо отметить, что в фондах Архива РАН хранятся документы, связанные с деятельностью члена-корреспондента АН СССР (1946) Бархударова Степана Григорьевича (1894-1983), по учебнику которого многие поколения отечественных учащихся изучали русский язык.

Документы ученых-языковедов и литературоведов в Архиве РАН активно используются отечественными и иностранными исследователями.

Н. В. Ростиславлева

РГГУ

ФЕНОМЕН ГРАЖДАНСКОГО ПЛЕНА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ ДОКУМЕНТОВ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ

Аннотация: в статье рассматривается репрезентативность документальных источников, раскрывающих структуру и особенности гражданского плена российских подданных в Германии в 1914-1918 гг. В теоретическом плане автор опирается на новейшие исследования английского историка М. Стиббе феномена интернирования и enemy aliens. Показаны три категории enemy aliens — задержанные и подлежащие репатриации „враждебные иностранцы“, конфинированные и интернированные граждане Российской империи. Автор признает высокую репрезентативность выявленных документов и определяет перспективы дальнейших архивных изысканий.

Ключевые слова: Первая мировая война, enemy aliens, гражданский плен, Германская империя

Natalia V. Roštislavleva

RSUH

PHENOMENON OF CIVIL CAPTIVITY DURING THE FIRST WORLD WAR: THE PROBLEM OF THE REPRESENTATION OF DOCUMENTS FROM RUSSIAN ARCHIVES

Abstract: the article deals with the representativeness of Russian documentary sources, which reveal the features and structure of civil captivity of Russian citizens in Germany in the context of the latest theoretical approaches about internment and enemy aliens of the English historian M. Stibbe. Three categories of enemy aliens are shown — detained and repatriated “hostile foreigners”, confined and interned citizens of the Russian Empire. The author acknowledges the high representativeness of the identified documents and defines the perspectives for further archival research.

Keywords: First World War, Enemy Aliens, Civil Captivity, German Empire

Первая мировая война носила тотальный характер, она не ограничивалась театром военных действий, а затронула экономику, политику, социальную сферу и даже культуру. Инновацией этой войны стали такие явления как гражданский плен, конфинирование, интернирование. Возникла общая проблема *enemy aliens* — враждебных иностранцев — подданных воюющих государств, оказавшихся на территории противника. Это один из самых неизученных сегментов истории Первой мировой войны. Так, например, история военного плена этой войны изучена очень хорошо как в России, так и в Германии¹. Только в последние годы появились статьи и монографии английского историка М. Стиббе², в которых делаются попытки рассмотреть проблему *enemy aliens* в глобальном контексте, обосновывается термин «конфинирование», а также серьезно корректируются прежние представления о феномене интернирования.

В настоящем исследовании будет проанализирована репрезентативность архивных источников, освещающих особенности пребывания российских граждан в Германии в годы Первой мировой войны. Слабая изученность в отечественной историографии данной проблемы во многом объясняется отсутствием специальных фондов по интернированным, рассредоточенностью документов, хранящихся в разных архивах России и Германии, а также тем, что немало источников личного происхождения были утрачены. В фокусе настоящей статьи — анализ документов из Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Научно-исследовательского отдела рукописей РГБ (НИОР РГБ), а также Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ).

Российских граждан *enemy aliens* — враждебных иностранцев, оказавшихся в годы Первой мировой войны в Германии, можно условно разделить на несколько групп — задержанные в начале войны и затем репатриированные на родину граждане, конфинированные и собственно интернированные.

Что касается первой группы, то это прекрасно изученный сегмент³. Известно, что война застала в Германии несколько десятков тысяч русских подданных, среди них люди, приехавшие на отдых, на учебу, в командировки по научно-образовательным делам и бизнесу. В их числе был известный историк Н. И. Кареев, чье пребывание в Берлине отражено как в публицистике⁴, так и в уже опубликованных документах НИОР РГБ из фонда 119. Эти документы были подготовлены к печати Е. А. Долговой, они раскрывают настроения русских в Берлине в августе 1914 г. и кипучую деятельность Кареева по оказанию помощи русским в возвращении на родину. В конце августа 1914 г. ученый уже был в Финляндии⁵.

Много информации можно почерпнуть из документов личного происхождения. Опубликованы заметки о пребывании в Германии А. И. Страхович,

Н. П. Карабчевского, Б. Гуревича⁶, Г. Швац-Бостунича⁷. Между тем, в архивах России еще остались неопубликованные документы, которые проливают свет на политико-правовые и эмоциональные особенности пребывания русских подданных в Германии в начале мировой войны.

Репрезентативный пример — неопубликованные воспоминания Елены Владимировны Герье, дочери известного русского историка В. И. Герье, которые хранятся в фонде В. И. Герье в НИОР РГБ⁸. Женщина приехала летом 1914 г. в Германию, чтобы изучать школьное образование. Документ называется «Школы в Мюнхене и Нюрнберге. Воспоминания о поездке в Германию летом 1914 г.», в нем показано, почему русские подданные остались без денег, обрисована ситуация, когда немцы, «вчерашние мирные спокойные жители, превратились в разъяренных врагов»⁹. Много внимания Е. В. Герье уделила описанию надзора полиции над русскими подданными: «...посоветовали не раздражать население, говорить только по-немецки, умалчивать про политику, время от времени показываться в полицию. Если кто-либо вздумает уклоняться от этих требований, то будет заключен в крепость»¹⁰. Показаны всплески эмоций и помощь простых немецких граждан, даже одного немецкого полицейского¹¹. Известно, что женщин, детей и мужчин старше 45 лет в большинстве своем вскоре репатриировали на родину. Е. В. Герье была среди них. В воспоминаниях она верно отмечала, что молодых мужчин с ними не отпустили: «Бедные студенты, проработавшие здесь 4 года сряду, были выброшены за борт без права сдачи экзаменов. Как хотелось нам увезти их с собой в Россию, вернуть их в русские университеты, в родные семьи. Как сильно они тосковали!». Ошибочно Е. В. Герье заявляет, что они остаются здесь в качестве «военнопленных»¹². Между тем, если опираться на новейшие достижения историографии, то эти студенты оставались в Германии в статусе конфинированных.

Данная категория *enemy aliens* обоснована в работах М. Стиббе, который утверждает, что это иностранные подданные, обычно мужчины, свобода которых ограничена, но в отличие от интернированных они не находились в лагере¹³. Репрезентативными в раскрытии их статуса могли бы стать документы личного происхождения, прежде всего дневники, но они практически не сохранились. Если говорить об известных конфинированных в Германии русских подданных, то к этой категории вполне можно отнести в будущем известного советского писателя, председателя правления Союза писателей СССР К. А. Федина (1892-1977). Он, являясь студентом Московского коммерческого училища, приехал в Германию летом 1914 г. изучать немецкий язык и был задержан в Дрездене при попытке пересечь границу и уехать в Россию, а затем депортирован в саксонский город Циттау, где находился до конца войны. Федин снимал жилье, платил за него, регулярно отмечался в полиции, преподавал

русский язык, служил хористом в театре. В РГАЛИ есть фонд К. А. Федина. Внимательное изучение документов показало, что писатель очень скупо описывал это время в своей автобиографии, называл себя «гражданским пленным № 52», а после «октября 17-го года тщетно добивался права на въезд в Россию»¹⁴. Материалы фонда позволили установить, что Федин в те годы вел дневники. К сожалению, дневник, который будущий писатель вел в Циттау в 1915-1918 гг., был им сожжен. Об этом он писал в сохранившихся дневниках, которые хранятся в РГАЛИ. Третий его дневник, где отражены события 1918 г., потерялся в Герлице¹⁵. Но о пребывании Федина в Германии в качестве гражданского пленного в годы Первой мировой войны можно узнать из его романа «Города и годы» и новеллы «Я был актером». Термин «конфинирование» будущий писатель ни в документах, ни в художественных произведениях не использовал. Факты автобиографии и романа «Города и годы» нередко совпадают. Так, в романе Андрей Старцев был тоже гражданским пленным № 52. В дневнике за 1928-1930 гг. Федин писал: «В военной части «Городов» фальши нет»¹⁶. В первой дневниковой тетради 1928 г. Федин рассказывал о своем посещении Циттау 27 июля 1928 г. Он предавался воспоминаниям о его возлюбленной Ханни, что перекликается с фактами из «Городов». Федин очень эмоционально описывал посещение Циттау в 1928 г.: «И у меня, когда я подъезжал к городу, впервые в Германии забилося сердце. Нет, здесь я хоть и чужой, но не лишний человек»¹⁷. Таким образом, хотя в документах обнаружена лишь скупая характеристика статуса конфинированного, однако отрицать их репрезентативность нельзя, поскольку в них Фединым обозначены художественные тексты, где эти данные можно обнаружить.

Статус конфинированного был нестабильным: за политические и режимные нарушения таких гражданских пленных отправляли в лагерь, и они обретали статус интернированного. Практики интернирования отличаются в разных государствах и связаны со способами обеспечения национальной безопасности в условиях военного времени. Например, в российской традиции под интернированными понимают депортированных немцев и других *enemy aliens*, а также русских немцев из столиц, театра военных действий и прифронтовых территорий. Лагерь интернированных в России не было¹⁸. В западных странах такие лагеря существовали¹⁹.

В Германии сложилась система лагерей, куда входили лагеря для военнопленных, трудовые лагеря и лагеря интернированных. Надзор над лагерной системой должен был осуществляться *Unterkunftsdepartment* (департаментом размещения) военного министерства Пруссии во главе с генералом Эмилем Фридрихом²⁰. Нередко интернированные содержались в одних лагерях с военнопленными. Среди интернированных были и женщины, и дети, иногда

в лагерь отправляли целыми семьями²¹. Лагерь, где содержались интернированные, в Германии было около сотни, хорошо изучены из них десять, среди них Хольцминден, Зенне, Рулебен, Хавельберг, Раштат, Лимбург/Лан, Тронштайн, Хамельн, Вюнсдорф, Франкфурт-на-Одере. Хольцминден — это лагерь, где содержалось 4 240 гражданских пленных и только 236 военнопленных²². Интернированные российские подданные в исследовательский фокус М. Стиббе, П. Панаи не попадали.

После заключения 3 марта 1918 г. Брестского мира возникло Генеральное консульство РФСР в Берлине, а при нем было создано бюро военнопленных, которое занималось также и интернированными. В ГА РФ есть фонд Центропленбеж, в котором содержатся очень репрезентативные документы о лагерях интернированных, о содержании гражданских пленных в лагерях военнопленных, определяется их социальный состав и делаются попытки установить численность интернированных русских граждан, отмечается взаимность государственной политики в отношении интернированных в России и Германии²³. В архивных документах чаще используется термин «гражданские пленные»²⁴, но употребляется и понятие «интернированные граждане»²⁵.

Наиболее ценный материал содержится в докладных записках атташе Генерального консульства РФСР по делам военнопленных С. А. Семкова, а также уполномоченных смешанных комиссий, посещавших лагерь, где содержались гражданские пленные. По этим докладным запискам удалось установить, что, как это указывалось и в работах Стиббе, собственно лагерем для гражданских пленных был Хольцминден, где находились также и русские подданные. В документах фонда он назван «Гольцминден». В этом лагере наряду с мужчинами содержались и женщины, и дети, а также много русских студентов, захваченные на оккупированных территориях²⁶.

Из докладной записки С. А. Семкова о посещении лагеря Хавельсберг (в документах он назван Гавельсберг) следует, что к лету 1918 г. в этом лагере содержались только гражданские пленные, среди которых наряду с французами и англичанами находились и русские. В лагере был очень строгий режим, скверное питание²⁷. Социальный состав русских был разнообразен: от буржуаспекулянта, «курортной» дамы, туриста, студента до рабочих, пришедших на заработки, среди них также несколько десятков женщин и детей. Женщины эмоционально умоляли Семкова «спасти их из этой адской казармы»²⁸.

В документах зафиксировано обсуждение вопросов о незаконном привлечении гражданских пленных к принудительным работам, их медицинском обеспечении, досуге, наказаниях за побег, доставке из России газет, корреспонденции и посылок, звучит требование об уравнивании гражданских пленных с правами граждан нейтральных стран и привлечении русских гражданских пленных для

помощи в работе бюро военнопленных при Генеральном консульстве РФСР в Германии²⁹. Сопоставление этих источников с документами фонда К. А. Федина в РГАЛИ помогает понять, как конфинированный Константин Федин начал работать в консульстве. В автобиографии он писал: «При помощи друзей-спартаковцев был принят на службу в первое наше после войны посольство в Берлине, в отдел по охране военнопленных»³⁰.

Условия содержания в лагерях отличались. Как следует из отчета делегата комиссии попечения В. Лоренца, посетившего лагерь Зенне, где находились русские гражданские пленные, обращались с ними хорошо, «кухня содержится в порядке, она является общей кухней для всех пленных (англичан, французов, итальянцев, бельгийцев), пища (я пробовал суп) была вкусная»³¹. Нередко до гражданских пленных в смешанных лагерях посылки с продуктами доходили в последнюю очередь, а то и вовсе они им не доставались, что вызывало их большое недовольство, военнопленные были в этом плане активнее.

Документы фонда Центропленбеж ГАРФ обретут окончательную репрезентативность после их сопоставления с донесениями шефа по делам военнопленных Испанского посольства, которое в годы Первой мировой войны представляло интересы интернированных в Германии российских подданных.

Таким образом, интегративный потенциал документов ГА РФ, РГАЛИ, НИОР РГБ довольно высок, он позволяет разрушить сложившиеся штампы в изучении феномена гражданского плена. Безусловно, в полной мере завершением это исследование можно считать только после привлечения фондов документальных источников германских архивов или исследований на эту тему историков из ФРГ, которые пока еще не созданы.

¹ *Нагорная О.С.* «Другой военный опыт» Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914-1922). М., 2010; *Wurzer G.* Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2005.

² *Stibbe M.* Enemy Aliens and Internment // International Encyclopedia of the First World War. [Электронный ресурс] https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/enemy_aliens_and_internment (режим доступа: свободный. Дата обращения: 20.05.2020); *Stibbe M.* Civilian Internment during the First World War. London, 2019.

³ *Богомолов И.К.* «Охотно верилось, что крови не прольется...»: русские подданные в Германии и Австро-Венгрии накануне и в начале Первой мировой войны - Россия и Германия в годы Первой мировой войны: между безопасностью и гуманностью. М., 2019. С. 89-116; *Филимонов В.А.* Н.И. Кареев и Первая мировая война: взгляд очевидца и рефлексия историка — Образ войн и революций в исторической памяти: материалы международной научной конференции, Пятигорск, 24–25 апреля 2009 г. Пятигорск, 2009. С. 178–186.

⁴ *Кареев Н.И.* Пять недель в германском плену - В немецком плену. Москва, 1915. С. 11–20; *Кареев Н.И.* В недавнем плену у немцев // Русские записки 1914. № 1. С. 89–103.

⁵ Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914-1931 гг.: исследования и материалы / автор – составитель Е.А.Долгова. М., С. 68-75.

⁶ *Страхович А.И.* В Берлине во время войны. Петроград, 1914; Гуревич Б. В плену // Русская мысль. 1915. Кн. 2; *Карабчевский Н.П.* Мирные пленники. В курортном плену у немцев. Петроград, 1915.

⁷ *Шварц-Бостунич Г.* Между Россией и Германией. М., 2019.

⁸ НИОР РГБ. Ф. 70. В.И. Герье. Картон 93. Ед. хр. № 17.

⁹ Там же. Л. 31.

¹⁰ Там же. Л. 33.

¹¹ Там же. Л. 34,35, 39.

¹² Там же. Л. 43.

¹³ *Stibbe M.* Civilian Internment during the First World War. P. 47.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 1817. К. А. Федин. 1921, Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 3.

¹⁵ Там же. Оп. 3. Д. 2. Л. 5.

¹⁶ Там же. Л. 52

¹⁷ Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 12.

¹⁸ См. об этом подробнее: *Миронова Е.В.* Повседневная жизнь интернированных Казанской губернии в 1917 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т.16. № 2. С. 210–220; *Бахтурина А.Ю.* Политика самодержавия в отношении немцев прифронтовых районов в годы Первой мировой войны: правовые аспекты и социальные последствия — Россия и Германии в годы Первой мировой войны: между безопасностью и гуманностью. Москва, 2019. С. 177–204.

¹⁹ См.: *Stibbe M.* Civilian Internment during the First World War; *Manz S., Panayi P.* The internment of civilian “enemy aliens” in the British Empire // Internment during the First World War. London, New York, 2019. S. 19-35.

²⁰ *Jons H., Hinz U.* Prisoners of War (Germany), 2014. URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/pdf/1914-1918-Online-prisoners_of_war_germany-2014-10-08.pdf

²¹ *Stibbe M.* Enemy Aliens and Internment // International Encyclopedia of the First World War. [Электронный ресурс] https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/enemy_aliens_and_internment (режим доступа: свободный. Дата обращения: 20.05.2020)

²² *Doegen W.* Kriegsgefangene Völker. Bd. 1: Der Kriegsgefangenen Haltung und Schicksal in Deutschland. Berlin, 1921. S. 14–15.

²³ ГА РФ. Ф. 3333. Отдел помощи русским пленным за границей. Оп. 10. Д. 4.

²⁴ Там же. Оп. 1а. Д. 20.. Л. 1, 50, 168.

²⁵ Там же. Д. 4. Л. 2, 5, 44, 45.

²⁶ Там же. Л. 65.

²⁷ Там же. Л.35. 37.

²⁸ Там же. Л. 36.

²⁹ Там же. Л.42, 44, 45

³⁰ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 2. Д. 14. Л. 3.

³¹ ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 10. Д. 7. Л. 72.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтурина А.Ю.* Политика самодержавия в отношении немцев прифронтовых районов в годы Первой мировой войны: правовые аспекты и социальные последствия // Россия и Германии в годы Первой мировой войны: между безопасностью и гуманностью. Москва, 2019. С. 177–204.
2. *Богомолов И.К.* «Охотно верилось, что крови не прольется...»: русские подданные в Германии и Австро-Венгрии накануне и в начале Первой мировой войны // Россия и Германия в годы Первой мировой войны: между безопасностью и гуманностью. М., 2019. С. 89-116.
3. *Миронова Е.В.* Повседневная жизнь интернированных Казанской губернии в 1917 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т.16. № 2. С. 210–220.
4. *Нагорная О.С.* «Другой военный опыт» Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914-1922). М., 2010. 440 с.
5. *Филимонов В.А.* Н.И. Кареев и Первая мировая война: взгляд очевидца и рефлексия историка // Образ войн и революций в исторической памяти: материалы международной научной конференции, Пятигорск, 24–25 апреля 2009 г. Пятигорск, 2009. С. 178–186.
6. *Jons H., Hinz U.* Prisoners of War (Germany)//International Encyclopedia of the First World War [Электронный ресурс] https://encyclopedia.1914-1918-online.net/pdf/1914-1918-Online-prisoners_of_war_germany-2014-10-08.pdf (режим доступа: свободный. Дата обращения: 20.05. 2020).
7. *Manz S., Panayi P.* The internment of civilian "enemy aliens" in the British Empire // Internment during the First World War. London, New York, 2019. S. 19-35.
8. *Stibbe M.* Civilian Internment during the First World War. London, 2019. 335 p.
9. *Stibbe M.* Enemy Aliens and Internment // International Encyclopedia of the First World War. [Электронный ресурс] https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/enemy_alien_and_internment (режим доступа: свободный. Дата обращения: 20.05.2020).
8. *Wurzer G.* Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2005. 626 S.

Долгова А. В.

МГИК

ДОКУМЕНТЫ ПЕРМСКИХ АРХИВОВ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: В статье характеризуются документы по истории Гражданской войны двух архивов — Государственного архива Пермского края и Пермского государственного архива социально-политической истории, в первую очередь дела по уездам и волостям Пермской губернии. Они содержат не только сведения о реальной обстановке на местах в годы Гражданской войны, но и дают информацию об укладе жизни, причинах сопротивления крестьян Советской власти, мировоззрении людей в целом.

Ключевые слова: архивы, Гражданская война, крестьянство, Советская власть, Пермская губерния

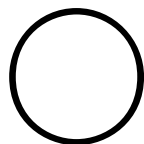
Dolgova A. V.

Moscow State Art and Cultural University

DOCUMENTS OF PERM ARCHIVES IN THE CONTEXT OF STUDYING THE HISTORY OF THE CIVIL WAR

Abstract: The article discusses the documents of two archives — the State Archive of the Perm Territory and the Perm State Archive of Social History. The research focuses on funds from the Civil War. The extrinsic value are archive units in the uyezdy and volosty of the Perm region. They reflect not only the facts about the actualities of war, but also provide information on the way of life, the reasons for the resistance of the peasant the Soviets, the worldview of people in general.

Keywords: Archives. Civil War, peasant, the Soviets, Perm region

одним из важных источников в историческом исследовании является архивный документ. В годы Советской власти многое было засекречено. В 1990-е гг. благодаря расширению доступа к архивам были обнаружены ранее не известные документы, которые позволили по-новому взглянуть на историю.

В пермских архивах хранятся документальные источники, характеризующие особенности установления Советской власти в Пермской губернии, масштабы сопротивления крестьянства, борьбу с дезертирством. Это в первую очередь делопроизводственные документы — приказы, отчеты, информационные сводки, материалы внутриведомственной и межведомственной переписки, которые были созданы в процессе деятельности местных партийных и советских органов Пермской губернии.

Государственный архив Пермского края — это кладезь особо ценных и уникальных документов, многие из которых еще предстоит найти исследователям.

В его фондах выявлены документальные источники, характеризующие масштабы дезертирства в губернии, динамику численности дезертиров в уездах, ход мобилизационных кампаний¹. Интерес представляют именные списки и анкеты мобилизованных. Эти документы уточняют «коллективный портрет» пермских крестьян-дезертиров — их возраст, социальное происхождение, род занятий, политическую позицию.

В фонде Р-97 «Пермский губернский отдел Революционного военного трибунала военной охраны Приуральяского военного округа» были обнаружены протоколы допросов свидетелей, организаторов и участников бандитских групп². Благодаря их показаниям, были установлены мотивы и состав преступлений. Ведение протоколов и показания задержанных представляли собой примитивный способ раскрытия первых преступлений в период установления Советской власти³. Можно узнать, какими личностными качествами обладал крестьянин эпохи Гражданской войны — наивность, простота, бесхитрость, открытость и вместе с тем жестокость. Все это вместе взятое сгубило многих сторонников и противников Советской власти.

Среди документов того же архива — журнал приходов и расходов Оханского уездного военкомата (Ф. Р-531)⁴. Записи в нем раскрывают постановку снабжения красноармейцев и позволяют опровергнуть утверждение о том, что «недостаточное питание и обмундирование» было одной из причин нежелания служить.

Так, в записях журнала за 1920 г. читаем: «На 2 красноармейцев 213-го стрелкового полка Ардатову и Локтеву выдать продуктов на 3 дня на 6 дач: хлеба 6 фунтов, мяса 1 фунт 48 золотн., сахару 36 золотн. и табаку 18 золотн., выписать в расход по продуктовой книге; На 16 человек мобилизованных, отправленных в Екатеринбург при отношении пересыльного пункта выдать на 5 дней 80 дач хлеба — 2 пуда, мяса — 20 фунтов, соли 2 фунта, 48 золотн., сахару 5 фунтов; 11 человек мобилизованных проверочного сбора прибывших на пункт, поименованных в списке, зачислить для отправки по назначению на провиантское, приварочное, чайное и табачное довольствие»⁵.

Вместе с тем, к документам тех лет следует относиться критически. То, на что нужно всегда обращать внимание — это стиль написания и содержание. Сомнение должна вызывать прежде всего их подлинность. В первые годы после окончания Гражданской войны документы целенаправленно уничтожались, либо переписывались, либо создавались вымышленные документы, чтобы скрыть преступления большевиков перед народом. Это касается в первую очередь красного террора. Факты же белого террора не умалчивались, а дополнялись таким образом, что советские и партийные работники выглядели жертвами, отдавшими свои жизни за светлое будущее.

Однако документы переписывались в срочном порядке и столь хаотично, что не заметить это было невозможно, особенно при сопоставлении с подлинными документами уже в более позднее время. Это касается, например, фондов Чердынского краеведческого музея, содержание которых сильно отличается от содержания фондов пермских архивов. Прежде всего, это — написанные от руки воспоминания участников Гражданской войны в разных редакциях. Главное в них то, что приводятся факты белого террора, с указанием жертв — красноармейцев и сочувствующих Советской власти. При этом — ни слова о белом терроре в отношении интеллигенции и представителей церкви. Именно в этом уезде Пермской губернии шли наиболее ожесточенные бои. Из-за того, что в советский период доступ ко многим документам был закрыт, ранние публикации пермских историков содержат целый ряд фактических ошибок. Например, указывается, что окончание войны и установление Советской власти приходится на осень 1920 г. Однако, уже доподлинно известно, что Гражданская война в Чердынском уезде затянулась до конца 1920-х гг. Об этом свидетельствуют сводки Пермской ГубЧК. Открытым остается вопрос о численности красноармейцев и противников, а также данные о потерях. Но и сейчас в разных архивных документах указываются сведения, в достоверности которых приходится сомневаться. Например, в фондах ГАПК называется цифра 5 145 человек. Это — рабочие и крестьяне в возрасте до 35 лет. Численность противника — 1000 человек. При этом приводятся более чем скромные данные о потерях красноармейцев — 20 человек. И это зимой при температуре ниже 30 градусов. Ну и, наконец, в сводках ГубЧК за ноябрь 1920 г. говорится: «В Чердынском уезде дезертирство проявляется в довольно сильных размерах. В Закамском крае продолжают убийства советских работников и милиционеров, причем борьба с дезертирством затрудняется ввиду отсутствия на местах честных и умелых работников, оказывающих дезертирам разного рода помощь. Когда на дезертиров нажимали отряды уездной комиссии по борьбе с дезертирством, все дезертиры уходили в Вятскую губернию и в Усольский уезд, но с уходом из Закамского края этих отрядов дезертиры вернулись обратно, где им лучше...

Население снабжает их, чем может и помогает им во всем. В Печорском крае дезертиры избрали себе резиденцию в верховьях Урала, где запаслись хлебом, порохом... Пробраться к этим дезертирам очень трудно ввиду непроходимых лесов. Дезертирство в Чердынском уезде носит злостный характер ввиду того, что дезертирство здесь не только здешнее, но и из других уездов Пермской губернии, а также из Вятской»⁶. Таким образом, боевые действия на севере губернии в конце 1920 г. шли полным ходом и говорить об окончании Гражданской войны и установлении Советской власти в данный период не приходится.

Еще одна проблема заключается в комплектовании фондов. До сих пор в архивах обнаруживаются факты небрежного отношения к документам: вырваны листы, отсутствует нумерация страниц, ветхое состояние (буквально рассыпаются в руках). Если текст был когда-то написан карандашом, то местами отсутствуют целые предложения. Все это характерно для региональных архивов. Тем не менее, при всех недостатках можно с уверенностью сказать, что именно в них можно отыскать подлинные и редкие документы.

Так, например, в фондах Пермского государственного архива социально-политической истории хранятся дела, содержащие информационные сводки. Вызывают сомнения представленные в них показатели борьбы с дезертирством и бандитизмом. Так, например, говорится, что с 1 по 25 июля 1920 г. в Осинском уезде было зарегистрировано 5 000 дезертиров⁷. В действительности же, о результатах говорить вряд ли приходилось в то время, так как у советских и партийных работников не было ни сил, ни средств для установления подобного факта. Об этом свидетельствуют документы другого архива за тот же период.

Еще одна отличительная особенность советских документов — излишняя эмоциональность авторов при их составлении и особый стиль изложения. Например: «В первых числах января 1919 г. в нашей местности появились банды Колчака, воцарился комендант — бывший матрос Красного флота, который своими руками бил и порол многих граждан. По его инициативе было собрано тайное совещание из нескольких видных граждан, на котором было постановлено расстрелять более видных советских работников. Через 2-3 дня было привезено 8 расстрелянных трупов»⁸. Или: «Гражданин Нагорских принимал самое горячее участие в расстрелах, порках, реквизициях и расстрелах»⁹.

При исследовании документов времен Гражданской войны обращает на себя внимание безграмотность авторов: «Уполномоченному Губчека доклад сотрудника губчека Головина Георгия Ильича о поездке в Асовскую волостпоймат дезертиров...»¹⁰.

Благодаря сохранившимся документам, мы можем узнать, каким, например, был стиль речи у советских и партийных работников, крестьян, бывших офицеров. Для первых характерна избыточность или перегруженность прилагатель-

тельными и существительными, что и дает эмоциональную окраску текстам. Крестьяне, как правило, были неграмотными. Часто в месте подписи документа стоял крестик или кто-то другой расписывался, кто был грамотным. Или писали так, как говорили, не зная правописания. Вот, например, письмо крестьянина, арестованного за дезертирство в 1919 г.: «Очень чежоло... Прошу у вас прощение и вашу милость ко мне пожалуста. Простите меня за это преступление, что я убежал из рядов Красной армии или возьмите в рабочую роту или жо от правляйте на фронт...Если будут дават полтора или два фунта в армии или на какой-нибудь работе, мне хватит и я буду работать и буду доволен и никогда больше не позволю убежать из армии и буду служить верой и правдой Советской власти. Прошу вас простите мне и возьмите меня служить в ряды армии пожалуста. Проситель Василий Антонович Жданов»¹¹.

У офицеров было хорошее образование, которое они получили до войны. Их стиль отличают грамотность, логичность изложения. Из письма офицера близким в 1920 г.: «Слышал, что папа все деньги потерял и ему живется очень плохо. У Нюры потеряны все хорошие платья, и я очень жалею свою сестру, она совершенно теперь сирота»¹².

Следует отметить, что документы тех лет отражают отношение людей к жизни и смерти. Вот, например, показания свидетеля по делу «О заживо погребенном» летом 1919 г.: «Расстрелянных товарищей загребали местные граждане. Но один был только ранен. Во время похорон раненый товарищ стал на ноги и просил, что не хоронить (такового) его. Но в это время граждане вышеназванные такового раненого товарища бросили живого в могилу и живым зарыли, как вышеназванный гражданин Мачехин был во время белой банды агентом и предавал товарищей на истязания бандитам... Десятник послал яму рыть, но у меня лопатки не было и я не копал. Видел, у ямы лежал раненый и стонал. Я от испуга убежал оттудова, а куда девали раненого, я уже не знаю»¹³.

Для человека эпохи Гражданской войны характерно разрушение человеческих ценностей, идеалов. Дикость, невежество, жестокость и предательство, смерть граничили с верой, патриотизмом, жизнью и желанием жить. Проявлялись самые низкие моральные качества в человеке.

Война показала, насколько к этому времени была велика разница между слоями общества. Было стремление уничтожить Россию, веру, традиции, уничтожить в корне науку и культуру, Русскую православную церковь, истребить казачество.

Источник, заслуживающий особого внимания — фотографии. Фото тех лет помогает дополнить либо изменить наши представления о тех или иных событиях, создать живые образы. Вглядываясь в фотографии, мы пытаемся угадать настроение тех, кто изображен на них, возраст, материальное положение.

О чем, например, они думали, перед тем как пойти в бой? Как сложилась их дальнейшая судьба? О чем мечтали? Вряд ли в художественных фильмах можно передать ощущение реальности или чувства и эмоции тех, кому пришлось жить в то страшное время. Ни один актер не способен передать ощущение реальности, не имея военного опыта.

В целом, следует отметить, что в фондах региональных архивов Пермского края до сих пор хранятся не раскрытые документы, которые бы помогли исследователям пролить свет на многие события эпохи Гражданской войны. Вместе с тем, доступ ко многим документам до сих пор ограничен.

¹ ГАПК. Ф. Р-358. Оп. 1. Д. 536. Л. 1 об.

² Там же. Ф. Р-97. Оп. 1. Д.50. Л. 31, 31 об.

³ Там же. Д. 59. Л. 49, 49 об.

⁴ Там же. Ф. Р-531. Оп.1. Д. 77. Л.1,2,3.

⁵ Там же. Л.1,2.

⁶ ПГАСПИ. Ф. 557. Оп. 1. Д. 197. Л. 89.

⁷ Там же. Л. 202.

⁸ Там же. Ф. 632/2. Оп.1. Д.29122. Л.7.

⁹ Там же. Ф. 632/2. Оп.1. Д.29122. Л.45.

¹⁰ ГАПК. Ф. Р-49. Оп.1. Д.466. Л.1,1 об.

¹¹ Там же. Д. 416. Л. 43, 43 об.

¹² Там же. Оп. 3. Д. 434. Л.27,28.

¹³ Там же. Оп. 1. Д. 308. Л. 1, 1 об.

Андреева О.В.

Московский политехнический университет

ДОКУМЕНТЫ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА 1920-х ГОДОВ

Аннотация: Анализу подвергнут опубликованный сводный баланс двадцати трех важнейших советских издательств 1920-х годов. Охарактеризована ситуация книжного кризиса периода новой экономической политики. На основе финансово-экономических показателей делается вывод о том, что одной из главных причин затоваренности в книжном деле была идеологически ориентированная тиражная политика, не считавшаяся с требованиями рынка.

Ключевые слова: бухгалтерская документация, сводный баланс, источник, издательское дело, новая экономическая политика, книжный кризис, товарные запасы, спрос на книгу, Г.И. Поршневу.

Andreeva O. V.

Moscow Polytechnic University,

ACCOUNTING DOCUMENTS AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE PUBLISHING OF THE 1920-s

Abstract: The published consolidated balance sheet of the twenty three most important Soviet publishing houses of the 1920s was subjected to analysis. The situation of the book crisis of the period of the new economic policy is described. On the basis of financial and economic indicators, it is concluded that one of the main reasons for overstock in book business was an ideologically oriented circulation policy that did not take into account the requirements of the market.

Keywords: accounting documentation, consolidated balance sheet, source, publishing, new economic policy, book crisis, inventories, demand for books, G.I. Porshnev

Сложность и многозначность социокультурного пространства, в котором функционирует книга, формирует специфику изучения протекающих в отрасли процессов. Современная исследовательская парадигма реализуется в подходе к экономике как к сфере гуманитарной. Такое понимание восходит к взглядам философа С.Н. Булгакова¹, утверждавшего, что хозяйство есть область культурного творчества человека, а экономическая жизнь существует в измерении и взаимопроникновении социальности и культуры. А значит, можно говорить о том, что исторически-конкретная реальность — продукт целенаправленной деятельности человека — всегда выступает одновременно как экономическая система и как социокультурный организм. Поэтому в экономических показателях наряду со стоимостными характеристиками рынка находят отражение социальные, политические, нравственные, психологические, эстетические и иные нормы и параметры общественной жизни².

Особым разрядом источников экономического характера являются материалы бухгалтерского учета, представляющие собой документальное отражение деятельности предприятия, организации в ее денежных показателях. При объективности, независимости этих параметров их структура и содержательное наполнение историчны.

Обращение к бухгалтерской документации в историко-книговедческом исследовании не только позволяет насытить его конкретными сведениями количественного характера, но и дает наглядную, доказательную картину работы предприятия на уровне хозяйственно-организационной деятельности.

Основным элементом бухгалтерской отчетности является баланс, который отражает финансовое состояние предприятия на определенную дату, то есть показывает, какие средства оно имеет и какова его задолженность перед другими участниками процесса хозяйствования. В других формах отчетности отражены показатели, характеризующие ту или иную сторону деятельности предприятия. Так, анализ денежных потоков показывает обеспеченность денежными средствами. Для рассматриваемого периода наиболее показательными являются данные о денежных потоках от основной деятельности, то есть о движении денежных средств в процессе производства и реализации книжной продукции, а также от финансовой деятельности (получение и выплата кредитов, выпуск акций и т.д.)

Анализ бухгалтерской отчетности предполагает несколько основных операций. Прежде всего изучаются и оцениваются абсолютные показатели деятельности предприятия. При наличии аналогичных материалов за предшествующие периоды проводится ретроспективный анализ данных (горизонтальный — прямое сравнение соответствующих показателей, вертикальный — сравнение относительных значений отдельных статей отчетности в общем итоговом показателе)³.

Годовой баланс отражает состояние «здоровья» предприятия на определенную дату отчетного года. Важно при этом иметь в виду, что речь идет прежде всего о финансовом «здоровье», без учета информации, имеющей экономическое значение, но не включенной в бухгалтерские отчеты. Так, например, при оценке деятельности изучаемого предприятия немалое значение имеют сведения о «человеческом капитале», то есть о людских ресурсах, опыте и квалификации работников. Историко-книговедческое изучение бухгалтерских документов подразумевает учет формы собственности предприятия, учет прямой или косвенной поддержки его со стороны регулирующих, хозяйственных, партийных органов.

Приложение к балансу содержит информацию, включающую расшифровку дебиторской и кредиторской задолженности, состава и стоимостной оценки основных средств и нематериальных активов, расходов по видам деятельности и проч.

Ознакомиться с финансовой отчетностью предприятий книжного дела можно как в архивной форме, так и в опубликованном виде. Такая практика была обычной в дореволюционной России⁴. В частности, балансы издательств появлялись на страницах профессиональной печати.

Установка на публичность отчетности отмечалась и в годы нэпа. Правилами, утвержденными 24 августа 1926 г. постановлением Совнаркома СССР, промышленные и торговые предприятия были обязаны представлять в Наркомфин баланс и отчет не позднее трех месяцев по истечении отчетного года. При этом конкретные формы отчетности различались в зависимости от отраслевой принадлежности предприятий: издательства и типографии применяли формы ВСНХ, книжная торговля — формы Наркомторга, торгово-промышленные заведения — совмещенную отчетность. Причем объем предоставляемых показателей был сокращен (по ВСНХ — 30 вместо 72, по Наркомторгу — 28 вместо 42)⁵.

Изменившаяся уже через несколько лет социально-экономическая обстановка привнесла коррективы в характер обнародования бухгалтерской отчетности. Согласно постановлению СНК СССР от 9 февраля 1931 г. «О публичной отчетности» отменялась обязательная публикация в печати балансов предприятий обобщественного сектора. Правда, в постановлении указывалось, что взамен они были обязаны «периодически осведомлять широкие массы трудящихся о своей работе» путем докладов, публикаций в общей и фабрично-заводской печати, а также «путем вывешивания этих сведений в предприятиях, клубах, красных уголках и пр.»⁶.

Для того чтобы выявить и оценить информацию, заключенную в бухгалтерской документации, необходимо иметь в виду основные особенности учетных записей.

Систематический учет всех ценностей предприятий и организаций в их денежном выражении предписывался законодательством. В основе применявшейся системы лежал двойной учет каждой операции на двух корреспондентских счетах. Пассивные счета характеризуют ресурсы, имеющиеся в распоряжении предприятия и его кредиторов, а активные – вложения предприятия и его дебиторов. Сумма превышения актива над пассивом составляет прибыль предприятия (записывается в пассив баланса), и, наоборот, сумма превышения пассива над активом записывается в актив и выражает убыток предприятия.

Помимо данных, которые можно почерпнуть из бухгалтерских документов отдельных предприятий, немалое значение имеет сводная бухгалтерская отчетность. Она представляет собой систему показателей, отражающих финансовые результаты деятельности группы взаимосвязанных предприятий (учреждений).

Опубликованные в печати или архивные данные бухгалтерской отчетности позволяют провести «опрокинутый в прошлое» финансово-экономический анализ деятельности предприятия. При этом учитывается, что чем больше у последнего собственных средств, тем выше его устойчивость, меньше зависимость от внешних источников финансирования. Успешность, прибыльность работы предприятия связана с такими показателями как себестоимость продукции, затраты на ее производство, выручка от реализации.

Середина 1920-х гг. была отмечена современниками как период изживания «военного коммунизма» и приспособления книжного дела к работе на рынок, ориентации на платежеспособный спрос населения. Однако на ситуацию в издательском деле в огромной мере влиял кризис, разразившийся весной 1925 г. Он выразился в резком снижении производства и продажи книжной продукции, уменьшении тиражности и повышении цен на книги. Узким местом стали оптовое и розничное звенья торговли, со слабым складским хозяйством и неразвитой низовой книгопроводящей сетью. Характерно, что выход из создавшегося кризиса в 1926 г. руководители отрасли еще видели в максимальном освобождении издательств от государственной опеки, ориентации их на рынок, расширении и обновлении полиграфической базы, в энергичном растоваривании и сокращении задолженности⁷.

Современники отмечали, что в плане отчетности издательства во многом не изжили остатков предыдущего исторического периода, когда натуральный учет в период падающей валюты вытеснял денежный (это не относилось к предприятиям, подведомственным ВСНХ, где была внедрена сложная система обязательной для всех трестов отчетности). Не следует сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что многие предприятия, особенно в провинции, страдали отсутствием квалифицированного бухгалтерского аппарата⁸.

В этот весьма недолгий период на страницах профессиональных журналов и многотиражных газет время от времени публиковались балансы отдельных предприятий книжного дела или, реже, сводные. Единообразная бухгалтерская отчетность издательств еще не была внедрена. Опубликованный в 1926 г. сводный баланс не мог претендовать поэтому на абсолютную точность цифр и выводов, однако он дает некоторый материал для представления о хозяйственном положении и деятельности крупнейших издательств.

Аналізу были подвергнуты балансы книжных, газетных, газетно-книжных издательств за четвертый квартал 1924/1925 г. Проанализированы данные по следующим двадцати трем издательствам: Госиздат РСФСР, Укргиз, Ленгиз, Книгосоюз, «Долой неграмотность», «Экономическая жизнь», «Молодая гвардия», Хозяйственно-издательский отдел (ХИО) Центросоюза, Гостехиздат, Центроиздат, Транспечать, Книгоспилка, «Пролетарий», Севкавказкнига, «Безбожник», Издательство Коммунистической академии, «Бакинский рабочий», Уралкнига, Издательство Коммунистического университета им. Свердлова, «Земля и фабрика», «Новая Москва», Белгосиздат, «Московский рабочий».

Репрезентативность выборки следует признать весьма высокой, поскольку по мощности (объему выпуска продукции в листах-оттисках) эти важнейшие книжные издательства обеспечили за данный период около 75% книжной продукции СССР. Более того, на долю трех крупнейших издательств — Госиздата, Ленгиза и Укргиза — падало 65% совокупной продукции предприятий, представленной в сводной таблице по важнейшим статьям баланса⁹. Если перевести имеющиеся абсолютные показатели в относительные, то увидим, что основной капитал всех издательств в целом составлял 14% суммы баланса, оборотный капитал — 36%, заемные средства — 50%. Это означает, что товарооборотимость составляла приблизительно 9 месяцев, при среднем сроке получаемого кредита 4 месяца. Другими словами, усиленное привлечение заемных средств вызывалось необходимостью погашения хронического кассового дефицита, обусловленного разрывом между сроками получаемого и предоставляемого кредита. При этом 60% всех заемных средств по сводному балансу падало на долю тех же трех упомянутых крупнейших издательств.

Процесс накопления капитала за счет получаемой прибыли в издательском деле почти не проявлялся, что говорит о дефицитности всей отрасли в целом. Даже имеющаяся номинальная сумма прибыли от реализации книжной продукции перекрывалась убытком от уценки неликвидных остатков в конце отчетного периода.

Заемные средства составили в общей сложности 50% от суммы сводного баланса. Из этой суммы 29,7% падает на задолженность по векселям, 44,6% — на задолженность банкам и 25,7% — на пассивную задолженность по открытым

счетах. Пассивное расчетное сальдо, то есть превышение кредиторов над дебиторами, составляло 20% суммы баланса (в то время как этот показатель по трестам, подчиненным ВСНХ, составлял всего 3%).

При анализе финансово-экономических показателей издательской отрасли середины 1920-х гг. надо иметь в виду, что особенно остро стояла проблема непрерывно прогрессирующей затоваренности, достигшей в рассматриваемой хронологической точке 38% суммы сводного баланса. Эта цифра тем более привлекает внимание, что она резко контрастирует с наблюдавшимся почти во всех отраслях народного хозяйства «бестоварьем». Такое положение было вызвано рядом неоднозначных причин, наложившихся друг на друга. С одной стороны, корни этой затоваренности лежат еще в особенностях формирования уставного капитала издательств, который строился на основе национализированных в начале революции изданий, впоследствии не находивших сбыта. Дальнейшее оседание товарной массы, составившее в 1925 г. около 25% произведенной продукции¹⁰, имело не только организационно-экономические причины. В последующие годы серьезным фактором издательского затоваривания стала тиражная политика, не считавшаяся с требованиями рынка и отличавшаяся, по словам В.М. Лещинского, «недопроизводством качества и перепроизводством количества».

Одним из первых обратил на эту проблему пристальное внимание Г.И. Поршневу, заведующий Отделом продвижения книги Торгсектора Госиздата. Нам уже приходилось отмечать значение его труда «Кризисы и затоваренность в книжном деле», включенного в цикл работ, подготовленных Комиссией по изучению книжного рынка Совета съездов госпромышленности и торговли СССР (М., 1929)¹¹. К сожалению, время выхода этой работы (написанной, кстати, двумя годами ранее) определило ее судьбу остаться преимущественно историографической вехой в изучении советской книги. Практического применения выводы «Кризисов...» уже не могли иметь в силу изменившейся на рубеже десятилетий социально-экономической, социально-политической конъюнктуры.

Исследование, построенное на статистических данных, показало, что кризис был результатом не перепроизводства книг вообще, а перепроизводства книг, не нужных потребителю. Затоваренность сопровождалась неудовлетворенным спросом, который оказался более сложным и дифференцированным, чем издательский репертуар. Г.И. Поршневу раскрыл тесную связь состояния товарных запасов с редакционно-издательской и тиражной политикой, развитием книготорговой сети, звенностью товародвижения, налаженностью библиографической работы, изучением спроса, пропагандой и рекламой книги, квалификацией кадров. На излете нэпа Поршневу ощутил опасность декретирования, выступил против чрезмерной бюрократической концентрации книжного дела, настаивал на его «органическом росте».

Начиная с середины 1920-х годов книжное дело существовало в очень сложных условиях. От него требовалось в первую очередь идеологически обеспечивать социалистическое строительство. Однако эта цель входила в противоречие с остатками нэпа в экономической сфере. Очень скоро в результате проведения издательской реформы 1930 года окончательно оформятся прежде спонтанно проявлявшиеся тенденции: этатизация, тотальная централизация, бюрократизация.

¹ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990.

² Подробнее см.: Сиземская И.Н. Социокультурное пространство России: реалии и перспективы // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 21-28; Помпеев Ю.А. Основы экономической культуры. СПб, 1999. — С. 181.

³ Брилон Н.В. О чем может рассказать бухгалтерский баланс // Известия вузов. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2003. № 4. — С. 146.

⁴ См., напр.: Известия книжных магазинов т-ва М.О. Вольф. 1913. № 3. — С. 83.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-6890. Оп. 1. Д. 3. Л. 43.

⁶ СЗ СССР. 1931. № 8. Ст. 96.

⁷ Положение и перспективы издательского дела // Бюл. Комитета по делам печати. 1926. № 7-8. — С. 2.

⁸ Лецинский В. Балансы издательств // Там же. — С. 3.

⁹ Там же. — С. 4.

¹⁰ Там же. — С. 5.

¹¹ «Я все же жив...»: Письма из неволи / сост., вступ. ст., примеч. О.В. Андреевой. М., 1990. — С. 15-16.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990. 413 с.
2. Сиземская И.Н. Социокультурное пространство России: реалии и перспективы // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 21-28.
3. Помпеев Ю.А. Основы экономической культуры. СПб, 1999. 208 с.
4. Брилон Н.В. О чем может рассказать бухгалтерский баланс // Известия вузов. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2003. № 4. С. 141-155.
7. «Я все же жив...»: Письма из неволи / сост., вступ. ст., примеч. О.В. Андреевой. М., 1990. 283 с.

Иванов В. А.
Центральный музей Тавриды

ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ (ГАРК) КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Во время Великой Отечественной войны с целью поиска, собирания и использования фронтовых документов создается Комиссия, работа которой на территории Крымской АССР продолжалась до 1946 г. Результаты ее деятельности хранились в Крымском областном партийном архиве (КОПА) и Государственном Архиве Крымской области (ГАКО), ставшим основой для формирования Государственного Архива Республики Крым (далее ГАРК). В статье анализируется процесс формирования и наполнения фондов ГАРК, посвященных истории изучения Великой Отечественной войны, и уделяется значительное внимание деятельности сотрудников архива Б.М. Вольфсона, Н.В. Базановой, А.А. Сериковой, И.П. Кондранова, внесших значительный вклад в сбор, упорядочение, хранение и публикацию архивных документов.

Ключевые слова: Государственный архив Республики Крым, Крымская АССР, Великая Отечественная война, комиссия по истории Великой Отечественной войны.

Ivanov V. A.
Central Museum of Taurida

FUNDS OF THE STATE ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF CRIMEA AS A SOURCE FOR STUDYING THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract: during the Great Patriotic War, in order to search, collect and use front-line documents, the Commission is created to study and preserve the historical heritage, whose work on the territory of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic continued until 1946. The results of its activities were stored in the Crimean Regional Party Archive and the State Archive of the Crimean Region, which became the basis for the formation of the State Archive

of the Republic of Crimea. The article analyzes the process of forming and filling the funds dedicated to the history of the study of the Great Patriotic War, and pays considerable attention to the activities of archive employees B.M. Wolfson, N.V. Bazanova, A.A. Serikova, I.P. Kondranova, contribution to the collection, organization, storage and publication of archival documents.

Keywords: State Archives of the Republic of Crimea, Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, the Great Patriotic War, the commission on the history of the Great Patriotic War.

В 2020 г. исполняется 75-летний юбилей Великой Победы. В связи с этим, особое значение приобретает изучение политической и военной истории регионов Российской Федерации, которые принимали активное участие в Великой Отечественной войны, где не только происходили ожесточенные сражения с германскими захватчиками и их сателлитами, но и местное население мужественно боролось против оккупантов в рядах «народных мстителей» и патриотическо-подпольных организаций. К сожалению, приходится констатировать, что ряд проблем истории Великой Отечественной войны требует более тщательно изучения и внимательного подхода, нового переосмысления, интерпретации, особенно в связи с постепенным рассекречиванием архивных документов военного времени.

Среди всего прочего эти проблемы касаются и истории изучения Великой Отечественной войны на территории Крымского полуострова. Недостатком современной историографии Великой Отечественной войны, особенно касающейся военной и политической истории Крыма, является то, что изучен хорошо ряд одних аспектов (к примеру, истории коллаборационизма, эвакуации объектов промышленности и сельского хозяйства Крымской АССР в годы войны), другие же, относящиеся к боевым действиям, деятельности партизанского движения и подпольно-патриотических групп в различных частях Крыма, а не только на юго-востоке, выпадают из поля зрения отечественных исследователей. На наш взгляд, системный анализ и введение в научный оборот документов из архивных хранилищ, является актуальным для создания целостной картины последовательного изучения Великой Отечественной войны на территории Крыма.

Государственный архив Республики Крым (далее ГАРК) в г. Симферополь как раз представляет собой одно из таких мест. Там содержатся документальные источники по данной научной проблеме¹. К сожалению, они до сих пор не систематизированы и полностью не описаны. Документы по истории Великой Отечественной войны сосредоточены в 14 фондах ГАРК, которые можно распределить следующим образом:

1) фонды советских партийных, государственных и общественных организаций (ф. П-1, ф. П-151, ф. П-152, ф. П-156, ф. Р-652, ф. Р-1289);

2) фонды немецкого оккупационного режима и его структур (ф. Р-1466, ф. Р-1655);

3) фонды органов местного самоуправления, созданных нацистским оккупационным режимом (ф. Р-1315, ф. Р-1326, ф. Р-1346, ф. Р-1366, ф. Р-1457, ф. Р-1458, ф. Р-1526)

Еще до освобождения Крыма от немецко-румынских оккупантов 31 августа 1943 г. начала свою работу Крымская комиссия по истории Великой Отечественной войны. Она являлась структурным подразделением Центральной Комиссии при Академии Наук СССР, председателем которой был начальник управления агитации и пропаганды ЦК ВКП (б) Г.Ф. Александров².

Крымский отдел Комиссии возглавлял секретарь по агитации и пропаганде ОК ВКП (б) П. А. Чурсин, заместителем председателя был И. А. Козлов, весьма противоречивая фигура, организатор антигитлеровского подполья в Керчи и Симферополе³. Задачи, которые были поставлены перед крымской секцией Комиссии по истории Великой Отечественной войны, состояли в сборе, подготовке и обработке документов о военных действиях в Крыму, публикация сборников, брошюр, других печатных изданий, а также их рецензирование, в том числе и тех, которые касались истории политического управления Черноморского Флота⁴. Следует заметить, что Комиссия была не единственным органом, который занимался рецензированием работ по истории Великой Отечественной войны. Благодаря деятельности комиссии были изданы работы «Бои за Крым», «Героическая оборона Севастополя. 1941-1942 гг.»⁵, книга заместителя председателя крымской секции Комиссии И. А. Козлова (заметим, что позже книга последнего неоднократно переиздавалась, причем при каждой редакции вносились абсолютно новые поправки)⁶.

Крымская Комиссия по истории Великой Отечественной войны прекратила свое существование 15 июня 1947 г. К тому времени многие рукописи, как руководителей партизанского движения, так и лиц, освещавших военные действия на территории полуострова, проблемы оккупационного режима, были сданы в архив, а наборы рассыпаны. До конца 1980-х — начала 1990-х гг. замалчивалась проблема коллаборационизма и участия советских граждан в борьбе против советской власти на территории полуострова в годы Великой Отечественной войны. Однако, в структуре Крымского областного партийного архива (КОПА) и Государственного архива Крымской области (ГАКО) работали талантливые исследователи, которые самостоятельно изучали проблематику истории Великой Отечественной войны, собирая документы по соответствующей тематике. После ликвидации Комиссии по истории Великой Отечественной войны сотрудники

Госархива продолжали работать с новыми документами, фактически создавая постепенно детализированную картину летописи войны на территории Крыма.

Бенцион Менделеевич Вольфсон, согласно его личному делу⁷, родился в 1919 г. в Бобруйске Белорусской ССР. С малых лет помогал родителям, занимался тяжелым физическим трудом — работал сортировщиком на лесопильном заводе № 7 имени Фрунзе в Бобруйске, затем сортировщиком-монтером. С 1932 г. являлся членом ВКП (б), имел высшее образование. Закончил семилетнюю школу и Институт истории и философии Московского государственного университета. В 1933 г. Б.М. Вольфсон становится научным сотрудником государственного архива НКВД Крымской АССР, а с 1937 г. — внештатным сотрудником ЦАУ Крымской АССР. Во время Великой Отечественной войны он — научный сотрудник отдела госархивов НКВД по Крымской области РСФСР. В сферу деятельности Б.М. Вольфсона входило изучение проблемы присоединения Крыма к Российской империи, эмиграция крымских татар в XVIII-XX вв., Гражданская и Великая Отечественная войны на территории полуострова. Еще в феврале 1939 г. управляющий ЦАУ Крымской АССР Белугин в характеристике на Б.М. Вольфсона, так описал талантливого исследователя-архивиста: «Вольфсон Бенцион Менделеевич работает в должности научного сотрудника с 3 / У — 1938 г., получает 500 рублей в месяц. Т. Вольфсон член ВКП (б), работник ОК ВКП (б), работает в Комиссии по истории Гражданской войны. Несмотря на то, что он сравнительно молодой, но как научный сотрудник не плохой. За время работы у нас уже кое-что сделал, например: подобрал и разработал исторический материал по эмиграции татар в Турцию, поместил одну статью в Красном Крыму и сейчас готовит одну статью ко дню Красной Армии. Конечно, работая в двух местах, нас вполне не устраивает, но работник желательный, в дальнейшем мог бы принести огромную пользу. Имеет высшее образование»⁸.

Наталья Васильевна Базанова родилась в 1909 в городе Херсон. С 1925 по 1940 гг. состояла в ВЛКСМ. В Госархиве Крыма занималась работой по истории крымских партизан в годы Великой Отечественной войны. Вот какую характеристику на нее подготовил начальник Госархивов УНКВД по Крымской области РСФСР Соловьев: «Тов. Базанова Надежда Васильевна, 1909 года рождения. Беспартийная. Образование — незаконченное высшее. С 1944 г. июля месяца работает старшим научным сотрудником Центрального государственного архива Крыма. Занимается выявлением и разработкой документов к сборнику «Борьба крымских партизан» и выявлением технических документов в народно-хозяйственных целях. Технику работы осваивает быстро»⁹.

В 1936 г. на работу в Крым ЦАУ была направлена выпускница Института архивоведения Серикова Антонина Александровна, которая проработала в ЦАУ Крымской области до января 1966 г. А.А. Серикова в основном занималась

методическим обеспечением городских и районных архивов, областного архива. Много А. А. Серикова сделала для изучения истории Крыма в период Великой Отечественной войны. В ее личном деле читаем: «Тов. Серикова Антонина Александровна работает в Архивном отделе УМВД по Крымской области в должности старшего научного сотрудника с декабря 1944 г. За время своей работы т. Серикова А. А. проявила себя серьезным, добросовестным, хорошо знающим и любящим свое дело работником. Имея специальное высшее историко-архивное образование и долголетнюю практику работы в архивных органах, она умело передает свои знания работникам архивных органов Крымской области как в повседневной работе, так и на курсовых и семинарских занятиях. На протяжении года удерживает звание «Отличника качества работы». Систематически повышает деловую квалификацию, изучая приказы и инструкции МВД СССР и ГАУ МВД СССР по архивному делу. Лично дисциплинированная, тов. Серикова оказывает руководству повседневную помощь в укреплении трудовой дисциплины всего коллектива. Морально устойчива, в быту скромная. В обращении с товарищами бывает иногда резкая, но отзывчивая. Тов. Серикова принимает активное участие в общественной жизни коллектива, на протяжении ряда лет является секретарем партийной организации Архивного отдела. Систематически повышает свой идейно-политический уровень, изучая произведения классиков марксизма-ленинизма. В текущем учебном году в сети партийного просвещения является консультантом группы самостоятельно изучающих историю ВКП (б) с привлечением произведений Маркса –Энгельса — Сталина»¹⁰.

Большую роль в сборе информации и изучении Великой Отечественной войны в Крыму сыграл заведующий партархивом Крымского обкома КПУ (1970-1991 гг.) Иван Петрович Кондранов¹¹. Благодаря этому выдающемуся человеку из печати периодически выходили фундаментальные исследования о боевых действиях, преступлениях нацистских оккупантов в Крыму, партизанско-подпольной борьбе в тылу врага, освобождении полуострова¹². И. П. Кондранов одним из первых в отечественной историографии установил обстоятельства действия разведгруппы «Дая», возглавляемой Героем Российской Федерации Алиме Абденановой, которая действовала на территории Ленинского района Керченского полуострова в октябре 1943 г. — феврале 1944 г.¹³

Таким образом, в настоящей публикации мы выяснили, что фонды Государственного архива Республики Крым обладают значительным источниковедческим потенциалом для истории Великой Отечественной войны. При этом следует выделить ряд особенностей, характерных для этой базы хранения архивной информации.

1) Формирование этой базы началось еще в годы Великой Отечественной войны, на момент подготовки операции по освобождению Крыма от немецко-

румунских оккупантов. Источники по истории Великой Отечественной войны в основном сосредоточены в 14 фондах ГАРК.

2) По состоянию на сегодняшний день, к сожалению, доступ для исследователей к ряду материалов ограничен и даже рассекреченные ранее дела не выдаются ученым на руки. Эти архивные дела содержат информацию о военных действиях на полуострове в период обороны и наступления, в частности объясняя причины неудач Красной Армии в 1941-1942 гг., рассматривая преступные действия сталинской диктатуры по отношению к населению освобожденного полуострова, тем самым освещая как принудительные депортации и насильственные перемещения на завершающем этапе Великой Отечественной войны, так и после ее окончания в 1944-1953 гг. Сотрудники крымской Комиссии по истории Великой Отечественной войны, собрали уникальные документы, которые показывали историю Великой Отечественной войны в несколько другом ракурсе, чем ее представляло кремлевское руководство. Но, как показали последующие события, правда о войне не была нужна руководителям страны, и поэтому вплоть до конца 1980-х — начала 1990-х гг. доступ к ряду архивных источников для многих исследователей был значительно ограничен. Несмотря на то, что в 2014-м г. Крым воссоединился с Россией, к сожалению, наблюдаются похожие тенденции, и поэтому ряд вопросов истории Великой Отечественной войны в Крыму по материалам ГАРК рассматривать весьма непросто.

3) Благодаря личному вкладу сотрудников Госархива была проведена значительная научно-исследовательская работа по выявлению жертв нацистского оккупационного режима на территории Крымской АССР в годы войны. В частности, были обнаружены жертвы преступлений гитлеровцев и их пособников в Симферополе (к примеру, узников концлагеря на территории бывшего совхоза «Красный», где нацистами было уничтожено более 15 тыс. крымчан), Севастополе, Керчи, Ялте, Евпатории, Джанкое и других местах. Проведенные в 1990-е — начало 2000-х гг. архивные поиски позволили еврейской и крымчакской общинам Крыма установить 11 декабря ежегодный День памяти крымчаков и евреев Крыма — жертв нацизма.

¹ Романько О. В. Фонды Государственного архива Республики Крым как источник по истории военного коллаборационизма советских граждан в период Второй мировой войны // Вестник архивиста Крыма. Симферополь, 2019. Вып. 3. — С. 86-87.

² Государственный архив Республики Крым (далее ГАРК). Ф. П-156. Оп. 1. Д. 195. Л. 7-8; Д. 196. Л. 59.

³ Там же. Д. 1. Л. 55.

⁴ Утробин Ю. А. Архивные материалы о начальном периоде историографии Великой Отечественной войны в Крыму (1944–1947 гг.) // Культура народов Причерноморья. — 2007. № 104. — С. 99-101.

⁵ Немецкие варвары в Крыму: сборник материалов / под ред. П. А. Чурсина. Симферополь : Красный Крым, 1944. 112 с.; Бои за Крым Сборник статей и документов / под ред. П. А. Чурсина. Симферополь: Красный Крым, 1945. 256 с.; Героическая оборона Севастополя 1941–1942 / под ред. П. А. Чурсина, Б. Штейна, Ф. Короткевича и др. Симферополь: Крымиздат, 1946. 292 с.

⁶ *Козлов И.А.* В крымском подполье. М., 1948. 363 с.; *Козлов И. А.* В крымском подполье. М., 1949. 340 с.; *Козлов И. А.* В крымском подполье. М., 1954. 472 с.; *Козлов И. А.* В крымском подполье. Симферополь, 1958. 499 с.; *Козлов И. А.* В Крымском подполье. М., 1972. 480 с. и др. изд.

⁷ ГАРК. Ф. Р-415. Оп. 5. Д. 153. Л. 1-3.

⁸ Там же. Л. 95; Материалы из личного дела Вольфсона Бенциона Менделеевича. URL: <http://krymgosarchiv.ru/component/phocagallery/category/34-iz-lichnogo-dela-volfsona-bentsiona-mendeleevicha> (дата обращения: 12.04.2020).

⁹ ГАРК. Ф. 41. Д. 25. Л. 105; Материалы из личного дела Базановой Натальи Васильевны. URL: <http://krymgosarchiv.ru/component/phocagallery/category/32-iz-lichnogo-dela-bazanovoj-natali-vasilevny> (дата обращения: 12.04.2020).

¹⁰ ГАРК. Ф. Р-415. Д. 60. Л. 117; Материалы из личного дела Сериковой Антонины Александровны. URL: <http://krymgosarchiv.ru/component/phocagallery/category/39-iz-lichnogo-dela-serikovoj-antoniny-aleksandrovnny> (дата обращения: 12.04.2020).

¹¹ Выставка «История архива в лицах» (из фондов Государственного архива Республики Крым). URL: <http://krymgosarchiv.ru/vystavki/666-vystavka-istoriya-arkhiva-v-litsakh-iz-fondov-gosudarstvennogo-arkhiva-respubliki-krym> (дата обращения: 12.04.2020).

¹² Історія міст і сіл Української РСР: В 26 т. Кримська область / під ред. Л. Д. Солодовника. К.: Голов. ред. УРЕ АН УРСР, 1974. 833 с.; Кондранов И. П. Крым. 1941–1945. Хроника. Симферополь: КАГН, 2000. 224 с. и др.

¹³ Там же. С. 116; ГАРК. Ф. П-849. Оп. 1. Д. 224. Л. 8-20.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бои за Крым Сборник статей и документов / под ред. П.А. Чурсина. Симферополь: Красный Крым, 1945. 256 с.

2. Героическая оборона Севастополя 1941-1942 / под ред. П.А. Чурсина, Б. Штейна, Ф. Короткевича и др. Симферополь: Крымиздат, 1946. 292 с.

3. Історія міст і сіл Української РСР: В 26 т. Кримська область / під ред. Л.Д. Солодовника. К.: Голов. ред. УРЕ АН УРСР, 1974. 833 с.

4. *Козлов И.А.* В крымском подполье. М.: Молодая гвардия, 1948. 363 с.

5. *Козлов И.А.* В крымском подполье. М.: Художественная литература, 1949. 340 с.

6. *Козлов И.А.* В крымском подполье. М.: Художественная литература, 1954. 472 с.

7. *Козлов И.А.* В крымском подполье. Симферополь: Крымиздат, 1958. 499 с.

8. *Козлов И.А.* В Крымском подполье. М.: Художественная литература, 1972. 480 с.

9. *Кондратов И.П.* Крым. 1941-1945. Хроника. Симферополь: КАГН, 2000. 224 с.

10. Немецкие варвары в Крыму: сборник материалов / под ред. П. А. Чурсина. Симферополь: Красный Крым, 1944. 112 с.

11. *Романько О.В.* Фонды Государственного архива Республики Крым как источник по истории военного коллаборационизма советских граждан в период Второй мировой войны // Вестник архивиста Крыма. Симферополь, 2019. Вып. 3. С. 86-93.

12. *Утробин Ю.А.* Архивные материалы о начальном периоде историографии Великой Отечественной войны в Крыму (1944-1947 гг.) // Культура народов Причерноморья. 2007. № 104. С. 99-101.

Ильина И. Н.

Архив РАН

**ПИСЬМА ВОЕННЫХ ЛЕТ
ИЗ СОБРАНИЯ АРХИВА РАН
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР
(1941-1945 гг.)**

Аннотация: В статье исследуются письма военного времени (1941-1945), массив которых хранится в фондах Архива Российской академии наук. Авторами писем являются сотрудники академических учреждений, академики и члены-корреспонденты АН СССР. Использование эпистолярных документов в русле изучения истории Академии наук позволяет значительно расширить представления о деятельности ученых и организаций АН СССР в период Великой Отечественной войны, пополнить источниковую базу исследований новыми историческими и биографическими фактами. В научный оборот вводятся ранее неизвестные или малоиспользуемые письма из фондов учреждений АН СССР и личных фондов выдающихся советских ученых.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Архив РАН, Академия наук СССР, эвакуация, эпистолярные источники.

Irina I. N.

Archive of the Russian Academy of Sciences

**WARTIME LETTERS
FROM THE COLLECTION OF THE RAS ARCHIVE
IN THE CONTEXT OF THE HISTORY
OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES (1941-1945)**

Abstract: The article examines wartime letters (1941-1945), the array of which is stored in the archives of the Russian Academy of Sciences. The authors of the letters are employees of academic institutions, academicians and corresponding members of the USSR Academy of Sciences. The use of epistolary documents in the course of studying the history of the Academy of Sciences allows us to significantly expand the understanding of the activities of scientists and organizations of the USSR Academy of Sciences during the great Patriotic war,

to add new historical and biographical facts to the research source base. Previously unknown or little-used letters from the funds of institutions of the USSR Academy of Sciences and personal funds of outstanding Soviet scientists are introduced into scientific circulation.

Keywords: Great Patriotic war, Archive of RAS, Academy of Sciences of the USSR, evacuation, epistolary sources.

«Эпистолярная форма, как Вы знаете, одна из самых трудных»
(из письма историка В. И. Шункова историку Е. Н. Кушевой. 1944 г.)

В составе огромного эпистолярного наследия, хранящегося в Архиве Российской академии наук, имеется значительное по объему собрание писем военных лет. Несомненно, среди средств общения между людьми в XX в. переписка занимала главенствующее место. В годы Великой Отечественной войны этот жанр приобрел особое значение: война сделала письмо самым важным источником информации, вместилищем ожиданий и надежд, человеческих судеб, историй жизни, обстоятельств смерти. Самой большой загадкой того времени остается, на наш взгляд, реальность переписки, техническая возможность этой письменной связи, обмена письмами в условиях движущихся фронтов и отдаленной эвакуации, доставки посланий при отсутствии точных сведений об адресатах и местах их пребывания.

Как исторический источник письма относятся к разряду самых ярких и привлекательных для исследователя информационных ресурсов. Созданные по горячим следам произошедших событий, под воздействием эмоционального состояния авторов, они отражают соответствующую историческую ситуацию, содержат неотшлифованные временем взгляды и оценки явлений.

Письма военных лет — это не только фронтовые солдатские письма, которые стали одним из атрибутов военного лихолетья.

Огромный пласт писем за 1941-1945 гг. содержится в документальных фондах учреждений АН СССР и личных фондах ученых; он включает переписку ученых с руководящими органами Академии наук и их переписку между собой, с родственниками и знакомыми. В силу объемности массива писем, трудоемкости процесса их изучения они редко подвергаются тематическому исследованию, не изучены как массовое явление. Чаще всего письма служат иллюстративным материалом в научных трудах; отдельные коллекции писем изучаются в рамках историко-биографической проблематики.

Главным катализатором переписки ученых в военный период стала эвакуация научных учреждений. В связи с перемещением Академии наук в отдаленные

районы страны Президиум АН СССР и руководители Академии стали ежедневно получать многочисленные личные письма. Сотни таких обращений хранятся в составе архивного фонда Секретариата Президиума Российской академии наук (ф. 2) и фонде президента АН СССР академика В.Л. Комарова (ф. 277). Больше всего обращений было вызвано утратой контактов с эвакуированными учреждениями Академии наук, а также поиском коллег и родственников ученых. Были обращения и другого рода: о получении зарплаты и гонораров, защитах диссертаций, приобретении книг и журналов и др.

Так, письмо заведующего сейсмической станцией «Пулково» Николая Васильевича Кожина в Управление делами АН СССР от 20 декабря 1941 г. определялось необходимостью выполнения своих обязанностей (здесь и далее все письма цитируются с сохранением стилистики и орфографии авторов — *И.И.*): «Обращаюсь с усерднейшей просьбой сообщить в самом срочном порядке, где находится Сейсмологический институт? Вот уже с октября месяца я не получаю никакого ответа даже на телеграммы, посылаемые неоднократно ему. Мне нужно послать денежный отчет за третий квартал, из-за опасений потери подлинных документов я до сих пор воздерживался их пересылать. Год кончается и мне нужно отчитаться. Подпись. Ленинград, ЛАХУ, Университетская наб., дом 5»¹. В ответ заведующий Секретариатом АН СССР А. А. Дорофеев сообщил, что «Сейсмологический институт АН СССР переведен в г. Ташкент. Адрес Института: г. Ташкент, ул. Абдулы Тукаева, д. 1, Узбекский филиал АН СССР»².

12 февраля 1942 г. из г. Молотова (ныне г. Пермь) поступило письмо кандидата геолого-минералогических наук Елены Федоровны Чирковой: «Президиум Академии наук СССР. Прошу ответить, принимались ли какие-либо шаги к эвакуации члена-корреспондента АН СССР Михаила Дмитриевича Залесского из г. Орла по улице Салтыкова-Щедрина д. 10 или, может быть, Президиуму известно место его жительства. Очень прошу сообщить мне об этом и, если будет возможно, оказать Михаилу Дмитриевичу посильную помощь. Михаил Дмитриевич проживал в Орле вместе со своей женой Александрой Романовной Залесской, и последнее письмо о его творческой деятельности я имела от него от 8 сентября 1941 года. <...>»³. В письме речь идет об известном советском палеонтологе, создателе первой в СССР палеоботанической лаборатории по изучению ископаемых растений, члене-корреспонденте АН СССР Михаиле Дмитриевиче Залесском. На письме имеется пометка ответственного исполнителя: «Упр. кадров. Прошу сообщить адрес чл.-корр. М.Д. Залесского»⁴. 3 марта 1942 г. Е.Ф. Чирковой был направлен ответ: «На Ваше письмо от 12/II. 42 г. Секретариат Президиума Академии наук СССР сообщает, что точных сведений о местожительстве члена-корреспондента АН СССР М.Д. Залесского не имеется. Зав. Секретариатом АН СССР А.А. Дорофеев»⁵. Между тем обращение Е.Ф. Чирковой получило продолжение, о чем будет сказано позже.

В 1942 г., в разгар войны и эвакуации в Президиум АН СССР пришло такое письмо химика-органика, профессора Саратовского университета, члена-корреспондента АН СССР Владимира Васильевича Челинцева: «В Академию Наук. <...> С своей стороны прошу написать мне: 1) Можно-ли выписать американские и английские химические журналы, которые я получал до сих пор, на 1942 г.? 2) Издаются-ли Академией «Доклады» и по какому адресу писать в издательство или редакцию? 3) Нельзя-ли попросить Академию приписать меня к надежной организации в Саратове, чтобы получать следуемые мне продукты (я не могу получить по карточкам даже еще за январь мес.)? Буду очень Вам обязан. Чл.-Кор. Ак. Наук Вл. Челинцев»⁶. Ответ заведующего Секретариатом АН СССР А. А. Дорофеева гласил: «Уважаемый Владимир Васильевич! Отвечаю на поставленные Вами в письме от 8 марта с.г. вопросы: 1) Заявку на выписку американских и английских химических журналов можно направить в Книжный отдел Президиума АН СССР т. Карахану Р.К. (Москва, Кропоткинская, 16). 2) «Доклады АН СССР» издаются, к редколлегии обращаться по адресу: Казань, ул. Баумана «Дом печати», III этаж, комн. 34, Издательство АН СССР. 3) По поводу снабжения ученых продовольствием издан специальный приказ Наркомторга СССР (копию приказа прилагаю). Повидимому Вам надо решать этот вопрос в коллективе Университета или непосредственно обратиться в местный орган Наркомторга СССР»⁷. И обращение В. В. Челинцева, и ответ на него — свидетельства непрерывности научной работы и продолжения академической деятельности в чрезвычайной ситуации войны.

Среди многочисленных обращений в Президиум АН СССР обнаружено письмо знаменитого математика, академика Николая Николаевича Лузина, адресованное вице-президенту АН СССР О. Ю. Шмидту. Оно было написано 30 декабря 1941 г. в Москве, в Первой терапевтической клинике, куда академик был помещен с инфарктом миокарда. Н. Н. Лузин извещал О. Ю. Шмидта о своем заболевании, неспособности работать и опасениях остаться абсолютным инвалидом⁸. Одновременно академик переживал из-за проблем с выездом в эвакуацию: «Находясь в крайне тягостном состоянии — физическом и нравственном — я написал письмо Вячеславу Михайловичу Молотову, сообщая ему о моем состоянии и прося об оказании содействия в отношении переезда в Казань, когда я буду в состоянии быть перевезенным»⁹. Из письма узнаем, что заместитель председателя Государственного Комитета обороны В. М. Молотов проявил внимание к просьбе Лузина и через своего секретаря предложил вернуться к теме выезда из Москвы в Казань после завершения академиком лечения¹⁰.

Просьбы о помощи ученым стали частой темой писем в Президиум АН СССР. Значительное их число возникло в связи с тяжелой обстановкой

в г. Ленинграде. В апреле 1942 г. президент АН СССР В.Л. Комаров направил председателю Совета по эвакуации при СНК СССР Н.М. Швернику письмо группы ученых из г. Ташкента о положении ленинградских исследователей и просил со своей стороны принять меры к сохранению их жизни и здоровья¹¹. В письме, подписанном академиком В.В. Струве, членами-корреспондентами В.Ф. Шишмаревым, Н.К. Пиксановым, В.М. Жирмунским говорилось: «...» «Мы решаемся обратиться к Вам лично по вопросу, не терпящему отлагательства и имеющему большое значение для нашей Академии и для всей советской науки. «...» До сих пор лишь небольшая часть наших ленинградских товарищей имела возможность выехать на места новой работы. Целый ряд выдающихся научных работников, числящихся в составе ленинградских институтов Академии Наук, до настоящего времени все еще не мог присоединиться к нам»¹². Далее был приведен список ученых по институтам. ««...» Между тем за последнее время до нас стали доходить очень тревожные вести о судьбе наших товарищей в тех трудных условиях существования, в которых находятся в течение ряда месяцев героические защитники Ленинграда. Недавно скончался сотрудник Института литературы проф. Н.П. Андреев, доктор филологических наук, один из наших виднейших фольклористов. Скончалась научн. сотр. того же Института литературы проф. З.В. Эвальд, выдающийся специалист по музыкальному фольклору. Умер также молодой сотрудник Института Истории Материальной культуры тов. Подгаецкий. По полученным сведениям тяжело заболел проф. Б.М. Эйхенбаум, доктор филологических наук, один из крупнейших литературоведов нашей страны. Все это заставляет нас опасаться, что и другие наши товарищи, находясь в Ленинграде, не только не сумеют при существующем положении с пользой продолжать свою научную работу, но силы их могут быть надолго надорваны теми суровыми испытаниями, которые выпали на их долю»¹³.

В июне 1942 г. известный астроном, член-корреспондент АН СССР Гавриил Адрианович Тихов писал из г. Алма-Аты президенту АН СССР В.Л. Комарову о судьбе Николая Георгиевича Пономарева: ««...» Талантливый конструктор астрономических и оптических инструментов, лауреат Сталинской премии, бывший сотрудник Пулковской обсерватории Николай Георгиевич Пономарев находится в настоящее время в очень тяжелом положении. Будучи эвакуирован из Ленинграда в феврале с.г., он в состоянии тяжело больного был вынесен из поезда в Костроме, а оттуда был перевезен в г. Ковров, где находится в положении тяжело больного и в настоящее время. «...» Зная Вашу исключительную отзывчивость к людям, прошу Вас оказать помощь талантливому работнику, жизнь которого чрезвычайно полезна не только для науки, но и для обороны нашей Родины»¹⁴. Как выясняется из биографии Н.Г. Пономарева, в июле 1942 г. он скончался и был похоронен в г. Коврове.

Значительное число эпистолярных документов обязаны своим появлением разнообразной практической, в том числе общественной деятельности АН СССР, в частности, в созданных в годы войны Военно-шефской комиссии и Комиссии помощи семьям ученых-фронтовиков. В фондах этих учреждений хранятся письма бойцов, из которых мы узнаем о широком поле общественно-полезной работы Академии наук.

В фонде Военно-шефской комиссии АН СССР (ф. 525) сохранились письма военнослужащих, лечившихся в подшефных Академии наук госпиталях. В них сквозит искренняя признательность солдат и офицеров, вернувшихся к воинской службе. В июне 1945 г. гвардии лейтенант, трижды орденоседец М. С. Наумов писал председателю Военно-шефской комиссии Анне Дмитриевне Байковой (супруге вице-президента АН СССР академика А. А. Байкова): «Анна Дмитриевна! Прежде всего поздравляю Александра Александровича с присвоением ему звания Героя Социалистического Труда <...>. В Великой Отечественной войне принимали участие своим колоссальным трудом не только Ваши мужья, но и лично вы, жены академиков. Я никогда не забуду, как Вы работали в госпитале <...> и вытаскивали меня, можно сказать из могилы, да разве меня только одного»¹⁵.

В том же фонде обнаружен уникальный комплекс писем пациента подшефного военного госпиталя № 5018 в Москве Виктора Шепелева, адресованных также А. Д. Байковой¹⁶. 22 письма солдата, написанные уже после войны, дополняют историю этого общественного объединения, активистками которого были жёны академиков и членов-корреспондентов АН СССР. Двадцатилетний боец, потерявший в бою обе ноги, получил в госпитале физическую и моральную поддержку, обучился новой специальности. Непосредственным опекуном для него стала А. Д. Байкова. После 10 месяцев лечения инвалидов войны вернулся на родину, в г. Уральск Казахской ССР, откуда он на протяжении почти 30 лет вел переписку с А. Д. Байковой, практически в каждом письме вспоминал о своем пребывании в госпитале, благодарил свою наставницу и ее соратниц за возвращение к жизни. Приведем отрывок из одного письма В. С. Шепелева: «Уральск. 13.11. 1947 г. Здравствуйте дорогая и уважаемая мамаша Анна Дмитриевна! Пишет это Вам письмо бывший раненый боец Советской Армии, который был ранен тяжело на поле боя, и Вы, не считаясь с силами и здоровьем, ухаживали за мной, лечили, проявляли материнскую заботу ко мне, не дали мне помереть от смертельной раны. Благодаря Вашей материнской заботе ко мне я живу — отблагодарить я Вас могу и мог тем — своим хорошим поведением и примером в работе. <...> Привет Зинаиде Гавриловне, Тамаре Михайловне, Зинаиде Степановне, Владимиру Ивановичу. Ваш воспитанник бывший ранбольной Витя»¹⁷.

В документальном фонде Комиссии помощи семьям ученых-фронтовиков (ф. 571) сохранились письма жен и детей сотрудников Академии, ушедших

на фронт, а также самих воевавших ученых, обращенные к членам комиссии с просьбами о помощи или благодарностью за нее. Среди них имеются письма сотрудников Института истории АН СССР, известных историков Виктора Ивановича Шункова и Анатолия Владимировича Пясковского¹⁸, находившихся в местах боев. Они написаны коллеге по Институту Марии Михайловне Зайцевой, известной общественнице, члену институтской комиссии помощи семьям ученых, и содержат благодарность за помощь родственникам. «Многоуважаемая Мария Михайловна, — писал В.И. Шунков в октябре 1944 г. — Жена мне пишет о той заботе, которую Вы проявляете к моей семье. Сердечное Вам спасибо. Я ведь знаю занятость Вашу в Институте и неизбежную необходимость в наше время тратить много времени на домашние дела. Тем более я ценю Ваше внимание <...>»¹⁹. В марте 1945 г. А.В. Пясковский обращался к М.М. Зайцевой: «Дорогая Мария Михайловна! Весьма тронут Вашим чутким отношением к моей жене. Она мне писала, что Вы ей во многом помогли. <...> Как это приятно сознавать, находясь в тяжелых условиях фронтовой жизни, что есть люди, которые с такой отзывчивостью помогают семье»²⁰.

Наиболее объемный блок писем военного времени составляет переписка эвакуированных ученых между собой или с разбросанными по стране коллегами и родственниками. Они сосредоточены в Архиве РАН в личных фондах ученых. Общее количество писем периода эвакуации не поддается подсчету, но предположительно исчисляется тысячами. Практически каждый эвакуированный ученый стал регулярным корреспондентом в отношении многих адресатов, связанных общностью работы. Одним из самых ярких примеров может служить громадная переписка выдающегося ученого XX в., академика Владимира Ивановича Вернадского. В ней в значительной мере отражен научный и организационный аспекты истории Академии наук военного периода, а участниками переписки с Вернадским стали почти все члены Академии наук того времени²¹.

Существенные моменты академической жизни освещены, например, в письмах В.И. Вернадскому из г. Фрунзе от палеонтолога, академика Алексея Алексеевича Борисяка, уполномоченного Президиума АН СССР в Киргизской ССР. Их переписка в количестве 21 письма за 1942-1943 гг. представлена в фонде В.И. Вернадского²². В письме в октябре 1941 г. Борисяк описывал столицу Киргизии: «Здесь совсем тепло, т.е. нет снега, воздух бодрящий, как бывает осенью. Город очень красивый — весь в пирамидальных тополях. Мы пока в гостинице. <...>. По-видимому, предстоит еще большая работа по устройству учреждений и быта сотрудников, но работать можно будет, и это воодушевляет приехавших»²³. Информировав коллегу о научной работе эвакуированных институтов, он писал в феврале 1942 г.: «Работа Отделения развивается успешно — мы уже

провели три публичных научных заседания, охотно посещаемых профессорами здешнего и харьковского медицинских институтов, и имеем материал еще на десять, до лета. В том числе одно заседание будет посвящено истории науки (доклад Коштыянца — русская физиологическая школа, и мой — русская палеонтологическая школа). Труднее налаживается работа учреждений, многого не хватает (реактивов), плохо с библиотекой, хотя часть нашей биологической привезена сюда. Нет телефонов, нет машины — здесь все, как в Венеции, ходят только пешком. Но всё это пустяки — здесь всё же идет живая интересная работа»²⁴. В апреле-мае 1942 г. академики обсуждали события, происходившие в Президиуме АН СССР. В письме от 26 апреля 1942 г. в связи с очередной сессией АН СССР Борисяк задавал Вернадскому вопрос: «Слышали, конечно, о переменах в Президиуме, но знаете ли причину? Наше отделение не получало никакого официального извещения, и мы узнали лишь из случайной частной телеграммы. Это порождает, конечно, всякие слухи, что очень вредно для Академии и ее руководства»²⁵. В ответном письме от 8 мая 1942 г. Вернадский сообщал: «<...> Шмидт удален Сталиным, а Комаров удалил от должности Светлова. <...> Говорят, причина отставки Шмидта — непринятие мер для вывоза академиков и ценностей из Ленинграда, что вызвало гибель ряда ценностей и еще больше людей. Во 2-х — самовольное уничтожение Управления делами, где все вопросы решались Шмидтом и Светловым. Мы узнали об этом по слухам, но верные сведения Вам привезут академики, бывшие на сессии. Главная причина, конечно, в том, что во время отпуска Президента вице-президент решал вопросы, с ним не считаясь»²⁶.

Коллекции писем, поступивших из мест эвакуации в Москву, сохранились в фондах многих ученых. Такова переписка литературоведа, директора Института русской литературы (Пушкинский Дом), члена-корреспондента АН СССР Павла Ивановича Лебедева-Полянского (ф. 597).

Обращают на себя внимание 12 писем ему из г. Ташкента от члена-корреспондента АН СССР, уполномоченного Президиума АН СССР в Узбекской ССР Владимира Федоровича Шишмарева²⁷. Написанные мелким, убористым почерком, объемные письма Шишмарева за 1941-1944 гг. надо рассматривать как высоко информативные отчеты обо всем происходившем в Ташкенте. В них изложены детали повседневной жизни, освещены проблемы эвакуированных институтов и их сотрудников, представлена информация о постановке научной работы в новых условиях, сведения о реэвакуации институтов и др. Вот строки одного письма: «Жизнь в Ташкенте не так уж легка. А где она легка в данный момент? Переброска людей отразится, несомненно, на здоровье многих. <...> Учтите, что многие плохо одеты и обуты и что сопротивляемость (организма — *И.И.*) у многих понижена»²⁸. В июле 1942 г. Шишмарев извещал Лебедева-

Полянского о главных трудностях научной работы в эвакуации: «Самое трудное здесь для нашего брата западника — это книги. В Ташкенте иностранной литературы кот наплакал. <...> В более счастливом положении находятся восточники и русские словесники. Восточники имеют все же УзФАНовскую и другие библиотеки; россияне — публичную и библиотеку Института мировой литературы»²⁹. Освещена в письмах Шишмарева его научно-организационная работа как уполномоченного Президиума АН СССР в Узбекистане и как литературоведа по Институту мировой литературы: «<...> Объединил здесь лингвистов, приезжих и здешних. Собираемся на доклады дважды в месяц (сейчас в жару — 1 раз). Намечены и частью уже готовы 12 докладов, так что до января мы обеспечены; уверен, что будет материал и на следующее полугодие, т.к. еще не все сделали заявки. Вовлекаем в работу и узбеков. Такую же позицию занял я и в отношении литературы. Я связался с Наркомпросом УзССР и Союзом писателей с тем, чтобы местные литературоведы-узбеки могли пользоваться нашими консультациями. Жирмунский уже объединился с некоторыми здешними узбеками-фольклористами, с которыми они собираются написать небольшую книжечку о местном народном эпосе. В.В. Струве усердно собирает восточников. <...> Сам я занимаюсь, сколько могу, Возрождением, а в связи с событиями пишу нечто вроде маленькой книжечки на тему «Пруссачество и гитлеризм»³⁰. О работе академических ученых в 1943 г. он, в частности, сообщал: «<...> На днях думаем съездить в Самарканд. Намечается сессия Отделения истории и Отделения литературы и языка, посвященная почти исключительно вопросам Узбекистана и Средней Азии вообще. <...> Мы должны будем осмотреть ряд самаркандских исторических памятников с точки зрения возможности и целесообразности восстановления тех, которые приходят в разрушение»³¹.

Несомненно, в аспекте истории Академии наук важны письма ученых, собранные в фонде историка Алексея Ивановича Яковлева (ф. 665). В числе его корреспондентов были многие коллеги по Институту истории АН СССР, выехавшие в эвакуацию: В.И. Авдиев, С.К. Богоявленский, С.Б. Веселовский, Ю.В. Готье, Б.Д. Греков и др.

Письма Всеволода Игоревича Авдиева за 1942-1943 гг. позволяют увидеть ташкентскую эвакуацию практически в деталях³². Они содержат исчерпывающие сведения о месте пребывания, природе, погоде, собственном здоровье и положении коллег, подробности бытового устройства и научной работы. 1 января 1942 г. он сообщал Яковлеву: «После некоторых трудностей и испытаний мы довольно прилично устроились в Ташкенте, получив хорошую комнату в милой и гостеприимной семье»³³. Увидев впервые своими глазами Ташкент, Авдиев восторженно описывал его в письме от 30 января 1942 г.: «Весь «махалля» (старый город) со своими чайхонами и минаретами, со своими арками, саманными

домиками, глиняными стенами и внутренними двориками, где в сумерках мелькают робкие и таинственные силуэты гаремных затворниц, закутанных паранджой, — все это живой восток, хранящий глубочайшие пласты скрытых сил и подземных корней, уходящих в седую даль тысячелетий»³⁴. В нескольких письмах он характеризовал научную работу историков в Ташкенте: «У нас здесь образовалась своего рода «московская группа» историков, которая теперь уже стала «ташкентской» в отличие от «казанской» и «алма-атинской». Понемногу начинается что-то похожее на восстановление научной работы. Читаются отдельные эпизодические лекции. Р. Ю. Виппер довольно смело начал читать курс «Введение в историю средних веков». Возможно, что в начале февраля будет историческая сессия, на которой будут выступать местные историки и один из наших понтификов. Лично я продолжаю работу по военной истории древнего Египта, кроме того, усердно учу «узбекчи», т. е. узбекский язык и начинаю понемногу заниматься историей Узбекистана в древности. Между делом написал методическое пособие для школ по заданию Наркомпроса»³⁵.

Личная, служебная и научная информация в письмах ученых тесно переплетены. Как правило, основой многопланового содержания писем является биографическая канва. Исключительно благодаря сохранившейся переписке обнаруживаются новые факты и обстоятельства жизни ученых, раскрываются неизвестные страницы вызванных войной семейных трагедий.

Личное письмо ранее упомянутой Е. Ф. Чирковой, направленное заместителю академика-секретаря отделения Геолого-географических наук АН СССР Павлу Ивановичу Степанову в сентябре 1943 г., вновь привлекло внимание к судьбе члена-корреспондента АН СССР М. Д. Залесского. В нем Е. Ф. Чиркова (впоследствии вторая жена Залесского) изложила пересказ письма от Натальи Александровны Мацневой из г. Орла³⁶. Мацнева в своем письме сообщила Чирковой об угоне Залесского в Германию: «По просьбе Михаила Дмитриевича спешу сообщить Вам, что он насильственно увезен в Германию 24 июля сего года. Он пытался всячески уговорить немцев не увозить его из родной ему России, говорил, что вся его научная деятельность связана с Россией, но все это был глас вопиющего в пустыне, ему ответили, что есть приказ о его выезде, которому он обязан подчиниться. Упаковали его научный багаж и 24 июля увезли. Он очень тяжело перенес этот отъезд — похудел и постарел сильно»³⁷. В письме также сообщалось о смерти жены Залесского Александры Романовны и младшего сына Ростислава, о пожаре в их орловской квартире, в котором погибли почти все коллекции и рукописи ученого. Обращение Чирковой к академику содержало просьбу передать «текст письма из Орла Президенту Академии наук СССР или Президиуму, может быть они найдут пути покарать с своей стороны зарвавшихся бандитов!»³⁸. Академик Степанов направил письмо

Чирковой академику-секретарю АН СССР Н.Г. Бруевичу с просьбой принять соответствующие меры³⁹. Из переписки президента АН СССР В.Л. Комарова с уполномоченным СНК СССР по делам репатриации граждан СССР генерал-полковником Ф.И. Голиковым выясняется, что член-корреспондент АН СССР М.Д. Залесский был освобожден из немецкого плена в Берлине весной 1945 г.⁴⁰ В июле того же года М.Д. Залесский вернулся в Москву, где был прикомандирован к Палеонтологическому институту. Однако к регулярной работе приступить не смог в связи с серьезно подорванным здоровьем. Он скончался в декабре 1946 г., похоронен в г. Ленинграде.

Документальный фонд математика, академика Сергея Натановича Бернштейна (ф. 1582) содержит переписку с широким кругом ученых в период эвакуации. В частности, свое место в изучении эвакуированной науки могут занять 10 писем за 1941-1942 гг. к академику в Казахстан от математика, профессора Михаила Людвиговича Франка (отца будущего Нобелевского лауреата Ильи Михайловича Франка) из г. Казани⁴¹. Так, в августе 1941 г. М.Л. Франк сообщал Бернштейну: «Дорогой Сергей Натанович! Мы уже 9-й день в Казани. Доехали хорошо, но здесь устроиться с квартирой оказалось очень трудно. Вчера переехали в малюсенькую комнату (5 метров). Оба мои сына с семьями здесь, правда, старшему придется опять уехать в Москву. Здесь масса московских математиков: А.М. Виноградов, Делонэ, Александров П.С., Хинчин, Понтрягин и еще кто-то. С работой я пока не устроился, из-за квартирных хлопот. С удовольствием здесь туго, ни чаю, ни сахару, ни круп нет, но хлеб есть и обедать можно в столовой Ак. Наук, где довольно гадко кормят. <...>»⁴². В ноябре 1941 г. М.Л. Франк писал об изменениях в своей работе: «Недавно в Казани формально начал функционировать Математ. Институт Ак. Наук. Причем почти все сотрудники Московского института сейчас здесь, так что математ. жизнь здесь сильно оживилась. Я немного включился в работу института и имею обещание со стороны С.Л. Соболева и А.Н. Колмогорова о включении меня в штат института. К сожалению, бюрократическая волокита здесь не меньше чем была раньше и потому трудно загадывать, когда это включение в штат осуществится. Ленинградские математики все еще в Ленинграде, мы их здесь ждем и надеемся на их приезд, хотя уверенности и нет»⁴³.

Сохранившаяся переписка С.Н. Бернштейна с сыном и его коллегами рассказывает о трагических событиях, произошедших в этой семье в 1942 г. и сказавшихся на последующей жизни академика. В эвакуации в Казахстане академик Бернштейн оказался вместе со своей женой и женой оставшегося в г. Ленинграде сына Германа, доцента Ленинградского Кораблестроительного института. В осажденном Ленинграде у слабого здоровьем Германа развилось тяжелое заболевание. Из писем разных инстанций следует, что в марте 1942 г.

он был вывезен из Ленинграда с коллективом института и направлялся на лечение в Ессентуки⁴⁴. В связи с поступившим известием о смерти сына в пути следования академик Бернштейн 4 июня 1942 г. направил запрос начальнику милиции железнодорожной станции Сталинград⁴⁵. Он просил сообщить подробности этого тяжелого события и высказал желание получить оставшиеся вещи сына. В фонде Бернштейна сохранилось несколько писем сотрудников Кораблестроительного института, рассказавших о последних днях жизни Германа Бернштейна: телеграмма директора института Михайлова⁴⁶, письма заместителя директора Кораблестроительного института А. А. Моисеева⁴⁷ и М. С. Полонского⁴⁸. Из документов С. Н. Бернштейна последующих лет становится ясно, что ученому не удалось отыскать следов захоронения сына, а в 1954 г. был поставлен вопрос о признании Германа Сергеевича Бернштейна умершим⁴⁹. Жена Германа впоследствии стала второй женой академика С. Н. Бернштейна.

В фондах Архива РАН обнаруживаются и письма с фронта. Особое значение имеют письма научных сотрудников, мобилизованных или добровольно ушедших на войну, которые стремились не прерывать связи с коллегами в тылу, быть в курсе продолжающейся научной работы. Например, несколько писем от коллег и учеников – участников боевых действий, поступили академику Владимиру Ивановичу Пичете: это письма историков Б. К. Рубцова и А. В. Пясковского, студентов и аспирантов Пичеты — И. А. Горболеня, Е. Н. Корнейчика, Г. Э. Санчука⁵⁰.

В этом ракурсе интерес представляет эпистолярное наследие уже упомянутого историка, старшего научного сотрудника Института истории АН СССР, в тот период кандидата исторических наук Виктора Ивановича Шункова (1900-1967). После войны он был заместителем директора Института истории АН СССР, защитил докторскую диссертацию; затем с 1949 г. и до конца жизни был директором Фундаментальной библиотеки по общественным наукам АН СССР; член-корреспондент АН СССР, заместитель академика-секретаря Отделения исторических наук АН СССР. Письма В. И. Шункова военных лет, сохранившиеся в коллекциях разных адресатов, неоднократно привлекали внимание исследователей⁵¹.

В фондах Архива РАН хранятся его письма с линии фронта, адресованные сотрудникам Института истории АН СССР: члену-корреспонденту АН СССР Сергею Владимировичу Бахрушину в г. Москву (6 писем за 1942-1945 гг.⁵²), кандидату исторических наук Екатерине Николаевне Кушевой в г. Ташкент (8 писем за 1943-1945 гг.⁵³), кандидату исторических наук Николаю Владимировичу Устюгову на фронт (25 писем за 1942-1945 гг.⁵⁴).

Специфика работы В. И. Шункова в период Великой Отечественной войны (на последнем этапе войны он был лектором политотдела 40-й армии 2-го

Украинского фронта) предполагала научную работу. Об этом он писал своему учителю, члену-корреспонденту АН СССР С. В. Бахрушину (ф. 624), перед которым, можно сказать, отчитывался о проделанной работе. Летом 1942 г. Шунков сообщал: «Я довольно много работаю по двум различным эпохам, одновременно далеким и близким друг другу: XVI-XVII век и век XX. Темы моих работ связаны или непосредственно посвящены войне. На днях закончил статью о русской армии XV-XVII вв. Сейчас работаю над статьей о русском военном искусстве той эпохи. Жалею, что не могу сделать сообщений на заседании сектора под Вашим председательством и проверить свои выводы. Отсутствие научного общения с людьми, мнение которых я привык ценить, для меня большое лишение»⁵⁵. В начале 1945 г. Шунков писал о своей жажде научной работы, желании скорее к ней вернуться: «Большое удовлетворение доставляют мне те лекции, в которых я могу использовать материал эпохи, которой я занимался прежде. Вот почему я с особым удовольствием работал над темой о прошлом Чехо-Словакии, над исторической частью лекции о патриотизме и т. д.»⁵⁶. Из писем Шункова можно почерпнуть и то небольшое, что он мог рассказать о своей непосредственной фронтовой жизни: «Чувствую я себя удовлетворительно. Еще летом этого года (вероятно, предыдущего года — *И.И.*) превратился в майора. Не так давно награжден вторым орденом Отечественной Войны. По получении необходимых справок, которые я никак не соберусь запросить, должен получить медаль за оборону Москвы. Вот внешние стороны моей военной жизни»⁵⁷. Последнее письмо Шункова Бахрушину от 17 апреля 1945 г. было кратким: «Дорогой Сергей Владимирович! Примите мои первомайские поздравления и пожелания. Хороший первый май в 1945 г. Быстро идем и мы. Можно надеяться, что весна 1945 г. будет более нежели просто весной года. Надеюсь на встречу с наукой и с Вами. Сердечно желаю Вам благополучия. В. Шунков»⁵⁸.

Переписка В. И. Шункова с Н. В. Устюговым за 1942-1945 гг. отличается не только большим количеством писем Шункова. Это переписка двух историков и одновременно двух фронтовиков, которые находили множество общих тем для обсуждения – от военных сражений и до проблем искусства. Коллеги делились результатами своей сходной лекторской работы на фронте: «И Вы, и я читаем лекции, — писал Шунков в апреле 1942 г. — Моя тематика значительно расширилась: а) военно-исторические темы от Александра Невского до лет гражданской войны, б) темы приказа тов. Сталина № 55, в) вопросы международных отношений. Помимо лекций помещаю систематически по этим вопросам статьи в газете нашего соединения»⁵⁹. В письмах Шункова к Устюгову обязательной частью были известия об институтской жизни, хотя порой они сопровождались не самыми лестными комментариями: «Бывая в Институте,

вижу людей, но Института не чувствую. Не то я разучился улавливать биение его жизни, не то это биение слабо. Каждый в отдельности работает очень много, но общей научной жизни не видишь. Очевидно, происходит это в силу того, что здесь лишь незначительная группа. Основные силы ведь в Ташкенте»⁶⁰. В декабре 1942 г. Шунков с радостью сообщал Устюгову: «Узнал приятную весть. Институт получает премию (3-ю) Президиума Академии наук за работы в 1942 г. Ташкентцы получили Красное Знамя. Это единственный институт из гуманитарных. 1 и 2 премии получают институты точных наук. Я рад за Институт. Тем более что чувствую в этом какую-то долю своего труда. Думаю, что и Вам приятно это слышать»⁶¹.

Письма В. И. Шункова, адресованные Е. Н. Кушевой, носят личный и одновременно деловой характер, отличаются художественным стилем изложения в сочетании с научным содержанием. Автор всегда уделял внимание работе Кушевой в Институте, например, в 1944 г. он писал: «Очень был огорчен, узнав, что Вы не руководите теперь подготовкой аспирантуры. Это произошло по Вашему желанию? Если Вы сами ставили этот вопрос, то Вы допустили ошибку. Припомните, сколько историков ушло и сколько еще уйдет. И если мы не имели и не имеем возможности сохранить тех, кто у нас был и еще есть, то необходимо по-настоящему готовить новых. <...> Вы посмотрите на страну и осознаете сразу, как необходима деловая, строгая работа по подготовке настоящих работников, а не болтунов и “генералов от науки”»⁶².

В одном из писем Шунков задался вопросом: «Когда я вернусь к истории и вернусь ли? Кто это знает? И уж, конечно, не я»⁶³. Между тем, в центре его писем постоянно находилась История как таковая — и прошлая, и особенно та, что вершилась на его глазах.

В письмах Кушевой Шунков нередко раскрывал «внешние стороны» своей военной жизни: «Вы указали мне трудную задачу: рассказать о себе. Ведь человек — это сумма его впечатлений. А впечатлений у меня за это время масса, впечатлений огромных, ярких, разнообразных. <...> В данный момент я вновь переживаю дни наступления, волнующие и захватывающие. И потому вновь самым сильным моим впечатлением является познание нашего русского советского человека, любовь к нему и гордость за него. Это ведь не фраза, что бой самое острое испытание человеческих качеств. И когда из залегшей под огнем дотов цепи поднимается человек и бросается телом на проволочные заграждения, увешанные минами, он не только прокладывает путь своему взводу, он открывает дорогу в бессмертие себе и русскому человеку наших дней.<...> Вы знаете подобные поступки по газетным статьям, но я не могу не говорить о них, ибо я их вижу»⁶⁴.

Несмотря на ограничения военной цензуры, Шунков описывал европейский путь советских войск: «Шесть месяцев почти за пределами Советского

Союза. Огромное поле наблюдений. Нарядные городки купцов, помещиков и чиновников и примитивность хозяйства деревни. <...> Прекрасные здания лицеев, гимназий и бакалавр Гренобльского института в качестве продавца в мануфактурном магазине, “человек” в кафе с образованием в Бухарестском Политехникуме. Торжественные костелы и православные монастыри рядом с публичными домами. <...> Об этом и о другом можно много говорить. Но разве все расскажешь? Да еще в письме. Для этого нужно обладать способностью Шодерло де Лакло. А их, этих способностей, у меня нет. Эпистолярная форма, как Вы знаете, одна из самых трудных»⁶⁵. В январе 1945 г., находясь в Венгрии, он отметил: «На днях был в старом графском поместье. Смотрел книги. Есть чудесные издания XVI-XVII вв. Они были бы полезны Академии. К сожалению, иностранную литературу не принимает почта. <...> Замок брошен. Библиотека исчезает. Крестьяне берут ее на растопку»⁶⁶.

Последнее сохранившееся письмо к Кушевой было написано 16 мая 1945 г., вскоре после самого главного события военных лет: «<...> чудесный день Победы. Она пришла, полная и безграничная. Все ликует в душе. <...> Последние наши марши были незабываемы. Всюду толпы людей, радостные улыбки, приветственные взмахи рук, объятия, поцелуи, цветы. К машинам выносили хлеб, закуски, вино. После шести лет гнета люди воскресли и ликуют»⁶⁷.

Представленные в статье эпистолярные документы показывают, что исследование писем военных лет из собрания Архива РАН является сложной, но перспективной задачей. Будучи по существу неотъемлемой частью комплекса документов периода Великой Отечественной войны, они должны стать предметом специальных исследований по широкой научной проблематике академической истории, включая институциональный, биографический, общесторический и другие ее аспекты.

¹ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 2. Оп. 1 (1942). Д. 138. Л. 2-2 об.

² Там же. Л. 90.

³ Там же. Л. 120.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 119.

⁶ Там же. Л. 165.

⁷ Там же. Л. 164.

⁸ Там же. Л. 31.

⁹ Там же. Л. 31 об.

¹⁰ Там же. Л. 32.

- ¹¹ Там же. Ф. 277. Оп. 3. Д. 218. Л. 1.
- ¹² Там же. Л. 2.
- ¹³ Там же. Л. 2-3.
- ¹⁴ Там же. Оп. 4. Д. 1435. Л. 1.
- ¹⁵ Там же. Ф. 525. Оп. 1. Д. 68. Л. 7.
- ¹⁶ Там же. Д. 68, 73, 78.
- ¹⁷ Там же. Д. 78. Л. 22, 23 об. В письме упомянуты члены Военно-шефской комиссии АН СССР З.Г. Орджоникидзе, Т.М. Грекова, З.С. Еланская, академик В.Н. Образцов.
- ¹⁸ Там же. Ф. 571. Оп. 1. Д. 2.
- ¹⁹ Там же. Л. 26.
- ²⁰ Там же. Л. 12.
- ²¹ Там же. Ф. 518. Оп. 3.
- ²² Там же. Д.174. Л. 1-34.
- ²³ Там же. Л. 7.
- ²⁴ Там же. Л. 8.
- ²⁵ Там же. Л. 2.
- ²⁶ Там же. Л. 15. В письме речь идет о вице-президенте АН СССР академике О.Ю. Шмидте и ученом секретаре Президиума АН СССР П.А. Светлове.
- ²⁷ Там же. Ф. 597. Оп. 4. Д. 78.
- ²⁸ Там же. Л. 9.
- ²⁹ Там же. Л. 2-2об.
- ³⁰ Там же. Л. 2об.
- ³¹ Там же. Л. 9а.
- ³² Там же. Ф. 665. Оп. 1. Д. 285.
- ³³ Там же. Л. 2-2 об.
- ³⁴ Там же. Л. 4.
- ³⁵ Там же. Л. 3 об.
- ³⁶ Там же. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 36. Л. 19-20об.
- ³⁷ Там же. Л.19-20.
- ³⁸ Там же. Л. 20.
- ³⁹ Там же. Л. 18.
- ⁴⁰ Там же. Л. 21, 22, 23.
- ⁴¹ Там же. Ф. 1582. Оп. 2. Д. 201.
- ⁴² Там же. Л. 1.
- ⁴³ Там же. Л. 4.
- ⁴⁴ Там же. Д. 41. Л. 5.
- ⁴⁵ Там же. Л. 1.
- ⁴⁶ Там же. Д. 167. Л. 1.

- ⁴⁷ Там же. Д. 168. Л. 1-4.
- ⁴⁸ Там же. Д. 155. Л. 1-2.
- ⁴⁹ Там же. Д. 204. Л. 1.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 1548. Оп. 3-д. Д. 68, 116, 186, 191, 195.
- ⁵¹ См.: *Журавлев С.В.* Материалы ЦАМО о деятельности В.И. Шункова в годы Великой Отечественной войны // Археографический ежегодник за 1985 год. М., 1986. С. 196-201; «Я ведь действительно историк...» Письма с фронта В.И. Шункова из Отдела рукописей РГБ. 14 декабря 1943 г. – 9 июня 1945 г. / публ. подг. В.В. Тихонов // Отечественные архивы. 2012. № 1. С. 93-116; Письма В.И. Шункова к Н.В. Устюгову и С.В. Бахрушину / публ. подг. В.Г. Бухерт // Археографический ежегодник за 2011 год. М., 2014. С. 455-480.
- ⁵² АРАН. Ф. 624. Оп. 4. Д. 257.
- ⁵³ Там же. Ф. 1555. Оп. 1. Д. 331.
- ⁵⁴ Там же. Ф.1535. Оп. 4. Д. 252.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 624. Оп. 4. Д. 257. Л. 2-2об.
- ⁵⁶ Там же. Л. 6.
- ⁵⁷ Там же. Л. 6-6об.
- ⁵⁸ Там же. Л. 7.
- ⁵⁹ Там же. Ф. 1535. Оп. 4. Д. 252. Л. 3.
- ⁶⁰ Там же. Л. 8.
- ⁶¹ Там же. Л. 13.
- ⁶² Там же. Ф. 1555. Оп. 1. Д. 331. Л. 4об.-5.
- ⁶³ Там же. Л. 4.
- ⁶⁴ Там же. Л. 6об. -7об.
- ⁶⁵ Там же. Л. 7об.-8об.
- ⁶⁶ Там же. Л. 12.
- ⁶⁷ Там же. Л. 16-17.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Журавлев С.В.* Материалы ЦАМО о деятельности В.И. Шункова в годы Великой Отечественной войны // Археографический ежегодник за 1985 год. М., 1986. С. 196-201;
2. «Я ведь действительно историк...» Письма с фронта В.И. Шункова из Отдела рукописей РГБ. 14 декабря 1943 г. — 9 июня 1945 г. / публ. подг. В.В. Тихонов // Отечественные архивы. 2012. № 1. С. 93-116;
3. Письма В.И. Шункова к Н.В. Устюгову и С.В. Бахрушину / публ. подг. В.Г. Бухерт // Археографический ежегодник за 2011 год. М., 2014. С. 455-480.

*Косырева Е. В., Тугов К. М.
Архив РАН*

**ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
(НА ПРИМЕРЕ ПИСЕМ ВОЕННОГО ПЕРЕВОДЧИКА
В.С. ГАЛЛА СОКУРСНИКУ ПО ИФЛИ
В.В. ДОРОШЕНКО)**

Аннотация: Статья посвящена неопубликованной переписке сокурсников по ИФЛИ — письмам В.С. Галла к В.В. Дорошенко в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: ИФЛИ, война, подвиг, архив.

*Kosyreva E. V., Tugov K. M.
Archive of the Russian Academy of Sciences (Moscow)*

**FRONT LETTERS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
AS A HISTORICAL SOURCE
(ON THE EXAMPLE OF LETTERS OF THE MILITARY
TRANSLATOR V.S. GALL TO THE COMPETITOR ON IFLI
V.V. DOROSHENKO)**

Abstract: The article is devoted to the unpublished correspondence of fellow students on IFLI — letters to V.S. Galla to V.V. Doroshenko during the Great Patriotic War.

Keywords: IFLI, war, feat, archive.

В личном архиве ведущего специалиста по экономической истории Латвии Василия Васильевича Дорошенко сохранилось девять писем от его сокурсника по Институту философии, литературы и истории (ИФЛИ) — Владимира Самойловича Галла, в т. ч. семь из них фронтовых.

Василий Васильевич Дорошенко (1921-1992) к началу войны успел закончить 4-й курс исторического факультета ИФЛИ. К этому времени у него уже была

одна опубликованная работа, поэтому в июле 1941 г. В.В. Дорошенко был выдан диплом с отличием об окончании полного курса института.

В августе 1941 г. В.В. Дорошенко был мобилизован вместе со всеми студентами своего курса, до марта 1942 г. проходил военную подготовку в полковой школе: сначала под Тулой, потом под Чебоксарами. По окончании подготовки получил звание старшего сержанта (впоследствии — политрука), в каком-то и провоявал всю войну.

Боевой пусть В.В. Дорошенко прошел от Можайска до Кенисберга, фактически прослужив в одной и той же части: 2-й Гвардейский Артиллерийский истребительно-противотанковый полк, с 1943 г. влившийся в 16-ю Отдельную Артиллерийскую истребительно-противотанковую бригаду Резерва Главного Командования. Основная военная специальность В.В. Дорошенко — радиотелеграфист (командир радиции), в конце войны он занимался политработой как внештатный корреспондент газеты «Красноармейская правда». За участие в боях В.В. Дорошенко был награжден медалью «За боевые заслуги» (1943), двумя Орденами Красной Звезды (1945).

Вернувшись после демобилизации в Москву, В.В. Дорошенко окончил аспирантуру исторического факультета Московского университета. В 1949 г. под руководством А.И. Неусыхина¹ защитил кандидатскую диссертацию «Упадок свободного крестьянства в феодальной Саксонии, VIII-XIII вв.». Ученый был оставлен преподавателем МГУ, но в начале 1950 г. по приглашению латвийского историка Я. Зутиса² переехал работать в Ригу, и занялся историей Латвии XVI-XVII вв. С 1953 г. основным местом работы В.В. Дорошенко стал Институт истории Академии наук Латвийской ССР. В 1963 г. он защитил докторскую диссертацию «Очерки аграрной истории Латвии в XVI в.», в 1971 г. В.В. Дорошенко был избран членом-корреспондентом Латвийской АН.

В.В. Дорошенко является одним из ведущих специалистов по истории Латвии раннего нового времени. Его перу принадлежит три монографии «Очерки аграрной истории Латвии в XVI веке» (1960), «Мыза и рынок» (1973) и «Торговля и купечество Риги в XVII в.» (1985).

Владимир Самойлович Галл (1919-2011), в отличие от В.В. Дорошенко, успел окончить факультет германистики ИФЛИ. В июне 1941 г. он получил диплом с отличием и место в аспирантуре. Война изменила все планы, Владимир Галл записался добровольцем и был определен в зенитную батарею ПВО Москвы. Случайная встреча в середине 1942 г. с бывшим институтским преподавателем Л.З. Копелевым³, о чем В.С. Галл пишет в письме от 23 мая 1943 г., изменила жизнь молодого бойца: он отправился на Брянский фронт работать переводчиком в политотдел 2-й танковой армии.

«В период ведения армией боевых действий северо-восточнее города Варшавы и при форсировании реки Висла, с января 1945 года, тов[арищ] Галл

исключительно оперативно обеспечил выпуск листовок для войск и населения противника, а также организовал звукопередачи для войск противника. Во время Шнайдемюльской операции лично сам проводил в трудных боевых условиях звуковещание и засылку военнопленных в окруженный гарнизон города Шнайдемюль. В результате проведенных мероприятий тов[арищем] Галлом имела место многочисленная добровольная сдача в плен солдат противника... Во время проведения операции по подготовке к капитуляции гарнизона Шпандауской цитадели, тов[арищ] Галл проявил личную выдержку и храбрость, участвуя в качестве парламентаря. Тов[арищ] Галл своей работой способствовал успехам наших войск»⁴, — следуют официальные слова из наградного листа «краткое, конкретное изложение личного подвига» представляемого к награждению В.С. Галла орденом «Отечественной войны II степени». И как сам герой в письме от 16 июня 1945 г. описывает эти события! Рассказывая В.В. Дорошенко о своем визите в качестве парламентаря в цитадель Шпандау, В.С. Галл не забыл сравнить себя со средневековым рыцарем, поднимающимся по веревочной лестнице на балкон замка.

В.С. Галл награжден медалями «За боевые заслуги» (1941, 1944), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1945), «За взятие Берлина» (1945), «За освобождение Варшавы» (1945), орденом «Отечественная война II степени» (1945).

В.С. Галл оставался в армии и после окончания войны: работал начальником отдела культуры и личным советником генерала А.Г. Котикова⁵ в Берлине, затем — начальником отдела культуры в Халле. В январе 1948 г. В.С. Галл вернулся в Москву, с 1953 г. он — доцент кафедры немецкого языка 1-го Московского педагогического института иностранных языков им. Мориса Тореза.

Цитадель Шпандау В.С. Галл вновь посетил спустя сорок лет, 8 мая 1985 г.

После войны переписка между двумя бывшими «ифлийцами» прекратилась. Инициатором ее возобновления, вероятно, стал В.В. Дорошенко. От «мирного» времени сохранилось два письма В.С. Галла. «Только что, с огромнейшим опозданием, получил твое письмо от 17/V... Я искренне огорчился тому, что наша переписка оборвалась и тем более радуюсь ее возобновлению. К сожалению, (особенно для тебя, ибо не мне, скромному не остепененному ст[аршему] пр[еподавате]лю, а тебе, доктору, будущему члену-корреспонденту и действительному члену придется писать мемуары), у меня не сохранились твои письма...»⁶, — пишет в предпоследнем из сохранившихся в архиве В.В. Дорошенко писем 24 сентября 1966 г. В.С. Галл.

Фронтовые письма В.С. Галла наполнены воспоминаниями об интересной, разносторонней, насыщенной студенческой жизни «ифлийцев». Несомненно, что ностальгия по прошлой гражданской жизни помогала переживать военные тяготы.

Описывая военные будни, Галл обращает внимание на жизнь населения, архитектуру и особенности тех мест, где дислоцировалась его часть. Автор писем довольно скупо описывает подробности военной жизни, что, конечно, связано с цензурой. Несмотря на это, фронтовые письма В.С. Галла являются ценной самостоятельной группой исторических источников по истории Великой Отечественной войны и важным дополнением к официальным документам.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письма В.С. Галла В.В. Дорошенко

№ 1

23.05.[19]43 г.

Васенька, дорогуша!

Только что получил твое письмо и возликовал от радости. Мысленно вознес я хвалы Аллаху и Магомету, пророку его, которые помогли мне (наконец-то!) установить связь с тобой. Я ведь очень долго и упорно старался узнать твой адрес, несколько раз запрашивал об этом в письмах Тольку Варшавского⁷ и его верную Пенелопу — Полю Поповскую (ты ведь, наверное, уже знаешь, что Толя предпочел розы Гименея лаврам Марса и, вместо того, чтобы идти в армию, сочетался с Полиной узами законного брака в благословленных богом степях Алтая. Однако потом он все же был призван в армию). Ни Толя, ни Поля не сообщили мне твоего адреса. А когда преподобный Иакоб сыр-О'вай-ский⁸ сообщил мне твой адрес, я его потерял (о, рассеянность, рассеянность!..). Мне уже казалось, что сам Люцифер вместе со всеми своими демонами, чертями и бесами вмешался в это дело и мешал мне наладить связь с тобой. (Я догадываюсь, что тебя, специалиста по средним векам, старого неусыхинца и добшианца, смешит в моем письме эта пестрая, барочная смесь образов и понятий из магометанской религии, античной мифологии и христианской демонологии).

Я хохотал до упаду, когда читал твое замечательное письмо, сверкающее как алмаз, эрудицией и высокоинтеллектуальными хохмами, и пропитанное от первой до последней строчки нутряным ифлийским духом. Это твое письмо навеяло на меня целый рой воспоминаний: спившийся алкоголик Генька Рябинин; танцы по субботам в стромыньском клубе; мой и твой синие костюмы, сшитые в ателье на Красносельской; ежедневный обмен галстуками между тобой и пресвятым Эльхононом (он надевал твой, а ты — его); богатырский, эпический (в стиле старика Гомера) храп Эльхонона во время его послеобеденного сна); громовой раскат его голоса — «Брабанцио!.. Где дочь твоя?..», — несущийся по притихшим стромыньским коридорам, распарывающий тишину полуночи и пугающий

притаившиеся в углу парочки; горячие споры и дебаты молодых схимников в келье № 6 стромынской обители; страстный голос правдолюбца и искателя истины — Михайлы Лисовского⁹; чтение вслух тобою тонких эстетических стихов Иннокентия Анненского¹⁰; мои духовные песнопения (танго, фокстроты, цыганские романсы); разговоры перед сном на политические, эротические темы (международное положение, стройность ножек студенток истфака); момент, когда все уже в постелях, свет уже потушен, Эльхонон говорит: «Вольдемар, расскажи анекдот», Михайло Козин густым дяконовским басом гудит из угла: «Да, да, расскажи», а ты просишь: «Обожди, Володя, я еще не совсем разделся»... Ну, я, кажется, увлекся в своих воспоминаниях. «Это было давно, я не помню, когда это было», — как сказал поэт.

С тех пор прошло уже полтора года. Год я батрачил в зенитно-артиллерийском полку, был заместителем политрука батареи, но фактически вел всю просветительскую работу — проводил политзанятия, беседы, семинары, обслужил весь полк лекцией о Кутузове и т. д. Я просился в действующую армию переводчиком, но комиссар полка меня не отпускал. Однако по ходатайству Копелева (он был аспирантом и руководил семинаром Шиллера, в котором я был) ГлавПУРККА¹¹ отозвало меня и назначило меня инструктором. Теперь у меня очень интересная работа. Я допрашиваю фрицев, копаюсь в их документах, письмах, газетах и журналах, перевожу, что нужно, пишу листовки к фрицам с призывом сдаваться в плен и т. д.

Между прочим, я хорошо знаком с майором Дятленко¹², который допрашивал Паулюса¹³ (ты, наверное, видел в центральных газетах от 2/II фотоснимок — Воронов¹⁴ и Рокоссовский допрашивают¹⁵ Паулюса). Конечно, мне лично не пришлось еще допрашивать фельдмаршалов, но нескольких обер-лейтенантов я уже допросил. Если мы с тобой когда-нибудь увидимся, то я расскажу тебе много интересного. С Беньяминычем я расстался еще в октябре 1941 г. и с тех пор, не смотря на все свои старания, не смог узнать, где он. Об остальных ребятах я тоже ничего не знаю (только о Левке Ц. слышал печальную новость). Очень прошу тебя, дорогой Вася, — как только получишь мою эпистола, — отвечай немедленно. Пиши обо всем подробно (особенно относительно отроковиц Ольг). Я несказанно возрадуюсь твоему посланию и помяну тебя в своих смиренных молитвах. Денно и ночью буду молить Всевышнего о ниспослании тебе сил и здравия. Амен!

Остаюсь твой брат в ИФЛИ — Владимир.

АРАН. Ф. 2037. Оп. 1. Д. 4.2 (по сдат. оп.). Л. 1-2 об. Автограф.

Дорогой Вася!

Вчера я получил твою открытку от 19/VI, которую мне переслали со старого места работы. Дело в том, что вслед за повышением в звании (я забыл в прошлом письме написать тебе, что получил третью звездочку на погон — меня воспроизвели в чин поручика), я получил повышение в должности — меня назначили на работу в организацию еще более высшую, чем та, в которой я работал раньше. Я не знаю, чем заслужил эти повышения, но могу сказать тебе искренно, как другу, только одно: я честно служу нашей родине — России и отдаю все свои силы, способности и знания (а я нахожусь на такой работе, где имею как раз возможность применять свои знания, особенно в области языков) нашему общему делу — делу изгнания фашистских варваров с нашей священной советской земли.

Можешь себе представить, как я обрадовался твоей открытке. Ведь я с огромным нетерпением ждал твоего ответа. И когда я читал твою открытку, то сквозь ее отрывистый, по-военному лаконичный стиль, сквозь короткие, полустершиеся карандашные строки, на меня снова навеяло твоим, столь хорошо известным мне жизнеутверждающим оптимизмом. Я снова узнал твой почерк, которым было написано много блестящих семинарских докладов, восхищавших даже твоего талантливое мэтра — Александра Осиповича Неусыхина. Если мне не изменяет память (а она мне никогда не изменяла, чего — увы! — я не могу сказать о некоторых своих знакомых — представительницах слабого, но прекрасного пола), твоя последняя работа была посвящена изучению хозяйства Сен-Жерменского поместья. Эта работа была прервана войной. Но когда мы прогоним проклятого немца с нашей земли, когда над алыми, связанными бессмертной славой, знаменами русских полков взойдет светлое солнце победы и мира, ты снимешь солдатскую гимнастерку, опять оденешь блузу зодчего (точнее говоря, свой хороший синий костюм) и, как говорил добрый старый Панура, вернешься к своим баранам Сен-Жерменского поместья. Я надеюсь, что все мы, смиренные послушники стромыньско-телемской обители во главе с нашим игуменом — преподобным отцом Эльхононом и диаконом — отцом Михаилом Козиным (просьба не путать с Вадимом Козиным¹⁶, жидкий тенорок которого годится лишь для цыганских романсов, но был бы явно неуместен при богослужении) в нашей келье № 6 и разопьем бутылочку скромного монастырского вина (купленного в магазине «Бакалея» по ул[ице] Стромынка, дом 31, — в том самом магазине, где мы все ежедневно покупали себе на пропитание, т. е. на завтрак и ужин, хлеб насущный, точнее говоря, — батон за 1 р[убль] 40 к[опеек], и масло сливочное). Возможно, что инок Геннадий (в миру Генька

Рябинин), перепьется, как это часто бывало с ним в доброе старое довоенное время. Мы будем вести тихие душеспасительные беседы на темы сравнительной анатомии (например: чья ножка красивее — Жени Левитиной — 1-я сборная истфака, или Люси Савельевой — 1-я сборная литфака). А перед отходом ко сну, вместо вечерних молитв, иннок Володимир исполнит несколько духовных песнопений (модных жанровых песенок) и расскажет несколько назидательных библейских притч (остроумных, но сальных анекдотов). Я бы и дальше продолжил свои мечтания, но мне сейчас предстоит большая работа и поэтому я спешу кончить. Шекспир сказал: «Солдат спешит на зов службы и любви». Я в настоящий период спешу только на зов службы.

Убедительно прошу тебя, дорогой Васенька, ответить на мое письмо поскорее и поподробнее. Пиши обо всем подробно. Если у тебя будет время, пиши почаще, не дожидаясь моих писем. Желаю тебе солдатского счастья и удачи во всем! Пиши! Крепко жму твою руку и целую тебя!

Твой В[ладимир].

Л. 3-4 об.

№ 3

03.08.[19]44 г.

Дорогой Васютка!

Прости, что так давно не писал тебе, но я теперь занят еще больше, чем раньше. Дело в том, что я теперь нахожусь на большой и самостоятельной работе. Мой новый адрес: Полевая почта 69766.

Работа более интересная, но и более трудная. Мы безостановочно движемся вперед и вперед, гоним проклятого немца все дальше и дальше. Сейчас мы уже находимся в Польше. Фрицы сдаются в плен толпами. Мне приходится работать днями и ночами. Я так занят, что нет времени не только для самой личной жизни, но даже и для того, чтобы помечтать о ней. Месяц тому назад я был несколько дней в Москве, повидал свою Лауру. Она все так же прекрасна и — увы! — все так же холодна к бедному Петрарке. Что ж поделать, такова моя несчастная судьба. Я уже 11 лет несу этот тяжкий крест безнадежной и безответной любви, и буду нести его дальше. Если бы в жизни было все как в книгах, то я, наверное, был бы уже вознагражден за свое столь длительное и достойное похвалы постоянство. Но, к сожалению, в жизни бывает все иначе, чем в книгах!

Спешу кончить. Не обижайся, дорогой дружище, если я подолгу не буду писать тебе. Это вызвано не невниманием к тебе, а только занятостью и отсутствием свободного времени. Если у тебя будет время и возможность, пиши мне почаще и поподробнее. Твои жизнерадостно-гуманистические письма проливают целебным бальзамом на мою исстрадавшуюся душу. Не забывай твоего

несчастливого друга. Раз нимфа не хочет этого делать, помяни хоть ты его в своих святых молитвах! Будь здоров, дорогой Васютка! Крепко целую тебя! Пиши! Твой В[ладимир].

Л. 5-5 об.

№ 4

26.09.[19]44 г.

Дражайший Васиссуалий!

Ва первых строках маво письма спишу соопчить, што я жив и здоров, чиво и вам жилаю.

Твою цыдульку (от августа 30 дня года 1944 от рожества христова) я получил и был несказанно обрадован ею. Все твое письмо, от первой до последней строки, пропитано столь знакомым мне ифлийским духом — благородной смесью гуманизма и скептицизма (но не холодного мертвящего скептицизма, а, наоборот, — здорового, жизнеутверждающего оптимистического скепсиса). Легендарная верность твоей Пенелопы достойна удивления, восхищения и (особенно в наши дни!) подражания. Будем надеяться, что она дождетя своего Одиссея и ее сказочная добродетельность будет вознаграждена и воспета новым Гомером — потомкам в назидание. Да покарает Зевс всех чинуш, мнящих всуе поколебать ее верность.

О себе могу сообщить, что нахожусь неподалеку от славного града Польши. В одном населенном пункте мы жили в домике органиста, рядом с костелом. Каждое утро в наши окна врывались сладкие и тягучие, как мед, звуки органа и протяжные женские голоса, сливающиеся в гармонию католических молитв. При этих звуках душу охватывал благоговейный трепет, хотелось самому стать на колени и вознести к высокому небу свои грешные молитвы. Пару раз я побывал в костеле. Стрельчатые готические окна, чрезмерная, почти бутафорская пышность; приподнятая до театральности торжественность — все это производит несколько угнетающее впечатление на новичка, но тебе, как старому медиевисту и специалисту по средневековой готике, все это, наверное, хорошо известно. Я очень подружился с одним из моих новых товарищей по работе — Конрадом Вольфом¹⁷ (он — сын талантливого московского писателя Фридриха Вольфа¹⁸, который особенно прославился своей пьесой и фильмом «Профессор Мамлок»). Конрад — очень хороший, толковый, душевный, добросовестный мальчик (я пишу «мальчик», потому что он, не смотря на свой лейтенантский чин, не имеет еще 19 лет от роду). Он мне близок и по своему духовному, моральному облику. В нем есть что-то ифлийское, хотя он еще не успел заниматься ни в каком институте.

В свободное от работы вечера мы собираемся компанией (человек 5-6) и отправляем религиозный обряд в честь Вакха («О, нечестивцы! — скажешь ты — под сенью католического костела они поклоняются языческим богам»).

Возлияния сопровождаются духовными песнопениями (исполняются одесские песенки под руководством главного жреца — твоего покорного слуги). Единственным недостатком этих религиозных торжеств является, по-моему, то, что на них не присутствовали вакханки (ввиду отсутствия таковых). Между прочим, я так же, как и ты, еще не встречал хороших полей. Что касается их гордости и недоступности, то все они в этом (так же, как и в красоте) уступают Марине Мнишек. Вообще мне кажется, что сочинитель А. С. Пушкин, рисуя образ Марины Мнишек, несколько сгустил краски.

Я продолжаю вздыхать о своей Лауре, которая не балует своего Петрарку даже письмами (не говоря уже о земных мирских радостях). Такова моя судьба. Я не ропщу и смиренно несу свой крест. Как второго пришествия жду, дорогой Вася, твоего письма. Оно прольет целебный бальзам на мою исстрадавшуюся душу. Да вспомнятся в твоих молитвах все мои грехи. Крепко лобызаю тебя!

Твой Володимир.

Л. 6-6 об.

№ 5

30.10.1944 г.

Любезный сердцу моему Вассисуалий!

Получил твою краткую эпистола от октября 30-го и возликовал от всея души, что ты еще не забыл смиренного инока Володимира и даришь его своим благосклонным вниманием.

Весьма рад, что ты преуспеваешь в своих трудах летописца. Чую, что ты в сей области превзойдешь Нестора-летописца. Особенно меня потрясает легендарная верность твоей Пенелопы. Воистину тут нужен новый Гомер, чтобы воспеть такую добродетель.

Я веду скромную жизнь послушника (так сказать, монах поневоле). Мои коллеги тоже могут сойти за монахов. Только наша машинистка — отроковица Тамара (нравы которой несколько отличаются от строгих монастырских нравов) своим поведением нарушает подобие монастыря. Мягко выражаясь, она не целомудренная Артемида и даже не добродетельная Лукреция. Более всего она смахивает на Марию Магдалину (до раскаяния). Впрочем, бог с ней. Моя Лаура до сих пор еще хранит обет молчания. Это меня начинает волновать. Правда, она и раньше не баловала меня своими письмами, но, сжалившись над бедным Петраркой, все же изредка писала мне. А теперь я уже 3 месяца не имею от нее писем. Надеюсь, что она здорова и ее молчание вызвано только ее полным равнодушием ко мне. Я уже свыкся с тем, что она не любит и никогда не полюбит меня (но не спрашивай, чего мне стоило свыкнуться с этой страшной мыслью). Ее письма я жду только для того, чтобы знать, что она здорова.

Забыл написать тебе, что недавно я был произведен в чин капитана. Таковы мои новости. С величайшим нетерпением, аки второго пришествия господня, ожидает твоей, дражайший Вассисуалий, ответной эпистолы твой покорнейший слуга и раб божий Володимир.

Л. 7-7 об.

№ 6

11.04.[19]45 г.

Дорогой Васиссуалий!

Уже очень давно не получал я от тебя цыдульки. Пользуясь свободной минутой, и спешу написать тебе.

Я уже давно нахожусь в логове фашистского зверя, топчу своими грубыми солдатскими сапогами проклятую землю тевтонов.

Работа у меня теперь особенно интересная. В феврале я участвовал в операции по окружению и взятию Шнайдемюля¹⁹. Несколько раз чуть не погиб, но все обошлось благополучно. Теперь я знаю, что такое уличные бои в городе. Уже недалеко время, когда мы вступим в черный Берлин и водрузим там знамя нашей победы. Я буду счастлив, если мне лично доведется участвовать в великом походе на Берлин.

О нашей жизни могу сообщить тебе, что мы теперь много пьем (преимущественно спирт). Надеюсь, что бог простит мне этот единственный грех (ведь я же не пью и не гуляю с девочками). Если война не кончится скоро, то я рискую стать хроническим алкоголиком. Но, я надеюсь, что мы уже скоро возьмем за горло старую немецкую ведьму и вышибем из нее дух.

Пиши мне, дорогой Васиссуалий, где ты теперь находишься и что поделываешь. С большим нетерпением ожидаю твоей ответной эпистолы. Желаю тебе всего наилучшего! Будь здоров! Крепко целую тебя!

Твой В[ладимир].

Л. 8-8 об.

№ 7

16.06.[19]45 г.

Дорогой Васиссуалий!

Меня очень обрадовало твое письмо. Оно полно искренней и безбрежной радости, радости за великую победу правого дела. Большое спасибо за поздравления. И я от всей души поздравляю тебя с замечательной победой над немецко-фашистскими захватчиками. Я оглядываюсь на пройденный тернистый путь и со спокойной совестью могу сказать, что в этой войне я честно, добросовестно и до конца, как положено солдату, выполнил свой долг перед нашей советской

Родиной. Мое сердце переполняется гордостью оттого, что я тоже участвовал в великом походе на Берлин и в последний месяц войны сотни орудий в Москве салютовали в нашу честь по приказу Великого Вождя — Верховного Главнокомандующего товарища Сталина.

За участие в Берлинской операции я награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. Не хвастаясь, скажу тебе, что я честно заслужил эту высокую награду. Именно в последние дни войны мне несколько раз пришлось взглянуть в лицо опасности и даже смерти. Я ходил парламентаром к немецкому гарнизону, засевшему в огромной средневековой цитадели в одном из предместий Берлина. Для того, чтобы проникнуть в цитадель, мне пришлось подняться по веревочной лестнице на балкон 3-го этажа. Очевидно, я внешне напоминал средневекового рыцаря, поднимавшегося по веревочной лестнице на балкон замка (а, кстати, замок) для свидания с повелительницей своего сердца, но, как я уже оговорился, сходство это было чисто внешнее, так как, во-первых, внизу меня не ожидал верный оруженосец (с добрым копьем и острой шпагой), готовый возвестить провансальской альбой наступление утра или достойно встретить внезапно нагрянувшего супруга-ревнивца; во-вторых, вверху на балконе лестницу держали не нежные ручки преданной служанки-наперсницы, а грубые ручища противного и усатого фрица (который, кстати сказать, в любую минуту мог отпустить лестницу, так что я бы упал и разбился в лепешку); и, наконец, в-третьих, вверху на балконе меня ожидали не жаркие объятия и пылкие поцелуи моей дамы, а, — в лучшем случае, — холодный ледяной прием со стороны немецких офицеров (или, в худшем случае, пуля в затылок). Тот факт, что я пишу тебе письмо, является доказательством того, что я даже вышел победителем из этого странного поединка: я все-таки уговорил руководящих офицеров и благодаря моему парламентарству эта почти неприступная цитадель капитулировала без единого выстрела. В другой раз я вместе с тремя товарищами на нашей звуковой установке забрался в тыл к немцам, и мы привели в плен более 300 немецких солдат и офицеров.

Дорогой Вассисуалий! Ты не ошибся: я не только видел огни Берлина, но и был в нем, топтал своими запыленными солдатскими сапогами мостовые этой некогда гордой и надменной столицы пруссачества, взбирался на вершину колонны победы, смотрел на Рейхстаг и Бранденбургские ворота, на развалины Унтер-ден-Линден²⁰.

Л. 9-10 об.

¹ Неусыхин Александр Иосифович (1898–1969) – историк-медиевист, специалист по социально-экономической истории раннего Средневековья, доктор исторических наук (1946).

² Зутис Ян Яковлевич (1893–1962) – историк, академик АН Латвийской ССР (1951), член-корреспондент АН СССР (1953).

³ Копелев Лев Зиновьевич (1912–1997) – литературный критик, переводчик, публицист, литературовед (германист).

⁴ Сайт «Подвиг народа». [Электронный ресурс]. URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=26373770&tab=navDetailDocument> (Дата обращения 21.04.2020)

⁵ Котиков Александр Георгиевич (1902–1981) – офицер, генерал-майор (1944), Комендант советского сектора Берлина, начальник Берлинского гарнизона (1946–1950).

⁶ АРАН. Ф. 2037. Оп. 1. Л. 11.

⁷ Варшавский Анатолий Семенович (1920–1990) – писатель-фантаст, историк, автор научно-популярных книг.

⁸ Серовайский Яков Давидович (1912–1997) – историк-медиевист, доктор исторических наук, профессор Казахского государственного университета.

⁹ Лисовский Михаил Александрович (1919–?) – в июне 1941 г. окончил 4-й курс ИФЛИ, ушел добровольцем на фронт. Пропал без вести.

¹⁰ Анненский Иннокентий Федорович (1855–1909) – русский поэт, драматург и переводчик, критик.

¹¹ ГлавПУРККА – Главное политическое управление Рабоче-крестьянской Красной армии. Главное Политическое управление Рабоче-крестьянской Красной армии (ГУПП РККА, 1941–1946).

¹² Дятленко Николай Дмитриевич (1914–1996) – офицер, следователь, военный переводчик.

¹³ Паулюс Фридрих Вильгельм Эрнст (1890–1957) – военачальник, генерал-фельдмаршал (1943), командующий 6-й армией, окруженной и капитулировавшей под Сталинградом.

¹⁴ Воронов Николай Николаевич (1899–1968) – военачальник, Главный маршал артиллерии (1944), Герой Советского Союза (1965).

¹⁵ Рокоссовский Константин Константинович (1896–1968) – советский и польский военачальник, дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). Кавалер Ордена «Победа» (1945) Маршал Советского Союза (1944) и маршал Польши (1949). Командовал Парадом Победы 24 июня 1945 г. на Красной площади в Москве.

¹⁶ Козин Вадим Алексеевич (1903–1994) – советский эстрадный певец (лирический тенор), композитор, поэт.

¹⁷ Вольф Конрад (1925–1982) – немецкий кинорежиссер, президент Академии искусств ГДР (1965–1982). Лауреат Национальной премии ГДР (1959, 1968).

¹⁸ Вольф Фридрих (1888–1953) – немецкий писатель, драматург, общественный и политический деятель.

¹⁹ Шнайдемюль — город в Великопольском воеводстве Польши, центр Пилского повята.

²⁰ Унтер-ден-Линден — один из главных и наиболее известный из бульваров Берлина, получивший свое название благодаря украшающим его липам.

Зинич М. С.

Институт российской истории РАН

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АН СССР
В 1943-1945 ГОДЫ
(ПО ДОКУМЕНТАМ КОЛЛЕКЦИИ НАУЧНОГО
АРХИВА ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН)**

Аннотация: Статья посвящена деятельности Института истории после возвращения из эвакуации в Москву в 1943-1945 гг. Ведущее место занимало научное творчество. Проанализированы основные направления исследований, продиктованных обстоятельствами Второй мировой войны и интересами мировой исторической науки. Стали востребованными славистика, история российской государственности, разоблачение фашистской идеологии. Показано участие специалистов в работе пропагандистского аппарата. Оценен вклад историков в воспитание патриотизма, сохранение памяти о войне, в развитие общественных наук.

Ключевые слова: Институт истории, Великая Отечественная война, научные достижения, пропаганда.

Zinich M. S.

Institute of Russian History of the RAS

**INSTITUTE OF HISTORY
OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES IN 1943-1945
(ACCORDING TO THE DOCUMENTS OF THE COLLECTION
OF THE SCIENTIFIC ARCHIVE INSTITUTE OF RUSSIAN HISTORY RAS)**

Abstract: The article is devoted to the activities of the Institute of History after returning from evacuation to Moscow in 1943-1945. The leading place was occupied by scientific creativity. The main directions of research dictated by the circumstances of the Second World War and the interests of world historical science are analyzed. Slavistics, the history of Russian statehood and the exposure of fascist ideology became popular. The participation of specialists in the work of the propaganda apparatus is shown. The contribution of historians to the education of patriotism, the preservation of memory of the war, and the development of social sciences is evaluated.

Keywords: Institute of History, World War II, scientific achievements, propaganda.

В деятельности Института истории АН СССР военных лет можно проследить два периода: первые два года войны в условиях перестройки и эвакуации в Казань, Ташкент, Алма-Ату основное место занимала военно-патриотическая, агитационно-массовая работа. С середины 1943 г. после реэвакуации в Москву наряду с ней возобновляются и увеличиваются в числе и объеме научные исследования. Ученые печатным и устным словом вносили огромный вклад в укрепление духа советского народа, разоблачение фашистской идеологии, в развитие исторической науки и сохранение памяти о героическом прошлом страны.

Коренное изменение положения на фронтах Великой Отечественной войны и начало освобождения оккупированных территорий, способствовали процессу возвращения предприятий, учреждений и людей на прежнее место. Реэвакуация академических институтов началась в соответствии с постановлением СНК СССР от 13 марта 1943 г. № 269 «О переводе эвакуированных институтов и учреждений Академии наук СССР в Москву».

Директора всех институтов обязывались составить план переезда учреждения с таким расчетом, чтобы научная работа по плану 1943 г. была полностью выполнена в установленный срок. Для расселения в Москве научных сотрудников, жилища которых пострадали от вражеских бомбардировок, предполагалось временное уплотнение работников АН СССР, проживавших в ведомственных домах¹.

Как указывалось в отчете Академии наук за 1943 г., реэвакуация всех ранее находившихся в ее составе учреждений, научных сотрудников и их семей была закончена в четвертом квартале 1943 года. Группа специалистов Института истории, эвакуированная в Ташкент, вернулась в Москву в июне 1943 г. Другая группа — из Алма-Аты — летом 1943 года².

План научно-исследовательской работы Института на 1943 г. составлен из пяти разделов. Первый из них «История СССР», второй раздел «История славянских народов», третий — «Всеобщая история», четвертый — «Новая и новейшая история стран Востока», пятый раздел «Учебники»³.

Крупный блок тем составляли темы, связанные с историей республик СССР. В Ташкенте продолжалась начатая ранее работа по подготовке «Истории народов Узбекистана», в которой приняли участие как московские, так и узбекские обществоведы: С. В. Бахрушин, Ю. В. Готье, М. В. Нечкина, В. И. Пичета, З. Ш. Раджабов и др.

Создание трехтомного труда по истории Туркмении проводилось при участии московских историков Г. А. Новицкого, Б. Б. Кафенгауза, И. М. Разгона. С участием квалифицированных специалистов Института истории АН СССР началась подготовка истории автономных республик (Татарии, Якутии)⁴.

Большое место в научной деятельности Института было отведено истории славянских народов, исследованием которой занимались В.И. Пичета, А. Д. Удальцов, Б. Д. Греков, Н. С. Державин. Совместно с советскими учеными активно исследовали проблемы славянства политэмигранты в Институте: чешский ученый, писатель и общественный деятель З.Р. Неedly, Д.И. Влахов, Д.С. Густинчич, Н.П. Франич (Югославия), Р.К. Караколов (Болгария), Ж.М. Корман (Польша), докторант С.И. Зинич, который в 1936-1940 гг. работал в Институте старшим научным сотрудником, в 1941-1942 гг. — во Всесоюзном радиокомитете⁵. Лейтмотивом их трудов была идея единства славянских народов в борьбе против германской агрессии, общность их исторических судеб.

После длительного перерыва планировались научные исследования по истории Византии (была создана группа с таким названием)⁶.

На заседании Президиума АН СССР 22 июня 1943 г. был заслушан отчет о работе Института истории АН СССР за январь–май 1943 г. (докладчики директор Института академик Б. Д. Греков, его заместитель член-корр. А. М. Панкратова, содокладчик член-корр. И. И. Минц). Было отмечено, что «несмотря на трудные условия работы, вызванные эвакуацией и разделением Института на 4 группы, разбросанные по различным городам, Институт истории сумел развернуть большую работу по вопросам, выдвинутым Великой Отечественной войной»⁷.

В июле 1943 г. директор Б. Д. Греков издал приказ № 54 о возобновлении работы секторов в следующем составе: истории СССР до советского периода (зав. С. В. Бахрушин); истории СССР советского периода (зав. А. М. Панкратова); древнего мира (зав. А. Д. Удальцов); Нового времени (зав. Ф. В. Потемкин); Новейшей истории (зав. Л. И. Зубок); славяноведения (зав. В. И. Пичета); истории Востока Нового времени (зав. Г. Н. Войтинский)⁸.

Структура Института довольно точно отражала основную проблематику исследований и задачи, поставленные перед ним. В 1943 г. была образована группа по истории Москвы. Институт откликнулся на приближавшееся 800-летие Москвы. Проводилась работа по нескольким томам важного коллективного труда «История Москвы».

На заседании Отделения истории и философии АН СССР 1 декабря 1943 г. был заслушан вопрос «О кадрах Института истории Академии наук СССР». А. М. Панкратова доложила, что по ряду разделов своей работы — по сектору древнего мира, по сектору славяноведения и в особенности по сектору истории СССР советского периода Институт не имел достаточного количества квалифицированных специалистов⁹.

Одна из трудностей в научной деятельности ученых была связана с поздней реэвакуацией архивных фондов, библиотек, с отсутствием путеводителей и справочников по архивам СССР и крупнейшим библиотекам¹⁰. Но, несмотря

на неблагоприятные обстоятельства, историки проявляли творческую активность, издавали книги, брошюры, статьи.

В 1943 г. академик Е. В. Тарле закончил исследование «Крымская война» (т. 1-2), удостоенное Сталинской премии, опубликовал брошюры «Нашествие Наполеона на Россию. 1812» (2-е изд.); «Михаил Кутузов» и ряд статей большого патриотического значения. Работа «Михаил Кутузов» была издана в Англии на английском языке. Вышли монография Р. Ю. Виппера «Иван Грозный»; сборник «Партизанская война в освободительных войнах Западной Европы»; книга В. И. Пичеты «Богдан Хмельницкий». Н. П. Грацианский издал пособие для учителей «Борьба славян и народов Прибалтики против немецких агрессоров в средние века» и др.¹¹

При подведении итогов работы Институтов за 1943 г. специальной комиссией Отделения истории и философии АН СССР Институту истории было присвоено первое место¹².

В 1943 г. Институт истории был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Узбекской ССР¹³.

На общем собрании Отделения истории и философии АН СССР в феврале 1944 г. академик — секретарь Отделения В. П. Волгин, положительно оценивая деятельность Института истории в 1943 г., обратил внимание на имеющиеся недостатки: весьма малое участие Ученого совета в руководстве научной деятельностью Института; нечеткая организационная работа по коллективным трудам¹⁴.

Дирекция Института истории считала необходимым в дальнейшем включение в разработку тем, поставленных мировой наукой, налаживание связей с аналогичными учреждениями Европы и Америки путем обмена изданиями, взаимной информацией о научных планах, путем личных контактов ученых. «Интерес за рубежом к истории нашей страны очень велик и растет с каждым днем. К сожалению, этот интерес удовлетворяется до сих пор не советской наукой. О России пишут либо русские эмигранты, либо мало компетентные местные историки...», — отмечал Б. Д. Греков¹⁵. Изучение отечественной истории, российской государственности называлось первейшей необходимостью советских ученых.

Потребность в расширении проблематики исследований в связи с вызовами времени, выдвигала необходимость осмысления происходивших изменений в научной жизни и в мире, совершенствования структуры Института истории АН СССР. С просьбой помочь разобраться в спорных вопросах истории член-корр. АН СССР А. М. Панкратова обращалась в ЦК ВКП(б). Закрытое совещание в ЦК ВКП(б) по вопросам истории, ставшее в годы войны важнейшим событием в развитии общественной мысли, было проведено летом 1944 г. Стенограмма совещания 1-8 июня 1944 г. хранится в фонде ЦК КПСС в Российском государственном архиве социально-политической истории¹⁶.

В завершающий период Великой Отечественной войны, когда выстраивались новые геополитические отношения с союзниками, правящими кругами СССР оказалась востребованной актуализация уроков тысячелетней истории России, проблем русской государственности. На совещании историков летом 1944 г. заведующий отделом Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) М. С. Ковалев призвал историков преодолеть «пренебрежительное отношение к великому прошлому нашей Родины, прекратить речи об отсталости России от стран Запада, отказаться от характеристики деятелей русской культуры как подражателей и учеников западных учителей»¹⁷.

Идеологический диктат власти сказывался на творчестве историков сороковых годов XX в. Партийные органы вторгались в научную деятельность ученых. Примеров из практики Института истории АН СССР достаточно. Приведем один из них.

Фундаментальный труд С. Б. Веселовского «Феодальное землевладение Северо-Восточной Руси» (т. I, ч. 1-2) имел длинную историю прохождения к печати. В 1943-1944 гг. руководитель сектора истории СССР до XIX в. С. В. Бахрушин совместно с секретарем парторганизации сектора П. К. Алефиренко проводили беседы с автором и высказывали свои сомнения по поводу публикации его книги. Они отстаивали линию партии в исторической науке, необходимость изучать гражданскую историю на марксистской основе¹⁸. Книга была издана лишь в 1947 г.

Взросший интерес к военной истории способствовал созданию в Институте истории в марте 1944 г. специального подразделения — сектора военной истории под руководством генерала А. В. Сухомлина. Небольшой коллектив, установив контакты с несколькими организациями Москвы и Московской области (военно-историческим отделом Генерального штаба Красной Армии, военными академиями), а также с Главным архивным управлением НКВД, занялся подготовкой очерков по истории русского военного искусства и истории русского флота¹⁹.

Продолжалась работа по важнейшему направлению исследования — славяноведению. План сектора предусматривал разработку актуальных монографических тем и обсуждение научных докладов. Тематика докладов как в секторе, так и в других аудиториях являлась комплексной, не носила ярко выраженного конъюнктурно — политического характера. Доклады В. И. Пичеты «Русское славяноведение и его задачи», «Польша и Советский Союз», «Европейские державы и Польское восстание 1830 г.», З. Р. Неядлы «Задачи советского славяноведения», Н. П. Франича «Россия и Сербия в Первой мировой войне» привлекали большое внимание специалистов и общественности²⁰.

Сотрудники сектора славяноведения Института В. И. Пичета, Л. В. Разумовская, политэмигранты З. Р. Неядлы, Р. К. Караколов, Д. И. Влахов, Н. П. Франич, С. И. Зинич, Д. С. Густинчич привлекались к работе Славянской комиссии,

образованной при Президиуме АН СССР в декабре 1942 г.²¹ В 1944 г. выбыли на Родину: Д. И. Влахов (в Македонию). Ж. М. Корман (в Польшу), Р. К. Караколов (в Болгарию). В связи с нехваткой научных кадров новое пополнение готовилось через аспирантуру Института²².

По выполнению специального задания Наркомата иностранных дел СССР, включенного в план Института, работал коллектив сектора истории стран Востока Нового времени. Были подготовлены брошюры «Китай» (Г. Н. Войтинский), «Гибралтар и Дарданеллы» (А. Ф. Миллер), «Филиппины, Индонезия, Индокитай» (А. А. Губер), «Египет, Сирия, Ливан» (В. Б. Луцкий). Для выполнения этого задания был привлечен научный сотрудник Института этнографии Н. Шийк, написавший работу по истории Африки²³.

В секторах Института заметно усилилась монографическая разработка научных проблем по истории России, Западной Европы и США. В перечне тем — исследования академиков и членов-корреспондентов труды по истории крестьян (Б. Д. Греков), по истории пролетариата (А. М. Панкратова), вопросам происхождения славян (А. Д. Удальцов), истории Польши (В. И. Пичета), вопросам образования русского национального государства (С. В. Бахрушин), по истории Англии (Е. А. Косминский), вопросам идеологии немецкого империализма (А. Д. Деборин) и т. д.

Были созданы новые научные группы по истории коллективизации, истории эпохи Петра I, истории Англии. Группы вели оживленную творческую деятельность по написанию коллективных работ. Группа по истории коллективизации (это новая тема для Института) привлекала к сотрудничеству ученых Украины и Белоруссии. На заседании группы 2 февраля 1944 г. было заслушано сообщение старшего научного сотрудника П. Н. Шаровой о работе над первым томом труда «История коллективизации» и проведено обсуждение плана этого тома²⁴.

Приказом по Институту истории АН СССР № 252 от 27 октября 1944 г. была образована исследовательская группа по изучению истории социальных и политических идей под руководством академика В. П. Волгина, в декабре — группа по истории Германии, возглавлявшаяся член-корр. С. Д. Сказкиным²⁵.

Как и в предшествующий период войны, Институт истории АН СССР оказывал помощь ученым народов Советского Союза (Казахстана, Узбекистана, Латвии, Татарии, Якутии) в разработке их национальных историй. Сверх плана велась переработка учебников для вузов и средней школы²⁶.

Деятельность ученых-гуманитариев оценивается, прежде всего, по выпуску научной продукции. В военное лихолетье опубликовать труды было непросто. Катастрофически не хватало бумаги, большая часть которой шла на нужды агитпропаганды. Тем не менее в 1944 г. вышли из печати книги Б. Д. Грекова, ранее сданные в издательство, «Культура Киевской Руси», «Киевская Русь» (4-е изд.). Опубликованы другие книги и учебники²⁷.

Ученый совет Института истории стал больше уделять внимания обсуждению научных проблем. Для обмена мнениями приглашались не только сотрудники Института, но и специалисты других учреждений. Вместе с тем Ученый совет Института истории АН СССР — главного учреждения страны в области истории, еще недостаточно возглавлял научную жизнь²⁸.

Сотрудники продолжали работать над повышением квалификации: изучали иностранные языки, защищали диссертации. В 1944 г. на степень доктора исторических наук защитили диссертации: Н. М. Дружинин, М. Н. Вяткин; на степень кандидата исторических наук Л. В. Разумовская, К. Н. Татаринов, Л. С. Цейтлин. Кроме мероприятий по повышению квалификации сотрудников принимались меры по подготовке новых специалистов-историков. В 1944 г. Институт имел 47 аспирантов и 40 докторантов²⁹. Дирекция указывала на сложность структуры Института, по существу представляющего из себя не один, а по крайней мере несколько самостоятельных, со своим планом и направлением работы институтов. Это не только усложняло руководство с организационной стороны, но и создавало большие трудности в выборе и методах направления научной работы³⁰.

С 1944 г. Институт истории, так же как и другие академические и вузовские коллективы, готовился к деятельности в новой обстановке, которая определялась скорым завершением войны и победой в ней. Новые директивы партийного руководства для ориентации советских гуманитариев в послевоенный период содержались в опубликованном в «Историческом журнале» изложении доклада вице-президента АН СССР В. П. Волгина «О перспективном плане в области исторической науки»³¹.

В июне 1944 г. вопрос о плане на ближайшую перспективу обсуждался при директоре Б. Д. Грекове. В постановлении, принятом после обсуждения, было записано, что план на 1944-1948 гг. должен состоять из двух частей. В первой части должны быть отражены перспективы отечественной исторической науки в целом. Во второй части — проблемы, которые будут изучаться непосредственно Институтом истории АН СССР.

В перспективном плане Института, подготовленном осенью 1944 г., отмечались важнейшие факты, влияющие на сложившуюся ситуацию:

- а) колоссальное усиление всемирно-исторической роли СССР — главной и решающей силой в борьбе с фашизмом;
- б) морально-политическое и военное превосходство буржуазно-демократических стран над фашистскими странами;
- в) значение англо-американско-советской дружбы.

Включенные слова о мировой исторической науке произносились с многочисленными оговорками. В качестве первоочередной задачи по-прежнему было названо противодействие буржуазной исторической науке³².

Перспективные планы исследований были разработаны во всех секторах Института истории. Они хранятся в Научном архиве Института российской истории РАН.

В плане коллектива Института истории на 1945 г. значилось 68 позиций (монографии, коллективные труды). Они готовились учеными секторов. В объяснительной записке к плану указывалось, что помимо зафиксированных монографий и коллективных трудов исследовательская деятельность велась через научные группы³³.

1 июля 1945 г. был образован сектор истории СССР XIX-XX вв. до 1917 г. (руководитель Н.М. Дружинин). Основной работой нового сектора была подготовка «Истории Москвы», охватывающей XIX в.³⁴

Создание фундаментальных многотомных трудов по истории СССР и всемирной истории было одним из ведущих направлений деятельности Института. Специалисты работали над «Историей Москвы» (т. I, II, III), «Историей культуры», «Историей коллективизации». В 1945 г. было завершено издание трехтомной «Истории дипломатии». Этот труд, получивший высокую оценку, был удостоен Сталинской премии.

Возобновилась работа по «Всемирной истории». Готовился том, охватывающий период 1918-1923 гг.³⁵

В 1945 г. закончили подготовку монографий: А.Д. Удальцов «Древнейшее население Восточной Европы и проблемы происхождения славян»; Б.Д. Греков «Крестьяне на Руси»; Е.А. Косминский «Исследование по аграрной истории средневековой Англии»; М.М. Смирин «Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война 1524-1525 гг.»; Я.Я. Зутис «Остзейский вопрос»; А.М. Деборин «Идеология германского империализма»; А.П. Кучкин «Казахстан в период индустриализации»; Я.П. Крастынь «1905 год в Латвии»; А.В. Мишулин «Античная Испания до римского завоевания» и др.

Во второй половине 1945 г. специалисты Института истории АН СССР Г.Н. Войтинский и А.Ф. Миллер получили задание подготовить соответственно «Очерки новейшей истории Китая» и «Очерки новейшей истории Турции». В 1945 г. сектор славяноведения сдал в печать «Славянский сборник» (вып. 1). Авторами были В.И. Пичета, Б.Д. Греков, Ю.В. Готье, З.Р. Неядлы, В.Д. Королюк и др.³⁶ Работы, опубликованные в военное время славистами Института, вошли в советскую историографию. Оценивая их вклад в развитие важной отрасли исторической науки, современные исследователи отмечают: «хотя их работы, зачастую изложенные в устой форме были не свободны от идеологического социального заказа своего времени, им удалось заложить прочный фундамент разработки большинства проблем исторического славяноведения, интенсивно исследуемых в последующие годы»³⁷.

В 1945 г. не выполнил план сектор военной истории ввиду его малочисленности. Тем не менее существование этого научного подразделения было необходимо, поскольку интерес к военной тематике был велик и заседания всегда привлекали большое количество людей. При участии специалистов сектора совместно с Главным архивным управлением НКВД был издан сборник документов «Адмирал Н. С. Нахимов» и готовились сборники, посвященные адмиралам В. А. Корнилову и Ф. Ф. Ушакову³⁸.

Продолжали свою научно-исследовательскую деятельность группы по истории Византии, истории эпохи Петра I, истории Англии, истории Германии, по изучению социальных и политических идей. Созданная в конце 1944 г. Археографическая комиссия должна была ликвидировать резкое отставание работы в области вспомогательных исторических дисциплин, что затрудняло выполнение перспективного и годового планов³⁹.

В 1945 г. Институт истории АН СССР оказывал большую помощь научно-исследовательским учреждениям страны. Специалисты выезжали для консультации в освобожденные от фашистской оккупации Латвию, Молдавию, Крым. Ученые Института принимали участие в написании национальных историй Татарии, Башкирии, Коми⁴⁰.

Много усилий потребовала срочная переработка «Истории Казахской ССР» в связи с подготовкой второго издания книги после рецензии, опубликованной в журнале «Большевик» (1945. № 6). Том был утвержден Ученым советом и в начале ноября 1945 г. был отправлен в Алма-Ату для обсуждения⁴¹.

Готовились вузовские учебники по новой истории (т. 1), по истории СССР (ч. 1).

Научные исследования ведущих специалистов Института были опубликованы в СССР и за рубежом. В 1945 г. вышли из печати книги: Б. Д. Грекова «Борьба Руси за образование своего государства» (переиздание); М. В. Нечкинаой «Следственное дело о Грибоедове»; Б. Б. Кафенгауза «Северная война и Ништадский мир»; Ф. А. Ротштейна «Две Прусские войны»; Л. С. Цейтлина «Тимирязев»; «Адмирал Н. С. Нахимов. Сборник документов»; «Византийский сборник».

Опубликованы научно-популярные брошюры: А. Д. Удальцова, С. Д. Сказкина «Курс лекций по истории средних веков» для Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б); С. Д. Сказкина, А. В. Ефимова «Лекции по Новой истории» и «Лекции по истории дипломатии» для Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б)⁴².

На 1 января 1945 г. в Институте истории работало 113 человек, в том числе 5 академиков, 10 член-корреспондентов, 21 доктор наук, 41 кандидат наук. В составе коллектива было 70 мужчин и 43 женщины. По-прежнему была сложной структура Института. Она даже усложнилась с включением в его структуру в ноябре 1945 г. большого коллектива — ликвидированной Комиссии по истории Великой

Отечественной войны АН СССР. И был образован специальный сектор по изучению истории Великой Отечественной войны под руководством И.И. Минца.

Вместе с тем, несмотря на трудности и недостатки в деятельности Института, нехватку кадров по ряду специальностей, ученые работали более продуктивно, чем в 1944 г. В течение года они выполнили 41 научное исследование, не считая переходящих тем⁴³.

Особая страница в деятельности Института истории АН СССР военного времени — пропагандистская работа, прежде всего в первый период Великой Отечественной войны. В 1943-1945 гг. лекции читались на фронте и в тылу, на освобожденной от фашистской оккупации территории. Выступления на радио велись на нескольких языках. Пропаганда оказывалась действенной для поднятия боевого духа солдат, патриотизма, мобилизации духовных сил народа для борьбы с гитлеровским блоком.

Крупные специалисты Института истории читали публичные лекции по заданию правительственных и партийных органов, в т. ч. Е. В. Тарле, Б. Д. Греков, А. М. Панкратова. В Доме Союзов выступали с лекциями М. В. Нечкина, В. И. Пичета, З. Р. Неядлы, А. Ф. Миллер и др.⁴⁴

Большую работу развернул Совет по научно-технической пропаганде, созданный на основании постановления Президиума АН СССР от 25 августа 1942 г. В его деятельности принимал активное участие Институт истории АН СССР. В 1943 г. в освобожденные города Смоленск, Курск, Харьков выезжала лекторская группа в составе А. М. Панкратовой, А. В. Ефимова, Н. М. Дружинина, В. В. Данилевского, В. Н. Дурденевского и С. М. Ямпольского. В лекциях рассказывалось о великом прошлом нашей страны, захватнической политике Третьего рейха, его борьбе с народами Европы, особенно со славянами, участии союзников в войне и т. д.

Для зарубежных изданий, по неполным данным, за 1943 г. передано 180 статей и сообщений, написанных академическими сотрудниками. Публиковались в США, Англии, Франции, славянских странах, в Иране статьи Е. В. Тарле, М. В. Нечкиной, Б. Д. Грекова, А. В. Ефимова, В. И. Пичеты, С. И. Зинича и др.⁴⁵

В 1944 г. по линии Совета научно-технической пропаганды учеными Академии наук прочитано свыше 9 тыс. лекций и докладов. «Особенно активно проявили себя сотрудники Института истории, которые за год прочитали 1100 лекций», — отмечалось в отчете Академии наук СССР за 1944 год⁴⁶.

По неполным данным, в 1945 г. институтами Академии наук было прочитано 5050 лекций и докладов, в том числе по историческим и философским темам 1200⁴⁷.

Для пропаганды систематически использовалось радио. Наиболее активно участвовали в радиопропаганде специалисты Института истории АН СССР

Б.Д. Греков, Е.В. Тарле, А.М. Панкратова, В.И. Пичета, И.И. Минц, З.Р. Неядлы, С.И. Зинич, А.В. Ефимов. Неоднократно выступления были на английском и французском языках для Англии, США и Франции, например, в связи с победой под Сталинградом и конференцией трех великих держав (СССР, США, Великобритания) в Тегеране⁴⁸.

В 1944 г. для Всесоюзного радиокомитета для передачи на Балканские страны было подготовлено выступление кандидатом исторических наук П.Н. Шаровой на тему «Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны»⁴⁹.

Ученые совмещали работу в Институте истории с деятельностью в созданных в СССР общественных объединениях, в том числе в Антифашистских комитетах. Они разоблачали идеологию и политику фашизма, пропагандировали освободительный характер Великой Отечественной войны. Война против нацизма велась на идеологическом фронте. На идеологическое вооружение органов пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) была взята идея славянского единства. И Всеславянский комитет, образованный в октябре 1941 г., имел особое значение среди Антифашистских комитетов.

К концу 1945 г. он установил контакты с 130 зарубежными организациями, вел передачи на 8 языках. Антифашистский комитет советских ученых, созданный в апреле 1942 г., своей основной задачей ставил сплочение ученых для совместной борьбы против фашизма⁵⁰.

Академик Е.В. Тарле был включен в состав Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК), созданной 2 ноября 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР⁵¹.

Член-корреспондент И.И. Минц возглавлял Комиссию Академии наук, организованную для составления плана быстреего восстановления музея-усадьбы Л.Н. Толстого в Ясной Поляне, разрушенной агрессором. Членом этой комиссии был Е.Н. Городецкий⁵².

Ученые Института истории работали в Международной организации помощи борцам революции (МОПР)⁵³. Здесь названы не все организации, в деятельности которых принимали участие профессионалы-историки с учетом военного фактора.

Высокая оценка деятельности Академии наук СССР и ее учреждений, в том числе Института истории, была дана на Юбилейной сессии АН СССР, посвященной ее 220-летию в июне 1945 г. В речи Президента АН СССР академика В.Л. Комарова был дан яркий анализ исторического пути отечественной Академии. На торжественном заседании в Большом театре были заслушаны доклады, посвященные выдающимся успехам русской науки в отдельных областях знания⁵⁴.

В Институте истории АН СССР был организован ряд встреч с иностранными учеными. Сектор славяноведения организовал заседание, на котором присутствовали: почетный профессор Сорбонны д-р К. Блох, профессор Парижского университета д-р А. Мазон, профессор Пражского университета З. Неедлы, ректор Братиславского университета профессор Д. Рапант, президент Сербской Академии наук А. И. Белич, президент Болгарской Академии наук и искусств Д. Г. Михалчев, президент Польской Академии наук С. Кутшеба и др.

В приветственном слове Б. Д. Греков выразил свое удовлетворение возможностью дружеского общения с коллегами, профессионального обмена мнениями и сообщил о предполагаемом открытии специального института славяноведения. (Это произошло в 1947 г.). Заведующий сектором славяноведения В. И. Пичета подробно охарактеризовал достижения советских исследователей — славистов.

Группа по истории Англии, возглавлявшаяся Е. А. Косминским, провела заседание при участии английского историка д-ра Р. Тоуней, д-ра Инниса (Канада) и др. В Институте истории АН СССР состоялась также встреча с известным китайским историком Го-Мо-Жо. Специалисты по истории Франции встретились с французскими коллегами во Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей. Профессиональное сообщество историков было единодушно во мнении о необходимости международного сотрудничества⁵⁵.

Подводя итоги деятельности Института истории АН СССР после возвращения из эвакуации в Москву в 1943-1945 гг., отметим, что она была многопланова. Это изучение и общих проблем истории Отечества, внутренней и внешней политики страны, проблем всемирной истории, славяноведения, участие ученых в работе пропагандистского аппарата, государственных органов и общественных объединений.

Перспективный план Института, принятый в 1944 г., нацеливал специалистов в условиях скорого завершения войны на активизацию научных исследований, разработку новых тем, продиктованных обстоятельствами Второй мировой войны и интересами мировой исторической науки. Несмотря на трудности в работе, после пересмотра планов, выбора проблематики дирекция и сотрудники сумели правильно наметить основные направления исследований и найти верные пути их решения в будущем.

Были опубликованы крупные монографические работы по истории российской государственности, истории крестьянства, русской культуры, международным отношением, авторами которых стали Б. Д. Греков, Е. В. Тарле, С. В. Бахрушин, Н. М. Дружинин. Исследование Е. В. Тарле «Крымская война» (т. I, II) было удостоено Сталинской премии в 1943 г.

В военное время, как никогда ранее, стала востребованной государственной идеологией славистика. Ведущую роль в создании советской научной школы

в области славяноведения сыграли видные историки В.И. Пичета, А.Д. Удальцов, Б.Д. Греков, А.С. Державин.

Работы вышеуказанных авторов, а также А.М. Панкратовой, М.В. Нечкиной, А.В. Ефимова печатались за рубежом.

Велась работа над обобщающими коллективными трудами «История Москвы», «История культуры». Трехтомная «История дипломатии», завершенная в 1945 г., была удостоена Сталинской премии.

Книги, брошюры, статьи, доклады и лекции специалистов Института имели большое научное и политическое значение. Они сыграли важную роль в духовной мобилизации советского народа и воспитании патриотизма. Следует подчеркнуть, что в рассматриваемый период ведущее место в деятельности Института истории АН СССР занимало научное творчество. Ученые внесли вклад в сохранение памяти о Великой Отечественной войне.

Важными направлениями в их деятельности были разработка национальных историй Казахстана, Узбекистана, Татарии, Якутии, издание учебников для высшей и средней школы.

В рамках науки того периода подход и решение всех поставленных задач основывались на марксистско-ленинской идеологии, принципах партийности в науке.

¹ Научный архив Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН). Ф. 1. Разд. «Ю». Оп. 103. Д. 2. Л. 34–36.

² Отчет о работе Академии наук СССР за 1943 год. М.; Л., 1944. С. 11; *Дружинин Н.М.* Труд и быт эвакуированных историков в 1941–1943 гг. // В годы войны. Статьи и очерки. М.: Наука, 1985. С. 30.

³ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 1–23.

⁴ *Гракина Э.И.* Ученые – фронту 1941–1945. М.: Наука, 1989. С. 193–194.

⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 218. Л. 1; Отчет о работе Академии наук СССР за 1943 год. С. 366.

⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 96 (134). Л. 4. Д. 218. Л. 2–3.

⁷ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Разд. «Ю». Оп. 103. Д. 2. Л. 43.

⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 198. Л. 10.

⁹ Там же. Ф. 1. Разд. «Ю». Оп. 103. Д. 2. Л. 79.

¹⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 226. Л. 3, 20.

¹¹ Там же. Д. 96 (134). Л. 3; Вестник Академии наук СССР. 1944. № 5–6. С. 93.

¹² Отчет о работе Академии наук СССР за 1943 год. С. 346.

¹³ НА ИРИ РАН. Ф. 1, Оп. 1. Л. 2.

¹⁴ Вестник Академии наук СССР. 1944. № 4–5. С. 78, 92–93.

¹⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 223. Л. 1, 1 об.

¹⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 121. Д. 290. Л. 1–440; Д. 291. Л. 1–289.

¹⁷ Цит. по: *Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. М.: Институт российской истории. 2008. С. 14.

¹⁸ Там же. С. 36–37.

¹⁹ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 251. Л. 1–2.

²⁰ Там же. Д. 253. Л. 1, 1 об., 3.

²¹ Славяне. 1943. № 4. С. 36.

²² НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 226. Л. 15–16.

²³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 249. Л. 1.

²⁴ Там же. Д. 255. Л. 3, 4.

²⁵ Там же. Д. 224. Л. 54; Д. 226. Л. 3.

²⁶ Там же. Д. 226. Л. 19; Вестник Академии наук СССР. 1944. № 11–12. С. 135–136.

²⁷ НА ИРИ РАН. Ф. 1, Оп. 1, д. 226. Л. 21.

²⁸ Вестник Академии наук СССР. 1944. № 11–12. С. 135; НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 226. Л. 13–14.

²⁹ Там же. Д. 226. Л. 14–16.

³⁰ Там же. Л. 1, 1 об., 17. Д. 236. Л. 1–5.

³¹ Исторический журнал. 1945. № 3. С. 60–75.

³² НА ИРИ РАН. Ф. 1. Д. 107. Л. 1–1 об.; Сидорова Л.А. Указ. Соч. С. 14–15.

³³ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 214. Л. 1–20.

³⁴ Там же. Д. 268. Л. 6; Д. 275. Л. 1.

³⁵ Там же. Д. 265. Л. 1–4, 9; Институт российской истории РАН сегодня. М.: Институт российской истории, 2011. С. 6.

³⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 265. Л. 1–10; Д. 283. Л. 1–3.

³⁷ Цит. по: *Досталь М.Ю.* Как Феникс из пепла... Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М., 2009. С. 185.

³⁸ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 265. Л. 4–5.

³⁹ Там же. Д. 214. Л. 1–2; Д. 226. Л. 2.

⁴⁰ Там же. Д. 265. Л. 13.

⁴¹ Там же. Л. 13–14; Д. 279. Л. 1, 4.

⁴² Там же. Д. 265. Л. 14; Д. 283. Л. 4, 4 об.

⁴³ Там же. Д. 229. Л. 11–12; Д. 265. Л. 14–16.

⁴⁴ Отчет о работе Академии наук СССР за 1943 год. С. 354, 357.

⁴⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 266. Л. 11–12, 17.

⁴⁶ Отчет о работе Академии наук СССР за 1944 год. М.; Л., 1945. С. 401.

⁴⁷ Отчет о работе Академии наук СССР за 1945 год. Проект. М.; Л., 1946. С. 466–468; НА ИРИ РАН, Ф. 1. Оп. 1. Д. 266. Л. 12.

⁴⁸ Отчет о работе Академии наук СССР за 1943 год. С. 15, 357, 477; Отчет о работе Академии наук СССР за 1944 год. С. 401–402.

⁴⁹ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 236. Л. 2.

⁵⁰ *Зинич М.С.* Судьба политэмигранта в Советском Союзе // История и историки: Историографических вестник, 2011–2012. М.: Институт российской истории, 2013. С. 232–233, 237; *Петрова Н.К.* Антифашистские комитеты СССР: 1941–1945 гг. М.: Институт российской истории РАН, 1999. С.144–146, 242.

⁵¹ Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С.787.

⁵² Вестник Академии наук СССР. 1942. № 1. С. 28–31; Отчет о работе академиков и членов корреспондентов Академии наук СССР за 1944 год. М.; Л., 1945. С. 220.

⁵³ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 253. Л. 5 об.

⁵⁴ Вестник Академии наук СССР. 1945. № 7–8. С. 35–43.

⁵⁵ Там же. С. 124–125.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великая Отечественная война 1941-1945. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 787-788.

2. *Гракина Э.И.* Ученые — фронту 1941-1945. М.: Наука, 1989. С. 256.

3. *Досталь М.Ю.* Как Феникс из пепла... Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М., 2009. С. 463.

4. *Дружинин Н.М.* Труд и быт эвакуированных историков в 1941-1943 гг. // В годы войны. Статьи и очерки. М.: Наука, 1985. С. 25-30.

5. *Зинич М.С.* Судьба политэмигранта в Советском Союзе // История и историки: Историографических вестник, 2011-2012. М.: Институт российской истории, 2013. С. 225-241.

6. Институт российской истории РАН сегодня. М.: Институт российской истории, 2011. С. 175.

7. *Петрова Н.К.* Антифашистские комитеты СССР: 1941-1945 гг. М.: Институт российской истории РАН, 1999. С. 339.

8. *Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. М.: Институт российской истории. 2008. С. 294.

*Суровцева Н. Г.
РГГУ*

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ КОМИССИИ ПО ДОКУМЕНТАЛИСТИКЕ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ

Аннотация: В статье впервые рассматриваются история и основные направления деятельности Комиссии по документалистике, функционировавшей в 1960-80-е гг. в рамках Научного совета по комплексной проблеме «Кибернетика». Источниковой базой исследования послужили документы фонда 1807 Архива Российской Академии Наук. Автор рассматривает вопросы создания комиссии, состав организаций, которые принимали участие в ее деятельности. Особенное внимание обращается на участие ученых МГИАИ и ВНИИДАД. Анализируя содержание деятельности Комиссии по документалистике, автор оценивает ее вклад в разработку информационного подхода в теории документа, влияние на современные теоретические основы документоведения как научной дисциплины.

Ключевые слова: архив РАН, документ, информационный подход к документу, документоведение, документалистика, Комиссия по документалистике, Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика»

*Surovtseva N. G.
RSUH*

ARCHIVAL DOCUMENTS OF THE DOCUMENTALISTICS COMMISSION AS A SOURCE FOR THE HISTORY OF DOCUMENT SCIENCE

Abstract: In the article the history and the main areas of activity of the Documentalistics Commission functioning in 1960-1980s as part of the Scientific Council on the Complex Problem of Cybernetics are discussed. The source base for the article is presented by the materials of the fund 1807 of the Archive of the Russian Academy of Sciences. The issues concerning the creation of the Commission and organisations engaged in its activities are considered. Particular attention is drawn to the participation of scientists from the Moscow State Institute

for History and Archives and the All Russian Scientific and Research Institute for Archives and Records Management (VNIIDAD). Analysing the activity of the Documentalistics Commission, the author estimates its contribution to the development of an information approach in document theory and the impact on modern theoretical foundations of document science as a scientific discipline.

Keywords: archive of the Russian Academy of Sciences, document, information approach to the document, document science, documentalistics, Documentalistics Commission, Scientific Council on the Complex Problem of Cybernetics

История документоведения является одним из наиболее интересных и малоизученных вопросов этой научной дисциплины. Нас она интересует в науковедческом аспекте, а если говорить конкретнее — с точки зрения методологии науки, связанной с формированием фундаментальных для документоведения понятий, структуры научной дисциплины, ее места в системе наук, междисциплинарных связей и научной парадигмы ее исторического развития.

Документоведение как научная дисциплина со своим объектом и предметом активно формировалась в 1960-70-е гг. Нам представляется, что значительное влияние на ее формирование оказала документалистика, которая чуть раньше начала свой путь в системе научного знания. Именно в рамках Комиссии по документалистике переплелись знания, опыт, практические разработки специалистов в области научно-технической информации, средств оргтехники, архивистов, документоведов, разработчиков информационных систем, о чем свидетельствуют сохранившиеся архивные документы Комиссии, деятельность которой до настоящего времени не была предметом отдельного изучения.

Комиссия функционировала в рамках Научного Совета по комплексной проблеме «Кибернетика» при Президиуме Академии наук СССР. Именно в архивном фонде этого совета «Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика». 1959-2004», который сейчас находится на хранении в Архиве РАН¹, нами и были обнаружены документы о деятельности Комиссии по документалистике. Состав документов фонда достаточно точно представлен в Путеводителе Архива РАН. Документы, касающиеся содержания основной деятельности Научного совета включены в опись 1 «Управленческая документация Научного совета по комплексной проблеме «Кибернетика»», в которую включено 588 единиц хранения. Они охватывают весь хронологический период деятельности совета. Прежде чем перейти к их исследованию, необходимо несколько слов сказать о самом Научном совете.

Совет был создан в 1959 г. на общественных началах при Отделении физико-математических наук АН СССР, а с 1962 г. начал работать на правах НИИ при Президиуме Академии наук. Деятельность Научного совета объединяла

исследователей в области естественных и общественных наук и была направлена на координирование научно-исследовательских работ, ведущихся в стране по различным аспектам функционирования сложных систем с использованием математических методов. Поэтому в сфере интересов Научного совета была работа и математиков, и философов, и биологов, и лингвистов и представителей еще целого ряда отраслей знаний. В 1966 г. в штате Научного Совета, как следует из доклада его Председателя академика А.И. Берга, работало 911 человек, из них 13 академиков, 30 членов-корреспондентов, 222 доктора наук и 376 кандидата наук². Работа этих специалистов велась в рамках научных секций, состав и содержание деятельности которых находились в постоянном развитии. Поэтому Научный совет неоднократно претерпел структурные реорганизации. В секциях, соответствующих укрупненному направлению исследований, работали отдельные комиссии. Комиссия по документалистике была создана в 1964 г. в составе секции «Теоретические вопросы организации». Первым председателем Комиссии был доктор технических наук В.В. Налимов, а его заместителем — канд. г.-м. наук Геннадий Григорьевич Воробьев³.

Структура Научного совета, обусловленная его координирующей ролью в научно-исследовательской работе, не предполагала формирование большого административного аппарата управления, поэтому основными документами в его работе были документы по планированию работы секций, представляющие собой сводные планы отдельных организаций по тем или иным направлениям деятельности, и их отчеты за год, а также сводные координационные планы НИР по проблеме «Кибернетика». Именно они в основном и сохранились в составе архивного фонда и позволили в хронологическом порядке сформировать достаточно полное представление не только о деятельности Комиссии по документалистике, но и о методологическом влиянии, которое она оказала на все сферы практической деятельности, представители которых работали в ее составе.

Помимо планов и отчетов фонд содержит значительное количество материалов о конференциях, симпозиумах, научных семинарах, которые проводились по самым разным вопросам, в том числе и Комиссией по документалистике. Следует отметить, что деятельность Научного совета за весь период своего существования с 1959 по 2004 гг. представлена архивными документами за разные хронологические промежутки времени очень неоднородно. Это связано, очевидно, с изменением значимости этой научной организации в координировании и развитии работ по отдельным направлениям деятельности, которые со временем вылились в самостоятельные отрасли научного знания.

Фонд содержит несколько дел, связанных непосредственно с деятельностью Комиссии по документалистике. Их немного, поэтому нам не составит труда их перечислить:

Д. 83. Комиссия по документалистике, 22 л.;

Д. 195. Информационные письма № 1-17 Комиссии по документалистике 1970 г., 74 л.;

Д. 208. Отчет о проведении Всесоюзной школы-семинара по документалистике 1970-71 гг., 37 л.;

Д. 240. Комиссия по документалистике, 1972 г. 13 л.;

Д. 288. Всесоюзная конференция по унификации и стандартизации документов в АСУ, 1974 г., 330 л.

Документы, входящие в состав этих дел, вводятся нами в научный оборот впервые.

Последний документ, связанный с деятельностью Комиссии, который был нами обнаружен, это отчет Г.Г. Воробьева за 1989-94 гг., который носил исключительно персональный характер⁴.

Однако нас в значительно большей степени интересует именно начальный этап работы этой Комиссии. В 1966 г. в «Проблемной записке» о состоянии комплексной проблемы «Кибернетика» руководитель Научного совета академик А.И. Берг прямо указывал, что научная проблематика философских вопросов теории информации связана с осмыслением информационного подхода к процессам познания вообще⁵. Методология кибернетики обусловила возникновение информационного подхода к изучению документа. Поскольку кибернетика изучала вопросы создания, переработки, хранения, использования информации в различных системах с применением математических методов, появление в поле исследований документальных (или документных) систем было логичным результатом формирования предмета документалистики как отрасли кибернетики.

Члены Комиссии по документалистике (Г.Г. Воробьев, М.Г. Гаазе-Раппопорт, Б.В. Якушин и др.), работавшие до момента создания Комиссии в секции философских вопросов кибернетики⁶, как раз принимали самое активное участие в разработке гносеологических проблем теории информации и обратили внимание на связь информации и документа, который они рассматривали как носитель информации.

С первых лет существования Комиссии по документалистике в ее работе принимали самое активное участие ученые МГИАИ. В 1966 г. в состав Комиссии входили известные ученые — архивисты: К.Г. Митяев, К.И. Рудельсон, К.Б. Гельман-Виноградов⁷. На базе кафедры теории и практики архивного дела института была создана секция документалистики и организации труда, в рамках которой выделялись два направления исследований: организация системы комплектования, хранения и использования документной информации и организация труда в архивных учреждениях⁸. В самом конце 1960-х гг. к работе в Комиссии подключились и специалисты только что созданного Всесоюзного

НИИ документоведения и архивного дела. Активную роль в работе Комиссии с первых дней играли также и специалисты в области научно-технической информации Всесоюзного института научной и технической информации (ВИНИТИ): к. т. н. Э.С. Бернштейн наряду с Г.Г. Воробьевым был заместителем председателя Комиссии⁹.

Такое сотрудничество дало положительные результаты для теории и практики архивного дела. К примеру, одной из наиболее значимых задач было классифицирование документов для более эффективного проведения экспертизы ценности документов и отбора их на архивное хранение. Вспомним, что К.Г. Митяев одной из задач новой дисциплины «Документоведение» считал именно решение данной проблемы. В то же время вопросы классифицирования решались и в сфере библиотечного дела и работы с научно-технической информацией. Отечественное библиотековедение и архивоведение не были пионерами в решении этой задачи. В значительной степени они заимствовали зарубежный опыт в поиске подходов к классифицированию документной информации.

В середине прошлого века наша страна принимала активное участие в работе Международной Федерации по документации (МФД) (*Federation Internationale de Documentation (FID)*)¹⁰. Под таким названием она известна с 1937 г., а до этого времени неоднократно переименовывалась, обращаясь своими истоками к известному Международному институту библиографии, созданному в 1895 г. в Брюсселе П. Отле и Г. Лафонтеном¹¹. Одной из приоритетных тем МФД в исследуемый период была тема классифицирования документной информации.

В работе МФД активное участие принимали советские специалисты по научно-технической информации ВИНИТИ. В 1960-е гг. МФД реализовывала активную публикационную программу по различным аспектам информации и документации. Были опубликованы и широко представлены не только работы американских и европейских авторов, но и советских исследователей в сфере научно-технической информации¹², а работа А.И. Михайлова, А.И. Черного и Р.С. Гиляревского «Основы информатики»¹³ была одной из первых, к которой обращались отечественные специалисты в исследовании понятия «документ»¹⁴. Информационный подход к документу позволил предпринять попытку использовать результаты работ в области классифицирования научно-технической информации к классифицированию архивных документов в рамках работы Комиссии по документалистике. Именно учеными МГИАИ в 1966 г. была проведена сравнительная оценка существующих систем классификаций НТИ с целью их внедрения в архивную практику¹⁵.

Архивные документы свидетельствуют об интересном факте, связанном с попыткой разработки в нашей стране Единой системы классификации произведений печати и документальных материалов. По сути речь шла о создании

универсальной классификации для библиотечного, издательского и архивного дела. Эта разработка была предусмотрена планом Государственного Комитета по науке и технике (ГКНТ). В октябре 1966 г. представитель Комитета Н.В. Туртанов провел развернутое совещание по данной проблеме в Научном совете по комплексной проблеме «Кибернетика». Протокол этого совещания хранится в фонде Научного совета Архива РАН¹⁶. Классифицирование рассматривалось как основной метод упорядочения информации, организации потока документации и усовершенствования ее поиска. Участники совещания, в число которых входили представители МГИАИ, ВНИИДАД, МГИКа, считали принципиально возможным и целесообразным ввести Единую Государственную систему классификации (ЕГСК) произведений печати и документальных материалов, к которым отнесли патенты, стандарты, кинофотофонодокументы, микрофиши, графические и технические документы, делопроизводственные, архивные, картографические и др. документы¹⁷. Отдельное внимание обращалось на возможность применения такой классификации для опубликованных и неопубликованных документов. При этом сразу подчеркивалась, что такая классификация для архивной сферы будет носить статус относительно универсальной, поскольку единая система послужит основой для разработки специальных вариантов классификационных схем¹⁸. Идея создания ЕГСК основывалась на возможности изучения всех созданных в мировой практике систем классификации информации и выбора одной из них в качестве основы для ЕГСК. Возглавить работу по созданию ЕГСК было поручено ВНИИКИ Госстандарта.

Данный пример наглядно демонстрирует, что Комиссия по документалистике была той площадкой, на которой обсуждались наиболее актуальные вопросы в области работы с документами, в рамках которой формировалась актуальная научная парадигма изучения документа и которая объединяла представителей разных сфер профессиональной деятельности, в той или иной мере связанных с работой с документами и информацией. В этих условиях информационный подход не мог не оказать влияние на развитие отечественного архивоведения и документоведения.

1970-е гг являются наиболее продуктивными для деятельности Комиссии по документалистике. В немалой степени этому способствовало расширение сотрудничества с ВНИИДАД и обсуждение в Комиссии таких общегосударственных проектов, как разработка ЕГСД и создание унифицированных систем документации. В это время Комиссия преобразуется в самостоятельную секцию под председательством Г.Г. Воробьева, в рамках которой действуют уже свои отдельные комиссии: банки данных, эффективность документальных систем, унификация и стандартизация документов и документационное обеспечение АСУ. Последняя комиссия под председательством В.Н. Автократова

и с участием А. Н. Соковой работала на базе ВНИИДАД. О масштабе деятельности секции свидетельствует ее отчет за период с 1975 по 1979 гг. Следует отметить, что структура отчетов, единая для всех секций Научного совета, включала несколько разделов: основные направления деятельности, структуру секции, координационную деятельность, включая основные мероприятия, публикации и разработку учебных программ¹⁹. За отчетный период секцией по документалистике было проведено несколько научных мероприятий общесоюзного уровня, издано 12 монографий, 10 сборников научных трудов и материалов совещаний, конференций, симпозиумов и научных семинаров²⁰.

Вместе с тем этот отчет свидетельствует о том, что деятельность секции документалистики носила ярко выраженный межотраслевой характер. В отчет входят главным образом плановые результаты работы тех научных организаций, представители которых входили в состав Комиссии, а затем и секции по документалистике. Это наглядно проявилось на объединенном совещании секций, посвященном проблемам, связанным с общественными науками, которое состоялось в мае 1980 г. На нем Г. Г. Воробьев выступил с докладом «Документалистика как направление кибернетики». Значение документалистики как научного направления деятельности он связывал с развитием автоматизированных систем управления, в которых различные документы играют роль «коммуникационного посредника». При этом существующие дисциплины имеют дело только с одним видом документации и не в состоянии рассматривать проблемы, связанные с документами на межотраслевом уровне. Решить эту задачу призвана документалистика на основе больших документальных систем. Г. Г. Воробьев позиционирует документалистику как дисциплину, занимающую промежуточное положение между технической и гуманитарной областью знаний, которая создала свою информационную теорию документа²¹.

В ходе обсуждения этого доклада академиком Б. Н. Петровым, одним из ведущих специалистов в области автоматического управления, был обозначен вопрос, который очень точно определил проблему документалистики как научной дисциплины, определившую в итоге и перспективы ее развития. Он предположил, что документалистика отстает от того уровня, который достигнут в области применения вычислительных машин по работе с информацией. По этой причине совершенствование сферы работы с документами осуществляется очень традиционно без качественного скачка²².

Развитие документалистики в последующий период и содержание ее деятельности свидетельствуют в целом об упадке этого научного направления. С 1982 г., после реорганизации Научного совета по комплексной проблеме «Кибернетика», гуманитарное направление исследований в нем оказывается полностью свернутым, секция по документалистике вновь приобретает статус комиссии

в рамках новой секции «Информационные проблемы научно-технического прогресса» и сосредотачивается на вопросах разработки клиринговых систем для профориентационных работ²³.

Несмотря на это следует отметить огромную роль документалистики в разработке информационной теории документа, изучении документа в рамках информационного процесса, связанного с созданием, получением, сохранением и использованием информации. Разработка этого научного подхода оказала большое влияние на все дисциплины, объектом которых является документ, но особенно большое влияние информационный подход оказал на документоведение — научную дисциплину, которая в период расцвета документалистики находилась на этапе своего становления. Комиссия по документалистике, действовавшая в тот период в рамках Научного совета по комплексной проблеме «Кибернетика», стала той научно-организационной формой, которая обеспечила развитие и внедрение информационного подхода к документу, сохраняющего свое лидирующее значение в изучении документа до сих пор.

¹ Архив РАН. Ф. 1807. Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика». 1959–2004.

² Архив РАН. Ф. 1807. Оп.1. Д. 111. Л. 5.

³ Там же. Д. 50. Л. 28-32.

⁴ Там же. Д.519. Л.19-20.

⁵ Там же. Д.111. Л. 206.

⁶ Там же. Д. 23. л.11, 27. Д. 94. Л. 20.

⁷ Там же. Д. 108. Л. 42.

⁸ Там же. Д. 195. Л. 21.

⁹ Там же. Д. 108. Л. 42.

¹⁰ МФД прекратила свое существование в 2002 г.

¹¹ См. об этом *Бэкланд М.*. 1895-2002. МФД. Достижения. (FID. Achievements) [Электронный ресурс] // URL: <http://people.ischool.berkeley.edu/~buckland/fidhist.html> (дата обращения 24.04.2020).

¹² Теоретические проблемы информатики: Сборник статей. М., 1969.

¹³ *Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С.* Основы информатики. М., 1968. 756 с.

¹⁴ *Рудельсон К.И.* Современные документные классификации. М., 1973. С. 16–20; *Ларин М.В.* Управление документами в организации. М., 2002. С. 37–39.

¹⁵ Архив РАН. Ф. 1807. Оп.1. Д. 94. Л. 26-26.

¹⁶ Там же. Д. 108. Л. 8-14.

¹⁷ Там же. Д. 108. Л. 10.

¹⁸ Там же. Л. 13.

¹⁹ Там же. Д. 404. Л. 84-89.

²⁰ Там же. Л. 178, 207-208.

²¹ Там же. Д. 424. Л.99-102.

²² Там же. Л. 108.

²³ Там же. Д. 439. Л.4., Д. 519. Л. 19-20.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ларин М.В.* Управление документами в организации. М.: Научная книга, 2002. 288 с.
2. *Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С.* Основы информатики. М.: Наука, 1968. 756 с.
3. *Рудельсон К.И.* Современные документные классификации. М.: Наука, 1973. 267 с.
4. Теоретические проблемы информатики: Сборник статей / Ред. коллегия: проф. А.И. Михайлова [и др.] М.: ВИНТИ, 1969. 243 с.

Шевельков А. И.
Независимый исследователь

РОЛЬ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ВОССТАНОВЛЕНИИ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТОРИИ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В НЕЧЕРНОЗЕМНОЙ ЗОНЕ РСФСР В 1960-1970-е гг.

Аннотация: В статье анализируются документы из фондов федеральных архивов, позволяющие восстанавливать объективную историю формирования и реализации отдельных направлений аграрной политики государства в Нечерноземной зоне РСФСР в 1960-1970-е гг.

Ключевые слова: аграрная политика, сельское хозяйство, Нечерноземная зона РСФСР, архивные документы.

Shevelkov A. I.
Independent researcher

THE ROLE OF ARCHIVAL DOCUMENTS IN RESTORING THE OBJECTIVE HISTORY OF THE AGRICULTURAL POLICY OF THE STATE IN THE NON-CHERNOZEM ZONE OF THE RSFSR IN THE 1960s AND 1970s

Abstract: The article analyzes documents from the Federal archives that allow us to restore the objective history of the formation and implementation of certain areas of the state's agricultural policy in the non-black earth zone of the RSFSR in the 1960s and 1970s.

Keywords: agricultural policy, agriculture, non-Chernozem zone of the RSFSR, archival documents.

Исследование значительного количества архивных документов из десятков фондов федеральным архивов позволило восстановить объективную историю формирования и реализации аграрной политики государства в Нечерноземной зоне РСФСР в 1960-1970-е гг., что нашло отражение в наших публикациях¹.

В связи с отсутствием в начале нынешнего века возможности работать с документами Президиума (Политбюро) ЦК КПСС второй половины XX в., первоначально наше внимание было обращено к рассекреченным документам Сельскохозяйственного отдела ЦК по союзным республикам, Бюро ЦК КПСС по РСФСР, пленумов ЦК (1965, 1968, 1970 гг.) из фондов РГАНИ, а также к документам СМ РСФСР, Госплана РСФСР, Министерства сельского хозяйства РСФСР и других профильных министерств и ведомств, сосредоточенных в фондах ГАРФ, РГАЭ. Несколько позднее — из фондов Архива РАН и РГАСПИ.

Самое большое количество документов, подробно отражающих процесс формирования и реализации аграрной политики государства в Нечерноземной зоне РСФСР, сосредоточено в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Что вполне объяснимо.

После решения Президиума ЦК в июле 1964 г. о проведении в ноябре 1964 г. пленума ЦК по сельскому хозяйству, по указанию Н.С. Хрущева, местным партийным руководителям Нечерноземья было поручено направить свои предложения в ЦК. И хотя речь шла о совершенствовании управления сельским хозяйством, в записках первых секретарей сельских обкомов партии зоны было обстоятельно представлено состояние сельского хозяйства на местах. Руководству страны не только «подказана» вся структура будущих органов управления сельским хозяйством, их функции, начинания с местных колхозно-совхозных сельхозуправлений в Нечерноземной зоне РСФСР, но и предложены меры по его дальнейшему развитию. Это были первые «кирпичики» в формировании новой аграрной политики. Как оказалось впоследствии, немало из того, что предлагалось в аграрной сфере до отстранения Н.С. Хрущева от власти, было реализовано новым руководством страны².

Важное место в формировании аграрной политики государства в целом, в Нечерноземье, в частности, следует отнести документам заседаний Президиума ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства (январь — февраль 1965 г.). В них не только происходило наполнение содержания новой аграрной политики, но и впервые был поставлен вопрос о подъеме и дальнейшем развитии сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР. Когда обсуждался вопрос о списания финансовой задолженности с колхозов и возложении на государство финансирования мелиоративных работ, прежде всего речь шла об убыточных хозяйствах нечерноземной полосы³.

Л.И. Брежнев, которому Президиум ЦК поручил курировать сельское хозяйство, первым поднял вопрос о возможности списания финансовой задолженности с колхозов по ссудам Госбанка СССР, о мелиорации земель, восстановлении лугов, выпасах и сенокосных угодьях в Нечерноземье. Его поддержал председатель СМ РСФСР Г.И. Воронов, который раскритиковал проводимую политику укрупнения колхозов Нечерноземной зоны РСФСР и предложил осуществить «некоторое разукрупнение». Как утверждал глава российского правительства, одним из отрицательных последствий подобной политики, вместе с плохим

материально-техническим обеспечением колхозов, стала низкая урожайность зерновых культур в регионе. По его мнению, подъем сельского хозяйства региона в значительной степени зависит от решения социально-бытовых условий жизни сельских тружеников, решения транспортной проблемы⁴. Предложив дифференцированный подход к закупочным ценам на зерно, член Президиума ЦК А. И. Микоян настаивал на их повышении для хозяйств Северо-Западного района Нечерноземья. Первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии К. Т. Мазуров поставил вопрос о финансовой поддержке колхозов в проведении комплекса мелиоративных работ⁵.

Предложения, высказанные на заседаниях Президиума ЦК в январе — феврале 1965 г., касающиеся мер по подъему сельского хозяйства нечерноземной полосы, были реализованы в постановлениях по итогам мартовского (1965 г.) пленума ЦК. С колхозов Нечерноземья была списана часть задолженности по кредитам Госбанка СССР, а государство взяло на себя финансирование мелиоративных работ на землях колхозов. Начиная с 1965 г., сельхозпредприятия региона стали продавать государству пшеницу и рожь по более высоким ценам в сравнении с хозяйствами других районов страны, что позволяло сделать их производство рентабельным⁶.

В то же время предложения СМ РСФСР о принятии отдельного постановления ЦК и СМ СССР по подъему сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР, представленные в записке ЦК (октябрь 1965 г.), не были поддержаны Президиумом ЦК. Государство ограничилось увеличением финансовой и материально-технической помощи сельскому хозяйству региона. В 1966-1970 гг. колхозам и совхозам зоны было выделено 4993 млн. руб. капитальных вложений, что было значительно выше предшествующего пятилетия. В 1970 г. в сравнении с 1966 г. поставки тракторов увеличились на 31% против 1961-1965 гг. Среднегодовая зарплата колхозников в 1970 г. составила 919 руб. против 514 руб. в 1965 г., а работников совхозов — 1138 руб. против 852 руб. Это не могло не отразиться положительно на уровне производства. В 1966-1970 гг. среднегодовое производство сельхозпродукции по всем категориям хозяйств составило 12,9 млрд. руб. против 10,7 млрд. руб. в 1961-1965 гг. или выросло на 20%. Это позволило увеличить государственные закупки. Сельхозпредприятиями Нечерноземной зоны было продано сверх плана: 7,5 млн. т зерна, 2,3 млн. т мяса, 6,5 млн. т молока и 3,2 млрд. шт. яиц⁷.

Предметное возвращение к вопросу принятия специального постановления ЦК и СМ СССР по развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР состоялось только во второй половине 1970 г. Хотя проекты постановления и разрабатывались в СМ РСФСР во второй половине 1960-х гг., нами они не выявлены в фондах федеральных архивов. Об их существовании нам становится известно из выступления первого секретаря Ленинградского обкома КПСС В. С. Толстикова на декабрьском (1969 г.) пленуме ЦК и из непроизнесенного выступления секретаря Тульского обкома КПСС И. Х. Юнака на июльском (1970 г.) пленуме ЦК.

Не исключено, что одна из причин недопущения И. Х. Юнака на трибуну пленума заключалась в резкой, критической оценке положения в сельском хозяйстве, социальной сфере Нечерноземья. Ведь все доклады предварительно просматривались в ЦК. В частности, И. Х. Юнак отметил, что за последнее десятилетие сельское население области сократилось на 25%, а смертность превышает рождаемость. Это, писал он, ставит под сомнение выполнение предстоящего плана производства сельхозпродукции. Юнак предложил в срочном порядке «...рассмотреть особо в ЦК КПСС и СМ СССР...резкую отсталость, особенно в вопросах благоустройства. Проектов в архивах ЦК КПСС и СМ РСФСР по этому вопросу имеется несколько. Если это не будет сделано...мы в ближайшие 3-5 лет станем из-за этого перед фактом огромного экономического и политического урона нашему государству»⁸.

17 сентября 1970 г. на имя Л. И. Брежнева была направлена записка секретаря Смоленского обкома партии И. Е. Клименко «О некоторых вопросах дальнейшего развития сельского хозяйства Смоленской области». По мнению партийного руководителя в области имелся значительный потенциал производства сельскохозяйственной продукции. Однако недостаток кормов по причине отсутствия комплекса мелиоративных работ, необходимых поставок минеральных удобрений, дефицит трудовых ресурсов, низкая механизация труда, а, особенно, растущие масштабы миграции населения из-за плохих условий труда и жизни, не позволяют использовать его в полной мере. И уже 23 сентября Л. И. Брежнев пишет резолюцию для Д. С. Полянского, Ф. Д. Кулакова и Т. И. Соколова: «Прошу рассмотреть и подготовить проект постановления, в котором предусмотреть помощь исконно русской области — сильно пострадавшей в войну»⁹. Проект постановления ЦК по развитию сельского хозяйства Смоленской области был подготовлен в течение нескольких месяцев. При его итоговом обсуждении в Политбюро ЦК 21 января 1971 г. возник вопрос о состоянии и проблемах сельского хозяйства всего Нечерноземья. В рукописном проекте постановления Политбюро ЦК, состоящем из трех пунктов, секретарь ЦК Ф. Д. Кулаков написал: «Поручить тт. Воронову, Байбакову, Мацкевичу, Алексеевскому, Лобанову в трехмесячный срок подготовить и внести на рассмотрение ЦК КПСС и Совета Министров СССР предложения о мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства областей и автономных республик нечерноземной зоны РСФСР»¹⁰.

И, как говорится, работа в СМ РСФСР, его профильных структурах «закипела», так как Председатель СМ РСФСР Г. И. Воронов был утвержден руководителем этой небольшой комиссии. Практически весь процесс подготовки предложений, исходящих из российских министерств и ведомств, вплоть до рукописных, карандашных пометок и резолюций, отражен в архивных документах ряда фондов ГАРФ. Следует отметить, что работа велась не просто над перечнем предложений

и мероприятий, а над проектом постановления ЦК и СМ СССР. Таких проектов оказалось 14. Каждый проект имел преамбулу с характеристикой состояния сельского хозяйства и постановляющую часть, которая в отдельных из них насчитывала от 50 до 70 пунктов. Кроме того, он дополнялся десятками приложений с заданиями по: увеличению производства сельхозпродукции, поставкам техники, удобрений, показателям в социальной сфере по строительству школ, дошкольных учреждений, увеличению численности врачей и коек в сельских больницах и т.д. К примеру, в IX-м варианте проекта, который назывался «О дальнейшем развитии сельского хозяйства автономных республик и областей Нечерноземной зоны РСФСР», насчитывалось 65 приложений с заданиями на 1976, 1980 и 1985 гг.¹¹ Позднее в вариантах проектов образца 1973-1974 гг. по отдельным позициям задания определялись и до 1990 г.

К каждому проекту постановления прикладывалась небольшая по объему (3-5 стр.) пояснительная записка. В 1973-1974 гг. она должна была согласовываться с 15 партийными и советскими работниками, начиная с секретаря ЦК Ф.Д. Кулакова, заместителя председателя СМ СССР Д.С. Полянского и заканчивая министром сельского хозяйства РСФСР Л.Я. Флорентьевым. Не все соглашались с намеченными в документах объемами роста производства зерна в Нечерноземной зоне: к 1980 г. валовой сбор должен был составить 31 млн. т против 17,3 млн. т в 1970 г. По данным Госплана СССР, среднегодовое производство зерна в Нечерноземье в 1971-1974 гг. составляло 20 млн. т против 17,2 млн. т в 1966-1970 гг.¹² Госплан СССР, от этого достаточно оптимистичного прогноза российского ведомства устранился¹³. Председатель Госплана СССР Н.К. Байбаков серьезно сомневался в увеличении производства зерна в Нечерноземной зоне в пределах 9 млн. т в предстоящие 7 лет. Этим можно объяснить его осторожный подход к увеличению объемов финансирования сельского хозяйства зоны. И, как оказалось, не без оснований. Но это стало ясно спустя пятилетие после реализации постановления ЦК и СМ СССР по развитию сельского хозяйства региона. Хотя можно встретить весьма противоречивые документы. Так, в справке Госплана РСФСР «О развитии сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР и эффективности вкладываемых средств» (1982 г.) объемы производства зерна в регионе в годы десятой пятилетки (1976-1980 гг.) вообще не указывались. Было только отмечено, что госзакупки зерна возросли на 4%¹⁴. По непонятным причинам это преподносилось как рост на 8% против девятой пятилетки¹⁵. Хотя, вместо намечаемого в 1974 г. производства зерна в объеме 31 млн. т, в 1976-1980 гг. среднегодовое производство зерна составило 21,3 млн. т¹⁶.

О том, как развивалось сельское хозяйство Нечерноземной зоны в последнее десятилетие, какие существуют проблемы и перспективы, в полной мере позволяют выявить записки в ЦК министра сельского хозяйства РСФСР

Флорентьева. По нашему мнению, от других документов подобного рода их отличает обстоятельный анализ, экономически обоснованные предложения. Но он не идет против той социальной политики, которая была сформулирована еще при Н. С. Хрущеве — политики сселения жителей из мелких деревень, хуторов — в крупные, перспективные населенные пункты, агрогорода. Тогда это представлялось панацеей для решения производственных (ликвидация мелких земельных участков, эффективное использование техники на укрупненных наделах) и социальных задач.

Именно из записки Л. Я. Флорентьева в ЦК «О состоянии сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» (16 апреля 1971 г.), были приведены выше итоги развития сельского хозяйства в годы 8-й пятилетки¹⁷.

На первое место министр выдвинул проблему трудовых ресурсов. В частности, он отмечал: «...В сельском хозяйстве Нечерноземной зоны продолжают иметь место большие трудности, действуют весьма опасные миграционные процессы, население во многих колхозах и совхозах быстро стареет, значительная часть молодежи уходит из села... Чрезмерно велика текучесть квалифицированных кадров и, прежде всего, специалистов и механизаторов... Если нежелательные миграционные процессы в сельском хозяйстве нечерноземной зоны не приостановить самым энергичным образом, то через 10-15 лет сельского населения в колхозах и совхозах Нечерноземья почти не останется»¹⁸. По сути, он писал о том же, о чем хотел сказать с трибуны июльского (1970 г.) пленума ЦК секретарь Тульского обкома партии И. Х. Юнак.

Л. Я. Флорентьев считал проблему сохранения сельского населения зоны важнейшим условием ее развития. Он называет статистические данные о соотношении смертности и рождаемости в Нечерноземье, где в 13 из 29 субъектов смертность превышала рождаемость, приводит данные о том, что в 51,4% населенных пунктах Нечерноземья проживает только от 5 до 50 жителей. Говоря о политике переселения селян в крупные населенные пункты, Флорентьев отмечал, что этот процесс «...протекает крайне медленно... Никакой планомерной государственной программы в этом направлении не выработано»¹⁹. Ну, а раз отсутствовала продуманная политика государства по сокращению оттока сельского населения, процесс обезлюдивания сел приобретал все более необратимый характер. И это государство не учло и через пять лет и позже, когда стали реализовываться масштабные мероприятия по развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны. О проблеме закрепления кадров на селе писали и ученые-аграрники АН СССР. Так, в записке доктора экономических наук Н. В. Васильева «О некоторых проблемах дальнейшего развития сельского хозяйства» (март 1970 г.), отмечалось, что различия в материальном обеспечении тружеников сельского хозяйства и промышленных рабочих, работников

совхозов — «...одна из важных причин большого оттока в города сельского населения, особенно молодежи»²⁰. Спустя пять лет, в записке заведующего секцией отдела сельского хозяйства Госплана СССР Г.Г. Пичугина «О развитии сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» (апрель 1975 г.), констатируется, что ежегодные темпы сокращения сельского населения в регионе увеличились до 3% против 2% в 1959-1969 гг.²¹ Он приводит прогноз ЦСУ РСФСР баланса трудовых ресурсов региона. К 1990 г. численность сельского населения в трудоспособном возрасте может уменьшиться до 4,9 млн. чел. или на 39%, а в отдельных областях республики — на две трети. Численность молодежи в возрасте 16-17 лет — сократится с 714 тыс. до 215 тыс. чел., что может создать «крайне ограниченные ресурсы» для подготовки механизаторских кадров и специалистов сельского хозяйства. Повышенный, по сравнению с другими регионами республики отток рабочей силы из Нечерноземья, автор записки объясняет близостью городов и промышленных предприятий, более высоким уровнем ручного низкооплачиваемого труда и неудовлетворительными жилищными и бытовыми условиями в сравнении с другими районами РСФСР²².

Чтобы выяснить эффективность аграрной политики государства в социальной сфере в 1970-е гг., можно обратиться к последней в советской истории записке в ЦК касательно этого региона.

В октябре 1990 г. от имени 28 аграрных комитетов Нечерноземья секретарь ЦК Е.С. Строев, курирующий сельское хозяйство, подвел итоги аграрной политики в социальной сфере за четверть века. В его записке в ЦК «О политической и социально-экономической значимости разработки и осуществлении программы возрождения деревни в Нечерноземной зоне РСФСР» (октябрь 1990 г.) отмечалось: «...несмотря на принятые за эти годы меры, многие негативные процессы в аграрном секторе удалось лишь смягчить, но не преодолеть. Продолжается усиленная миграция сельского населения в города. Численность сельских жителей с 1970 г. уменьшилась на 5,3 млн. чел, что составляет 68% от общего сокращения в целом по стране. В сельскохозяйственной сфере Нечерноземной зоны в настоящее время недостает более 500 тыс. чел.»²³

¹ Шевельков А.И. Политика ликвидации «неперспективных» населенных пунктов в России и её результаты // Вестник Российского государственного университета им. Иммануила Канта. 2007. Калининград, 2007. С. 39–44; *он же*. Треть колхозов республики не имеет собственных средств. Письма председателя Совета Министров РСФСР М.С. Соломенцева в ЦК КПСС и Совет Министров СССР. // Исторический архив. 2007. № 3. С. 3–24; *он же*. Аграрная политика государства в Нечерноземной зоне РСФСР в архивных документах // Вестник архивиста. 2011. №1 (113). С. 60–73; *он же*. К проблеме формирования аграрной политики государства в Нечерноземной зоне РСФСР в 1950–1970-е гг. // Клио. Журнал для ученых. Санкт-Петербург.–2012. № 9 (51). С. 58–61 и др.

² РГАСПИ. Ф. 556. Оп.22. Д. 444. Л.1–58.

³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 606.Л. 9.

⁴ Там же. Л.9,10.

⁵ Там же. Д.622. Л. 67.

⁶ См.: Постановления ЦК КПСС и СМ СССР «Об отнесении затрат по коренному улучшению земель в колхозах и совхозах за счет государственного бюджета»; «О финансовой помощи колхозам»; «О повышении материальной заинтересованности колхозов и совхозов в увеличении производства пшеницы и ржи» – РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 332. Л. 8,9.

⁷ Там же. Ф. 5. Оп. 63. Д. 249. Л. 27, 28.

⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 191. Л 78.

⁹ Там же. Ф.3. Оп. 68.Д. 1454. Л.192.

¹⁰ Там же. Ф. 3. Оп. 68. Д.1453. Л.137.

¹¹ ГА РФ. Ф. А-262. Оп. 8. Д. 10069. Лл.1–120.

¹² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7095. Л.11.

¹³ ГАРФ. Ф.А-616. Оп. 3. Д. 8026. Лл.123–127.

¹⁴ ГА РФ. Ф.А-616. Оп. 3. Д. 8026. Л.126.

¹⁵ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 17. Д. 1224. Л. 132.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 262. Оп. 17. Д. 3745. Л.169.

¹⁷ РГАНИ. Ф.5. Оп. 63. Д. 249. Л. 27–44.

¹⁸ Там же. Л. 29, 30.

¹⁹ Там же. Л.31.

²⁰ Архив Российской Академии наук (Архив Р.А.Н.). Ф. 1877. Оп. 8. Д. 909. Л.33.

²¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д.7 095. Л.20.

²² Там же. Л. 20–23.

²³ РГАНИ. Ф. 89. Оп.2 0. Д. 9. Л. 1,2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шевельков А.И.* Аграрная политика государства в Нечерноземной зоне РСФСР в архивных документах// Вестник архивиста. — 2011. № 1 (113). — С. 60-73.

2. *Шевельков А.И.* К проблеме формирования аграрной политики государства в Нечерноземной зоне РСФСР в 1950-1970-е гг. //Клио. Журнал для ученых. Санкт-Петербург. — 2012. № 9 (51). — С. 58-61 и др.

3. *Шевельков А.И.* Политика ликвидации «неперспективных» населенных пунктов в России и её результаты. // Вестник Российского государственного университета им. Иммануила Канта — 2007. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта — 2007. — С. 39-44.

4. *Шевельков А.И.* Третий колхозов республики не имеет собственных средств. Письма председателя Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцева в ЦК КПСС и Совет Министров СССР. //Исторический архив. — 2007. № 3. — С. 3-24.

Ромашин И. Е.

РГГУ

ОБРАЗ ИСТОРИКА-АРХИВИСТА В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX В.

Аннотация: Рассмотрены особенности отражения в сознании советского общества последней трети XX в. образа профессионального историка-архивиста.

Ключевые слова: историк-архивист, общественное сознание, профессиональное архивное сообщество, кинематограф СССР.

Romashin I. E.

RSUH

THE IMAGE OF A HISTORIAN-ARCHIVIST IN THE SOVIET CINEMA LAST THREE XX CENTURY

Abstract: The article discusses the features of reflection in the public consciousness of Soviet society in the last third of the 20th century as the image of a professional historian-archivist.

Keywords: historian-archivist, public consciousness, professional archival community, cinema of the USSR.

Проблема отражения в общественном сознании тех или иных представлений в отдельные периоды истории давно и заслуженно занимает внимание историков не только зарубежной традиции (пример — «новая историческая наука» и *École des Annales*), но и отечественной (достаточное количество исследований на эту тему выполнено учениками С. О. Шмидта).

Предмет данного исследования — изучение особенностей отражения в советском общественном сознании последней трети XX в. образа профессионального историка-архивиста. В качестве объекта исследования избран кинематограф СССР, так как именно данное средство массовой коммуникации следует считать одним из основных, наряду с привычными средствами массовой информации, по степени созидательного (или деструктивного) воздействия на сознание членов советского общества в рассматриваемый хронологический период.

70-е — 80-е гг. прошлого столетия стали для кинематографа СССР временем появления все большего количества картин «низкого» комедийного жанра. Идеологический пафос кинолент предшествующих лет советской власти вошел в противоречие с окружающей зрителя действительностью. На кино- и телеэкранах СССР стали появляться образы героев, не вполне соответствовавших принципам социалистического реализма.

Так, по мнению автора учебного пособия «История советского кино» Ю.А. Русиной, «наступление «темных 70-х» было объявлено в стихотворении Иосифа Бродского «Конец прекрасной эпохи». . . Но в то же время кинематограф 1970-1980-х гг. принес талантливые работы, правдиво отражающие болевые точки советской действительности, обращающие внимание на общечеловеческие ценности. Возможно, такой феномен объясняется тем, что киноискусство, как сфера советской культуры, представляло собой довольно сложно скроенный живой организм, функционирование которого во многом зависело от личных вкусов, мнений и предпочтений различных людей, причастных к этой среде, будь то руководители киноотрасли или авторитетный художник, к чьему слову прислушиваются власть предержащие»¹.

Два наиболее запоминающихся художественных кино(теле)образа историка-архивиста было создано в 70-е годы XX в.

Первый образ — благодаря мастерству кинорежиссера Л. Гайдая, который лично и воплотил его на экране, был настолько ярким, что вошел в массовое сознание не только советского, но и постсоветского общества.

Речь идет о знаменитом Варфоломее Коробейникове, он же Варфоломеич, появившемся на экране в первой серии кинокомедии 1971 г. «Двенадцать стульев» (Производство «Мосфильм»)². Именно с коммерческого проекта Коробейникова началась комическая одиссея Бендера, Воробьянинова и «конкурирующей фирмы» отца Федора:

«— Ого! — сказал восхищенный Остап. — Полный архив на дому!

— Совершенно полный, — скромно ответил архивариус. — Я, знаете, на всякий случай. . . Коммунхозу он не нужен, а мне на старости лет может пригодиться. . . Живем мы, знаете, как на вулкане. . . все может произойти. . . Кинутся тогда люди искать свои мебели, а где они, мебели? Вот они где! Здесь они! В шкафу. А кто сохранил, кто уберег? Коробейников. Вот господа спасибо и скажут старичку, помогут на старости лет. . . А мне много не нужно — по десяточке за ордерок подадут — и на том спасибо. . . А то иди попробуй, ищи ветра в поле. Без меня не найдут!

Остап восторженно смотрел на старика.

— Дивная канцелярия, — сказал он, — полная механизация. Вы прямо герой труда!

Польщенный архивариус стал вводить гостя в детали любимого дела. Он раскрыл толстые книги учета и распределения. . .»³.

Более 39 миллионов зрителей увидели молодежавого (Л. Гайдаю в момент съемок было 48 лет), бодрого, самоуверенного архивариуса, хитро подмигивавшего одним глазом великому комбинатору. Негативное обаяние Л. Гайдая, основанное на благодатном литературном материале, формировало образ ближе к подпольным цеховикам 70-х, чем к профессиональным историкам-архивистам. Ни одна из 4 минут времени экранной жизни персонажа не вызывала к нему симпатии.

Второй образ советские телезрители увидели 2 января 1977 года во время премьеры телевизионного 4-х серийного фильма «12 стульев», поставленного М. Захаровым (Творческое объединение «Экран»)⁴.

Сцене с архивариусом Коробейниковым в исполнении М. Прудкина было отведено более 11 минут времени. В отличие от киноверсии М. Захаров поставил политический интерес героя во главу угла, отодвинув коммерческую составляющую на второй план актерской сверхзадачи. Главной целью деятельности архивариуса в телеверсии стало общественное признание заслуг Коробейникова в случае реставрации монархии.

Впрочем, и коммерческий проект Варфоломеича был вполне успешным. Ордера на воробьяниновскую мебель, бесплатно полученные Остапом Бендером, оплатил ничего не ведавший отец Федор.

Попадание М. Прудкина в режиссерский замысел и литературный материал романа было стопроцентное. Именно благородная седина маститого старца, одного из старейших актеров МХАТ СССР (78 лет в момент съемок) создавала необходимый контрастный комический эффект (вместо ордена Российской империи — пятьдесят советских рублей за архивные документы Старкомхоза).

Следует отметить, что оба художественных образа не были предназначены для пробуждения зрительских симпатий к историкам-архивистам, а благодаря актерскому мастерству и комедийному дарованию Л. Гайдая и М. Прудкина в массовом сознании советского общества формировалось скорее негативное отношение к этой профессии.

В заключение следует отметить, что подготовка данного исследования к VII чтениям, посвященным 100-летию со дня рождения А. А. Зимины, отнюдь не случайна. По свидетельству А. Л. Хорошкевич, А. А. Зимин был не равнодушен к фильму «Двенадцать стульев»: «На подставке маленького парусника, подаренного мне по случаю какого-то праздника во второй половине 70-х годов (дата не указана), А. А. написал фрагмент песни из телефильма «12 стульев»:

*Пусть бесится ветер жестокий
В тумане житейских морей,
Белеет мой парус
Такой одинокий
На фоне стальных кораблей»⁵.*

¹ Русина Ю. А. История советского кино : учеб. пособие. Екатеринбург, 2019. С. 77.

² О фильме: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/9/annot/> — Электрон. дан. — Режим доступа: свободный. (Дата обращения 22.05.2020).

³ Цит. по: Ильф И. Двенадцать стульев. М., 1927-1928. С. 53.

⁴ О фильме: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/10/annot/> — Электрон. дан. — Режим доступа: свободный. (Дата обращения 22.05.2020).

⁵ Исторический блог А.Л. Хорошкевич «Феномен Зими́на или подранок Октября»

<https://sites.google.com/site/istoriceskijblogalhoroskevic/pamati-a-a-zimina-vstuplenie/fenomen-zimina-ili-podranok-oktabra>. Электрон. дан. — Режим доступа: свободный. (Дата обращения 22.05.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русина Ю. А. История советского кино: учеб. пособие. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. — 104 с.

2. KINO-TEATR.RU [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Москва, [2006-2020]. — Режим доступа: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov>, свободный.

РАЗДЕЛ 4

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аверьянов К. А.
Институт российской истории РАН

КОГДА БЫЛ СОСТАВЛЕН ДОГОВОР СЕМЕНА ГОРДОГО С БРАТЬЯМИ?

Аннотация: В дореволюционной историографии договор Семена Гордого с братьями датировался началом 1340-х годов. По мнению Л.В. Черепнина, А.А. Зимины, В.А. Кучкина следует говорить о конце этого десятилетия. Анализ текста договора в сочетании с житием Сергия Радонежского позволяет датировать документ зимой 1341 г.

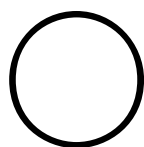
Ключевые слова: Семен Гордый, договорные грамоты, Радонеж, Алексей Петрович Хвост, Сергей Радонежский.

Averyanov, K. A.
Institute of Russian history RAS

WHEN WAS THE AGREEMENT OF SEMYON GORDY'S WHITH THE BROTHERS WAS DONE?

Abstract: In pre-revolutionary historiography, Semyon Gordy's agreement with his brothers dated back to the early 1340s. According To L.V. Cherepnin, A.A. Zimin, and V.A. Kuchkin, we should talk about the end of this decade. Analysis of the text of the Treaty in combination with the biography of Sergius of Radonezh allows us to date the document in the winter of 1341.

Keywords: Semen Proud, letters of agreement, Radonezh, Alexey Petrovich Tail, Sergius of Radonezh.

Одним из важнейших источников по истории России XIV-XVI вв. является комплекс духовных и договорных грамот московских князей. Его особенностью является то, что историкам приходится прикладывать значительные усилия по их датировке, поскольку традиция указывать в подобных документах даты их составления появилась у нас гораздо позже.

Первой из сохранившихся договорных грамот является договор Семена Гордого с братьями. В дореволюционной историографии это соглашение обычно датировалось 1340 или 1341 г., в зависимости от того, к какому из этих годов историки относили смерть Ивана Калиты. Он скончался 31 марта 1340 г., но из-за

сбивчивости хронологии некоторые летописи относят это событие к 1340 г., тогда как другие — к 1341 г. Подобная датировка грамоты основывалась на фразе о том, что князья «целовали есмы межи собе крестъ оу отня гроба»¹.

Во второй половине XX в. в литературе появились иные датировки этого источника. В частности, Л. В. Черепнин считал, что выражение «оу отня гроба» является не прямым указанием на то, что братья приносили клятву непосредственно у могилы отца, а просто символической фразой, которой высказывалось «уважение к памяти покойного московского князя Ивана Даниловича Калиты». Это представляется тем более обоснованным, поскольку известно, что Семена Гордого не было на похоронах отца — в этот момент он находился в Нижнем Новгороде. При этом Л. В. Черепнин полагал, что соглашение было заключено в конце княжения Семена — в 1350-1351 гг. Примерно к этим же выводам пришел и А. А. Зимин, предложивший датировать dokonчание концом 1340-х годов (до зимы 1350/51 г.)².

Последним по этому вопросу высказался В. А. Кучкин. Он обратил внимание на то, что, несмотря на дефектность текста, в договоре сохранилась статья, согласно которой Семен в случае смерти младших братьев должен был позаботиться об их женах и детях, не лишать их земельных владений и не посягать на служивших им бояр: «... (ко)го из нас Богъ отъведет, печаловати(ся княгинею его и) детми, как при ж(ивоте, так и по жив)оте, а не (обидети тебе, ни) имати ничего ото княгини и отъ детии, чимъ ны (кого благословиль отецъ нашъ по ро)зделу. (А по животе кто из бо)яръ и слугъ иметь служити у наших княгинь (и у детии... нелюбья не) держати, (ни посягати) без исправы, но блюсти, как и своих» (в скобках помещен текст, восстанавливаемый по трафаретным фразам)³.

Поскольку здесь говорится о княжеских детях, этот пункт мог появиться, по мнению исследователя, только после того, как женился младший из братьев Андрей (это произошло летом 1345 г.) и у него появилось потомство, т. е. не ранее весны 1346 г. Да и у самого великого князя вплоть до конца 1347 г. не было наследника. Его старший сын Василий родился 12 апреля 1337 г. и умер в 1338 г., еще в княжение Ивана Калиты. Следующий сын, Константин, родился в 1341 г. и прожил только один день. От второго брака детей у Семена не было. Лишь после женитьбы на тверской княжне у него 15 декабря 1347 г. появился долгожданный ребенок, названный в честь деда Даниилом⁴. Тем самым, на взгляд В. А. Кучкина, договор не мог быть составлен ранее последней даты.

Особое внимание в грамоте уделялось «коромоле» Алексея Петровича Хвоста. В чем она заключалась, из текста неясно, однако в ней имеется пункт, что братья не должны принимать боярина в службу. Также выясняется, что имущество опального боярина было конфисковано великим князем и часть его получил средний брат Иван. Младшему же Андрею из имущества Алексея

Хвоста ничего не досталось⁵. Между тем из летописи известно, что весной 1347 г. Алексей Хвост ездил в числе сватов в Тверь за невестой для великого князя⁶. Поручение это было достаточно важным, и, на взгляд историка, его невозможно было доверить опальному боярину. Тем самым «кормола» Алексея Петровича по отношению к великому князю относится к более позднему времени, после 1347 г. В этом В. А. Кучкина убедило упоминание в завещании Семена Гордого села Хвостовского на Клязьме, очевидно, ранее конфискованного у Алексея Хвоста⁷.

Отсюда, по мнению исследователя, вытекает, что великий князь продолжал гневаться на него до конца своей жизни, и только после того, как на великокняжеском столе Семена Гордого сменил Иван Красный, опала с боярина была снята, и он получил должность московского тысяцкого.

В. А. Кучкин полагает, что договор Семена Гордого с братьями был составлен весной — летом 1348 г., основываясь на том, что под 1348 г. летописи сообщают о приходе из Орды великого князя Семена и добавляют: «а съ нимъ братъ его князь Андреи». В этом известии отсутствует имя среднего из братьев — Ивана, который, по мысли историка, поддерживал крамольного боярина (не случайно тот именно при нем стал московским тысяцким). Но конфликт между братьями, вызванный, на взгляд В. А. Кучкина, противодействием митрополита Феоноста незаконному, с его точки зрения, третьему браку Семена, был вскоре исчерпан, и в том же году, как свидетельствует летопись, «князь великий Семень, погадавъ съ своею братиею съ княземъ Иваномъ и Андреемъ и съ бояры», отправил послов в Орду. Тем самым между ними были восстановлены мир и согласие⁸.

Несмотря на кажущуюся аргументированность доводов исследователя, нам пришлось вновь обратиться к вопросу о датировке договора. Поводом для этого стало одно загадочное место из «Жития» Сергия Радонежского.

Известно, что семейство преподобного появилось в Радонеже после разгрома Ростова, предпринятого Василием Кочевой и Миной, которые «възложиста велику нужу на градъ да и на вся живущаа в нем». Поскольку в летописях о разгроме Ростова ничего не говорится, главным датирующим моментом переезда семейства Сергия стала фраза из его «Жития»: «Егда изиде по великого князя велению и послан бысть от Москвы на Ростовъ акы некый воевода единъ от велможъ, именем Василий, прозвище Кочева, и с нимъ Мина»⁹. Очевидно, что неназванным по имени великим князем являлся Иван Калита, а, следовательно, указанные события происходили в 1330-е годы, до его кончины в 1340 г. Основанием для подобного вывода явилась дошедшая до нас в подлиннике, вторая духовная грамота Ивана Калиты, составленная в 1339 г. Из нее явствует, что московский князь разделил все владения между наследниками. При этом Радонеж пришелся на долю второй жены Калиты Ульяны «с меншими детми»¹⁰.

Вместе с тем Епифаний Премудрый, автор «Жития» Сергия, уточняет, что Радонеж, куда переселилось семейство Сергия, на этот момент принадлежал не Ивану Калите, а его младшему сыну Андрею: «с ним и инии мнози преселишася от Ростова... в Радонежь, ю же даде князь великы сынове своему мезиному князю Андрею. А наместника постави въ ней Терентиа Ртища, и лготу людем многу дарова и ослабу обещася тако же велику дати»¹¹. Радонеж мог перейти князю Андрею только после смерти отца, и, соответственно, переезд Сергия необходимо датировать временем после 1340 г.

Какому источнику следует отдать предпочтение? Судя по княжеским договорным грамотам, Ульяна умерла после кончины мужа через 30 с лишним лет. При этом она пережила и своего младшего пасынка (Андрей скончался 6 июня 1353 г.¹²). После смерти княгини ее владения около 1374 г. были поделены уже между внуками Калиты — великим князем Дмитрием (будущим Донским) и его двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским, причем Радонеж в последующих княжеских грамотах значится за князем Владимиром¹³. Поэтому исследователями был сделан вывод, что Радонеж никогда не принадлежал князю Андрею, Епифаний Премудрый допустил здесь ошибку, а «Житие», составленное им, является источником крайне ненадежным.

При этом без ответа остался вопрос: зачем Епифанию Премудрому понадобилось выдумывать такие подробности, что наместником князя Андрея в Радонеже являлся некий Терентий Ртище? К тому же указывая, что Сергей переехал в Радонеж не один, агиограф сообщает имена других переселившихся ростовчан. С некоторыми из них он явно встречался и беседовал (об этом говорит замечание Епифания «Онисима же глаголют...»)¹⁴, и все они единогласно утверждали, что Радонеж во время переселения Сергия принадлежал не Ульяне, а младшему сыну Калиты.

Отмеченное выше противоречие в показаниях источников возможно объяснить, если вспомнить, что Иван Калита выделял Радонеж и другие владения не единолично второй жене Ульяне, а «с меньшими детми». В завещании московский князь пояснял, что речь идет о двух его дочерях от второго брака — Марии и Феодосии¹⁵. Личность последней хорошо известна. Впоследствии она вышла замуж за князя Федора Романовича Белозерского и была жива еще в конце XIV в., о чем говорит тот факт, что ее имя названо в духовной грамоте Дмитрия Донского 1389 г.¹⁶ Что же касается другой дочери — Марии, то кроме ее упоминания в завещании Калиты сведений о ней более не встречается. Очевидно, она умерла в достаточно раннем возрасте.

У нас имеется возможность хотя бы приблизительно установить дату кончины Марии. В завещании Ивана Красного 1358 г. читаем: «А что волости за княгинью за Оульяною, ис тых волостии по ее животе дети мои дадут дчери ее Сурожик,

село Лучинское»¹⁷. Из того, что здесь речь идет только об одной дочери Ульяны, становится понятным, что ею являлась Феодосия, а Марии к этому времени уже не было в живых. Обратившись еще к одному источнику — завещанию 1353 г. старшего сына Калиты великого князя Семена Гордого, видим, что, перечисляя свои владения, он упоминает среди прочих и село Деигуниньское (ныне Дегунино, микрорайон на севере Москвы). Для нас интересно то, что согласно завещанию Калиты оно выделялось Ульяне¹⁸. Это также свидетельствует о ранней кончине Марии.

Но каким образом это село еще при жизни княгини оказалось в руках Семена Гордого? Объяснить данный факт можно только тем, что, согласно тогдашнему обычаю, выморочное имущество, приходившееся на долю умершей дочери Калиты, не оставившей детей, должно было быть выделено из всего комплекса владений Ульяны и поделено между ее сводными братьями. Именно поэтому в завещании великого князя Семена Гордого находим упоминание села Деигуниньского, которое, по духовной грамоте его отца, значилось за Ульяной и ее дочерьми.

Вполне оправданным будет предположение, что раздел доли Марии был оформлен специальным соглашением между князьями. Им стал договор Семена Гордого с братьями, специальная статья которого делила между сыновьями Калиты шесть сел, которые, вероятно, и представляли собой долю Марии¹⁹.

Но этот документ дошел до наших дней в очень плохом состоянии, с множеством пропусков и лакун. Очевидно, в несохранившейся части договора говорилось не только о разделе сел части удела Ульяны, приходившейся на долю Марии, но и волостей, среди которых Радонеж достался Андрею. Если это так, то Епифаний Премудрый не ошибался, когда утверждал, что Сергей переселился с родичами именно во владения младшего сына Калиты.

Тем самым оказывается, что Сергей, родившийся 1 мая 1322 г., появился в Радонеже не в ранней юности, как обычно полагают историки, а уже достаточно взрослым и сформировавшимся человеком. Во всяком случае, это произошло после того, как 31 марта 1340 г. скончался великий князь Иван Данилович Калита, и даже позже, когда согласно заключенному между братьями договору Радонеж достался Андрею.

Чтобы определить точную дату переезда семейства Сергея в Радонеж, обратимся к анализу событий, происшедших на Руси после смерти Ивана Калиты. Поскольку получение великокняжеского стола требовало утверждения со стороны хана, 2 мая 1340 г. старший сын Калиты вместе с братьями отправился в Орду. Но задача оказалась не из легких. Одновременно с московскими князьями в Орде оказались Василий Ярославский, Константин Тверской, Константин Суздальский и «прочии князи русстии»²⁰, и Семену Гордому, очевидно,

пришлось оспаривать свое право на великое княжение в борьбе с другими претендентами. Об этом говорит его растянувшееся на несколько месяцев пребывание в Орде. На Русь он возвратился только осенью и 1 октября 1340 г. был торжественно посажен во Владимире на «великомъ княжении всея Руси»²¹.

Судя по тогдашней практике, получение ханского ярлыка на великое княжение потребовало от Семена огромных денежных затрат. В Орде он, несомненно, влез в долги и сразу после вокняжения на владимирском столе вынужден был их возвращать, при этом не выбирая методов и средств. Одним из первых пострадал Торжок: «Тоя же осени князь велики Семень Ивановичь посла въ Торжекъ боярь дани брати, и начаша силно деяти». Поскольку Торжок находился в совместной юрисдикции Новгорода и Москвы, новоторжцы послали «с поклономъ в Новьгород», откуда в Москву прибыло посольство со словами: «еще, господине, на столе в Новегороде еси не селъ, а уже бояре твои силно деють»²².

Можно думать, что одновременно с Торжком подобные экспедиции для выколачивания денег были посланы и в другие города, подвластные Москве, в том числе и в Ростов, куда направились поздней осенью 1340 г. Василий Кочева и Мина. Очевидно, именно тогда Сергей с родичами был вынужден переселиться в Радонеж. Наше предположение подтверждает и Епифаний Премудрый, когда пишет, что данные события, по его мнению, происходили в начале княжения Семена Гордого.

После описания событий в Торжке осенью 1340 г. летописец продолжает: «Тое же зимы бысть великъ съезд на Москве всемъ княземъ русскимъ, и поиде ратью к Торжку князь великии Семень, а с немь братъ его князь Иванъ Ивановичь, князь Костянтинъ Суждальскый, князь Костянтинъ Ростовскый, князь Василей Ярославскый, и вси князи с ними, и пресвященнии Феогность, митрополить всеа Руси, с ними же»²³. Очевидно, что тогда же и было заключено соглашение между братьями. Здесь мы идем вслед за А. Е. Пресняковым, считавшим, что составление договора между Калитовичами произошло «в ту же пору», что и съезд русских князей в Москве²⁴.

Определив время заключения договора сыновей Ивана Калиты — начало 1341 г., можно более уверенно говорить о том, что к этому же году следует относить и переселение семьи Сергея в Радонеж. Передатировка переезда во многом рассеивает определенные сомнения исследователей. Относя переселение ко временам Ивана Калиты, они неизменно задавались вопросом: почему семейство Сергея поселилось во владениях князя, столь жестоко расправившегося с жителями Ростова? Говорили даже чуть ли не о насильственной депортации. Ныне же становится понятно, что Сергей переселился на земли удельного князя Андрея.

Но почему семейство Сергея выбрало именно Радонеж? Кто подсказал им эту мысль? Из «Жития» Сергея выясняется, что этим человеком был Протасий,

родоначальник московских бояр Вельяминовых, занимавших в XIV в. на протяжении нескольких поколений важнейшую должность московского тысяцкого. Именно благодаря его помощи ростовские переселенцы оказались в Радонеже. Об этом мы узнаём из указания Епифания Премудрого. Говоря об одном из переселенцев — Онисиме, приходившемся дядей преподобному, он добавляет: «Онисима же глаголют с Протасием тысяцкым пришедша въ тую же весь»²⁵.

Однако что мог делать великокняжеский боярин во владениях удельного князя? Этот вопрос снимается, если вспомнить, что младший сын Калиты родился 4 июля 1327 г.²⁶ и на момент смерти отца ему не исполнилось еще 13 лет. Понятно, что до своего совершеннолетия серпуховской князь представлял собой номинальную фигуру и владениями юного княжича вплоть до его совершеннолетия фактически управляли бояре его старшего брата Семена, одним из которых был именно Протасий.

Но почему московский тысяцкий принял такое деятельное участие в судьбе Сергия Радонежского? В этой связи следует напомнить, что еще в XIX в. ростовским краеведом А. Я. Артыновым было выдвинуто предположение о происхождении отца Сергия — ростовского боярина Кирилла от варяга Шимона, предка Вельяминовых²⁷. Очевидно, именно родственными связями этих двух родов объясняется участие Протасия Вельяминова в судьбе Сергия.

Поскольку данная датировка договора Семена Гордого с братьями вступает в противоречие с известными нам по «Житию» Сергия фактами его биографии, следует более тщательно посмотреть на те аргументы, которыми оперирует В. А. Кучкин, относя это соглашение к 1348 г.

Первый из его доводов, что оно могло быть составлено не ранее весны 1346 г., когда у младшего из братьев могли появиться дети, не может быть принят. Данную статью договора следует рассматривать не как признание реальности, а всего лишь как констатацию возможных взаимных обязательств в случае появления детей.

Весьма спорным выглядит предположение о конфликте между братьями в 1348 г. Летописные свидетельства за 1347-1353 гг., как признает сам В. А. Кучкин, показывают, что братья действовали сообща. Что касается князя Ивана, то большую часть 1347 г. и все начало следующего 1348 г. он, по распоряжению старшего брата, находился в Новгороде²⁸ и поэтому не мог сопровождать его в Орду.

Вызывает сомнение и тесная связь Алексея Петровича Хвоста в середине 1340-х годов со средним из братьев — князем Иваном. Тот факт, что имущество опального боярина было распределено между Семеном Гордым и Иваном, причем на долю Андрея не досталось ничего, со всей очевидностью свидетельствует о тесных связях боярина как раз с последним. Сближение Алексея

Хвоста с князем Иваном Красным, о чем говорит В. А. Кучкин, состоялось много позже — в середине 1350-х годов, когда удельный звенигородский князь Иван после смерти своего старшего брата волей случая оказался на великокняжеском столе. Московское боярство встретило его настороженно, и он, не чувствуя поддержки с этой стороны, вынужден был опираться на всякого, кто мог предложить ему хоть какое-то содействие.

Таким образом, доводы В. А. Кучкина в пользу того, что договор между братьями был заключен в 1348 г., не могут быть приняты.

Попробуем определить возможные хронологические рамки составления данного документа.

Поскольку в тексте соглашения Семен Гордый упоминается как «князь великий... всея Руси», грамота могла быть составлена только после того, как он занял великокняжеский стол 1 октября 1340 г.²⁹

Другим датирующим признаком договора является упоминание опалы Алексея Петровича Хвоста, который «вшель в коромолу к великому князю»³⁰. Выше отмечалось, что конфискованное имущество боярина было поделено между старшими братьями Семеном и Иваном, тогда как на долю младшего Андрея не пришлось ничего. Это дает логичное основание для вывода о тесных связях Хвоста именно с последним, в пользу которого он действовал.

Из текста соглашения неясно, в чем заключалась «вина» боярина. Тем не менее, у нас имеются определенные предположения. Вполне вероятно, что осенью 1340 г., когда Семен Гордый вернулся на Русь и стал лихорадочно собирать деньги, экспедиция, аналогичная тем, что были посланы в Торжок и Ростов, направилась и в Серпуховской удел. Здесь насилия и поборы москвичей также не могли не встретить сопротивления, знаменем которого, очевидно, и стал Алексей Петрович Хвост — именно об этом свидетельствует фраза окончания: «А что Олексе Петрович вшель в коромолу к великому князю»³¹. Логично предположить, что действия боярина в пользу князя Андрея должны были вызвать определенное охлаждение между младшим и старшим братом. Обратившись к летописям, увидим, что на протяжении всего княжения Семена Гордого его младший брат не выходил из-под его власти — они вместе ездят в Орду, участвуют в делах государственного управления, даже одновременно женятся летом 1345 г.³² Подобная идиллия была нарушена всего один раз — зимой 1340/41 г. Именно об этом свидетельствует перечень князей, пошедших вместе с Семеном после княжеского съезда, где отсутствует имя князя Андрея.

Что же касается дальнейшей судьбы крамольного боярина, то, как показывает летописное известие 1347 г., через несколько лет Алексею Петровичу удалось вернуть доверие великого князя, и в дальнейшем он участвовал в организации его брака с тверской княжной³³.

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 11. (Далее – ДДГ).

² Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XVI вв. Ч. 1. М.; Л., 1948. С. 20–25; Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XVI вв. // Проблемы источниковедения. Вып. 6. М., 1958. С. 279–280.

³ ДДГ. С. 12.

⁴ Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб., 1889. С. 288.

⁵ ДДГ. С. 13.

⁶ Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М., 2004. С. 176. (Далее – ПСРЛ).

⁷ ДДГ. С. 14.

⁸ ПСРЛ. Т. XVIII. Симеоновская летопись. М., 2007. С. 96; Кучкин В.А. Договор Калитовичей (к датировке древнейших документов московского великокняжеского архива) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 16–24. См. также: *он же*. Договор 1348 г. великого князя Симеона Ивановича с братьями Иваном Звенигородским и Андреем Серпуховским // Средневековая Русь. Вып. 8. М., 2009. С. 101–175.

⁹ Клосс Б.М. Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. М., 1988. С. 304.

¹⁰ ДДГ С. 9.

¹¹ Клосс Б.М. Избранные труды. Т. I. С. 304.

¹² ПСРЛ Т. XXV. С. 179.

¹³ В московско–серпуховском докончании, составленном около 1367 г., об Ульяне говорится еще как о живой, а в аналогичном соглашении, написанном около 1374 г., зафиксирован уже раздел ее бывших владений (ДДГ. С. 20, 23; Клосс Б.М. Избранные труды. Т. I. С. 30–32).

¹⁴ Клосс Б.М. Избранные труды. Т. I. С. 304.

¹⁵ ДДГ. С. 10.

¹⁶ Там же. С. 35.

¹⁷ Там же. С. 16, 19.

¹⁸ Там же. С. 9, 14.

¹⁹ Там же. С. 11.

²⁰ ПСРЛ. Т. XXV. С. 172.

²¹ Там же. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 53.

²² Там же. Т. XXV. С. 173.

²³ Там же. Т. XVIII. С. 93.

²⁴ Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства. Пг., 1918. С. 162.

²⁵ Клосс Б.М. Избранные труды. Т. I. С. 304.

²⁶ ПСРЛ. Т. XXV. С. 168.

²⁷ Силкина И.А. Предки преподобного Сергия Радонежского и род Симона Варяга. Версия ростовского краеведа Александра Яковлевича Артынова (1813–1896) // Московский журнал. История государства Российского. Литературно–художественный, историко–краеведческий ежемесячный журнал. 2008. № 11. С. 42–49.

- ²⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 177.
- ²⁹ ДДГ. С. 11; ПСРЛ. Т. XVIII. С. 93.
- ³⁰ ДДГ. С. 13.
- ³¹ ДДГ. С. 13.
- ³² ПСРЛ. Т. XXV. С. 175.
- ³³ Ср.: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 244.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., Наука, 1969. 583 с.
2. *Зимин А.А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV-XVI вв. // Проблемы источниковедения. Вып. 6. М., 1958. С. 275-324.
3. *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. М.: Языки русской культуры, 1988. 564 с.
4. *Кучкин В.А.* Договор 1348 г. великого князя Симеона Ивановича с братьями Иваном Звенигородским и Андреем Серпуховским // Средневековая Русь. Вып. 8. М., 2009. С. 101-175.
5. *Кучкин В.А.* Договор Калитовичей (к датировке древнейших документов московского великокняжеского архива) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 16-24.
6. *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII-XV столетий. Пг., 1920. 494 с.
7. *Силкина И.А.* Предки преподобного Сергия Радонежского и род Симона Варяга. Версия ростовского краеведа Александра Яковлевича Артынова (1813-1896) // Московский журнал. История государства Российского. Литературнохудожественный, историкокраеведческий ежемесячный журнал. 2008. № 11. С. 42-49.
8. *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV-XVI вв. Ч. 1. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1948. 472 с.
9. *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб., 1889. 474 с.

Рогожин А. А.

Орловский музыкальный колледж

**ИТАЛЬЯНСКИЙ ТРАКТАТ
«IL MAESTRO DI CAMERA»
Ф. СЕСТИНИ ДА БИББИЕНА И ЕГО РОЛЬ
В СОЧИНЕНИЯХ КНЯЗЯ Б.И. КУРАКИНА
(1676-1727 гг.)**

Аннотация: В работе затрагивается вопрос об использовании известным русским дипломатом князем Б.И. Куракиным итальянского трактата начала XVII в. для написания отрывков о церемониале папского Рима. Эти отрывки вошли в сочинения князя, в том числе в его «Дневник и путевые заметки».

Ключевые слова: дипломатия, церемониал, папа римский, кардинал, трактат.

Rogozhin A. A.

Oryol Musical College

**THE ITALIAN TREATISE «IL MAESTRO DI CAMERA»
BU F. SESTINI DA BIBBIENA AND ITS ROLE IN THE WORKS
BY PRINCE B.I. KURARIN (1676-1727)**

Abstract: This work touches upon a question of how a famous Russian diplomat used the Italian treatise of the beginning of the 17th century to create passages about papal court's ceremonial. These passages became a part of his works, including his "Diary and travel notes".

Keywords: diplomacy, ceremonial, Pope, cardinal, treatise.

В 1707 г. офицер лейб-гвардии Семеновского полка князь Б.И. Куракин, прежде почти два года путешествовавший по Европе, был отправлен Петром I в Рим. В 1697-1698 гг. он уже был в Италии, изучая «навигационную науку» в Венеции. Тогда же он посетил, скорее всего, и Рим¹. Теперь же князь должен был прибыть в «Вечный город» инкогнито, чтобы уговорить папу римского не признавать шведского ставленника Станислава Лещинского польским королем². Это стало, по сути, началом дипломатической службы князя, продлившейся два десятилетия, до самой его смерти. В своих сочинениях Куракин отразил все перипетии переговоров в Риме, причем речь

идет не только об известном, хотя и опубликованном только в конце XIX в., «Дневнике и путевых заметках»³, но и отчете о выполнении поручения, т. н. «Протоколе римской комиссии»⁴.

Одной из особенностей записок Куракина, относящихся ко времени пребывания при папском дворе в 1707 г., было их исключительное внимание к церемониалу. Итогом его наблюдений за церемониалом Ватикана стала своего рода инструкция, включенная князем в текст своего «Дневника и путевых заметок», названная самим автором «Всех церемоний в Риме и обхождения, как надлежит быть одному инвизиту фамилии княжеской». В ней не только перечислялись многочисленные ритуалы папского Рима, но и описывались правила поведения, подобающие персоне такого ранга, как посланник Петра I, представитель русского аристократического рода⁵. Отрывки подобного справочного типа заметок рассеяны по всему тексту «Дневника и путевых заметок», отделяясь от предшествующего хронологически выстроенного повествования лишь заголовками⁶. В «Протоколе римской комиссии» есть также разделы, вторгающиеся в текст отчета о переговорах и встречах с кардиналами, такие как «О церемониях римского двора и других к тому поведениях», «Обычай того двора» и пр.⁷ В них Куракин составлял своего рода инструкцию для посланников к папскому престолу, предостерегающую от разного рода церемониальных неурядиц. Поведение самого князя превращалось в ориентир, идеальный набор действий идеального дипломата.

Необычайно подробные, со вниманием ко всем нюансам церемониала записки Куракина волей-неволей вызывают вопрос о проведенной им подготовительной работе. При всей исключительной проницательности князя некоторые отрывки из записок очень непросто связать со всего лишь наблюдательностью начинающего дипломата. На первых порах запутанность церемониала была для него существенной преградой к пониманию политических ритуалов папского Рима, о чем он писал в апреле 1707 г. А. А. Матвееву. В своем письме князь жаловался, что «при этом дворе не моему малоумству быть должно: кроме дел, одно обхождение здешними красными шляпами, в их церемониях не зная, надобно поступать. И все всего смотрят, малой самой речи, а паче всего нашего народу»⁸.

Определенную роль здесь могли сыграть связи князя с кардиналами и служителями папского двора. Уже в апреле 1707 г. Куракин считал, что дипломатическая часть поручения исчерпана, но, не имея никаких приказов из России, должен был оставаться в Риме⁹. Это приводило к постоянным встречам с кардиналами, каждый из которых имел свои интересы, заставлявшие их вести беседы с представителем Петра I в «Вечном городе». В этой среде у князя не оставалось иного выбора, кроме как изучать церемониал Ватикана, т. к. без этого он мог нечаянно подвергнуться «умалению чести». Однако он нигде не писал о советах со стороны, разговорах с какими-либо «экспертами», хотя

в дальнейшем при других дипломатических поручениях охотно пользовался их услугами¹⁰. Едва ли он мог опираться и на свой предыдущий опыт пребывания в Риме в 1698 г., т.к. это путешествие было довольно непродолжительным.

Наконец, судя по заметкам князя, к пребыванию при папском дворе он готовился заранее. Среди его бумаг есть отрывок, написанный до прибытия в Рим, в котором описывался предполагаемый порядок действий, в целом совпадающий с тем, с чем столкнулся князь¹¹. Кроме того, Посольская канцелярия при отправлении снабдила князя не только инструкцией о переговорах, но и справкой о предыдущих встречах представителей русского правительства с папой римским¹². Но представленный им в записках изощренный церемониал далек от описанного в известных нам статейных списках русских посланников в Риме.

Нам представляется вполне реалистичной гипотеза, что князь для своих записок использовал какие-либо итальянские церемониальные трактаты, предназначенные для всех интересующихся папским двором и римским нобилитетом. В XV-XVII вв. в Италии вышел целый ряд сочинений, не просто предназначенных для послов и посланников, но зачастую и написанных опытными дипломатами¹³. Некоторые сочинения позволяли изучать хитросплетения церемониала папского двора, как это было в случае с «*De Oratoribus Romanae Curiae*» П. Грасси¹⁴.

Интерес к иностранным сочинениям был присущ и Посольскому приказу/Посольской канцелярии в петровскую эпоху. Потребность в верных ориентирах для выстраивания церемониала при работе с иностранными послами в России, в подготовке инструкций для послов русского правительства за границей, вероятно, заставляла Посольскую канцелярию требовать от своих представителей при европейских дворах развернутого описания церемоний. Во всяком случае, русский посол во Франции А. А. Матвеев в 1700-х гг. не только отправлял своему начальству в Россию описание церемоний французского, английского и голландского дворов, но и перевел сочинение графа Ф.Л. фон Цинцендорфа о посольском церемониале в королевской Франции. В 1710-х гг. П. В. Постников перевел известное сочинение А. де Викфора «*L'Ambassadeur et ses fonctions*», получившее название «О послах и министрах чужестранных и о должности дел их, и что есть посол и честь его»¹⁵.

В этом ряду интерес Куракин не просто не был чем-то исключительным, но, напротив, скорее был частью его дипломатической работы. Но князь пошел еще дальше, не только подмечая некоторые особенности церемониала папского Рима, но и составляя своего рода инструкции для будущих послов. Запутанность системы политических ритуалов папского двора, ее особенности, с которыми зачастую нельзя было встретиться где-то за пределами Рима, могли привести к заимствованию Куракиным отрывков из итальянских трактатов. Но здесь первостепенным должен быть не поиск цитат из источников князя,

а изучение самой структуры и состава «церемониальных» отрывков в его сочинениях. По нашему предположению, работая над этими отрывками, Куракин ориентировался на итальянский трактат начала XVII в. «Il Maestro di Camera» Ф. Сестини да Биббиена.

Куракин в течение всей своей дипломатической службы приобретал книги на разных языках. В числе книг в парижской библиотеке князя была «Relatione della corte di Roma»¹⁶. Очевидно, что речь идет о сочинении Д. Лунадоро, популярном в Европе XVII в. Однако писцы парижского банкира Ф. Туртона, готовившие опись библиотеки князя уже после его смерти, не пытались подробно перечислять попавшие им в руки издания. Они лишь указывали заглавие книги, обычно неполное, без имени автора. Мы предполагаем, что приведя в описи название «Relatione della corte di Roma», писцы имели в виду не только это сочинение, а конволют, куда помимо работы Д. Лунадоро, включались «Il Maestro di Camera» Ф. Сестини да Биббиена и «Roma ricercata nel suo sito» Ф. Мартинелли¹⁷.

В списке книг, приобретенных князем в Риме, это издание не встречается, но совпадения между ним и записками князя говорят о том, что во время «римской комиссии» оно уже было у него под рукой. Можно предположить, что эта книга могла быть приобретена до начала его тайной дипломатической миссии при папском дворе. Издание трех сочинений, связанных с Римом, в качестве конволюта, началось с падуанского издания П. Фрамботто 1650 г. Впоследствии этот ход был повторен уже в других изданиях, в частности, венецианских¹⁸. «Roma ricercata nel suo sito» Ф. Мартинелли был одним из самых популярных путеводителей по Риму во второй половине XVII в., используя вплоть до XIX в.¹⁹ Два других сочинения затрагивали вопрос о нравах и отношениях внутри папской курии, с особенным вниманием к тем ритуалам, которые встречались на любом ее уровне. Эти сочинения больше соответствовали предполагаемой цели Куракина изучить насыщенное семиотическое пространство, в котором существовал папский двор, поэтому мы подробнее остановимся на них.

Д. Лунадоро писал свое «Relatione della corte di Roma» с 1611 г. для будущего кардинала Карло Медичи, по поручению его матери. Сочинение быстро распространялось в рукописном виде и до, и после своей первой публикации в 1635 г. Д. Лунадоро служил некоторое время «маэстро ди камера» кардинала Ч. Альдобрандини, племянника папы римского Климента VIII, а затем Ф. Карафы и Ф. Боргезе, племянника и брата нового папы римского Павла V²⁰. Опыт Д. Лунадоро позволил подробно описать всю иерархию папского двора, существовавшие здесь различные чины и должности, особенности церемониала и распространенные ритуальные практики. «Il Maestro di Camera» Ф. Сестини да Биббиены было впервые напечатано во Флоренции в 1621 г. Автор был «маэстро ди камера» тосканского посланника в Риме, и, соответственно, мог в совершенстве изучить проблему церемониала²¹. Однако это не спасло его от ошибок, побудив несо-

гласных с его трактовкой ритуалов папского двора готовить многостраничные исправления²², хотя сочинение все же приобрело популярность.

Сама публикация «*Relatione della corte di Roma*» была предпринята по инициативе племянника уже почившего автора и была своего рода ответом на печать «*Il Maestro di Camera*» Ф. Сестини да Биббиена. Считается, что последний просто опубликовал под своим именем часть имевшего хождение в рукописи сочинения предшественника или, во всяком случае, многое заимствовал из него²³. В любом случае, появление их в составе одного конволюта отражало связь между двумя справочниками, описывавшими основные черты церемониала папского двора²⁴. Несмотря на эту связь, при публикации их в одном томе разница становилась заметнее. Д. Лунадоро больше сосредоточен на описании курии, его сочинение в большей степени путеводитель по папскому двору для «форестьеров»²⁵. Ф. Сестини да Биббиена составил справочник для кардинальского «*maestro di camera*», который должен четко себе представлять, как встречать того или иного гостя, как провожать, какую одежду подать кардиналу и т. д.

Куракин же должен был избрать радикально иную точку зрения, т. к. в этой церемониальной системе был на противоположной стороне. По этой причине текст Ф. Сестини да Биббиена должен был быть «разобран» на части и использован наоборот, с точки зрения посетителя кардинальских резиденций. Князь не цитировал итальянский трактат, а скорее опирался на его текст, для того, чтобы точнее построить свои инструкции для послов. К тому же князь не мог цитировать сочинение еще и потому, что все перечисленные в нем иерархии послов и посланников европейских государств, по отношению к которым по-разному выстраивался церемониал, не включали в себя Россию и послов русского царя. Куракин дополнил текст своими собственными впечатлениями и представлениями, но это не препятствовало тому, что «*Il Maestro di Camera*» оставался пусть и приблизительным, но все же ориентиром.

В «Дневнике и путевых заметках» князя есть уже упоминавшийся примечательный раздел, названный им «Всех церемоний в Риме и обхождения, как надлежит быть одному инвияту фамилии княжеской»²⁶. Целый ряд тезисов из него, судя по всему, навеян изучением трактата Ф. Сестини да Биббиены. В частности, в нем подробно расписывалось, где и как кардинал должен был встречать гостей разного статуса. Об этом же, с подробным указанием различных позиций, на которых мог встречать гостя кардинал, писал и князь²⁷. Также оценивалось и то, как именно поставлены кресла в камор-аудиенции, и как далеко кардинал провожал гостя после разговора²⁸. Князь подробно описывал различия в одежде кардинала при встрече и связанные с этим степени почета. Таковую же существенную роль гардероб кардинала играл и в сочинении Ф. Сестини да Биббиена²⁹.

Особое внимание князя привлекла организация движения по улицам Рима. В городе, где на узких улицах могли встретиться послы европейских государств,

итальянская аристократия и кардиналы, эта запутанная система периодически приводила к ссорам и спорам³⁰. Здесь Куракин не просто переработал текст Ф. Сестини да Биббиена. В «Il Maestro di Camera» этому вопросу посвящена лишь одна, и довольно-таки краткая, глава. Итальянец лишь расписал порядок действий кардиналов при встрече на улице Рима с разными высокопоставленными персонами, с выводом, кто же и кому должен был уступать дорогу³¹. Куракин скрупулезно разбирал виды экипажей, используемых в Риме, детали их убранства, говорившие о статусе человека внутри их, кому полагалось в них передвигаться, порядок движения и т. д.³² В этом вопросе сама служба князя в Риме подводила его к необходимости изучения этой системы для предупреждения казусов, а роль итальянского трактата была малозаметной.

Если сравнивать раздел, написанный князем для своего «Дневника и путевых заметок», и выводы, к которым пришел несколькими десятилетиями ранее Ф. Сестини да Биббиена, то можно заметить, как высоко оценивал свой статус русский дипломат. Притязаниям Куракина способствовал, по его мнению, княжеский титул. В конце концов, «инструктивный» раздел «Дневника и путевых заметок» начинается с заголовка «Всех церемоний в Риме и обхождения, как надлежит быть одному *инвияту фамилии княжеской* (курсив наш — *A.P.*)». Церемониальные успехи князь связывал не только со статусом русского царя, но и с благородным происхождением собственной персоны. Когда к Куракину прибыл сам кардинал-декан, князь посчитал эту честь не проявлением «приятства» Петру I, но выражением «решпекта» ему самому, «...не под тем именем отдают честь государю якобы инвияту, но под именем моей власной чести, яко есть князь Корибут Куракин», добавляя, что «...то учинено в мою персону и почтение, а не в персону суверейна»³³.

Неизвестно, рассчитывал ли Куракин использовать «церемониальные» отрывки из «Дневника и путевых заметок» или «Протокола римской комиссии» в дальнейшем, превратив свои заметки в завершённые инструкции для русских послов в Риме. В любом случае, «Протокол римской комиссии» остался лишь отчетом для Посольской канцелярии, а «Дневник и путевые заметки» до своей публикации в XIX в. были неизвестной рукописью, занятым опытом изобретательного русского дипломата. Но при их анализе стоит учитывать, что пресловутая «вестернизация» русской культуры начала XVIII в. в случае с Куракиным проявилась не только в наблюдении и оценке европейской реальности, но в рецепции произведений предшествующих эпох. Приобретя итальянский трактат, написанный почти за сто лет до этого, князь смог изучить церемониал папского Рима, причем вполне возможно до того, как он смог наблюдать его воочию. Его собственные попытки написать инструкцию по этому церемониалу во многом были навеяны «Il Maestro di Camera» Ф. Сестини да Биббиены, но природная наблюдательность и реальный опыт пребывания при папском дворе сподвигли его на переработку целого ряда пунктов сочинения предшественника.

¹ *Шереметев П.* Владимир Петрович Шереметев. 1668–1737. М., 1913. С. 73-74, 76.

² См. инструкцию, врученную Б.И. Куракину в Жолкиеве в 1707 г. в Архив кн. Ф.А. Куракина. Т. II / Под. ред. М.И. Семевского. СПб., 1891. С. 8-9. О поручении князя и его исполнении см. *Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. Т. I. СПб., 1876; *Pierling P.* La Russie et le Saint-Siege. Etude diplomatiques. Vol. IV. Paris, 1907. P. 205-222; *Кедров С.И.* Русь Петра Великого за границей. Посольство князя Б.И. Куракина в Рим // *Русский архив*, 1903, №11. С. 353-391; Шмурло Е.Ф. Сношения России с папским престолом в царствование Петра Великого (1697-1707) // *Историки-эмигранты. Вопросы русской истории в работах 20-30-х гг. М., 2002.* С. 210-275; Staszewski J. Die Mission des Fürsten Boris Kurakin in Rom in Jahre 1707 // *Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen Festschrift für Eduard Winter zum. 70. Geburtstag (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas. B. XV) /Hrsg. von W. Stenitz, P.N. Berkov, B. Suchodolski und J. Dolansky.* Berlin, 1966. S. 200-214; *Плюханова М.Б.* Борис Иванович Куракин в Риме в 1707 году // *Dalla Russia in Italia. Intellettuati artisti a Roma (XVIII e XIX secolo) / a cura di S. Androsov ed altri.* Salerno, 2015 (Collana di Europa Orientalis). С. 23-40.

³ В оригинале самим Б.И. Куракиным названо «Giornal che io il primo volte scomencavo scriver del tuti cosi in mio vito, quanto cosa sara e ancora tatto mio viagge per mundo». Эти заметки князь начал вести еще во время путешествия по Европе в 1705-1706 гг. См. Архив кн. Ф.А. Куракина. Т. I. / Под. ред. М.И. Семевского. СПб., 1890. С. 101-240.

⁴ РГАДА. Ф. 78. Сношения России с римскими папами. Оп. 1. № 17.

⁵ Архив кн. Ф.А. Куракина. Т. I. / Под. ред. М.И. Семевского. СПб., 1890. С. 180-190, 193.

⁶ Там же. С. 193-194, 206-207 и др.

⁷ См. РГАДА. Ф. 78. Сношения России с римскими папами. Оп. 1. № 17.

⁸ Архив кн. Ф.А. Куракина. Т. III. / Под ред. М.И. Семевского и В.Н. Смольянинова. СПб., 1892. С. 347-348.

⁹ См. письма князя Г.И. Головкину, А.Д. Меншикову, Я.В. Брюсу в Архив кн. Ф.А. Куракина. Т. III / Под ред. М.И. Семевского и В.Н. Смольянинова. СПб., 1892. С. 346-348.

¹⁰ В частности, в 1720 г. князь специально нанял на службу офицера, ранее служившего в английской армии, который был «искусной человек весьма на пере и уже многия книги о конституциях агленских писал» и нужен был князю «для публичных писем». См. Архив кн. Ф.А. Куракина. Т. II / Под ред. М.И. Семевского. СПб., 1891. С. 414.

¹¹ Там же. Т. III / Под ред. М.И. Семевского и В.Н. Смольянинова. СПб., 1892. С. 181-182.

¹² См. РГАДА. Ф. 78. Сношения России с римскими папами. Оп. 1. № 17. Л. 3.

¹³ См. составленный Даниэлой Фриго перечень *Political Thought and Diplomacy: Towards an Index of Works (1560-1680)* (Электронный ресурс: <http://www.enbach.eu/en/content/political-thought-and-diplomacy-towards-index-works-1560-1680>. Дата обращения: 14.03.2020). См. также *Fletcher C.* Diplomacy in Renaissance Rome. The Rise of the Resident Ambassador. Cambridge: Cambridge UP, 2015. P. 38-39.

¹⁴ *Fletcher C.* Diplomacy in Renaissance Rome. The Rise of the Resident Ambassador. Cambridge: Cambridge UP, 2015. P. 39, 64-70.

¹⁵ *Агеева О.Г.* Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М., 2012. С. 30-31, 125; *Шмурло Е.Ф.* П.В. Постников. Несколько данных для его биографии. Юрьев, 1894. С. 146-147. Заметим, что А.А. Матвеев в своем дневнике пребывания во Франции использовал отрывки из справочника «L'Etat de France», сочинений Л. Морери и Ж. Бриса. См. *Русский дипломат во Франции (записки Андрея Матвеева)* / Публ. подг. И.С. Шарковой, под ред. А.Д. Люблинской. Л., 1972. С. 243-248, 259-260.

¹⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 3 (фонд Куракиных). Оп. С(тарая). № 74. Л. 387.

¹⁷ Мы использовали венецианское издание П. Бригонци 1660 г. На титульном листе конволюта приведены названия всех трех сочинений, вошедших в его состав, но, помимо этого, сочинения Ф. Сестини да Биббиена и Ф. Мартинелли имеют отдельные титульные листы и пагинацию.

¹⁸ См. *Pierguidi S.* Due autori per la Nota delli Musei del 1664: Giovanni Pietro Bellori e Fioravante Martinelli // *La Bibliofilia*. Vol. 113. № 2 (maggio-agoŝto 2011). P. 227-229.

¹⁹ *Fogelberg Rota S.* Fioravante Martinelli's Roma ricercata nel suo sito and his «lettore forastiero» // *Rome and the Guidebook Tradition. From the Middle Ages to the 20th Century* / Ed. by A. Blennow and S. Fogelberg Rota. Berlin/Boston, 2019. P. 163-196.

²⁰ *Fogelberg Rota S.* Op.cit. P. 191. См. также Crucitti F. Lunadoro, Girolamo // *Dizionario Biografico degli Italiani*. Vol. 66. Roma (Электронный ресурс: [http://www.treccani.it/enciclopedia/girolamo-lunadoro_\(Dizionario-Biografico\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/girolamo-lunadoro_(Dizionario-Biografico)/)). Дата обращения: 14.04.2020).

²¹ *Visceglia M.A.* Il cerimoniale come linguaggio politico. Su alcuni conflitti di precedenza alla corte di Roma tra Cinquecento e Seicento // *Cérémonial et rituel à Rome (XVIe-XIXe siècle)*. Rome, 1997. P. 134-135.

²² В частности, в Льеже в 1634 г. было выпущено сочинение Ш. Амати, протонотария кардинала Гинасси, под названием «Censura del maestro di camera di Francesco Seŝtini da Bibbiena». См. *Visceglia M.A.* Op. cit. P. 135.

²³ *Pierguidi S.* Op.cit. P. 227.

²⁴ О связи двух сочинений см. *Pierguidi S.* Op.cit. P. 227-228, а также *Fogelberg Rota S.* Op.cit. P. 190-193.

²⁵ *Daly Davis M.* Giovan Pietro Bellori and the «Nota delli musei, librerie, galerie, et ornamenti di statue e pitture ne' palazzi, nelle case, e ne' giardini di Roma» (1664): Modern libraries and ancient painting in Seicento Rome // *Zeitschrift für Kunstgeschichte*. 2005. 68 Bd., H. 2. P. 195.

²⁶ Архив кн. Ф.А. Куракина. Т. I. / Под. ред. М.И. Семевского. СПб., 1890. С. 178-191.

²⁷ Там же. С. 181, 183; *Seŝtini da Bibbiena F.* Il Maestro di camera. Trattato di Francesco Seŝtini da Bibbiena. Di nuovo ricoretto, seconde il Cerimoniale Romano. Et in quest'ultima impressione di diversi errori emendato. Venetia, 1660. Cap. XXXIII. P. 82-85.

²⁸ Архив кн. Ф.А. Куракина. Т. I. / Под. ред. М.И. Семевского. СПб., 1890. С. 181, 184. *Seŝtini da Bibbiena F.* Op. cit. Cap. XXXIV-XXXV. P. 85-90.

²⁹ Архив кн. Ф.А. Куракина. Т. I. / Под. ред. М.И. Семевского. СПб., 1890. С. 183. См. *Seŝtini da Bibbiena F.* Op. cit. Cap. XXXI. P. 75-76.

³⁰ См. об этом подробнее *Hunt J.M.* Carriages, Violence, and Masculinity in Early Modern Rome // *I Tatti Studies in the Italian Renaissance*. Vol. 17. №. 1 (Spring 2014). P. 175-196 или *Hunt J.M.* The Ceremonial Possession of a City: Ambassadors and their Carriages in Early Modern Rome // *Royal Studies Journal*. 2016. Vol. 3. № 2. P. 69-89.

³¹ *Seŝtini da Bibbiena F.* Op. cit. Cap. XL. P. 95-96.

³² Архив кн. Ф.А. Куракина. Т. I. / Под. ред. М.И. Семевского. СПб., 1890. С. 178-180.

³³ РГАДА. Ф. 78. Сношения России с римскими папами. Оп. 1. № 17. Л. 180б.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агеева О.Г.* Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М., 2012. 891 с.;
2. *Кедров С.И.* Русь Петра Великого за границую. Посольство князя Б.И. Куракина в Рим // Русский архив. 1903. № 11. С. 353-391;
3. *Плюханова М.Б.* Борис Иванович Куракин в Риме в 1707 году // Dalla Russia in Italia. Intellettuali artisti a Roma (XVIII e XIX secolo) / a cura di S. Androsov ed altri. Salerno, 2015 (Collana di Europa Orientalis). С. 23-40;
4. *Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. Т. I. СПб., 1876. 537 с.;
5. *Шереметев П.* Владимир Петрович Шереметев. 1668-1737. М., 1913. 416 с.;
6. *Шмурло Е.Ф.* П.В. Постников. Несколько данных для его биографии. Юрьев, 1894. 167 с.;
7. *Шмурло Е.Ф.* Сношения России с папским престолом в царствование Петра Великого (1697-1707) // Историки-эмигранты. Вопросы русской истории в работах 20-30-х гг. М., 2002. С. 210-275;
8. *Crucitti F.* Lunadoro, Girolamo // Dizionario Biografico degli Italiani. Vol. 66. Roma (Электронный ресурс: [http://www.treccani.it/enciclopedia/girolamo-lunadoro_\(Dizionario-Biografico\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/girolamo-lunadoro_(Dizionario-Biografico))). Дата обращения: 14.04.2020);
9. *Daly Davis M.* Giovan Pietro Bellori and the «Nota delli musei, librerie, galerie, et ornamenti di statue e pitture ne' palazzi, nelle case, e ne' giardini di Roma» (1664): Modern libraries and ancient painting in Seicento Rome // Zeitschrift für Kunstgeschichte. 2005. 68 Bd., H. 2. P. 191-233;
10. *Fletcher C.* Diplomacy in Renaissance Rome. The Rise of the Resident Ambassador. Cambridge: Cambridge UP, 2015. 194 p.;
11. *Fogelberg Rota S.* Fioravante Martinelli's Roma ricercata nel suo sito and his «lettore forastiero» // Rome and the Guidebook Tradition. From the Middle Ages to the 20th Century / Ed. by A. Blennow and S. Fogelberg Rota. Berlin/Boston, 2019. P. 163-196;
12. *Hunt J.M.* Carriages, Violence, and Masculinity in Early Modern Rome // I Tatti Studies in the Italian Renaissance. Vol. 17. № 1 (Spring 2014). P. 175-196;
13. *Hunt J.M.* The Ceremonial Possession of a City: Ambassadors and their Carriages in Early Modern Rome // Royal Studies Journal. 2016. Vol. 3. № 2. P. 69-89;
14. *Pierguidi S.* Due autori per la Nota delli Musei del 1664: Giovanni Pietro Bellori e Fioravante Martinelli // La Bibliofilia. Vol. 113. № 2 (maggio-agoŝto 2011). P. 225-232;
15. *Pierling P.* La Russie et le Saint-Siege. Etude diplomatiques. Vol. IV. Paris, 1907. 464 p.;
16. *Staszewski J.* Die Mission des Fürsten Boris Kurakin in Rom in Jahre 1707 // Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen Festschrift für Eduard Winter zum. 70. Geburtstag (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas. B. XV) / Hrsg. von W. Stenitz, P.N. Berkov, B. Suchodolski und J. Dolansky. Berlin, 1966. S. 200-214;
17. *Visceglia M.A.* Il cerimoniale come linguaggio politico. Su alcuni conflitti di precedenza alla corte di Roma tra Cinquecento e Seicento // Cérémonial et rituel à Rome (XVIe-XIXe siècle). (Publications de l'École Française de Rome. 231) / a cura di M.A. Visceglia e C. Brice. Rome: École Française de Rome, 1997. P. 117-176.

Солодкин Я.Г.

Нижевартовский государственный университет

«РОСПИСИ» АДМИНИСТРАТОРОВ ГОРОДОВ И ОСТРОГОВ В СТАРШЕЙ РЕДАКЦИИ СИБИРСКОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА

Аннотация: Сибирский летописный свод состоит преимущественно из основанных на документах Приказной палаты Тобольска перечней воевод, письменных голов и дьяков городов и острогов, в первую очередь столицы «русской» Сибири. В эти перечни, появлявшиеся вскоре после приезда в Тобольск новой «перемены», в приказной избе вносились и более поздние сведения, фиксировавшиеся — и весьма оперативно, и через несколько лет, а то и спустя десятилетие — анонимными книжниками. Ошибки, нередкие в «рописях» administrators, зачастую возникали вследствие редактирования документальных сведений создателями свода.

Ключевые слова: Сибирский летописный свод, росписи воевод, письменных голов и дьяков, редактирование этих росписей создателями свода, Тобольский разряд, «перемены» сибирских administrators, основной текст «рописей» сибирских «начальных людей» и дополнения к нему, приказная палата.

Solodkin J. G.

Nizhnevartovsk State University

ADMINISTRATORS`S «ROSPISI» OF CITIES AND TEMPORARY SETTLEMENT IN SENIOR EDITION OF THE SIBERIAN ANNALISTIC VAULT

Abstract: The Siberian annalistic vault consists mainly of lists of governors based on documents from the Tobolsk order chamber, the written heads and clerks of cities and prison, primarily the capital of «Russian» Siberia. These lists, which appeared shortly after the arrival of a new «change» in Tobolsk, included later information in the hut, which was recorded very quickly, and after a few years, or even a decade later, by anonymous scribes. Errors that are not uncommon in the «rospisi» of administrators often arose as a result of editing the documentary information by the authors of Siberian annalistic vault.

Keywords: Siberian chronicle, «rospisi» of the governor, written heads and clerks, editing of these chronicles by the creators of the chronicle, Tobolsky rank, «changes» of Siberian administrators, the main text of the «rospisi» of Siberian «initial people» and additions to it, the order chamber.

Как отмечалось многими исследователями, «Книга записная» (далее — КЗ) — старшая среди дошедших до нас редакций Сибирского летописного свода (далее — СЛС), работа над которой прервалась в 1688/89 г.¹, — состоит преимущественно из «рописей» воевод, письменных голов, дьяков и подьячих с приписью городов и острогов Азиатской России. Только в двух этих «рописях» (за 1602/03-1604/05 и 1622/23-1624/25 гг.)² (а всего их насчитывается 29) мы не находим внесенных со временем дополнений, в остальных таких перечнях легко выделяются основной текст и более поздние наслоения³.

Во многих «реестрах» сибирских «градодержателей» зафиксированы перемены в составе администраторов «стольного» Тобольска. Так, сообщается о смертях окольного М. М. Салтыкова (на пути к месту службы, в Верхотурье), боярина князя Д. Т. Трубецкого (24 июня 1625 г.)⁴, вторых воевод О. М. Пушкина (в течение 1600/01-1601/02 гг.)⁵, князей Г. И. и И. И. Посного Гагариных (в начале 1616 и 1656 гг.), И. В. Волынского Птицы (в течение 1628-1629 гг.), В. М. Одица Беклемишева, Д. С. Яковлева (21 февраля 1660 и 1663/64 гг.)⁶, стольника князя И. Ф. Щербатого (28 апреля 1672 г.), дьяков Н. Перфирьева, И. Г. Переносова⁷, Б. Обобурова, Г. Углева, Ф. Протопопова, Ф. С. Калинина в 1612/13, 5 июня 1646, 1656/57, 1657/58, 13 марта 1677 и 16 января 1685 гг.⁸ (141, 143-145, 148, 154, 160, 165, 168), о прибытии воевод князей И. М. Катырева-Ростовского (осень 1608 г.) и А. А. Хованского (24 февраля 1626 г.), А. В. Волынского Птицы (1626/27 г.), Г. А. Загряжского (1628/29 г.)⁹, князя И. И. Посного Гагарина (26 марта 1654 г.)¹⁰, дьяков И. Г. Булыгина (1613/14 г.), Г. Р. Углева (21 декабря 1651 г.), И. П. Михайлова (18 августа 1658 г.), А. Парфенова (его перевели из Верхотурья на должность «меньшего» дьяка вместо Ф. А. Злобина, сменившего в качестве «большого» дьяка А. И. Чистова), а также письменных голов¹¹, московских подьячих, об отзыве в столицу вторых воевод М. А. Вельяминова (1626/27 г.) и Б. Ф. Болтина (март 1654 г.), дьяка Т. Васильева (1651 г.) (143, 144, 148, 149, 158, 160, 171)¹². Не раз в КЗ констатируются случаи досрочного отъезда в Москву тобольских «седоков» (155-157, 166, 170, 172, 176). Летописец счел нужным сообщить и о смертях в сибирском «царствующем граде» матери князя А. Н. Трубецкого Евдокии («во иноцех» схимницы Евфимии) в 1628/29 г. и жены князя Г. С. Куракина Евдокии 11 апреля 1645 г. (149, 154). Кроме того, в КЗ сказано о проезде через Тобольск «начальных людей» Ленского и Енисейского разрядов, боярина князя К. О. Щербатого, енисейского, кетского, якутского и илимского воевод

Я.И. Хрипунова¹³, В.П. Атяева, И.В. Приклонского и И.Д. Зубова, о кончине в этом городе («в Борисове дворе ключарь») ехавшего в Красноярский острог воеводы М.О. Оничкова¹⁴ (146-147, 152, 161, 168, 175, 176). Любопытна и запись о женитбе «у немчина полковника» в Тобольске сосланного туда в 1661/62 г. в дети боярские сына илимского воеводы Т.А. Вындомского Вавилы (161)¹⁵. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что известие о смерти в «столнейшем граде» Сибири 29 ноября 1646 г., во время следствия, накануне управлявшего Нарымом И.Л. Скобельцына завершает рассказ (как и сообщение о возвращении в Москву вдовы этого воеводы с телом мужа и детьми), посвященный «нарымскому делу», — рассказ, приуроченный к периоду «сидения» в Тобольске князя П.И. Пронского «с товарищи» (май 1639 — май 1643 гг.) (152). Таким образом, соответствующая «ропись» была дополнена спустя несколько лет.

По всей видимости, с приездом в Тобольск новой «перемены» в его приказной «палате» фиксировался круг местных администраторов¹⁶, а с течением времени в соответствующую запись могли вноситься изменения. Об этом, кроме КЗ, свидетельствует список тобольских «властодержцев» за 1589/90-1631 гг. по рукописи из собрания С.О. Долгова, включающей Есиповскую летопись Основной редакции. В этом списке (75-76)¹⁷, между прочим, говорится о кончинах дьяка Н. Федорова (Перфильева) и боярина князя Д. Т. Трубецкого.

Бросается в глаза, что в перечне провинциальных воевод за 1600/01-1601/02 гг., подчиненных главе Тобольского разряда Ф.И. Шереметеву, назван ряд «градодержателей» предшествующих лет (141), причем порой ошибочно¹⁸. Этот перечень был составлен спустя как минимум несколько лет после 1625 г., когда Березов покинули князь Ф.А. Козловский и А.И. Ширин¹⁹, названные местными воеводами на протяжении 1599/1600-1600/01 гг.

В разделе за 1612/13-1614/15 гг., когда тобольскими «седоками» являлись князь И.П. Буйносов-Ростовский и Н.М. Пушкин, говорится о новых воеводах, приехавших в 1614/15 г. в Сургут, Нарым и Мангазею.

В бытность боярина князя И.С. Куракина наместником «русской» Сибири (январь 1616 — май 1620 гг.), оказывается, произошли перемены в составе администраторов Тюмени и Томска (в 1616/17 г.), Мангазеи (в 1617/18 г.), умерли второй воевода Тары П.С. Лутохин и старший воевода Березова Б.Л. Зюзин (в 1617/18 г.); последнего сменил П.В. Вольнский, тогда же переведенный в Мангазею. Кроме того, в 1617/18 г. первые воеводы прибыли в заложенный накануне Кузнецкий острог (144-145).

В пору «сидения» в Тобольске боярина М.М. Годунова (май 1620 — май 1623 гг.), если следовать КЗ, новые воеводы начали «разряд чинить» в Кетске (с 1620/21 г.) и Нарыме (со следующего года), Туринске и Пелыме (который сгорел в 1620/21 г.) (146-147; ср. 139-140).

При князе А. А. Хованском (февраль 1626 — март 1628 гг.) с 1626/27 г. Красноярским острогом («срубленным» годом прежде А. В. Дубенским) стал вестись А. А. Уваров, Нарымом — С. М. Ушаков, а после его смерти — направленный из Тобольска в 1627/28 г. письменный голова П. И. Салманов. Когда Тарой (с 1626/27 г. — времени «перемены») воевод во всех сибирских городах) управляли князь Ю. И. Шаховской и М. Ф. Кайсаров, от их «насилия» изменили «подгородные» татары, и эти воеводы, — заметил летописец, — четыре года жили «на Таре» в опале, пока в 1632/33 г. не последовало распоряжение государя отпустить Шаховского и Кайсарова «к Москве», если они расплатятся с татарами (148-149). Данная запись сделана как минимум через четыре с половиной года после возвращения князя А. А. Хованского из Тобольска в столицу.

Сообщив (в статье за 1628-1631 гг.) про образование в Сибири в 1628/29 г. нового разряда, центром которого сделался Томск, анонимный книжник упомянул о смерти посланного туда дьяка С. В. Головина «на дороге» (149).

В следующей статье, приуроченной к 1631-1633 гг., говорится о том, что подьячий И. Селетцын «во 141-м году к Москве ехал из Томскова совсем» (150)²⁰.

В перечне «начальных людей» Тобольского и Томского разрядов за 1633-1635 гг. (старшим из этих администраторов являлся князь А. А. Голицын) значится управлявший Томском с 1632/33 г. князь Н. И. Егупов-Черкасский, а следом читаем про сыск о князе Никите, который вел там письменный голова из Тобольска А. А. Волохов в 1635/36 г. (150-151)²¹, т. е. уже при очередном сибирском «скипетродержце» князе М. М. Темкине-Ростовском²². В «реестре» провинциальных воевод «Сибирского царства» тех лет, когда его «наместником» был князь П. И. Пронский (май 1639 — май 1643 гг.), отмечены кончина князя Н. М. Барятинского в Мангазее, замена в Сургуте А. С. Вельяминова А. С. Воейковым, назначение князя С. В. Мосальского в Томск в 1639/40 г. (после смерти на пути в этот разрядный центр князя И. И. Лобанова-Ростовского), выступление в том же году в поход «на киргиз» младшего тарского воеводы Я. О. Тухачевского, наконец, служба в Енисейске с 1641/42 г. О. Г. Оничкова, умершего два года спустя (152)²³, т. е. уже при новом тобольском «седоке» князе Г. С. Куракине²⁴. Сообщая о его пребывании в сибирской столице (май 1643 — январь 1646 гг.), создатель КЗ указал на смену воевод в Пелыме, Тюмени, Сургуте, смерть мангазейского дьяка Г. Теряева (которого «на море разбило»), после чего дьяка в Мангазее не назначали, а также, что примечательно больше всего, кончину якутского воеводы В. Н. Пушкина в 1648/49 г. (154), иначе говоря, тогда, когда в Тобольске завершилось «сиденье» боярина И. И. Салтыкова и начал распоряжаться стольник В. Б. Шереметев. В годы этого «сиденья» (май 1646 — май 1649 гг.), как узнаем из КЗ, состав сибирских «начальных людей» заметно обновился. В 1647/48 г. во главе верхотурской администрации оказались Б. С. Дворянинов и подьячий с приписью И. Недовесков; умершего в следующем

году Дворянинова сменил живший накануне в Тюмени опальный Р.Р. Всеволодский (ср. 201, примеч. 38), которому потом «указано быть опять на Тюмене», где он «и умре и с дочерью». Очутившийся в 1646/47 г. в Мангазее Я.О. Тухачевский скончался через шесть недель, и в начале следующего года туда выехали тобольский письменный голова А.Т. Секерин с сыном Андреем; первый из них спустя три недели умер, и «досеживали до перемены» (приезда в начале 1648/49 г. воеводы Ф.И. Байкова²⁵) А.А. Секерин «молодой» с подьячим Я.И. Чермным (из Тюмени)²⁶. В Томске с 1644/45 г. воеводствовал О.И. Щербатов — родной брат князя Дмитрия, которого не стало там в предыдущем году; скончались и томский дьяк Б.И. Патрикеев (ср. 344)²⁷, красноярский воевода М.Ф. Дурново²⁸. Как заметил летописец, со времени, когда этим городом начал управлять Г.И. Бутурлин — «выезжей из Литвы», «на Таре учили быть по одному воеводе». С 1646/47 г.²⁹ Илимским острогом ведали воеводы, первым из которых явился Т.В. Шушерин; когда он скончался (уже после приезда в Тобольск В.Б. Шереметева), то «досеживал до перемены племянник его». Кроме того, в течение 1649-1652 гг. новые администраторы приехали «на Верхотурье» (155-157).

За четыре года 3 месяца, пока главой Тобольского разряда являлся стольник князь В.И. Хилков (май 1652 — август 1656 гг.), иные, чем прежде, «градодержатели» стали нести службу в Верхотурье, Тюмени (там воеводу И.Т. Веригина в 1653/54 г. сменил тобольский письменный голова Н.И. Елдезин, а последнего в 1654/55 г. — М.А. Полуектов³⁰), Березове, Сургуте (вначале сын боярский из Тобольска Г.Д. Костелецкий, затем воевода «с Москвы» П.Т. Кондырев), Нарыме, Енисейске³¹, Якутске³² (158).

В течение без малого трех лет, когда Тобольским разрядом управлял стольник князь А.И. Буйносов-Ростовский (август 1656 — май 1659 гг.), по свидетельствам летописца, умерли и воевода, и дьяк в Якутске, томский дьяк П. Михайлов³³, в Кузнецке воеводу Ф.Д. Павлова «переменил» Д.В. Овцын, а «на Верхотурье» подьячего с приписью М. Посникова — Ф. Каменский. Воеводская «чехарда» продолжилась в Тюмени: в 1657/58 г. преемником И. Шадрина стал Ф.И. Веригин, а в начале следующего года она оказалась в ведении казанского ссыльного А. Новгородова. «И все они пятеро: Иван Веригин, Никифор Елдезин, Матфей Полуектов, Иван Шадрин, Федор Веригин на Тюмени, — констатировал тобольский книжник, явно имея в виду предыдущие сообщения (158, 159), — воеводствовали не по многому времени. Тако же и Алексей Новгородов» (160). Следом, в статье за май 1659 — май 1664 гг. (когда власть московского самодержца на восточной окраине России олицетворял боярин князь И.А. Хилков), говорится о «сидении» в Тюмени с 1659/60 г. А.В. Кафтырева, замене этого воеводы, тогда умершего, тобольским сыном боярским И.В. Струной (в том же году), и пребывании там с 1660/61 г. М.Д. Павлова (ср. 203, примеч. 89-89; 204,

примеч. 24-26; 205, примеч. 59-59)³⁴. При И. А. Хилкове умерли все томские воеводы, новых «градодержателей» послали в Енисейск и нерчинские остроги (в 1659/60 и 1660/61 гг.), «на Верхотурье» (в апреле 1664 г.)³⁵, а дьяк И. И. Бородин, выехавший в Якутск, был из Енисейска «поворочен в Кайгородок по челобитью кайгородцев в убийственном деле» (160-162; ср. 206, 271, 327).

Раздел за май 1664 — май 1667 гг. (тогда главным сибирским воеводой являлся князь А. А. Голицын), содержащий сведения о назначенных в 1663/64-1665/66 гг. администраторах Верхотурья, Туринска, Томска, Илимска, о «досеживании» «до перемены» сына якутского воеводы И. Ф. Большого Голенищева Михаила, об «измене от иноземцев» при березовском воеводе А. П. Давыдове, особенно примечателен сообщениями о том, что кузнецкого «седока» Н. Б. Доможирова не стало в 1671/72 г. (дождавшись преемника, сын этого воеводы Логин, «едучи» «из Кузнецов», скончался в Нарыме), С. О. Оничков же управлял Илимском в 1665/66-1676/77 гг., а «назад ехал во 186-м году» (162, ср. 207-211, 272-274, 327-330)³⁶. Записи о смерти Н. Б. Доможирова и возвращении С. О. Оничкова на «Русь» сделаны, очевидно, как минимум через 4-5 и даже 10-11 лет соответственно после отъезда князя А. А. Голицына в Москву.

Повествуя о событиях времени следующего тобольского «седока» стольника П. И. Годунова (май 1667 — сентябрь 1669 гг.), «слогатель» КЗ не привел «ропись» провинциальных администраторов, но указал на перемены в их составе, которые произошли в Тюмени, Томске, Таре, Березове, Нарыме и Кетске, «посылку» в «Дауры» ротмистра Д. Д. Аршинского, дабы сменить Л. Б. Толбузина. При этом летописец подчас снова выходит за намеченную им верхнюю хронологическую грань: князь Ф. Н. Мещерский почти пять лет, до июня 1673 г., ведал Тарой, но формально, фактически же воеводствовал сын князя Федора, проболевшего весь этот срок и скончавшегося, «едучи ... с Тары»; князь П. А. Гагарин умер в Березове в 1669/70 г., и 1 июня того же года туда на время был послан тобольский сын боярский Ф. Л. Толбузин (163-164). Последний, как узнаем из статьи за май 1670 — ноябрь 1672 гг. (когда Сибирью от имени московского самодержца управлял боярин князь И. Б. Репнин)³⁷, в 1671/72 г. сдал свои полномочия другому тоболяку — Я. Г. Шульгину, а в следующем году в «Дауры» был направлен П. Я. Шульгин, сменивший Д. Д. Аршинского в 1673/74 г. Кроме того, «на Верхотурье», где еще с осени 1669 г. воеводствовал Ф. Г. Большой Хрущев, в 1672/73 г. «прислали» подьячего с приписью С. Ю. Тютчева. При князе И. Б. Репнине новые «градодержатели» появились и в Тюмени, Сургуте, Туринске, Томске (164-165).

В течение трехлетнего тобольского «сидения» боярина П. М. Салтыкова (с марта 1673 г.), по данным летописца, центральные и местные власти «переменили» «начальных людей» в Таре, Сургуте, Пелыме, Якутске; воевода А. А. Барнашлев умер на Кети уже в 1678/79 г.; управлявший же даурскими

острогами П. Я. Шульгин скончался в 1677/78 г. (166), т. е. опять-таки после того, как П. М. Салтыков вернулся в Москву.

В апреле 1676 — марте 1678 гг. — в пору тобольского воеводства боярина П. В. Большого Шереметева — новые администраторы, как сообщается в КЗ, прибыли «на Верхотурье», в Томск (в том числе в 1677/78 г. дьяк Н. Ф. Леонтьев³⁸), Пелым (на четыре месяца), был создан Енисейский разряд, а в Туруханске стольник И. П. Савелов подъячому с приписью Б. Л. Софонову «от сиденья отказал и из города выслал». Управлявший же Якутском Ф. И. Бибиков умер в 1679/80 г. (169), — тогда, когда П. В. Большого Шереметева свыше полутора лет уже не было в Тобольске.

При следующем сибирском «наместнике» боярине П. В. Молодом Шереметеве (май 1678 — декабрь 1679 гг.) произошли изменения в составе воевод Нарыма, Илимска, Тары (примечательно, что стольник М. У. Лодыгин «сидел» там до 1681/82 г.), а «на Верхотурье» вместо дьяка Д. И. Афанасьева появился подьячий с приписью А. Иванов (170-171). В 1681/82 г. (тогда, с 1 января, вместо стольника А. С. Шеина Тобольским разрядом стал вторично управлять князь А. А. Голицын, уже в чине боярина) Пелым с уездом был передан в подчинение служившему в Тобольске головой пеших казаков И. М. Ушакову (171). В разделе, отведенном «сиденью» в «начальном граде» Сибири боярина князя П. С. Прозоровского (апрель 1684 — январь 1686 гг.), любопытны записи о пребывании в Томске стольника князя А. М. Кольцова-Мосальского с 1682/83 г.³⁹ и смерти в Туруханске И. Ф. Полтева в 1685/86 г.⁴⁰, свидетельство о том, что березовский воевода М. И. Франтор (точнее, Фанторн) — «немецкой породы», крестьянин боярина И. М. Милославского (174).

Немало дополнений внесено в «роспись» администраторов городов и острогов, помещенную в КЗ вслед за известием о приезде в Тобольск 24 марта 1686 г. боярина А. П. Головина «с товарищи». В частности, из этой «росписи» (где упоминается о появлении с 1685/86 г. новых воевод в Томске, Туруханске, Красноярске, Илимске, Якутске) выясняется, что в Туринске место скончавшегося в 1686/87 г. Игнатия Иванова сына Дурново (о чем известно и документально)⁴¹, служившего там с предыдущего года, занял отправленный из Тобольска письменный голова Г. Ф. Синявин, а потом А. А. Юрьев (точнее, Юшков, см. 224-226, 281, 282, 285, 339), в Тюмени с 1687/88 г. подъячим с приписью являлся М. Борисов⁴², в Пелыме Ивана Иванова сына Дурново, который провел в этом городе три года, в 1686/87 г. сменил Н. С. Иванкин (вернее, Ивашкин, см. 222, 228, 280, 283, 338, 339), «на Таре» с 6 июня 1687 г. «сидел» князь Г. С. Волконский (его предшественником был К. Ф. Павлов)⁴³. По указанию летописца, «на Верхотурье» с 1685/86 г. вместо П. Г. Бурцова⁴⁴ дьяком назначили О. Иванова (176, ср. 174, 175)⁴⁵. В КЗ сказано об определении И. Я. Юдина дьяком к прибывшему 24 марта 1686 г. в Тобольск окольничему Ф. А. Головину, посланному в даурские «городки» и Китай. Но следом Юдин, как и в других редакциях СЛС, представлен

енисейским дьяком (176, 221, 222, 279, 280, 336). В ГР сообщается о том, что дьяком к Ф. А. Головину назначили С. Корницкого (222), т. е. решение об отправке Юдина в «Дауры» и «Китайское царство» было отменено. В воеводской «росписи» за 1685/86 г., содержащейся в концовке КЗ, в нерчинских острогах, как и прежде, числится И. О. Власьев (Власов) (171, 172, 174, 177; см. также: 217, 219, 221, 279, 281). Благодаря остальным редакциям СЛС известно, что он стал «товарищем» Ф. А. Головина (103, 222, 229, 230, 280, 283, 284, 336, 375)⁴⁶.

Таким образом, в имевшиеся в приказной «избе» «старейшего града» Сибири «росписи» тобольских воевод, письменных голов, дьяков и в перечни администраторов других городов «далечайшей государевой вотчины»⁴⁷ за время «сидения» в Тобольске того или иного знатного столичного дворянина, нередко принадлежавшего к среде высшей аристократии, часто вносились дополнения — и весьма оперативно, и спустя несколько лет, а иногда и через десятилетие с лишним после того, как московский «наместник» покидал «преименитый град» «Сибирской страны» (исключая один раз, навсегда). Это обстоятельство свидетельствует о том, что СЛС велся в Тобольске довольно систематически, видимо, с начала второй трети XVII в.⁴⁸, и уже тогда одним из центров летописания служила резиденция главного воеводы Сибири.

¹ Солодкин Я. Г. «Беседа к вашей любви ...»: Спорные проблемы истории сибирского летописания XVII века. Нижневартовск, 2017. С. 127 – 128, 130.

² Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 1987. Т. 36. С. 142, 147. Далее ссылки на это издание произведений «группы Есиповской летописи» приводятся в тексте с указанием страниц.

³ Такие дополнения налицо и в официальных «разрядах». См., например: Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданныя с Высочайшего соизволения II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (далее – КР). СПб., 1853. Т. I. Стлб. 874, 927 – 929, 1149 – 1152, 1256, 1363 – 1363.

⁴ В более поздних редакциях СЛС смерть знатного князя отнесена к 24 июля и 5 мая 1625 г. (196, 263, 319).

⁵ Н. П. Лихачев писал о смерти Остафия (Евстафия) Михайлова сына Пушкина в Тобольске в 1602 г., С. Б. Веселовский – в следующем, а В. И. Корецкий относил ее к 1602/03 г. (Лихачев Н. Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1. Отд. 1. С. 94; Веселовский С. Б. Род и предки А. С. Пушкина в истории. М., 1990. С. 141, 205; Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986. С. 244, 250. Примеч. 84; 251). Заметим, что в Пушкинской разрядной книге сказано об отправке 16 апреля 1602 г. государевой грамоты названному младшему воеводе разрядного центра (РГАДА. Ф. 181. № 118. Л. 253) – первого в Сибири, да и в России вообще.

⁶ Д. С. Яковлев скончался вскоре после того, как принял схиму, не ранее 15 ноября 1663 г. См.: /Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К./ Предисловие // ПСРЛ. Т. 36. С. 7.

⁷ Примечательно, что согласно КЗ, И. Г. Переносов умер после того, как «перемена» князя Г. С. Куракина, в которой состоял этот дьяк, 24 мая 1646 г. уступила свое место боярину И. И. Салтыкову «с товарищи»

⁸ По другим данным, Ф. С. Калинин скончался четырьмя днями ранее. См.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV – XVII вв. М., 1975. С. 224.

⁹ Г. А. Загряжский приехал в «товарищи» к князю А. Н. Трубецкому 17 мая 1629 г. См.: Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII – начала XVIII в./Автор вступительной статьи и комментариев, составитель М. О. Акишин. Новосибирск, 2000. С. 110, 117.

¹⁰ Утверждение, будто когда в Тобольске между 1615 и 1620 гг. (точнее, в начале 1616 г.) умер второй воевода князь Г. И. Гагарин, его заместил сын Данила (*Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 113, 389), должно считаться ошибочным. Согласно КЗ, из-за кончины отца Д. Г. Гагарин не поехал управлять Нарьмом (145; ср. 193, примеч. 100 – 100). См. также: КР. Т. I. Стлб. 545, 663; Обдорский край и Мангазья в XVII веке: Сборник документов (далее – ОКМ). Екатеринбург, 2004. С. 77, 80, 81, 85, 86, 88, 90.

¹¹ В поздних редакциях СЛС говорится о замене (на протяжении 1659 – 1664 гг., когда во главе Тобольского разряда находился боярин князь И. А. Хилков) письменного головы К. С. Дохтурова, «взятого» «к Москве», Б. И. Марковым, тогда как в КЗ Дохтуров значится письменным головой в предыдущей «перемене» стольника князя А. И. Буйносова-Ростовского, а подчиненными Хилкова названы В. С. Головнин и Б. И. Марков (100, 160, 270, 329, 349, 373). Согласно документальным известиям, в 1661/62 г. Головнин был послан в Тобольск вместо Дохтурова (Акты, относящиеся к юридическому быту Древней России (далее – АЮБ). СПб., 1884. Т. III. Стлб. 155), так что оба летописных свидетельства оказываются неточными.

¹² В КЗ упоминается и о приезде в Тобольск с «переменной» боярина М. М. Годунова (май 1620 г.) в дети боярские зятя дьяка И. А. Шевырева М. О. Байкашина, вскоре отправленного «на приказ» в Енисейский острог, и умершего в сибирской столице 27 июня 1645 г. (146, ср. 195; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. 2-е изд., доп. М., 2000. Т. II. С. 52, 319). Свидетельство о кончине Байкашина, вероятно, появилось спустя целую четверть века после составления «росписи» тобольской воеводской «коллегии» за 1620 – 1623 гг.

¹³ Как читаем в самой ранней из сохранившихся редакций СЛС, Я. И. Хрипунов проезжал через Тобольск, направляясь в Енисейский острог, в феврале 1622 г. Первый воевода появился в этом остроге, однако, 1 апреля следующего года. См.: *Бродников А. А.* Серебряная экспедиция Я. И. Хрипунова (1627 – 1630 гг.)//II Ремезовские чтения 2005: Провинция в русской культуре/Сост. и отв. ред. Е. И. Дергачева-Скоп и В. Н. Алексеев. Новосибирск, 2008. С. 372 (Сер. «Книга и литература»).

¹⁴ О проезде через Тобольск в Енисейск 25 мая 1685 г. стольника С. А. Собакина, дьяка И. Я. Юдина и письменного головы А. Л. Горчакова говорится не в «росписи» администраторов, а в отдельной записи, как и про «сидение» «на Верхотурье» с февраля того же года воеводы Г. Ф. Нарышкина и дьяка П. Бурцова (175).

¹⁵ Его женой стала Наталья – дочь Иоганна фон Ремеза. См.: *Пережегоина Е. А.* Сергей Федорович Вындомский – «любитель сердечной старины»//История в рукописях и рукописи в истории: Сборник научных трудов к 200-летию Отдела рукописей Российской Национальной Библиотеки. СПб., 2006. С. 179.

¹⁶ Они, судя по обширному наказу от 19 февраля 1664 г. князю А. А. Голицыну (см.: Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею императорской Академии наук. СПб., 1851. Т. IV. С. 345), перечислялись уже в составлявшихся в Казанском и Сибирском приказах «инструкциях» разрядным воеводам.

¹⁷ См. о нем: *Солодкин Я. Г.* О времени зарождения сибирского городского летописания//

Словцовские чтения 2007: Материалы XIX Всероссийской научной краеведческой конференции. Тюмень, 2007. С. 123 – 126; *он же*. Вослед Савве Есипову: Очерки по истории сибирского летописания середины – второй половины XVII века. Нижневартовск, 2011. С. 63 – 68.

¹⁸ *Солодкин Я. Г.* Вослед Савве Есипову ... С. 90, 117; *он же*. Тобольские летописцы середины – второй половины XVII века (Редакции и виды Сибирского летописного свода). Нижневартовск, 2012. С. 12, 22. Примеч. 7; 23. Примеч. 8. Неточности допущены летописцем и в определении состава сибирских администраторов кануна и начала Смуты. См.: *Солодкин Я. Г.* «Беседа к вашей любви ...» ... С. 154 – 155.

В Миллеровской редакции (далее – МР) СЛС сравнительно с КЗ имеются сообщения об администраторах Пельма за 1595/96 – 1598/99 гг. и смене там с 16 сентября 1599 г. Т. И. Траханиотова и П. Г. Вердеревского И. Нееловым. В Головинской редакции (далее – ГР) того же свода в отличие от КЗ есть известия об управлявших Тарой князе Ф. Елецком (хотя и с явно неверным обозначением хронологии) и С. Козмине, а также «сидевших» там в 1598/99 – 1599/1600 гг. воеводе Я. И. Старкове, письменных головах П. В. Пивове и Ф. П. Рябинине. Создатель ГР вдобавок к сведениям КЗ и МР указал на воеводство в Кетске Г. Елизарова в 1607/08 – 1610/11 гг. (140, 141, 143, 190, 191, 193). Точнее, этот выборный муромский дворянин ведал острогом на Кети в 1608 – 1612 гг. См.: *Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI – первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 23.

¹⁹ См., например: *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 151; ОКМ. С. 180. По ГР, И. Г. Волынский и И. И. Биркин управляли Березовым не в 1598/99 – 1599/1600 гг., как утверждает в КЗ, а в 1601/02 г., хотя следом мы читаем о «присылке» на «перемену» этим администраторам князя Ф. Козловского и А. Ширина в 1600/01 г. (141, 191). (В МР последнего сообщения нет, см.: 191, примеч. 42 – 42). В действительности Волынский и Биркин ведали Березовым с уездом в 1599 – 1601 гг.

²⁰ Далее сообщается, что будучи подьячим с приписью, И. Селетцын на протяжении 1635 – 1639 гг. служил в Верхотурье (151). Это указание подтверждается документально. См.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие ... С. 467.

²¹ Об этом сыске см.: *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество ... С. 241, 288 – 289.

²² По сведениям летописца, тогда, в начале 1638/39 г., в Енисейске П. Ф. Соковнина, посланного туда «из Тобольска от власти из приказных», сменил Н. Л. Веревкин, входивший в окружение архиепископа Нектария и приехавший в сибирскую столицу вместе с ним (151), т. е. 1 апреля 1636 г. (В ГР СЛС явно ошибочно сообщается про 1633/34 г. В более поздних редакциях свода соответствующей даты нет, см.: 199, 266, 322). Известно, однако, что Н. Л. Веревкин 15 февраля того же года скрепил одну из описей имущества Софийского дома, составленную к приезду нового владыки (Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века /Изд. подг. Е. К. Ромодановская и О. Д. Журавель. Новосибирск, 2001. С. 281, 389 (История Сибири: Первоисточники. Вып. X), и др.

²³ В МР свода говорится о пребывании О. Г. Оничкова в Енисейске с 1640/41 г. (199, примеч. 83; ср. 201, примеч. 12 – 12).

²⁴ В сложившихся вслед за КЗ трех редакциях СЛС енисейский воевода Оничков именуется не Осипом, а Силой Герасимовым сыном (200, 267, 323; см. также: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М., 2005. Т. III. С. 306, 312). Про О. Г. Оничкова, кстати, в этом своде говорится как одним из первых воевод Кузнецкого острога (145, 194, 195, 370; см. также: КР. Т. I. Стлб. 874, 929; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. 2-е изд., доп. М., 1999. Т. I. С. 315, 444, 445; Т. II. С. 299).

²⁵ В МР свода говорится о мангазейской службе Байкова с 1647/48 г. (201, примеч. 48 – 48).

²⁶ Точнее, до весны 1648 г. в Мангазее «сидел» сын Я. О. Тухачевского Василий; заменить его

в том же году послали отца и сына Секериных, а Ф. И. Байков стал управлять «Мангазейским городом» с 1649 г. См., например: *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество ... С. 113; *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири ... С. 161; ОКМ. С. 183

²⁷ См. также: там же. Воеводское управление в Сибири ... С. 177.

²⁸ О смерти М. Ф. Дурново упоминается и в статье за май 1649 – май 1652 гг. Указание на кончину этого красноярского воеводы, следовательно, попало в предыдущий раздел КЗ не ранее начала тобольского «наместничества» стольника В. Б. Шереметева. В других редакциях СЛС сказано лишь о пребывании М. Ф. Дурново в Красноярске, причем в ГР – с 1646/47 г. (202, 268, 324; см. так же: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. III. С. 103, 323, 404).

²⁹ В МР указана иная дата – 1647/48 г. (202, примеч. 52).

³⁰ Д. Я. Резун допустил неточность, утверждая, будто в КЗ сменивший Елдезина Полуектов считается письменным головой (*Резун Д. Я.* Очерки истории изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII века. Новосибирск, 1982. С. 162).

³¹ С 1650/51 г. в Енисейске «сидел» А. Ф. Пашков, потом «подьячий Викула Панов с приписью со Ртищевым был». О М. Г. Ртищеве и В. Панове говорится под 1656 – 1659 гг. (160). Не ранее того времени, видимо, летописец и оставил ремарку об этих енисейских администраторах, сопутствующую приведенному известию о А. Ф. Пашкове.

Далее в КЗ сообщается о пребывании М. Г. Ртищева в Енисейске до 1660/61 г. (161; см. также: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. III. С. 469, 470). В других редакциях СЛС об этом воеводе мы не прочтем. Исключением служит МР, где Ртищев назван преемником И. П. Акинфова в Енисейске (204, примеч. 6 – 6).

О В. Панове см. также: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие ... С. 396.

³² Воевода и сыщик А. П. Акинфов находился там с конца 1650/51 г., т. е. еще в пору тобольского «властодержательства» В. Б. Шереметева.

³³ В других редакциях СЛС его смерть приурочена к 1652 – 1656 гг., а в «росписи томских воевод» (далее – РТВ) – к 1651/52 г. (203, 269, 325, 344).

³⁴ Данные о многочисленных тюменских администраторах середины XVII в. скорее всего попали в КЗ из справки, подготовленной в тобольской приказной избе (*Солодкин Я. Г.* К истории создания Сибирского летописного свода старшей редакции (Об основных разновидностях документальных источников «Книги записной»)/Вестник Пермского университета. 2016. Вып. 4 (35): История. С. 147; *он же.* «Беседа к вашей любви ...» ... С. 160).

³⁵ Точнее, сослуживцем верхотурского воеводы И. Б. Камынина в 1660 г. вместо подьячего с приписью В. М. Богданова стал И. С. Айтемиров (*Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие ... С. 11, 55. Ср.: С. 44; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. С. 635; Т. III. С. 401, 402, 405, 407, 433 – 437; Первое столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск, 1996. С. 108, 109 (История Сибири: Первоисточники. Вып. VII); *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири... С. 153, и др. Н. С. Демкова, кстати, явно заблуждалась, полагая, что И. Б. Камынин воеводствовал «на Верхотурье» в течение 1653 – 1664 гг. (ПЛДР: XVII век. М., 1989. Кн. 2. С. 649).

Согласно КЗ и четырем последующим редакциям СЛС, с апреля 1664 г., т. е. незадолго до того, как боярин И. А. Хилков покинул Тобольск, верхотурцы оказались под началом И. Я. Колтовского и подьячего с приписью И. С. Бахтемирова (Айтемирова).

³⁶ См. также: Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592 – 1768 гг.)/Сост. Н. Н. Оглоблин. М., 1895. Ч. 1. С. 62.

³⁷ С 6 сентября 1669 г. до приезда туда боярина И. Б. Репнина Тобольском ведали воевода А. П. Акинфов (вначале являвшийся также сыщиком) и дьяк И. С. Давыдов (164, ср. 208, 374). Такое короткое «сиденье» для Тобольска стало исключением, не считая продолжавшегося менее месяца воеводства боярина князя Д. Т. Трубецкого.

³⁸ По РТВ, этот дьяк «сидел» в Томске с 13 июля 1679 г. (344).

³⁹ Ранее в КЗ не указывается, с какого времени этот князь стал воеводствовать в Томске. В РТВ названа точная дата – 25 июля 1683 г. (172, 344).

⁴⁰ Об этом сказано и следом (176).

⁴¹ См.: Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа ... Ч. 1. С. 200. По ГР свода, упомянутый воевода скончался в декабре 1686 г. (223).

⁴² Он умер в Тюмени в следующем году (225).

⁴³ КЗ завершается статьями о пожарах весны 1687 г. в Тюмени и Тюменском уезде (177; Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество ... С. 347).

Утверждая, что «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее ...» (как подобно КЗ называется вторая часть СЛС нескольких редакций) «полностью состоит из сообщений о сибирских воеводах ... и об основании новых городов» (*Ромодановская Е. К.* Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. С. 124 – 125 (Избранные труды)), видная исследовательница ранней книжной культуры Азиатской России допустила, кстати, явную неточность.

⁴⁴ Он являлся верхотурским дьяком более трех лет, до 15 апреля 1687 г. См.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие ... С. 75.

В Нарышкинской и Томской редакциях (далее – НР и ТР соответственно) СЛС сообщается о смерти П. Бурцова «на Верхотурье» (280, 336).

⁴⁵ Подьячий «на Верхотурье» с 1686/87 г., О. Иванов стал там дьяком к 1688/89 г. и продолжал нести службу в этом городе, считавшемся воротами в Сибирь, в 1690/91 г. См.: АЮБ. СПб., 1864. Т. I. Стлб. 355, 357; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие ... С. 210; *Солодкин Я. Г.* «Беседа к вашей любви ...» ... С. 127.

В НР свода сказано о пожаловании Г. Ф. Нарышкина в окольные и приказе «Осипу Иванову во дьяках с ним (этим воеводой. – Я. С.) на Верхотурье быть» с образованием в 1687/88 г. Верхотурского разряда. В двух списках ТР СЛС при этом читаем «во дьяках», в других – «подьяцах» (282, 337).

⁴⁶ О И. О. Власове и С. Корницком как участниках посольства Ф. А. Головина в «Дауры» писал еще И. В. Щеглов. См.: *Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032 – 1882 гг. Сургут, 1993. С. 94.

⁴⁷ Е. К. Ромодановская, указав, что СЛС создавался, между прочим, по архиву тобольской воеводской канцелярии, не конкретизировала это заключение (*Ромодановская Е. К.* Тобольская летопись и Сибирский архив//Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2006. Т. LVII. С. 315. Ср.: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. С. 498).

⁴⁸ *Солодкин Я. Г.* «Беседа к вашей любви ...» ... С. 122, 316.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. 401 с.

2. *Бродников А. А.* Серебряная экспедиция Я.И. Хрипунова (1627-1630 гг.)//II Ремезовские чтения 2005: Провинция в русской культуре/Сост. и отв. ред. Е.И. Дергачева-Скоп и В.Н. Алексеев. Новосибирск: РИО ГПНТБ СО РАН, 2008. С. 363-378.

3. *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муниципальный учебно-методический центр «Развивающее обучение», 1998. 204 с.

4. *Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Участие служилых остяков Кодского княжества в военных экспедициях конца XVI — первой трети XVII в.// *Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее.* Сургут: Диорит, 2004. С. 10-31.

5. *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М.: Наука, 1975. 607 с.

6. *Веселовский С. Б.* Род и предки А. С. Пушкина в истории. М.: Наука, 1990. 240 с.

7. *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М.: Наука, 1986. 271 с.

8. *Лихачев Н.* Заметки к родословию некоторых княжеских фамилий// *Известия Русского генеалогического общества.* СПб., 1900. Вып. 1. Отд. 1. С. 82-101.

9. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. 2-е изд., доп. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. Т. I. 630 с.

10. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. 2-е изд., доп. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. Т. II. 796 с.

11. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2005. Т. III. 598 с.

12. *Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592-1768 гг.)*/Сост. Н. Н. Оглоблин. М.: Университетская типография, 1895. Ч. 1. 421 + I + VIII с.

13. *Пережогина Е. А.* Сергей Федорович Вындомский — любитель сердечной старины//*История в рукописях и рукописи в истории: Сб. науч. трудов к 200-летию Отдела рукописей Российской Национальной Библиотеки.* СПб.: Российская Национальная Библиотека, 2006. С. 173-192.

14. *Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К.* Предисловие//*Полное собрание русских летописей.* М.: Наука, 1987. Т. 36. С. 3-31.

15. *Резун Д. Я.* Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII века. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982. 220 с.

16. *Ромодановская Е. К.* Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск: Наука, 2002. 391 с. (Избр. труды).

17. *Ромодановская Е. К.* Тобольская летопись и Сибирский архив//*Труды Отдела древнерусской литературы.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. LVII. С. 312-320.

18. *Солодкин Я. Г.* «Беседуя к вашей любви ...»: Спорные проблемы истории сибирского летописания XVII века. Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 2017. 330 с.

19. *Солодкин Я. Г.* Вослед Савве Есипову: Очерки по истории сибирского летописания середины — второй половины XVII века. Нижневартовск: Нижневартовский государственный гуманитарный университет, 2011. 211 с.

20. *Солодкин Я. Г.* К истории создания Сибирского летописного свода старшей редакции (Об основных разновидностях документальных источников «Книги записной»)// *Вестник Пермского университета.* 2016. Вып. 4 (35): История. С. 144-151.

21. *Солодкин Я. Г.* О времени зарождения сибирского городского летописания//*Словцовские чтения 2007: Мат-лы XIX Всерос. науч. краевед. конф.* Тюмень: Тюменский государственный университет, 2007. С. 122-126.

22. *Солодкин Я. Г.* Тобольские летописцы середины — второй половины XVII века (Редакции и виды Сибирского летописного свода). Нижневартовск: Нижневартовский государственный гуманитарный университет, 2012. 139 с.

Семенов О. В.

Уральский федеральный университет

ПОВЕРСТНАЯ КНИГА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЯМСКОЙ ГОНЬБЫ В СИБИРИ ДО КОНЦА XVII в.

Аннотация: Характеризуется такой важный памятник для изучения правительственной связи в России XVII в., как Поверстная книга. Основное внимание уделено анализу его данных по Сибири. Показано, что на основании известных нам списков можно получить весьма слабое и не всегда верное представление о направлениях ямской гоньбы в крае, маршрутах и их протяженности. Это снижает значение Поверстной книги как источника по истории организованного сообщения за Уралом.

Ключевые слова: Поверстная книга, ямская гоньба, ямщик; дороги, Сибирь.

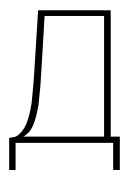
Semenov O. V.

Ural Federal University

THE ROAD BOOK AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE YAMSKAYA CHASE IN SIBERIA TO THE END OF THE 17th c.

Abstract: The article is devoted to such important source for research of the communication in Russia of the 17th c. as the Road book. The main attention is paid to the analysis of information about Siberia. It is shown that on the basis of the lists known to us, one can get a weak and not always correct idea of the directions of the yamskaya chase, routes and their length. This reduces the importance of the Road book as a source on the history of organized communication beyond the Urals.

Keywords: the Road book, yamskaya chase, coachman, roads, Siberia.

ревнейшей формой государственных сношений в восточнославянских землях было неорганизованное сообщение. Оно функционировало посредством подводной повинности сельского и городского населения. Со временем нужды управления все отчетливее требовали от властей

внедрения более качественной и надежной связи. В XIV в. оформилась ямская гоньба. В дальнейшем происходило ее реформирование и распространение на новые территории. С конца XVI в. организованное сообщение вводилось в Сибири. Здесь вдоль основных транспортных артерий последовательно возникли Верхотурский (1600 г.), Туринский (1600 г.), Тюменский (1601 г.), Демьянский и Самаровский ямы (конец 1620-х — начало 1630-х гг.). Они обеспечили надежную связь центра с «восточной Украиной», сыграв важную роль в закреплении края за Россией¹.

Необходимо отметить, что история ямского строя в масштабах всего Московского государства и на уровне его отдельных частей изучена недостаточно. В основном исследователи касались этой темы поверхностно, в контексте освещения иных вопросов. Специальных работ, имеющих самостоятельный характер и сохраняющих научную ценность, насчитываются единицы². Отсутствует и сколько-нибудь удовлетворительный анализ источниковой базы по истории организованного сообщения. Настоящая статья отчасти восполняет данный пробел.

Среди источников по истории правительственной связи последнего века Московского царства особое место занимает Поверстная книга. Эта разновидность учетных (статистических) материалов давно введена в научный оборот и в основном пользуется доверием исследователей³. Не умаляя общих достоинств памятника, попытаемся выяснить его значение для изучения ямской гоньбы за Уралом.

Поверстная книга являлась официальным по своему характеру справочником. Она была составлена в Ямском приказе в начале XVII в. с целью исчисления прогонных денег, предназначенных для выплаты ямщикам⁴. В ней содержались сведения о расстояниях от Москвы до населенных пунктов и между последними, а также маршрутах (сухопутных и водных) следования к ним. Данными Поверстной книги руководствовались и другие центральные учреждения. Например, после того как в августе 1639 г. вышел царский указ, в соответствии с которым Сибирский приказ был обязан выделять из своих средств суммы на прогоны подведомственным ему лицам, сюда из Ямского приказа доставили список Поверстной книги⁵. В сентябре 1693 г. в Москву прибыли красноярские служилые люди сын боярский В. Саламатов «с товарищи». Они подали челобитную с просьбой о компенсации понесенных расходов. В качестве доказательства сибиряне предоставили тобольскую подорожную и «в прогонных денгах ямских старост за руками отписи (расписки. — *О.С.*)». В одной из них, полученной на Козьмодемьянском яме, не было указано, сколько денег красноярцы заплатили за четыре подводы до Нижнего Новгорода. Это обстоятельство заставило руководство Сибирского приказа обратиться в Ямское ведомство: «а по справке

с Ямским приказом от Кузмодемьянска до Нижнего Новгорода 160 верст, прогонных денег — по 8 алтын на подводу: итого на 4 подводы 32 алтына»⁶.

Составители Поверстной книги черпали необходимые сведения из показаний «розных городов» ямщиков, представителей иных категорий населения, загонных книг и других материалов⁷. В последующем справочник неуклонно пополнялся. По распространенному мнению, Поверстная книга была связана с «Книгой Большому Чертежу»: последняя могла стать для нее одним из источников⁸. Правда, при сопоставлении этих памятников выясняется, что во многих случаях их цифровые показатели не совпадают.

Поверстная книга сохранилась в списках конца XVII-XVIII вв. Ее последний издатель В. А. Петров выделил несколько редакций. Древнейшую он отнес к 1630-м гг. Однако в основу публикации исследователь положил редакцию 1680-х гг.⁹ По нашему мнению, она появилась прежде конца 1687 г. — начала 1688 г., когда сибирские ямщики стали получать за службу прогоны¹⁰. На это указывают отсутствие для них в тексте источника упоминания этой формы вознаграждения, а также ограниченность сведений по Сибири.

Встает вопрос о степени достоверности данных Поверстной книги. Нельзя забывать о том, что для Средневековья вообще довольно сложно найти источник, цифровые показатели которого были бы близки к реальным расстояниям между географическими объектами. Это объясняется различными факторами: несовершенством методов измерения, злоупотреблениями «перемерщиков» и т. д. В свою очередь, при оценке приводимых в источниках (независимо от их разновидности) расстояний исследователь сталкивается с серьезными трудностями. Во-первых, не всегда указан маршрут (промежуточные географические объекты) между начальным и конечным пунктами. Между тем, со временем траектория пути (как сухопутного, так и водного) претерпевала изменения. Вдобавок, одни и те же населенные пункты могли соединяться разными дорогами. При этом их отдельные участки варьировались в зависимости от сезона¹¹. Если нам все-таки известны близлежащие пункты, это не гарантирует точной графической реконструкции трассы: часть объектов ныне утрачена, сохранившиеся же (под прежними или измененными названиями) опутаны сетью современных дорог, не обязательно совпадающих с маршрутами многовековой давности. Во-вторых, смущает разнообразие единиц измерения, а также их произвольный перевод в литературе. В русских землях эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени бытовали две разновидности версты — путевая и межевая. Согласно расхожему мнению, в XVII в. размер первой составлял 1,08 км, второй — 2,160 км. В действительности, это утверждение справедливо лишь для XVI в. В последний век Московского царства путевая верста (500-саженная) равнялась 1,0668 км, межевая (1000-саженная) — 2,1336 км. Как

показывает практика, 1000-саженная верста употреблялась при исчислении не только земельных площадей (земельных участков), но и дорог¹². В-третьих, в источниках не всегда отмечается способ преодоления того или иного пути (по воде, посуху, комбинированно). Между тем, речной маршрут, как правило, был протяженнее (порой существенно) сухопутного. Отмеченные обстоятельства объясняют, почему даже при самом добросовестном подходе ни одна реконструкция транспортных коммуникаций не избежит погрешностей¹³. Главное, чтобы они оставались в пределах допустимого.

По убеждению В. А. Петрова, Поверстную книгу «с полным правом можно считать достаточно точным путеводителем по России»¹⁴. Однако С. М. Каштанов, изучавший дорожные коммуникации, связывавшие Москву с Поморьем, отмечал некоторое несоответствие ее цифр действительным расстояниям¹⁵. Еще более интересная картина вырисовывается при соотнесении содержащейся в источнике информации с западносибирскими реалиями. Согласно Поверстной книге, расстояние (вероятно, сухопутное) от Верхотурья до Тобольска составляло 500 верст: 2610 верст (путь от Москвы до Тобольска) минус 2110 верст (путь от Москвы до Верхотурья)¹⁶. Даже если предположить, что в основе исчислений лежала не межевая (1000-саженная), а путевая (500-саженная) верста¹⁷, недооценка длины тракта будет существенной — 533,4 км. Меньшие погрешности (все равно превышающие допустимые) имеют данные одного из поздних списков Поверстной книги (начало второй четверти XVIII в.). Здесь трасса Верхотурье — Тобольск оценивалась в 612 верст (652,881 км)¹⁸. Между тем, довольно точные расчеты тобольского сына боярского Л. Зайцева (август — октябрь 1687 г.) (сопоставимые с нашими собственными¹⁹ и измерениями других исследователей²⁰) говорят о 283 межевых верстах 200 саженьях (604,235 км)²¹. Завышенной представляется отмеченная в Поверстной книге протяженность Бабиновской дороги — 320 верст (341,376 км): 2110 верст (путь от Москвы до Верхотурья) минус 1790 верст (путь от Москвы до Соликамска)²². Некоторые источники XVII в. определяли ее длину в 250 верст (266,7 км)²³. Последняя цифра близка к нашим собственным подсчетам²⁴. В меньшей степени (если признать, что исчисления основывались на 1000-саженной версте) грешат достоверностью данные по маршруту Тобольск — Обский Север. По сведениям Поверстной книги, водное расстояние от разрядного центра до Демьянского яма равнялось 150 верстам (320,04 км), от Демьянского яма до Самаровского яма 150 верстам (320,04 км), от Самаровского яма до Сургута 140 верстам (298,704 км), от Самаровского яма до Сухоруковых юрт (по дороге в Березов) 50 верстам (106,68 км)²⁵. Для сравнения можно привести подсчеты тобольского сына боярского Б. Ф. Черницына (август — октябрь 1687 г.): Тобольск — Демьянский ям — 122 межевые версты 800 саженьей (262,006 км), Демьянский ям — Самаровский ям — 142

межевые версты (302,971 км), Самаровский ям — Сургут — 134 межевые версты 700 саженой (287,395 км), Самаровский ям — Сухоруковы юрты — 50 межевых верст (106,68км)²⁶. В целом, они близки к действительным и подтверждаются нашими вычислениями. Лишь при измерении дороги между Тобольском и Демьянским ямом Черницын допустил заметное преуменьшение²⁷.

В известных списках Поверстной книги сведения о Сибири не просто частью ошибочны, но и предельно лаконичны. Они не содержат цифр по ряду основных направлений ямской гоньбы, таких как Верхотурье — Туринск, Верхотурье — Пелым, Туринск — Тюмень, Туринск — Пелым, Тюмень — Тобольск. Отсутствуют в них и полные данные о расстояниях по большинству вариантов южного тракта, которым пользовались (не всегда) при поездках из Москвы в Сибирь и обратно «летним путем» (тогда как северная трасса («Ярославская дорога») в основном эксплуатировалась в «зимнее время»)²⁸. Отмечена только протяженность дороги от Москвы до Верхотурья через Владимир, Муром и Козьмодемьянск²⁹. В остальных случаях можно подсчитать длину маршрута лишь на отдельных участках южного пути (например, Москва — Казань³⁰, Москва — Вятка (Хлынов?)³¹). Имеются основания полагать, что к концу XVII в. Сибирский приказ имел в своем распоряжении отдельное справочное пособие, отличающееся от Поверстной книги Ямского приказа более детальными и правдивыми данными по «закаменным» территориям. К такому выводу подталкивают не только логические размышления (именно Сибирский приказ ведал системой сообщения в крае), но и недвусмысленные показания источников. В декабре 1686 г. Москва приняла решение о введении для сибирских ямщиков прогонов. С целью определения их точного размера летом — осенью 1687 г. местные власти измерили почти все основные ямские дороги между Соликамском, Сухоруковыми юртами и Сургутом. Итогом этих вычислений стало составление «поверстной книги», один экземпляр которой был отправлен в Сибирский приказ, а остальные хранились в воеводских избах уездных городов, Тобольской приказной палате, на Демьянском и Самаровском ямах³². К сожалению, «поверстная книга» Сибирского приказа до сих пор не обнаружена.

Таким образом, Поверстная книга содержит превосходные материалы для изучения правительственной связи в европейской России в XVII в. Территорий за пределами Уральского хребта она касается намного меньше, что отчасти объясняется тесной связью памятника с Ямским приказом, деятельность которого имела опосредованное отношение к «далекой государевой отчине». В известных нам списках Поверстной книги сведения о расстояниях и маршрутах на востоке страны ограничены и не всегда достоверны. Это снижает ценность источника и не позволяет относить его к числу первостепенных по истории ямской гоньбы в Сибири.

¹ См.: *Семенов О.В.* Ямская гоньба в Сибири до конца XVII в.: проблема появления и функционирования // *Cahiers du Monde russe.* 2019. № 60(1). С. 147–171.

² Вершиной историографии ямской гоньбы является монография И.Я. Гурлянда. Она была написана более 100 лет назад и в отдельных моментах устарела (см.: *Гурлянд И.Я.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль. 1900).

³ Поверстная книга публиковалась дважды. Впервые – в 1777 г. членом Вольного российского собрания при Московском университете В.Г. Рубаном. Эта публикация имела серьезные недостатки. Она была лишена каких-либо комментариев издателя и основывалась на одном списке источника, причем довольно позднего происхождения. В ней встречались пропуски, в частности, отсутствовали сведения о путях в Сибири (Дорожник чужеземный и российский и Поверстная книга Российского государства с приобщением известия о почтах и щета весовых за письма денег, также списка почтмейстерам и других нужных сведений для пользы гонцов и путешественников. СПб., 1777. С. 130–186). Следующую публикацию Поверстной книги (с учетом 14 списков) предпринял в 1950 г. В.А. Петров. Издание памятника было выполнено на высоком научном уровне, сопровождалось развернутым введением и комментариями (*Петров В.А.* Географические справочники XVII в. («Поверстная книга» и «Описание расстоянию столиц, нарочитых градов славных государств и земель... от града Москвы») // *Исторический архив.* Т. 5. М.; Л., 1950. С. 74–165).

⁴ Денежные средства на прогоны предоставлялись как местными, так и центральными властями. В Москве они выплачивались: с середины XVI в. – из Большого прихода, с начала XVII в. – в основном из Ямского приказа, с 1639 г. – из приказа-отправителя (см.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 72. Л. 275; Стб. 94. Л. 380; Стб. 900. Л. 5; АИ. СПб., 1841. Т. 2. № 355. С. 424; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты / Под ред. Н.Е. Носова. Л., 1986. № 272. С. 190; ПСЗ: Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 1. № 498. С. 860; № 541. С. 927–928).

⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 72. Л. 275–276, 290; Стб. 94. Л. 380.

⁶ Там же. Стб. 1209. Л. 50, 55, 59.

⁷ *Лаппо-Данилевский А.С.* Поверстная и указная книга Ямского приказа. СПб., 1890. С. 6–7.

⁸ Введение // *Книга Большому Чертежу* / Подг. к печ. и ред. К.Н. Сербина. М.; Л., 1950. С. 23. Прим. 2.

⁹ Наряду с редакциями 30-х и 80-х гг. XVII в., В.А. Петров выделил также краткую редакцию Поверстной книги (Петров В.А. Географические справочники XVII в. С. 79–86).

¹⁰ См.: *Семенов О.В.* Организация профессиональной ямской гоньбы в Зауралье и Сибири в XVII в.: введение прогонов // *Гуманитарная академическая наука Урала: приоритеты и перспективы исследовательского поиска: материалы Всероссийской научной конференции, 17–18 июня 2013 г.* Екатеринбург, 2013. С. 200–207.

¹¹ По замечанию М.И. Васильева, до начала XX в. особенностью российских сухопутных путей, отличавшей их от дорог Западной Европы, было разделение на «летние» и «зимние» (*Васильев М.И.* Русские сухопутные коммуникации и скользящий транспорт X – начала XX веков: основные тенденции развития: Дис. ... докт. ист. наук. Великий Новгород. 2008. С. 71–72).

¹² Кроме того, «за Камнем», наряду с «общероссийской», могла использоваться сибирская верста, насчитывавшая 700 сажень (см.: *Байдин В.И.* О времени, обстоятельствах и участниках боя у деревни Гостьково: местное предание и реалии башкирского бунта 1662 – 1664 гг. // *Вестник музея «Невьянская икона».* Екатеринбург, 2017. Вып. V. С. 154; *Коньков Н.Л.* Сибирская метрология // *Тобольский исторический сборник: сборник научных трудов.* Тобольск, 1994. Вып. 1. Ч. 2. С. 4–5).

¹³ О трудностях измерения средневековых русских дорог см.: *Голубцов И.А.* Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI – XVII веках и отражение их на русской карте середины XVII века // *Вопросы географии.* М., 1950. Т. 20. С. 282–284.

¹⁴ *Петров В.А.* Географические справочники XVII в. С. 88.

¹⁵ *Каштанов С.М.* На путях к Москве (по запискам англичан середины XVI века) // АЕ за 1997 г. М., 1997. С. 112.

¹⁶ Маршрут от Москвы до Соликамска шел по северному тракту (через Переяславль-Залесский, Ярославль, Вологду, Тотьму, Великий Устюг, Сольвычегодск, Кайгородок) (*Петров В.А.* Географические справочники XVII в. С. 112).

¹⁷ Судя по всему, из представлений о том, что в Поверстной книге измерения велись в путевых верстах исходил и С.М. Каштанов (*Каштанов С.М.* На путях к Москве. С. 107–119).

¹⁸ *Петров В.А.* Географические справочники XVII в. С. 148. Прим. 692.

¹⁹ При измерении ямских путей нами были использованы современные мелкомасштабные (2-х и 5-километровые) карты. Протяженность сухопутной дороги между Верхотурьем и Тобольском по кратчайшим вариантам маршрута составляла около 612 км: Верхотурье – Туринск (около 207 км) плюс Туринск – Тюмень (около 162 км) плюс Тюмень – Тобольск (около 243 км).

²⁰ См.: *Редин Д.А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. С. 365–368.

²¹ СПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 12. Л. 243.

²² Маршрут от Москвы до Соликамска шел по северному тракту (*Петров В.А.* Географические справочники XVII в. С. 111, 112).

²³ См., напр.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 593. Л. 24; *Идес И., Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / Вступительная статья, перевод и комментарии М.И. Казанина. М., 1967. С. 74; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М., 1999. Т. 1. № 93. С. 441; Список с чертежа Сибирския земли // *Титов А.А.* Сибирь в XVII веке. М., 1890. С. 42.

²⁴ Согласно нашим измерениям, длина дороги, связывавшей Соликамск с Верхотурьем, составляла около 266 км.

²⁵ *Петров В.А.* Географические справочники XVII в. С. 112.

²⁶ СПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 12. Л. 242 об.–244.

²⁷ По нашим вычислениям, речное и сухопутное (в «зимнее» время) расстояние от Тобольска до Демьянского яма составляло около 327 км, между Демьянским и Самаровским ямами – около 308 км, от Самаровского яма до Сухоруковых юрт – около 110 км, от Самаровского яма до Сургута – около 290 км.

²⁸ Отметим некоторые варианты южного тракта, связывавшего Москву с Сибирью: 1) через Владимир, Муром, Нижний Новгород, Козьмодемьянск, Казань, Лаишев, Елабугу, Сарапул, Осу до Соликамска и далее – по Бабиновской дороге; 2) через Коломну, Переславль-Рязанский, Касимов, Муром, Нижний Новгород, Козьмодемьянск, Казань, Лаишев, Елабугу, Сарапул, Осу до Соликамска, затем – по Бабиновской дороге; 3) по северной трассе до Ярославля, потом вниз по Волге через Кострому, Плес, Кинешму, Юрьев-Повольский (Юрьевец), Нижний Новгород, Козьмодемьянск, Казань и до Сибири; 4) до Козьмодемьянска, откуда через Царево-Санчурск, Яранск, Вятскую землю (Котельнич, Орлов, Хлынов, Слободской), Кайгородок и далее – по северному пути «за Камень»; 5) до Казани, откуда через Лаишев, Елабугу, Сарапул, Осу, Кунгур, верховья Чусовой и затем – по одному из вариантов «слободского» пути до Верхотурья, Туринска или Тюмени (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 971. Л. 187–187 об., 189–189 об., 191, 201–201 об., 228 об.–229, 250 об.; Оп. 3. Стб. 14. Л. 74; Стб. 354. Л. 218; Стб. 701. Л. 80–81; Стб. 786. Л. 7; Стб. 817. Л. 172; Стб. 907. Л. 633–634; Стб. 1056. Л. 333; Стб. 1187. Л. 388; Стб. 1209. Л. 93, 163; Стб. 1220. Л. 78, 79, 80, 81, 82, 84, 200; Стб. 1426. Л. 39, 40, 41, 42, 43, 45, 103–104; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 93. Л. 177; Стб. 139/1. Л. 118; Оп. 2. Стб. 543. Л. 66; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М., 2000. Т. 2. № 148. С. 295; Служебная чертежная книга 1697–1701 гг. Тобольск. 2006. Л. 71 об.–72; Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. М., 2003. Т. 1. Л. 45 об.–46).

²⁹ 1722 версты (Москва – Козьмодемьянск (540 верст) плюс Козьмодемьянск – Верхотурье (1182 версты)). К сожалению, из источника неясен маршрут между Козьмодемьянском и Верхотурьем (*Петров В.А.* Географические справочники XVII в. С. 148. Прим. 692).

³⁰ Длина сухопутного маршрута от Москвы до Казани составляла: через Владимир – 890 верст, Коломну – 770 верст, Кострому – 850 верст (*Петров В.А.* Географические справочники XVII в. С. 103, 104, 107, 108, 113, 115, 118, 119, 120, 122, 123).

³¹ 920 верст посуху через Владимир, Муром, Нижний Новгород, Козьмодемьянск, Царво-Санчурск, Яранск (в источнике ошибочно назван Саранском), Котельнич (*Петров В.А.* Географические справочники XVII в. С. 103, 113, 115, 118, 119, 120, 148. Прим. 692).

³² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 983. Л. 335–337; Стб. 990. Л. 14, 22, 24, 30; Стб. 1015. Л. 121, 122; Оп. 4. Стб. 94. Л. 12, 54–55; СПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 12. Л. 241; АИ. СПб., 1842. Т. 5. № 145. С. 246.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Байдин В.И.* О времени, обстоятельствах и участниках боя у деревни Гостьково: местное предание и реалии башкирского бунта 1662-1664 гг. // Вестник музея «Невьянская икона». Екатеринбург, 2017. Вып. V. С. 142-175.

2. *Васильев М.И.* Русские сухопутные коммуникации и скользящий транспорт X — начала XX веков: основные тенденции развития: Дис. ... докт. ист. наук. Великий Новгород. 2008. 941 с.

3. *Голубцов И.А.* Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI-XVII веках и отражение их на русской карте середины XVII века // Вопросы географии. М., 1950. Т. 20. С. 271-302.

4. *Гурлянд И.Я.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль: Типография губернского правления. 1900. 339 с.

5. *Каитанов С.М.* На путях к Москве (по запискам англичан середины XVI века) // АЕ за 1997 г. М., 1997. С. 107-119.

6. *Коньков Н.Л.* Сибирская метрология // Тобольский исторический сборник: сборник научных трудов. Тобольск, 1994. Вып. 1. Ч. 2. С. 3-12.

7. *Лаппо-Данилевский А.С.* Поверстная и Указная книги Ямского приказа. СПб.: Типография В.С. Балашева. 1890. 16 с.

8. *Редин Д.А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711-1727 гг.). Екатеринбург: НПМП «Волот». 2007. 608 с.

9. *Семенов О.В.* Организация профессиональной ямской гоньбы в Зауралье и Сибири в XVII в.: введение прогонов // Гуманитарная академическая наука Урала: приоритеты и перспективы исследовательского поиска: материалы Всероссийской научной конференции, 17-18 июня 2013 г. Екатеринбург, 2013. С. 200-207.

10. *Семенов О.В.* Ямская гоньба в Сибири до конца XVII в.: проблема появления и функционирования // Cahiers du Monde russe. 2019. N 60(1). С. 147-171.

*Фадеев А. А.,
РГГУ*

УКАЗ 21 ФЕВРАЛЯ 1697 г. В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ МОСКОВСКОГО СУДНОГО ПРИКАЗА

Аннотация: Вопрос о развитии гражданского судопроизводства в Петровскую эпоху достаточно противоречиво рассматривался в историографии. В докладе на основе сохранившегося делопроизводства Московского Судного приказа анализируются практика и особенности применения норм Указа Петра I от 21 февраля 1697 г. «Об отмене суда и очных ставок». Делается вывод о весьма неоднозначном механизме работы этого акта в условиях отсутствия профессиональной юриспруденции.

Ключевые слова: Судный приказ, Пётр I, судебная реформа, судебная практика, гражданский процесс, суд

*Fadeev A. A.
RSUH*

THE DECREE OF 21 FEBRUARY 1697 IN THE JUDICIAL PRACTICE OF THE MOSKOVSKIY SUDNYI PRIKAZ

Abstract: The question of the development of civil proceedings in the Peter's era was considered in historiography quite controversial. The report analyzes the practice and features of applying the norms of the Decree of Peter I of February 21, 1697 «On the abolition of the trial and confrontations» on the basis on the preserved proceedings in the Moskovskiy Sudnyy prikaz. The conclusion is made about a contradictory mechanism of this act in the absence of professional jurisprudence.

Keywords: Sudnyy prikaz, Peter I, judicial reform, judicial practice, civil procedure, trial

Вопрос о развитии гражданского процесса и судопроизводства в конце XVII — первой четверти XVIII вв. относится к любопытной, но при этом крайне малоизученной проблеме петровской «реформы». Отправной точкой процессуальных преобразований при этом обычно выступает Указ 1697 г. «Об отмене суда и очных ставок». Своим противоречивым содержанием

он мгновенно привлёк внимание дореволюционных историков-правоведов. Так, Ф.М. Дмитриев одним из первых выразил мысль о том, что «розыску дано то же значение, какое в уголовном судопроизводстве»¹. Два других правоведа, М.Ф. Владимирский-Буданов и А.Н. Филиппов, попытались раскрыть содержание акта через постепенное развитие Петром I начал теории формальных доказательств и «инквизиционного» процесса². В результате вопрос о развитии гражданского процесса был поглощён риторикой следствия и весьма резкими замечаниями о том, что Пётр I якобы фактически ликвидировал состязательность как таковую. Наиболее теоретически законченную форму это положение приняло в советское время, когда оно связывалось с формированием «абсолютистского режима»³. Без существенных изменений эта схема была воспринята и в современных исследованиях, которые, сохраняя ориентированность на уголовное право, продолжают экстраполировать изменения в нём на все характеристики суда в Петровскую эпоху⁴.

Любопытно, что редкие обращения к реальной судебной практике демонстрировали неоднозначность историографических оценок. К примеру, были оставлены без внимания замечания П.Н. Мрочек-Дроздовского, который, используя судебные материалы учреждений Московской губернии, заметил, что «в рассматриваемый период обвинительная форма существовала в полной силе, хотя и приняла некоторые свойства инквизиционного процесса»⁵. К этому же выводу пришёл и Л.В. Батиев, который ещё в кандидатской диссертации отверг «замену всех форм судопроизводства старым “московским розыском”»⁶. Однако в целом сохраняется нелицеприятный образ гражданской юстиции петровского времени. Таким образом, дискурс об Указе 1697 г., несмотря на свою остроту, эвристически крайне слабо разработан. По этой причине представляется необходимым рассмотреть то, как сам документ повлиял на судебный процесс, когда к нему обращались, и к чему приводило следование его основным положениям. Для этого предлагается использовать материалы Московского Судного приказа, само существование которого представляет отдельную проблему.

Количество работ, специально посвящённых этому приказу, невелико. Тем любопытнее тот факт, что в начале XVIII в. в Судный приказ вошли функции и делопроизводство упразднённого Сысского приказа⁷, и он по этой причине соединил в себе как уголовные, так и гражданские дела. Практически сразу же этому учреждению пришлось выстраивать новые отношения с теми структурами, которые тоже занимались «розыскными» делами и ссылными (к примеру, с Преображенским приказом)⁸. Существенно расширились полномочия Судного приказа в отношении местных канцелярий: все выборные товарищи воевод должны были согласовываться с этим учреждением⁹. Кроме того, приказ продолжал отправлять и гражданское судопроизводство, что в контексте его

новых полномочий позволяет рассмотреть вопрос о практическом бытовании Указа 21 февраля 1697 г. в условиях структуры, которая больший период своего существования занималась исключительно частными спорами.

Магистральной идеей указа, без всяких сомнений, являлось пресечение лжесвидетельства в спорных делах о брани, бое и бесчестье. Иск Желябужских к А. М. Апраксину, который решался царём и Ф. Ю. Ромодановским в Преображенском приказе, послужил в данном случае прецедентом¹⁰. Л. В. Батиев, обратив внимание на структуру акта и расположение в нём норм, вполне обоснованно констатирует, что все дополнения к этой идее добавлены наспех и содержательно менее конкретны¹¹: из 14 статей только четыре не относятся к бою или бесчестью, причём две из них распространяют действие на дела «о беглых людях, и о крестьянх, и о землях», фактически повторяя Соборное Уложение, которое запрещало «крепостные дела» судить без самих документов: одна отсылает на прежний порядок взыскания пошлин, а последняя говорит о сохранении в действии всех прежних решений¹². Как видно, достаточно небольшой указ, созданный из-за конкретных проблем одного вида судебного спора, породил чрезмерно большое количество толкований.

Дела о бое и бесчестье в отличие от других действительно чаще решались исходя из свидетельских показаний или присяги. Неудивительно, что в связи с этим было внесено два принципиально важных изменения в эти доказательства: во-первых, если прежде за ложные показания наказывали кнутом, то теперь предусматривалась смертная казнь, а во-вторых, запрещалось «у веры быть» представителям сторон¹³. Между тем, на основании статей указа Ф. М. Дмитриев пришёл к парадоксальному выводу о том, что якобы все доказательства были ограничены только свидетелями и присягой¹⁴, хотя в самом акте об этом нигде не упомянуто. Судному приказу были хорошо знакомы нормы Указа 1697 г., поскольку он решал достаточно широкий спектр исковых требований, но прикладное значение они играли именно в исках о бое и бесчестье. Так, в 1704 г. решалось дело о брани попа Авксентия Фадеева и погроме его наёмного двора подьячим Петром Корницким, где в соответствии с конкретной статьёй акта были допрошены общие свидетели, которые подтвердили обвинение¹⁵. В другом споре ответчик Василий Ценин был обвинён в силу того, что отводил свидетеля безосновательно (по закону требовалось доказать «недружбу, ссору или обиду»), так как в воеводской приказной избе не нашли на того исковых челобитных¹⁶. Однако закон не отменял ни статьи Соборного Уложения, ни другие «пополнительные» указы, количество которых было весьма велико.

Во всех же остальных случаях, когда дела не касались такого специфического предмета, допускались самые разнообразные доказательства. К примеру, в споре о затопленной мельнице главным обоснованием стали специальные подьяческие

«досмотры» местности, реки и принадлежавшего сторонам имущества, которые производились трижды, хотя и упоминалась молва «сторонних людей»¹⁷. Исковое требование о неисполнении условий сговорной записи пришлось доказывать полным сличением приданого, для чего в Судный приказ были приглашены «торговые люди», причём оценка происходила перед судебским присутствием¹⁸. В случае с беглыми крестьянами могли использоваться одновременно чуть ли не все виды доказательств, но более предпочтительными были расспросные речи и крепости. Казалось бы, даже в делах, где можно было привести свидетельские показания, стороны искали более веские обоснования своих притязаний, причём в таком случае на них не могли распространяться нормы Указа 1697 г., поскольку он описывал процедуру рассмотрения дел лишь о бое и бесчестье. Поэтому, мнение о том, что Пётр I ограничил способы доказательства, пусть и на сравнительно небольшой промежуток времени, представляется неверным.

Напротив, Указ 1697 г. серьёзным образом изменил отношение к процедуре привлечения свидетельских показаний. Статьи акта давали возможность в любой ситуации (вне зависимости от суммы исковых требований) сослаться на одного-единственного свидетеля¹⁹. При этом даже ссылки на Уложение, где в разных ситуациях предполагалось допрашивать вплоть до десяти свидетелей, становились лишними, ведь ни в одном из дел больше не требовалось наличие такого количества очевидцев²⁰. Упрощения, созданные Петром I в отношении свидетелей, весьма быстро продемонстрировали свои недостатки. Дело в том, что инициатива предложения лиц, могущих обосновать иски, фактически была ограничена предложением со стороны истца²¹. Вряд ли это было запланированное следствие законодательной нормы, но она требовала, безусловно, некоторых уточнений, которые появились лишь через 15 лет²². До этого Указ 1697 г. не воспрещал, к примеру, привлечение родственников и ближайших товарищей к разбирательству. Так, в деле между Степаном Щербатовым и Иваном Чичериным одним из двух свидетелей, который мог подтвердить факт покоса травы на спорной земле, был брат истца. Хотя ответчик настаивал, что он «скажет по нему неправду», на допросе было установлено, что «спору у него <...> никакова ни в чём нет». В результате его показания стали дополнительным доказательством, вместе с писцовыми книгами и противоречивыми словами самого Чичерина²³.

С другой стороны, крайне тяжело суду было проверить такие ситуации, когда другая сторона рассказывала о «деревенской всякой недружке и побранке», но никаких челобитных об этом не записывалось²⁴. В этом смысле положение Указа 1697 г. только увеличивало значение документа в решении дел для пресечения «поклёпных исков». Неудивительно, что во всех делах, где была возможность привлечь письменные доказательства, они в обязательном порядке

предоставлялись. Например, обвинение в «воровском поступочном письме» было доказано как бесчестье с помощью выписок из других приказов о старых делах, так что ответчик не смог больше отговариваться забывчивостью²⁵.

Другой аргумент, который обычно приводят в обоснование тезиса о структурных изменениях обвинительного процесса — это отмена «суда» и «очных ставок» с заменой их неким новым видом «розыска»²⁶. Нужно сказать, что терминология документов этого времени действительно сильно отличалась от того, что было в XVII в. После Указа 1697 г. все «суды» были заменены «допросами», любые действия судебного учреждения — «розысками», причём произошло это по прямым разъяснениям самого царя, которые он дал в марте того же года: «в нынешних розыскных делах <...> ответчиков допрашивать в приказах перед судьями»²⁷. Тем не менее, Судный приказ содержательно не изменил основных подходов в решении дел. В судах продолжали использоваться очные ставки, стороны активно спорили между собой, тогда как судья исследовал («розыскивал») обстоятельства дела лишь постфактум. Но дело не в том, что документ был неверно воспринят современниками или не исполнялся, так как изменения относились принципиально к другим вещам. Термин «допрос» носил исключительно «судный» характер, тогда как «очными ставками» решались «незарядные» поместно-вотчинные споры²⁸. Кроме того, очные ставки в узком смысле (для устранения каких-либо противоречий в показаниях) зачастую принимали форму тех же «допросов». В результате был в очередной раз изменён процессуальный порядок в Поместном приказе, а в Судном закрепился обязательный допрос ответчика по запечатанной исковой челобитной²⁹.

Ни в одном деле, которое сохранилось в Судном приказе, после допроса ответчика по исковой челобитной спор не прекращался. Допросы нередко составляли большую часть дела, тянулись на десятки страниц черновых и беловых записей, хотя и имели очень условный формуляр, поскольку письменно воспроизводили то, что говорили стороны. На практике слова истца или ответчика не были ограничены ничем, как бы Пётр I не хотел пресечь «посторонних дел», и судьи не имели возможности ни исключить часть судебного протокола, ни доводы сторон. По этой причине в весьма развёрнутых «уликах» постоянно возникают взаимные упрёки между судящимися о том, что следует привлекать к делу как доказательство, что следует «отставить», на что судьям нужно обратить внимание, а что исключить из рассмотрения. Более того, стороны могли обязать включить в выписку по делу те или иные «приличные» (по их мнению) статьи законодательных актов, без которых они отказывались «вершить суд»³⁰.

Даже в тех случаях, где истец или ответчик апеллировали к чёткой статье о «розыске» по крепостям, они всё равно обменивались взаимными «уликами». В показательном деле, которое иллюстрировало разделение юрисдикций

Судного и Поместного приказов, Никита Ивашкин искал на жене Максима Мансурова своих поместных крестьян, которые ему были «отказаны» вместе с землёй после смерти брата. Ответчик, напротив, настаивал на том, что ему принадлежат вотчинные крестьяне, а истцу «в поместье брата писать вотчин не дано». При всём при этом Ивашкин начал иск в Судном приказе до завершения спора о владении в Поместном, но при этом требовал сослаться с ним о крепостях. В итоге во время «допросов» они спорили не только «о насильном владении», но и о праве собственности на крестьян. Когда же истец, отсрочив по службе почти на год, не прибыл вовремя для «довершения допроса», то уже в Приказе земских дел ему было отказано в иске целиком. Жалоба сына умершего Ивашкина на то, что они якобы искали только «завладения», была отставлена приговором, где в мотивировочной части объяснялось, что истец фактически пытался соединить два иска в одном деле, что судьи проследили в его собственных словах. Таким нехитрым текстологическим анализом ответчик был «оправлен»³¹.

Практика привлечения к смертной казни за ложные показания нам не встретилась, хотя, возможно, это отражает размытость самого грозного узаконения. В четырёх случаях, где материалы дела указывали на корыстную заинтересованность свидетеля, мы имеем дело либо с прямыми ссылками, либо с упоминанием Указа 1697 г., но при этом истец или ответчик неожиданно не являются к суду, так что виновных перестают искать или отпускают на свободу. В одном случае вопрос о лжесвидетельстве не был поднят, так как другая сторона «просрочилась», и показания свидетеля оспаривать стало невозможно³². В другом деле Судный приказ начал было разбираться о ссорах между очевидцами, но в итоге просто отпустил лжесвидетеля под расписку³³. Примечательно, что статья, которая грозила смертной казнью, на практике была «судной», а не «розыскной», т.е. зависящей от того, будут ли заинтересованные лица. Неудивительно, что в «Кратком изображении процессов» наказание заменилось отрубанием пальцев, покаянием, изгнанием или каторгой³⁴.

Таким образом, Указ 1697 г. слабо повлиял на «судный» процесс в целом, поскольку изначально не был направлен на серьёзное изменение процессуальных норм и посвящался порядку доказательства только в одном из видов исковых требований, который действительно существенно преобразил. Остальные статьи, касавшиеся боя или бесчестья, внесённые в Соборное Уложение или специальные указы, при этом также сохраняли силу и продолжали использоваться. Даже если предположить, следуя мнению отдельных авторов, что Пётр I вводил или придавал окончательную форму следственному порядку разрешения всех возникавших судебных конфликтов, то можно прийти к закономерному выводу, что он потерпел фиаско, ведь даже в уголовных делах чиновники зачастую, не по-

лучая достаточных регламентов и инструкций, «подгоняли старую практику под новую терминологию и организацию»³⁵. Между тем, «розыскной» характер суда, якобы закреплённый Указом 1697 г. и приведший к крайней стеснённости сторон на процессе, сводился лишь к сравнительно ограниченному участию судьи. По мнению Ф.М. Дмитриева, «наведение справок» нередко превращалось в самостоятельное расследование³⁶, однако случаи, где судьи проводили какие-либо дополнительные процедуры происходили реже, чем по прямому указанию сторон. Напротив, гораздо чаще истцы и ответчики сталкивались с тем, что чуть ли не каждое процессуальное требование нужно было оформлять в виде челобитной, даже если те или иные действия приказ должен был осуществлять самостоятельно (как, к примеру, ходатайствовали о «вершении дела»). В условиях слабости судебной системы в смысле отсутствия и профессионального судейского корпуса, и прописанной судебной процедуры, пожалуй, невероятным было бы требование превентивного реагирования и решения без доминирования «частного иска»³⁷. Достаточно много указов, наоборот, жаловалось на чрезмерную безнаказанность, а не стеснённость, истцов и ответчиков³⁸, с чем Пётр I, как и его предшественники, так и потомки, безуспешно боролся.

¹ *Дмитриев Ф.М.* Сочинения. Т. 1. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1899. С. 538.

² *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Изд. 5. Киев, 1907. С. 661–662; *Филиппов А.Н.* О наказании по законодательству Петра Великого в связи с реформой // Учёные записки императорского Московского университета. Отдел юридический. Вып. 7. М., 1891. С. 40.

³ Очерки истории России. Т. 7. М., 1955. С. 395–412; Памятники русского права. Вып. 8. М., 1961. С. 567; Развитие русского права второй половины XVII—XVIII вв. / Отв. ред.: Скрипилев Е.А. М., 1992. С. 215–216, 230.

⁴ *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1999. С. 313–316; *Серов Д.О.* Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. М., 2009. С. 95.

⁵ *Мрочек-Дроздовский П.Н.* Областное управление России XVIII в. до Учреждения о губерниях. Ч. 1. М., 1876. С. 133, 140.

⁶ *Батиев Л.В.* Судопроизводство в России в конце XVII - начале XVIII вв. Автореферат дисс... канд. юрид. наук. СПб, 1992. С. 7; *Он же.* Указ 21 февраля 1697 г. и реформа судопроизводства в России // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11 (72). С. 11–18.

⁷ *Воробьёв А.В.* Палата по составлению Уложения 1700 г. и судьба Сыского (Разбойного) приказа в начале XVIII в. // Русь, Россия. Средневековье и новое время. № 5. 2017. С. 445–446

⁸ Полное собрание законов Российской империи. 1649-1825 (далее – ПСЗРИ-1). Т. 4. № 1945. С. 226; № 1951. С. 228.

⁹ *Победоносцев К.П.* Историко-юридические акты переходной эпохи XVII—XVIII вв. М., 1887. С. 13–14, 16; ПСЗРИ-1. Т. 4. № 1900. С. 189–190.

¹⁰ *Батиев Л.В.* Указ. Соч. С. 12-13.

- ¹¹ Там же. С. 13.
- ¹² ПСЗРИ-1. Т. 3. № 1572. С. 278—279; Соборное уложение 1649 г. М., 1961. Гл. 10. Ст. 189. С. 137.
- ¹³ Соборное Уложение. Гл. 10. Ст. 170 С. 133; Гл. 14. Ст. 1—10. С. 173—176; ПСЗРИ-1. Т. 3. № 1572. Ст. 7, 9—10. С. 279.
- ¹⁴ *Дмитриев Ф.М.* Указ. соч. С. 538.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 239. Судный приказ. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5371. Л. 6—9.
- ¹⁶ Там же. Д. 5386. Л. 15—15об.
- ¹⁷ Там же. Д. 5388. Л. 1об. — 32.
- ¹⁸ Там же. Д. 5392. Л. 1—16об.
- ¹⁹ ПСЗРИ-1. Т. 3. № 1572. С. 278; *Батиев Л.В.* Указ. соч. С. 15.
- ²⁰ См. например: РГАДА. Ф. 239. Оп. 1. Ч. 8. Д. 27861. Л. 1—20об.
- ²¹ *Батиев Л.В.* Указ. соч. С. 15.
- ²² ПСЗРИ-1. Т. 5. № 3006. С. 394—400.
- ²³ РГАДА. Ф. 239. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5378. Л. 10-15об., 18об. — 21об.
- ²⁴ Там же. Д. 5423. Л. 3—4об.
- ²⁵ Там же. Ч. 9. Д. 33066. Л. 1—20об.
- ²⁶ *Дмитриев Ф.М.* Указ. соч. С. 538.
- ²⁷ ПСЗРИ-1. Т. 3. № 1576. С. 281—282.
- ²⁸ Там же. Т. 2. № 1022. С. 540—542.
- ²⁹ Там же. Т. 4. № 1806. С. 73.
- ³⁰ Там же. Д. 5396. Л. 97—106.
- ³¹ РГАДА. Ф. 239. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5419. Л. 2—55об.
- ³² Там же. Ч. 4. Д. 5370. Л. 10—11.
- ³³ Там же. Ч. 9. Д. 33083. Л. 11—22об.
- ³⁴ ПСЗРИ-1. Т. 5. № 3006. С. 399—400.
- ³⁵ *Колманн Н.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2016. С. 236.
- ³⁶ *Дмитриев Ф.М.* Указ. соч. С. 368.
- ³⁷ *Серов Д.О.* Указ. Соч. С. 85.
- ³⁸ *Гуськов А.Г.* Отношение к суду в Московском государстве XVII в. (к постановке проблемы) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 1. С. 86—87.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1999. — 719 с.
2. *Батиев Л.В.* Судопроизводство в России в конце XVII — начале XVIII вв. Автореферат дисс... канд. юрид. наук. СПб, 1992. — 20 с.
3. *Батиев Л.В.* Указ 21 февраля 1697 г. и реформа судопроизводства в России // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11 (72). С. 11-18.

4. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Изд. 5. Киев, 1907. — 714 с.
5. *Воробьёв А. В.* Палата по составлению Уложения 1700 г. и судьба Сыскаго (Разбойного) приказа в начале XVIII в. // Русь, Россия. Средневековье и новое время. № 5. 2017. С. 443-447.
6. *Гуськов А. Г.* Отношение к суду в Московском государстве XVII в. (к постановке проблемы) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 1. С. 84-90.
7. *Дмитриев Ф. М.* Сочинения. Т. 1. История судебных инстанций и гражданско-го апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1899. — 592 с.
8. *Колманн Н.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2016. — 617 с.
9. *Мрочек-Дроздовский П. Н.* Областное управление России XVIII века до Учреждения о губерниях. Ч. 1. М., 1876. — 359 с.
10. Очерки истории СССР. Том VII. М., 1954. — 816 с.
11. Памятники русского права. Вып. 8. М., 1961. — 668 с.
12. Развитие русского права второй половины XVII-XVIII вв. / Отв. ред.: Скрипичев Е. А. М., 1992. — 309 с.
13. *Серов Д. О.* Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. М., 2009. — 488 с.
14. *Филиппов А. Н.* О наказании по законодательству Петра Великого в связи с реформой // Учёные записки императорского Московского университета. Отдел юридический. Вып. 7. М., 1891. — 470 с.

Комиссаренко А. И.

РГГУ

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В XVIII в.

Аннотация: Анализируется миссионерская деятельность Русской церкви и её органов — Синода, Новокрещённой конторы, монастырей по христианизации неправославного населения Калмыцкого ханства, Мордовии, Поволжья, Сибири и Русской Америки (Аляски) в XVIII в. Исследуются методы и результаты обращения к православной вере, а также создание духовных школ.

Ключевые слова: Россия, Синод, церковь, монастыри, христианизация, Калмыкия, Мордовия, Поволжье, Сибирь, Русская Америка (Аляска).

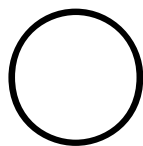
Komissarenko A. I.

RSUH

THE MISSIONARY ACTIVITIES OF THE RUSSIAN THE ORTHODOX CHURCH IN THE XVIII CENTURY.

Abstract: The paper is devoted to the analysis of activity Russian church, Synod, New Office of the Cros for Christinity. Study and Shows of the result of treatment Russian territory Kalmyk- khan, Mordvinia, Volga — region, peoples in Siberia, Russian America (Alaska), spiritual schools

Keywords: Russia, church, Synod, New Office, christianity, Kalmyk — khan, Mordvinia, Volga — region, Siberia, Alaska, spiritual schools.

дной из форм церковной деятельности являлось миссионерство, цель которого состояла в обращении неверующих и иноверцев к вере во Христа. Миссионерство предполагало передачу «религиозных сакральных знаний..., базовых положений учения церкви (канонов)» неопитам¹. Практика миссионерства состояла из обязанности свершать также и филантропические дела, «творить» церковную помощь — «сиротам и убогим..., вдовам, пленным искупление, в гладе прокормление»². Эти функции требовали проведения проповедей, катехизации населения, устройства храмов и открытия духовных школ³.

Миссионерские организации в России стали создаваться с 30-х гг. XVIII в., прежде всего, среди народов Поволжья, в основном язычников и в меньшей мере мусульман и буддистов. Этим занималась Комиссия новокрещенских дел, учреждена Синодом 23 августа 1731 г. при Свяжском Богородицком монастыре. Руководителем был назначен Алексей Раифский. 11 сентября 1740 г. по указу императрицы Анны Иоанновны она была переименована в Контору новокрещенских дел. Её руководителем стал консисторский служитель Лука Коношевич.

В 1742 г. им было запрещено строить мечети. С целью поощрения принятия христианской веры новокрещённым выдавались денежные премии и объявлялась свобода от рекрутской повинности. Крещение проводилось насильственно. Миссионеры вместе с воинской командой отправлялись в нерусские деревни, сгоняли жителей к реке и «крестили». При сопротивлении применялись плети и палки. Новокрещёнов, не соблюдавших христианских обрядов, отправляли в тюрьмы, «в железа и цепи сажали». В конце 1742 г. руководителем Конторы был назначен Дмитрий Сеченов, ставший и епископом Нижегородской и Алатырской епархии. К 1747 г. в епархии уже насчитывалось 50430 человек новокрещённых, что составляло абсолютно большинство чувашей, прежде язычников. Но среди татар численность новокрещённых была незначительной — 226 человек в одиннадцати из двадцати пяти селений. Несмотря на то, что епископ Д. Сеченов вынужден был обязать священнослужителей в местах компактного проживания татар — мишарей (главным образом, татар — потомков жителей бывшего Касимовского ханства) склонять к православию вплоть до строгого наказания за неисполнения высочайших указов, однако в 1746-1749 гг. в Нижегородской епархии было крещено всего 48 человек. Чтобы ускорить процесс христианизации на некрещённых крестьян, разрешалось «перелогать» подушную подать перешедших в новую веру. Но и при таких суровых мерах мусульманское татарское население активно выступало против насильственной христианизации. Подобная картина наблюдалась и в Башкирии. Отделению Нижегородской конторы, расположенной в Нагайбакской крепости, также не удалось добиться больших успехов в приобщении местного мусульманского населения к православию⁴.

С 20-х годов XVIII в. предпринимались меры по христианизации калмыцкого населения, занимавшего с 40-х годов XVII в. степные пространства Нижнего Поволжья и вошедшего в середине 50-х годов того же столетия в состав Российского государства. Калмыки (ойраты) познакомились с буддизмом (ламаизмом) ещё в XIII в. К середине XVII в. определился и правовой статус буддийской церкви, объявленной в 1640 г. на монголо-ойратском съезде государственной. Калмыцкое ханство, являясь географической окраиной России на юге и юго-востоке, пользовалось относительной политической самостоятельностью.

Россия, заинтересованная в защите своих южных границ, нуждалась в калмыцкой военной силе, старалась не вмешиваться во внутренние дела ханства, не обращала в православие калмыков на территории самого ханства, но при переходе калмыков за пределы его границ принятие ими православия поощрялось. С середины XVII до начала 1771 г. поселения калмыков за пределами ханства появились на Дону, в Чугуеве, на р. Терешке при впадении её в Волгу, в Ставрополе-на-Волге (ныне г. Тольятти). На этих территориях российское правительство и русская церковь обращение в православную веру калмыков приветствовали и поощряли. В указе Петра I от 20 января 1724 г. говорилось о необходимости «склонять владельцев и законников их (буддийское духовенство — *А.К.*) в христианство учением и дачею... книги нужные перевести на их язык»⁵.

Большое значение придавалось крещению представителей калмыцкой верхушки и созданию из них «проправительственно настроенной социально-культурной элиты»⁶. В числе первых, принявших крещение, был внук Аюки-хана Баксадай Доржи. 15 ноября 1724 г. его крестили в Санкт-Петербурге в соборной Троицкой церкви в присутствии Петра I, членов Синода, Сената, генералов и других знатных особ. Его восприемником был сам император, поэтому он был наречён Петром Петровичем Тайшиным. В январе 1725 г. вышел указ о строительстве ему походной церкви и о передаче нужных для церковных служб Евангелия, Апостола, Псалтыри и др. К началу февраля 1725 г. походная церковь была отослана в кочевья П. Тайшина со священником иеромонахом Никодимом (Ленкевичем), ставшим первым миссионером в Калмыцкой степи⁷. Российское правительство полагало, что с помощью П. Тайшина (Баксадая Доржи) удастся обратить как можно большее число калмыков в христианство и вовлечь их в сферу своего влияния, тем более, что П. Тайшин стремился стать ханом. Но он просчитался. Со смертью Аюки-хана его сын Церен-Дондук в 1731 г. занял ханский трон.

В 1734 г. П. Тайшин с братом Дондук-Омбо напал на Церен-Дондука, разбил его войско и отнял часть улуса. Для усмирения и возврата его в кочевья правительство Анны Ивановны направило войска под командой генерал-поручика И. Ф. Бярятинского. П. Тайшин был пленён и заключён в тюрьму в Царицыне. 8 февраля он подал прошение императрице Анне Иоанновне, прося прощение. 3 июля 1735 г. в Санкт-Петербурге в присутствии императрицы Анны Иоанновны была крещена в церкви Исаакия Далмацкого жена П. Тайшина Церен-Янжи и сопровождавшие её зайсанги. В 1744 г. крещение приняли также жена и дети калмыцкого хана Дондук-Омбо. К середине 40-х гг. было крещено более 6000 человек. С этого времени российское правительство проводит курс на отселение крещёных калмыков с территории ханства. Совместное проживание крещёных и некрещёных калмыков доставляло немало неудобств калмыцким владельцам, ибо «льготы, поощрения и выгоды от крещения привлекали в православие всё

большее число калмыков, а значит, происходила потеря нойонами и зайсангами подвластного им населения»⁸.

Ещё в начале XVIII в. на Дон откочевала часть калмыков, подвластных Аюки-хана. Их поселили в районе Чугуева, к 1726 г. численность крещёных калмыков достигла здесь 14 тыс. человек. Тогда же по указу Сената от 14 января 1717 г. калмыки были поселены на реке Терешке севернее Саратова, а в 30-е годы в урочище Кунья Воложка при впадении реки Воложки в Волгу в Самарском крае. Переселенцам было определено денежное вознаграждение — знатым зайсангам — по 20 руб., рядовым — по 5 руб. на каждую семью⁹. По указу от 15 января 1739 г. «княгине А. Тайшиной выделялось до 1000 копен сена, зайсангам — 200 копен, рядовым — 100 копен и под дворы и огороды по 20 четвертей в поле. Разрешалось беспошлинно продавать скот и лошадей, ловить рыбу и заниматься охотой¹⁰. 14 мая 1739 г. крепость Кунья Воложка была переименована в г. Ставрополь-на-Волге¹¹.

Стремясь закрепить на срелней Волге оседлое поселение крещёных калмыков, Сенат и Синод озаботились о создании штата миссии церковных служителей, состоящей из архимандрита, трех священников и семи церковнослужителей.

Руководителем штата стал архимандрит Н. Ленкевич, который прежде возглавлял миссию в улусах П. Тайшина. Крещёному калмыку И. Кондакову архимандритом поручалось подготовить перевод на калмыцкий язык Новый Завет, Символ веры и «в воскресные и праздничные дни ... на калмыцком языке поучения сказывать, отчего ... могут прийти в лучшее познание православной христианской веры»¹². С 1744 г. ими управлял оренбургский губернатор И. И. Неплюев, способствовавший переселению калмыков из Астраханской степи. К началу 1744 г. в Ставрополе-на-Волге численность крещёных калмыков составила 3313 человек, в 1754 г. их уже было 5695 человек¹³. Ставропольские калмыки в военном отношении получили устройство, подобное казачьему. В 1745 г. сенатским решением ставропольское калмыцкое войско было разделено на восемь рот, обязанных нести линейную сторожевую службу.

Поселения крещёных калмыков находились также в Астраханской губернии, в так называемой Чуркиной пустыни (в 1759 г. 336 человек) и на Яике. Поселения яицких (уральских) калмыков в этом крае появились в 20-е годы XVIII в. Однако массового перехода калмыков на Яик, вероятно, не было. Они нередко кочевали с Яика на Волгу и обратно. Так, в начале 30-х годов на Яик перешел Доржи Назаров со своими поданными (15 тыс. кибиток), но вскоре из-за набегов казахов («киргиз-кайсаков») он вернулся на Волгу.

С уходом большей части калмыков в Джунгарию в 1771 г. российское правительство усилило курс на отселение оставшихся в различные регионы страны. Оставшиеся в пределах России калмыки — ламаисты объявили в тот же год Екатерину II (а за ней и всех её преемников — русских царей) земным

воплощением одной из важнейших богинь пантеона ламаизма — Цаган-Дара-Эхэ. В 1777 г. по инициативе Г. А. Потёмкина переселено 80 кибиток Яндыковского улуса Астраханской губернии на Терек, где уже обитали донские и волжские казаки. Их появление явно укрепляло защиту южных границ России. Калмыки стали кочевать у Моздока (верхний улус) и Кизляра (Нижний улус). Между реками Кума и Гайдук кочевали калмыки Среднего улуса. Всего в этих улусах числилось в конце XVIII в. 4392 человека. Не менее трети из них уже были приобщены к православию¹⁴.

В ряде регионов Среднего Поволжья — Мордовском, Марийском краях в XVIII в. «христианство расширяло свой ареал как естественным путём (его приносили русские переселенцы, оседавшие на свободных землях), так и по воле... людей, получивших земли и заселявших их крестьянами». В Мордовии возникшие приходы в течение всего века переходили в административное церковное подчинение, меняя епархии — Азовскую, Владимирскую, Нижегородскую, Казанскую, Саратовскую, Воронежскую, а также периодически Синодальную область¹⁵. С середины столетия активную роль в миссионерстве стали играть монастыри и государство. Ещё в начале XVIII в. служивший в Починковской поташной конторе В. Симонов предложил правительству проект христианизации мордовского населения через учреждение специальных школ. Однако проект из-за нехватки денег в условиях Северной войны не удалось осуществить. Во второй половине века усилилось монастырское миссионерство посредством распространения письменной культуры. В мордовских городах — Саранске, Атемаре, Инсаре активно в этом плане действовали иноки монастырей — Троице-Сергиевой лавры, Савво-Сторжевского Звенигородского, Высоко-Петровского Московского, имевшие в этом крае приписные обители. В них возникали библиотеки, в которых имелись священники из местных народностей мокши и эрзя. В это же время распространением христианства и письменной церковной культуры стали заниматься Саровская Успенская пустынь, Краснослободский Спасо-Преображенский монастырь. Они готовили священнослужителей из местных мордовских жителей¹⁶. В распространении христианской веры важное значение приобрела возникшая в 1778 г. духовная гимназия в Саранской Петропавловской обители. В ней обучались дети любого этнического происхождения. Помимо церковного учения, обучавшие приобретали знания основ логики, русского и латинского языков, арифметики. Тогда же в Саранске насчитывалось 15 домашних школ с преподавателями из миссионеров — священнослужителей¹⁷.

В правление императрицы Екатерины II миссионерская деятельность была обращена к сектантам, принадлежавшим к не признанным российским законодательством псевдо-христианским религиозным общинам молокан, духоборов,

меннонитов, баптистов, адвентистов, штундистов, хлыстов, скопчан. Во второй половине XVIII в. особое значение приобрела христианизация местного населения восточных территорий России. Открытие Аляски, Алеутских островов в 1741 г. и их освоение было обусловлено государственными интересами России. Предприимчивые русские купцы и отважные мореходы для добычи ценной пушнины и торговли, вступавшие в контакт с местными жителями, стали первыми их крестителями. Алеуты, эскимосы, тлинкиты, атапаски, кадьякцы, чугачи, кенайцы наряду с усвоением русской речи, приёмов ведения хозяйства, постепенно воспринимали православное мировоззрение и христианский уклад жизни. Православные священники, посещавшие Алеутские острова и Аляску в 40-е гг. XVIII в., старались крестить местных жителей. Так, митрополит Иннокентий (Вениаминов), бывший в это время священником на Аляске, вспоминал, что ещё в 1743 г. «казак Андреян Толстых, ... вероятно первый начал крестить ... жителей»¹⁸.

Посетивший в 1790-1791 гг. Аляску в составе экспедиции капитана Биллинга, священник Василий Сивцов сообщал, что «... на острое Уналашке и Княги и на западной стороне острова Кадьяк ... он окрестил туземцев, из коих некоторые уже приняли христианство ранее от русских промышленников, мужского пола 93 и женского пола 33, да повенчал 14 пар»¹⁹. Прибывший в 1784 г. на остров Кадьяк, расположенный недалеко от материковой Аляски, Григорий Иванович Шелихов, уроженец г. Рыльска Курской губернии, вместе с другим курским купцом Иваном Илларионовичем Голиковым учредили на Аляске «Промысловую кампанию», преобразованную в 1799 г. в «Российско-Американскую кампанию», получившую монопольные права на торговлю и охоту в Америке.

Шелихов стал «первым активным миссионером на Аляске». Его стараниями создана была на Кадьяке школа для детей алеутов. Преподавателями в ней служили несколько человек «из работных людей ... ведущих читать и писать». За два года пребывания на Аляске Шелихов лично крестил 40 человек²⁰. Вернувшись в Петербург, он обратился к митрополиту Гавриилу с предложением учредить на Аляске православную миссию. Императрица Екатерина II согласилась направить на Аляску миссионеров. В сентябре 1793 г. митрополит Гавриил сообщил Сенату о том, что миссия на Аляску подготовлена из трёх иноков Валаамского монастыря — иеромонаха Иоасафа (Болотова) и монахов Германа и Иакова. Окончательный состав Кадьякской миссии был сформирован в конце 1793 г. Санкт-Петербургской духовной консисторией из 8 человек. Кроме архимандрита Иоасафа (Болотова) в её состав входили иеромонах Макарий (Александров), иеромонах Ювеналий (Говорухин), иеромонах Афанасий (Михайлов), монах Герман, иеродьякон Нектарий (Панов), послушники Михаил Говорухин и Косьма Евсеев²¹.

В конце декабря 1793 г. миссионеры выехали из Санкт-Петербурга. В Иркутск миссия добралась к середине марта 1794 г. Местный епископ Вениамин снабдил миссионеров дополнительным снаряжением и богослужебно — духовными книгами. 13 августа на галиоте «Три Святителя» миссионеры отплыли из Охотска на Аляску и 24 сентября 1794 г. высадились на остров Кадьяк, где находился центр «Промысловой кампании». Управляющий кампанией Александр Андреевич Баранов предложил на острове построить храм.

В первый год труды миссии дали зримые результаты. «Иеромонахи Макарий и Ювеналий, объехав весь остров Кадьяк на байдарках, ... крестили почти всех жителей» — 6740 алеутов, также было совершено 1573 венчаний. К весне 1795 г. иеромонах Макарий, посетив ещё 25 островов, крестил 2472 человека и совершил 536 венчаний²². Иеромонах Ювеналий в 1795 г. посетил континентальную Аляску, проповедуя христианство среди местных племён эскимов и индейцев-атапаски. Но в 1796 г. его миссия окончилась трагически. Он был убит индейцами²³.

Итоги миссии были рассмотрены Синодом. 4 июля 1796 г. императрице Екатерине II было подано предложение о необходимости для более успешного распространения православия в Русской Америке направить туда епископа. 19 июля 1796 г. именным указом Екатерины II решено было направить на Аляску «епископа викарного Иркутской епархии с именованьем епископа Кадьякского». Выбор пал на архимандрита Иоасафа, находившегося на острове Кадьяк. Ему предписали прибыть в Иркутск для архиерейской хиротонии, поездка же в Санкт-Петербург была признана уже императором Павлом нецелесообразной, так как «... приезд его сюда по дальности разстояния инако учиниться не может, как с убытком»²⁴. 10 апреля 1799 г. в Иркутске епархиальным епископом Вениамином архимандрит Иоасаф был хиротонисан во епископа Кадьякского (без участия других епископов — единственный случай в истории Русской церкви). В начале мая 1799 г. Иоасаф в сопровождении свиты из иеромонахов, иеродьяконов и священников, певцов архиерейского хора — всего 11 человек выехали из Иркутска в Охотск, откуда с конца августа на фрегате «Феникс» отплыли на Кадьяк. Однако случилась трагедия — фрегат «Феникс» разбился в шторм о камни, и все его пассажиры, включая епископа Иоасафа и членов миссии, погибли. Вести об этом кораблекрушении и гибели епископа Иоасафа и его спутников дошли до Санкт-Петербурга только в 1803 г. Синод по рекомендации Санкт-Петербургского митрополита Амвросия решил направить на Аляску иеромонаха Александро-Невской лавры Гедеоны (Федотова). В 1804 г. он прибыл на Кадьяк. В течение трех лет пребывания главой Кадьякской миссии Гедеоны способствовал развитию школьного образования. Была возобновлена школа для двухгодичного обучения детей из разных мест Аляски чтению, письму,

грамматике, арифметике, географии, священной и светской истории. Значительная часть местного населения была крещена. Деятельность православных священников по христианизации продолжалась и в первой половине XIX в.²⁵

К концу XVII — началу XIX вв. стало очевидным отличие миссионерства Русской православной церкви от католической и протестантской практик. Она сохранила традиции миссионерства, заложенные трудами просветителей славян Кирилла и Мефодия, Стефана Пермского, Иннокентия Московского и других. Русские проповедники не использовали методы католиков и протестантов по приобщению народов Африки и Азии через христианскую веру к «европейскому просвещению и политическому устройству»²⁶. Православные миссионеры стремились внести христианство в души многочисленных местных народов, не подавляя их обычаев, языка и культуры.

¹ Митрохин Николай. Русская православная церковь. Современное состояние и актуальные проблемы. М., 2004. С. 45.

² «Правило о церковных людях. XIII век». Цит. по: Русское православие: веки истории. М., 1989. С. 40; Социальное служение Русской православной церкви. М., 2019. С. 15.

³ Социальное служение Русской православной церкви... С. 316 – 320.

⁴ Можаровский А. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 год. Казань, 1880; Сенатюк С.Б. История татар нижегородского Поволжья с последней трети XVI века до начала XX века. Нижний Новгород, 2006. С. 265 – 288. РГАДА Ф. Новокрещённой конторы.

⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее – I ПСЗ). Т. 7. № 4427.

⁶ Орлова В.К. История христианизации калмыков. М., 2006. С. 45, 47, 49.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 58.

⁹ I ПСЗ. Т. 10. № 7228.

¹⁰ Орлова В.К. Указ. соч. С. 67.

¹¹ I ПСЗ. Т. 10. № 7800.

¹² Там же. № 7335.

¹³ Орлова В.К. Указ. соч. С. 70.

¹⁴ Там же. С. 76. Бурдуков И.Ф., Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста. 1995. С. 12 – 80; Костенков К.И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб., 1870; он же. О распространении христианства у калмыков // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1869, № 8; Гурий (Степанов) Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племён. Казань, 1915; Кочетов А. Буддизм. М., 1983; он же. Ламаизм. М., 1970.

¹⁵ Бахмутов С.Б. Христианизация мордвы и трансформация традиционного мировосприятия. // История Мордовии с древнейших времён до середины XIX века. Саранск, 2001. С. 305 – 306.

- ¹⁶ Там же. С. 308.
- ¹⁷ *Воронина Н.И., Лысова Н.Ю. Ключева И.В., Беломоева О.Г.* Формирование русской культуры Мордовского края // История Мордовии... С. 336.
- ¹⁸ *Иннокентий. митрополит.* Творения Иннокентия, митрополита Московского в 3 – т. Русская Православная церковь на Аляске до 1917 года. М., 2009. С.28 – 29.
- ¹⁹ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. Под ред. И вст. статьёй А.И. Андреева. М.,1998.С.235.
- ²⁰ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. Под ред. и вст. статьёй А.И. Андреева. М.,1998.С.235.
- ²¹ *Митрополит Климент (Капалин).* Указ. соч. 42– 43.
- ²² Там же. 42– 43.
- ²³ *Иннокентий, митрополит Московский.* Указ. соч. Кн. 2. С.5; *Фёдорова С.Г.* Штурманы Ивана Васильева и их роль в изучении Аляски (первая половина XIX века). Летопись Севера. Т.9. М., 1979. С.188.
- ²⁴ *Митрополит Климент (Капалин)...* Указ. соч. С.63.
- ²⁵ Русская Америка. По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. М., 1994. С.115 – 117.
- ²⁶ *Лисовой Н.Н.* Церковь, империя, культура. М., 2016. С.13.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Митрохин, Николай.* Русская православная церковь. Современное состояние и актуальные проблемы. М., 2004. 656 с.
2. Русское православие: вехи истории. М., 2089. 723 с.
3. Социальное служение Русской православной церкви. М., 2019. 7 с.
4. *Можаровский А.* Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 год. Казань, 1880.-262 с.
5. *Сенатюн (Сенюткин) С.Б.* История татар нижегородского Поволжья с последней трети XVI века до начала XX века. Нижний Новгород, 2006. 414 с..
6. *Орлова В.К.* История христианизации калмыков. М., 2006. 207 с.
7. *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста, 1995. 153 с.
8. *Костенков К.И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб., 1870. 171с.
9. *Гурий (Степанов)* Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племён. Казань, 1915. Т.1. Ч.1. 254с.
10. *Кочетов А.* Буддизм. М., 1983. 175с.; Он же. Ламаизм. М., 1973. 199с.
11. *Бахмутов С.Б.* Христианизация мордвы и трансформация традиционного мировосприятия// История Мордовии с древнейших времён до середины XIX века. Саранск, 2001. С.306-311.

12. *Воронина Н.И., Лысова Н.Ю., Клюева И.В., Беломоева О.Г.* Формирование русской культуры Мордовского края// История Мордовии с древнейших времён до середины XIX века. Саранск, 2001. С. 312-340

13. *Иннокентий, митрополит.* Избранные труды святителя Иннокентия, апостола Сибири и Америки. М.,1997. 367 с.

14. *Вениаминов И., протоиерей.* Состояние Русской Православной церкви в Российской Америке. СПб.,1840. 44 с.

15. *Митрополит Климент(Капалин)* Русская Православная церковь на Аляске до 1917 года. М.,2009. 605 с.

16. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948.383 с.

17. *Фёдорова С.Г.* Штурманы Ивана Васильева и их роль в изучении Аляски (первая половина XIX века// *Летопись Севера.* Т. 9. М., 1979. С. 167-210.

18. Русская Америка. По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. М.,1994. 374с.

19. *Лисовой Н.Н.* Церковь, империя, культура. М.,2016. 566 с.

Чекунова А. Е.
Независимый исследователь

ПЕТР I В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКА ПЕРСИДСКОГО ПОХОДА МОРСКОГО ОФИЦЕРА Ф. И. СОЙМОНОВА

Аннотация: Статья посвящена анализу воспоминаний морского офицера Ф.И. Соймонова (1692-1780) о его встречах и беседах с Петром I во время Персидского похода. Учитывая субъективность мемуарных источников, особое внимание уделено достоверности информации воспоминаний Соймонова.

Ключевые слова: Петр I, Ф.М. Апраксин, Ф.И. Соймонов, Персидский поход, Астрахань, Дербент, достоверность мемуаров.

Chekunov A. E.
Free researcher

PETER I IN THE MEMOIRS OF A PARTICIPANT IN THE PERSIAN CAMPAIGN OF A NAVAL OFFICER F. I. SOYMONOV

Abstract: This article analyzes the memories of seamanofficer F.J. Soymonov (1692-1780) about the meetings and conversation with tsar Peter I in the period Persian campaign. Takes into consideration of the memoir source particular attention spare about the trustworthy of information.

Keywords: Peter I, F.J. Soymonov, F.M. Apraksin, Persian campaign, Astrakhan, Derbent, trustworthy of the memoiris.

Появление в России мемуаров, как и других источников личного происхождения (дневников, частной переписки), было обусловлено общим подъемом национального самосознания народа, и, прежде всего, его образованной части. Таким временем для России был XVII в. и, особенно его вторая половина, когда возникает потребность сохранить для потомства личное восприятие и оценку важнейших событий прошлого, а также собственной жизни и жизни современников¹. Начавшиеся в конце XVII в. петровские реформы оказали огромное влияние на общественное мышление человека,

заставили его более внимательно всматриваться в происходящие события, людей, свою роль и значение в жизни страны. Яркая личность Петра I, а главное — его энергичная и плодотворная деятельность оказали на современников огромное воздействие. Насильственный характер многих реформ расколол русское общество на два враждебных лагеря: меньшинство поддерживало царя, а большинство встретило его нововведения с недовольством и негодованием. И если сторонники Петра I, не опасаясь за свою жизнь, свободно прославляли и возвеличивали его, то оппозиция жестоко преследовалась Преображенским приказом и Тайной канцелярией за «непристойные речи» и слухи, содержащие осуждение правительственной политики. Поэтому современники Петра I оставили в основном восторженные отзывы о царе-преобразователе². Одним из них был морской офицер Федор Иванович Соймонов (1692-1780), жизнь которого в значительной части была предопределена реформаторской деятельностью первого русского императора. Вместе с такими сподвижниками Петра I как А. Д. Меншиков, Феофан Прокопович, П. П. Шафиров, А. В. Макаров он осознал, что не своим происхождением, а личными заслугами может заявить о себе и принести пользу России. Всех их объединяло новое понимание своего места в жизни страны.

В течение своей продолжительной жизни Ф. И. Соймонов (1692-1780) много видел и испытал. Разносторонние интересы, пылкий ум, постоянное желание совершенствоваться приобретенные знания были залогом его успешной работы в разных должностях. Служебную деятельность Соймонов успешно сочетал с творческой работой, оставив сочинения по картографии, географии, экономике. Выпускник Школы математических и навигацких наук в Москве, он затем 2 года изучал «морские науки» за границей, с 1715 г. участвовал в Северной войне. В 1719-1720 и 1726 гг. по указанию Петра I описывал Каспийское море, «чтоб обстоятельно знать состояние» его. В 1730 г. Соймонова назначили прокурором, а вскоре и вице-президентом Адмиралтейской коллегии, а в 1740 г. как одного из участников «дела» кабинет-министра А. П. Волынского сослали на каторгу в Сибирь. В феврале 1742 г. он возвратился из ссылки и 11 лет жил в подмосковных имениях. В 1757 г. его назначили сибирским губернатором, и по прошествии 7 лет успешной работы по просьбе императрицы Екатерины II он продолжил службу (до 1766 г.) «по сибирским делам» в Московской сенатской конторе. Соймонов скончался в возрасте 88 лет и похоронен в серпуховском Высоцком монастыре³.

Впервые Соймонов увидел Петра I в 1715 г., когда после обучения за границей в присутствии царя сдавал экзамен на мичмана. В январе следующего года его назначили на корабль «Ингерманланд», который под царским штандартом на Балтике участвовал в военно-морских операциях против шведов. В исто-

рическом сочинении «Сокращенное описание о приращениях Всероссийской империи» он с гордостью вспоминал о событии, свидетелем которого был в августе 1716 г. Тогда верховное командование объединенных флотов (русского, английского, датского и голландского) доверили Петру I, так как «... датской генерал-адмирал не хотел быть у аглинского адмирала в команде, а аглинский адмирал и слышать того не хотел же, чтоб у датского быть в команде ... Однако же решилося то дело таким посредством, что упростили его императорского величества, чтоб он свой штандарт поднять изволил, а они все под его величеством высокою командою следовать будут. Что и зделано было, в то время на корабле «Ингермоландии» был вице-адмиральский синей флаг, понеже тогда его величество во флоте в числе ж вице-адмирала быть изволил. ... И такого случая, чтоб сам император когда командовал флотами, того ни в каких историях от века не находится»⁴.

Следующая встреча с Петром I состоялась в столице в конце 1719 г., когда Соймонов вручал царю карту Каспийского моря, составленную командой К. Вердена, членом которой он был. Мемуарист пишет об этом следующее: «По прибытии моем ... карту его императорскому величеству подал ноября 30 дня. Потом повелено мне было являться, и хотя я ежедневно и являлся, однако несколько дней время не уличил. Потом в один день пред полуднем его императорское величество изволил приказать пополудни быть, но и тогда до приходу моего изволил уже быть в такарне, где и доложить не смели. Однако чрез господина Татищева его величеству донесено было, а потом и я допущан был к его императорскому величеству в такарню, где изволил карту посмотреть и меня, о чем надлежало, спрашивать»⁵.

После успешного для России окончания в 1721 г. Северной войны Петр I начал подготовку к Персидскому походу. Как опытного моряка Соймонова «определили» командиром гукора «Принцесса Анна», «на котором присутствовал всего того войска и всей той великой флотилии главной командир генерал-адмирал граф Федор Матвеевич Апраксин, ... хотя его императорское величество сам своею высокою особою в том походе присутствовать изволил точию в персоне адмирала»⁶. На Каспии он неоднократно встречался и беседовал с Петром I, о чем позже рассказал в мемуарах и исторических сочинениях, понимая важность и ценность своей информации о великом современнике. В 1728 г. после многолетней морской службы Соймонов составил первую редакцию воспоминаний о Персидском походе и назвал их «Экстрактом журналов описания Каспийского моря...»⁷. В письмах к историку и конференц-секретарю Академии наук Г.Ф. Миллеру Соймонов называл свою рукопись «журналом» или «историческим журналом». Подобная терминалогическая неустойчивость одного и того же письменного источника была характерна для XVIII в.,

и особенно первой его четверти. Приступая к написанию мемуаров, Соймонов располагал личной памятью, устными рассказами современников и своими походными журналами (диурналами), в которые регулярно вносились записи о состоянии погоды, направлении ветров, состоянии грунтов и др. В отличие от многих мемуаристов своего времени, которые говорили о себе в 3-м лице, он писал от первого лица. Авторский текст «Экстракта» 1728 г. не сохранился, и в настоящее время дополненные Соймоновым его рукописные копии хранятся в разных государственных архивах⁸.

Воспоминания Соймонов начинает с объяснения причин, побудивших его к написанию: «... я... то учинил по тому достопамятнейшему случаю, что по оному морю ... государь император Петр Великий и государыня императрица Екатерина Алексеевна высочайшими своими особами в 1722 году шествовать изволили. Потому всякой, уповаю, уверен быть может, что тот случай толь важен и толь достопамятен почитаться должен, потому что едва ль кто из древних исторей видеть мог, чтоб императору и императрице не воспрепятствовали ни бурные ветры, ни свирепое море, ни (по малости бота) страшные волны на боту по открытому морю болше двухсот верст поход восприть. И не может никто причину показать, которая бы их величества принудить имела, кроме их императорских величеств любви ко отечеству».

Не называя точной даты отправления на Каспийское море, Соймонов пишет: «...по прибытии его императорскаго величества в Москву и публично о том походе объявлено было... Определено нам было плыть из Москвы на больших речных стругах, которые с Орла в Москву с хлебом приходят, и тогда в Москве зимовали. Для работы на те струга определено было 2 полка — Ингерманландской и Астраханской, а притом и морские служители. И, не дожидаяся вскрытия лду, со всяким поспешением как морские, так и артиллерийские припасы грузили. И как скоро лет вскрылся, а струга уже были в готовности, то мы с полою водою по Москве реке поплыли». Петр I «изволил иттить ... на большом стругу, которой для его величества покою был отделан таким видом: на задней половине зделаны были каюты, над которыми кровля с тентом парусным, а другая — передняя половина струга отделана была з банками для гребцов наподобие галеры по 18-ти весел на стороне, которому судну и имя дано было «Москворецкий ток»⁹.

Соймонова, как и других его современников, поразило то, что Петр I впервые нарушил традиционный этикет общения царя со своими подданными. Последние увидели в нём не только помазанника Бога, но черты обычного человека. Мемуарист неоднократно отмечает, что царь постоянно советовался с людьми из своего окружения, и, прежде всего, с генерал-адмиралом Ф.М. Апраксиным. Так, например, когда (в конце июля) на пути в Дербент возникла необходимость найти безопасное место, «где лотки целы быть могут», то «... в 4-м часу

полудни его величество изволил к генералу-адмиралу прийти на гукор, и в первых разговорах начал: « Я де к тебе советовать приехал, что в прошлую ночь несколько лоток повредило, а ежели по отбытии нашем силные ветры западные будут, то могут и все повредится. В том случае, когда возвратимся, не на чем будет и в Астрахань ехать. И мое де мнение — не лутче ль их затопить у берегов, то с водою не так силно, как порожные, поднимать и о землю бить будет». А при том изволил оборотится ко мне и, на меня смотря, изволил сказать: « Веть де ты морской, говори о том же»¹⁰.

Мемуарист оставил нам яркий и запоминающийся рассказ о праздновании 27 июля 1722 г. «морской регулы», когда «небывалых на каком-либо море купают». Петр I в этот день «изволил ... приказать изготовить блок на конце райны. А между тем послано было по адмиралтейского баса генерала Ивана Михайловича Головина и по весь генералитет. И как оной Головин приехал, то приказано было мне (Соймонову — А.Ч.), его посадя на доску и подняв вверх к райне, купать трижды. А потом и сам его величество изволил сесть на ту доску, и изволил приказать равным ж образом купать себя. И как втретие искупан был, тогда его величество нырнуть изволил, и мы ту одну доску подняли, потом вынурнув, изволил приказать подать к себе шест, за которой иногда держатся изволил, а иногда без него плавал. В то самое время и генерал-адмирал потому же был купан, а за ним и весь генералитет и министры». И далее он с несрываемым одобрением пишет: «И подлинно то время было очень веселое всем, кроме тех, которые то делать боялися»¹¹.

Во время Персидского похода Соймонов видел царя в разных ситуациях, и каждый раз его удивляла цельная и могучая личность Петра I, который умело руководил военными действиями, а своим примером заряжал энергией окружающих его людей. Он неоднократно отмечает, что Петр I чувствовал личную ответственность за людей и ход военных действий, стремился всё проверить сам и убедиться в правильности того или иного решения своих подчиненных. Соймонов был свидетелем следующего «разговора» царя с Ф.М. Апраксиным: «Потом скоро его величество в своей шлюпке, быв в Терской крепости, возвратился и прямо к генерал-адмиралу прибыть, и притом, во-первых, рассуждать изволил о худом или вовсе негодном положении места, на котором построенную Терскую крепость видеть изволил. А притом объявил генералу-адмиралу: 2-х терских казаков, которых с собою привесть изволил, что они залив Аграханской, где намерение положено было быть десанту войскам, потому что они как здешние жители довольно знать могут, но для лутчаго усмотрения такого нужного места изволил указать с теми казаками мне (Соймонову — А.Ч.) ехать и осмотреть, и с обстоятелною ведомостью возвратится»¹². Судя по воспоминаниям, Соймонов особенно часто общался с царем в конце июля после высадки пехоты с судов на Аграханском

полуострове. Предстояла трудная переправа через реку Сулак, но «все войско стояли болше месяца для того, что... дожидались... донских 10 тысяч, да мало-российских 10 тысяч казаков, понеже бес того итить было невозможно». В этой ситуации именно ему, который в 1719-1720 гг. принимал участие в описании западного берега Каспия, царь 29 июля «изволил... приказать следующее: понеже де все реки на устьях мелки бывают, и для того, чтоб я... взял канвой и на устья реки Сулака вымерял и осмотрел — не возможно ль, переправляясь чрез ту реку на канатах с войском и с обозом, через устье перейти?»¹³.

Последняя встреча морского офицера с Петром I состоялась в начале апреля 1724 г. («на светлой ниделе») в московском доме его дальнего родственника командующего войсками генерал-лейтенанта М. А. Матюшкина. Генерал и капитан-лейтенант Соймонов были вызваны для обсуждения «предбудущих предприятий» России в персидских провинциях на Кавказе. Неоднократно встречаясь с Соймоновым на Кавказе, царь оценил ум, знания и смелость молодого офицера. Видимо, поэтому он еще в ноябре месяце 1722 г. перед отъездом из Астрахани поручил ему «на Куре реке места осмотреть... понеже де всему восточному купечеству Кура река рандевою быть должна». В марте следующего года Соймонов с командой «морских служителей» «осмотрели» и описали устье реки, а вскоре «Куринским устьем карта послана была к его величеству». Можно не сомневаться в том, что царь к весне 1724 г., располагая доступной ему информацией, «изволил генерал-лейтенанту Матюшкину приказать, чтоб там (на реке Куре — А.Ч.) крепость делать. И для того, чтоб ему самому ехать, а для работы оной 5000 казанских татар и чуваш определить велено было, о чем чрез несколько дней и указ к казанскому губернатору был послан»¹⁴.

В «Предуведомлении от сочинителя» Соймонов писал: «При... случаях при многих я самовидцем был», но, «ежели где и какое погрешение или недостаток в описании моря и в протчем окажется может, мне милостиво и благосклонно оставлено будет». Предупреждение автора о степени достоверности и полноте информации своего сочинения было не случайно. Исследователи неоднократно отмечали, что сообщения мемуаристов всегда субъективны, а нередко тенденциозны. Прошлое отражается в них опосредованно, через призму восприятий конкретного автора с его неповторимым мировоззрением, политическими взглядами, культурным уровнем. Мемуарист строит повествование через собственное восприятие минувшего и в отборе информации не занимает позицию постороннего наблюдателя, он пристрастен и субъективен¹⁵. Не избежал этого и Соймонов, рассказавший не только о своем участии в Персидском походе. Основную задачу он видел в том, чтобы сохранить в памяти читателей личные воспоминания о Петре I, и не скрывал восторженного отношения к нему, считая самой яркой и значимой личностью в Российской империи.

Следует также отметить, что рассказывая о Петре I, Соймонов никогда не забывал о той дистанции, которая разделяла царя и его, выходца из мелкопоместного дворянства. Религиозная мораль, воспитание, сословная психология также влияли на него, и в поступках царя он видел только положительные черты. Мемуарист не подвергал сомнению планы и конкретные действия царя на Кавказе, не пытался приписать ему тайные замыслы. Поэтому он осторожно определил политико-стратегические задачи Петра I — укрепление позиций России в новом для неё регионе: «... тот высокочтимый их императорских величеств поход в Персию до города Дербента воспринят был, во-первых, подлинно для защищения и обороны соседнему и союзному Персидскому государству ... Однако ж притом в самом деле и та главная притчина видима была, чтоб комерцию его императорскаго величества подданных с Персиею в прежнее состояние привести»¹⁶. Соймонов не объясняет также причину скорого возвращения царя в Астрахань (а затем в Москву и Петербург) после торжественного «въезда» российских войск в Дербент 23 августа 1722 г., а морские экспедиции, в которых он принимал участие в ранге капитан-лейтенанта, были, по его мнению, продолжением ранее намеченной Петром I политики в этом регионе. «Ноября 6 дня, — как он вспоминает, — его императорское величество изволил указать: итить тебе (Соймонову — *А.Ч.*) в Гилян с полковником Шиповым, и для того с корабельным мастером Палчиковым осмотреть, и сколько годных судов к походу найдется, репортовать, а служителей — сколько и кого надобно бери». Также были подготовлены по словесному рассказу приказчика российского купца Евреинова, «который там (в Гиляне — *А.Ч.*) многократно и доволное время бывал, ... сделать план с прописанием — с которых сторон какие дороги и какие места», а «в ынструкцию полковника Шипова включено было, ... чтоб при входе... в Ряць место занять, на которой потом и великая крепость построена была»¹⁷.

Для большей правдивости Соймонов вставляет в канву своего повествования «речи» и диалоги («разговоры») Петра I с участниками похода. Конечно, поверить в точное их воспроизведение спустя несколько лет после окончания военных действий невозможно, но, без сомнения, мемуарист передает смысловое содержание, которое должно в очередной раз убедить читателя в идеальных качествах царя. Так, например, в конце июля 1722 г. состоялся один из таких «разговоров» Петра I с ним, из которого, как вспоминает Соймонов, «явно окажется коль далекое его величества всемилостивейшее намерение к пользе российскаго купечества склонялось»¹⁸. Морской офицер «разсудил вспамятовать или упоменуть, что всегда в ... мысли и охоте находилося, а именно: о сибирских, восточных, приморских местах, о Камчатке и о протчих ... что ... американской западной берег и остров Калифорния, тако ж епонские, фи-

липинские, ландронские и прочие острова в близости находятся, до которых европейских государств как военные, так и компанейские торговые корабли с немалым трудом и продолжительным временем ... доходят, и от российских восточных сибирских мест не такое продолжительное время и не такая опасность». В ответ на эти рассуждения Соймонова «его величество очень прилежно все выслушать изволил, и ... изволил сказать: «Слушай, я то все знаю, да не ныне, да то и далеко... Знаешь ли ты, что от Астрабата до Балха и до Водокшана и на верблюдах толко 12 дней ходу, а там, в Бухарии, середина всех восточных комерций. И видишь ты горы? Веть и берег подле оных до самого Астрабата простираются, и тому пути никто помешать не может»¹⁹. В тот момент, вспоминает Сойсонов, «мне недоуменно было» слышать эти слова. Лишь в ноябре месяце, когда его направили в составе морской экспедиции во главе с полковником П.М. Шиповым в персидскую провинцию Гилян, стали понятны планы царя о продвижении «комерций» российских купцов.

Соймонов был свидетелем не только военной, но и экономической политики Петра I на территории западного Прикаспия, временно присоединенной к России после Персидского похода. По прошествии многих лет после составления первой редакции «Экстракта» он дополнил ее новой главой («О комерции чрез Каспийское море прежних, средних и нынешних времен, и о предбудущей комерции чрез оное ж море»). В ней он еще раз попытался убедить «благосклонного и любопытного читателя» в том, что именно создание благоприятных условий для российской коммерции было главной причиной похода Петра I к побережью Каспия. Поэтому, как он пишет, «... не прошло после того еще мирного трактата (Ништадтского договора — А.Ч.) трех месяцев, как уже всей России видно было, что Низовой поход будет, которой и состоялся. А поход тот ничто иное знаменовал, как и в самом деле так было, что древнее или прежнее российское купечество, происходящее в Азии, своих подданных возобновить, а вновь, что к приумножению следовало до той же комерции, определить и в действо производить, намерение иметь (Петр I — А.Ч.) изволил». Соймонов в этой главе приводит известные ему по личному наблюдению и устным рассказам «искусных купцов» некоторые конкретные действия царя о хозяйственном освоении новых территорий. В небольшом разделе «Прибавление, которое некоторою частию до комерции принадлежащее» он еще раз напоминает «о рыбных астраханских ловлях, и о терскх шелковых заводах, и о виноградорных, и о шефранных садах», которые должны, по его мнению, заинтересовать российских купцов в перспективных источниках товаров для торговли.

Спустя 30 лет после кончины царя Соймонов в историческом сочинении «Сокращенное описание о приращениях Всероссийской империи» еще раз искренно и убедительно написал: «Я... как патриот Всероссийского

отечества... приемлю смелость изрещи, ... что по делам и добродетелям наш ... император Петр Великий безсмертия достойной был ... Ныне в России весь свет видит и прословляет то в вечные роды»²⁰. Последующая история России подтвердила его слова.

¹ О времени появления мемуаров в нашей стране см.: *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 37; *Он же.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. От рукописи к книге. М., 1992. С.6-7; *М.Т. Белявский.* Воспоминания, дневники, частная переписка // Источниковедение истории СССР. Учебник. М., 1981. С.237; *А.Е.Чекунова.* Русское мемуарное наследие второй половины XVII- XVIII вв. Опыт источниковедческого анализа. М., 1995

² История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Т.1. XV-XVIII века. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Т.1.М., 1976.

³ Список работ о служебной и творческой жизни Ф.И.Соймонова см. : *Ф.И.Соймонов.* Рукописное наследие. Из фондов отдела письменных источников Исторического музея. Сост. Н.В.Горбушина, А.Е.Чекунова. М., 2014. С.7-8.

⁴ *Соймонов Ф.И.* Рукописное наследие...С.344-345.

⁵ *Он же.* Экстракт журналов описания Каспийского моря, которое происходило в 1715, 1716, 1718, 1720,1726 годах, а притом описание ж о высокославном его величества государя императора Петра Великаго походе из Москвы в Астрахань водяным путем, а из Астрахани морем до Аграханского залива, а оттуда до города Дербента и возвратно до того же залива сухим путем, а из Аграханского залива до Астрахани морем, и что притом, тако ж и после, на том море происходило, и о прежней комерции чрез оное море, и какие его величества предумотрени были о предбудущей комерции чрез оное ж море. — РГАДА. Ф.181. Д.45 . ЛЛ.32-32об.

⁶ Там же. Л.8 об.

⁷ Под термином «экстракт» (латин. extractus – извлеченный) Соймонов понимал письменный документ, содержащий краткое изложение дела, а также подборку документов по определенному вопросу. См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1973. Т. CIV.С.516; *Р.П.Рогожникова, Т.С.Карская.* Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII –XX вв. М., 2005. С.796.

⁸ *Гольденберг Л.А.* Каторжанин – сибирский губернатор. Жизнь и труды Ф.И.Соймонова. Магадан.,1979. С. 67. Одна из копий в 1763г. была отредактирована и издана Г.Ф.Миллером. О редакторской работе Миллера см.: *Чекунова А.Е.* Ф.И.Соймонов и Г.Ф. Миллер : взаимоотношения автора и редактора в XVIII в. // Российская история. 2019. № 5. С.190-215.

⁹ *Соймонов Ф.И.* Экстракт журналов описания Каспийского моря. Л.40.

¹⁰ Там же. Л. 60.

¹¹ Там же. ЛЛ. 56-56об.

¹² Там же. ЛЛ. 49 об.-50.

¹³ Там же. Л.55 об.,58 об.

¹⁴ Там же. Л.111 об.-112.

¹⁵ *Зайончковский П.А.* Введение // История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях... С.4-5 ; *М.Т.Белявский.* Воспоминания, дневники, частная переписка... С.239-240; *А.Е.Чекунова.* Русское мемуарное наследие ... С.126.

¹⁶ *Соймонов Ф.И.* Экстракт журналов описания Каспийского моря. Л.7 об.- 8.

¹⁷ Там же. ЛЛ.77- 77 об.

¹⁸ Там же. Л.62.

¹⁹ Там же. ЛЛ.62 об.-63.

²⁰ *Соймонов. Ф.И.* Рукописное наследие... Л.335.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. 313 с
2. *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. От рукописи к книге. М., 1992. 288 с
3. *Белявский М.Т.* Воспоминания, дневники, частная переписка // Источниковедение истории СССР. Учебник. М., 1981.281 с
4. *Чекунова А.Е.* Русское мемуарное наследие второй половины XVII-XVIII ввнов. Опыт источниковедческого анализа. М., 1995. 136 с
5. *Чекунова А.Е.* Ф.И. Соймонов и Г.Ф. Миллер: взаимоотношения автора и редактора в XVIII в. // *Российская история.* 2019. № 5.с. 190-215
6. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1973.Т. 4.855 с
7. *Рогожникова Р.П., Т.С. Карская Т.С.* Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII-XX вв. М., 2005.828 с
8. *Гольденберг Л.А.* Каторжанин — сибирский губернатор. Жизнь и труды Ф.И. Соймонова. Магадан., 1979. 287 с
9. *Зайончковский П.А.* Введение // История дореволюционной истории в дневниках и воспоминаниях. Т. 1. XV-XVIII века. Аннотированный указатель. Т. 1. М., 1976. С. 3-14

Сафонов М. М.

С.-Петербургский институт истории РАН

**ПИСЬМО Ф.Ф. ВАДКОВСКОГО
3 ДЕКАБРЯ 1825 г.
И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДЕКАБРИЗМА**

Аннотация: Уникальность этого исторического документа и его значение для верного понимания декабризма как общественно-политического движения до сих пор не осознал ни один исследователь, несмотря на то, что его текст известен почти целое столетие. Принято считать, что Ф.Ф. Вадковский передал его в руки провокатора И.В. Шервуда по неосторожности, а тот переслал его своим начальникам, что и привело к началу разгрома тайных обществ. При этом полностью игнорируется то важное обстоятельство, патриарху отечественного декабристоведения М.В. Нечкиной несомненно известно, что автор письма прекрасно знал, что передает этот документ в руки правительственного агента и, следовательно, пользуется им для сообщения властям той информации, которую тайное общество считало необходимым довести до верховной власти. А это в корне меняет наши представления о целях и тактике декабристкой конспирации.

Ключевые слова: Ф.Ф. Вадковский, И.В. Шервуд, А.А. Аракчеев, И.И. Дибич, семейство Булгари, М.В. Нечкина, декабризм, военные поселения

Safonov M. M.

St. Petersburg Institute of history Of the Russian Academy of Sciences

**LETTER OF F.F. VADKOVSKY TO P.I. PESTEL
ON DECEMBER 3, 1825
AND PROBLEMS OF STUDING DECEMBRISM**

Abstract: The uniqueness of this historical document and its significance for the correct understanding of decembrism as a social and political movement has not yet been realized by any researcher, despite the fact that its text has been known for almost a century. It is believed that F.F. Vadkovsky passed it into the hands of the provocateur I.V. Sherwood by negligence, and he forwarded it to his superiors, which led to the beginning of the defeat of secret societies. This completely ignores the important fact that the Patriarch of Russian Decembrist studies M.V. Nechkina

undoubtedly knows that the author of the letter knew perfectly well that he was passing this document into the hands of a government agent and, therefore, uses it to inform the authorities of the information that the secret society considered necessary to bring to the Supreme power. And this radically changes our ideas about the goals and tactics of the Decembrist conspiracy.

Keywords: F.F. Vadkovsky, I.V. Sherwood, A.A. Arakcheev, I.I. Dibich, Bulgari family, M.V. Nechkina, decembrism, military settlements

В 1929 г. И. М. Троцкий в журнале «Каторга и ссылка» опубликовал в русском переводе уникальный исторический документ¹. Четверть века спустя М. В. Нечкина воспроизвела его французский подлинник в серии «Восстание декабристов»². Несмотря на то, что текст этого документа известен уж почти целое столетие, уникальность его и значение для верного понимания декабризма как общественно-политического движения до сих пор не осознал ни один исследователь. И. М. Троцкий сосредоточил свое внимание на том, насколько этот документ отражает революционный энтузиазм автора³. М. В. Нечкина подчеркивала, что этот документ стал «тяжелой ошибкой», потому что он явился «неопровержимой уликой» и был использован правительством для раскрытия заговора.⁴

3 декабря 1825 г. в Курске член петербургской ячейки так называемого Южного общества Ф. Ф. Вадковский написал письмо лидеру этой организации полковнику Вятского полка П. И. Пестелю. Для того, кто собирался расследовать деятельность тайного общества, такой документ был важнее любого доноса на организацию, сколь бы он ни был содержателен и информативен. Данные, содержащиеся в доносе, надо было еще подтвердить и доказать. Иное дело — перехваченное письмо. Член тайного общества отчитывался перед руководителем организации о проделанной работе и делился своими планами на будущее, затрагивал вопрос об уставных документах и просил выслать проект конституции, выработанный руководством. Это — материал, вышедший из недр самой конспирации, ее, если можно так выразиться, делопроизводственный документ. Заметим сразу, что во всем делопроизводстве Следственной комиссии, расследовавшей деятельность тайных обществ в России, нет второго такого документа, который мог бы быть поставлен на одну доску рядом с ним.

Примечательная особенность этого перехваченного письма в том, что его даже не пришлось, собственно говоря, перехватывать. Автор сам отдал его в руки правительственного агента — унтер-офицера 3-го Украинского уланского полка И. В. Шервуда. В тот же день Шервуд вручил это письмо казачьему полковнику С. С. Николаеву. Полковник являлся начальником охраны Александра I в Таганроге, так называемой «таганрогской гвардии», и был «откомандирован»

в Курск выполнять секретную миссию. Николаев отвез письмо в Таганрог и 8 декабря 1825 г. передал его начальнику Главного штаба И.И. Дибичу.

Кажется, если кто-либо хотел «подставить» тайное общество, ему вряд ли бы удалось создать что-нибудь более разоблачительное. При чтении этого документа трудно избавиться от впечатления о том, что он специально составлялся для того, чтобы оказаться в руках следователей. Собственно, и не надо ничего особенно расследовать. Все как бы на блюдечке с золотой каемочкой у них перед глазами.

Трудно избавиться от чувства неловкости, когда читаешь это письмо. Наивность конспиратора, поставившего благодаря своей близорукости и неумению разбираться в людях тайное общество на грань провала, бьет через край. Хотя она как будто вполне объяснима. Корнета Кавалергардского полка Вадковского за дерзкое поведение произвели в прапорщики Нежинского конно-егерского полка и выслали из Петербурга в г. Ахтырку Курской губернии. По столичным понятиям — настоящую дыру. Блестящий гвардейский офицер происходил из семьи, которая составляла ближайший круг Павла I и его жены императрицы Марии Федоровны. Отец Вадковского сопровождал великокняжескую чету во время путешествия по Европе⁵. Теперь же сын придворного, близкого к семье императора, оказавшись в захолустье, почти что в «ссылке», чувствовал себя в новом месте службы как в «пустыне». Его сердце переполняла «память о ...клятвах», которые он дал Пестелю в Петербурге. Бывший корнет гвардии существовал и дышал «только для священной цели», которая их соединяла. В провинции он томился от безделья и жаждал деятельности. Нетрудно представить, что этот человек мог стать легкой добычей для любого честолюбца, желающего сделать карьеру на раскрытии заговора доносчика.

Даже не такого по своему талантливому, как Шервуд, по происхождению англичанина, уроженца Кента. Отец Шервуда был выписан в Россию по приказанию Павла I для определения на Александровскую мануфактуру, состоявшую под покровительством и ведением Марии Федоровны. Это дало возможность молодому Шервуду сделаться известным императрице. Мануфактура принадлежала ведомству Воспитательного дома, возглавляемого женой Павла. Мануфактура производила игральные карты, составляющие монополию Воспитательного дома, доход от которой шел на благотворительные учреждения Марии Федоровны. На предприятии работали воспитанники Воспитательного дома. Мануфактура являлась самой крупной среди учреждений обладательницей акций Российско-американской компании, ставшей штабом подготовки выступления тайного общества 14 декабря 1825 г.⁶ Таким образом, в биографиях декабриста и доносчика было нечто общее: оба они незримыми нитями оказывались связанными с вдовствующей императрицей.

Шервуд блестяще владел несколькими иностранными языками. В 1819 г. он поступил волонтером в поселенские войска. «Тут, несомненно, наличествует какой-то нераскрытый поворот его биографии, — недоумевала Нечкина, — так как едва ли по собственной воле англичанин поступил рядовым в царскую армию крепостного времени»⁷. И. М. Троицкий обратил внимание на то, что в 1819 г. начальнику Южных военных поселений И. О. Витту было дано секретное поручение, связанное с необходимостью набора тайных агентов⁸. Историк предполагал, что Шервуд был агентом Витта, прикрепленным к воинским частям, положение в которых вызывало опасение правительства⁹. Шервуд был произведен в унтер-офицеры и стал писарем полкового комитета. По свидетельству его начальника И. П. Барка-Покровского, он особенно преуспел по полицейской части¹⁰. Когда у этнического грека Я. Н. Булгари, занимающегося разведением овец, умер немец-управляющий, «Шервуд, на все руки мастер», под видом специалиста по овцеводству стал управлять его овцеводческим хозяйством¹¹. Глава целого семейного клана Я. Н. Булгари подозревался, и не без основания, в связях с греческим тайным обществом «Филики Этерия»¹².

Пути Вадковского и Шервуда пересеклись в декабре 1824 г. в г. Ахтырке в доме Я. Н. Булгари. Хозяин дома управлял имением А. Р. Чернышевой, а Вадковский был ее племянником. Впоследствии оба конспиратора пытались представить их встречу как совершенно случайную. Спрошенный об этом в Следственном комитете по делу декабристов Булгари отрицал, что он был посредником при этом знакомстве. Грек заявил: он «не имел ни надобности, ни времени рекомендовать его Вадковскому, ибо они сейчас подружились»¹³. Но, по всей видимости, оба конспиратора были знакомы и раньше¹⁴.

Из письма Вадковского Пестелю следует, что он не только принял Шервуда в тайное общество, но и направил его с лестными рекомендациями к лидеру южан. Согласно письму в конце 1824 г., спустя три часа после знакомства, Вадковский открылся человеку, которого видел впервые. «Прием этот, — писал он в Тульчин, — хотя и поспешный, все же самый прекрасный, самый замечательный из всех, которые я когда-либо делал»¹⁵. Вадковский заклинал Пестеля оказать Шервуду доверие и говорить с ним вполне откровенно. Он сообщил о своих успехах в приеме новых членов и приложил два проекта: об организации тайной типографии и об организации постоянной связи между членами общества посредством специально назначенных для этого курьеров¹⁶.

Биография многоликого Шервуда, впрочем, надо признаться, довольно-таки темная, если не быть предвзятым, располагала к тому, чтобы все исследователи без исключения, признавали Вадковского безусловной «жертвой»¹⁷. Но никому не приходило в голову допустить, что Шервуд и Вадковский могли быть единомышленниками и действовать заодно. В построении «Вадковский — жертва Шервуда»

самым слабым звеном является тезис о том, что «искуситель» настолько «обворожил» горе-конспиратора, что тот совершенно запутался «в тенетах провокации». И дело не только в том, что фигура декабриста, путающегося в «паучьей паутине» провокатора, выглядит, мягко говоря, довольно нелепо. Гораздо важнее другое. Вадковский прекрасно знал, в чьи руки он передает свое конспиративное письмо.

Существует один очень важный источник, который не оставляет в этом никаких сомнений. Он не только проливает свет на этот вроде бы понятный, но в то же время более чем странный эпизод. Этот источник служит ключом к правильному пониманию всей этой загадочной ситуации, уникальной во всем декабристском движении. Он давно опубликован, но никогда не сопоставлялся с «провальным» письмом Вадковского. Правильнее сказать, что он всегда полностью игнорировался исследователями. Слишком невероятным казалось все то, о чем в нем говорится. Речь идет о воспоминаниях декабриста В. С. Толстого, прапорщика Московского пехотного полка, члена Южного общества. Они были опубликованы в 1955 г., почти одновременно с фундаментальным трудом М. В. Нечкиной, но никогда не привлекались для его корректировки. Патриарху отечественного декабриствоведения этот источник был известен еще тогда, когда она готовила к печати «Дело Ф. Ф. Вадковского» в серии «Восстание декабристов», но исследовательница предпочла полностью проигнорировать «неудобное» свидетельство. Оно никак не вписывалось в историю о декабристе-агнце.

В 1825 г. в 20-х числах октября Толстой посетил село Тагино в Орловской губернии. Оно принадлежало его родственнице А. Р. Чернышевой. В это же время там находился и Ф. Ф. Вадковский. «Не смыкая глаз», они проговорили все ночь. Вадковский сообщил Толстому, что принял в тайное общество Шервуда. Толстой стал его упрекать, как можно принимать в общество такую сомнительную личность, к тому же иностранца. Вадковский возразил, «что Шервуд совершенно в его руках, рассказав ему, как во время греческого восстания корфиот граф Булгари (дядя попавшего в истории тайного общества), в Херсонской губернии занимавшийся овцеводством, навел на себя подозрение нашего правительства в связях и сношениях с греческим тайным обществом «Гетерия». Тогда министр иностранных дел граф Нессельроде отыскал Шервуда и через знакомых Булгари отправил его с рекомендацией как отличного, специального овцевода, поручив ему вкрасться в доверие графа Булгари и обо всем подробно доносить указанным правительственным лицам»¹⁸. Следовательно, «провалившийся» декабрист прекрасно отдавал себе отчет, куда пойдут сведения, которые он поместил в своем «конспиративном» письме. Это в корне меняет дело и позволяет увидеть ситуацию в совершенно ином свете. Выходит, наивен и доверчив был вовсе не Вадковский, а историки, принимавшие информацию Шервуда за чистую монету.

На самом же деле Вадковский пользовался Шервудом как каналом для передачи «наверх» тех сведений, которые считал необходимым туда доставить¹⁹. Но какую же цель тогда преследовал Шервуд?

Никто из исследователей не заметил того важного обстоятельства, что предметом «вожделений» этих двух людей был А. А. Аракчеев, главный начальник Отдельного корпуса военных поселений. Если выражаться более точно: его полная дискредитация и в конечном счете отстранение от дел. На первый взгляд, такая трактовка кажется просто невероятной. Но тем не менее это действительно так.

В письме Вадковского присутствует еще одна очень важная деталь. Она позволяет по-новому посмотреть на те цели, которые ставили перед собой оба конспиратора. В этом документе, а его следует рассматривать как коллективное творчество Вадковского и Шервуда, есть упоминание о военных поселениях. Автор сообщает, что условился с Шервудом «sur ce qu'il m'avait dit du projet des colonies de se révolter sans autre but que celui d'une amélioration dans leur sort je lui laissais le plein droit de recevoir en lui enjoignant de donner au mécontentement général une tendance qui soit toute pour notre cause»²⁰. То есть он условился с Шервудом «в отношении того, что он говорил мне о плане восстания военных поселений с одной лишь целью улучшить их положение, я предоставил ему полное право принимать новых членов, предписав ему влиять на общее недовольство в желательном для нас смысле»²¹. На этом поприще — констатирует Вадковский, — Шервуд достиг «полного успеха» («son parfait succès»).

На первый взгляд в таком упоминании ничего удивительного нет. Декабристы всегда рассматривали военные поселения как резерв для антиправительственного выступления и пытались всячески привлечь их на свою сторону. Более того, принято считать, что Вадковский и привлек Шервуда в тайное общество прежде всего потому, что тот служил в военных поселениях²². Но это только на первый взгляд. При тщательном анализе открывается, что, не столько военные поселения сами по себе как резерв для антиправительственных выступления интересовали конспираторов, сколько стоявший во главе военных поселений А. А. Аракчеев. Именно он был их главной мишенью.

Как свидетельствовал во время декабристского следствия хозяина дома Я. Н. Булгари, «Вадковский просил от госпожи Чернышевой письмо для Шервуда к Аракчееву». Яков счел неприемлемым, чтобы графиня вмешивалась в такие дела, и поэтому просьба Вадковского «осталась без удовлетворения»²³. Другими словами их совместная деятельность на исторической сцене началась с того, что они предприняли попытку получить выход на самого Аракчеева посредством рекомендательного письма! Факт в эпопее Шервуд-Вадковский, никем не отмеченный. Но он очень красноречив. Это особенно интересно, если

принять во внимание, что их первый же разговор во время знакомства в доме Булгари начался с положения в военных поселениях. В своих воспоминаниях Шервуд так передал этот диалог. На вопрос Вадковского, отчего он до сих пор не произведен в офицеры, Шервуд ответил: «Это делается не вдруг у нас в поселении; третий год справки собирают обо мне и начали тогда, когда я прослужил положенный четырехлетний срок».

Вадковский: «Да у вас чорт знает что делается; вы служите в военном поселении, каково у вас там?»

«Я отвечал: «Не совсем хорошо; мало дают время хозяевам для полевых работ; от этого терпят большой недостаток, их замучили постройками».

Вадковский: «Значит, поселяне очень недовольны?»

Я: «Очень».

Вадковский: «Ну, каково офицерам?»

Я: «Конечно, офицерам лучше, но вообще все недовольны; вы знаете, что Аракчеев шутить не любит»²⁴.

Итак, осуждающий военные поселения Шервуд добивался личной встречи с Аракчеевым, а Вадковский пытался этому всячески содействовать. После того, как попытка провалилась, Шервуд написал через лейб-медика Я. В. Вилье, также англичанина, письмо царю с просьбой принять его для сообщения обстоятельств, имеющих чрезвычайно важное значение. Царь решил выслушать Шервуда. Но прежде, чем 17 июля 1825 г. в Каменноостровском дворце состоялась тайная аудиенция у царя, Шервуду пришлось пройти через руки своего главного начальника Аракчеева. Однако Шервуд ничего не открыл ему. Он заверил временщика, что дело не касается ни его лично, ни военных поселений, как таковых. Царю же Шервуд заявил (по крайней мере, так он рассказал в своих воспоминаниях), что некоторые учреждения и постановления в государстве ему очень не нравятся, «и не может быть, чтобы государственные люди делали без намерения столь грубые ошибки». Царь потребовал объяснений. «В военном поселении, — отвечал Шервуд, — людям дают в руки ружья, а есть не дают; что им, ваше величество, остается делать?». Государь не понял: «Как есть не дают?». Шервуд объяснил, что «коренные жители или хозяева обязаны кормить свое семейство, постояльцев, действующих резервистов и кантонистов, и что они так заняты постройками и перевозкой леса из черкасских лесов, что не имеют трех дней в лето на свои полевые работы, и что были примеры, что люди умирали от голоду». Хотя, ни самому императору, ни графу Аракчееву «об этом ничего неизвестно, но при нынешних обстоятельствах может быть такое положение военных поселян очень опасным». Царь слушал с большим вниманием. Шервуд сообщил еще о том, «что министр финансов издал гильдейское постановление, которым запрещается мещанам и крестьянам из уезда в уезд возить продавать

хлеб и всякого рода произведения свои, чем сковали внутреннюю в государстве торговлю». Заключительный вывод, открывавшего глаза царю унтер-офицера был красноречив: «Таких ошибок, ваше величество государственные люди без цели делать не могли»²⁵. Другими словами, «добровольный доноситель», сообщивший Александру, что подозревает существование тайного общества с умыслом на жизнь государя, почти открытым текстом заявил царю, что его «без лести преданный» фаворит интригует против него. Он не только превратил фактически военные поселения в пороховой погреб, готовый в любую минуту полыхнуть, но сделал это умышленно.

Разумеется, Шервуд скрыл от царя, что он уже является членом тайного общества. Не только принят в него Вадковским, но даже сам наделен правом принимать в конспирацию новых членов, и уже принял в нее двоюродного брата Якова Булгари Андрея, тогда как Вадковский, прибегнув к грубому шантажу, сделал членом своей организации сына Якова Николая Булгари.²⁶

После того, как Шервуд получил от царя полномочия раскрыть тайное общество, в членстве в котором, по его словам он подозревал Вадковского, «добровольный дознаватель» должен был докладывать о своих успехах Аракчееву²⁷. Казалось бы это лишало его возможности сообщать компромат на графа императору. Но это далеко не так. Поскольку царь заинтересовался «раскрытиями» Шервуда, то его донесения, как бы они ни были неблагоприятны для Аракчеева, временщик был вынужден докладывать Александру. На это и был сделан расчет Вадковского и Шервуда. Донесения «добровольного доносчика» могут быть правильно поняты только в том случае, если их читать именно под этим углом зрения. Бросающаяся в глаза «наивность» конспиратора Вадковского, буквально лезущего из кожи, чтобы поразить воображение «провокатора», настолько бьет через край, что невозможно поверить в то, что все это имело место в реальной действительности.

В самом деле в первом же донесении Аракчееву 20 сентября 1825 г. Шервуд сообщил совершенно невероятную историю о том, как он был принят в тайное общество Вадковским, а тот, хотя и стрелянный воробей, попался на мякине: поверил «сказкам» нагрянувшего с ночным визитом Шервуда и раскрыл перед ним карты относительно конечных целей общества.

Шервуду надо было как-то правдоподобно объяснить Аракчееву, как он стал членом конспирации и сумел «расколоть» Вадковского. Но объяснение его «хромало» на обе ноги. Поскольку Шервуд не мог открыть временщику, что уже давно принят и сам принимал, его плутовской склад ума выстроил такую схему. Якобы, желая выведать у Андрея Булгари, не является ли его дядя Яков членом тайного общества, Шервуд узнал от собеседника, что в конспирации состоит Вадковский. И на вопрос, откуда ему это известно, провокатор-виртуоз

получил ответ: «От брата Николая»²⁸. Оставалось лишь узнать, где находится Вадковский и раскрыть перед ним свою душу, преисполненную ненавистью к деспотизму. Но это уже было делом техники.

19 сентября в двенадцатом часу ночи он прибыл на квартиру Вадковского в Курске. Разбудил его, и буквально с порога заявил, что уже год, как действует в интересах тайного общества: старается его «умножить» и добился на этом поприще потрясающих успехов — успел принять аж 47 штаб и обер-офицеров. А еще двух полковых командиров и двух генералов. Потрясенный Вадковский вскочил с постели, стал его целовать «и желать всякого успеха». Тут же, недолго думая, он сообщил новоявленному соратнику, что Николай Булгари, который предполагает быть у отца Якова, должен поехать в Петербург. Надо составить «известным особам отчет об успехах». Для этого он попросил Шервуда привезти ему список «сколько, каких именно чинов и полков» он принял. Вместе с тем он предложил Шервуду написать «мнение свое насчет поселенских войск». По его словам, это было «очень важно». Шервуд дал слово. «Мы составим обще с тобой ведомость, — заявил Вадковский, — и с Николаем Булгари пошлем...». При этом он заверил своего ночного посетителя, «что это предприятие сверх ожидания имеет хороший успех». Шервуд поинтересовался, есть ли в корпусе генерала Н.М. Бородина «из знатных особ, которые на это предложение были бы согласны?». (Отметим, генерал- адъютант Бороздин, стоявший во главе 4-го кавалерийского корпуса, расквартированного в Орловской губернии, был конфидентом Александра I²⁹). «Есть двое, а прочих довольно», — услышал он в ответ. Вадковский как бы невзначай заметил полуночному посетителю, свалившемуся ему, как снег на голову, что «самое трудное в сем деле истребить вдруг всю царскую фамилию». «Это не трудно, — возразил Шервуд, — но проблема состоит в том, что цесаревич Константин находится в Варшаве». Но Вадковский его успокоил: «Поляки также хотят действовать, как и мы». На этом разговор закончился. «И так без всякого труда я попал в общество», — резюмировал Шервуд. И завершил свой отчет предложением перехватить гонца с поличным и просьбой прислать для этого специального человека³⁰.

В своем рапорте Шервуд не дал ответа, каким образом он объяснил Вадковскому, как он узнал о существовании общества, и почему стал действовать в его пользу. Очевидно, чувствуя такой «изъян» в своем построении, Шервуд впоследствии в своих мемуарах попытался его исправить. Он придумал, будто бы Вадковский сразу же спросил его, как он узнал о существовании общества, а Шервуд отговорился, мол, расскажет после. После же вследствие настоятельных просьб Вадковского открыть, кем он принят в общество, Шервуд, узнавший от самого же Вадковского, что сын Якова Булгари принадлежит к обществу, сказал ему, что узнал от Николая Булгари³¹. Объяснение, прямо скажем,

рассчитанное на очень наивных людей. Впрочем, как и вся ситуация, описанная в отчетной записке Аракчееву от 20 сентября. Очевидно, наивен и доверчив был вовсе не Вадковский, а историки, принимавшие информацию Шервуда за чистую монету.

Для чего же Шервуд сочинял такие «басни»? На что он мог рассчитывать, докладывая таким вот образом? На то же, на что он рассчитывал, рисуя в каменноостровской резиденции мрачными красками положение военных поселений. Как бы невероятно ни выглядело то, что он представил в отчетной записке Аракчееву, при том, что читавший ее царь, естественно, понимал: все описанное вымышлено провокатором, чтобы втереться в доверие к настоящему конспиратору, тем не менее, червь сомнения не мог не зародиться в душе императора: «А что, если это все правда?» Ведь как бы ни выглядел одураченным Вадковский, из текста явствовало: конспирация стремится использовать в своих интересах тяжелое положение в военных поселениях и может это сделать. В таком случае, записка Шервуда, при всей невероятности описанных в ней фактов, цели своей достигала. То же можно сказать и о следующем отчете Шервуда от 18 ноября, отправленному уже в руки И.И. Дибича, которому «дознаватель» докладывал и раньше о своих действиях по разоблачению семейства Булгари³².

Поскольку для поимки курьера с поличным Шервуд просил прислать «специалиста», царь, прочитавший отчет 10 октября³³, отрядил для этой цели полковника С.С. Николаева. Хотя Александр I не отдал немедленно распоряжения о посылке его на помощь к Шервуду, выбор этой персоны, которая ведала личной безопасностью помазанника в Таганроге, свидетельствовал о том, что написанное «добровольным дознавателем», царя встревожило.

После встречи с Вадковским в Курске Шервуд отправился в Орловскую губернию искать соумышленников в окружении Н.М. Бороздина. Пробыл там до 26 октября. Но ничего не открыл. Тем временем Вадковский принял в тайное общество еще целый ряд лиц. Сред них корнета Конного полка Ф.В. Барыкова³⁴, женившегося на фрейлине В.П. Ушаковой. С ним он отправил записку в Петербург с извещением об этом приеме. А также фанен-юнкера Нарвского драгунского полка Ф.Я. Скарятин. По пути из Минеральных вод в Петербург к Вадковскому заехал П.Н. Свистунов, бывший сослуживец по Кавалергардскому полку, член Южного общества. Если Вадковский действительно нуждался в курьере, чтобы отправить отчет о проделанной работе в столицу, и Свистунов и Барыков вполне годились для этой роли. Но Вадковскому и Шервуду, чтобы устроить царя международным характером «заговора», нужен был только представитель рода Булгари, этнический грек. Поэтому Вадковский решил дожидаться, когда Николай Булгари, посетивший его в Курске на пути из Петербурга к Харькову к отцу, поедет в обратный путь, чтобы быть арестованным по дороге вместе

с бумагами. 30 октября Шервуд, узнав, что этот грек проезжал к отцу в Харьков, поспешил приехать в Курск к Вадковскому. Тот напомнил ему о его предположении составить ведомость и отослать с Николаем Булгари «по принадлежности». Но Шервуд узнал, что Николай уже уехал в Одессу. Вадковскому же надо было «сделать требование от главных членов» завести секретную типографию, чтобы «выдавать в публику разные сочинения на российском диалекте, чтоб более приготовить всех к сказанному действию». Более того он намерен был потребовать три экземпляра конституции: один для себя, второй для Шервуда, третий же для доставки в Петербург. Предложение Шервуда взять на себя роль курьера, Вадковский отклонил на том основании, что Н. Булгари «уже на то определил себя». Вадковский составил вопросы, на которые следовало ответить Шервуду в своей записке о военных поселениях: «Главная причина, побуждающая их быть сообщниками, негодование вообще генералитета, штаб и обер-офицеров и нижних чинов, и какие меры были взяты мною к открытию ими сего, как ими было оное принято, свойство нижних чинов вообще, число войск, могущих поднять оружие в случае нужды, сколько мною принято, есть ли в числе принятых с отличными способностями ума, могущих во всяком случае быть полезными». Шервуд составил соответствующую записку. Но конкретных имен не указал. Вадковский сжег вопросы и черновик, а беловик спрятал в футляр от скрипки. При этом он заметил, что хранит там свои бумаги.

По словам Шервуда, Вадковский «был в восхищении, что дела текут хорошо» и сообщил ему важные новости. Он получил из Петербурга известие о том, что в гвардии принято в тайное общество еще 10 человек. В присутствии Шервуда Вадковский агитировал майора Северского конно-егерского полка О.О. Гофмана. Очевидно, Вадковский зря времени не терял. Еще Шервуд узнал от Вадковского, что в обществе состоят З.Г. Чернышев, ротмистр Кавалергардского полка, сын обер-шенка Г.И. Чернышева, кавалергардский корнет П.Н. Свистунов. Вадковский сообщил: В.А. Бобринский, какой именно Шервуд не знал, но это был внук Екатерины II, отставной корнет Гусарского полка, жертвует 10 тысяч рублей на заведение секретной типографии.

Стоило только пробежать этот список глазами, чтобы понять: круг вокруг царя сжимается, если даже лица из придворного окружения становятся членами тайного общества. Кроме того, Шервуд сообщил, что к обществу принадлежит «полковник Павел Пестель», и генерал-интендант 2-й армии А.П. Юшневский. Вадковский показал Шервуду свое письмо к А.Р. Чернышевой. В нем он просил свою тетку исходатайствовать у царя через императрицу прощение брату — А.Ф. Вадковскому, переведенному в провинциальный полк после Семеновской истории. В этом письме «он ясно говорит, что в последующем времени он будет знать, как отблагодарить государя императора, что было предметом общего

моего с ним смеха, где он упоминает, что если он прежде делал по молодости лет глупости, то теперь верно не сделает того». То есть теперь будет действовать гораздо осторожнее.

В качестве доказательства того, что Вадковский действительно ведет конспиративную деятельность, Шервуд приложил к своему отчету два подлинных его письма от 20 октября и от 12 ноября. В первом он напоминал Шервуду: «Не забудь, что у нас с тобою дела важные». Во втором был двусмысленный вопрос: «Нашел ли ты, наконец, тех должников, коих предполагал искать в окрестностях Чугуева, и заплатил ли хоть кто-нибудь из них тебе?». В письме был постскриптум: «Не забудь достать мне то, что обещал»³⁵. Предлог собирать долги, комментировал Шервуд, это не что иное, как приглашение сообщников³⁶.

Это был еще один снаряд, выпущенный по Аракчееву, самый мощный. Не зря же упоминались «Чугуево», памятное самым крупным восстанием военных поселян в 1819 г. Пикантность ситуации заключалась в том, что в то время, когда писались эти строки, временщик был уже не у дел. После убийства Анастасии Минкиной Аракчеев сам себя уволил: по случаю траура совсем отстранился от дел. Шервуд не мог не знать об этом от С. С. Николаева. Записка о состоянии военных поселений, а в ней, надо думать, автор не пощадил «без лести преданного», должна была попасть в руки царя, минуя Аракчеева. Поэтому можно было не опасаться слишком сгустить краски.

Шервуд написал это донесение 18 ноября 1825 г. На следующий день Александр I умер. Ситуация изменилась коренным образом. Со смертью царя отпала необходимость в существовании конспирации, которая в течение десяти лет угрожала императору, пытавшемуся проводить свою самостоятельную политику. Угрожало убийством его самого и расправой над членами его семьи, если он отважится на такое решение крестьянского вопроса, которое ущемляло бы благосостояние дворянства³⁷, либо же решится на такой самостоятельный внешнеполитический шаг, как восстановление Речи Посполитой в ее средневековых границах в качестве самостоятельного государства³⁸. Хотя самые тщательные поиски Следственной комиссии по делу декабристов так и не обнаружили ни одного факта, свидетельствующего о практической подготовке цареубийства³⁹. Александра I пугали тем, что российское тайное общество являлось частью общеевропейского заговора, деятельность же декабристкой конспирации якобы направлялась из заграничного революционного центра в Париже⁴⁰. Но наличие такой конспирации, ограничивавшейся лишь потенциальными угрозами цареубийства, давало уникальный шанс открыть ее и объявить, что она действительно готовила расправу над августейшим семейством. И выступить настоящим спасителем отечества от этой опасности, по сути дела, мнимой. Выдавая мнимое за действительное, можно было окончательно

дискредитировать и Аракчеева, поспешившего вернуться к исполнению своих обязанностей после смерти Александра I.

Но донесений Шервуда для таких выводов было явно недостаточно. Необходимы были письменные доказательства, вышедшие из самых недр тайной организации, важнейшие документы, выводящие на ее руководителя. Именно такую бумагу создали Вадковский и Шервуд 3 декабря 1825 г. Она было датирована 3 ноября, но написана месяц спустя. Авторам было необходимо создать иллюзию, будто ее писали при живом Александре, тогда как царя уже почти три недели не было в живых. Письмо Вадковского с дифирамбическими характеристиками англичанина должен был доставить Пестелю сам Шервуд. Более того, вместе с письмом ему следовало представить лидеру южан генерала из военных поселений, которого автор просил Павла Ивановича лично принять в общество с соблюдением всех положенных обрядов. Фамилия этого мифического лица, естественно, в письме не называлась. Кроме того, Вадковский, как уже отмечалось, просил прислать ему самому устав общества, который выветрился у него из памяти и три экземпляра конституции: один для себя, другой для Шервуда, третий для пересылки в Петербург⁴¹. Картина получалась впечатляющая. Генерал из военных поселений, посвящается в тайное общество, у которого есть устав и проект конституции для России!

Что еще нужно для дальнейшей карьеры человека, перехватившего такое письмо? Впрочем, как отмечалось выше, перехватывать его не пришлось. Вадковский сам вручил его в руки Шервуда, а тот через Николаева переслал Дибичу. Дибич же, фактически стремившийся занять место Аракчеева при новом монархе, имя которого — Константин или Николай — он еще пока не знал, — выжал из ситуации все возможное и почти что невозможное. Спаситель отечества решил пожертвовать Вадковским. Он был арестован Николаевым и отправлен в Шлиссельбург. Шервуду начальник Главного штаба определил роль верного патриота, раскрывшего крамолу. Его отчетные записки признаны были за истину и положены в основу доклада 4 декабря, посланного и цесаревичу Константину и великому князю Николаю⁴². Излагая их в своем рапорте, Дибич при всей неправдоподобности содержащихся в них сведений, умудрился еще усилить эту неправдоподобность. В частности, он утверждал, что в сентябре в Курске, во время ночного вторжения в его дом, Вадковский открылся «человеку, которого он прежде вовсе не знал» (?!)⁴³, хотя из «перехваченного» письма Пестелю было ясно, что девять месяцев назад он уже принял его в тайное общество в доме Булгари.

Рапорт Дибича был получен в Петербурге за два дня до 14 декабря. С чтения его начал свою работу Следственный комитет после выступления на Сенатской площади. Вернувшись из Таганрога, Дибич с 8 января 1826 г. фактически взял

следствие по делу декабристов в свои руки⁴⁴. Направляя его в соответствии с личными устремлениями, он добился всего, к чему стремился⁴⁵. И в итоге занял место Аракчеева при новом монархе, если только при Николае был возможен новый «аракчеев». Начальник Отдельного корпуса военных поселений, которым император придавал важнейшее значение, являлся одновременно и основным докладчиком по делам Государственного совета и Комитета министров. «Сила Андреевич» пользовался исключительным доверием царя, сосредоточил в своих руках почти что самодержавную власть и стал символом самодержавного произвола. Дискредитация в глазах Александра I его всемогущего временщика, являлась одной из основных задач тех представителей правительственных верхов, которые не хотели мириться с узурпацией верховной власти царским любимцем и готовы были даже содействовать антиаракчеевским акциям декабристкой конспирации. Но при этом сами были не прочь занять это место после падения «без лести преданного». Начальник Главного штаба И. И. Дибич, бывший протеже Аракчеева, преуспел более всех, чрезвычайно успешно используя в свою пользу сложившуюся ситуацию междоусобицы. Имя же прежнего царского любимца, как антагониста декабристов, почти не упоминалось на следствии. Следственные материалы почти полностью игнорируют Аракчеева. Это должно показаться более, чем странным, если учесть, что имя «узурпатора» было на устах едва ли не всех оппозиционеров. Начиная с рылеевского «Временщику» и заканчивая пушкинским «Всея России притеснитель...». Декабристские мемуары изобилуют филиппиками против Аракчеева. Сохранилась записка Ф. Н. Глинки, в которой он перечисляет имена и предметы, которые следует публично порицать для формирования общественного мнения. Среди них на первом месте Аракчеев, а на втором же — военные поселения⁴⁶. Среди членов тайных обществ даже существовал особый метод вербовки новых членов. Конспираторы начинали хвалить Аракчеева и, если их собеседник возмущался и начинал опровергать их, его признавали «своим»⁴⁷. Мемуары декабристов пестрят филиппиками против военных поселений, в которых они видели создание отдельной касты, оторванной от народа и угрожающей существованию дворянства, как такового⁴⁸. Однако ничего удивительного в умолчаниях следственных документов нет. Контролируя и направляя следствие, Дибич старался не допустить в документации следствия упоминаний об Аракчееве. Иначе «государственные преступники» могли оказаться с ним по одну сторону баррикад. И это ему удалось с лихвой. В результате следственный материал, являющийся, казалось бы, несмотря на вопиющую тенденциозность следователей, наиболее надежным источником для восстановления подлинной истории тайных обществ, дает о них неадекватное представление.

- ¹ Каторга и ссылка. 1929 . № 2. С. 84–92.
- ² Восстание декабристов Т. XI. М. 1954. (Далее:ВД). С. 192–195, 197–200.
- ³ Каторга и ссылка. 1929 . № 2. С. 84–85.
- ⁴ ВД. С. 13–15.
- ⁵ *Шильдер Н.К.* Император Павел Первый. СПб, 1901. С. 222.
- ⁶ *Сафонов М.М.* Российско–американская компания и 14 декабря 1825 г. // Труды кафедры Нового и Новейшего времени. 19(1). 2019. С. 33–54.
- ⁷ *Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. II. М., 1955. С. 196.
- ⁸ *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый. Т. I. СПб. 1903. С. 526.
- ⁹ *Троцкий И.М.* Жизнь Шервуда–Верного. М., 1931. С. 59. 60.
- ¹⁰ *Шервуд.* (Из записок генерал–майора Б–П). Берлин. 1860. С. 10.
- ¹¹ Там же. С. 22.
- ¹² См. подробно: *Сафонов М.М.* И.В. Шервуд – добровольный доносчик или спецагент Тайного общества? // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. X. «Горохова, 2». СПб., 2013. С. 23–24.
- ¹³ *Панчулидзева С.А.* Граф Яков Николаевич Булгари // Сборник биографий кавалергардов. Т. III. СПб., 1906. С. 192.
- ¹⁴ Во всяком случае Шервуд был близко знаком с родной сестрой Вадковского Екатериной Федоровной и она по свидетельству англичанина говорила с ним о заговоре на жизнь царя, случайно встретившись с старым знакомым на почтовой станции. (Исторический вестник. 1896. № 2. (Далее:ИВ). С. 73. Шервуд же, предлагая царю установить надзор за перепиской Вадковского, предупреждал государя, что муж Екатерины, брат орловского вице–губернатора, может этому помешать. (*Троцкий И.М.* Жизнь Шервуда–Верного.С. 269 – 271).
- ¹⁵ ВД. С. 197.
- ¹⁶ Там же. С. 197–200.
- ¹⁷ «Сложные чувства возникают при чтении характеристики, – писал И.М. Троцкий, – которую дает Шервуду его жертва, уже совершенно запутавшийся в тенетах провокации Вадковский». (*Троцкий И.М.* Жизнь Шервуда–Верного. С. 69–70). «Прием шпиона Шервуда – тяжелая ошибка Вадковского», – констатировала М.Н. Нечкина (ВД.С. 14). «Конечно, прием Шервуда в тайное общество являлся неоправданно поспешным, но следует учитывать то обстоятельство, что он был неординарной личностью, тем более что при этом носил мундир унтер–офицера», – пытался оправдать Вадковского С.Н. Коржов. (*Коржов С.Н.* К истории провокации И.В. Шервуда.(Критический анализ «Исповеди Шервуда – Верного» и реконструкция его агентурно–провокационной деятельности //14 декабря 1825 г. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. VII. СПб. 2005. С. 240).
- ¹⁸ *В.С. Толстой.* Воспоминания // Декабристы. Новые материалы. М., 1955. С. 26.
- ¹⁹ См. подробно: *Сафонов М.М.* И.В. Шервуд – добровольный доносчик или спецагент Тайного общества. С. 20–21.
- ²⁰ ВД. С. 193.
- ²¹ Там же. С. 197–198.
- ²² Там же. С. 14; *Троцкий И.М.* Жизнь Шервуда–Верного. С. 70.
- ²³ *Панчулидзева С.А.* Граф Яков Николаевич Булгари. С. 192.
- ²⁴ ИВ. С. 71–73.

- ²⁵ Там же. С. 76–77
- ²⁶ См. подробно: *Сафонов М.М.* И.В. Шервуд – добровольный доносчик или спецагент Тайного общества? С. 26.
- ²⁷ *Троцкий И.М.* Жизнь Шервуда–Верного. С. 269–271.
- ²⁸ Декабристы. Летописи Государственного литературного музея. Кн. 3. М., 1938. (Далее: Декабристы). С. 8.
- ²⁹ *Волконский С.Г.* Записки Сергея Григорьевича Волконского. СПб., 1901. С. 142.
- ³⁰ Декабристы. С. 9.
- ³¹ ИВ. С. 82.
- ³² Декабристы. С. 8.
- ³³ ГАРФ, Ф. 48. № 3, Л. 28.
- ³⁴ ВД. С. 201.
- ³⁵ Декабристы. С. 9.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. № 470. Л. 16–17; *Коржов С.Н.* К истории провокации И.В. Шервуда. С. 287; *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый. Т. I. С. 567–571.
- ³⁷ *Сафонов М.М.* Процесс по делу декабристов как феномен общественно–политической жизни России // Историко–культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М., 2012. С. 283–285.
- ³⁸ *Он же.* Речь Посполитая и декабризм // Декабристы: Актуальные направления исследований : Сборник статей и материалов. СПб., 2014. С. 84–97.
- ³⁹ *Он же.* Следствие по делу декабристов // Правовая система России: традиции и инновации. Ч. II. СПб., 2013. Материалы X всероссийской научно–теоретической конференции. Санкт–Петербург, 25–27 апреля 2013 года. СПб., 2013. С. 56–63.
- ⁴⁰ *Он же.* Всевропейский заговор, «Филики Этерия», декабризм // Труды кафедры Нового и Новейшего времени С.–Петербургского Государственного Университета. 20 (1). 2020. (В печати).
- ⁴¹ ВД. Т. XI. С. 193–194.
- ⁴² *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Т. IV. СПб., 1998. С. 408–416.
- ⁴³ Там же. С. 410.
- ⁴⁴ *Сафонов М.М.* Основные проблемы изучения движения декабристов // Историческая память России и декабристы 1825–2015. Сборник Россия и декабристы 1825–2015. Сборник материалов международной научной конференции (Санкт–Петербург, 14–16 декабря 2015). СПб.: Иркутск, 2019. С. 55–56.
- ⁴⁵ *Сафонов М.М.* И.И. Дибич и декабризм // Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории. Материалы XVII Всероссийской научно–теоретической конференции. Москва, РУДН, 16–17 мая 2013 г. М., 2013. С. 601–609.
- ⁴⁶ *Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. I. М., 1955. С. 224.
- ⁴⁷ Восстание декабристов. Т. XVIII. М., 1984. С. 289–290
- ⁴⁸ Вот что С.П. Трубецкой писал в своих «Записках» об учреждении военных поселений. Они «образует в Государстве особую Касту, которая, не имея с народом почти ничего общего, может сделаться орудием его угнетения...эта Каста, составляя особую силу, которой ничто в Государстве противуоставить не возможно, будет сама в повиновении немногих, а может быть и одного лица; и если это будет искусный честолюбец, то легко ему будет приобретать любовь своих подчиненных, обольстить их и сделать их орудием своего честолюбия. Сверх того, нена-

видимый начальник может быть причиною восстания вверенной ему части, и какая возможность усмирить озлобленных, имеющих средства отразить силу силою? Кто может поручиться, что небольшое даже неудовольствие не породит бунта, который, вспыхнув в одном полку, быстро распространится в целом округе поселения? Можно ли предвидеть, чем кончится восстание многих полков вместе? <> Жестокие меры, употребленные против жителей мирных селений, из которых хотели сделать военных поселенцев, возбудили всеобщее негодование. Исполнители графы Аракчеев и Вит[т] сделались предметами всеобщего омерзения: и имя самого Императора не осталось без нареkania. Трудно было поверить, чтоб Ему неизвестными оставались варварские действия этих двух человек: и это подавало невыгодное мнение и его сердце и нраве». (Трубецкой С.П. Записки. Письма И.И Толстому. 1818–1823. СПб., 2011. С. 53–54). «При окончательном устройстве военных поселений они неминуемо должны были образоваться в военную касту с оружием в руках и не имеющую ничего общего с остальным народонаселением России», – утверждал И.Д. Якушкин. (Записки, статьи и письма И.Д. Якушкина. М., 1951. С. 14).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Волконский С.Г.* Записки Сергея Григорьевича Волконского. СПб., 1901. 547 с.
2. Восстание декабристов Т. XI. М. 1954. 435 с.
3. Восстание декабристов. Т. XVIII. М., 1984. 368 с.
4. Декабристы. Летописи Государственного литературного музея. Кн. 3. М., 1938. (Далее: Декабристы). 566 с.
5. Исторический вестник. 1896. № 2. С. 66-84.
6. Каторга и ссылка. 1929. № 2. С. 84-92.
7. *Коржов С.Н.* К истории провокации И.В. Шервуда.(Критический анализ «Исповеди Шервуда — Верного» и реконструкция его агентурно-провокационной деятельности // 14 декабря 1825 г. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. VII. СПб. 2005. С. 215-295.
8. *Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. I. М., 1955. 481 с.
9. *Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. II. М., 1955. 506 с.
10. *Панчулидзева С.А.* Граф Яков Николаевич Булгари // Сборник биографий кавалергардов. Т. III. СПб.,1906. С. 185-193.
11. *Сафонов М.М.* Всеевропейский заговор, «Филики Этерия», декабризм // Труды кафедры Нового и Новейшего времени С.-Петербургского Государственного Университета. 20 (1). 2020. (В печати).
12. *Сафонов М.М.* И.И. Дибич и декабризм // Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории. Материалы XVII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 16-17 мая 2013 г. М., 2013. С. 601-609.
13. *Сафонов М.М.* Основные проблемы изучения движения декабристов // Историческая память России и декабристы 1825-2015. Сборник России и декабристы 1825-2015. Сборник материалов международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14-16 декабря 2015). СПб.: Иркутск, 2019. С. 49-68.

14. Сафонов М. М. Процесс по делу декабристов как феномен общественно-политической жизни России // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М., 2012. С. 279-293.

15. Сафонов М. М. Речь Посполитая и декабризм // Декабристы: Актуальные направления исследований: Сборник статей и материалов. СПб., 2014. С. 84-97.

16. Сафонов М. М. Российско-американская компания и 14 декабря 1825 г. // Труды кафедры Нового и Новейшего времени. 19(1). 2019. С. 33-54.

17. Сафонов М. М. Следствие по делу декабристов // Правовая система России: традиции и инновации. Ч. II. СПб., 2013. Материалы X всероссийской научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 25-27 апреля 2013 года. СПб., 2013. С. 56-63.

18. Сафонов М. М. И. В. Шервуд — добровольный доносчик или спецагент Тайного общества? // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. X. «Горохова, 2». СПб., 2013. С. 18-32.

19. В. С. Толстой. Воспоминания // Декабристы. Новые материалы. М., 1955. С. 25-35.

20. Троцкий И. М. Жизнь Шервуда-Верного. М., 1931. 277 с.

21. Трубецкой С. П. Записки. Письма И. И. Толстому. 1818-1823. СПб., 2011. 384. с.

22. Шервуд. (Из записок генерал-майора Б-П). Берлин. 1860. 40 с.

23. Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. IV. СПб., 1998. 651 с.

24. Шильдер Н. К. Император Павел Первый. СПб, 1901. 606 с.

25. Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Т. I. СПб. 1903. 800 с.

26. Якушкин И. Д. Записки, статьи и письма И. Д. Якушкина. М., 1951. 740 с.

Тихонова А. В.

Смоленский государственный университет

ВИДЫ НА ЖИТЕЛЬСТВО ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПРИ НИКОЛАЕ I КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Аннотация: В статье рассмотрены основные нормативно-правовые документы, связанные с выдачей и заменой иностранным подданным видов (билетов) на жительство в Российской империи во второй четверти XIX в. Помимо характеристики формуляра билета проанализированы действия властей в случае нарушения его срока годности, обнаружения подлога, переезда иностранца в другую губернию империи. В статье вид на жительство оценен как источник с высокой степенью достоверности, так как он являлся необходимым документом для учета и надзора за иностранцами. Тем не менее, виды на жительство не были защищены от ошибок и преднамеренной фальсификации.

Ключевые слова: паспортная система при Николае I, иностранцы, иностранные подданные, виды на жительство, исторический источник, степень достоверности исторического источника.

Tikhonova A. V.

Smolensk State University

RESIDENCE PERMITS FOR FOREIGNERS IN THE RUSSIAN EMPIRE UNDER NICHOLAS I AS A HISTORICAL SOURCE

Abstract: The article discusses the basic regulatory documents related to the issuance and replacement of foreign nationals residence permits (tickets) in the Russian Empire in the 2nd quarter of the XIXth century. In addition to the characteristics of the ticket form, the actions of the authorities in case of violation of its expiration date, detection of forgery, moving a foreigner to another province of the Russian Empire are analyzed. In the article the residence permit is estimated as a source with a high degree of reliability, as it was a necessary document for accounting and supervision of foreigners. Nevertheless, the residence permits were not protected from errors and deliberate falsification.

Keywords: passport system under Nicholas I, foreigners, foreign nationals, residence permits, historical source, degree of reliability of historical source.

Виды на жительство являлись необходимыми документами, дававшими иностранцам право на законное пребывание на территории Российской империи. Одной из первых мер по ужесточению контроля над иностранцами после вступления на престол Николая I стала передача надзорных функций созданному в 1826 г. III Отделению Собственной его императорского величества канцелярии (главным образом, его 3-й экспедици)¹. С этого момента подлинные заграничные паспорта, с которыми прибывали иностранцы, требовалось направлять на хранение в III Отделение. Прежде документы полагалось хранить в губернских правлениях по месту жительства иностранного подданного на территории Российской империи.

Пересекая границу, иностранный подданный получал кордонное свидетельство, дававшее право следовать до ближайшего губернского города, где в канцелярии губернатора можно было получить либо билет на проезд далее, либо вид на жительство, если этот город и был целью поездки. Вид или билет на жительство оформлялся первоначально на обычной, а не гербовой бумаге (она предназначалась только для заграничных паспортов)². В соответствии с высочайше утвержденным 11 октября 1827 г. Положением Комитета министров вид на жительство (или на переезд) следовало теперь выполнять на гербовой бумаге 50-копеечного достоинства (пошлина в пользу государственных доходов). В столицах предусматривались ежегодные пошлины в пользу Адрес-контор (то есть городских доходов) по 3, 5, 10 рублей (в зависимости от занятий)³.

Формуляры документов (билетов «на свободное пребывание» и на проезд) были утверждены в 1814 г⁴ и в период правления Николая I существенным образом не менялись. В обязательном порядке в билете указывалось: имя владельца; название страны, чьим «уроженцем» он являлся; приметы иностранца; информация о паспорте, по которому он прибыл в Россию (для вида на жительство), а при отъезде в другую губернию — сведения о выдаче годового вида (для билета на переезд); номер самого билета; дата его выдачи и срок действия. Документ подписывался губернатором и заверялся сургучной печатью. С 1814 г. был предусмотрен годовой срок действия вида на жительство вместо полугодового, как прежде. Вышеупомянутое Положение Комитета министров 1827 г. подтвердило это решение⁵. Еще до истечения годового срока иностранец обязан был обратиться к губернатору за получением нового вида на жительство, документ поступал в уездный суд или городскую полицию для выдачи просителю под расписку⁶.

В фонде канцелярии Смоленского губернатора Государственного архива Смоленской области (далее ГАСО) в журналах входящих бумаг за рассматриваемый период имеются многочисленные отметки о выдаче билетов. Так, только за 1831 г. упоминания о выдаче билетов иностранцам встречаются около

50 раз, при этом имеются как указания конкретных имен, так и общего числа билетов, в соответствии с поступившими запросами полиции или судебных инстанций. Примеры типичных записей: 6 февраля 1831 г. за № 708 — на рапорт «Смолен[ской] градской полиции от 2 февраля № 796 с представлением билета иностранца Отцеподина ... 4 марта выд[ан] биле[т] № 50»⁷; 25 мая 1831 г. за № 3644 — на рапорт «Гжатского земского суда от 22 мая № 2177 с представлением пяти билетов иностранцев» дан «19 июня ответ № 6830»⁸; 29 декабря 1831 г. за № 7470 — «Рославль[кого] земс[кого] суда от 26 декабря с приложением билета иностранца Рейн»⁹ и т. д.

Начальники губерний обязаны были информировать друг друга о билетах, выданных ими иностранцам для проезда на территорию «коллеги». Поэтому среди записей есть и отметки о получении соответствующих уведомлений. Один из подобных примеров — 9 июня 1831 г. за № 4513 смоленский губернатор получил от Санкт-Петербургского генерал-губернатора отношение от 27 июня за № 487 «о выданном билете комедианту Рабо с женой», которое принял «к сведению»¹⁰. Жены и дети иностранцев вписывались в вид мужа и отца, если они проживали вместе с ним, в противном же случае должны были иметь собственные билеты¹¹.

Запросы из уездных судов и городской полиции на получение очередных годовых видов на жительство для «местных» иностранцев и соответствующие расписки о выдаче документов сохранились в фондах этих учреждений. Виды (билеты) на жительство необходимо было менять в определенный срок, иначе нарушителям грозило наказание. Причиной задержки в получении билета мог стать помещик, при котором проживал иностранец. Так, в журнале исходящих бумаг смоленского гражданского губернатора за 1833 г. имеется запись от 3 августа о частном письме губернатора помещику «Платону Петровичу», в доме которого находился французский подданный, фабрикант Иван Карлович Эго. Начальник губернии упоминал о поступившей жалобе иностранца на своего помещика, «неизвестно по какой причине» удерживавшего «билет на свободное пребывание в Смоленской губернии». Губернатор потребовал билет, «если нет законных препятствий, прислать ко мне в непродолжительном времени, в противном же случае уведомить меня о причинах, по коим оный вами удерживается»¹².

Следующая запись в журнале касается самого билета И. К. Эго «на свободное пребывание в Смоленской губернии по 3-е число февраля будущего 1834 г.»¹³. Следовательно, помещик выполнил требование властей. Саму возможность сохранять у себя вид на жительство иностранца, землевладелец получал благодаря тому, что нередко документы выдавали на руки не иностранцам, а служителям или управляющим помещика. Соответствующие расписки оставались в полиции

или суде, в том числе есть они и в фонде Сычевского земского суда. Например, два годовых билета для швейцарских сыроваров Николаса и Бальтазара Вильдов, присланных из канцелярии смоленского губернатора, 17 февраля 1838 г. получал служитель графов Паниных Филипп Хлебощин¹⁴, а для прусского подданного Эдуарда Маркграфа 4 января 1840 г. билет был взят бурмистром в вотчине наследников графов Паниных Прокофием Акинфиевым (расписку подписывал по неграмотности последнего все тот же Филипп Хлебощин)¹⁵

По высочайше утвержденному 10 октября 1833 г. Положению Комитета министров был предусмотрен штраф в размере 2 руб. за каждый день просрочки, который взимался с помещиков, которые содержали у себя иностранных подданных, проживавших без узаконенных видов¹⁶. Положение о взыскании за просрочку документа «по 2 рубля за каждые сутки»¹⁷ стали вписывать в билет на жительство. Назначение именно такой денежной суммы объяснялось ее соответствием взысканию со столичных домохозяев «за держание у себя людей с просроченными паспортами»¹⁸. Сумма при таком расчете оказывалась весьма внушительной¹⁹, тем самым правительство использовало не только административные, но и финансовые рычаги воздействия на нарушителей. Вырученные деньги поступали в Приказ общественного призрения²⁰. В документах Смоленского приказа за 1834 г. упоминается о поступлении соответствующей суммы в 164 рубля от местного помещика Александра Генгроса «за 82 дня просрочки» вида иностранной подданной графиней фон Вилер²¹.

Сенатским указом от 19 июня 1835 г. предписывалось, чтобы иностранцы, находясь на российской территории, обязаны были подчиняться общим уголовным законам империи (лишь в отношении подданных Швеции и Норвегии в законе содержалось обещание дать особое постановление, так как эти государства имели соответствующие решения в отношении россиян)²². Вместе с билетом на проживание иностранцу теперь вручался «экземпляр правил, с которыми обязан был сообразовываться, по коим должен исполнять все (русские — *А.Т.*) законы, следовательно, никто из них [иностранцев подданных] не может отзывать неведением»²³.

Важность надлежащего оформления видов на жительство, соблюдения законности и исполнения надзорных функций в отношении иностранцев специально подчеркивалась и в «Наказе губернаторам» 1837 г.²⁴ В этом документе в очередной раз²⁵ специально оговаривалось, что высылка иностранцев возможна лишь по судебному приговору или «по распоряжению высшего начальства» после обязательного донесения об этом III Отделению²⁶.

Согласно высочайше утвержденным 4 июня 1841 г. дополнительным правилам о гербовом сборе виды на жительство и виды для проезда из одной губернии в другую следовало оформлять на гербовой бумаге стоимостью 2 руб. серебром²⁷.

В фонде Канцелярии смоленского губернатора сохранился подлинный билет на жительство в Поречском уезде Смоленской губернии, предназначавшийся для мекленбургского подданного, стекольного мастера Иоганна Бремпеля с его женой Христиной. В документе указано, что семья иностранца прибыла в Смоленск по билету на проезд, выданному симбирским губернатором 1 мая 1839 г. за № 86. И. Бремпель получил от смоленского губернатора билет на жительство за № 112 от 22 сентября 1842 г. сроком до 1 октября 1843 г.²⁸ Но 9 ноября 1843 г. иностранец умер, и его билет был возвращен в канцелярию губернатора²⁹. Согласно высочайше утвержденному 30 декабря 1838 г. мнению Государственного Совета, в случае смерти иностранца, его жена и дети, проживавшие с ним и внесенные в его билет, должны были предоставить пасторское свидетельство о смерти члена семьи и его билет, чтобы получить отдельный вид на жительство³⁰. В данном случае вид на жительство Бремпеля был прислан при рапорте поречского исправника с упоминанием факта смерти иностранца. Затем в течение двух лет из канцелярии губернатора уточняли обстоятельства смерти иностранного мастера, наличие или отсутствие у него наследников, место рождения умершего (Великое герцогство Мекленбург-Шверин или Мекленбург-Стрелиц). Но узнать ответы на эти вопросы у жены Бремпеля оказалось невозможным: 3 января 1844 г. она уехала в Москву к родным, «но по какому виду никто не сведущ»³¹.

Следует уделить внимание возможности подлога билета на жительство (или билета на переезд), то есть степени защиты документа от подобных попыток. Как выяснилось, «ахиллесовой пятой» билета являлось описание примет иностранного подданного (лета, рост, волосы, глаза, нос, рот, борода, лицо). Оно давалось слишком кратко при отсутствии изображения. Например, приметы вышеупомянутого И. Бремпеля были следующие: «Лета 59. Рост высокий. Волосы с сединою. Брови темно русые. Глаза карие. Нос посредственный. Рот посредственный. Подбородок и лицо круглые. Особые приметы — »³².

В билете другого иностранца — сардинского подданного, уроженца Александрии, отставного капитана французской службы Игнатия Вестфалья значилось: «от роду 52 года. Рост средний. Волосы, брови русые. Глаза серые. Нос, рот средние. Подбородок обыкновенный. Лицо овальное с краснотою. Особые приметы: не имеет»³³. Игнатий Вестфаль прибыл в Россию 22 января 1826 г. в сопровождении жены Розалии, урожденной Шади. Приехав в Воронеж, Игнатий Вестфаль получил билет от тамошнего губернатора. Затем супруги побывали в Симбирске, где иностранцу 8 августа 1827 г. был выдан билет от симбирского губернатора. В феврале 1828 г. Игнатий Вестфаль с женой приехал в Витебск, где, как и полагается, получил новый билет для проезда в Киев. Казалось бы, ничего примечательного, кроме активных перемещений иностранного подданного вместе с супругой по территории империи.

Однако оказалось, что это история с детективным сюжетом. 8 сентября 1828 г. главнокомандующий в Санкт-Петербурге и Кронштадте генерал П. А. Толстой сообщил витебскому, могилевскому, смоленскому и калужскому генерал-губернатору князю Н. Н. Хованскому, что в Рязань в августе того же года приехал некто сардинский подданный, отставной капитан французских войск Игнатий Вестфаль. Иностранец предъявил билет на проезд, выданный ему могилевским гражданским губернатором, и между делом упомянул, что не просто знаком с генерал-губернатором князем Н. Н. Хованским, а пользуется его особым покровительством³⁴. Цель своего приезда Вестфаль объяснил поисками приказчика Флорентини, который скрылся в России, украв принадлежащие капитану драгоценности³⁵. По данным III Отделения, иностранец Игнатий Вестфаль с женой Розалией в феврале 1828 г. получил билет от витебского губернатора на проезд в Киев³⁶.

Н. Н. Хованского насторожили сведения о его псевдознакомом, и генерал-губернатор за разъяснениями обратился к витебскому гражданскому губернатору. 3 октября 1828 г. тот сообщил своему начальнику приметы иностранца, назвал документы, им представленные, и описал маршрут Игнатия Вестфалья. О полученных данных генерал-губернатор поспешил проинформировать главнокомандующего в Санкт-Петербурге и Кронштадте П. А. Толстого, уверяя, что «никогда сего иностранца» не знал³⁷.

14 ноября 1828 г. в своем секретном отношении на имя Н. Н. Хованского витебский гражданский губернатор сообщал, что вынужден был задержать под присмотром полиции иностранку Розалию Вестфаль, урожденную Шауден. Она явилась к нему 3 ноября 1828 г., предъявила билет правителя Белостокской области, выданный 24 декабря 1827 г., и объяснила, что направляется в Оренбург к родственникам. Когда же губернатор задал ей вопрос о муже, женщина удивилась и заявила, что он — французской службы капитан Иосиф Иванов Вестфаль — умер в Данциге более года назад. В Витебске она прежде не бывала и не знакома с иностранцем, назвавшимся именем ее мужа³⁸.

Если прежнюю Розалию губернатор не видел, так как она была вписана в билет мужа, потому ее присутствие в канцелярии не требовалось, то истинность слов этой иностранки необходимо было проверить. Витебский губернатор написал рязанскому коллеге. В результате Игнатий Вестфаль был арестован в Рязани, признан «бродягою, вкравшимся в Россию с неблагонамеренными предположениями»³⁹, и глава III Отделения, шеф жандармов А. Х. Бенкендорф включил его в список иностранцев, высылаемых из России. Розалия Вестфаль, действительно, была незнакома с авантюристом и смогла продолжить свой путь в Оренбург⁴⁰. О решении дела Н. Н. Хованский узнал из очередного отношения витебского губернатора от 22 декабря 1828 г.⁴¹

Таким образом, несмотря на потенциальную возможность фальсификации видов на проезд и на жительство, губернские власти прилагали усилия, чтобы пресечь эти попытки. Они проявляли бдительность и обращались в III Отделение, принимавшее решение в отношении иностранцев. Именно это учреждение аккумулировало все сведения об иностранцах, в том числе трижды в год сюда поступали ведомости об иностранцах, проживавших в каждой губернии. В графе ведомости, обязательной для заполнения, следовало указать: «по какому билету, откуда и когда по данному проживает» иностранный подданный.

Тем не менее, изучение делопроизводственных архивных документов и мемуарной литературы дает основания полагать, что не все иностранцы, оказавшиеся в российской глубинке, были учтены и включены в такие ведомости. Как случайность позволила обратить внимание на мошенника, назвавшегося Игнатием Вестфалем, так и возможные пропуски в ведомостях, выявлялись благодаря именно случаю. Конкретным примером может служить история с австрийцем Адальбертом Нудером. Брат иностранца летом 1840 г. решил узнать, жив ли родственник, и выяснилось, что он проживает в имении князя А. А. Голицына в Смоленской губернии. Но в ведомостях 1840 г. и 1841 г. он не значился. Разбирательство, начатое по инициативе смоленского гражданского губернатора в июле 1841 г., затянулось на годы и потребовало большой переписки между губернатором и помещиком (последний, кстати, упоминал о 33 годах жительства А. Нудера в России!), губернатором и Министерством иностранных дел (о сословной принадлежности австрийца и паспорте об отставке в чине прапорщика), смоленскими и тверскими учреждениями (месте прежнего жительства австрийца в России).

В ходе разбирательства по делу Адальберта Нудера выяснялись обстоятельства его приезда и пребывания в России, факт принятия или непринятия им российского подданства, наличие или отсутствие прав на дворянство и т. д. Тяжба продлилась шесть лет, за это время сменилось три губернатора (!), но точка в деле так и не была поставлена. Выяснилось, что австриец подавал документы на принятие российского подданства, но они были утеряны. Его вторая попытка присягнуть на подданство в Тверской губернии будто бы увенчалась успехом, но полный комплект документов, это доказывающий, так и не был получен канцелярией смоленского губернатора⁴². Чиновников не пугала даже возможность судебного разбирательства за «явное нерадение к службе или намеренное преступление своего долга»⁴³ (в соответствии с Манифестом 16 апреля 1841 г.).

Серьезной проблемой для иностранцев становились ошибки канцеляристов, возникавшие из-за плохого знания последними географии или неправильного прочтения и записи иностранных фамилий и имен. Так, в 1843 г. сыровары Бернард и Иван Массино вынуждены были давать показания Вяземскому земскому

суду, доказывая, что они «италианские подданные уроженцы Сардинского королевства города Урноваса провинции Паланцы, но по какому случаю названы польскими уроженцами того они не знают»⁴⁴. Спустя три года в 1846 г. эти сведения удалось подтвердить благодаря переписке губернатора с МИД⁴⁵. Так что у консула Швейцарской конфедерации в Петербурге И. Боненблуста тоже были объективные основания для сетований. В своем отчете Федеральной Директории от 12 (24) января 1844 г. он жаловался на то, что «почти все выходцы из Невшателя в русских паспортах называются прусскими подданными»⁴⁶.

В соответствии с Указом от 15 марта 1844 г. «О порядке предъявления паспортов, приезжающими в Россию иностранцами» в III Отделение полагалось передавать паспорта, выданные российскими миссиями, а национальные паспорта оставались на руках у иностранцев. На них губернское начальство (или начальники порта) обязаны были делать отметку следующего содержания: «Не действителен в России и на основании этого паспорта выдан особый русский вид» с печатью⁴⁷. Сами виды на жительство серьезных изменений не претерпели. Особое внимание в период правления Николая I стали уделять (при выдаче документов) занятию иностранца, так как некоторые профессии (учителя или врача) предполагали прохождение в России соответствующего экзамена, дававшего право на подобную деятельность.

Подводя итоги, можно констатировать, что российские власти были заинтересованы в подлинности сведений, вносимых в виды на жительство. Если формуляр вида на жительство был создан еще в период правления Александра I, то система отслеживания и учета выдаваемых документов сложилась при Николае I (во многом благодаря организации III Отделения его императорского величества канцелярии и выстраиванию жесткой властной вертикали). Тем не менее, при оформлении документов допускались ошибки, сохранялась возможность совершения подлога. Сложно было воспрепятствовать и бюрократической волоките при уточнении персональных данных, а, следовательно, способствовать оперативному внесению необходимых исправлений. Несмотря на эти замечания, виды на жительство как исторический источник обладают высокой степенью достоверности, являясь документами административно-полицейского учета и контроля.

¹ *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997. С. 143.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 (ПСЗ–2). Т. II. № 1456.

³ Там же.

⁴ Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 240. 1814 г. Л. 326–327.

- ⁵ ПСЗ–2. Т. II. № 1456.
- ⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. 1825 г. Л. 471 об.
- ⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 35. 1831 г. Л. 58 об.
- ⁸ Там же. Л. 333.
- ⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 35. 1831 г. Л. 563.
- ¹⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 35. 1831 г. Л. 318.
- ¹¹ ПСЗ–2. Т. XIII. Ч. 1. № 11906.
- ¹² ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 52. 1833 г. Л. 871.
- ¹³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 52. 1833 г. Л. 871.
- ¹⁴ ГАСО. Ф. 855. Оп. 2. Д. 2729. Л. 135.
- ¹⁵ ГАСО. Ф. 855. Оп. 2. Д. 3336. Л. 21.
- ¹⁶ ПСЗ–2. Т. VIII. Ч. 1. № 6483.
- ¹⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 117. 1843 г. Л. 4.
- ¹⁸ ПСЗ–2. Т. VIII. Ч. 1. № 6483.
- ¹⁹ Цены на галантерейные товары см.: Смоленские губернские ведомости. 1838. № 47. Официальная часть. С. 1.
- ²⁰ ПСЗ–2. Т. VIII. Ч. 1. № 6483.
- ²¹ ГАСО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 140. Л. 950.
- ²² Там же.
- ²³ ПСЗ–2. Т. X. Ч. 1. № 8253.
- ²⁴ ПСЗ–2. Т. XII. Ч. 1. № 10303. § 49.
- ²⁵ Гражданским губернаторам прежде уже был разослан циркуляр министра внутренних дел Д. Блудова от 22 октября 1832 г. за № 4582 «О том, что начальники губерний не могут сами собой высылать за границу иностранцев». – ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. 1832. Л. 691.
- ²⁶ ПСЗ–2. Т. XII. Ч. 1. № 10303. § 49.
- ²⁷ ПСЗ–2. Т. XVI. Ч. 1. № 14617.
- ²⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 117. 1843 г. Л. 4.
- ²⁹ Там же. Л. 4 об.
- ³⁰ ПСЗ–2. Т. XIII. Ч. 1. № 11906.
- ³¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 117. 1843 г. Л. 22 об.
- ³² ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 117. 1843 г. Л. 4.
- ³³ Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ). Ф. 1297. Оп. 1. Д. 3113. Л. 6.
- ³⁴ Там же. Л. 1.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. Л. 2–2об.
- ³⁷ Там же. Л. 3 об.
- ³⁸ Там же. Л. 11–11 об.
- ³⁹ Там же. Л. 14.

⁴⁰ Там же. Л. 15.

⁴¹ Там же. Л. 13–13 об.

⁴² ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. 1840 г. Л. 1–90 об.

⁴³ Там же. Л. 57 об. – 58.

⁴⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 141. 1846 г. Л. 1 об.

⁴⁵ Там же. Л. 4.

⁴⁶ Россия–Швейцария – Russie – Suisse – Russland – Schweiz. 1813–1955. Документы и материалы. М.: Международные отношения, 1995. С. 89–90.

⁴⁷ ПСЗ–2. Т. XIX. № 17734.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Третий Рим, 1997. 357 с.

2. Россия–Швейцария — Russie — Suisse — Russland — Schweiz. 1813-1955. Документы и материалы. М.: Международные отношения, 1995. 624 с.

*Котельницкий Н. А.
Институт Европы РАН*

**ДНЕВНИК А.А. ПОЛОВЦЕВА
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ЗЕМСКОГО ЛИБЕРАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ
НА СЕВЕРЕ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ
(60-80-е гг. XIX в.)**

Аннотация: С октября 1880 по май 1881 гг., сенатор Российской империи А.А. Половцев по поручению верховной власти провел ревизию Киевской и Черниговской губерний. Во время пребывания на севере Левобережной Украины, лидер столичной бюрократии лично познакомился с членами земской либеральной оппозиции Черниговской губернии, деятельность которой уже на тот момент имела общеимперскую славу и общественный резонанс в масштабах огромного государства. Либеральная партия северной Украины воспринималась как непримиримый политический оппонент русского самодержавия, выдвигающий альтернативную программу развития страны, способный установить в Российской империи демократический, конституционный режим. В своем дневнике А.А. Половцев чрезвычайно увлекательно рассказывает о серии встреч с репрезентантами земской либеральной оппозиции региона, характеризует членов аристократической фронды русского абсолютизма, формулирует оценочные суждения и политические вердикты относительно существования земской оппозиции монархии. Автор приходит к выводу, что дневник сенатора является уникальным историческим источником, который позволяет осознать личное отношение верховной власти к представителям оппозиционного нобилитета империи, понять механизмы формирования позиции столичной бюрократии по отношению к этой части освободительного движения в Российской империи.

Ключевые слова: А.А. Половцев, дневник, земские либералы, Черниговская губерния.

*Kotelnitsky N. A.
Institute of Europe, Russian Academy of Sciences*

**DIARY A.A. POLOVTSEVA AS A SOURCE ON THE HISTORY
OF THE ZEMSTVO LIBERAL MOVEMENT
IN THE NORTH OF LEFT-BANK UKRAINE (60-80th XIX c.)**

Abstract: From October 1880 to May 1881, the senator of the Russian Empire A.A. Polovtsev, on behalf of the supreme authority, conducted an audit

of the Kiev and Chernihiv provinces. During his stay in the north of Left-Bank Ukraine, the leader of the metropolitan bureaucracy personally met with members of the Zemstvo liberal opposition of the Chernihiv province, whose activities already at that time had general imperial fame and public outcry throughout the vast state. The liberal party of northern Ukraine was perceived as an implacable political opponent of the Russian autocracy, putting forward an alternative program for the development of the country, capable of establishing a democratic, constitutional regime in the Russian Empire. In his diary, A. A. Polovtsev extremely captivantly talks about a series of meetings with representatives of the Zemstvo liberal opposition in the region, characterizes members of the aristocratic front of Russian absolutism, formulates evaluative judgments and political conclusions regarding the existence of the Zemstvo opposition of the monarchy. The author comes to the conclusion that the senator's diary is a unique historical source that allows one to realize the personal attitude of the supreme power to representatives of the opposition nobility of the empire, to understand the mechanisms of the formation of the position of the capital bureaucracy in relation to this part of the liberation movement in the Russian Empire.

Keywords: A. A. Polovtsev, diary, Zemstvo liberals, Chernihiv province.

История земского либерального движения на севере Левобережной Украины является очень актуальной, но весьма слабо изученной проблематикой исторической науки. Исключением можно назвать личность основателя, «патриарха» и бесспорного лидера этого течения в освободительном движении Российской империи второй половины XIX в. — И. Петрункевича (1843-1928), чья жизнь и деятельность вна Украине уже имеет освещение в современной историографии¹. В связи с этим, привлечение и изучение ценных исторических источников личного происхождения, например дневников, качественно расширяет выбор исследовательского инструментария для решения поставленных научных задач. Очень показательным в этом отношении, по нашему убеждению, является дневник сановника высшего истеблишмента Российской империи, видного сенатора А. А. Половцева, который по августейшему приказу осуществил ревизию Киевской и Черниговской губерний в октябре 1880 — мае 1881 гг. В своем дневнике один из верховных бюрократов государства очень ярко и достаточно откровенно повествовал о деталях своего служебного пребывания на севере Левобережной Украины. Однако особый интерес в контексте указанной научной проблематики вызывают его заметки, относящиеся к представителям аристократической фронды региона — членам земской либеральной партии северной Украины.

Проанализируем контент записей. 7 января 1881 г. произошла первая встреча Половцева с видным представителем земской оппозиции края — А. Линдфорсом, который прибыл в Киев на аудиенцию к высокому чиновнику. Автор дневника отметил, что посетитель являлся передовым земским гласным Черниговской

губернии. Предметом беседы стало персональное приглашение от имени либеральной партии Половцеву приехать в Чернигов и посетить сессию губернского земского собрания. Сенатор ответил отказом, формально мотивируя это плохим самочувствием, связанным с болезнью почек. Но далее откровенно раскрыл и истинные причины. В ходе разговора, Линдфорс сообщил, что Черниговское губернное земство будет ставить в полный голос проблему административного интернирования лидера оппозиционной фронды — И. Петрункевича, которого без всякого судебного разбирательства и приговора 27 апреля 1879 г. выслали на 7 лет в русскую глубинку. Репрезентант прогрессистов также добавил, что в контексте и в продолжении этого будут обстоятельно обсуждаться крайне актуальные вопросы современности в империи — административных ссылок земских деятелей, которых самодержавие считает «политически неблагонадежными» и незыблемости права избирать указанных лиц в качестве депутатов уездных и губернских земских собраний, согласно действующему законодательству. Отдельно Линдфорс поставил в известность о том, что Черниговское губернное земство намерено принципиальным образом начать обсуждение проблемы о признании русской монархией равноправности так называемого «малороссийского наречия» с «великороссийским языком». Половцев сразу отмечает, что посещение Черниговского губернского земского собрания поставило бы его в очень неловкое положение².

Содержание дневниковой записи свидетельствует о том, что Половцев был осведомлен о публичной деятельности земской либеральной партии региона, которая уже имела на тот момент общеимперскую славу и общественный резонанс в масштабах огромного государства. Истинные же мотивы отказа посетить сессию Черниговского губернского земского собрания, по нашему глубокому убеждению, были сугубо политическими. В условиях антиукраинской истерии русского деспотизма, выражавшейся в Валуевском циркуляре (1863) и Эмском акте (1876) и катастрофичном расширении террористической деятельности революционеров-радикалов само присутствие на заседании представителя верховной столичной бюрократии было бы воспринято престолом очень многозначительно и, по существу, могло привести к концу карьеры и «политическому самоубийству» Половцева.

Весьма показательной является запись от 13 января. Сенатор, под предлогом ревизии окружного суда, отправил в Чернигов своих трех представителей, дабы те самым тщательным образом проследили за сессией Черниговского губернского земского собрания и собрали всю возможную информацию о содержании заседаний³. Как видим, августейшие «традиции» Третьего отделения его Императорского Величества получили распространение даже в инспекционных миссиях, не имевших политических задач.

Запись от 29 января фиксирует возвращение командированных Половцевым трех чиновников из Чернигова. Сановник кратко изложил содержание их донесения, а именно, что Черниговское губернское земство расколото на две враждебные партии. Во главе одной из партий — губернский предводитель дворянства Н. Неплюев, весьма ограниченный человек, исповедующий меркантильные ценности, представитель финансовых и имущественных интересов крупных помещиков. Ненависть идеологических оппонентов была усугублена его доносами в Санкт-Петербург, результатом которых стал политический разгром либеральной партии: И. Петрункевич был в течении двух часов выслан с территории Левобережной Украины, а его соратники были подвержены многочисленным репрессивным действиям верховной власти. «Агенты» констатировали, что в силу указанной вражды и политической ненависти, все заседания губернского собрания проходят в атмосфере острейшей идеологической борьбы, в ходе которой оппоненты часто переходят к личным разбирательствам, что, само собой разумеется, отодвигает сущность деятельности земских собраний на второй план. Губернатор же региона — А. Шостак, своими бестактными и глупыми выходками только ухудшает обстановку, противопоставляя земские институты края администрации губернатора⁴. Надо сказать, что информация сотрудников Половцева полностью соответствовала действительности. Поэтому можем утверждать, что сенатор имел в своем распоряжении непредвзятые данные.

17 февраля 1881 г. представитель верховной бюрократии обстоятельно изучил журналы заседаний состоявшейся сессии Черниговского губернского земского собрания. В этот же день Половцев сделал симптоматичную, принципиально важную запись в своем дневнике. Размышляя о теоретической возможности создания парламента в Российской империи, сенатор прямо указал, что это приведет к расчленению империи на части, а депутатский корпус представительного института народа будет гораздо тираничнее, чем сам Государь⁵.

После убийства императора Александра II дневниковые записи Половцева становятся более однозначными. Скажем, 15 апреля 1881 г., после бюрократического приема региональной власти, член Сената обозначил свои симпатии. Он отметил, что губернский предводитель нобилитета — Н. Неплюев, родителей которого и его самого он давно знает, возглавляет правую, консервативную партию Черниговского земства и состоит в постоянной борьбе с политиками типа И. Петрункевича, А. Линдфорса, А. Карпинского и прочих. Верховный сановник особо подчеркнул, что жена и дочь Н. Неплюева прекрасно услужили ему, собрав комплекс сведений о сопровождавших его в ходе ревизии местных чиновниках⁶. Половцев получил очередную «порцию» информации, но теперь уже из источников, которые ему были симпатичны.

16 апреля 1881 г. на прием к Половцеву прибыл шеф Черниговского губернского жандармского управления. В ходе своего визита начальник полицейского

ведомства изложил свое видение сложившейся обстановки в регионе. Например, жаловался на бессилие полиции в борьбе с распространением социальной агитации и пропаганды. Однако, самой главной проблемой он считал тот факт, что по его убеждению все крупные оппозиционные движения в Российской империи зародились именно в Черниговской губернии. Шеф региональной жандармерии был уверен, что политические и общественные деятели края имеют постоянные связи и широкомасштабно сотрудничают с центрами революционной идеологической мысли как в империи, так и за границей⁷. Заметим, что утверждения шефа краевой полиции не были новостью — используя факты сочувствия и земского патронажа над представителями народничества, как правоохранительные органы, так и верховная власть обвиняли либеральную оппозицию в революционной и антигосударственной деятельности.

20 апреля состоялась встреча Половцева с репрезентантом земской оппозиции — П. Червинским. Автор дневника указал, что его гость отбыл ссылку в Архангельской губернии за оппозиционную деятельность, поэтому не питает ни малейших симпатий к власти. В ходе состоявшегося разговора фрондер просил представителя верховной бюрократии посодействовать статистическому отделению Черниговской губернской земской управы, поскольку Харьковский генерал-губернатор, которому с 1879 г. подчинялась Черниговская губерния, категорически отказывает в расширении штата земской статистической службы, мотивируя это опасениями пропаганды социализма в провинции. Скажем, администрация генерал-губернатора не допускает к работе в статистическом бюро губернского земства видного ученого-экономиста, мирового судью В. Варзара⁸.

22 апреля 1881 г. представитель русского абсолютизма посетил заседание очередной сессии Черниговской государственной думы. Половцев констатирует, что земская либеральная партия имеет большинство, влияние и фактический контроль даже в институтах городского самоуправления. Городской голова Чернигова, член земской оппозиционной фронды В. Хижняков, и его соратники по партии, гласные городской думы И. Шраг, В. Варзер, Н. Константинович и прочие болтуны обладают исключительной властью. Бюрократ был шокирован тем, что остальные гласные городской думы без всяких возражений, соглашаются с вызывающими по его убеждению требованиями городского головы и либералов о незамедлительном введении прогрессивного налогообложения по единицам городской недвижимости и даровании собственникам этих активов политических избирательных прав в сфере городского самоуправления. Половцев также заметил, что хоть заседания думы и были открытыми, публику в зале составляли в основном «грязные жида»⁹. На наш взгляд, увиденное и осознанное очень взволновало сенатора и даже в чем-то политически напугало.

24 апреля городской голова Чернигова В. Хижняков прибыл с визитом к Половцеву. В беседе он передал верховному сановнику постановления думы и на-

стоятельно просил члена Сената дать ход ее ходатайствам о создании специальной налоговой полиции, которая выполняла бы все фискальные функции и следила за исполнением всех постановлений собрания, а также о законодательном введении прогрессивного налогообложения по активам недвижимости¹⁰. Нам представляется, что подобные инициативы городского самоуправления были восприняты сенатором как неслыханная дерзость, ибо по существу земские либералы требовали разрушить существующую налоговую и фискальную систему в государстве, передав эти функции органам, подчинявшимся выборным учреждениям местного самоуправления, что для монархического режима означало только одно — уничтожение выстроенной вертикали государственного управления в стране.

25 апреля 1881 г. Половцев делает самую важную, с нашей точки зрения, запись в дневнике, которую можно считать и откровением, показывающим истинную сущность сенатора, и личным оценочным суждением, и политическим вердиктом верховного сановника одновременно. Запись этого дня кристаллизует и формирует генеральную позицию бюрократа относительно «проблемы» аристократической оппозиционной фронды на севере Левобережной Украины. Представитель Сената наведлся в гости к городскому голове Чернигова Хижнякову. Половцев де-факто присутствовал на очередном заседании земской либеральной партии северной Украины. Чиновник отметил, что у городского головы собрался оппозиционный бомонд в полном составе, а именно — «красная», левая партия Черниговского губернского земского собрания, члены которой в абсолютном большинстве обвинялись губернским жандармским управлением в подготовке ни много ни мало — всех покушений на жизнь Государя и членов Правительства. Верховный бюрократ указал, что увидеть их вместе он мог только у официального лица, поскольку это придавало им легальный и легитимный статус. Половцев констатировал, что трех главных членов партии на заседании не было: А. Карпинский так погряз в алкогольной зависимости, что его с большим трудом можно было заставить трезвым; И. Петрункевич был выслан административным порядком; А. Линдфорс зарабатывал на жизнь адвокатурой в Киеве. Далее, член Сената излагает уникальные для исследователей характеристики членов либеральной оппозиционной фронды. И хотя точно неизвестно, какими данными располагал Половцев для оценки указанных личностей, можем смело утверждать, что именно они, в первую очередь, сформировали окончательное представление у чиновника о земской оппозиции в регионе.

Так, например, говоря о В. Хижнякове, А. Половцев утверждал, что его отец — секретарь Киевской духовной консистории, прославился коррупцией. Размышляя о выборе жизненного пути черниговского городского головы, сенатор опророчиво резюмировал, что воспоминания детства и опыт юности заставили его перейти в антиправительственный общественный лагерь. После окончания университета и десяти лет педагогической работы он стал городским

головой Чернигова, зарабатывает на этом две тысячи рублей в месяц, но в то же время, управляя городом, является оппозиционером и воюет с местной администрацией и ее чиновниками. Василий Михайлович высокого роста, смуглый, с густыми волосами, говорит отрывисто и очень самоуверенно. Столичный бюрократ отмечает, что В. Хижняков явно польщен его присутствием, постоянно пытается показать знание светских манер и приличий, не может спокойно усидеть в присутствии верховного сановника.

Характеризуя Н. Константиновича, Половцев описывает его как высокого, плотного, статного мужчину, с окладистой рыжей бородой. Общественная молва говорит о его скупости и большой любви к деньгам, поэтому не удивительно, что он стал директором Черниговского городского общественного банка. Однако, нельзя не признать, особо указывает сенатор, что банковское дело Н. Константинович ведет очень хорошо. Скажем, если в 1875 г. основной капитал банка составлял десять тыс. руб., то уже в 1881 г. — сто пятьдесят тыс. Именно из этих средств банк ассигнует в бюджет городского самоуправления Чернигова 40 тыс. руб., с помощью которых и происходят преобразования городского хозяйства: улицы Чернигова имеют тротуары, создана водопроводная коммуникация, проводится работа по благоустройству. Н. Константинович — большой любитель говорить, даже больше других членов партии. В его речах чувствуется высокий уровень самодостаточности, удовлетворения и самодовольства, причем он не боится публично быть лояльным персонам, которые явно являются разрушителями общественного строя страны. П. Червинский, в глазах Половцева, предстал болезненно худым, чахлым, небрежно помытым, остриженным и одетым человеком, которого явно можно отнести к активным и деятельным общественным нигилистам. Представитель Сената отметил, что П. Червинский в выступлениях отличается нахальством и самонадеянностью. Верховный сановник указал, что он вручил ему немецкую газету, где П. Червинского называли революционной особой. В ответ на это либеральный земец выступил с тирадой, очень смелой и оригинальной, постоянно напоминал, что он ученый — экономист и статистик. Однако его выступление не произвело впечатления на столичного бюрократа, так как идеи, высказанные членом фронды, казались ему уже отжившим прошлым.

Характеризуя В. Варзара, Половцев заметил, что он человек не глупый. Имел маленькие усы, небольшие глаза и круглое, ничего не выражающее лицо. Говорит очень самонадеянно, любит ссылаться на свой практический опыт службы мирового судьи. Однако особенно Половцева задела манера В. Варзара — в своих речах он ни о чем и ни перед кем не задумывается, всегда и на все вопросы имеет уже готовые и продуманные ответы¹¹.

Только одна личность из указанной компании вызвала интерес у Половцева. Речь идет о И. Шраге. Рассказывая о нем, сенатор особо подчеркнул, что он молчаливее всех своих соратников по партии. Это, по его убеждению, свидетельствует о том, что он умнее их. И дело не в том, что он адвокат. В его представлении,

так ведут себя люди, которые не любят разбрасываться словами, если говорят, то только с определенной целью — ради всевозможного улучшения своего личного положения. Молчание, заключает Половцев, всегда лучше, чем болтовство. Наилучшим доказательством осторожности И. Шрага, по мнению члена Сената, являлось то, что он был домашним наставником и воспитателем казненного революционера Д. Лизогуба, но сам не понес ни малейшего наказания за внушение своему воспитаннику радикальных идей, приведших его к виселице¹².

Итак, можем констатировать очевидный факт того, что ни об одном из членов земской либеральной партии северной Украины Половцев не отозвался целиком положительно, хотя В. Хижняков и И. Шраг в недалеком будущем станут членами Конституционно-демократической партии, а В. Варзар — советником и консультантом премьер-министра Российской империи С. Витте. По нашему мнению, проиллюстрированные характеристики Половцева, в совокупности с «богатейшей» документацией жандармерии, тайной политической полиции и коллективной позицией реакционного нобилитета, сформировали «юридическую» основу для политического разгрома и расправы русским самодержавием земского сегмента либерального течения в освободительном движении Российской империи второй половины XIX в.

Продолжая повествовать о своей встрече в доме В. Хижнякова, Половцев рассказал о первой беседе с Н. Константиновичем. Сенатор похвалил деятельность Черниговского общественного банка и попросил директора предоставить документацию, дабы изучить полезный и прогрессивный опыт, который может пригодиться как в остальных регионах государства, так и в центральных имперских институтах. Самый большой интерес составляет кропотливая работа банка по финансированию крестьянства с целью приобретения им бывших помещичьих земель.

Следующая беседа состоялась с П. Червинским относительно налогообложения крестьянских хозяйств. Тот решительно настаивал на том, что сумма всех налогов и сборов не должна превышать пяти процентов от совокупной чистой прибыли бывших рабов. Что же касается нравственного положения в обществе и «еврейской проблемы», то П. Червинский был настроен очень пессимистично. Он констатировал, что старые ценности уходят в небытие, идеалом становится личный и финансовый успех, а еврейство, как раз, является ярчайшим примером для провинциального населения. Так, скажем, существует отхожий коробейный промысел, когда евреи занимаются распространением продукции по всей губернии, но деньги соглашаются получить через год, не используя при этом никаких документов. Сейчас же все переходит в юридические формы — даже рубля не дают в долг без векселя, что полностью разрушает традиционное народное право. Поэтому нужно расселять иудеев по всей территории страны.

Продолжая разговор, В. Варзар в этом контексте выскался о том, что даже в судебных делах молодежь поголовно и сознательно врет, а старшие

поколения людей стараются вообще не говорить того, что может им навредить. На вопрос Половцева о том, как же улучшить положение, все члены партии, после многозначительного молчания, предложили преобразовать просвещение, улучшить воспитание чиновничества, содействовать соединению интеллигенции и населения. Представитель Правящего Сената особо подчеркнул, что в завершении беседы, либералы однозначно и демагогически заявили о том, что спасти положение в государстве может ставка верховной власти на утративших феодальные права после 1861 г. помещиков, которые в силу своей независимости и уровня положения, смогут стать носителями идеалов новой эпохи в развитии Российской империи, в отличии от духовенства и учительства, которые уже были сообщниками «еврейской коммерции». Народу нужны люди, заключали либералы, которые принесут ему успех и благополучие, но не пустой болтовней, как революционеры, а конкретными делами труда, достижений в нем и любви к нему¹³. Нам представляется, что визит к В. Хижнякову и содержание бесед с членами оппозиционной аристократической фронды северной Украины «убедили» Половцева в том, что земские либералы хотят «захватить власть» в регионе.

28 апреля 1881 г. состоялась последняя встреча сенатора с представителем земской оппозиции. К нему на прием пришел Н. Константинович, который представил документированные отчеты Черниговского общественного городского банка. В ходе беседы опять обсуждалась проблема расширения крестьянского землевладения и аграрных переселений. Половцев признал, что это временные меры, но что же стратегически предлагают либеральные земцы? Н. Константинович ответил, что нужно в принципе менять аграрное устройство государства, но не сейчас, ибо это будет слишком дорого крестьянству, а монархия не хочет идти на подобные революционные уступки. Верховный сановник прямо указал в дневнике, что не говоря прямо об этом, либералы считают виновным во всех бедах правительство, и реально претендуют на власть в государстве, поскольку имеют программу¹⁴.

Проанализировав дневник Половцева, можем утверждать, что он является уникальным историческим источником, который позволяет осознать личное отношение верховной власти к представителям оппозиционного нобилитета империи, понять механизмы формирования позиции столичной бюрократии по отношению к этой части освободительного движения в Российской империи. Половцев чрезвычайно увлекательно рассказывает о серии встреч с репрезентантами земской либеральной партии региона, характеризует членов аристократической фронды русского абсолютизма, формулирует оценочные суждения и политические вердикты относительно существования земской оппозиции монархии. Следует констатировать очевидный факт того, что либеральная партия северной Украины воспринималась как непримиримый политический оппонент русской монархии, выдвигающий альтернативную программу развития страны, способный установить в Российской империи демократический, конституционный режим.

¹ См., напр.: *Котельницький Н.А., Комаровський Е.А.* Политик И.И. Петрункевич: вопросы генеалогии и биографии. Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания. М., 2008. Ч. II. – С.383–386; *Котельницький Н.А.* К вопросу о дворянском происхождении И.И. Петрункевича (1843–1928). Российская семья: историко–психологический портрет. – СПб., 2008. Ч. I. – С.140–145; *он же.* Российско–украинские отношения в системе этнополитических взглядов И.И. Петрункевича. Актуальные проблемы гуманитарных наук (социальная работа, педагогика, психология, социология, история, политология). Вып.7. М., 2009. – С.74–76; *Котельницький Н.А., Шлиппенбах Н.А.* И.И. Петрункевич. Его первые шаги к всероссийскому земскому движению // *Сестрорецкие берега.* 2009. № 19. – С.4; *он же.* Общественная деятельность И.И. Петрункевича на Черниговщине (1868–1879) // *Вестник РУДН. Серия «История России».* 2010. № 4. – С.5–24; *он же.* Николай Андреевич Шлиппенбах – наследник И.И. Петрункевича. Опыт историко–антропологических исследований. М., 2012. – С.132–141; *он же.* Иван Ильич Петрункевич: жизнь и деятельность на Черниговщине. Историко – биографический очерк. М., 2015. 124 с.; *он же.* Иван Петрункевич : истоки // *Русское слово.* Общественно – публицистический иллюстрированный журнал. Издание русского национального меньшинства в Чешской Республике. 2016. № 7. – С. 20–21; *он же.* Николай Шлиппенбах, потомок И.И. Петрункевича // *Русское слово.* № 1. – С. 40–45; *он же .* Иван Петрункевич и Украина. К 175–летию со дня рождения // *Русское слово.* 2018. №11. – С. 28–31; *он же.* Мироззрение И.И. Петрункевича: штрихи к политическому портрету. // *Диалоги со временем.* 2019. Выпуск 66. – С.405–415; *он же.* Иван Ілліч Петрункевич(1843–1928): життя та діяльність в Україні. – Riga: GlobeEdit, 2019.– 197с.; *он же.* «Украинский вопрос» в Российской империи второй половины XIX века глазами земского либерализма северной Украины: позиция И.И. Петрункевича // *Международная научно–практическая конференция „Наука, образование, культура”*, посвященная 28–ой годовщине Комратского государственного университета. Сборник статей. Том II. Комрат, 2019. – С. 173–179, и другие.

² Сенаторська ревізія Київської та Чернігівської губерній: зі щоденника О.О. Половцова (жовтень1880 – травень1881). Київ, 2019. Видавництво ФОП Антоненко Л.І. StreamARLine. – С.101–102.

³ Там же. – С.105.

⁴ Там же. – С.112.

⁵ Там же. – С.124.

⁶ Там же.– С.153.

⁷ Там же. – С.154.

⁸ Там же. – С.157.

⁹ Там же. – С.158.

¹⁰ Там же. – С.159.

¹¹ Там же. – С.160.

¹² Там же. – С.160–161.

¹³ Там же.– С.161–162.

¹⁴ Там же. – С.164.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Котельницький Н. А., Комаровський Е. А.* Политик И.И. Петрункевич: вопросы генеалогии и биографии. // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания. М.: РГГУ, 2008. Ч. II. С. 383-386;
2. *Котельницький Н. А.* К вопросу о дворянском происхождении И.И. Петрункевича (1843-1928) // Российская семья: историко-психологический портрет. — СПб.: Нестор, 2008. Ч. 1. С. 140-145;
3. *Котельницький Н. А.* Российско-украинские отношения в системе этнополитических взглядов И.И. Петрункевича. // Актуальные проблемы гуманитарных наук (социальная работа, педагогика, психология, социология, история, политология). Вып. 7. М.: Изд-во РГСУ, 2009. С. 74-76;
4. *Котельницький Н. А., Шлиппенбах Н. А.* И.И. Петрункевич. Его первые шаги к все-российскому земскому движению. // Сестрорецкие берега. 2009. № 19. С. 4;
5. *Котельницький Н. А.* Общественная деятельность И.И. Петрункевича на Черниговщине (1868-1879). // Вестник РУДН. Серия «История России». 2010. № 4. С. 5-24;
6. *Котельницький Н. А.* Николай Андреевич Шлиппенбах — наследник И.И. Петрункевича. // Опыты историко-антропологических исследований. М.: РУДН, 2012. С. 132-141;
7. *Котельницький Н. А.* Иван Ильич Петрункевич: жизнь и деятельность на Черниговщине. Историко — биографический очерк. М.: Летний сад, 2015. 124 с.;
8. *Котельницький Н. А.* Иван Петрункевич: истоки. // Русское слово. Общественно — публицистический иллюстрированный журнал. Издание русского национального меньшинства в Чешской Республике. 2016. № 7. С. 20-21;
9. *Котельницький Н. А.* Николай Шлиппенбах, потомок И.И. Петрункевича // Русское слово. Общественно- публицистический иллюстрированный журнал. Издание русского национального меньшинства в Чешской Республике. 2018. № 1. С. 40-45;
10. *Котельницький Н. А.* Иван Петрункевич и Украина. К 175-летию со дня рождения. // Русское слово. Общественно-политический иллюстрированный журнал. Издание русского национального меньшинства в Чешской Республике. 2018. № 11. С. 28-31;
11. *Котельницький Н. А.* Мировоззрение И.И. Петрункевича: штрихи к политическому портрету. // Диалоги со временем. 2019. Выпуск 66. С. 405-415;
12. *Котельницький Н. А.* Он же. Иван Ілліч Петрункевич (1843-1928): життя та діяльність в Україні. — Riga: GlobeEdit, 2019. — 197с.;
13. *Котельницький Н. А.* «Украинский вопрос» в Российской империи второй половины XIX века глазами земского либерализма северной Украины: позиция И.И. Петрункевича. // Международная научно-практическая конференция, „Наука, образование, культура”, посвященная 28-й годовщине Комратского государственного университета. Сборник статей. Том II. Комрат, 2019. С. 173-179.
14. Сенаторська ревізія Київської та Чернігівської губерній: зі щоденника О.О. Половцова (жовтень 1880 — травень 1881). Київ, 2019. Видавництво ФОП Антоненко Л.І. StreamARLine. 208с.

Слепцова (Кызласова) И.С.

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

СПЕЦИФИКА ДНЕВНИКОВ ЯРОСЛАВСКОГО КРЕСТЬЯНИНА КАК ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Аннотация: В статье анализируются дневники ярославского крестьянина П.В. Бугрова, относящиеся к первой трети XX в. Они являются ценным историческим источником, позволяющим глазами крестьянина увидеть происходившие в стране важнейшие события, такие как Первая мировая и Гражданская войны, революции и связанные с ними изменения в социально-экономической жизни. Наряду с этим дневники могут быть весьма информативным этнографическим и диалектологическим источником, благодаря подробному описанию быта, занятий и различных ситуаций социального взаимодействия.

Ключевые слова: документы личного происхождения, крестьянские дневники, повседневность, Ярославская область, первая треть XX в.

Sleptsova (Kyzlasova) I.S.

N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology RAS

THE SPECIFICS OF THE YAROSLAVL PEASANT'S DIARYS AS A HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC SOURCE

Abstract: The paper analyzes the diaries of the Yaroslavl peasant P.V. Bugrov related to the first third of the XX century. They are a valuable historical source that allows the peasant to see the most important events taking place in the country, such as the First World War and the Civil War, the revolution and the related changes in socio-economic life. Along with this, diaries can be a very informative ethnographic and dialectological source, thanks to a detailed description of life, activities and various situations of social interaction.

Keywords: documents of personal origin, peasant diaries, everyday life, Yaroslavl region, the first third of the XX century

Источниковая база периода новейшей истории России содержит огромное количество документов самого разного плана, которые позволяют реконструировать политические, экономические, социальные, культурные, демографические и другие процессы в общероссийском, региональном и локальном масштабе. Особое место в этом корпусе источников принадлежит документам личного происхождения (эго-документам), которые стали активно изучаться, начиная с последних десятилетий XX в. в связи с изменением исследовательской парадигмы, отказом от формационной истории и появлением новых направлений в гуманитарных науках, в частности, истории повседневности, микроистории, истории ментальностей, гендерной истории и др. В них на первый план выходит субъективная составляющая истории, т.е. фокус анализа перемещается с социального на индивидуальное, на конкретного человека и оставленные им свидетельства. В этот период была опубликована основная масса документов личного происхождения¹, эта работа продолжается и в настоящее время².

Публикация документов активизировала их исследование с разных точек зрения. Появились работы, где наряду с позитивистским подходом, при котором источник рассматривался как средство получения фактов об исторической реальности того или иного периода, стал активно применяться герменевтический, то есть приоритет отдавался пониманию источника. Его истолкование включало не только и не столько объяснение используемой автором устаревшей, диалектной, специальной лексики и реалий прошлого, но и расшифровку социокультурных кодов, трактовку действительности с точки зрения человека прошедшей эпохи. Иначе говоря, решалась задача преодолеть культурный разрыв, объективно существующий при обращении к другой исторической эпохе, другой культуре, и раскрыть смысл документа для современного читателя. Можно привести слова С. С. Аверинцева, который основной задачей филологии и одной из главных человеческих задач называл понимание другого человека (и другой культуры, другой эпохи), «не превращая его ни в подлежащую исчислению вещь, ни в отражение собственных эмоций»³. Это положение можно распространить на гуманитарные науки в целом. Такой подход требует самого пристального внимания к личности автора изучаемых текстов, рассмотрению его психологических особенностей, а также мировоззренческих принципов, сложившихся в определенный исторический период в конкретной социальной среде.

Одним из результатов исследований в рамках герменевтического подхода стало особое внимание к текстам документов, отношение к ним как к языковой репрезентации реальности. Это повлекло за собой рассмотрение не только социокультурного и социополитического контекста создания документа и других обстоятельств, определяемых ментальностью автора (экстралингвистических характеристик), но и изучению собственно лингвистических признаков (стилистические особенности, лексическое наполнение, языковые стереотипы,

нарративные структуры и т.д.). Все это позволило приблизиться к адекватному пониманию жизненного мира носителей изучаемой культуры.

В данной статье мы рассмотрим дневники ярославского крестьянина с точки зрения их специфики как источника, отражающего повседневный быт и мировоззрение не только самого автора записок, но и его социальной группы.

Общая характеристика

Анализируемые документы написаны крестьянином деревни Ворокса Боровской волости Даниловского уезда (совр. Некрасовский р-н) Ярославской губернии (области) Павлом Васильевичем Бугровым (1869-1936)⁴. Они охватывают период с 1897 по 1934 гг. (дневники за первые три года не сохранились), то есть практически всю его взрослую жизнь. Дневники составляют только часть собрания Бугрова, которое насчитывает 327 единиц хранения и состоит из его записных книжек, официальных документов (паспорта, свидетельства о выполнении воинской повинности, судебные документы, доверенности и др.), сберегательных и расчетных книжек, квитанций на получение страхового сбора, телеграмм и копий писем к сыну, родственникам и знакомым, ответных писем, почтовых и подписных квитанций, лотерейных билетов, талонов пожертвований, рекламных листовок, царских и советских денежных знаков и т.д. Незадолго до смерти он продал все свои бумаги Краеведческому музею в Ярославле, которые сейчас хранятся в Фонде документов личного происхождения Ярославского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника⁵. Дневники Бугрова представляют собой самодельные тетрадки размером примерно 11x18 см, сделанные из почтовой бумаги или различных бланков, записи в которых велись чернилами (в период Октябрьской революции и Гражданской войны — самодельными) и простым или химическим карандашом. Для нескольких дневников он использовал готовые типографские записные книжки с твердой обложкой.

Можно говорить о большой достоверности записок Бугрова, которая обусловлена первоначальными целями ведения им дневников как способа контроля за семейными финансами. Отметим, что и далее, когда в дневниках появляется все больше сведений, не относящихся собственно к хозяйству, можно полагаться на точность его описаний, так как автор всегда отмечает, является ли он очевидцем произошедшего или записывает слухи. В последнем случае в более поздних записях обычно присутствует их опровержение или подтверждение и уточнение.

Специфика содержания и языка записок Бугрова обусловлена его принадлежностью к крестьянскому сословию, а также индивидуальными чертами характера и личностными интересами. Как человек малограмотный (учился всего одну зиму), Бугров применял при письме фонетический принцип и использовал

пунктуацию в соответствии с интонационным членением текста в процессе речи. Он нарушал и другие принципы грамотного правописания (не различал предлоги и приставки, слитно писал частицы и др.). Такой уровень грамотности у Бугрова сохранялся на протяжении всего времени ведения записок, несмотря на регулярное чтение. В тексте часто можно встретить стереотипные выражения, к которым Бугров прибегал, когда пытался описать и охарактеризовать факты, выходящие за рамки повседневности и его жизненного опыта. Анализ этих заимствованных и не всегда правильно трактуемых терминов и идеологических клише отражает его стремление к осмыслению новых явлений окружающей действительности. Иногда для характеристики происходящего на его глазах он использовал цитаты из евангельских текстов, что должно было придать легитимность высказываемой им оценке события.

Важным фактором является также учет адресата записок. В сознании Бугрова, даже независимо от его желания, присутствовало представление о читателе. Он апеллировал к человеку своей социальной группы, имеющему такие же «фоновые знания», что и он сам. Его и потенциального адресата объединял общий габитус, чем объясняется отбор сюжетов для представления в записках и их интерпретация. Так, в них нельзя найти подробных описаний обрядов или праздников, поскольку это для Бугрова является обыденным знанием, не нуждающемся в фиксации. Прямая же адресация записок — детям («Прочтут дети мои все дневники со вниманьем»⁶), а цель — передать им свой хозяйственный и жизненный опыт и уберечь от ошибок.

Специфика структуры и содержания записок

Бугров начал вести записки со времени женитьбы на женщине с внебрачным маленьким ребенком, что, вероятно, и стало для него побудительным мотивом, поскольку возникла необходимость упорядочить семейный бюджет. До 1908 г. сам автор называл свои заметки «записными» или «памятными книжками», и только потом появляется наименование «дневник». Записки имеют довольно сложную структуру, рассмотрение которой позволит показать возможности этих документов как исторического источника. Они носят не повременной (поденный, понедельный) характер, когда в одной записи фиксируются события конкретного дня или периода, а распределены по темам, которые, в свою очередь, образуют различные разделы (рубрики). Бугров вносил сведения в разлинованные от руки таблицы, в которых первый столбец — дата записи, второй — сведения о работе или расходовании денег (покупки, оплата услуг и т.п.), третья и четвертая — рубли и копейки. Причем, для каждой выделенной им позиции делалась своя таблица. Характерной чертой структуры была их чрезвычайная детализация. Например, купленные продукты распределялись по следующим разделам: «хлеб ржаной», «хлеб

пшеничный», «крупа», «крендели», «масло коровье», «масло постное», «масло божье», «мясо», «рыба разная», «чай», «сахар», «соль», «огурцы и картофель» или «овощи», «вино» и т. д. Промышленные товары разделялись по рубрикам «одежда разная», «обувь», «ситец», «в дом» или «домашние принадлежности», «железо» (то есть металлические изделия), «спички», «керосин», «посуда», «табак и бумага курительная», «мыло» и т. д. Услуги и другие траты — «иконы и попам», «няньке», «проиграл в карты» и др. Кроме того, существовала рубрика «зря», куда вносились напрасно, по мнению автора дневника, потраченные деньги (пропил, крендели, селедка, яйца, семечки, табак и бумага, в чайной и проч.), что позволяет выстроить шкалу потребностей — от необходимых предметов и услуг до «роскоши». То есть, событие одного дня (скажем, поездка на ярмарку или в город) расписывалось по нескольким разделам: стоимость проезда, посещение чайной, номенклатура приобретенных продуктов питания, одежды, посуды, различных бытовых предметов и т. п. Так же подробно фиксировались виды работ и размер их оплаты. Из них следует, что до Октябрьской революции основной доход Бугров получал летом на разгрузке-погрузке барж на Волге, а поденные работы у односельчан оплачивались весьма скудно. В советский период основу существования семьи составляли собственное крестьянское хозяйство и реализация изделий подсобных промыслов, которые ему пришлось освоить, изредка — поденная работа или продажа продуктов из своего хозяйства.

Данные записи позволяют с большой достоверностью реконструировать повседневный быт и организацию хозяйства семьи. Этому способствует и точная фиксация сроков проведения сельскохозяйственных работ, а номенклатура расходов дает возможность выстроить структуру потребления. Большое значение имеют дневники также для воссоздания стратегий поведения в кризисных ситуациях, например, представление индивидуальных и коллективных практик совладания с голодом, вызванным войнами и революциями, в числе которых было повышение товарности хозяйства и ориентация на рынок. Дневники отражают новые явления в жизни деревни и их влияние на крестьянское хозяйство благодаря возможности получения средств в кредитных товариществах и кассах взаимопомощи, а также участию в кооперативном движении через организацию паевых заводов. В частности, Бугров был пайщиком Хрептовского картофелетерочного завода, вырабатывавшего крахмал и патоку.

Через несколько лет ведения памятных книжек в них появляются рубрики «Газеты и разные книги и календари», «Разные события», куда заносилась информация о различных происшествиях, выписанных газетах, журналах и книгах, о болезнях и лечении людей и домашней скотины, способах изготовления и починки тех или иных вещей и т. д. Приводилось содержание отосланных писем разным людям и ответов на них, что значительно увеличивает информативность записок. Тогда же он ввел раздел «Летопись» (строений, событий,

работы, заработка, газет, рождения, покупки вещей), отражавший итоги определенного периода жизни. В него Бугров заносил информацию о самых важных фактах как личного, так и местного и государственного масштаба, что придает дневникам характер исторической хроники. С началом Первой мировой войны добавились рубрики «Жертва на войну или на раненых», «Сколько взято человек на войну», «Сколько убито и ранено людей», «Набор лошадей на войну» и т. д. В период Гражданской войны и последующей разрухи появилась новая графа «Товарообмен», в которую записывались сделки по обмену картофеля, крахмала и кустарных изделий на хлеб и промышленные товары.

С 1922 г. принцип записей был изменен на «метеорологический», то есть каждый день отмечалось состояние погоды (ясно, пасмурно, жарко, холодно, дождь, гроза, направление и сила ветра и т. д.) и попутно приводились какие-либо сведения, которые Бугров посчитал наиболее важными (о праздниках, ссорах с женой, покупке скотины или ее болезни и др.). Интерес к метеорологии, который Бугров демонстрировал еще с начала 1900-х гг., объясняется важностью учета погодных условий для успешного ведения крестьянского хозяйства. Его постоянным наблюдениям за погодой свойственны черты «научного занятия». Он хотел на личном опыте проверить насколько верно распространенное представление о зависимости погоды весенне-летнего периода от осенне-зимнего, и, следовательно, суметь предсказать погоду в наиболее важное для крестьянина время сельскохозяйственных работ. Поэтому на протяжении нескольких лет он вел таблицу соотношения погодных условий по месяцам весны и осени, зимы и лета. На поделенных пополам по вертикали листах тетради в левой половине он проставлял дни весенних и летних месяцев с указанием погоды на каждый день, а в правой — осени и зимы (март — сентябрь, апрель — октябрь и т. д.). Затем помесечные записи сводились вместе, анализировались и давалась обобщенная характеристика погоды по месяцам и сезонам. На основе рассмотрения и сравнения погодных условий он смог сделать вывод: «Это примета моя: нехорошая погода осенью, нехорошая и весной»⁷.

Еще одним разделом, содержащим ценную информацию для характеристики многих сторон крестьянской жизни, является «Умершие в деревне Вороксе», который Бугров вел на протяжении почти двадцати лет. Помимо симптомов болезни, причин смерти и возраста умершего, в этих «некрологах» часто дается описание внешнего вида и манеры говорить покойного, содержатся сведения о его личных качествах и приводится краткая биография. Таким образом, на их основе можно выявить причины смертности и вычислить среднюю продолжительность жизни, а также показать их динамику (например, рост инфекционных заболеваний и значительное увеличение смертей в период Гражданской войны и голода начала 1920-х гг.). Как и в других случаях, в понимании причин заболеваний Бугров демонстрировал рационалистический подход, объясняя болезни тяжелой работой, курением и пьянством, а болезни детей — недоеданием

и плохим уходом из-за бедности. Кроме того, эти материалы позволяют зафиксировать миграцию в другие регионы, род занятий отходников и интенсивность их связей с домом, а также создать «коллективную биографию» сельского сообщества. Разница в описаниях смертей мужчин и женщин свидетельствует о гендерном неравенстве. Благодаря правдивым характеристикам (он не придерживался правила «о мертвых либо хорошо, либо ничего») возможно реконструировать систему ценностей и морально-нравственные установки как самого Бугрова, так и сельского социума, а также увидеть факты их нарушения и причины этого.

В конце каждого дневника приводится перечень долгов Бугрова, анализ которых выявляет круг постоянных заемщиков, людей более состоятельных, размер займа и иногда его назначение. Материалы двух последних рубрик (умершие и долги) позволяют проследить личные связи Бугрова и преобладание в них родственных или соседских отношений, увидеть, как они проявляются в различных ситуациях, оказывают ли влияние на повседневную коммуникацию, а также наметить в составе сельского сообщества отдельные микрогруппы.

Особенностью дневников является сочетание записей, отражающих текущий момент и написанных по горячим следам (например, о ссорах с женой и сыном, драках, случае самосуда и др.), с меморатами о детстве, женитьбе, покупке собственного дома («кельи») и т. д. То есть, текст записок состоит из описаний отдельных фактов, репрезентирующих субъективно значимые моменты в жизни, без соблюдения хронологии. Если рассмотреть записки Бугрова во временном аспекте, то становится очевидным, что постепенно он уделяет все больше внимания событийной стороне семейной и социальной действительности, автобиографическим заметкам и своим интеллектуальным интересам, которые практически вытесняют хозяйственно-экономические записи. В них начинает появляться рефлексия по поводу своего эмоционального состояния, причем, эти заметки всегда импульсивны, обусловлены его реакцией на травмирующие обстоятельства. Экзистенциальная направленность записок позднего периода его жизни отражает стремление к осмыслению своего жизненного пути и к подведению итогов.

Таким образом, записки Бугрова представляют собой поливидовой источник (или полижанровый текст), включающий в себя «приходно-расходные книги», «поденные заметки для памяти», «личный дневник», «автобиографию», «мемуары», «некрологи», «дневник погоды», «краеведческие записки» и др., а информация, содержащаяся в нем, позволяет реконструировать многие аспекты крестьянской жизни.

Бугров в силу своего психологического склада был сосредоточен преимущественно на отображении фактографической стороны жизни. Но через описание событий, своих и чужих поступков становятся понятны основания выбора тех или иных форм действия и ценностные ориентации. Очевидно, что не все события заносились им в дневники, и их фиксация производилась с разной степенью

детализации. Так, одной-двумя фразами описаны конфликты на работе, мелкие ссоры с женой, незначительные происшествия с детьми и др., а также некоторые события общегосударственного масштаба, которые прямо не влияли на жизнь деревни и т. п. Другие же, напротив, являются развернутыми нарративами, в которых представлены не только сами факты, но и оценка их Бугровым.

Критерием для отбора «жизненных историй», которые оказывались в центре внимания Бугрова, чаще всего являлся выход за рамки нормативности, то есть нарушение обычного порядка мироустройства. Причем, это касалось как сферы природного, так и социального. Несмотря на внимание Бугрова к экстраординарным событиям, это не означает, что его записки невозможно использовать как источник для реконструкции повседневности, поскольку зачастую именно аномия позволяет заметить норму. Другой принцип отбора фактов — согласованность смысла событий с моральной позицией и жизненным опытом самого автора записок. Часто эти фрагменты завершаются краткими суждениями, обобщающими размышления о волнующих его предметах, или моральными сентенциями (например, о падении уровня религиозности, о хулиганстве молодежи, об изменении нравственных устоев и др.). И, кроме того, важным критерием выделения фактов служит их ценность с точки зрения накопления и передачи хозяйственного опыта. Иногда какая-то информация им утаивается сознательно. Это относится к тем областям жизни, которые могут представлять для него потенциальную опасность. Например, в 1918 г., когда еще не было понятно, в чьих руках окажется власть, он отмечает: «Много было событий нонча, но записывать посумлевался»⁸, что свидетельствует о крестьянской осторожности и избрании им тактики выжидания.

Анализ зафиксированных в дневниках событий и рефлексия по их поводу позволяют обозначить главные темы, которые неоднократно повторяются в записках, а также выделить в них типическое, характерное для его социальной группы. Как уже было сказано, ведущей темой дневников является хозяйственно-экономическая. Другая постоянная тема — семья и взаимоотношения между ее членами. Можно довольно полно реконструировать такие стороны крестьянской жизни, как состав семьи, распределение работ, финансы, семейная иерархия, положение женщины, отношение к детям и др. Наиболее ярко стереотипы группового поведения и сознания представлены в сфере гендерных отношений, которые в традиционном сельском социуме имели патриархальный характер. В 1920-е гг. появляются описания конфликтов с женой и детьми, из которых становится ясно, что прежние отношения в семье, основанные на непререкаемой власти отца, уже не существуют. Таким образом, конфликтные ситуации в семье отражают трансформацию мировоззренческих принципов и общественных интересов.

Важной темой можно считать социально-политические представления. Хотя Бугров прямо нигде не высказывается о своих политических и идеологических взглядах, но анализ выбора описываемых им событий и комментарии к ним,

позволяет говорить о его лояльном отношении к верховной власти, причем, как в дореволюционный, так и в советский период. Некоторые записи отмечают появление такого важного явления в крестьянском сознании, как идеологическая неоднородность, которая проявилась в различных внутрисельских конфликтах, в отношении к Первой мировой войне, а также к участию в «зеленой армии».

Еще одной темой, которая присутствует практически во всех дневниках, являются духовные и интеллектуальные интересы, которые можно реконструировать исходя из православно-монархического характера выписываемой им периодики и книг — преимущественно практического и научно-популярного назначения. Бугров проявлял интерес к прошлому (он охарактеризовал себя как «страшный любитель древностей»), проводил своего рода «краеведческие исследования» и «археологические раскопки», интересовался нумизматикой и филателией. В целом, стремление к познанию, которое Бугров демонстрировал на протяжении всей жизни, можно рассматривать как реализацию его творческих устремлений и как форму приспособления к миру и даже к его изменению благодаря активному использованию полученных знаний на практике.

Таким образом, рукописные дневники Бугрова являются ценнейшим историческим источником, который можно охарактеризовать как «источник первого порядка» или «первоисточник», то есть созданный непосредственным участником или наблюдателем описываемых событий. Такого рода документы составляют основу для понимания той эпохи, к которой относятся. Записки могут послужить источником для изучения не только личности автора и его биографии, но и, благодаря описанию им конкретных ситуаций, социального взаимодействия, также и его референтной группы. Содержащиеся в собрании Бугрова сведения позволяют дать комплексное описание повседневного быта ярославской деревни, хозяйственных занятий, структуры финансов, идеологических и политических взглядов, крестьянского мировоззрения и психологии.

¹ История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотир. указатель книг и публ. в журналах / науч. рук., ред. и введение проф. П.А. Зайончковского. Т. 1–5. М., 1976–1989; Советское общество в воспоминаниях и дневниках: Аннотир. библиограф. указатель книг, публ. в сборниках и журн. / Науч. ред. проф. В. Дробужева. Т. 1. М., 1987; Т. 2. М., 1990; Т. 3. М., 1994; Т. 4. М., 2001.

² См., напр., как печатные издания, так и тематические электронные ресурсы: «Музей биографий. Русская провинция. XX век» (рук. И.С. Веселова, 2002); «Открытый музей биографий». — <http://folk.ru/BiogrMuseum/index.php?rubr=museum-project>; *Божков О., Дивисенко К.* Электронная база данных Биографического фонда: краткий анализ материалов // *Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований.* — 2007. № 3. С. 60–62; *История от первого лица: Мир северной деревни начала XX века в письменных свидетельствах сельских жителей / Сост. В.Н. Матонин.* Архангельск; М., 2011.

³ *Аверинцев С.С.* Филология // *Лингвистический энциклопедический словарь.* М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 545.

⁴ Характеристику личности П.В. Бугрова см. *Слепцова И.С.* Крестьянские дневники как источник для реконструкции «коллективной биографии» сельского социума // Право на имя. Биографика XX века: четырнадцатые чтения памяти Вениамина Иофе 20–22 апреля 2016 / НИЦ «Мемориал» (СПб); Польский институт в Санкт–Петербурге; Науч. ред. Т.Б. Притыкина. СПб. 2017. С. 93–102.

⁵ ЯМЗ–18152/1–327.

⁶ Там же. 18152/10. 1907 г.

⁷ Там же. 18152/34, 1924 г.

⁸ Там же. 18152/26, 1918 г

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотир. указатель книг и публ. в журналах / науч. рук., ред. и введение проф. П.А. Зайончковского. Т. 1–5. М.: Книга; Книжная палата, 1976–1989. Т. 1. XV–XVIII века. М.: Книга, 1976. 302 с.; Т. 2. В 2-х ч. 1801–1856. М.: Книга, 1977–1978. Т. 2. Ч. 1. 1801–1856. М.: Книга, 1977. 368 с., Т. 2. Ч. 2. 1801–1856. М.: Книга, 1978. 342 с.; Т. 3. В 4-х ч. 1857–1894. М.: Книга, 1979–1982. Т. 3. Ч. 1. 1857–1894. М.: Книга, 1979. 384 с., Т. 3. Ч. 2. 1857–1894. М.: Книга, 1980. 365 с., Т. 3. Ч. 3. 1857–1894. М.: Книга, 1981. 375 с., Т. 3. Ч. 4. 1857–1894. М.: Книга, 1982. 399 с.; Т. 4. 1895–1917. М.: Книга, 1983–1986. Т. 4. Ч. 1. 1895–1917. М.: Книга, 1983. 364 с., Т. 4. Ч. 2. 1895–1917. М.: Книга, 1984. 440 с., Т. 4. Ч. 3. 1895–1917. М.: Книга, 1985. 454 с., Т. 4. Ч. 4. 1895–1917. М.: Книга, 1986. 555 с.; Т. 5. М.: Книжная палата, 1988–1989. Т. 5. Ч. 1. Литература. М.: Книжная палата, 1988. 344 с., Т. 5. Ч. 2. Дополнения к Т. 1–5 (ч. 1) XV в. — 1917 г. М.: Книжная палата, 1989. 544 с.

2. Советское общество в воспоминаниях и дневниках: Аннотир. библиограф. указатель книг, публ. в сборниках и журн. / Науч. ред. проф. В. Дробижева. Т. 1. М.: Книга, 1987. 477 с.; Т. 2. М.: Книга, 1990. 353 с.; Т. 3. М.: Книга, 1994. 397 с.; Т. 4. М.: Книга, 2001. 542 с.

3. «Музей биографий. Русская провинция. XX век» (рук. И.С. Веселова, 2002) — <http://folk.ru/BiogrMuseum/index.php?rubr=museum-project>.

4. «Открытый музей биографий». — <http://folk.ru/BiogrMuseum/index.php?rubr=museum-project>.

5. *Божков О., Дивисенко К.* Электронная база данных Биографического фонда: краткий анализ материалов // Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2007. № 3. С. 60–62.

6. История от первого лица: Мир северной деревни начала XX века в письменных свидетельствах сельских жителей / Сост. В.Н. Матонин. Архангельск; М.: Товарищество Северного мореходства, 2011. 359 с.

7. *Аверинцев С.С.* Филология // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 544–545.

8. *Слепцова И.С.* Крестьянские дневники как источник для реконструкции «коллективной биографии» сельского социума // Право на имя. Биографика XX века: четырнадцатые чтения памяти Вениамина Иофе 20–22 апреля 2016 / НИЦ «Мемориал» (СПб); Польский институт в Санкт–Петербурге; Науч. ред. Т.Б. Притыкина. СПб. 2017. С. 93–102.

*Рашевский В. В.,
Сургутский краеведческий музей
Рашевская Н. Н.*

Сургутский государственный педагогический университет

СТИХИ ГЕОЛОГОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЕЙ «БОЛЬШОЙ НЕФТИ» ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: Статья посвящена анализу информационных возможностей стихотворений геологов, как источника по реконструкции трудовых будней первооткрывателей нефтяных месторождений Тюменской области. Авторы приходят к выводу, что стихотворения являются важным историческим источником, позволяющим увидеть прошлое в антропологическом измерении. В рамках данного исследования вводятся в научный оборот несколько литературных произведений геологов, освещающих специфику их жизни.

Ключевые слова: геологи, повседневность, поэзия геологов, стихи, Тюменская область.

*Rashevsky V. V.,
Surgut local museum
Rashevskaya N. N.*

Surgut state pedagogical University

POEMS OF GEOLOGISTS AS A SOURCE FOR THE EVERYDAY LIFE OF THE PIONEERS OF «BIG OIL» OF THE TYUMEN REGION

Abstract: The Article is devoted to the analysis of information possibilities of geologists' poems as a source for reconstruction of everyday life of oil field discoverers of Tyumen region. The authors conclude that the poems are an important historical source that allows us to see the past in an anthropological dimension. Within the framework of this study, several literary works of geologists are introduced into scientific circulation, covering the specifics of the everyday life of pioneering geologists.

Keywords: geologists, everyday life, poetry of geologists, poems, Tyumen region.

Изучение повседневной жизни отдельных категорий населения является важным направлением в современных исторических исследованиях. В связи с этим возникает необходимость привлечения разного вида источников, связанных с жизнью и деятельностью людей. Одним из таких источников становятся произведения художественной литературы.

Если раньше при изучении новейшей истории литературным произведениям отводилась в основном иллюстративная роль в силу их субъективного характера и наличия художественного вымысла, то в последние десятилетия подходы к данному виду источников изменились, значимость их для профессиональных историков возросла¹.

Литература — одна из форм общественного сознания. Она помогает нам ощутить «дух времени», его психологическую достоверность, являет нам художественный образ эпохи или отдельных ее периодов, без познания которых представления о прошлом не будут живыми и полными. Именно на это свойство литературы обращали внимание историки, поднимавшие вопрос об ее использовании в качестве исторического источника².

Особое место в произведениях художественной литературы занимает поэзия. Стихотворения являются способом субъективного выражения мнения, чувств автора, связанных с его жизненными переживаниями. Автор описывает ценностную характеристику эпохи, современником которой он является, показывает эстетически-эмоциональное состояние общества. Стихи являются документальными свидетелями прошлого, события которого пережил автор и выраженные в образах через призму его взглядов.

Таким образом, историки все чаще в своих исследованиях стали изучать художественные произведения, но преимущественно писателей, заслуживших у современников репутацию знатоков своего времени, хроникеров, бытописателей различных явлений российской жизни.

Прежде всего, источниковая ценность художественной литературы как одной из форм общественного сознания состоит в отражении умонастроений определенного времени, мировоззрений и психологии. Литература как исторический источник может показать образ мышления людей разных поколений и социальной принадлежности, их ценностные ориентиры, стиль взаимоотношений и поведенческие практики. Именно из литературных произведений возникает образ человека определенной эпохи, героя своего времени и образ самой эпохи. В художественной литературе отражаются морально-эстетические нормы времени, представления о долге, совести, любви, речевые практики, характерные для различных социальных типов. Кроме того, художественная литература полна описаний бытовых условий жизни людей: их одежды, жилища, еды, отдыха, отношений в семье, между полами, в различных сферах социума и т. д.

Таким образом, художественная литература может использоваться в научных изысканиях в качестве исторического источника для изучения: 1) истории культуры; 2) истории повседневности; 3) истории общественной мысли³.

Согласно классическому канону источниковедческий анализ включает в себя: изучение исторических условий эпохи, в которой возникло произведение, и конкретных обстоятельств его создания; подробное знакомство с личностью писателя, его биографией, мировоззрением, творческими взглядами и убеждениями; осмысление авторского замысла, который породил художественное произведение, идей писателя, системы его художественных образов, читательской аудитории, для которой он создавал свое творение; изучение истории создания текста произведения и его публикаций; интерпретация и анализ содержания литературных текстов.

В результате источниковедческого исследования художественного произведения необходимо ответить на вопросы о степени его полноты и достоверности, возможности использования в конкретно-исторических исследованиях и научной ценности как исторического источника.

Источниковедческое исследование литературного произведения предполагает вовлечение в научную практику всех документов, имеющих отношение к творчеству автора и «этапам жизни» создаваемого им текста: авторских дневников, писем, записных книжек, воспоминаний современников, откликов критиков и рецензий на публикации, то есть материалов, которые помогают понять произведение и его автора и максимально вовлечь его сведения в научную практику. Огромное значение имеет факт, был ли автор современником описываемых событий. Кроме того, важно изучить те источники, которыми пользовался литератор, и степень их влияния на трактовку описываемых событий и образы⁴.

В условиях антропологически ориентированной истории, особую ценность представляют стихотворения не профессиональных поэтов, а простых людей, участников важных событий. Для Тюменской области эпоха 1950-60-х гг. стала временем активного геологического освоения и последующих за ним первых нефтяных открытий, прогремевших на всю страну. Великие свершения, трудности производства, необустроенность быта в условиях Севера, мечты и суровая реальность времени — все это можно обнаружить в стихах тех людей, кто принимал непосредственное участие в поисках углеводородного сырья и лично смог отразить в своих строках весь колорит той эпохи.

Одним из ярких авторов геологической тематики являлся Виктор Козлов, выпускник Уфимского нефтяного института. Он по праву принадлежит к плеяде тех, кто на своих плечах вынес все трудности и невзгоды становления нефтегазовой отрасли в новом районе страны. Трудился он старшим инженером по буровым и взрывным работам геофизического отдела Сургутской

нефтеразведочной экспедиции. Эта профессия накладывала большую ответственность и требовала максимальной концентрации. В его ведении находились работоспособность буровых установок сейсмопартии, техника безопасности при проведении взрывных работ и прочее.

В свободные минуты отдыха В. Козлов был увлечен сложением стихов. В них можно отметить основные события периода геологических изысканий, переживания и чувства самого автора, радости и горести таежной жизни, а также характер и мужество его коллег — разведчиков недр Среднего Приобья.

Работа огромной семьи геологов подразумевала деятельность на территориях, находящихся вдалеке от населенных пунктов, вне зависимости от праздников и знаковых событий. Порой до некоторых территорий добраться можно было лишь по воздуху, что существенно сокращало мобильность и коммуникативность с внешним миром. Производственный процесс нельзя было прекращать ни на минуту, особенно когда дело касалось бурения скважин, простой которого мог привести к технологическим осложнениям и финансовым затратам. Подтверждение такой практики мы находим у автора в его стихотворении «Новогодняя вахта» и «На дальней базе»:

*Далеко мы от поселка...
Впрочем, что мы унываем?
Чем не праздничная елка
Наша вышка буровая...⁵.*

*Где то в хмурых урманах
База партии нашей.
К нам лишь в месяц приходит
Один самолет...⁶.*

В стихотворении «Путь в тайгу» отчетливо прослеживаются трудности работы геологов, которым порой в крайне сложных климатических условиях приходилось решать самые разные задачи. Условия труда и технический арсенал того периода можно характеризовать на основе многих архивных данных, которые достоверно подтверждаются строками участника тех событий. Наиболее яркие и запоминающиеся события трудовой жизни находили свое отражение в художественных произведениях, которые воссоздают всю картину происходящего и позволяют почувствовать атмосферу отдельно взятого эпизода:

*Я помню: трактор наш в трясине
Засел и намертво примерз.*

*Всю ночь мы жгли в кострах осины,
Палили пни гнилых берез.
Всю ночь в руках ломы, лопаты
Играли, злы и горячи!
И все же толстые канаты
С разбегу рвали тягачи...
Наш трактор весь в подтеках жижи.
Он взбудоражено звеня,
Ведет балки меж сосен рыжих...
Жизнь, чаще встряхивай меня⁷.*

Особое внимание заслуживает отношение самих геологов к сложившимся реалиям жизни и труда. Несмотря на многие невзгоды, трудности и лишения, люди трудились с энтузиазмом и долей романтики, которые активно приписываются представителям этой профессии. Подобные настроения прослеживаются во многих произведениях и других авторов, которые описывая все сложности своей работы, в тоже время были благодарны судьбе за возможность быть причастными к великим свершениям, происходившим на территории Западной Сибири — открытию новых месторождений нефти и газа. Наиболее полно это прослеживается еще в одном стихотворении В. Козлова:

*...У геолога — что?
Сотня смотанных ветров,
Покоренных болот?
Иль прожитых без встречи с любимой лет?
И да — и нет:
Самый юбилейный результат
Клад земной, попавший в сеть координат⁸.*

Таким образом, произведения работников геологической отрасли, принимавших непосредственное участие в поисковых и разведочных работах, испытавших на себе все трудности того периода, являются дополнительным источником для формирования целостной картины повседневной жизни геологоразведчиков. Это способствует объективному и полноценному изучению всех аспектов повседневности, что существенно расширяет исследовательское поле и повышает значимость самого исследования.

¹ Волкова Е.С. Художественная литература как источник по социальной истории постсоветского Дальнего Востока // Электронный научный журнал «Архонт». – № 3. – 2018. – С. 25.

² Крылова Р.И. Художественная литература как источник при изучении Отечественной истории // Альманах современной науки и образования. – № 7-2. – 2007. – С. 87.

³ Русина Ю.А. Источниковедение новейшей истории России : [учеб. пособие]. Екатеринбург, 2015. – С. 207.

⁴ Там же. С. 215.

⁵ Козлов В. Новогодняя вахта // Тюменский геолог. – 30 декабря 1965. – № 52.

⁶ Он же. На дальней базе // Тюменский геолог. – 10 сентября 1964. – № 10.

⁷ Он же. Путь в тайгу // Тюменский геолог. – 17 декабря 1964. – № 24.

⁸ Он же. Юбилейное // Тюменский геолог. – 24 сентября 1964. – № 12.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волкова Е. С. Художественная литература как источник по социальной истории постсоветского Дальнего Востока // Электронный научный журнал «Архонт». — № 3. — 2018. — С. 25-39.

2. Крылова Р.И. Художественная литература как источник при изучении Отечественной истории // Альманах современной науки и образования. — № 7-2. — 2007. — С. 87-89.

3. Русина Ю. А. Источниковедение новейшей истории России: [учеб. пособие] / Ю. А. Русина; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 236 с.

РАЗДЕЛ 5.

MEMORIA

Фаев Ю. В.

Писатель, журналист

В РАДОСТНОЙ НАДЕЖДЕ

Аннотация: Впечатления от общения с А.А. Зиминым во время учебы в Московском государственном историко-архивном институте в 1967-1972 гг. одного из студентов ученого.

Ключевые слова: А.А. Зимин, Историко-архивный институт, С.О. Шмидт, Р. Киплинг.

Faev Yu. V.

Writer, journalist

IN JOYFUL HOPE

Abstract: Impressions of communication with A.A. Zimin while studying at the Historical and archival Institute in 1967-1972. one of the students of the scientist

Keywords: A.A. Zimin, Historical and archival Institute, S.O. Schmidt, R. Kipling

Хочу сразу заметить, что после обучения в архивном институте я всего три года был архивистом.

Да, я учился у Александра Александровича Зимины, учился очень давно, защитил у него диплом, но никаких высот в изучении истории не достиг. И в смысле сил и времени, потраченных на меня Учителем, надежд не оправдал. Да и сомневаюсь, что они были, эти надежды.

Увы, я вошел в те 40 процентов выпускников высших заведений нашей страны, которые, по статистике, после вуза меняют свою специальность. И стал тем, кем и хотел быть всегда — журналистом. Отработал положенные три года в архиве по распределению, ушел в одну газету, потом — в другую. Как позже посчитал, всего семь мест работы поменял, о чем совершенно не жалею. А еще десять лет был издателем журнала, а еще написал и издал семь книжек, среди которых ироничную «Всемирную брянскую историю» в трех книжках. Она, кстати, очень хорошо продавалась, но все это, согласитесь, очень далеко от того, чем занимался Александр Александрович.

Между тем, мы с ним и после института переписывались, и у Зимины я бывал не раз. Почему он ко мне, отступнику, сохранил интерес? Все дело,

думаю, в том, что Зимин был человеком, интересующимся многими и многим. В частности, Зимин и мой папа были с одного, двадцатого года. Люди — очень разные и разной судьбы. Тем не менее, Александр Александрович с большим интересом слушал мои рассказы про папу, который порой совершал совершенно удивительные и очень яркие поступки. И все же, казалось бы, зачем я Зимину, когда рядом было собрание куда более верных и талантливых учеников, зачем я человеку, на которого я, очевидный изменщик архивному делу, всегда взирал снизу вверх?

С огромным удивлением я узнал, что Зимин позже и обо мне вспомнил. В небольшой книжечке воспоминаний Зимина, вышедшей в 2005 г., я прочел строки и о себе: «Яркий, неожиданный, веселый студент... Я читал два его напечатанных рассказа — они выразительны и гуманны». И эти строки, конечно, в значительной степени скорее характеризуют самого Александра Александровича, который для каждого своего ученика захотел и нашел добрые слова. Такой он был человек.

Тогда, в Архивном институте начала семидесятых годов прошлого века наиболее громко среди студентов звучали имена двух преподавателей: профессоров С. О. Шмидта и А. А. Зимина. Оба были людьми чрезвычайно яркими и очень непохожими. Зимин был все же человек менее публичный, чем Шмидт. Большой чудак, он ходил в костюме, где дырка на коленке была заштопана черными нитками, — на эту ерунду он просто не обращал никакого внимания. Казалось бы, этот кабинетный ученый, к тому же слабого здоровья, и должен был вести замкнутую кабинетную жизнь. Но именно за ним, за Зиминим, как в студенческой юности рассказали мне более сведущие товарищи, тянулся шлейф героической истории с его несчастной книгой. Именно Зимин попытался собрать доказательства новой хронологии великого Слова о полку Игореве.

Помню, как в студенческое общежитие на ночь мне принесли распечатку опубликованных в историческом журнале коллективных писем, так сказать, простых рабочих — как бы откликов на книжку Зимина. Она была напечатана на ротаторе ничтожным тиражом для узкого ученого круга, с номерными экземплярами. И как о ней узнали эти «простые рабочие»? Зато как страстно они осуждали, клеймили ученого Зимина.

Прежде с такими делами я был совершенно не знаком, но Зимина в итоге сильно уважал. Позже рассказал про эту историю своему папе, учителю, и мы с ним уважали Зимина уже сообща! И вот ведь! Даже предполагая возможные последствия своих рискованных исторических разысканий, Зимин тем не менее не убоился, не утратился! Этот урок для нас, тогдашних студентов, безусловно, был ярчайшим.

Своей книгой Зимин жизнь себе, конечно, поломал, например, он не стал, как того заслуживал, академиком. Все его новые книги изучались проверяющими под лупу и чаще всего браковались. И все же. Сегодня, по прошествии почти полувека, еще сильнее понимаешь, как трагична и как прекрасна была судьба ученого Зимина. Удивительно просто, без всякой дидактики он учил нас уважению к документальным источникам как основе познания прошлого, и это, скорее всего, главный урок, который мы извлекли при обучении в институте.

И еще вспоминается. Мы оканчивали последний курс института. И тут неожиданно Зимин впервые позвал нас, дипломников к себе, на дачу. К слову, это была вовсе не дача Зимина, он снимал домик в Подмосковье. Простота и незатейливость быта знаменитого ученого меня тогда, помню, основательно поразила.

Было устроено застолье во дворе. Выступающие славили Александра Александровича. Рассуждали о новой жизни, которая всех нас ждет. И тут Зимин, последовательный противник пафосных речений, вместо общих слов прочитал стихотворение, которое с тех пор и стало одним из моих любимейших. Это был Р. Киплинг в переводе Лозинского. «Заповедь». Только две строфы:

*Умей поставить в радостной надежде,
На карту все, что накопил с трудом,
Все проиграть и нищим стать, как прежде,
И никогда не пожалеть о том,*

*Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег, —
Тогда весь мир ты примешь во владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!*

... Многие мои сокурсники тогда, наверно, подумали, что это звучит для нас и про нас, но что совершенно точно — это было в первую очередь про него самого, моего любимого профессора Александра Александровича Зимина.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверьянов Константин Александрович, Институт российской истории РАН, вед.науч.сотр., д.и.н.

Агеева Ольга Гениевна, Институт российской истории РАН, вед.науч.сотр., д.и.н.

Агейчева Татьяна Владимировна, МГУ им. М.В. Ломоносова, исторический ф-т, кафедра источниковедения, к.и.н., доцент.

Андреева Ольга Владимировна, Московский политехнический университет, Высшая школа печати и медиаиндустрии, профессор, д.и.н.

Афиани Виталий Юрьевич, РГГУ, вед.науч.сотр.; Архив РАН, ст.науч.сотр., к.и.н.

Долгова Анжела Валерьевна, Московский государственный институт культуры, доцент кафедры истории и исторического архивоведения, к.и.н.

Дурновцев Валерий Иванович, РГГУ, Историко–архивный институт, зав. кафедрой источниковедения, профессор, д.и.н.

Зинич Маргарита Стефановна, Институт российской истории РАН, ст.н.с., к.и.н.

Иванов Вячеслав Александрович, ГБУ РК «Центральный музей Тавриды», отдел Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма. Концлагерь «Красный» 1941-1944 гг. Экскурсовод.

Иглесиас Рикардо Феликсович, Институт всеобщей истории РАН, мл.науч.сотр.

Илизаров Борис Семенович, Институт российской истории РАН, гл.науч.сотр., д.и.н.

Ильина Ирина Николаевна, Архив РАН, ст. науч. сотр., к.и.н.

Каташев Максим Степанович, Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, вед. науч. сотр., к.и.н.

Киселев Михаил Юрьевич, Архив РАН, ст. науч. сотр., к.и.н.

Козлов Владимир Петрович, РГГУ, гл.науч.сотр. Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России», проф., чл.- корр. РАН, д.и.н.

Козлов Олег Владимирович, Смоленский государственный университет, профессор, д. и. н.

Козлова Наталья Александровна, РГГУ, Учебно-методическое управление, руководитель учебной практики.

Комиссаренко Аркадий Иванович, РГГУ, профессор, д. и. н.

Комочев Никита Алексеевич, Институт славяноведения РАН, науч. сотр.; доцент РГГУ, к. и. н.

Кондорский Борис Михайлович, независимый исследователь, г. Донецк, к. биол. н.

Косырева Екатерина Вячеславовна, Архив РАН, ученый секретарь, к. и. н.

Котельницкий Назар Анатольевич, Института Европы РАН, член-корреспондент Центра украинских исследований, к. и. н.

Ланской Григорий Николаевич, РГГУ, факультет документоведения и технотронных архивов, декан, профессор, доцент, д. и. н.

Ларин Михаил Васильевич, РГГУ, зав. кафедрой АС ДОУ ИАИ, профессор, д. и. н.

Лукьянова Наталья Владимировна, Центральный государственный архив Московской области, директор

Майорова Алла Степановна, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Институт истории и международных отношений, доцент, к. и. н.

Мингалёв Валерий Сергеевич, независимый исследователь, профессор-консультант, профессор, к. и. н.

Моисеев Максим Владимирович, Музейное объединение «Музей Москвы», заведующий сектором экспозиционно-выставочной работы; Новосибирский государственный университет, ст. н. с., к. и. н.

Осипова Надежда Михайловна, Архив РАН, заместитель директора, к. и. н.

Рашевская Наталья Николаевна, Сургутский государственный педагогический университет, ст. преподаватель кафедры социально-гуманитарного образования, к. и. н.

Рашевский Василий Викторович, Сургутский краеведческий музей, заведующий структурным подразделением «Мемориальный комплекс геологов-первопроходцев “Дом Ф.К. Салманова”»

Рогожин Александр Александрович, Орловский музыкальный колледж, преподаватель, к. и. н.

Ромашин Игорь Евгеньевич, РГГУ, кафедра архивоведения, доцент, к. и. н.

Ростиславлева Наталья Васильевна, РГГУ, Историко-архивный институт, профессор, директор Российско-германского учебно-научного центра, профессор, д. и. н.

Сафонов Михаил Михайлович, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ст. науч. сотр., к. и. н.

Семенов Олег Владимирович, Уральский федеральный университет, доцент кафедры истории России, доцент, к. и. н.

Сидорова Любовь Алексеевна, Институт российской истории РАН, гл. науч. сотр., д. и. н.

Слепцова (Кызласова) Ирина Семеновна, Институт этнологии и антропологии РАН, ст. науч. сотр.

Соловьев Кирилл Андреевич, РГГУ, Отдел планирования и наукометрического мониторинга, аналитик I категории, к. и. н.

Солодкин Янкель Гутманович, Нижневартровский государственный университет, профессор кафедры истории России, профессор, д. и. н.

Спичак Александра Владимировна, Нижневартровский государственный университет, научно-исследовательская лаборатория комплексных исследований социальных систем, науч. сотр., к. и. н.

Степанян Хачатур Ростомович, Музей-архив истории АРФ Дашнакцутюн, директор; кафедра истории Армении Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна, профессор, д. и. н.

Суровцева Наталия Геннадиевна, РГГУ, доцент кафедры АС ДОУ, к. и. н.

Тихонова Анастасия Владимировна, Смоленский государственный университет, профессор кафедры истории России, доцент, д. и. н.

Тугов Кирилл Михайлович, Архив РАН, и.о. науч. сотр.

Фадеев Артём Александрович, РГГУ, Историко-архивный институт, кафедра вспомогательных исторических дисциплин и археографии, аспирант.

Фаев Юрий Васильевич, журналист, писатель.

Цыб Сергей Васильевич, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал (г. Барнаул), профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, профессор, д. и. н.

Чекунова Антонина Ефимовна, независимый исследователь, к. и. н.

Черникова Наталья Владимировна, Институт российской истории РАН, ст. науч. сотр., к. и. н.

Шевельков Анатолий Иванович, независимый исследователь, доцент, к. и. н.

Шокарев Сергей Юрьевич, РГГУ, Историко-архивный институт, доцент кафедры источниковедения, к. и. н.

Штирко Сергей Валерьевич, РГГУ, Историко-архивный институт, доцент, к. и. н.

Научное издание

«Документальный источник в историческом исследовании
и в исследовании по истории науки:
опыт использования, современные проблемы и задачи.
К 100-летию со дня рождения А.А. Зимина»:
материалы Международной научной конференции,
г. Москва, Архив РАН-РГГУ.

Компьютерная верстка – А.С. Яшин

Подписано в печать 00.08.2020

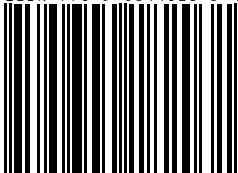
Формат 100x70 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times.

Тираж 300 экз.

Печ. л. 35. Усл. печ. л. 45,5 Заказ №

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru E-mail: marketing@chpk.ru
Факс 8 (496) 726-54-10, тел. 8 (496) 988-63-87

ISBN 978-5-6041820-3-1

9 785604 182031